МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра иностранных языков естественных факультетов
Кафедра русской и сопоставительной филологии

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ↔ ИНТРАКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ

Материалы Международной научно-методической конференции

Уфа
РИЦ БашГУ
2013

УДК 802/809.1-52
ББК 81.2
М 43

Печатается по решению кафедры иностранных языков естественных факультетов БашГУ (на основании приказа ректора № 1001 от 14.10.2013 г, протокол заседания кафедры № 4 от 29.11.2013 г.)

Редакционная коллегия:
доктор филол.наук, проф. **Н.П. Пешкова** *(отв. редактор)*
доктор филол.наук, проф. **Ф.Г. Фаткуллина** *(зам.отв. редактора)*
канд.филол.наук, доцент **Р.А. Салахов** *(зам.отв. редактора)*
канд.филол.наук, доц. **Р.И. Виноградова**
технический секретарь **А.Р. Ахметзянова**

М 43 **Межкультурная↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения:** Материалы Международной научно-методической конференции 5-6 декабря 2013., г.Уфа / отв.ред. Н.П. Пешкова. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – 509 с.

ISBN 978-5-7477-3358-9

УДК 802/809.1-52
ББК 81.2

ISBN 978-5-7477-3358-9

© БашГУ, 2013

Yousef M. Deikna
Janzour, Libya

A Micro Analysis of Oral Short Narratives in Libya: Comical and Satirical

The narrator and the language:

The two major dialects in Libya are Tripolitartian and Bengazian Arabic. However, the narrator is using a slightly different Arabic accent known as "Azzawya" accent. It is very close to tripolitarian accent except in word choice and vowel length. Azzawya is a major city and it is located west of Tripoli by 30 miles. Azzawya is known as a city that has a lot of farms and the biggest oil refinery in the Libya. The narrator is approximately fifty or fifty five years old. He has a very fascinating verbal ability in telling narratives. The way he changes his intonation and pause placement is very skilful and denotes that this person may have this as one of his hobbies and he might have been telling such narratives for a while. The way the narratives are told is that the narrator is standing and the others are listening and commenting from time to time. This style is very common in happy celebrations like a wedding party, friend's gatherings where people like to listen to something funny.

As mentioned above, the narratives are being analyzed separately. The reason is that the narrator is not always using the same features in each narrative and his pause and intonation changes from one narrative to another. The analyses are based on phonological as well as other components like syntax, repetition, word choice and so on. However, I tried to come up with a general conclusion about the common features that unite all of the narratives, but it is important to put into consideration that the narrator's excellence in switching his narrative fashion and maintaining rhetorical aspects in a given narrative are one of the most fascinating aspects of those short narratives. The narratives are as follows: elkh'al wa weld akh'tah "the uncle and his nephew", marD' marti "the sickness of my wife, alenthar "the warning", elkalb rocky "Rocky the dog", alqaD "the cat", respectively presented.

The symbols used in the analysis are as follows: the lower case roman numerals to indicate intonational groups, Arabic numbers to indicate lines, pause time is indicated by using symbols plus the time of the pause in seconds i.e. <>. Indentation in the lines or verses means that the indented line or verse is related phonologically to the previous one. Besides, the structure of the narrative is being proposed according to Labov's article of 1972 "the Transformation of Experience in Narrative Syntax" where Labov elaborated on analyzing oral narratives.

Narrative one: - elkh'l wa weld akh'tah " the uncle and his nephew":

The uncle and his nephew narrative is directly taken from a Libyan proverb indicating the kind of relationship between the uncle and his nephew. We will see below how the narrator took advantage of the proverb in his narrative. Here is the narrative structure and analysis.

Prosodic Phrasing:

In elkh'l wa weld akh'tah " the uncle and his nephew" narrative, the intonation plays one of the most wonderful features. The verses are divided into intonational groups. An intonational group is made up of four to eight lines. Each verse has one contour i.e. the intonational group has one type of intonation e.g. rising, level, and falling. For example look at example (1) that the narrator is actually using one type of contour to describe this scene. However, any raising contour in the middle of a verse is not going to split the line. In a verse, we are only concerned about the end of lines only as one can see that line 17 has a rising contour in the middle, but it would not cut the verse since the pause is governing a line. See the examples below about the pause phrasing:-

ES/Em.E) - iv- 17-eddaktoor <.1> ↓esta3'reb beqdomah <.2> ↓ the doctor was amazed by his visit

ES) -18-etfagaa' ween kashaf 3leeh <.2> ↓ he was even more stunned when he examined him closely

EE) - 19-qal sabab elharga mufhoma <.2> ↓ doctor said that he understand the reason of burning

R) -20- wa shen kasser ssdrah wa yadih (.2) ↓ and what caused his chest and arms to be broken.

Verse 5, and 25 in the narrative are exceptions to the above generalization since in 5 the narrator is saying the word elkh'al "uncle" for the first time to signify that the whole story is talking about this person who is an uncle to someone (orientation). On the other hand, line 25 is the coda of the narrative, so the narrator is finishing off the narrative with rising intonation instead of using the norms that is followed in the narrative. Level intonation has only been reported in connection with a reply to the audiences' participation in the narrative in line 3. It is also important that almost all the narrative finishes with a rhyming sound. The rhyming words are mostly nouns.

Pause phrasing:

In this narrative it is clear that pauses with <.3> to <.4> minutes sometimes constitute different paragraphs or groups. Pauses of one second do not break the verse or the line, but pauses with two seconds break the line and cause to have different lines within an intonational group. Therefore, three types of pauses have been identified in this narrative: pauses of one second, pauses of two seconds, and pauses of three seconds.

However, in the intonational group 21 to 25, one can see that the narrator is reducing the pause time, but making more stops than usual when approaching the coda of the narrative. This is one of the narrative techniques that distinguish Libyan narratives. This way the narrator is drawing the attention of the listeners. The other option why the narrator added many pauses at the end, maybe because he was about to reveal the reason why the uncle had broken his chest and arms (line 24).

R)- v- 21-yaD'her(.1) ↓ yaD'her(.2) ↓ it appears, it appears

C)-22-weld aukhtah(.1) ↓ his nephew

EE)- 23-men youmah (.1) ↓ bela tafkir (.1) ↓ from the day he was given birth, was mindless

R)-24-Dafa ennar be bal elkh'inzeer (.1) ↓ he put out the fire with a shovel

C)- 25- Sadaq men qal elkhal fi khyr ↑ he was right who said that the uncle is still in goodness.

As it is discussed earlier that the pauses are regular and they differ in length. Pause placement is compatible with the rhythm of lines as well as the syntax, which will be discussed in the next point. As a result, pauses do correspond with lines as well as the intonational section assignment.

Syntax constituency and adverbial particles phrasing:

It is clear that the narrator is usually using various structures and phrases. The decision of making a constituent is judged by the pause; even the shortest pause would make the two given phrases separate. After going through the verses, one can find that each line will constitute a full sentence or a prepositional phrase. However, the unmarked case of syntactic structures is that the sentence almost always starts with a verb. The marked syntactic topicalized structures are PP line 23, in which the sentence starts with a prepositional phrase followed by a pause and a NP. Also, line 17 has the word doctor as the other NP in the whole narrative.

EE)- 23-men youmah (.1)↓ bela tafkir (.1) ↓ from the day he was born, without sensibility.

On the other hand, adverbial particles like "and, so" are used particularly at the beginning of sentences except wa "and" which connect some other words to the structure. In addition, there is only one mention of a negative structure in the whole narrative in line 23 above.

The tense used in the narrative divisions is usually the past simple. The verbs are usually heads of the sentences. This is indicated by the fact that Arabic distinguishes between verbal and nominal structures. Having a verbal structure at the beginning of a sentence, means that each line contains an action that correlates to the other actions in the narrative. So, the narrative is full of actions, which lead to make the narrative more exciting to hear.

1.1. Narrative two:- marD' marti "my wife's sickness"

I would say that "my wife's sickness" narrative is just a funny situation that is not common in the Libyan society. The underlying connotation that is presented in the orientation of the narrative is that the wife has a psychological disease or may be a phobia of getting sick. Here is the analysis of the narrative:

Prosodic phrasing:

Unlike the first narrative, this one has more pause time within a line or a verse. Still, the intonational groups contain from 5 to 6 lines. The contours in this narrative are as follows: rising, level, falling. Usually the intonational

groups contain a falling contour as the norm. Whenever there is a level contour at the end of a line, then the following verse is like a subsection to that one, but the subsection line is not semantically or syntactically related lines examples 6, 7 contain this type of intonation.

EE)- ii-6- Fa rafa3ha leDtbib lessahbah<.1,2> → so, he took her to the doctor, his friend

CA)--7-aDtbib thahab rabi shirtah ye shabha omah<.3>↓ the doctor forgot, he thought that she is his mother.

The other exception to the intonation is found at the last line of the coda. This indicates that the narrator is finishing off the narrative with a lower tone. It is also observed that in this narrative, the narrator used falling intonation as the unmarked case, but level and rising intonation as the marked cases. The coda constitutes rhyming triplets in the narrative. The use of the triplets (three lines of poetry) in the narrative is the norm for this narrator.

Pause phrasing:

Pauses in this narrative range from 1 to 3 seconds. Every short pause of <.1> second has a subsection related. For 2 or 3 second pauses, one can see that they divide lines within an intonational group. Exceptions of this rule include lines number 2 and 13 see below. Line number 2 is the orientation of the whole narrative and the narrator was saying the name of the agent whom the narrative is talking about. So, the narrator has to make a stop of more than one second to allow for his listeners to perceive the sequence of the narrative. Similar to the previous narrative, in the coda, this narrator is always putting off the release of important information to the listeners to grab their attention.

O-2- fa fih wahdah<.2> ↓ So, there is a woman,

mut h'ebish kalmet enti kabiraa murahwahdah<.3>↓ does not like to be called old at once

C)- 13-Hathi almussiba eli kh'ok <.1> this is the dilemma your brother, fiha ey3ani <.1>→ is trapped into.

Pauses in this narrative give clear evidence that they are related to a certain extent to the overall organization of the narrative. Therefore, pauses add more comprehensibility as well as cohesion to the narrative.

Syntactic constituency:

The syntax of this narrative is very similar to the previous narrative. The unmarked structure is to use verbs at the beginning of the sentence in order to add more action to the narrative clauses. The smallest constituent is the NP in line number 2 described above. As was pointed out earlier, I consider the pause to be a division factor in the constituent level.

The use of the reporting speech verbs like yaqulu "says-mus" taqulu "says fem" is one of the grammatical features that characterize this narrative. However, for the purposes of this paper, I am using reported speech verbs since in the oral traditions of Libyan narrations, one is not expected to use gestures of quote and

unquote while speaking. Actually, it would sound rude if one attempted to do so. In the U.S., it is very common that some people may use hand gestures of quote and unquote while speaking. In addition, there are three negative structures in the narrative by using the word ma "not" in the three places. It is worth mentioning that Arabic has many ways to negate by using different negative particles like ma, lam, lissa, kalla and so on.

Adverbial and discourse markers:

The particles used in this narrative indicate the same positions like the ones referred to in the previous section. The particle wa "and", and fa "so", which is always used at the beginning of the narrative like the English word "once upon a time" and as a temporal particle that indicates the flow of ideas in order. The discourse marker like "at once" in lines 2 and 9 is being repeated two times in the narrative at the very last position in the sentence structure. Another discourse marker is in line 10 and it means a kind of reprimand to the doctor who was treating the wife when he called her that she is the mother of her husband. It is also noted that there is a borrowed Tunisian discourse marker in line 1 belqde "ok". This is due to the fact that Azzawya is considered one of the biggest commercial cities in the Libyan west side and that Tunisians used to trade their products there. Some other holy discourse markers include words that indicate Elhamdu-llah "verbally thanks to Allah", and Wallahi " I swear by the name of Allah". These markers make the talk sound more authentic in terms of mimicking the everyday Libyan discourse.

Hesitation and repetition:

There are two types of repletion in the narrative. One is normal and the other is intended. The normal one is found in line 3, where the narrator is just starting off the complicating action of the narrative when he mistakenly said "qallelha "he said", instead of qalet "she said" in that context. However, in the middle of the same sentence, there is aaa,,, the intended hesitation that denotes that the narrator recognized his mistake and he wanted to have some time to think of a way to correct the sentence. The other example of the intended hesitation is found at line 11, where the narrator is giving a clear cut proof of the doctor's error in causing the problem when he called her husband after the wife had left the place "why your mother left" "why the pilgrimage left".

CA)- 3-qalelha aaa.., qalet lerajelha ana rasee youja3 fina <.2> ↓

He said,aaa…, she told her husband that she has a headache

R)-iii-11-- Qaleh kh'yrha elhaja to'l3et, qaleh kh'yrha omok to'l3et

he said why the pilgrimage left, why your mother left.

The repletion is used to refer to the same person by using two attributes to the doctor. The husband called him "doctor and friend" at the same time (line 6). The parallelism used in this narrative appeared in the coda in lines 12 and 14.

1.3 Narrative three: - alenthar "the warning"

The referent of this narrative is anonymous. It is not clear whether the narrator is talking about himself or someone else. I would say that he is talking about someone else's experience with electricity bills. This narrative features the fact that some people are poor and they could not afford the electricity bills. Unlike all the previous narratives, this narrative is like a poem. The analysis of this poetic narrative is as follows:

Prosodic phrasing

In this narrative it is obvious that the rising contour is the unmarked norm. Level contours are used to refer to the existence of a subsection. There are two examples of falling contours in the narrative. The first one is in line 8, where the narrator was stating an embedded evaluation. Another reason why there is a falling contour in that intonational group maybe since the narrator was about to finish the group and he has to lower the contours a little to give way to the parallelism in line 9. The other falling intonation in this narrative is in line 23 in the coda. So, the marked contours are the falling ones.

ES/Em.E)-8- …hammit menhom kh'aDry muh'tar <.1> ↓

Depressed from them, my mind is confused.

C)-23- Wenqul ya sattaar→ kh'auef 3aleyh laiqDa3u ettayar ↓

I was saying oh, Sattaar, I am afraid that they would cut the electricity.

The intonational group has from 3 to 6 lines or verses. The use of tones and vowel lengthening are very apparent when hearing the narrative. An example of that is the word sattaar "one of the names of Allah in line 2, and here it means the one who eases hardships for his slaves". The reason for this is that the narrator wants to confirm the fact that he is desperate from the situation and wants the assistance of Allah. To sum up, the general observation that is clear is that the lines have rising intonation which possibly mean a further cohesion with the previous narrative which has a falling intonation in most of its lines.

For the rhyming, it is still important to recognize its use in this narrative. The letter [r] seems to be the rhyming element in this narrative. Every line starts with what I call a high intonation sound, which supports the fact that the whole narrative is being devoted to be loud at the start and at the end of each line. All the lines start with voiced consonant except line 14 in which the voiceless consonant [t] is used at the beginning of the line.

Pause phrasing

Likewise, in this narrative, there are three types of pauses. The first one is very short and it does cause to cut the verses or the lines in a given intonational group and it has <.1> second duration or less. The second is a little longer i.e. <.2> and it may cuts the verses in a contour. The last one is the 3 to 4 second contour. These ones come at the end of a contour and they mark the end of a contour and the following line would be a new contour. Moreover, unlike the other pauses, the one second pause comes at the end of a line, and the next line has to be a subsection. Usually the two second pauses have the function of ending a line, but

in this narrative, they are used to signify actions in the narrative e.g. line 4, in which the narrator or the referent postponed to pay the bill which caused the electrical company to send him the warning.

EA/CA)- ii-4- 3aDelet fi ettasdid<.2> ↑ I postponed to pay the bill.

There is an exception to the two second pause in line 17 where the contour finishes and the other contour starts the next line, but the pause is only for two seconds or less. Therefore, this is unconventional according to the rules given above about pause phrasing in this narrative.

Syntactic constituency, adverbial particles and discourse markers

The sentences used in this narrative are almost always start with an adverbial particle. The sentences then are linked grammatically. In addition, the rhyming plays another rule in the constituent structure. Whenever the rhyming word occurs at the end of a sentence, it must be the object of the previous verb. Therefore, one can say that the sentences are complex and complicated in this narrative since more than one verb is involved in a sentence. The nouns heads are always deleted and replaced by a pronoun that denotes them in the subsequent sentences or clauses e.g. lines 15, 16, and 17. This type of sentence structure creates the grammaticality required for satisfying the rhyming of the narrative. In other words, the narrator deliberately used embedded short sentences with a lot of adverbial comparators to glue whatever structure in to the verse.

The isolated constituents in the narrative are PP line 20, verbal sentences line 16, 23. The constituents tend to be short, so that the narrator's ability to manipulate words for the purposes of rhyming would be easier.

There is one of the most common discourse markers in the Libyan culture. It is referred to in line 19 mubrook dert affaree "congrats with this successful traffic". This phrase is a sarcastic expression. It is used to ridicule the actions of someone.

The tense used in the narrative is the historical present. Also, the past simple is used when mentioning reporting verbs, but the switch to the present is very prevalent. Each pause in the narrative matches a clause or a verbal sentence.

Parallelism and other features

It is terribly easy to note the parallelism and the repetition in the lines. As mentioned before, there are two types of parallelism in this narrative. One is marked parallelism and the other is unmarked. The unmarked parallelism occurs more than four times in the narrative. Whereas marked parallelism occurs two times only. Line number 1 is being repeated over and over in the narrative. This allowed for this parallelism to function as a device to finish an intonational contour. Lines 1 and 2 (the marked and unmarked parallelism) are being repeated again in lines 22, and 23. Therefore, the abstract and the coda are the same elements.

The other elements that I would like to note is a proverb indicated in line 8 kethr elmataleb wel fara3' bleed "a lot of demands and emptiness causes lazi-

ness". This proverb means that life is being so heavy demands and that the referent had enough of it and being without work would cause laziness, and the person who is without work will cause problems to the others around him.

Metaphors are being mentioned in three places (line 17, 18, 21) at the end of verses. In line 17, the metaphor is used to describe a wedding party full of complaining. This one features the frustrating atmosphere the person is facing at his house. The other one is in line 18 and it means that the man's neighbor has stores of sarcastic words for him. Finally, line 21 shows how the situation is being worsened. The narrator explained the situation as if the man's sons and the neighbor's are in war and that they are using fire arms. All these metaphors signify that the narrator is making it reasonable to make a rising intonation for all these hot actions.

1.4 Narrative Four: Elkalb Rocky "Rocky the dog":

The moral value of this narrative is that hastiness in some situation is tragic and would cause unwanted results. This narrative has a lot of poetic and syntactic features. I divided this narrative into sections not because of intonation or pauses or any other factor, but the narrative characters and actions are the main factor for the division of sections. The analysis is as follows:

Prosodic phrasing

This narrative has a very nice rhyming. The rhyming is using the glottal stop and fricative at the end of lines. The contours are composed of eight lines. There are three contours: rising, level, falling. In an intonational group, there will be plenty of contours. There is no clear pattern for the intonational group except some observations like: level intonation would lead to a rising intonation e.g. lines 10, 13 in the same line or so. Falling contours usually lead to a rising one as in line 16. The contours have nothing to do with the division of lines. Other instances include two rising contours in the same line e.g. 5, 20, 27. Here is an example of each:

CA)-10- H'blah fi benayat maDah → lawee rabDah donn D'rurah<.2> ↑

The rope was in his neck, but there was an unnecessary tie.

EA/EE)-16 elkh'of entabeh <.1>↘ lyn shaf elmoqef wa esbabeh <.1>↑

He was overwhelmed by fear when he saw the scene and its causes.

EA/EE)-27- Wa kh'alih ma3a elkalb ahwanlah <.1> ↑ya3ref kif ey3aless roh'ah <.2>↑

and It would be better if you had left him deal with the dog alone, he would know how to solve the problem.

The loudness of voice increases in the places where there is a kind of reprimand as in line 27 above. The mother is talking to her son in a loud tone to indicate that she is not satisfied with what happened. At the end of the narrative, the narrator used falling contours to indicate the end of actions in the narrative e.g. lines 29 to 32.

The rhymes add a lot of integrity to the narrative and they denote the verbal ability of the narrator. The lines 6, 7 and 8 see Appendix are poetic verses and they constitute the orientation of the narrative. When these triple poetic verses being presented to the audience without explanations, the narrator intends to make the listeners think and wonder about the causes of the narrative and also to set the scene for the complicating action to take place in the next line (line number 9).

Pause phrasing:

The pauses in this narrative are not that different from the other narratives. There are three pauses in the narrative that lasts 1 or 2 seconds. The last one lasts for four seconds. There is only one example of this type of pause in line 4, where the narrator was setting the scene (abstract) for his narrative.

Pauses of two seconds finish the lines, but the one second pause do not. Whenever there is a two second pause the line or verse finishes. Some exceptions to this exist when the narrator is switching quickly to the next line. However, the unmarked pattern is that the two second pauses come at the end of lines, and none of them come otherwise. Some lines contain two pauses. If this happened, then the first one must be a one second pause or less, and the second one is two seconds. Also, there is no line composed of more than two pause phrases ex. 13. Still, the distribution of pauses in this narrative adds more cohesive lines as well as the structure of the narrative.

CA)-13-dar menha bemenayet waDa<.1>→ roky lyn fqad sh3orah<.2>↑

The dog got the full strike, until it lost its senses.

Syntactic constituency and adverbial particles

The syntax of this narrative seems to have both noun and verbal sentence structures. The topic nouns are always placed at the front of the structure lines 5,9,10, and 23. This may shows that the subject of the sentence is essential to understanding the meaning. On the other hand, verbal sentences occupy mostly the complication action part. This is sometimes accompanied with particles like wa "and" which come at the beginning of the structure e.g. lines 20, 21, and 27. There is one instance of a noun sentence in the narrative in line 16 (see above), when the narrator was trying to explain the dismay the son was in when he saw the situation. A dependent clause followed the noun sentence in the same sentence. Sometimes two independent clauses follow in the same order ex.

CA/EE) - 14-da3'ber fi eshayeb baDbaDah <.1> ↑ moqef h'mee zad hk'Dora <.2> →

It attacked the elderly frantically. The situation is critical, and it got even worse.

The tense used is the historical present and sometimes the narrator switches to the past simple like in lines, 12,and 13, which is the complicated actions of the narrative. There are two negative sentences in the narrative in lines 4, 7 and 31 Ma, and La "no". Lines 7 and 31 are the same structure of the negative where the negative particle is put in front of the sentence, but line seven La "no" is put in the

middle of the sentence after the verb. In addition, the use of verbal noun in line 12 D'rba "hit" assures that the meaning is utterly understood.

Adverbs and discourse markers:

Adverbs are essentially of no importance in the phrasing of intonational groups or the syntax of the sentence; rather in this narrative, the only adverb used is fih'ynah, and Dool , which both have the meaning of immediately or at the same moment. fih'ynah is used in the verb sentence construction after the adjective faze3 "stunned". Dool is used word initially and that is the normal position for such a word in the Libyan verbal traditions. The first word is from CA, but the other one is primarily a Libyan word. Other dialects may say Dwalli or 3alaDwl. In my dialect we use 3alaDwl to indicate the notion of immediateness.

A discourse marker is found in line 22. The intention of the son was to help his father, but it turned out that he did not. This discourse marker is one of the frequent Libyan expressions of sarcasm. It is used skillfully here to mention the fact that the narrator is trying to make the situation funny to the listeners.

EE) - 22- Jaa biDabeb zad 3mah<.2>↓ He came to help, but he ruined it.

Besides, two Libyan proverbs in line 11 and 29 are being stated. The first proverb is of great importance here since the narrator is trying to make the people understand that things got another direction that the one planned for. So, the son tightly fastened the dog's neck to the rope, but the son did not expect that too many ties would make the dog set free if the dog tried to unfasten it. The usage of this proverb is also common in the Libyan everyday talk. In the context of the narrative, this proverb is considered an external evaluation. That is, the narrator is trying to attribute an evaluative remark. The other proverb line 29 is not that common, but its meaning is sarcastic as well. The son used a stone to treat the situation, which afterwards turned out to be the opposite when it added more problems.

EE)-11-Faleh' dayer ruh'ah ssaqaDah <.2>→ supposedly, he thought that he was smart.

EA/C)-29- …yams-h'ab esem yeDafi naar sh-habeh<.1>↓ …do you think that poison could put out fire.

Parallelism and other features

As discussed earlier, there are two types of parallelism in the narrative. The recurring line is 6, which I called the unmarked parallelism. The other one is line number 7 , which is the marked one and it is only repeated two times in the whole narrative, whereas line 7 is being repeated over and over in every section. Additionally, there are lines 18, and 19 which are merely repetition to the same structure. I think that the function of this repetition is simply since the following complicating action will transform the course of actions in the narrative. So, the narrator wants the listeners to prepare themselves to listen to the next action, which later on the narrative the audience responded by laughing.

A metaphor in line 14 … filem ma tametsh shwaDah "a film which still has some episodes to finish" is used to refer to the scene of the dog attacking the father. The context in which this metaphor is being inserted in is very effective to convey the meaning of the situation. This metaphor means that there are more actions to happen a head. Actually, one can see that in line 15, the son entered the scene as the new addition to the narrative complicating actions.

Other features include the use of the hesitation in line 1. This hesitation comes after the use of the introductory "so" particle. As I have observed, this tactic seems to be the norm for beginning narratives in the narrator's style.

1.5 Narrative five: ElqaD "the big cat"

The word QaD is masculine in Libyan Arabic, and it means a big smart cat. This narrative is something imaginative that the narrator created by himself. Therefore, the narrative is not an experience and I propose that this narrative would be different in structure and features from the other narratives for two reasons: first it is imaginative, second no experience is involved in this narrative. The lines are defined by pauses and syntax.

Prosodic and pause phrasing

This narrative applies the same contours as the previous narratives. Nevertheless, the intonational contours have a certain feature of starting in a line which has a level intonation. That is, although I did not consider that to be the reason why the intonational contours are grouped this way. Intonational groups contain from 3 to five lines. New sections are identified by the level contour at the first line of the intonational group except line 8 in which the narrator is using what is called external evaluation to the narrative. Subsections of the beneath lines will be indented since they are syntactically and phonologically related to the main line. It is observed that in some cases the narrator will somehow generalize a contour i.e. level over most of the lines in an intonational group although mismatches occur between the contours. For example in line 8 the contour is always rising, but in line 12 the contour is hovering up and down. Thus, there is no regular pattern except the ones discussed above about contours in this imaginative narrative.

Unlike the other narratives, in a line there would be two to four pauses e.g. line 12. Pauses are short i.e. one second, a little longer i.e. two seconds, and three to four second pause. As usual, the four second pause will divide the intonational groups, but the other pauses have the same function as in the other narratives. Though it is not applicable to propose that the pause has nothing to do with overall organization of this narrative, but it is to some extent related to the syntactic constituency as it would be indicated below. A further function of pauses would be to wait for the listeners to have a reaction to the actions of the narrative.

Syntactic constituency phrasing and adverbial particles

The syntax of this narrative works hand in hand with the pause phrasing. Every pause matches a noun or a verbal sentence. There are some small structures e.g. line 8 that shows two prepositional phrases attached together. Other structures

called iD'afa which means that there is another noun phrase being superimposed to the previous noun phrase by means of giving the added one the same diacritical mark e.g. line 6.

In the reference level, the narrator tends to use pronouns in most of the cases e.g. line 12. One can see that Arabic inflect the verb for dual and gender as well as number. More noticeably, sometimes one cannot understand the structure unless he or she is able to understand the pronoun system in Arabic. Still, in this narrative, the narrator is actively inserting many different types of pronouns to indicate back to the main three referents in the narrative: the owner of the rabbits, the M3yan (the one who has special eye powers "envy that tends to hate the other person's capabilities and wishes to take from him"), the cat, and once or twice the one who advised the owner of the house to bring the Me3yan.

The tense used in the narrative is the historical present, with few examples of referring back to the past simple to indicate that the narrative is real. There is only one negative particle ma "no" which is used in line 16 to indicate a negative tag question to the Me3yan who was not able to see the cat.

Adverbial particles work in coordination with the pauses and the syntactic structures. The adverbs "so, and, when, at once" used in this narrative to indicate various time and place associations to the sentences as well as showing the temporal sequence.

Parallelism and discourse markers

The parallelism in this narrative seems to be rather more sporadic than the other narratives. In other words, the narrator is not only using certain category of words or structures to be the only repetitious parts, but he is using other parts like verbs, verbal sentences. The parallelism in the last triplet poetic verses only include the verb yD'rob in the structure which is unusual for the style of this narrator to use only a verb in this position as the repetitious part. The other repetitions include other verbs like the ones in lines 14 and 16. The function of these is to explain that the owner of the narratives was vigilant and eager to solve the problem of this cat. Another function for these repetitions is to give way to the next action, which caused the owner of the rabbits to lose his eye.

Discourse markers contain the following words: Ayhe "yes", Enqoolek h'aja "let me tell you something", shway "at the same time", and Qaleh "he told him". Ayhe is used to support the reaction of the listeners in line 2 who were laughing. Enqoolek h'aja is a very frequent word in Libyan dialects and it means come closer to me or believe me I am truthful and I will give you a good advice or more simply stated "let me tell you something". This one is used to make the listeners feel that the narrative contain some wise advices and seriousness since this verbal marker is often used by wise elders in Libya. Shway is also very commonly used in Libya to indicate the creation of a new solution to the man's problem of getting rid of the cat. Its position is restricted in the front position only. Similarly, the other discourse markers stick to the same place in the sentence and they can-

not be used in a later place in the sentence structure. The last one is Qaleh that is used in line 19, which is not a normal reported word in my opinion. The narrator did not assign a reference to it, so we do not know who said it. Also, it seems that who commented with the triplet verses after is likely to be the narrator's creation.

Metaphors and hesitations

Metaphors applied in this narrative are being distributed skillfully in myriad places to add more clarity to the narration. The two metaphors used are describing the cat. The first one is saying that the cat is like a goat and the other one is describing it as a lamb. The narrator is trying to signify each time that the cat is fat because it ate most of the man's rabbits and also to indicate the seriousness of the problem.

Hesitations proved to be one of the issues that made me think about the way they are used in the narrative. Because the narrator stated that the narrative is his creation, the effect of that was reflected in his ability to remember the facts that did not happen in reality. In this narrative, there is an attachment of the "ela" to the "aa…". This "el la" which is the definite article "the" in English is being utilized so that the narrator can have more space thinking about the next action. Additionally, the frequency of the hesitations in the lines increased compared to the other narratives. I can understand the very first hesitation, but the other ones in the narrative just indicate that the narrator is not really sure about the narrative.

1.6 Conclusion:

As I have observed, the narratives include many similar points as well as differences. For example, the last narrative was the narrator's creation, but the others seem to have supposedly authentic narratives. In addition, the narratives used different prosodic features. One thing in common is that in every narrative, there must be three lines of poetry. These lines function as the coda. The use of independent and dependent clauses in a line was a mark that the syntax used in the narratives is adverbial in some verses, but pauses make them split and easy to understand. The use of "when" is very widespread throughout the narratives. The historical present is used constantly in the narratives as well. Simple past is used when using reporting verbs. Moreover, the narrator finishes nearly each narrative with a free clause, which is unrelated to the narrative. On the other hand, the oral tradition of this narrator is very common in Libya. His system is always marked by setting the scene for the upcoming crucial actions in the narrative, which what makes his narratives appealing to the audeicne.

References

1. Labov, W. and Waletzky, J. (1967) Narrative analysis. In J. Helm (ed.), *Essays on the Verbal and Visual Arts*. Seattle: U. of Washington Press, p.p. 12-44.
2. Labov, W. (1972) *Socioloinguistic Patterns*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

© Yousef M. Deikna, 2013

Schadek. A.
DAAD, Bonn, Deutschland

Interkulturelles Lernen – integrativer Bestandteil des DaF-Unterrichts an einer russischen Universität

In unserer modernen Zeit, in der die Grenzen zwischen den Ländern immer mehr verwischen, die Globalisierung von Unternehmen und die Internationalisierung im Hochschulbereich voranschreitenbzw. z. T. schon vollzogen sind, werden immer höhere Anforderungen an den Fremdsprachenerwerb und an das Vermitteln von Fremdsprachen gestellt.

Wer eine oder mehrere Fremdsprachen erlernt, ergründet dabei auch seine eigene Muttersprache und die damit verbundenen kulturellen Werte des Muttersprachenlandes besser, da er immer wieder im Fremdsprachenunterricht zu Vergleichen mit dem Zielsprachenland angeregt wird. So trägt das Erlernen von Fremdsprachen auch zur Erweiterung des persönlichen Horizonts, zur Persönlichkeitsbildung und zu höherem Allgemeinwissen bei.

Als DAAD-Lektorin und lehrende Muttersprachlerin habe ich es mir zur Aufgabe gemacht, innerhalb des DaF-Unterrichts nicht nur Sprach- und Landeskundekenntnisse zu vermitteln, sondern bei den Lernern interkulturelles Verständnis und interkulturelle Kompetenz zu entwickeln.

Dabei bin ich mir darüber im Klaren, dass ich mich auf verschiedene Sprachniveaus einstellen muss.

Da in Russland an einigen Schulen Deutsch mit dem Ziel, das Deutsche Spachdiplom (DSD) der Kultusministerkonferenz der Länder (KMK) abzulegen, von hervorragenden Lehrkräften unterrichtet wird, an anderen Schulen der Deutschunterricht ganz abgeschafft wurde oder quantitativ und qualitativ an Stellenwert verloren hat, kommen Studierende mit ganz unterschiedlichen Voraussetzungen an die Universität. Konnte man noch vor einigen Jahren davon ausgehen, dass an einer Universität mindestens B1/B2 das Ausgangsniveau für linguistische Fachrichtungen oder studienbegleitenden Fremdsprachenunterricht war, kann es jetzt vorkommen, dass man es mit Anfängern zu tun hat. Diese Beobachtungen gelten vor allem für Deutsch als Fremdsprache.

Diese Erkenntnis muss dann auch bei der Zielsetzung im interkulturellen Kontext Berücksichtigung finden, da dieser gleichzeitig, also nicht in einem separaten Fach, stattfindet. Es sind nach dem „Eisbergprinzip“ der Kultur [1, 70] der sichtbare Teil (Verhaltensweisen, Kleidung, Kunst, Architektur, Literatur, nonverbales Verhalten, Sprache, Essen, Geschichte) und der umfangreichere unsichtbare Teil (Zeitempfinden, Raumaufteilung, Verhaltensregeln, Auffassung von Gerechtigkeit, Liebe; Humorempfinden, Lebensstil, Erziehungsideale, Problemlösungsstrategien) zu unterscheiden.

Steht der sichtbare Teil im Anfängerkurs im Vordergrund des interkulturellen Lernens, ist der etwas tiefgründiger zu behandelnde, unsichtbare Teil Gegenstand in den Studiengruppen mit hohem Sprachniveau (ab B2), was nicht heißt,

dass diese Grenze zwischen sichtbarer Spitze und unsichtbarem Grund starr zu betrachten ist. Wenn bestimmte Verhaltensweisen wahrgenommen und erkannt werden, wird es auch bei den Anfängern nicht ausbleiben, zu hinterfragen, ob diese Verhaltens**weise** den Verhaltens**regeln** dieser Kultur entspricht oder nicht. Das ist natürlich auf dem niedrigen Sprachniveau noch nicht immer in der Fremdsprache möglich. Für das interkulturelle Verständnis wichtige aufgeworfene Fragen zu diesen Themen sollten, meiner Meinung nach, nicht unbeantwortet im Raum stehen bleiben. Ich versuche, dann zuerst mit den schon vorhandenen sprachlichen Mitteln den Kursteilnehmern zu antworten. Ist das nur bedingt möglich, erkläre ich es langsam deutsch und übertrage dann Schlüsselwörter ins Russische.

Obwohl die Unterrichtssprache auch bei den Anfängern Deutsch sein sollte, sind anfangs eben doch ab und zu russische Erklärungen wichtig, die dann im Laufe der Zeit in der Fremdsprache erfolgen können.

Da ich Russisch- und Deutschlehrerin bin, weiß ich genau, wo Fragen zum interkulturellen Kontext aufkommen, und gehe dementsprechend im Unterricht darauf ein.

Ein Beispiel, wie ein und dasselbe Thema ganz unterschiedlich in den verschiedenen Niveaugruppen behandelt wird, ist das „Begrüßen und (Sich)-Vorstellen“:

Auf der A1/2-Stufe werden die Lerner mit verschiedenen regionalen und situationsbedingten Begrüßungsformeln bekanntgemacht. Dabei gehe ich nicht nur auf den Unterschied zwischen Süd- und Norddeutschland (Moin! Moin! – Grüß Gott!) ein, sondern berücksichtige auch die Schweiz (Grüezi!) und Österreich (Servus!) im DACH-Prinzip. Dass sich Begrüßungen und Verabschiedungen in privaten und offiziellen Situationen unterscheiden, muss nicht ausdrücklich betont werden. Aber, wann/in welchen Situationen gebrauche ich „Hallo!“ und „Tschüss!“ und in welchen bevorzuge ich das neutrale „Guten Tag!“ und „Auf Wiedersehen!“? Welche Begrüßungsrituale gibt es? Außerdem spielt für Menschen, die in der russischen Kultur aufgewachsen sind, noch ein anderer wichtiger Aspekt eine Rolle: Warum geben sich in Deutschland in bestimmten Situationen alle die Hand? Warum wird auch der Frau von einem Mann die Hand gereicht und das auch noch vor der männlichen Begleitung? Bewusst zeige ich Situationen auf, wo dies zu sehen ist, um den Unterschied zu Russland zu verdeutlichen.

Hier ist es so, dass sich im Alltag Männer die Hand geben, die Frau nur verbal begrüßt wird. Das ist für deutsche Paare in Russland eine Erfahrung, mit der sie sich arrangieren müssen. Im Umkehrschluss muss ich an dieser Stelle aber darauf eingehen, dass das in Deutschland sehr unhöflich erscheint.

Auch beim Sich-Vorstellen oder beim Vorstellen anderer lernen die Kursteilnehmer von Anfang an, immer wieder offizielle und inoffizielle Situationen zu unterscheiden. Um auch verbal und nonverbal Sicherheit im Gebrauch der Repli-

ken zu bekommen, werden Rollenspiele durchgeführt, die dann sprachlich und in Bezug auf interkulturelle Kommunikation in der Gruppe ausgewertet werden.

Ab der B2-Stufe gilt es, diese Kompetenzen im Bereich Wirtschafts- und Berufskommunikation bzw. Fachsprache weiterzuentwickeln. Jetzt kommt es darauf an, Verhaltens**regeln** zu kennen und sich auf verschiedene Situationen gezielt vorzubereiten, um in den spezifischen Situationen sicher agieren und reagieren zu können Dabei spielen die Fragen zur Angemessenheit des Sprachgebrauchs und des Verhaltens eine wichtige Rolle:

- Welche beruflichen und privaten Auskünfte erteile ich in welcher Situation?
- Welche Form der Begrüßung ist in den verschiedenen Situationen üblich? Wie und wann werde ich mit Handschlag begrüßt?
- Wie reagiere ich auf in Deutschland üblichen Small-Talk-Einstieg bei Gesprächen? (Haben Sie gut hierher gefunden? Hatten Sie eine gute Anreise?)
- Wie reagiere ich auf unangenehme Fragen, ohne die Unwahrheit zu sagen?
- Wie beteilige ich mich an einer Diskussion? Welche Informationen zur Person sind dabei ausreichend?
- Welche Fragen sind in Deutschland tabu, die in anderen Ländern üblich sind, sogar eine hohe Wertschätzung dem Befragten gegenüber ausdrücken, wie z. B. die Frage nach der Höhe des Gehalts?

Obwohl die Themen „Kleidung“ und „Essen“ im oberen Teil des „Eisbergs“ angesiedelt sind, spielen sie sowohl in der unteren Sprachniveaugruppe als auch im Fortgeschrittenenbereich für das interkulturelle Lernen eine wichtige Rolle.

Lernen die Anfänger die Bezeichnungen der Kleidungsstücke, Farben, Größen, so wird später die Angemessenheit der Kleidung für bestimmte Anlässe im interkulturellen Kontext diskutiert. Zum Beispiel spielen folgende Fragen eine wichtige Rolle:

- Wie kleide ich mich an der Universität?
- Wie bereite ich mich, auch was die Kleidung angeht, auf ein Vorstellungsgespräch vor?
- Welche Kleidung ist in den einzelnen Arbeitsbereichen angemessen?
- Warum sind High Heels in Deutschland am Arbeitsplatz verboten?

Dabei kommt authentisches Text- und Filmmaterial zum Einsatz, das zur Diskussion gestellt wird. An dieser Stelle wird die Auffassung zum Lebensstil, zu dem auch Kleidung und Mode gehören, in den Mittelpunkt der interkulturellen Betrachtungen gestellt.

Ähnlich verfahre ich beim Thema „Essen und Trinken“, da die Tischkultur sehr unterschiedlich sein kann.

Große Aufmerksamkeit widme ich den Besonderheiten Deutschlands, was die Regelungen zu den Ladenöffnungszeiten, den Pausen- und Ruhezeiten und den „Heiligen Sonntag“ betrifft, da das für Bürger aus Russland, wo es diese Regelungen nicht gibt, sehr wichtig ist. Zu Beginn erhalten die Lerner nur die Information in deutscher Sprache darüber, um bei bevorstehenden Reisen nach

Deutschland keine Enttäuschung zu erleben, wenn der Ankunftstag auf einen Sonntag fällt und man natürlich nicht, so wie in Russland, einkaufen gehen kann. In Kursen mit höherem Sprachniveau können dann Anekdoten, die immer wieder zu diesen typisch deutschen Phänomenen veröffentlicht werden, als Diskussionsgrundlage dienen. Weiterhin ist es in diesem Stadium möglich, selbst seine Erfahrungen in humoristischer Form darzulegen oder seiner Phantasie freien Lauf zu lassen, indem Geschichten dazu erfunden werden. Spielerisch kann das Erlebte oder Vorgestellte in Form eines Sketches umgesetzt werden.

Interkulturelles Lernen als integrativer Bestandteil des Fremdsprachenunterrichts heißt, in allen Phasen des Sprachenerwerbs Vergleiche zwischen den Kulturen des Zielsprachen- und des Ausgangssprachenlandes sowie zu anderen Kulturen anzustellen.

Hierbei sollten die Besonderheiten in der mündlichen und schriftlichen Kommunikation der jeweiligen Kultur besonders thematisiert und in sprachpraktischen Übungen verinnerlicht werden.

Als unterrichtende Muttersprachlerin in Russland verstehe ich mich nicht nur als Deutschlehrerin, sondern als Mittlerin zwischen den Kulturen. Dazu nutze ich vielfältige didaktisch-methodische Möglichkeiten im Unterricht, aber auch im außerunterrichtlichen kulturellen Bereich. Als DAAD-Lektorin und Dozentin an einer Universität in Russland kann ich Unterrichtsarbeit und Kulturmittlertätigkeit effektiv miteinander verbinden und damit einen Beitrag zur besseren Verständigung der Angehörigen der jeweils anderen Kultur leisten.

Mein Unterricht an einer russischen Universität verfolgt das Ziel, die Studierenden für Deutschland, vor allem als zukünftigen Studien- oder Forschungsstandort, und/oder für die berufliche Zukunft sprachlich und interkulturell fit zu machen.

Literaturverzeichnis

1. Caspari, Daniela: „Landeskunde“ und „Interkulturelles Lernen“ In: PRAXIS Fremdsprachenunterricht/5-2007, S. 70 – 71
2. Interkulturelles Lernen, http://www.ikud-seminare.de/interkulturelles-lernen.html (дата 26.10.2013)

© Schadek. A., 2013

Авагян Т.И.
г. Уфа, Россия

Сказка и миф в романе Л.Я. Тика «Зигфрид»

Немецкий романтизм ставил своей задачей «оживление» и возрождение не только христианских, но и мифологических (языческих) верований прежних времен.

Как пишет А.В.Карельский, «романтическое обращение к «идее народной», к народному творчеству, к традициям национальной старины и

истории как тенденция… много шире, оно связано с этическими поисками романтиков, с их стремлением найти себе опору на земле и присуще романтическому сознанию вообще в самых разных его формах» [4, 38].

В эпоху романтизма были изданы и прокомментированы многие памятники средневековой немецкой литературы, в особенности, немецкий героический эпос «Песнь о Нибелунгах».

Такое возрождение мифа, по мнению Е.М. Мелитинского, отчасти, опиралось на новое отношение к мифу как вечно живому началу. В мифологических образах, в «наивных и цельных» героях первобытной эпохи романтики стремились найти воплощение идеала, «чистой человечности, не искаженной пагубным воздействием общественных противоречий» [1, 138]. Теория мифологии была провозглашена Ф.Шлегелем в работе «Речи о мифологии» (1800 г.) и получила свое завершение у Шеллинга в его «Философии мифологии». Мифология становится основой искусства как результат увлечения романтиками пантеизмом. По мнению Ф. Шлегеля, мифология, как и поэзия, есть «символическое изображение окружающей природы, просветленной любовью и фантазией» [3, 159]. Сущность романтического открытия мифа заключалась в том, что романтики осознавали миф как правду, миф был истинным и невыдуманным отражением «всех периодов прошлой жизни», «истинным историческим источником, отличавшимся высокой надежностью» [6, 263], он понимался как высшая поэзия или религия.

Р. Гайм отмечал, что часто романтики обращались к своему толкованию древних мифов и создавали своеобразную романтическую мифологию – «более естественные и более вольные поэтические произведения» [2, 704]. Под влиянием Шлеермахера с его пантеистическими восприятием христианства иенцы стремились в своей новой мифологии синтезировать «чувственность» язычества и «духовность» христианства. Кроме того, увлекаясь натурфилософским мистицизмом Я. Беме, они пытались сочетать мифологию с мистицизмом и сказочностью.

Эстетически воспринимая миф, романтики не отделяли миф от сказки. Романтическая сказка-миф была призвана не столько объяснять законы жизни и мироздания, сколько дать их образ. Мировоззренческий интерес к национальной древности и мифу закономерно привел к тому, что к созданию новой романтической мифологии обратились многие писатели, в том числе и Л.Я. Тик, написавший на основе знаменитого сказания о Нибелунгах роман «Зигфрид»

Тик стремится к утверждению всеобщей гармонии мира, торжеству поэзии, любви и красоты. Утверждается эта идея в романе не только с помощью сюжета – истории подвигов и любви мифических героев Зигфрида, Брюнхильды и Кримхильды, – но и в новеллах-сказках, новеллах-мифах, занимающих большую часть текста.

Тематика этих вставных новелл очень разнообразна: в основе одних лежит фольклорный сказочный материал, в других – мифологический или библейский, в третьих – мотивы западноевропейской куртуазной литературы («Повесть о рыцаре Сигмунде»). Вставные новеллы рассказываются, в основном, второстепенными персонажами романа: служанкой Кримхильды Фанни, придворным поэтом-арфистом Тассо, карликом-шутом Отто, королем-рыбаком Гудеканом, иногда Брюнхильдой.

Новеллы делятся на несколько групп: скандинавские мифы о древних богах-асах, о происхождении мира; христианские легенды о деве Марии, а также библейские истории об Иакове и Исаве, Иакове и Рахили; рассказы в духе рыцарского средневековья – страшная повесть о жестоких злодеяниях феодальной старины, об отце Зигфрида Зигмунде, о любви его дочери Цанни к благородному рыцарю Гроссу; новеллы-сказки, фантастика которых носит ярко этнографический характер.

Языческое восприятие жизни главными героями опирается на миф – это изначальное время, когда был создан мир и заложены основы поведения человека. Мифологические вставки – это не просто изложение германо-скандинавских мифов, автор обращается к мифологии как к инструменту художественной организации материала и средству выражения неких вечных начал, самой национальной культурной модели.

Используя скандинавскую мифологию, автор устами своих героев повествует о жителях небесного города Асгарда – Одине, Торе, Локки, Бальдре и др., об их борьбе, жизни и любви земной и небесной. Мифическое прошлое – священное хранилище магических и духовных сил, которые продолжают поддерживать установленный порядок в природе и обществе.

Тик развивает свою теорию космогонии, мифа о «золотом веке» асов и эсхатологическом мифе: над всеми существами – богами и людьми, карликами и великанами – тяготеет неумолимый и непостижимый разумом рок. Мировая катастрофа – это результат нарушения богами клятвы о сохранении мира и кровопреступлении – миф о построении крепости вокруг Асгарда великаном, жестоко убитом богами, и о войне с низшими богами – ваннами.

Германо-скандинавские мифы для Тика это не только прошлое, они выражают самые глубокие тенденции современности. Оставляя неизменным основной пантеон скандинавских божеств, Тик, однако, вносит и существенные изменения. В частности, он вводит еще одну богиню – богиню птиц Бхуми – предводительницу и мать прекрасных дев-воительниц валькирий.

Образ Бхуми романтически воплощает в себе древний мифологический архетип великой матери. В большинстве мифологий великая мать предстает как мифологическое олицетворение земли, которая «имеет отношение и к космосу, и к хаосу, к творческому началу, главным образом, при-

родному…, и к смерти» [5, 44]. Бхуми сочетает в себе черты других скандинавских богинь – богини Фрейи и богини вечной юности Идунн.

Для романтического сознания Тика, вобравшего в себя элементы средневекового народного сознания, характерно смешение языческих и христианских представлений. Дохристианский мир чудесного не противостоит в романе чудесам христианским, но иногда даже переплетается с ними. Так, по мере развития романа, языческая богиня птиц отождествляется сначала с Золотой Змеей – хранительницей судеб мира, персонифицированной языческой судьбой, а затем с самой девой Марией.

Таким образом, христианский образ мадонны слагается из языческих элементов, Мария вмешивается в жизнь героев, руководит их судьбой через свои романные модификации – Золотую Змею и Бхуми, она нашептывает Зигфриду волшебные сны, в которых он узнает о своих прошлых жизнях, предсказывает Кримхильде ее будущую любовь и т.п. Более того, она – воплощение, символ самой Любви в мире, которая должна возродить и одухотворить мир людей, подготовить его к пришествию нового бога.

Изложение христианских легенд об Иакове и Савве, об Иакове и Рахили – ветхозаветных историй, предшествующих появлению Христа в мире, – по сути, варьирование идеи о переходе языческого мира в христианский. Наряду с Марией, Тик уделяет особое внимание важнейшему образу христианства Иакову – патриарху, человеку, поддерживающему связь с богом. В романе в качестве стилизованных на библейский лад вставных новелл выступают две истории, связанные с Иаковом: о его соперничестве с братом Исавом, звероловом, «человеком полей», во всем ему противоположном, об обманном благословении Иакова как первородного сына и его встрече с Рахилью около колодца на пути к Харрану.

Подобно средневековому христианскому поэту-историку, Тик-романтик, рисуя в своих «христианских новеллах» историю появления первых апостолов Христианства, рассказывая о первых человеческих страданиях и бедствиях, о нарастании зла в мире, вместе с тем исходит из уверенности в том, что история завершится счастливым финалом – пришествием Христа, т.к. мир постоянно движется к слиянию с богом. По сути, роман выражает христианско-языческое мировоззрение поэта, т.к. мир осознается им как вечное повторение прежде бывшего в новом христианском облике.

Литература

1. Ванслов В.В.Эстетика романтизма. – М., 1966.
2. Гайм Р. Романтическая школа. – М., 1991.
3. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. – СПб., 1914.
4. Карельский А.В. Повесть романтической души. В кн.: Немецкая романтическая повесть. – М., 1977.
5. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. – М., 1994.
6. Цит. по Вейман Р. История литературы и мифологии. – М., 1975.

© Авагян Т.И., 2013

Азнабаева Л.А., Сайфуллина М.Д.
г.Уфа, Россия

Телевизионная реклама как диалог

Цель данного исследования – изучение различных форм взаимодействия участников коммуникации в телевизионной рекламе. Не вызывает сомнения тот факт, что реклама – это диалог. Каковы же формы этого диалога?

Базовые отношения в таком диалоге заключаются во взаимодействии между рекламодателем и потенциальным покупателем. Последний, то есть адресат, поскольку он не реагирует непосредственно на обращенное к нему высказывание, выступает в роли воспринимающего объекта. Адресованность рекламы – это её сущностная характеристика. В случае телевизионной рекламы зритель выступает как «тривиальный», или «неспецифицированный» адресат (в терминах Г.И. Кустовой и Е.В. Падучевой [1, 31]), так как подразумевается неопределённое множество лиц. В то же время, как покажет последующий материал, адресат, выступая в качестве объекта антипационных ожиданий рекламодателя, может в некоторой степени конкретизироваться.

Существует несколько видов взаимодействия коммуникантов в телевизионных роликах.

1) Наиболее распространённая форма – это ведущий (говорящий за кадром голос виртуального рекламодателя) и телевизионный зритель:

– *Наслаждайся, впечатляй с тонизирующими мышцы кроссовками! Совершенствуй своё тело с каждым движением!* (реклама женских кроссовок).

Такие отношения между рекламодателем и зрителем часто представлены в виде комплимента:

– *Вы прекрасны, когда сияете от счастья!* Ваша кожа тоже может так сиять. Новый гель для душа способствует питанию кожи, придавая ей здоровое сияние. Ваша кожа сияет здоровьем!

Хотя рекламодатель в данном случае имеет в виду определённый тип виртуального потребителя данного товара (например, в вышеуказанных случаях потенциальный потребитель – женщина), в таком ролике нет «внутреннего говорящего» и «внутреннего адресата» (в концепции Е.В. Падучевой [2, 208]).

Адресованность – не только содержательный параметр, она оказывает влияние и на форму речи, заставляя говорящего учитывать социальные и психо-эмоциональные особенности адресата, в том числе и потенциального (о категории адресата, а также степени адресованности высказываний в различных видах коммуникаций, см. Л.А. Азнабаева [3, 50 – 54, 60 – 67]). Так, в вышеуказанном примере, где используется речевой акт *комплимент* (*Вы*

прекрасны, когда сияете от счастья!), а также наличие лексем с высокой степенью позитивной оценки (*сиять от счастья, здоровое сияние, сиять здоровьем*). Среди других средств речевого воздействия на адресата можно отметить также непосредственное обращение к зрителю (*Вы прекрасны…!*) и общую эмоциональность высказывания.

В качестве реализации «рекламодателя за кадром» может выступать еще один речевой акт класса экспрессивов – *благодарность*:

– *Бонусная программа «Спасибо от Сбербанка». Спасибо, что Вы с нами.*

2) В случае наличия «внутренних» персонажей формы их взаимодействия многообразны.

Наиболее простой вариант такой телевизионной рекламы – это обращение «внутреннего персонажа» к зрителю. Часто в такой роли выступает «эксперт», особенно когда речь идет о рекламе продукции на основе новых научных достижений какой-либо фирмы, предполагающих серьезные экспериментальные исследования.

– Доктор биологических наук: *«В институте N мы создали шампунь на чистом березовом отваре. Он укрепляет волосы от корней и делает их мягкими».* (N – определённая марка товара (прим. авторов)

Количество внутренних персонажей в телевизионной рекламе и их роли могут варьировать.

3) Чаще всего обращение ведущего (рекламодателя) с готовностью поддерживается коммуникантом, которого мы бы назвали «ассистирующим персонажем». При этом иногда основная нагрузка по рекламированию падает на такого ассистирующего персонажа:

– *Новый крем-гель для душа. – Я попробовала. Восхитительные ощущения! Как будто тебя ласкает мягкий бархат. Такая роскошь, и только для меня!*

4) Ещё один вид «внутреннего» взаимодействия имеет место, когда обращение к зрителю «со стороны» идёт от «нейтрального лица», при этом его поддерживает ассистирующий персонаж, в высказывании которого имплицитно рекламируется определенный товар.

– Художник: *«Эти волосы прекрасны! Я не могу подобрать красок, чтобы передать этот цвет!»*

– Девушка: *«А я свою краску уже подобрала!»* (реклама краски для волос).

5) В рекламе может появиться и третье лицо – в частности, персонаж, с которым идентифицируется зритель. Такой персонаж, как правило, обладает явной привлекательностью, так как предполагается, что зритель хочет быть на него похожим.

Например, в рекламе шопинг-молла девушка приходит в ресторан, надев платье из новой коллекции, и получает комплименты от шеф-повара на итальянском языке.

– Официант: «Комплимент от шеф-повара!»

– Шеф-повар: «*Синьорина, Вы прекрасны! Платье класс! Такое стильное! А какой цвет! Очень элегантно! Браво! Браво!*»

(За кадром слышны слова, узнаваемые на итальянском даже без перевода: "*Bellissima!*", "*Eleganza!*", "*Quel class!*", "*Bravo!*")

– Официант: «Он сказал: *«Вы великолепны!*»

В такой рекламе идентифицируемый со зрителем персонаж не участвует в диалоге вербально. Он лишь иллюстрирует высказывания других персонажей и выражает свою реакцию на них (например, девушка смеётся от удовольствия), демонстрируя привлекательность рекламируемого объекта.

Такой вид диалога часто используется в рекламе, чтобы показать, что оценка рекламируемого товара происходит со стороны незаинтересованных лиц.

– *Она сражает наповал!*

– *Еще бы! В этом новом платье!*

– *Оно не новое!*

– *Шутишь?! Тогда бы оно выглядело как моё!*

– *Просто она стирала его новой N.* (реклама кондиционера для одежды).

6) Иногда внутренние персонажи играют параллельные роли. Такое параллельное взаимодействие между внутренними персонажами может отражать предмет рекламы опосредованно:

– *Эй, сосед! Доброе утро!* (молодой человек, после глотка кофе, невидимому соседу по балкону).

– *Доброе утро, сосед!* (шутливо откликается показавшаяся девушка).

Цель такой рекламы (в данном случае рекламируется определённая марка кофе) – воздействие на положительные эмоции зрителя.

Таким образом, мы рассмотрели диалог в рекламе на основе характера взаимодействия «внешних» и «внутренних» коммуникантов.

1. При этом выявлены следующие роли участников коммуникации:

– «внешние» участники диалога – ведущий (голос за кадром);
воспринимающий адресат;

– «внутренние» коммуниканты – нейтральное лицо;
ассистирующий персонаж;
персонаж, идентифицирующий зрителя.

2. Речевое воздействие в рекламе реализуется при помощи различных иллокутивных типов, таких как благодарность, комплимент, призыв, объяв-

ление, утверждение и пр. Все они эксплицитно или имплицитно отражают побудительный характер рекламы.

3. Исходя из онтологических характеристик рекламы, в лингвистическом плане она реализуется при помощи позитивно-оценочных лексем и восклицательных высказываний, что и наблюдается в рассмотренных нами телевизионных рекламных роликах.

Литература

1. Кустова Г.И., Падучева Е.В. Перформативные глаголы в неперформативном употреблении // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994.
2. Падучева Е.В. Семантические исследования. Ч. II. Семантика нарратива. – М.: Школа «языка русской культуры», 1996. – 464 с.
3. Азнабаева Л.А. Принцип вежливости в английском диалоге: Монография. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – 198 с.

© Азнабаева Л.А., Сайфуллина М.Д., 2013

Аитов В.Ф.
г.Бирск, Россия
Семенова А.Н.
г.Москва, Россия

Некоторые аспекты профессиональной подготовки специалистов на неязыковых факультетах в свете требований ФГОС

В современных условиях иноязычная подготовка специалистов рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений высшего профессионального образования. Роль иностранного языка (ИЯ) становится все более значительной вследствие ряда факторов. К ним следует отнести в первую очередь расширение различного рода связей между странами и открытие доступа к международным информационным системам. Особую роль в этом процессе играет миграция рабочей силы и межгосударственная интеграция в области образования, позволяющая получить качественное образование у себя в стране и за рубежом. Все это вернуло практическую значимость иностранным языкам, сделало их реальным средством разных видов межкультурного общения, число которых постоянно растет вместе с ростом научно-технических средств связи. Практическое владение ИЯ становится все более насущной потребностью широких слоев общества.

В связи со сказанным выше перед иноязычным образованием студентов неязыковых факультетов ставятся задачи, которые означают, что будущий специалист должен научиться:

- активно использовать окружающую среду и создавать собственную, которая будет способствовать повышению эффективности овладе-

ния ИЯ (активно участвовать во всех сторонах процесса обучения; овладевать ИЯ не только в аудитории и не только в учебное время и т.д.);

- использовать полученные знания в будущей профессиональной деятельности;
- анализировать собственную деятельность и самостоятельно строить свой образовательный маршрут, определяя, каким способом, в каком объеме и сколько времени изучать ИЯ;
- работать в группе, адекватно взаимодействуя с другими субъектами образовательного процесса;
- самостоятельно преодолевать трудности, возникающие в процессе овладения ИЯ;
- использовать разные средства коммуникации;
- устанавливать контакты с носителями другого языка и осуществлять межкультурную коммуникацию адекватно нормам вербального и невербального поведения культуры страны изучаемого языка.

По причине своей практической направленности иноязычное образование стало рассматриваться в качестве одного из базовых элементов в современной структуре содержания образования. В этой связи в концепцию образования были внесены существенные изменения, направленные на развитие коммуникативной культуры средствами иностранного языка с учетом расширения межкультурных связей. В частности, в федеральном компоненте – основной части федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС), устанавливающем обязательный минимум содержания основных образовательных программ и требования к уровню практической подготовки выпускников по ИЯ, − предусмотрено обязательное изучение иностранного языка на всех этапах образовательного процесса.

Компетентностный подход к иноязычному образованию, который лежит в основе новой образовательной парадигмы, способствует формированию и развитию у студентов ключевых метапредметных и предметных компетенций.

Под компетенцией мы понимаем способность к выполнению определенной деятельности на основе полученных знаний, навыков и умений, сформированных в процессе обучения той или иной дисциплине.

Иноязычное образование направлено на формирование компетенций, которые должны обладать следующими качествами: многофункциональность, интегративностъ и многомерность.

Многофункциональность как одно из свойств коммуникативной компетенции предполагает ее проявление в условиях повседневной жизни в процессе решения различных проблем коммуникативного характера (поиск информации в Интернете; просмотр фильма на иностранном языке; заполнение бланков на иностранном языке; отправление e-mail сообщений, писем и телеграмм за рубеж и т. д.).

Интегративность означает, что формирование комплекса компетенций невозможно без учета и опоры на знания, навыки и умения, получаемые студентами на занятиях по другим дисциплинам, изучаемых в вузе, в том числе и нефилологическом.

Многомерность – это способность любого вида компетенции реализоваться при различных обстоятельствах, в частности, в процессе приобретения языковых и культуроведческих знаний при формировании речевых навыков и умений. Многомерность подразумевает также способность осуществлять интерактивное общение на иностранном языке, используя вербальные, невербальные, паралингвистические и другие средства коммуникации и т.д.

Таким образом, иноязычное образование на неязыковых факультетах предполагает развитие следующих профессиональных компетенций:

- *коммуникативную* компетенцию, предполагающую способность воспринимать на слух и зрительно аутентичные профессионально направленные тексты разных жанров и видов, понимая с разной степенью глубины заложенную в них информацию;

- *компенсаторную* компетенцию, позволяющую при ограниченном владении иноязычными знаниями, навыками и умениями адаптироваться к коммуникативной ситуации профессионального характера;

- *информационную* компетенцию, которая включает умения поиска, классифицирования и систематизации, дальнейшей обработки и интерпретации полученной иноязычной информации с целью ее использования в своей профессиональной деятельности при решении коммуникативных задач, а также для своего профессионального роста;

- *учебную-познавательную* компетенцию, включающую умения оперировать аутентичным иноязычным материалом, а также умения выделять главное, анализировать, сопоставлять, находить сходное и различное, устанавливать взаимосвязи, использовать полученные знания в соответствии с коммуникативной ситуацией;

- *самообразовательную* компетенцию, направленную на «самодоучивание» и самосовершенствование в профессиональном плане средствами иностранного языка.

Согласно стандартам третьего поколения, направленным на достижение образовательных результатов: *личностных, метапредметных и предметных*, высшее профессиональное образование должно вырабатывать у студентов общекультурные и профессиональные компетенции. В аспекте профессиональной подготовки современного специалиста особое внимание следует уделять иноязычной *социокультурной* и *предметной* компетенциям.

Социокультурная компетенция включает в себя лингвострановедческий компонент – знание и правильное использование таких иноязычных слов и выражений, которые обозначают предметы, явления, факты, идеи, не

существующие в своей стране либо называемые иначе или менее образно. Однако нужно принимать во внимание, что основным критерием уровня коммуникативной социокультурной компетенции следует считать не только языковую правильность, но и способность к эффективному общению при помощи изучаемого языка на базе аутентичных текстов, отражающих социальные, культурные концепты иной социальной общности.

Сам процесс формирования социокультурной компетенции будет более эффективным в том случае, когда будут использоваться личностно-значимые материалы. Это подразумевает, что работа по овладению конкретными лингвокультурологическими единицами должна целенаправленно переходить в речевую деятельность. Использование этих языковых средств ориентировано на решение определенных коммуникативных задач, представляющих определенный интерес для студентов с целью обеспечения их речевого взаимодействия. Это целесообразно осуществлять во время, отводимое на самостоятельную и индивидуальную работу. Лучше всего эту деятельность строить, исходя из интересов самих студентов, в форме выполнения индивидуальных личностно-значимых заданий-проектов, имеющих большое воспитательное значение *(личностные результаты иноязычного образования)*.

Одно из основных мест в комплексе профессиональных компетенций занимает *предметная компетенция.* Она предполагает наличие умений осуществлять общение в ситуациях, в которых затрагивается профессиональная тематика. Совершенно очевидно, что в соответствии с областью избранной специальности и благодаря профессиональной специфике необходимо формировать тезаурус как составляющий компонент языковой личности. Поэтому получаемые знания, навыки и умения, необходимые будущим специалистам для успешной реализации иноязычной профессиональной деятельности, имеют свои особенности на каждом факультете *(предметные образовательные результаты)*, хотя может иметь место и определенное сходство в способах формирования некоторых аспектов *(метапредметные образовательные результаты)*.

Понимание любой информации зависит не только от объема иноязычных знаний, навыков, умений участников процесса общения, но и от определённых профессионально направленных фоновых знаний, терминов, характерных для той или иной научной отрасли. Значительная роль в этом отношении отводится степени сформированности предметной компетенции. По мере совершенствования этого вида компетенции происходит постоянное увеличение и углубление знаний, имеющих непосредственное отношение к будущей профессиональной деятельности.

В лингвистический аспект иноязычной предметной компетенции входят знание соответствующих составляющих профессионализмов, общеупотребительной лексики, разговорных клише, частотных для изучаемого

языка в контексте данной специальности, грамматических структур, категорий и правил их употребления, а также навыки и умения применения этих знаний при осуществлении профессионально направленного общения.

В коммуникативный аспект предметной компетенции входят речевые умения аудирования, говорения, чтения и письма на иностранном языке по данной специальности. Здесь имеются в виду коммуникативные умения воспринимать и продуцировать в необходимой мере профессионально направленные тексты, связанные с извлечением и интерпретацией профессионально значимой информации, содержащейся в них, а также коммуникативные умения устного профессионального общения в типичных коммуникативных ситуациях избранной специальности.

Особое место в формировании предметной компетенции занимает чтение профессионально направленной литературы. Чтение как вид коммуникативной деятельности является именно тем видом, который обладает наиболее сильным познавательным потенциалом профессионального роста и содержит разнообразный по объему и качеству состав необходимой информации.

В процессе работы над специальным текстом неизбежно возникает необходимость работы со специальной, профессионально направленной лексикой. Речь идет о языке для специальных целей, под которым понимается совокупность языковых средств, используемых специалистами определенной области знания с целью обеспечения однозначного взаимопонимания.

По нашему мнению, иностранный язык для специальных целей (или язык специальности) можно условно разбить на три части: специальная профессионально направленная, общенаучная и общеупотребительная лексика.

Наибольшую трудность для овладения представляет общенаучная лексика (фразеология), находящаяся на стыке литературного языка и обиходно-разговорной речи. По сравнению со специальными терминами, которые относительно свободно семантизируются в понятном для будущего специалиста ситуативном контексте и, как правило, не представляет особых трудностей для запоминания, общенаучная лексика и фразеология требует постоянного внимания.

Предметная компетенция является особым видом компетенции, которую мы можем определить как готовность и способность к владению предметными, научными знаниями в профессиональном общении. Формирование этого вида компетенции может рассматриваться как самостоятельная цель обучения иностранному языку при иноязычном образовании на неязыковых факультетах.

Таким образом, достижение *личностных, метапредметных и предметных* образовательных результатов, определяемых ФГОС высшего про-

фессионального образования, обеспечивается специальным образом организованным процессом иноязычного образования, направленным на формирование и развитие ряда компетенций, ведущими из которых являются социокультурная и предметная.

Литература

1. Деркач А.М. Компетентностный подход в среднем профессиональном образовании: риски подготовки некомпетентного специалиста // Вопросы образования. 2011. № 4. С. 217-230.

© Аитов В.Ф., Семенова А.Н., 2013

Алексеева Л.А.
г. Бердянск, Украина

Речевая деятельность как системообразующая основа обучения языку и литературе

В образовательном пространстве Украины происходят фундаментальные изменения. Отличительная черта современного образовательного процесса – усиленное внимание к речевому развитию, к формированию коммуникативной компетенции школьников. Новые представления о целях, отборе содержания и методов обучения сегодня разрабатываются на основе компетентностного подхода, который рассматривается как необходимая альтернатива информационной парадигме образования.

Особенно важным считается не только понимание языка в связи с ориентацией на коммуникативную функцию, но и направление методических поисков на новое осмысление актов сообщения через систему языковых и речевых выразительно-изобразительных средств (Л.В. Вознюк, Е.П. Голобородько, Т.М. Зыбина, В.К. Иваненко, Н.А. Максимчук, Г.С. Меркин, Г.А. Михайловская, В.П. Москвин, Н.А. Пашковская, М.И. Пентилюк, О.С. Рябикова, А.П. Сковородников и др.).

Данные многочисленных наблюдений за процессом обучения позволяют сделать ряд выводов о том, что многие учащиеся не способны в должной мере воспринимать и оценивать изобразительно-выразительный аспект речевого высказывания. Подростки испытывают затруднения при построении диалогов, монологов, при написании сочинений, изложений эмоционально-экспрессивного характера. Причинами этого является недостаточное понимание учителями содержания работы над экспрессивными средствами языка, недостаточное количество в учебниках упражнений на восприятие, анализ, а также воспроизведение эмоционально-экспрессивных средств языка и нечеткость в системе проведения таких занятий. «Речь усваивается, если приобретается способность чувствовать выразительные коннотации лексических, грамматических, фонетических языковых значений. Усваивая

грамматические и лексические значения, учащиеся чувствуют, как отражается в языке внешний мир, а усваивая способы выразительности речи, они чувствуют, как выражается с помощью языка внутренний мир человека, как человек выражает свою оценку действительности» [2, 123-124].

Происходящие изменения в языковой образовательной среде Украины предполагают поиск новых направлений в преподавании русского языка. В школьной практике учителя стараются сделать процесс познания исследовательским, стремятся максимально индивидуализировать обучение (активно используется компьютер, интерактивная доска). Творческую самостоятельность школьников помогают развивать проблемные вопросы и задания, содержащие противоречия. Проблемный вопрос предполагающий наличие неоднозначных ответов, ведет к поиску развернутой аргументации. Такие задания учат ориентироваться в тексте, глубоко понимать его, замечать и находить важные языковые явления и определять их роль в тексте.

Процесс понимания сложен, так как в него включены внимание и память, воображение и мышление, эмоции и воля, интересы и другие особенности личности. Понимание высказывания начинается с восприятия внешней развернутой речи, которое переходит в понимание общего значения высказывания, а далее – и в понимание подтекста этого высказывания. В устной речи этому способствуют такие вспомогательные приемы, как интонация, выделение слов или выражений акцентом, применение пауз, разного темпа, мимики, жестов и т.д. В письменной речи необходимо помнить про следующие вспомогательные приемы – выделение абзацев, разрядка, знаки препинания.

Наблюдения показывают, что на этапе восприятия и оценки чужой речи крайне необходима работа по выявлению особенности слова аккумулировать в себе культурные смыслы. Без этого трудно представить процесс речевого и личностного развития. Внимание к образным средствам языка, прежде всего к метафоре и сравнению, к языковой игре и клише, к стереотипам в языке – словом, ко всему, что накоплено языком, находит отражение в словарной работе с учетом культурного фона.

В условиях личностно-ориентированного обучения отбор текстов осуществляется с учетом возможности опоры на субъектный опыт ученика. Анализ текста на уроках русского языка уместен и целесообразен на любом его этапе, при достижении различных учебно-воспитательных и развивающих целей: наблюдения над языковым материалом, объяснение нового материала; анализ текста в процессе выполнения пробных упражнений; преобразование текста и его самоанализ во время закрепления, систематизации и обобщения делают знания учащихся более сознательными и прочными.

Современный урок – это диалогическое взаимодействие учителя и учащихся, при котором учащийся из объекта обучения превращается в его субъект. Задача учителя – установить гармонические и двусторонние отно-

шения с учащимися, организовать их познавательную деятельность, пробудить творческую активность. Диалоговое обучение – это инструктивное обучение. Школьники учатся критически мыслить, решать сложные проблемы на основе анализа обстоятельств и соответствующей информации, взвешивать альтернативные мнения, принимать продуманные решения, участвовать в дискуссиях.

Активное использование на уроках языковедческо-литературного цикла интерактивных форм и приемов обучения формирует у подростков навыки самостоятельной научно-практической, исследовательско-поисковой деятельности, развивает их интеллектуальные, психические, творческие, моральные, физические, социальные качества.

Важно отметить, что интерактивное обучение педагоги строят на принципах полилога (праве каждого учащегося высказаться и иметь свою точку зрения), диалога (равенстве личностей в учебном процессе), мыследеятельности (обязательном нахождении ответов на проблемные вопросы через цепочку мыслительных операций), свободы выбора (саморегулировании поведения в учебном процессе), опоры на ситуацию (создании условий для проявления положительных эмоций). Например, дискуссия, проводимая в конце изучения темы, дает возможность учителю обобщить, закрепить знания в нестандартной форме. Школьники учатся находить общий язык друг с другом, взаимодействовать с другими участниками группы, высказывать свою точку зрения, прислушиваться к мнению оппонента.

Работа над возможностями языка наиболее точно и выразительно передавать смысл речи ведет к улучшению понимания звучащего слова, развивает умение самостоятельно формулировать выводы, выражать основную мысль прослушанного сообщения. Эти умения имеют огромное практическое значение, так как учащимся приходится воспринимать на слух огромный поток информации. Например, обучая школьников выразительному чтению, мы развиваем не только умение слушать (аудирование), но и способность создавать свои собственные высказывания в устной и письменной форме. Расстановка простейших партитурных знаков (паузы и логические ударения) развивает у учащихся умение слышать интонационные оттенки речи, развивает навык постановки знаков препинания при письме. «На уроках языка необходимо создавать естественные речевые ситуации, которые побуждали бы школьников к мобилизации имеющихся у них лингвистических средств выражения собственных мыслей средствами языка» [1, 43].

Формирование познавательной активности школьников достигается путем организации учебной деятельности в форме малых групп, которые стимулируют развитие коммутативных способностей ребят. Технология формирования малых групп (обычно 4 человека) учитывает межличностные отношения, уровень знаний по предмету, развития речевых умений и навыков, и это уже является предпосылкой активности учащихся в процессе ре-

шения учебной задачи. Задания группам формулируются таким образом, чтобы формирование учебно-языковых и коммуникативных умений сочеталось с интенсивной речемыслительной деятельностью. Данный методический прием учителя чаще используют при изучении нового материала, закреплении и обобщении, а также при выполнении заданий творческого характера.

Использование ролевой игры ускоряет и оживляет многие педагогические процессы. Она стимулирует учащихся к творчеству, осмыслению проблемных ситуаций, обдумыванию своего поведения, стиля общения с одноклассниками. Важно отметить, что во время ролевой игры обучение происходит через опыт и чувство.

Многие современные украинские методики пересматривают подходы к построению системы упражнений (акцентируется внимание на усиление речевой активности учащихся на уроках). Обучение видам речевой деятельности предполагает применение определенной системы упражнений. Помимо традиционных принципов построения системы упражнений особую актуальность приобретают принципы антропоцентризма (всесторонний учет комплекса признаков сильной языковой личности) и текстоцентризма (усиление развивающего потенциала речевой среды на уроке). При выборе упражнений педагогами учитывается и гендерный фактор в характере заданий.

Обучение языку и литературе – это обучение комплексное, потому что здесь формируются умения и навыки говорить, читать, слушать, писать. Именно поэтому коммуникативные задачи для каждого вида языковой и литературной деятельности подаются в комплексе с другими. Природная коммуникация, которая и формирует каждодневное общение, очень повышает мотивацию обучения русскому языку и литературе, особенно если идет речь об учебно-профессиональной, социально-политической или бытовой сфере.

Одним из перспективных направлений нашего исследования является методика создания и использования компьютерных программ, служащих для демонстрации речевых образцов, представления особенностей речевых ситуаций, формирования коммуникативной и страноведческой компетенции учащихся, усвоения формул речевого этикета.

Литература

1. Сульниченко В.Н. Творческая работа с текстом на итоговых уроках русского языка в 9 классе как средство формирования коммуникативно-речевых умений школьников // Русское слово, литература, культура в школе и вузе, 2009. № 3 – С. 41-45.

2. Федоренко Л.П. Закономерности усвоения родной речи: Учеб. пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1984. – 378 с.

© Алексеева Л.А.., 2013

Арендарь О.А.
г.Уфа, Россия

Принципы формирования категориальных структур

Многочисленные исследования в области психологии и логики познания концентрируются в основном вокруг трёх точек зрения на структуру мыслительных категорий. Первая из них, которая считается традиционной и восходит в своей истории к философским воззрениям Платона, Аристотеля, Декарта, рассматривает категории как абсолютные и чётко ограниченны сущности. Содержание категории, согласно этой точке зрения, определяется набором признаков, необходимых и достаточных для её описания. Такой же набор признаков должны обнаруживать и все члены данной категории.

Вторая точка зрения обнаруживает прямо противоположный взгляд на структуру категорий. Сторонники этой точки зрения считают, что категории имеют нечёткие границы и условный характер, что они во многом обусловлены мотивами и целями их использования. (Wittengstein, 1953)

Обе точки зрения находят немало свидетельств в свою пользу среди фактов реального языкового функционирования.

Действительно, с одной стороны, явный категориальный принцип организации лексических единиц, грамматических форм и синтаксических конструкций и строгий характер правил их использования в коммуникации могут рассматриваться как подтверждение первой точки зрения. Однако, с другой стороны, эти же самые правила в реальных условиях языковой коммуникации наталкиваются на многочисленные исключения, вызванные причинами семантического (полисемия, синонимия, омонимия языковых единиц и форм) и прагматического (цели и мотивы коммуникации) характера. Это, в свою очередь, может рассматриваться как свидетельство в пользу зыбкости категориальных границ и условности их выделения, т.е. служить подтверждением второй точки зрения.

Компромиссное решение проблемы принципов формирования категориальных структур было найдено в рамках третьей точки зрения – прототипического подхода. В соответствии с теорией прототипов, понятийные и языковые категории не всегда определяются в терминах одного или нескольких существенных признаков. Скорее, категории формируются внутри категориального пространства – континуума на пересечении некоторого числа наиболее характерных или типичных признаков. При этом совпадение данных признаков может иметь статистический или вероятностный, но не всегда абсолютный характер. Те члены категории, которые обнаруживают наибольшее число существенных характеристик, образуют её прототип.

С позиций прототипического подхода категориальное пространство характеризуется двумя типами градаций (или переходных явлений): града-

цией признаков по их значимости и градацией членов категории по количеству свойственных им характерных признаков.

Это даёт возможность определить общий показатель степени прототипичности (близости к прототипу) тех или иных элементов, их выделенность в общем смысловом пространстве в качестве прототипа или ядра. Прототипическая выделенность элементов, в свою очередь, служит основанием для членения смыслового пространства на категории, которые формируются вокруг тех или иных "скоплений" прототипических элементов. При этом остальные члены категорий располагаются на различном удалении от прототипического центра, создавая непрерывность категориального пространства – категориальный континуум.

Таким образом, прототипический принцип формирования категорий, отражающий идею плавного, непрерывного перехода от категории к категории (и в этом состоит его особая методологическая ценность), наилучшим образом соответствует потребностям реальных процессов коммуникации в условиях постоянно меняющихся контекстов (социальных, культурных, ситуативных, языковых и др.).

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М. : Прогресс, 1974
2. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. - М. : Прогресс, 1992
3. Langacher R.W. Meanings and Prototypes: Studies in Linguistic Categoization/ Ed. by S. Tsohatzidis/ - N.Y. : Routledge, 1990.

© Арендарь О.А., 2013

Афанасьева Г.А.
г.Уфа, Россия

Подготовка иноязычного текста для аудирования

При чтении газет, журналов, книг на иностранном языке преподаватель знакомится с многочисленными материалами, содержащими интересную информацию о странах изучаемого языка – об их экономике, общественно-политической жизни, культурно-исторических традициях и т.п. Многие из таких материалов обладают не только высокой информативностью, но и значительным воспитательным потенциалом, что позволяет эффективно использовать их на уроке, в частности для аудирования. Однако необходимо научиться, во-первых, выбирать нужные материалы из большого потока информации, а во-вторых, адаптировать отобранные тексты в соответствии с уровнем языковой подготовки студентов.

Адаптацию текста в учебных целях не следует понимать односторонне, как его сокращение (хотя именно сокращению, в первую очередь за счет снятия лексических и грамматических трудностей, принадлежит ведущее

место в процессе адаптации). Иногда для обеспечения адекватного восприятия текста студентами он, напротив, нуждается в добавлениях, а также в других изменениях.

При подготовке иноязычного текста для аудирования нам представляется наиболее целесообразными следующие этапы работы:

1. Подбор материала.

Подбирая тексты для аудирования, преподаватель учитывает: а) их информативность, т.е. наличие в них сведений, имеющих познавательную ценность; б) наличие в текстах уже известной студентам информации (полученной на уроках иностранного языка или на уроках по другим предметам), которая может служить опорой при аудировании или дает возможность создать такую опору; в) соответствие языковых трудностей уровню подготовки студентов; г) мировоззренческий потенциал текстов.

2. Анализ смысловой структуры текста.

В ходе этого анализа преподаватель решает, какие отрезки текста важны для его понимания, ценны в познавательном плане, доступны для студентов, а какие отрезки не соответствуют данным требования и могут быть сокращены или опущены.

3. Создание в тексте опор на информацию, знакомую слушателям.

Это облегчает восприятие текста, способствует лучшему запоминанию его содержания.

4. Работа с языковым материалом текста.

Преподаватель выявляет незнакомый для студентов лексический и грамматический материал, решает какие новые слова и грамматические явления нужно опустить, заменить или оставить. Важно при этом оставить для предъявления слушателям минимум незнакомого лексического и грамматического материала и провести с ним работу.

5. Подбор зрительной наглядности.

Для облегчения восприятия прослушиваемого текста преподаватель должен максимально использовать зрительную наглядность (географические карты, схемы, фотографии и другие иллюстративные материалы).

6. Подготовка к проверке правильности понимания прослушанного текста.

Наиболее надежным способом такой проверки, по нашему мнению, являются ответы студентов на вопросы к тексту. Они составляются заранее и могут быть предъявлены студентам как до начала аудирования (написаны на доске или на карточках), так и после него (устно).

© Афанасьева Г.А., 2013

Ахмедова Г.Х.
г.Уфа, Россия

Работа над учебным материалом научных текстов в группах математиков, изучающих немецкий язык

В процессе коммуникации ученых постепенно отбираются и закрепляются наиболее удачные словесные выражения научных концепций, будь то отдельные понятия или системы понятий, создается особый стиль, присущий соответствующей отрасли знаний.

Для людей, приходящих в науку, невозможно познакомиться с ее достижениями, не научившись пользоваться научным языком, причем процесс овладения языком науки идет параллельно с изучением той или иной отрасли. Когда речь идет об обучении иностранному языку, то надо иметь в виду, что у учащихся важно в первую очередь выработать навыки общения на данном иностранном языке именно в той отрасли науки, в которой они работают. Например, математику, изучающему иностранный язык, следует в качестве объекта изучения иметь математический научный материал. Создание языка науки происходит на базе общенародного языка. Большую половину любого специального языка составляет нейтральная лексика, и полезно с определенной ее частью познакомиться до того, как приступить к работе над спецлитературой.

То же самое относится и к грамматике. Перед тем как глубоко изучать наиболее часто встречающиеся в грамматической литературе явления, необходимо получить представление о грамматической системе данного иностранного языка в целом.

Предварительное изучение общих закономерностей, присущих иностранному языку, накопление определенного запаса нейтральной лексики, а также овладение элементарными навыками чтения и устной речи будут способствовать успешному овладению научным языком.

В качестве основного учебного материала целесообразно иметь неадаптированные статьи или отрывки из учебников и монографий, опубликованных на данном иностранном языке, что даст возможность учащимся познакомиться с теми языковыми средствами, которыми пользуются носители языка для выражения определенных математических понятий или идей. Тексты учебника должны быть неадаптированными, поскольку одной из характерных черт, присущих математическому языку, является предельная краткость и точность изложения материала, и трудно упростить то или иное предложение, тот или иной оборот, не исказив смысла высказываемого. Для правильного понимания содержания материала, раскрытия значения отдельных слов и словосочетаний может оказаться недостаточным лексико-грамматический анализ на уровне предложения. Часто появляется необхо-

димость анализа на уровне текста, так как работа над связным текстом стимулирует мыслительную деятельность и повышает интерес к работе. Например, учащийся-математик имеет возможность наблюдать, как с помощью иностранного языка рассматриваются и иллюстрируются на примерах утверждения, теоремы и т.д. Учебный текст должен быть достаточно большим по объему, т.к. в коротком отрывке трудно полностью осветить тот или иной вопрос, доказать то или иное положение. Знание предмета является необходимым условием правильного и полного понимания иноязычного текста, не говоря уже о передаче его содержания на русский язык. Поэтому темы, подлежащие изучению, подбираются таким образом, чтобы каждый учащийся, независимо от его узкой специальности, был знаком с математическим содержанием материала.

Каждому математику известен язык классической высшей алгебры, высшей геометрии и математического анализа. Именно поэтому он и должен явиться объектом изучения на занятиях по иностранному языку. Если ученый владеет языком указанных выше дисциплин, то терминология его узкой специальности не представит для него серьезных трудностей. Следовательно, для того, чтобы обучение иностранному математическому языку было эффективным, темы уроков должны относиться к высшей математике в классическом ее понимании. Лексический материал внутри учебного пособия должен быть подобран и представлен таким образом, чтобы быть необходимым и достаточным для создания оптимальной начальной базы словарного запаса учащихся и для развития у них способности к дальнейшему расширению словарного запаса на основе этой базы.

Кроме того, при подборе текстов следует иметь в виду, что в каждом из них должно быть несколько наиболее типичных для научного стиля грамматических явлений. В математических текстах содержится обычно большое число формул, которые представляют собой соотношения, связывающие величины, определения которых были выведены до их написания. Эти формулы можно выразить словами. Поэтому важно показать, как читаются формулы. После каждого текста целесообразно указать на перечень встречающихся формул, с раскрытием их содержания. Большую часть вокабуляра специальной литературы составляет нейтральная лексика, так как каждый функциональный стиль, в том числе и математический, развивается на базе общенародного языка. В перечне слов и выражений важно поэтому прежде всего раскрыть основное значение слова, а затем уже привести то значение, в котором оно выступает в тексте урока. Имеется в виду не контекстуальное значение слова, а регулярное использование его в определенной сфере общения. Это особенно относится к лексике общего и общенаучного характера, которая встречается не только в общенаучной, но и специальной литературе (в том числе и математической) в нескольких значениях.

Значение слова развивается и достигает своего предела – термина. В каждую данную эпоху слово функционирует в своем ближайшем значении и одновременно в разных специальных сферах общения, главным образом в языке науки, а также в разных профессиональных коллективах – в своих дальнейших значениях. Дальнейшие значения, развиваясь на основе ближайших значений, в конце концов достигают такого отличия от ближайших, что превращаются в специальные термины, омонимы к исходному слову.

Наряду с этими словами имеются слова, основное значение которых как в русском, так и в немецком языке соотносится с математическим понятием, например, der Kosinus, der Logarithmus и др. Здесь значение и понятие сливаются.

Однако имеется большое число слов, которые приобретают терминологическое значение только в сочетании с другими словами. Например, сочетание ausgezeichnetes Differential обозначает математическое понятие, которое в русском языке принято называть «собственным дифференциалом», хотя слово “ausgezeichnet” не имеет значения «собственный».

В тех случаях, когда целью работы над текстом является лишь ознакомительное чтение, учащийся, несколько раз встретив такое слово, в конце концов догадается, какому русскому слову оно соответствует. Но когда работа над текстом служит целям приобретения активного запаса знаний и развития навыков устной речи, тогда необходимо четко выделить математические «понятия» и соответствующие им русские и немецкие словесные выражения, чтобы легко было не только узнать их значение, но и научиться активно пользоваться ими.

© Ахмедова Г.Х., 2013

Ахметова Г. А.
г. Уфа, Россия

Женский портрет в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» сквозь призму иконописи

Вопрос о взаимосвязи и соотнесенности светской живописи и православной иконописи в прозе Л.Н. Толстого до сих пор мало привлекал к себе внимание исследователей. В.В. Лепахин в своей интересной книге «Икона в русской художественной литературе», в главе «Икона и иконопочитание в творчестве Льва Толстого» одним из первых попытался осмыслить отношение писателя к такому большому религиозно-художественному явлению, как иконопись [1, 353-374].

Исследование В.В. Лепахина намечает новый, свежий подход к изобразительной поэтике Толстого, открывает перспективу для изучения важ-

ного вопроса о взаимосвязи иконописи и светской живописи в творчестве писателя. Примером подобного подхода к творчеству Гоголя является работа того же автора «Живопись и иконопись в повести Н. В. Гоголя «Портрет» [1, 164-199].

Православная энциклопедия так определяет икону: «Икона (…) православный литургический образ (…) В широком понимании словом обозначалось любое изображение, независимо от сюжета или вещества, из которого оно создано (…) В узком смысле слово «икона» относится обычно к "моленной иконе, писанной красками, резной, мозаической и т. д."». В православии икона Христа «заключает в себе исповедание веры в Воплощение» [2, 8].

В романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» антитеза светской живописи и православной иконописи выражена неявно, но вполне ощутимо. Антитеза эта осознается художником как противоположность святости и телесности, духа и плоти. По мысли Толстого, икона противоположна светской живописи так же, как святость – плотской природе человека, а религиозный символизм – живописному иллюзионизму.

Ю.М. Лотман, сравнивая портрет как произведение изобразительного искусства и фотографию, писал о внутренней «плотности» портрета: «У фотографии нет прошлого и будущего, она всегда в настоящем времени. Время портрета – динамично, его «настоящее» всегда полно памяти о предшествующем и предсказанием будущего (…) Портрет постоянно колеблется на грани художественного удвоения и мистического отражения реальности» [4, 363].

В роман «Анна Каренина» включены описания двух светских портретов Анны. Один ее портрет выполнен не названным автором «знаменитым художником», а второй – Михайловым. Первый портрет дан в восприятии Каренина, второй – в восприятии Вронского и Левина. Два портрета поразному, но в чем-то сходно проявляют лицо Анны, глубинное в ее внешнем облике.

Каренин вглядывается в висящий на стене его кабинета «овальный, в золотой раме» портрет Анны после решающего, но запоздалого объяснения с ней, когда между Анной и Вронским уже существует близость и когда Анной овладел «дух обмана» – «дьявол».

Золотая овальная рама усиливает роскошь и изысканность поясного портрета Анны, с показом ее рук и поворотом головы в анфас, «лицом к лицу». По словам автора, в кабинете «(…) над креслом висел овальный, в золотой раме, прекрасно сделанный знаменитым художником портрет Анны. Алексей Александрович взглянул на него. Непроницаемые глаза насмешливо и нагло смотрели на него, как в тот последний вечер их объяснения. Невыносимо нагло и вызывающе подействовал на Алексея Александровича вид отлично сделанного художником черного кружева на голове, черных

волос и белой прекрасной руки с безымянным пальцем, покрытым перстнями. Поглядев на портрет с минуту, Алексей Александрович вздрогнул так, что губы затряслись и произвели звук «брр», и отвернулся» [5, 314].

Портрету – «отлично сделанному» произведению искусства особый эффект придает использование черно-белого цветового контраста. Черный цвет кружева и волос Анны оттеняет белизну ее руки с кольцами на безымянном пальце. Портрет рождает абсолютную иллюзию живой женщины. Каренин видит на портрете Анну, «как в тот последний вечер их объяснения». Портрет жены он воспринимает как своего рода продолжение диалога с ней. Направленный прямо на мужа взгляд Анны выражает непроницаемость и насмешливость, как и при последнем их разговоре, когда Анне помогала лгать «какая-то невидимая сила».

В контексте последнего разговора с женой Каренин ощущает ее яркую телесную красоту как наглый вызов и оскорбление. Физическое совершенство Анны, «безымянный палец, покрытый перстнями», вызывает в нем почти безотчетное раздражение и брезгливое отвращение.

Такой эффект, в силу своей иллюзионистической достоверности, может вызвать только картина, отнюдь не икона. Картина «знаменитого художника» и ее восприятие Карениным приоткрывают покровы красоты, за которыми обнаруживается жестокое, темное, «бесовское» начало – наглость и насмешливость.

Портрет Анны настолько визуально достоверен и полон физического динамизма, что Каренин с трудом обретает душевное равновесие, обратившись к своей привычной бюрократической деятельности («сложному делу»), а затем к «эвгюбическим надписям». Бумажная работа успокаивает его и даже вызывает на его лице «краску оживления». Теперь, взглянув второй раз на портрет Анны, Каренин «нахмурился и презрительно улыбнулся» [5, 316]. Бюрократическое творчество дает ему точку опоры и силы для противостояния.

Такое восприятие портрета Карениным убеждает читателя в неодухотворенности красоты Анны, жестокости и оскорбительности ее для Каренина и тщетности его вопрошания.

Портрет Анны поражает своим иллюзионистическим правдоподобием. Полный жизни и плотского соблазна, он стремится преодолеть статичность произведения изобразительного искусства, «выйти» из рамы. Неявно, но вполне отчетливо Толстой противопоставляет портретную живопись, с ее «телесной», иллюзионистической природой, иконописи, с ее духовной утонченностью и символизмом.

Второй портрет Анны, включенный в роман, выполнен талантливым художником Михайловым. Данный экфрасис носит дискретный характер: он повторяется в двух эпизодах романа, далеко удаленных друг от друга.

Сначала Анна с Вронским, путешествуя по Италии, в Риме посещают мастерскую русского художника Михайлова, видят его картину на евангельский сюжет «Увещание Пилатом» и заказывают ему портрет Анны.

Портрет, написанный Михайловым, поразил всех тем, что художник в несколько сеансов сумел уловить и выразить на нем «самое милое (…) душевное выражение» Анны [6, 50]. «Снимая покровы», Михайлов обнажает сокровенное «ядро души» Анны, образ Божий в ней, изначальную благодать. Портрет так правдив, что Вронский поражен проницательностью художника, хотя сам по этому портрету только и узнал «самое милое (…) душевное выражение» любимой женщины. После портрета Михайлова он вынужден оставить незавершенным свой портрет Анны, над которым работал долго и безуспешно.

Тот же портрет Анны работы Михайлова включен в другой эпизод романа, когда Стива Облонский привозит Константина Левина к Анне и знакомит их. Левин видит портрет непосредственно перед знакомством с «оригиналом». Он поражен высокой иллюзионистической техникой художника: «Степан Аркадьич с Левиным по мягкому ковру вошли в полутемный кабинет, освещенный одною с большим темным абажуром лампой. Другая лампа-рефрактор горела на стене и освещала большой во весь рост портрет женщины, на который Левин невольно обратил внимание. Это был портрет Анны, деланный в Италии Михайловым. В то время как Степан Аркадьич заходил за трельяж и говоривший мужской голос замолк, Левин смотрел на портрет, в блестящем освещении выступавший из рамы, и не мог оторваться от него. Он даже забыл, где был, и, не слушая того, что говорилось, не спускал глаз с удивительного портрета. Это была не картина, а живая прелестная женщина с черными вьющимися волосами, обнаженными плечами и руками и задумчивой полуулыбкой на покрытых нежным пушком губах, победительно и нежно смотревшая на него смущавшими его глазами. Только потому она была не живая, что она была красивее, чем может быть живая» [6, 285-286].

«Живая прелестная женщина» готова выйти из рамы портрета. Искусственное внешнее освещение – направленный на портрет яркий свет лампы-рефрактора – делает его еще более блестящим и эффектным. Игра светотени и черно-белый (тоновый) контраст еще более усиливают живую выразительность портрета. Иллюзионизм в изображении телесной красоты Анны делает ее портрет «удивительным», почти «сверхъестественным», как и первый ее портрет, висящий в кабинете Каренина.

Внешняя освещенность изображения, моделирующая его светотень и тоновый контраст органичны в светском изобразительном искусстве, с его стремлением к «натуре», видимости чувственного, иллюзионизму, но они неприемлемы в иконописи. В иконописи «(…) не применяли моделирующую светотень и цветовую перспективу, цветовой контраст предпочитали

тоновому (…)» [2, 60]. Сама иконописная техника послойного наложения красок, как и светопись, служат выражению онтологического содержания.

По словам П.А. Флоренского, «(…) иконописец идет от темного к светлому, от тьмы к свету (…) Свет, в живописном понимании, есть только повод самообнаружения вещи. Напротив, для иконописца нет реальности, помимо реальности самого света и того, что он произведет» [3, 610]. Единством светотени мирской художник хочет выразить «предметность источника света», напротив, иконописец создает формы «из света», осознавая «метафизику света» [3, 612, 616].

Свет, сопровождающий толстовские визуальные изображения, разграничивает мир дольний и горний, светскую картину и икону. Искусственный, резкий, ровный свет лампы-рефрактора, направленный на портреты Анны, совсем не похож на трепетный, живой свет лампады и свет раннего утра – Божественный свет, освещающий икону Божьей Матери, перед которой молилась Наташа в романе «Война и мир».

Точно так же золотая рама первого портрета Анны имеет мало общего с золотыми окладами на святых образах. На иконах золото окладов, а также золотые вкрапления (ассистки) на одеждах Спасителя, Евангелии в его руке или руке святого воплощают Божественную энергию, отблеск небесной благодати, в отличие от материального земного золота. По словам П.А. Флоренского, в иконописи «(…) золото относится к духовному золоту – пренебесному свету Божьему» [3, 597].

Портрет, выполненный Михайловым, написан в счастливый период жизни Анны и передает ее совершенную красоту, прелесть форм и внутреннее состояние счастья, готовность дарить счастье. Но восприятие Левина фиксирует и нечто иное. Прямой взгляд Анны с портрета на зрителя, «победительный и нежный», смущает его. Портрет магнетизирует, таит соблазн. В нем есть что-то от той чуждой, темной, «сверхъестественной силы», которая притягивала взгляды Кити и Вронского к Анне на московском балу, рождая в них испуг, почти суеверный ужас.

Описание портрета Анны сразу же сменяется описанием живого оригинала в «раме» полуосвещенного кабинета. Анна появляется «из тьмы», ее фигуру моделирует луч внешнего света от лампы под темным абажуром. Игра светотени позволяет, как на портрете, эффектно «высветить», «вылепить» формы Анны.

Сначала Левин услышал голос женщины, портретом которой он только что любовался, после чего сразу же он видит оригинал. Возникает иллюзия «оживающей» картины, которая вдруг «заговорила». Изображение как бы сходит с картины, «выходит» из рамы, являя собой то, что П. А. Флоренский назвал «отрицательным чудом» [6, 357]. Левин «(…) увидел в полусвете кабинета ту самую женщину с портрета в темном, разноцветно-синем платье, не в том положении, не с тем выражением, но на той самой высоте

красоты, на которой она была уловлена художником на портрете. Она была менее блестяща в действительности, но зато в живой было и что-то такое новое, привлекательное, чего не было на портрете» [6, 286].

Две картины – одна, выполненная Михайловым, и другая, живая, – обращены друг к другу. Портрет Анны и оригинал «в раме» полуосвещенного интерьера повернуты друг к другу, взаимно отражаясь в «зеркале» глаз Левина. Эффект невольного сравнения подчеркнут: «Левин поглядел с портрета на оригинал».

Живая картина, кроме обещанных портретом красоты, ума, душевности, таит в себе нечто, противоречащее душевности и вызывающее в Левине, как прежде в Кити, невольную жалость и сострадание: «Кроме ума, грации, красоты, в ней была правдивость. Она от него не хотела скрывать всей тяжести своего положения. Сказав это, она вздохнула, и лицо ее, вдруг приняв строгое выражение, как бы окаменело. С таким выражением на лице она была еще красивее, чем прежде; но это выражение было новое; оно было вне того сияющего счастьем и раздающего счастье круга выражений, которые были уловлены художником на портрете. Левин посмотрел еще раз на портрет и на ее фигуру, как она, взяв руку брата, проходила с ним в высокие двери, и почувствовал к ней нежность и жалость, удивившие его самого» [6, 290].

При этом прямо устремленный с портрета на Левина «смущающий взгляд» Анны несет в себе что-то соблазнительное. Магнетизм очарования Анны достоверно передан через восприятие Левиным сначала портрета, а затем оригинала. «Притягивающий взгляд» живого оригинала, манера Анны «щуриться» таят в себе потенциальную хитрость и даже жестокость.

Два портрета Анны, выполненные профессиональными художниками, и живая картина-оригинал, отразившаяся в «зеркале» глаз Левина, формируют плотный, объемный образ. Он сочетает в себе свет и тьму: «милое душевное выражение» и «насмешливость и наглость», нежность и «окаменелое» выражение лица. Портреты Анны вызывают в «зрителях» – Каренине, Вронском, Левине – сходные сложные чувства: раздражение, безотчетный страх и одновременно жалость, сострадание.

По мысли Толстого, светская портретная живопись, передающая красоту женского тела, по своему этическому содержанию и исполнению абсолютно противоречит богословию и технике иконописи. Икона, воплощая святость Первообраза, предполагает духовную утонченность и телесную истонченность. Двухмерная, она устремлена от зрителя в «небесное» и не нуждается в «золотой раме». Портреты Анны Карениной заключены в роскошные рамы и представляют собой апофеоз плотского начала. Эти портреты предельно иллюзионистичны, трехмерны и, обладая прямой перспективой, устремлены к зрителю, земному.

Оттого светские портреты Анны Карениной воспринимаются как своего рода «аниконические изображения» [2, 31], или антиконы. Мирская живопись как бы стремится заместить собой икону, являясь полной ее противоположностью.

В светских портретах Анны воплощена античная скульптурная красота тела. Антично-возрожденческая культура с ее апофеозом земной, телесной красоты осознается Толстым как полная противоположность православной иконописи и толкуется как недолжная, греховная. С нее снимаются покровы прелести и очарования.

Литература

1. Лепахин В. В. Икона в русской художественной литературе. Икона и иконопочитание, иконопись и иконописцы. М.: Отчий дом, 2002. 736 с.
2. Православная энциклопедия. Т.XXII. М.: Православная энциклопедия, 2009. 752 с.
3. Флоренский П. Иконостас // П. Флоренский. Христианство и культура. М.: Фолио, 2001. 667 с.
4. Лотман Ю. М. Портрет // Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 349-375.
5. Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 томах. Т. 8. М.: Худож. лит-ра, 1981. 495 с.
6. Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 томах. Т. 9. М.: Худож. лит-ра, 1981. 462 с.
7. Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 томах. Т.13.М.: Худож. лит-ра, 1983. 490 с.

© Ахметова Г.А., 2013

Аюпова С.Б.
г. Уфа, Россия
Аюпов С.М.
г. Соликамск, Россия

Роль однородных членов предложения в формировании категории пространства в языковой художественной картине мира М.А. Булгакова (на материале романа «Мастер и Маргарита»)

Семантика пространства имеет разнообразные средства выражения на всех уровнях языковой системы. Вместе с тем роль однородных членов предложения в ее формировании только начинает исследоваться (С.Б. Аюпова [1], Л.Д. Беднарская [4]), хотя расширение структурной схемы предложения, по наблюдению Л.Д. Беднарской, – «это употребление рядов однородных членов с характеризующей и экспрессивной функцией» [4, 89].

Предметом нашей статьи является языковая художественная картина мира, представленная в таком своем компоненте, как пространство. Под языковой художественной картиной мира понимаем «художественный образ мира, выраженный в языковой форме» [2].

Объект исследования – однородные члены предложения (далее – ОЧП) как средство выражения категории пространства.

Работа ориентирована на установление роли писателя в концептуализации мира художественного произведения, такой его изначальной константы, как пространство. В ней впервые исследована роль однородных членов предложения в формировании категории пространства в языковой художественной картине мира М.А. Булгакова, что обусловило актуальность и научную новизну работы.

По мнению В.В. Бабайцевой, однородные члены предложения – это одно из проявлений структурно-семантической категории синтаксиса – однородности. При этом однородные члены предложения характеризуются набором следующих дифференциальных свойств:

1) обычно выражают однородные понятия; 2) занимают позицию одного члена предложения; 3) связанны между собой сочинительной связью, образуют блок однородных членов предложения, который, в свою очередь, связан с каким-либо членом предложения подчинительной связью; 4) часто имеют одинаковое морфологическое выражение [3, 387].

В романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» представлено 37 блоков однородных членов предложения с семантикой пространства: однородные сказуемые (28 из 37 блоков ОЧП, т.е. 75 %), однородные обстоятельства места (5 из 37 блоков ОЧП, т.е. 14%), однородные дополнения (2 из 37 блоков ОЧП, т.е. 5%), однородные детерминанты места (1 из 37 блоков ОЧП, т.е. 3%), однородные подлежащие (1 из 37 блоков ОЧП, т.е. 3%).

Блок двухкомпонентных ОЧП с локальной семантикой и с соединительными отношениями между элементами ряда в романе «Мастер и Маргарита» используется в следующих функциях.

1. Параметризующая функция, благодаря которой в художественном мире литературного произведения создается правдоподобная иллюзия наличия в нем пространственных перспективы и объема, характерных для внехудожественной действительности. При этом ОЧП помогают объединить в одной картине:

1) вертикальное и плоскостное членение мира: *Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней, **опустилась** с неба бездна и **залила** крылатых богов над гипподромом, Хасмонейский дворец с бойницами, базары, караван-сараи, переулки, пруды...*

2) вертикальное и горизонтальное членение мира: *На мозаичном полу у фонтана уже было приготовлено кресло, и прокуратор, не глядя ни на кого, **сел** в него и **протянул** руку в сторону.*;

3) горизонтальное членение мира: *Но это, увы, было, и длинный, сквозь которого видно, гражданин, не касаясь земли, качался перед ним и **влево** и **вправо**.;*

4) вертикальное членение мира. Например, использование однородных сказуемых, обозначающих перемещение в пространстве по вертикали вниз и остаток чего-либо, помогает автору произведения описать полет главной героини.

Иллюзия движения города вниз передает значительную высоту, на которую отрывается от земли Маргарита: *Когда на мгновение чёрный покров отнесло в сторону, Маргарита на скаку обернулась и увидела, что сзади нет не только разноцветных башен с разворачивающимся над ним аэропланом, но нет уже давно и самого города, который* ***ушёл*** *в землю и* ***оставил*** *по себе только туман.*

2. Функция сужения, уменьшения двух пространственных объектов (как правило, рукотворных, созданных человеком объектов закрытого пространства или их частей) за счет поглощения объектов закрытого пространства открытым пространством: *Пилату показалось, что исчезли розовые* ***колонны*** *балкона и* ***кровли*** *Ершалаима вдали, внизу за садом, и все утонуло вокруг в густейшей зелени капрейских садов.*

Контексты данного типа появляются в «библейских» главах романа и передают мироощущения Пилата, который страдает от сдавливающей головной боли. Эта боль ассоциируется у героя с закрытым пространством дворца. Герою кажется, что выход за пределы этого пространства в открытый бескрайний мир природы поможет унять эту боль.

3. Сюжетообразующая функция. Как правило, ряд ОЧП, в который входят сказуемые, выраженные глаголами, обозначающими однонаправленное перемещение в пространстве по плоскости и фиксацию положения кого-либо по вертикали, используются в тех частях текста, в которых впервые появляется новый герой или персонаж, играющий важную роль в сюжете произведения. Так, именно однородные сказуемые указанных выше семантических групп помогают Булгакову описать первое появление Иешуа во дворце Пилата: *И сейчас же с площадки сада под колонны на балкон двое легионеров* ***ввели*** *и* ***поставили*** *перед креслом прокуратора человека лет двадцати семи.*

4. Функция психологизации повествования. Перемещение в пространстве по вертикали вверх и вниз используется автором в ряде контекстов для того, чтобы передать с помощью пространственной локализации телодвижений душевное состояние персонажа.

Например, удивление, которое возникает у секретаря от сказанных Иешуа слов, и желание скрыть свое чувство фиксируют однородные сказуемые в следующем предложении: *Он* ***поднял*** *голову, но в тотчас же опять* ***склонил*** *её к пергаменту*.

Страх, который вызывает у людей в московских главах романа появление инфернальных героев, их действия, также передают однородные сказуемые, выраженные глаголами со значением многократного разнонаправ-

ленного перемещения в пространстве. Например, *Ручку двери снаружи в это время **крутили** и **дергали**, и слышно было, как курьерша за дверями отчаянно кричала…*

5. Функция передачи физических страданий героев и персонажей. Мучения Понтия Пилата от жестокой головной боли, ее нарастание, усиление передают однородные сказуемые, обозначающие разнонаправленное перемещение в пространстве и однонаправленное перемещение в пространстве по плоскости: *Поплыла вместо этого всего какая – то багровая гуща, в ней **закачались** водоросли и **двинулись** куда – то, а вместе с ними двинулся и сам Пилат.*

6. В ряде случаев однородные сказуемые с локальной семантикой используются в темпоральной функции. Перемещение в пространстве наглядно отражает движение линейного времени, его ход. Пространственный образ передает сущность времени: *Пилат поднял мученические глаза на арестанта и увидел, что солнце уже довольно высоко стоит над гипподромом, что луч **пробирался** в колоннаду и **подползает** к стоптанным сандалиям Иешуа, что тот сторонится от солнца.*

В том случае, если однородный ряд включает в себя сказуемые не только локальной семантики, функции его меняются.

Возникает функция перехода от повествования к описанию. Такой переход возможен в рамках одного предложения. При этом используются сказуемые, обозначающие перемещение в пространстве по плоскости назад и зрительное восприятие. Например, *Когда на мгновение чёрный покров отнесло в сторону, Маргарита на скаку **обернулась** и **увидела**, что сзади нет не только разноцветных башен с разворачивающимся над ним аэропланом, но нет уже давно и самого города <…>.*

Двухкомпонентные ОЧП с семантикой пространства, между частями которых складываются противительные или градационные отношения используются в языковой художественной картине мира М.А. Булгакова с разнообразными целями.

Во-первых, они расширяют пространственную перспективу от небольшого объекта замкнутого пространства до объекта открытого пространства. Это расширение компонента художественной действительности помогает писателю отразить страх персонажа, который остается один на один перед лицом опасности в безлюдном открытом пространстве: *Не только **у будочки**, но и во всей **аллее**, параллельной Малой Бронной улице, не оказалось ни одного человека.*

Во-вторых, они являются средством изображения фантастического в произведении: передают необыкновенно быстрое перемещение по Москве и другим частям Советского Союза инфернальных персонажей или людей, на которых они воздействуют: *Грач ли хорошо знал своё дело, машина ли была*

хороша, но только вскоре Маргарита, открыв глаза, увидела под собою не лесную ***тьму,*** *а дрожащее* ***озеро*** *московских* ***огней.***

Для передачи фантастичной скорости преодоления пространства используются и трехкомпонентные ОЧП. При этом среди сказуемых с локальным значением однократного кратковременного и постепенного перемещения по вертикали вверх появляются сказуемые, выраженные глаголами звучания: *Машина* ***взвыла, прыгнула*** *и* ***поднялась*** *почти к самой луне, остров пропал, пропала река.* Глагол звучания предваряет стремительное перемещение предмета вверх, подготавливает его.

Трехкомпонентные детерминанты и семикомпонентные однородные дополнения используются для расширения пространства, значительного увеличения его границ. Например, ***По*** *Яффской* ***дороге, по*** *скудной Гионской* ***долине, над шатрами*** *богомольцев, гонимые внезапно поднявшимся ветром, летели пыльные столбы.*

Таким образом, характерной особенностью выражения категории пространства в языковой художественной картине мира М.А. Булгакова является то, что в романе, с одной стороны, блоки однородных детерминантов, обстоятельств, дополнений и подлежащих с семантикой пространства единичны. С другой стороны, в языке писателя основным средством выражения категории пространства в осложненном предложении являются однородные сказуемые.

Роль однородных членов предложения с семантикой пространства зависит от структуры блока (количества компонентов в нем) и семантических отношений, складывающихся между компонентами, а также от значений самих компонентов.

Однородные сказуемые в двухкомпонентном ряду с семантикой соединения, осложненной семантикой последовательности используются в параметризующей, сюжетообразующей, темпоральной функциях, они служат для психологизации повествования, передачи физических страданий персонажей и героев.

Многокомпонентные однородные члены предложения помогают писателю создать в художественном произведении модель фантастического, инфернального пространства, многие параметры которого значительно отличаются от параметров реального пространства, например, невероятно стремительной скоростью перемещения.

Литература

1. Аюпова С.Б. Категория пространства в языковой художественной картине мира (на материале прозы И.С. Тургенева). – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 367 с.

2. Аюпова С.Б. Языковая художественная картина мира: синтез универсального и специфического. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 212 с.

3. Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 496 с.
4. Беднарская Л.Д. Синтаксис романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». – Орел: ОГУ, 2008. – 372 с.

© Аюпова С.Б., Аюпов С.М., 2013

Баишева З.В.
г.Уфа, Россия

Тактика «перевоплощение» в судебной речи

В статье рассматривается одна из тактик, характерных для судебных речей известного оратора-юриста второй половины XIX в. А.Ф. Кони. Наш интерес к творчеству талантливого судебного деятеля обусловлен высокой эффективностью его выступлений, которая, на наш взгляд, во многом определяется его умением использовать речевые тактики, максимально соответствующие стратегии речи.

Наиболее интересной, на наш взгляд, является характерная для обвинителя А.Ф. Кони тактика «перевоплощение», заключающаяся в том, что в ходе выступления оратор принимает на себя различные роли, позволяющие ему решать свои задачи, представляя содержание речи с разных точек зрения. Об ораторских перевоплощениях еще в 30-е гг. XX в. писал В.В. Виноградов. Оратор может выступить в роли «исследователя» фактов, или в роли трибуна, в роли человека, информирующего аудиторию, в роли проповедника и др. Это вопрос не политического или морального облика, а стратегии, тактики внушения, техники построения убеждающей речи [1, 122].

А.Ф. Кони выступает в судебных речах в разных ролях, соответственно используя различные языковые стили. Разные роли позволяют представить рассматриваемое событие с разных точек зрения, во множестве его языковых описаний, что делает речь максимально доступной для восприятия и значительно усиливает её убедительность. Прагматические роли субъекта обвинительных речей А.Ф. Кони можно, с нашей точки зрения, разделить на три группы: «социальные» (гражданин, моральный проповедник); «судебные» (беспристрастный исследователь, юрист-ученый, судья, обвинитель); а также роли «мастера слова» (полемист, рассказчик-психолог).

Исполняя *социальные* роли, А.Ф. Кони преследовал цель воздействовать на все русское общество в плане гражданского и морального его воспитания, но с разных позиций – гражданина и морального проповедника. Общая направленность этих ролей обусловливает и сходство стиля изложения, языковых способов выражения мысли. В речи и морального проповедника, и гражданина отчетливо проявляются особенности публицистического сти-

ля: использование литературно-книжной лексики с небольшими вкраплениями элементов официально-делового и разговорного стилей; насыщенность речи различными средствами выразительности (эпитеты, метафоры, антитеза, сравнения, гипербола, инверсия, анафора, обращение и т.п.); прием обобщения; широкое применение лексики и фразеологии, выражающей эмоции и экспрессию (книжные слова, характерные для высокого стиля; имена существительные на –ние, -ство, -ость и т.п.); наглядное проявление в речи оценочного элемента, позволяющее оратору отчетливо выразить отношение к предмету речи (оценка обычно связана с употреблением эпитетов, прилагательных в сравнительной степени, наречий с морально-этической характеристикой описываемого явления и т.п.); употребление в основном простых предложений, осложненных однородными членами, обособленными второстепенными членами, выраженными причастными и деепричастными оборотами, сравнительными оборотами, вставными конструкциями.

Вместе с тем различие задач, решаемых А.Ф. Кони-гражданином и А.Ф. Кони-проповедником, обусловливает различия речевого поведения оратора и определяет языковую специфику судебного выступления. Так, гражданственный пафос речи создается широким употреблением лексики общественно-политического звучания (*общество, народ, общественное значение* и др.); обилием негативно-оценочной лексики обличающего характера (*растлевающее значение, ограбленный бедняк* и др.); открытым выражением позиции оратора (*я полагаю*); активным использованием риторических средств, придающих речи особую эмоциональность и экспрессию (риторические восклицания, обращения, анафора, параллелизм и др.). Для речи же А.Ф. Кони-проповедника более характерна морально-этическая лексика, слова, обозначающие нравственные качества человека (*совесть, стыд, душа, честный, добрый, бессердечный* и т.п.); подчеркнутая объективность и беспристрастность оратора (применяется речевой прием намека; значительно реже употребляются местоимения *я, мой* и др.). Не характерны такие речевые приемы создания эмоциональности и экспрессивности, как риторические восклицания, анафора, параллелизм и т.п. Эмоциональное звучание достигается самим содержанием речи, использованием соответствующей лексики и фразеологии, а также обилием оценочных эпитетов.

Если социальные роли дают оратору возможность рассмотреть дело с позиций человека – гражданина, морального проповедника, то *судебные* роли представляют оценку событий происшествия с позиции юриста. Специалист-юрист в соответствии со своими знаниями в области права дает в судебной речи юридическую оценку деяния, это его основная функция в суде. Реализуя эту функцию в обвинительной речи, судебный оратор и выполняет роли беспристрастного исследователя, юриста-ученого, судьи, обвинителя.

Для речи исследователя характерна подчеркнутая логичность, последовательность изложения мыслей, которая выражается различными речевыми приемами, оформлением речи в виде рассуждения. Средства выразительности используются в минимальном количестве, что восполняется разнообразием логических ходов, широко применяется нейтральная лексика и книжная с элементами, характерными для юридической сферы официально-делового и научного стиля. В стилистическом плане речь исследователя отражает все особенности делового и научного стиля. Для А.Ф. Кони-исследователя характерен спокойный и выдержанный тон, строгость и простота изложения, что придает речи особую убедительность.

Юрист-ученый объективно квалифицирует преступное деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, разъясняет положения уголовно-правовых и уголовно-процессуальных законов с целью доказать правоту своей позиции по конкретному делу и способствовать правильному уяснению правовых положений слушателями. Роль юриста-ученого по речевым характеристикам близка к роли беспристрастного исследователя: в ней обнаруживается та же подчеркнутая логичность, последовательность изложения мыслей, которая выражается, в частности, введением в речь определений, рассуждений или элементов рассуждения, различными синтаксическими конструкциями. Широко представлена нейтральная лексика и книжная с элементами, характерными для юридической сферы научного стиля. Схожесть этих ролей в речевом оформлении обусловлена их взаимосвязью: дополняя друг друга, они создают объективность, беспристрастность оратора, научную обоснованность его выводов. Вместе с тем обнаруживаются существенные отличия. Так, юрист-ученый наряду с характерным для научного стиля *определением* использует *объяснение*, присущее научно-популярным текстам. Соответственно, в речь вводятся элементы публицистического стиля. И если исследователь употребляет средства выразительности в минимальном количестве, то юрист-ученый прибегает к ним значительно чаще. В целом стиль речи исследователя приближен к деловому и научному, в то время как речь юриста-ученого совмещает особенности научного и публицистического стиля изложения.

В роли судьи А.Ф. Кони спокоен, подчеркнуто логичен, последователен, когда дает юридическую оценку деяния, и очень эмоционален, когда оценивает преступные действия нравственно. Соответственно, языковые средства выразительности употребляются в незначительном количестве при юридической оценке преступления, и, наоборот, активно - при нравственной. Оратор применяет нейтральную лексику и книжную с незначительными вкраплениями разговорной лексики и элементов высокого стиля. Речь А.Ф. Кони-обвинителя беспристрастна, объективна, лаконична, категорична, вместе с тем достаточно экспрессивна. Он использует нейтральную лексику и книжную. В стилистическом плане речь обвинителя сочетает элементы

официально-делового и публицистического стиля изложения. Ролям судьи и обвинителя также присущи бесстрастность и объективность. Вместе с тем здесь явно проявляется позиция оратора (обычно негативная) по отношению к рассматриваемому делу, что выражается в активном введении в контекст элементов публицистического стиля, а именно средств эмоционально-экспрессивного воздействия.

Другие роли (так называемые роли «мастера слова» - полемист, рассказчик-психолог) еще шире раскрывают ораторское мастерство А.Ф. Кони. Они могут быть присущи любой публичной речи, но исполнять их способен лишь оратор, достигший определенного уровня мастерства. В них проявляется талант мастера, умело воздействующего на разум (полемист) и чувства (рассказчик-психолог) слушателей с целью склонить их на свою сторону.

В роли полемиста А.Ф. Кони выступает на протяжении всей обвинительной речи. При этом оратор нетороплив, спокоен, сдержан, последователен, его речь включает нейтральную и книжную лексику с незначительными вкраплениями разговорных слов и элементов юридического языка. Языковые средства выразительности употребляются очень осторожно, их мало. А.Ф. Кони применяет в основном сложные синтаксические конструкции с обилием сложноподчиненных предложений. Все это призвано передать беспристрастность говорящего и его стремление к объективному решению вопросов. Арсенал полемических приемов широк: предвосхищение; уступка; резюмирование; ирония; «атака вопросами»; «апелляция к публике»; демонстрация уважительного отношения к процессуальному оппоненту; изложение сильного довода в виде рассуждения: одно из двух, т.е. дилемма. Эти средства делают речь оратора максимально убедительной, способствуют достижению успеха в полемике.

Для А.Ф. Кони особо характерна роль рассказчика (повествователя и психолога), в которой он излагает обстоятельства рассматриваемого дела, создает характеристики подсудимого, потерпевшего, описывает их психическое состояние. Речь рассказчика ориентирована на оказание эмоционально-психологического воздействия на слушателей, поэтому в ней преобладают не логические формы, а изобразительно-выразительные, риторические, создающие высокую эмоциональность: в судебную речь широко вовлекаются экспрессивно-стилистические краски художественной речи, свободно используются элементы художественного стиля. Именно применением экспрессивно-стилистических, художественно-образных средств достигается убедительность речи. Активно задействуется и нейтральная лексика наряду с элементами, характерными для разговорного стиля (в частности, фразеологизмами).

Создавая характеристики подсудимого, потерпевшего, А.Ф. Кони проявляет себя не только как художник слова, но и как психолог, умело выдвигающий основные черты личности на первый план и находящий в них

источник к пониманию преступления. Глубокий психологический анализ личности подсудимого, потерпевшего, их действий, дающий понимание этих людей, позволяет оратору продемонстрировать объективность, беспристрастность, стремление установить истину, внимательное отношение к подсудимому и потерпевшему и тем самым расположить слушателей к себе. В этом, а также в умении использовать факты для создания соответствующей психологической атмосферы, способствующей убеждению адресата, проявляется свойственное А.Ф. Кони-психологу мастерство управления аудиторией.

Таким образом, исполнение различных ролей дает выступающему возможность менять речевое поведение, использовать разные приемы стилевой организации речи. Так, наши наблюдения показывают, что А.Ф. Кони употреблял в судебной речи все функциональные стили, существующие в языке, от юридической разновидности официально-делового до литературно-художественного. Роли – это разные позиции, занимаемые оратором при рассмотрении дела. Они предполагают определенную оценку обстоятельств и особый пафос ее выражения. Создается впечатление присутствия в судебном заседании разных представителей общества (проповедника, юриста-ученого, исследователя и др.), которые анализируют, оценивают рассматриваемое дело, высказывают свое мнение по поводу данного дела и явлений действительности, что делает речь максимально доступной для восприятия и убедительной, а также «работает» на реализацию целевой установки оратора.

Литература

1. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. - М.: Наука, 1980. – 360 с.

© Баишева З.В., 2013

Барановская М.Е., Курочкина Т.А.
г.Уфа, Россия

Роль преподавателя в обучении лексике на занятиях по английскому языку

Преподаватель является высококвалифицированным, хотя и часто недооценённым, источником ввода новых слов. Студенты часто узнают множество дополнительных слов от своих преподавателей, особенно слова и фразы, связанные с учебным процессом, такие как:

Let’s see…
Now then…
Whose turn is it?

Is that clear?

What we're going to do now is…

Have you finished yet?

Преподаватель также является источником многих полезных межличностных языковых формул, особенно при разговоре на уроке:

Did you have a nice weekend?

Oh really?

That's amazing!

Could you close the window?

Nice tie.

Whoops!

Never mind… и т.д.

Важно время от времени привлекать внимание студентов к этим языковым формулам. Один из способов сделать это, просто спросить их: What did I just say? и What other ways are there of saying the same thing? И если студенты в группе одноязычные – How would you say that in your language?

Собственные рассказы преподавателя могут также послужить средством ввода новой лексики. Один из способов сделать это – рассказать группе студентов короткий анекдот, записывая его в то же самое время на диск. Рассказав историю, преподаватель просит слушателей записать любые слова, которые они запомнили, сравнивая результаты в парах или небольших группах. Преподаватель затем проигрывает записанный анекдот 1-2 раза, каждый раз позволяя студентам дополнить их список слов и спрашивая о значении и правописании любого из незнакомых слов. Используя эти слова, студенты затем могут работать в небольших группах, чтобы восстановить рассказ как можно ближе к оригинальному. Преподаватель затем вновь проигрывает диск так, чтобы они могли проверить и отредактировать свои письменные тексты. Этот метод – хороший способ ввести в контексте слова, которым часто трудно обучить по отдельности, такие как фразовые глаголы. Вот, например, история, которую один из преподавателей рассказал студентам (фразовые глаголы подчёркнуты):

I had to fly to Glasgow last week. As we were taking off, there was a loud bang in one of the engines. We had hit a bird. We had to turn round and come back to Barcelona. It turned out that the bird had damaged the engine. So we had to get off, and hang around for three hours, while another plane was sent out to pick us up. By this time I had missed my connecting flight, so I was held up another three hours in Luton. By the time I got to Glasgow, it had taken me fifteen hours.

© Барановская М.Е., Курочкина Т.А., 2013

Басырова Ф.А.
г. Уфа, Россия

Некоторые новшества в английском словообразовании

Словарный состав традиционно известен как статический, так и динамический. С одной стороны, в нём должно сохраняться некое неизменное ядро, чтобы оставалось средство общения для последующих поколений. С другой стороны, удовлетворение спроса общества на названия новых предметов и понятий требует образования новых слов и, одновременно, избавления от устаревших вокабул или, по крайней мере, сдвига их на периферию словаря.

Новые слова в основном образуются из имеющегося в языке материала согласно продуктивным структурным моделям. Это могут быть также новые значения слов, которые уже существуют в языке. Заимствование ещё один важный источник неологизмов.

Просмотр словаря новых слов информативен и увлекателен. Это похоже на просматривание альбома с фотографиями после интересной поездки: вы видите картинку и память уносит вас к мгновениям, которые вы испытали в путешествии. То же происходит, когда вы встречаете некоторые новые слова. Они показывают, как сильно изменился мир вокруг, и вам интересно, как это вы могли до совсем недавнего времени обходиться без таких понятий и устройств, как электронная почта, персональный компьютер или планшет с мобильным телефоном. Изучение новых слов важно с лингвистической точки: взятые в целом они указывают направление, в котором развивается языковая система.

Анализ Британских словарей, которые включают новые английские лексемы последних трёх десятилетий, помогает увидеть некоторые характерные черты современного словообразования. Большинство моделей остаются продуктивными и служат получению большого количества слов. Новшества можно поделить на группы: 1) новые значения давно устоявшихся моделей; и 2) новые модели [3, 4].

Имеется большое количество слов, образованных с помощью суффикса **- ism**. Традиционно он образует абстрактные существительные, которые обозначают действие или результат (**baptism, organism**), обычное поведение (**heroism**), систему принципов, теорию или доктрину (**liberalism, Darwinism**) или патологическое состояние (**dwarfism**), особенно такое, которое вызывается чрезмерным приёмом лекарств, наркотических средств и пр. (**alcoholism**). Этот суффикс считается стилистически маркированным: существительные, оканчивающиеся на него, в основном принадлежат к литературному стилю. Сам суффикс лишён оценочной силы и обозначает от-

рицательно-окрашенные понятия лишь в сочетании с основами уничижительного характера, например: **blackguardism, fascism**.

Среди новых слов, наряду с традиционными образованиями, такими как monetarism, consumerism or volunteerism, существует достаточно много образований с основами, не выражающими никакой оценки вообще, например: **paternalism** – политика правительств или работодателей, обеспечивающая нужды народа, но не предоставляющая ему ответственности или свободы выбора [1, 66].

Всё же более отчётливо отрицательная сила суффикса чувствуется в недавно появившихся словах, которые обозначают разные виды дискриминации и пристрастного отношения. Эта модель, возможно, возникла при образовании слова **feminism**, которое обозначило движение за признание равных прав женщин с мужчинами. За ним последовало sexism – дискриминация и предубеждение против женщин. Поскольку это слово стало крепко соотноситься со специфически антиженским предубеждением, появился термин **genderism**, значением которого является несправедливое и пристрастное отношение к лицам обоих полов. Оттенок дискриминации находится и в **ageism** – предубеждение против пожилых просто потому что они в возрасте, **ableism** – несправедливая пристрастность в пользу здоровых и крепких людей, **alphabetism** – (используемое несколько иронически) дискриминация на основе места в алфавите первой буквы чьей-либо фамилии, **fattism** – предубеждение или плохое обращение с людьми излишне полными, heightism – дискриминация по росту, особенно несправедливое обращение с высокими женщинами и мужчинами невысокого роста.

В своём исследовании В.И. Заботкина отметила ещё одно вновь возникшее значение суффикса – **ism**: принадлежность к чему-либо, например: Afroism - к Африканскоё культуре [3, 16].

Суффикс –**ship,** кажется, сливается с полусуффиксом – **man** в некоторых новых словах и образует сложный суффикс –**manship**. Суффикс **– ship** обычно образует существительные с собирательным значением, подобно **viewership** – телезрители, или **ridership** – все пассажиры на каком-либо виде транспорта, но сейчас оно часто появляется в сочетании с –man, даже когда отдельная основа с – man не регистрировалась. Этот сложный суффикс придаёт некую ироническую окраску новому слову, например: **looksmanship** – искусство максимизации чьей-либо внешней привлекательности, **gamesmanship** – искусство побеждать сомнительными, однако не запрещёнными законом способами [3, 74].

Суффиксу –**y/-ie** необходимо дальнейшее рассмотрение. Он остаётся активным и сохраняет свой разговорный стиль, но приобрёл значение «навязчивый энтузиаст», например: **druggie – a drug addict** (наркоман), **winie** – человек с навязчивым интересом к вину, **deccie** – тот, кто маниакально интересуется внутренним убранством, кто обязательно затевает ремонт своей

квартиры**, Cuppie** – обеспеченный из среднего класса приверженец гонок на яхтах и т.д. [5, 346].

Акронимия очень популярна в современном английском языке. Некоторые из акронимов имеют суффикс **y/-ie**. Акроним **yuppi** – young urban professional + суффикс **y/-ie** порождает многочисленные слова такого же типа, например: **buppie** – **b**lack yuppie, **yeepie** – **y**outhful **e**nergetic **e**lderly **p**eople **i**nvolved in **e**verything, **pippie** – a **p**erson **i**nheriting **p**arents' **p**roperty, usually of middle age, who undergoes a sudden massive increase of wealth, **dinky** – любой член (брачного) партнёрства, в котором оба члена имеют работу и у них нет детей (**d**ouble **i**ncome, **n**o **k**ids). Многие из этих неформальных слов являются либо уничижительными, либо ироничными.

Образование слов-гибридов, в которых части двух отдельных слов соединяются вместе путём контрактации и образуют третье, является очень плодотворным способом возникновения новых слов. Некоторые из гибридов звучат книжно, например: **fertigation (**fertilize + irrigation), **eyelyser** – прибор-алкотестер, определяющий потребление алкоголя измерением уровня последнего в парах, выделяемых глазами (eye + analyser), но многие выражают иронию, такие как **blaxploitation** – эксплуататорское обращение с представителями чёрной расы в фильмах, газетах и журналах, выделяющее стереотипы, способные сделать вышеупомянутое коммерчески успешным, **cosmopolization** – внедрение элементов из других культур или этнических групп, образующее космополита, **Frenglish** (French + English), **magalog** (magazine + catalogue).

В предисловии к своему словарю Джон Эйто замечает, что «область, особенно богатая гибридами является жанром переходов на телевидении и других СМИ. Явление, кажется, началось с так называемых **docudramas** и **faction** в начале 1980-х, но ручеёк сегодня стал потоком: **docufantasies, dramacoms, dramedies, gastrodramas, informercials, plugumentaries, rockumentaries, sit-tragedies, telebooks or toytoons»** [4, 3-6].

Любопытное образование представляет собой **babushkaphobia**. Элемент –**phobia** часто встречается во многих медицинских терминах, таких как hydrophobia, claustrophobia, и т.д. Окончание слов означает «боязнь чего-то», и буквально **babushkaphobia** должно иметь значение боязнь чьей-либо бабушки, но на самом деле существует несколько значений: нерасположение или антипатия к внукам, страх чьей-то бабули или боязнь стать похожей на неё. Звучит странно, поскольку русские бабушки известны своей преданностью и искренней любовью к своим внукам.

Что касается новых моделей словообразования, такие суффиксы, как –**aholic** (workaholic, milkaholic, chocoholic,etc.), **-gate** (Irangate, gospelgate и совсем недавний Russiangate) и собирательный **-ati** (glitterati, numerate, jazzerati), образуют довольно много слов наряду с другими, менее распространёнными элементами словообразования.

Сложные прилагательные нераспространённой структуры обнаружены среди новых слов. Они представлены глагольными и субстантивными фразами, например: **a can-do** attitude – желающий принять вызовы и уверенный, что справится с ними, **a hands-on** leader – обладающий практическим опытом или активно лично участвовавший. В словарях они регистрируются как прилагательные, их правописание через дефис доказывает их статус отдельных слов. Три модели являются самыми отчётливыми: существительное + послелог (**hands-on** manager, **heads-up** tennis); глагол + послелог (a **drive-by** killing); модальный глагол + инфинитив (a **can-do** mentality, a **must-have** wine, a **must-see** film).

Трудно предсказать их будущее: они могут процветать или вскоре быть забыты, но это истинно в отношении всех новых слов [1,6-7].

Литература

1. Бенюх О.П., Бенюх В.П.,Веркина .К. Новый русский лексикон. – М.:Русский язык, 2000. – 208 с.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
3. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М., Высшая школа, 1989.
4. Ayto, John. The Longman Register of New Words. M. Русский язык, 1990. - 311с.
5. Green, Jonathan. New Words. Bloomsbury Publishing Ltd, 1994.
6. Kolesnikova I., Dolgina O. A Handbook of English-Russian Terminology for Language Teaching. – Спб.: Изд-во «Русско-Балтийский информационный центрБЛИЦ», «Cambridge University Press», 2001. – 224 с.

© Басырова Ф.А., 2013

Батталова А.Р.
г. Уфа, Россия

Лингвокультурный типаж «святой» (на примере функционально-смысловой сферы «любовь»)

> Сеется в тлении, восстаёт в нетлении; сеется в уничижении, восстаёт в славе; сеется в немощи, восстаёт в силе; сеется тело душевное, восстаёт тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное.
>
> (1-е послание Павла к Коринфянам, гл. XV, ст. 42 - 44).

Функционально-смысловая сфера может быть спроецирована из области языка в сферу сознания, и тогда она становится способом репрезентации концепта. В рамках функционально-смысловой сферы наблюдается разнообразное смысловое варьирование концепта, преимущественно за счет

прилагательных, например, любовь: *платоническая, возвышенная, высокая, неземная,небесная, целомудренная, чистая, светлая, святая*.

Концепты, будучи элементами культуры, имеют различные линии развития, формирующиеся под влиянием истории, литературы, живописи, философии. Эти ветви концепта часто персонифицируются. Так, верная супружеская любовь может быть рассмотрена сквозь призму лингвокультурного типажа. Лингвокультурный типаж как объект анализа был выделен в работах В.И. Карасика и О.А. Дмитриевой [1;3]. Ими были рассмотрены такие типажи, как «русский купец», «русский интеллигент», «гусар», «казак» и т.д. По нашему мнению, целесообразно выделить лингвокультурный типаж «святой». Мы попытаемся рассмотреть его на материале «Повести о Петре и Февронии».

Для понимания сути супружеской любви в христианстве обратимся к Библии, в которой супружество есть единение плоти и духа. *И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает* [Ев. от Матфея 19: 5 – 6]. Поэтому не поощряется второе супружество и развод, которые расцениваются как прелюбодеяние. *А я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подаёт ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведённой, тот прелюбодействует* [Ев. от Матфея 5: 32]. Так, сознательный отказ от супружества входит в парадигму греха.

В повести о Петре и Февронии определяется линия супружеской верной любви, которая проявляется в духовном единстве и житейском единении мужа и жены. Обозначим четыре главных момента, подтверждающих данную идею. (1) Когда бояре просят Февронию уйти, она в ответ просит разрешения забрать Петра: *«Ничто же ино прошу, токмо супруга моего, князя Петра»* [2, 247]. Петр, руководствуясь божьими заповедями, (2) оставляет престол и княжество и уходит вместе со своей супругой. *Блаженный же князь Петр, не возлюби временнаго самодержавства, кроме божиих заповедей, но по заповедем его шествуя, держашеся сих, яко же богогласный Матфей в своем благовестии вещает рече бо, яко же яше кто пустит жену свою, развие словеси прелюбодеинаго, и женится иною, прелюбы творит. Сей же блаженный князь Петр по евангельскому словеси сотвори: одръжание свое, яко уметы вмени, да заповеди божия не раздушит* [2, 247]. (3) Следующим этапом единения супругов является одновременная смерть. Петр, чувствуя приближение смерти, три раза посылает к Февронии. Она же оставляет недошитым святой «воздух», чтобы принять смерть вместе с Петром. (4) Кульминацией в достижении нерушимой целостности супругов становятся действа, которые уже не обусловлены сознательным выбором Петра и Февронии. Речь идет о чудесном воссоединении тел, похороненных в разных местах. Феврония и Петр завещают похоронить их в высеченной из

камня гробнице, состоящей из двух, отделенных перегородкой, гробов. Из-за принятого перед смертью монашества их хоронят в разных местах, но каждый раз находят тела супругов в едином каменном гробе. Следовательно, мы можем утверждать, что суть жизненного подвига святых Петра и Февронии заключается в верной супружеской любви и в сохранении целостности семьи.

Чтобы определить значение подвига святых для обывателя, следует обратиться к иконе и молитве, которые можно расценивать как духовный вербально-визуальный канал общения человека со святым. По словам Л.А.Успенского, « *икона есть образ человека, в котором реально пребывает попаляющая страсти и все освящающая благодать Духа Святого. <…> Икона – трезвенная, основанная на духовном опыте и совершенно лишенная всякой экзальтации передача определенной духовной реальности*» [6, 191]. Отсюда и особая её цель – «*направить все наши чувства, так же как и ум и всю нашу человеческую природу к ее истинной цели – на путь преображения, очищая нас от всякой экзальтации, которая может быть только нездоровой»* [6, 212].

Отметим, что в молитве основу просьбы составляет желание приобрести и постичь духовую триаду: веру, надежду, любовь. *О велиции угодницы Божии и предивнии чудотворцы, благовернии княже Петре и княгине Февроние <…>. К вам прибегаем и вам с упованием крепким молимся: вознесите о нас, грешных, святыя молитвы ваша ко Господу Богу, и испросите у благости Его вся благопотребная душам и телесем нашим:* ***веру праву, надежду благу, любовь нелицемерну,*** *благочестие непоколебимо, в добрых делех преуспеяние, мира умирение, земли плодоносие, воздуха благорастворение, телесем здравие и душам спасение.* Эта триада, как нам кажется, возникает в молитве неслучайно. Она может служить отсылкой к 13 главе из первого послания Павла к Коринфянам, посвященной раскрытию сути любви, которая заканчивается словами: «*Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь [тусклое] стекло, гадательно, тогда же лицем к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше*» [1-е Павла к Корин. 13: 11 – 13]. Так посредством молитвы любовь супружеская вбирает в себя новые смыслы и озаряется светом иной, божественной любви, которая отличается большой самоценностью.

В целом, можно говорить о том, что на сегодняшний день для человека все еще остается актуальным аксиологическое значение подвига супружеской любви Петра и Февронии. Святой – это образец поведения, тот идеал, на который стоит ориентироваться. Люди, с присущей им суетностью и неоформленностью, ищут в духовно и нравственно цельных святых своих

покровителей. Г.П.Федотов же видит в святых, прежде всего, непреходящие нравственные ценности. *В русских святых мы чтим не только небесных покровителей святой и грешной России: в них мы ищем откровения нашего собственного духовного пути… Их идеал веками питал народную жизнь; у их огня вся Русь зажигала свои лампадки*» [7, 5].

Таким образом, соотносительными оказываются элементы функционально-смысловой сферы «любовь» и лингвокультурного типажа «святой» в религиозном дискурсе.

Литература

1. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX в. – Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2007. – С.307.
2. Дмитриева Р.П. Повесть о Петре и Февронии. – Ленинград: Наука, 1979. – С.338.
3. Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – С.406
4. Новый завет Господа Иисуса Христа (любое изд.)
5. Успенский Л.А. Богословие иконы православной церкви. – Переславль: Издательство братства во имя святого князя Александра Невского, 1997. – С.656.
6. Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. – Т.8: Святые Древней Руси. – М.: Мартис, 2000. – С.268.

© Батталова А.Р., 2013

Бахтиярова А.Н.
г.Уфа, Россия

Арабизмы в башкирском языке

На протяжении многовекового развития словарный состав башкирского языка пополнялся лексическими заимствованиями из других языков. Изменения в лексике любого языка, в том числе и башкирского, отражают актуальные изменения в жизни общества, рост национального самосознания народов и тенденцию к межкультурным и языковым контактам, одним из проявлений которых являются лексические заимствования. Среди заимствований одно из главных мест занимают арабские заимствования, которые проникали в башкирский язык различными путями. Они употребляются в различных областях языковой коммуникации и составляют неотъемлемую часть лексического состава современного башкирского языка.

Пополнение башкирской лексической системы арабизмами осуществлялось неравномерно на протяжении XVIII-XX вв. Большинство арабизмов, вошедших в башкирский язык, составляют существительные с различными семантическими значениями, местоимения, прилагательные, наречия, имена собственные, союзы, послелоги, частицы.

Самое первое знакомство с арабизмами в башкирском языке показы-

вает, что заимствование слов одного языка другим – сложный процесс, в результате которого заимствованные слова могут претерпевать существенные изменения. Особенности этого процесса определяются разными причинами как исторического (различия в условиях жизни народов; отличительные признаки тех предметов, для обозначения которых используются заимствуемые слова), так и языкового характера.

Наблюдения над арабскими заимствованиями в башкирском языке обнаруживают также, что разные стороны языка подвергаются изменениям в разной степени. Наиболее интенсивные изменения прослеживаются в звуковом составе слов, наименее интенсивные – в морфологической характеристике арабизмов.

Что касается семантической структуры заимствованных арабских слов, то она тоже не осталась неизменной. Лишь у определенной категории слов, преимущественно однозначных, сохранилась первоначальная семантика, у другой части слов семантика в корне изменилась, у третьей произошло сужение значений, у четвертой – расширение значений.

В процессе заимствования и усвоения арабизмы претерпевают различные фонетические трансформации, обусловленные различием фонетической структуры арабского и башкирского языков. Фонетическая адаптация арабских заимствований в башкирском языке характеризуется прежде всего сохранением вариантов, связанных с передачей удвоенных согласных в башкирском языке, а также разнооформленностью, связанной с передачей отсутствующих звуков в языке-посреднике. Специфичные звуки арабского языка или полностью отпадают (как, например, происходит в большинстве случаев со звуком [**дж**]), или происходит замена их другими звуками башкирского языка. Например, в начале слова фонема ج [**дж**] переходит в среднеязычный щелевой **й:** араб. **[дж**аннун**]** и башк. **й**ән “душа”, араб. **[дж**ум‘атун**]** и башк. **й**ома “пятница”, араб. **[дж**ам‘иййатун**]** и башк. **й**әмғиәт “общество; население, коллектив, собрание”, араб. **[дж**иһазун**]** и башк. **й**ыһаз “утварь” и.т.д. В середине и в конце слова эта фонема переходит в **ж**. Примеры: араб**. [уидж**данун**]** и башк. **выж**дан “совесть”, араб. **[’идж**адун**]** и башк. **иж**ад “творчество”, араб. **[мухтадж**ун**]** и башк. **мохтаж** “нуждающийся”, **араб. [таджрибатун]** и башк. **тәжрибә** “опыт”, и т.д.

Основными фонетическими закономерностями при заимствовании арабских слов в башкирском языке являются небная и губная гармония, ассимиляция и диссимиляция согласных, редукция и элизия гласных, редукция и элизия согласных, изменение долготы гласных, аккомодация, протеза, эпентеза, метатеза.

Имеются случаи нетипичных изменений согласных звуков в заимствованных словах, как, например, замена глухого согласного ***[с]*** в конце слова звонким ***[з],*** и некоторые другие.

В плане морфологического освоения наблюдаются различные грамматические способы выражения категории рода, падежа, числа, одушевленности и неодушевленности. В результате морфологической ассимиляции арабские существительные могут сохранять родовую принадлежность в языке-рецепторе, менять ее, но никак не могут составлять класс существительных среднего рода, отсутствующий в языке-источнике.

Таким образом, заимствование иноязычной лексики является не механическим переносом слов из одного языка в другой, а необходимым процессом развития языка на определенном этапе.

© БахтияроваА.Н., 2013

Белова Ю.А.
г. Уфа, Россия

Категория смысла в парадигме культуры

Известно, что язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее. Если культурология исследует самосознание человека по отношению к природе, обществу, истории, искусству и другим сферам его социального и культурного бытия, а языкознание рассматривает мировоззрение, которое отображается и фиксируется в языке в виде ментальных моделей языковой картины мира, то лингвокультурология имеет своим предметом и язык, и культуру, находящиеся в диалоге, взаимодействии.

Лингвокультурология как специальная область науки породила немало продуктивных в современной лингвистике понятий: лингвокультурема, язык культуры, культурный текст, контекст культуры, субкультура, лингвокультурная парадигма, культурный стереотип, культурная универсалия, культурная компетенция, культурное наследование, культурные традиции, культурный процесс, культурные установки и другие. Важное место в лингвокультурологии отводится изучению прецедентных имен, ключевых концептов культуры, языковой личности.

Как отмечает В.А. Маслова, «лингвокультурология – продукт антропоцентрической парадигмы в лингвистике» [1, 8], то есть из лингвистики неустраним человеческий фактор. Изучая конкретный национальный язык, мы имеем возможность изучить особенности его носителей, их сознание и менталитет, фоновые знания, поведенческие нормы и многое другое. С другой стороны, лингвист проникает в тайны языка, которые приоткрываются через человека, и, следовательно, мы ожидаем, что наблюдения за носителями конкретного языка позволят вскрыть его смысловые резервы, особенности речеповеденческих тактик, речевые стереотипы и другие характеристики. Культура — не только музей или архив, культура и человек — одно

целое: культура живет в людях, в их деятельности, в их чувствах, а люди, в свою очередь, живут в культуре. В культуре и через культуру человек способен реализовать то, что заложено в нем потенциально.

Культурологический подход к проблеме смысла отличается от философских и психологических трактовок. А.А. Пилипенко считает, что проблему смысла необходимо формулировать «не в плоскости, что есть мир, человек или объект, а как то или иное нечто функционирует в пространстве смыслов», поскольку именно сознание неизменно пребывает в пространстве смыслов [2, 143]. Смысл, рождаясь и функционируя в структурах сознания, есть универсальная самоорганизационная форма культуры. Исходя из данной формулировки, Пилипенко определяет смысл как «дискретное переживаемое сознанием состояние, способное быть объективированным посредством выражения в кодифицированных системах культуры» [2]. При этом смысл не приравнивается к значению. Значение есть семантическая компонента смысла, в то время как «смысл – это ценностно переживаемое значение, иноположенное (выраженное) в кодах (знакообразах), которые, социально транслируясь, реализуются в контексте культуры» [3, 22].

Э.В. Сайко, исследуя состояние проблемы смысла в гуманитарных дисциплинах, отмечает, что в рамках культурологического определения взаимосвязи культуры и смысла вычленяются важнейшие характеристики последнего. Смысл, прежде всего, функционирует как факт сознания, осознающего природную и не природную действительность и означающего ее в пространстве культуры как условия человеческого бытия. Сама культура определяется Э.В. Сайко как пространство смыслов, т.е. пространство, заключающее осмысленное отношение субъекта к действительности. Однако смысл, выполняя важную функциональную нагрузку в сущностной характеристике культуры, не раскрывается в культурологии целенаправленно в его смысловой сущности [4].

Другое мнение высказывает А.Т. Хроленко: «Смыслы возникают и хранятся в человеческой голове, они бесплотны. Чтобы стать явлением культуры, смыслы должны как-то себя проявить, материализовать. Смыслы реализуются в культурных кодах. Это могут быть слова, символы, мифологемы, идеологемы, стереотипы поведения, ритуалы и др.» [5, 41].

В.В. Воробьев рассматривает лингвокультурный смысл как часть содержания лингвокультуремы1. Восприятие глубокого лингвокультурологического смысла дает полное осознание реалии, а не просто знание «языкового ярлыка», который требует дальнейшей когнитивной расшифровки и зна-

[1]Лингвокультурема – комплексная межуровневая единица, представляющая собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания. Она вбирает в себя как собственно языковое представление (форму мысли), так и неразрывно связанную с ним внеязыковую культурную среду [6].

ния реального «общения» с предметом [6, 49]. Погружение слов в культуру полнее проявляет их языковую и внеязыковую семантику, помогает глубже проникнуть в суть культурных ценностей, понять их национальную специфику.

В смысловом пространстве формируются в самом общем виде три категории смыслов: общечеловеческие, этнокультурные и личностные смыслы. Общечеловеческие (общекультурные) смыслы понятны всем представителям культурных сообществ, это мифологические образы, символы, представления. Воспроизводясь, раз за разом, в непрерывном процессе коллективного взаимодействия с природной и культурной средой, общекультурные смыслы, в той или иной степени, меняются. Характер их изменения позволяет все глубже и яснее осознать смысл общечеловеческих действий.

Этнокультурные (культурно-специфические) смыслы расшифровываются в рамках одной культуры, то есть культурные знаки, охватывающие широкий круг отраженных в языке явлений (предметы действительности, поведенческие стереотипы, символы, ситуации и т.д.), наделяются этнокультурным смыслом. В результате культурные знаки способны передавать через содержание отражающих их языковых знаков культурно-значимую информацию [7].

Личностные смыслы – «субъективно воспринимаемые значимости тех или иных предметов для индивида»; «индивидуализированное отражение действительного отношения личности к тем объектам, ради которых развертывается ее деятельность, осознаваемое как “значение-для-меня” усваиваемых субъектом безличных знаний о мире, включающих понятия, умения, действия и поступки, совершаемые людьми, социальные нормы, роли, ценности и идеалы» [8]. Относительно личностного и коллективного смысла А.И. Новиков отмечал, что смысл, будучи внутренним, личностным по своей сути феноменом, может быть и общим, благодаря общим условиям жизни, общим культуре и быту [9].

Таким образом, лингвокультурный подход к смыслу предполагает исследование смысла не только как языковой категории, но как продукта взаимодействия различных составляющих: языка, культуры, этноса, культурно-языковой личности, ввиду взаимосвязанности данных понятий. Незнание «культурного ореола» (термин В.В. Воробьева) оставляет реципиента на языковом уровне, не позволяет проникнуть в глубокую сеть культурных ассоциаций, то есть в смысл высказывания, текста как отражения культурного феномена.

Литература

1. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб.пособие для студ. высш. учеб, заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
2. Пелипенко А.А. Смыслогенез и структуры сознания (культурологический подход) // Мир психологии. – 1999.- №1.- С.141-146.
3. Пелипенко А.А. Рождение смысла // Мир психологии. – 2001.- №2.- С. 22-27.

4. Сайко Э.В. От редколлегии: Смысл как отношение к действительности и его определение как социокультурной реальности // Мир психологии. – 2001.- №2.- С.3-13.
5. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: Учебное пособие /Под ред. В.Д. Бондалетова. – 2-е изд. – М.: Флинта, Наука, 2005. – 184с.
6. Воробьёв В.В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография. - Изд-во РУДН, 1997. - 331 с.
7. Чанышева З.З. Уровни понимания в межкультурном общении //Языковые единицы в парадигматике и синтагматике: Сб. науч. статей: в 2 ч.Ч.1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – С. 225-234.
8. Психологический словарь «Планея» 2004. Режим доступа: http://www.pbi.ru/dic/l/l_22.htm
9. Нестерова Н.М. Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм. – Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2005. – 203 с.

© Белова Ю.А., 2013

Белоусов К.И., Зелянская Н.Л.
г. Пермь, Россия

Категоризация текстовой семантики в процессе экспертного анализа текстов одной предметной области

Изучение механизмов, процессов, способов категоризации действительности остается одним из наиболее актуальных направлений когнитивистики. Особый интерес представляют экспериментальные методы, основанные на применении современных информационных технологий. В данной статье будут описаны некоторые результаты исследования процессов категоризации, полученные на материале экспертного анализа веб-контента.

Экспертный анализ направлен на извлечение знаний из текстового материала, связанного с определенной предметной областью (далее. - ПрО). Под ПрО мы понимаем аспект некоторой сферы (фрагмента) действительности, который выделяется, структурируется и интерпретируется в соответствии с целями, методами, инструментарием деятельности, осуществляемой над некоторым классом объектов очерченной сферы (фрагмента) действительности. Например, на классе объектов “тексты” мы можем выделить ПрО “психолингвистика текста”, которая с помощью экспериментальных методов изучает механизмы порождения / восприятия / понимания текста (и текстов). Однако на том же классе объектов можно выделить и другие ПрО, как внутри лингвистики и в смежных гуманитарных науках, так и в технических науках.

На первом этапе семантика ПрО структурируется системой категорий, релевантных для данной ПрО. Затем экспертам предлагается эксплици-

ровать в отдельных контекстах смыслы, репрезентированные авторами текстов, и “приписать” выявленные смыслы к той или иной категории ПрО. Можно было бы сказать, что такого рода аналитическая деятельность характерна для контент-анализа, широко используемого в социологии, психологии, маркетинге и др. [Krippendorff 2004; Holsti 1969]. Однако наименование “контент-анализ” представляется не вполне удачным с точки зрения лингвиста, т.к. в названииметода отсутствует предметность (какая все же сторона / аспект семантики становится предметом анализа?).

Процесс обнаружения авторских смыслов остается скрытым от непосредственного наблюдения, однако, факт отнесения данных смыслов к той или иной категории фиксируется с помощью программного средства.

Исследование проводится с помощью многопользовательской информационной системы (ИС) «Семограф» (http://semograph.com), реализованной как Web-приложение и предназначенной для работы с информационными массивами: корпусами и выборками текстов, смысловыми компонентами, частотным словарем, смысловыми полями и др.

Технологически работа эксперта осуществляется следующим образом:

- в отдельном окне размещены все выделенные на подготовительном этапе категории ПрО, с которыми эксперты знакомятся до начала аналитической деятельности;

- анализ текста осуществляется с помощью выбора нужной категории из списка (категория появляется в специальной строке с помощью механизма автодополнения: эксперт вводит несколько букв, присутствующих в названии категории, и добавляет появившуюся в строке категорию в отдельный блок, относящийся к анализируемому тексту).

Процесс добавления категорий к каждому тексту сохраняется в базе данных, размещенной на выделенном сервере; а благодаря тому, что ИС является многопользовательской, экспертная работа может осуществляться одновременно с разных клиентов. Таким образом, в базе данных сохраняется следующая информация о действиях, совершенных каждым экспертом:

- кто осуществил действие (эксперт);

- номер текста в текстовой выборке;

- какое действие было совершено (добавление или удаление категории);

- какая категория было добавлена или удалена;

- когда было совершено действие (время, измеренное с точностью до секунды);

- номер выделенной категории (первая, вторая, третья и т.д.), относящейся к данному тексту;

- размер текста (измерен в графических словах).

В исследовании принимало участие 9 экспертов-лингвистов. Объем анализируемого материала - 3974 текста. Работа осуществлялась несколько дней. Объем материала и объем данных, полученных в ходе записи в базу данных регистрируемых параметров аналитической деятельности, потенциально содержит внушительный объем ценной информации, относящейся к процессу категоризации и извлечения знаний о ПрО из текстов. Остановимся на описании некоторых формальных аспектов изучаемой деятельности. На рисунке 1 представлен график, типа Box-whiskerplot, характеризующий время, затрачиваемое каждым экспертом на выделение категорий.

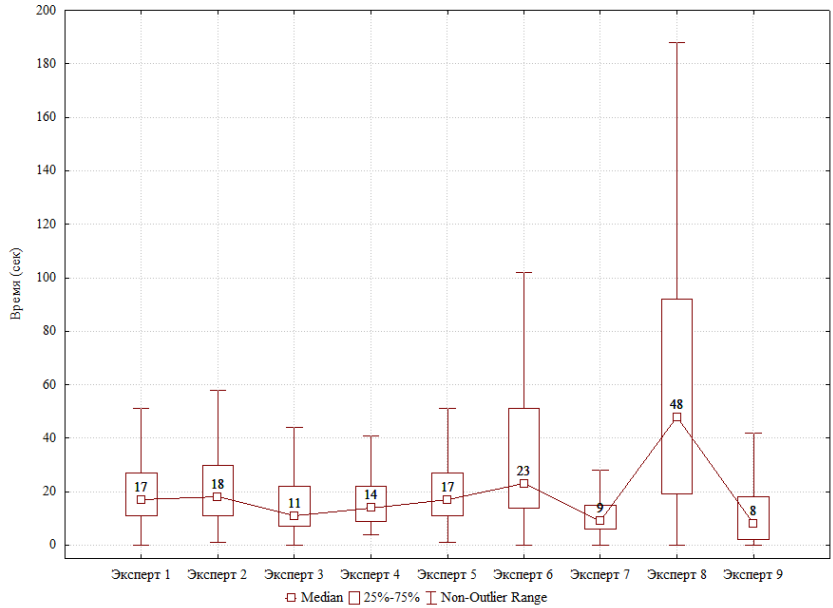

Рисунок 1. Промежутки времени, затрачиваемые каждым экспертом на выделение категорий.

На рисунке 1 видно, что медиана, в основном располагается в диапазоне 8-18 секунд; случаи с экспертами 6 и 8 интересны тем, что работа данных экспертов носила эпизодический характер (за неделю ими было проанализировано только по 100 текстов). Размер “усов” (линий, отходящих от “коробки”; отражают наблюдения, попадающие в 1-й и 4-й квартили) является показателем вариативности аналитической деятельности. Видно, что вариативность в наибольшей мере характерна для деятельности тех же экспертов.

Рисунок 1 отражает усредненное время, затрачиваемое экспертами на выделение категорий; в то же время представляет интерес подобный вре-

менной анализ, относящийся к первой и последующим категориям, выделяемым экспертами при работе с каждым отдельным текстом. Первая категория интересна тем, что до ее выделения эксперт должен пройти этап восприятия (чтения) и понимания текста, в результате которых у эксперта появляется план (концепция) анализа данного текста. На рисунке 2 отражены данные временных интервалов, затрачиваемых экспертами на выделение 1-й и 2-й категорий к каждому тексту.

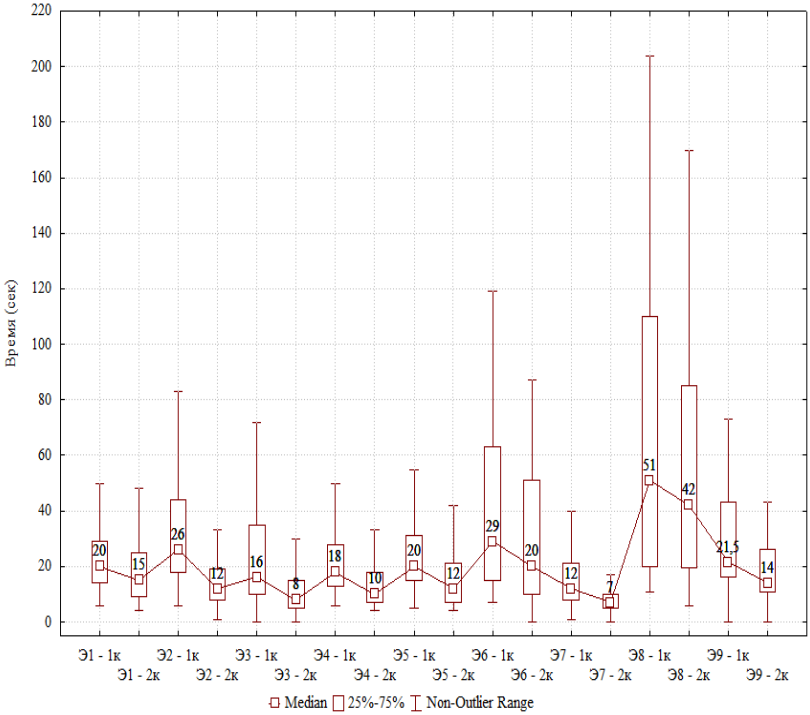

Рисунок 2. Промежутки времени, затрачиваемые экспертами на выделение 1-й и 2-й категорий к каждому тексту.

Примечание. На рисунке приняты следующие обозначения: Э1, Э2 и др. - Эксперт 1, Эксперт 2 и др.; 1к, 2к - 1-я категория и 2-я категория.

На рисунке 2 видно, что временные интервалы для 1-й категории во всех случаях имеют бо́льшую протяженность по сравнению с аналогичными интервалами для 2-й категории; причем, разница составляет 5-12 секунд. Выделение последующих категорий (3-й, 4-й и др.) похоже на выделение 2-й категории. В целом, эксперты выделяют от 1 до 17 категорий к одному тексту, однако, первые три категории охватывают от 0,83 до 0,9 всех наблюдений.

Интересно, что временной интервал для 2-й категории почти во всех случаях имеет меньшую длину “усов”, чем для 1-й категории; т.е. можно отметить большее единообразие временных интервалов, затрачиваемых на обнаружение смыслов в тексте и “подведение” их под 2-ю категорию. Объяснение этому факту меньшей вариативности аналитической деятельности может быть только таким: при выделении 2-й и последующих категорий эксперт уже имеет “план” / концепцию анализа данного текста. В то же время очевидно, что интервал в 5-12 секунд (временная разница между интервалом для 1-й и 2-й категориями) недостаточен для структурированного понимания текста. Вероятно, он используется для первичного схематичного семантического анализа, “семантической ориентировки”, подразумевающей нахождение среди уже разобранных текстов - текстов аналогичных, становящихся прототипами для новых текстов. В процессе экспертной деятельности концепция анализа каждого текста может корректироваться.

Заметим, что полученные данные пока не подтверждают наличие линейной/простой зависимости между размером текста и временем, затрачиваемым на его анализ. Возможно, протяженные тексты анализируются “по фрагментам”, хотя та же стратегия анализа “по фрагментам” может использоваться и для текстов меньшей длины. Именно этим обусловлено отсутствие разрывов во временных интервалах, относящихся к выделению категорий к протяженным и к небольшим текстам.

Исследование выполнялось при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-34-01087 и проект № 12-04-12034).

Литература

1. Holsti, O.R. Content Analysis for the Social Sciences and Humanities. Reading, MA: Addison-Wesley, 1969.
2. Krippendorff, K. Content Analysis: An Introduction to Its Methodology / K. Krippendorff. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2004.
3. Система графосемантического моделирования [электр. издание] / Д.А. Баранов, К.И. Белоусов, И.В. Влацкая, Н.Л. Зелянская. – М.: Свидетельство о государственной регистрации в Федеральной службе по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам. Зарегистрировано в Реестре программ для ЭВМ № 20111617192 от 15.09.2011.

© Белоусов К.И., Зелянская Н.Л., 2013

Болотова Е.В.
г. Стерлитамак, Россия

Семантические репрезентации в структуре отглагольных номинализаций

Семантика отглагольных производных определенным образом коррелирует с глагольной семантической структурой. Некоторые модели моди-

фицируют глагольное значение, другие соотносятся с глагольными актантами, выступающими, например, в роли темы или агенса. Иными словами, словообразовательные модели производных семантически репрезентируют производящие основы.

Задача данной статьи – рассмотреть семантические особенности отглагольных номинализаций; механизмы, за счет которых возникают связи между номинализациями и их соответствующими глаголами на смысловом уровне, на уровне пропозиции.

По мнению В. Моча, следует различать «чистую» или абсолютную номинализацию или перекатегоризацию и номинализацию с дополнительными семантическими изменениями [3, 321]. Например, отглагольные дериваты *das Waschen (мытье; стирка), die Wäschung* (рел. омовение) [процессуальность] являются абсолютными номинализациями, то есть в результате словообразовательных процессов изменилась только синтаксическая категория, изменился морфологически разряд – производные относятся к классу существительных, - при этом глагольная семантика сохранилась. Другие производные из того же словообразовательного «семейства» *die Wäscherei (прачечная) [локус, место], der Wäscher (мойщик) [агенс]* – номинализации с семантическими изменениями глагола *waschen.*

Значение глаголов – это семантическая репрезентация, которая посредством связей между актантами указывает на отношения между предметами, явлениями, характеризует их. Глагольная семантика репрезентируется комплексом, состоящим из предиката и аргументной структуры, отсылающей нас к области семантических ролей (агенс, пациенс, инструмент, адресат и т.д.). Аргументные позиции «распределяются» в зависимости от аргументной структуры, тем самым обусловливая возникновение пропозиции.

Синтаксическая особенность глаголов состоит в том, что их семантическая аргументная структура тесно взаимодействует с синтаксической аргументной структурой, которая непосредственно связана с языковыми средствами. Вхождение глаголов в финитные конструкции в качестве обязательного фактора предполагает связь с такими языковыми категориями, как: время, наклонение, залог. Наряду с аргументной глаголы имеют адъюнктную или вспомогательную структуру.

Р.З. Мурясов, исследуя многоаспектно отглагольные существительные, рассматривает номинализованные пропозиции или пропозитивные номинализации. «В составе пропозиции номинализация обнаруживает определенную зависимость от всех обязательных и факультативных актантов» в процессе реализации соответствующих значений базового глагола. «В качестве обязательных актантов номинализаций выступают пациенс, локальные адвербиалы и реже агенс». [1, 158-159].

Абсолютные отглагольные номинализации перенимают семантику глаголов, включая их адъюнктную структуру. Семантическим аргументным

позициям соответствуют синтаксические компоненты номинальных фраз, в особенности номинальных фраз в генитиве, так называемый пропозициональный или предшествующий генитив имен собственных, притяжательные местоимения или предложные фразы. Например: *der Verzicht des Betriebs auf den Vertrag, der Verzicht der Firma, Wohlmanns Verzicht auf die Reise*.

Позиция агенса может быть реализована посредством номинальной фразы в генитиве, у имен собственных – посредством генитива в препозиции, притяжательных местоимений или предложной фразы с предлогом durch. Одновременно предложная фраза с предлогом durch реализует позицию темы, которая также может возникать посредством предложных фраз с предлогом von. Например: *die Herstellung der Kristalle durch Züchtung nach Czochralski Verfahren / ihre Herstellung durch Züchtung nach Czochralski Verfahren*; *die Hilfe des Bruders / seine Hilfe / die Hilfe vom Bruder.*

Однако не все семантические аргументные позиции могут быть реализованы за счет синтаксических компонентов номинальной фразы. Ср.: *die Mutter liest ihrem Kind ein Buch / ihr Lesen des Buchs. Er vertraut seinen Freunden / sein Vertrauen.*

Номинальные фразы в генитиве, а также с притяжательными местоимениями очень часто являются многозначными. Это выражается в наличии связи с позицией агенса, также как и с позицией темы, обусловленными субъектом или объектом глагола. В данном случае речь идет о традиционных понятиях – субъектный или объектный генитив.

В свете исследования номинализованных пропозиций, репрезентируемых номинальными фразами с отглагольными существительными, на наш взгляд, уместно указать на то, что словосочетания существительного с другим существительным, широко представленные в немецком языке, довольно многообразны. Н.И. Филичева акцентирует словосочетания с существительным в генитиве, которым в сфере именных словосочетаний принадлежит значительное место [2, 44]. Выделяются пять основных групп словосочетаний или номинальных фраз с существительным в генитиве. В группе номинальных фраз с отглагольным существительным, обладающим значением действия и выступающим в качестве основного или определяющего слова, возникают определительно-субъектные либо определительно-объектные отношения в зависимости от субъектных или объектных актантов в форме генитива. Ср.: *das Auftreten des Schauspielers, die Arbeit der Maschinenfabrik* – определительно-субъектная связь; *Beginn der Vorbereitungen für die Warenproduktion, die Förderung der modernen Tendenz* – определительно-объектная связь.

Особенность номинализаций относительно глаголов заключается в том, что является возможной реализация семантических аргументных позиций за счет контекстной информации. Это означает то, что отглагольные номинализации на синтаксическом уровне необязательно могут сохранять

семантические аргументные позиции глаголов. Так, например, если глагол требует дополнения в аккузативе, то номинализованная структура может употребляться в речи без него. Например: … *Das Gleiche bewirkt auch innere Spannungen im Kristall / die Bewirkung im Kristall*.

Vor dem Experiment kontrollierte der Ingenieur alle Geräte / die Kontrolle vor dem Experiment.

Таким образом, между номинализациями и глаголами, от которых они образованы, возникают определенные реляции. Семантика отглагольных номинализаций может быть тесным образом связана с глагольной семантикой, обусловленной синтаксическими структурами. В процессе образования отглагольных номинализаций соответствующее значение имеют глагольные категории, а также вспомогательные языковые средства. При этом генитив играет особую роль.

Литература

1. Мурясов Р.З. Словообразование и функционально-семантические категории (на материале словопроизводства существительных немецкого языка). – Уфа, 1993. – 223 с.
2. Филичева Н.И. О словосочетаниях в современном немецком языке. – М.: «Высшая школа», 1969. – 208 с.
3. Motsch W. Deutsche Wortbildung in Grundzügen. – Berlin; New York: de Gruyter, 1999. – 451 S.

© Болотова Е.В., 2013

Бутакова Л.О., Тихонова Д.А.
г. Омск, Россия

Стереотипные представления носителей чешского языка о России и русском национальном характере (по результатам свободного ассоциативного эксперимента)

Целью работы является конструирование образа России и русского человека на основе стереотипных представлений современных носителей чешского языка, выявленных с помощью свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в сентябре-октябре 2012 года. Количество его участников - 100 жителей Чешской республики (Моравско-Силезский край, города Острава и Опава), школьники и учителя местных школ, студенты высших учебных заведений. Возраст участников варьировался от 11 до 64 лет.

Любые стереотипные представления, как и иные структуры сознания, изучаются в психолингвистике в рамках исследования сознания. Последнее описывается психолингвистами на двух уровнях: языковом и неязыковом. Деление это обусловлено выраженностью / невыраженностью ментального содержания. По В.П. Белянину, «языковое – это вербальное, логически

осознаваемое и эксплицитное (внешне выраженное). Неязыковое – невербальное, смысловое, неосознаваемое и имплицитное (внешне невыраженное)» [1, 153]. Несмотря на популярность термина в лингвистике и психолингвистике, понятие языкового сознания остаётся несколько неопределённым, на что нередко указывают сами исследователи.

В частности, Т.Н. Ушакова говорит о его слишком широком референтном поле, а также о некоторой опасности, которую это заключает в себе: «при громадности проблемы связи психики и материи возникает искушение представлять переход от одного к другому как простой и непосредственный» [18, 22]. В более поздней работе автор также подчёркивает, что данный термин нуждается в уточнении [17, 1].

По словам А. А. Залевской, «этот термин то и дело используют как синонимичный терминам *«речевое* сознание» и «языковое *мышление»;* под языковым сознанием нередко понимают то, что точнее следовало бы назвать *«мета-языковым* сознанием» [5, 30].

Языковое сознание рассматривается как «овнешнённое» сознание, или выраженное внешними, языковыми средствами. Учёный также отмечает, что в дихотомии «сознание и язык» главным является, бесспорно, сознание [12, 24].

Стабильную часть сознания образуют стереотипы. В рамках лингвокультурологии стереотип понимается как определённый фрагмент или образ картины мира в человеческом сознании. «Это некоторый образ - представление, это ментальная "картинка", некое устойчивое, минимизировано - инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или о ситуации» [6, 178].

По словам В.А. Масловой, стереотип - это «такое явление языка и речи, такой стабилизирующий фактор, который позволяет, с одной стороны, хранить и трансформировать некоторые доминантные составляющие данной культуры, а с другой — проявить себя среди «своих» и одновременно опознать «своего» [9, 165] .

В рамках психолингвистического (этнопсихолингвистического) подхода понятие стереотипа тесно связывается с понятием образа сознания и рассматривается как фрагмент языкового сознания человека. Данная трактовка стереотипа наиболее близка концепции нашей работы. В частности, образ России рассматривается известным психолингвистом Е.Ф. Тарасовым как социальный стереотип, который представляет собой «фрагмент языкового сознания с аффективно окрашенным содержанием». В психолингвистике подобные фрагменты исследуются с помощью специфичных для этой области знания методов и методик. С целью комплексного анализа образа России Е.Ф. Тарасов предлагает набор психолингвистических методов, которые можно использовать в совокупности: свободный ассоциативный эксперимент; метод семантического дифференциала и его модификации; метод

группировки; проективные методы исследования образа будущей России [13, 71].

Н.В. Уфимцева дифференцирует культурные и этнические стереотипы: если этнические стереотипы являются фактами поведения и коллективного бессознательного, недоступными саморефлексии члена определённого этноса, то культурные стереотипы являются фактами поведения и индивидуального бессознательного и сознания, доступными саморефлексии. В то время как первым нельзя специально обучить, это вполне возможно со вторым типом стереотипов [14, 62].

Не только врожденные, но и приобретаемые в процессе социализации факторы - культурные стереотипы - выступают в основе формирования этнического сознания, самосознания и культуры в качестве своеобразных регуляторов поведения человека. Такие факторы начинают усваиваться с того самого момента, когда человек начинает идентифицировать себя с конкретным этносом, культурой и осознавать себя их элементом. Тот или иной объект воспринимается представителем определённого этноса как в его пространственных и временных измерениях, так и в его значении, а значения, в свою очередь, содержат в себе внутрисистемные связи окружающего мира. Культурный стереотип как «инвариантный образ данного фрагмента мира, присущего тому или иному этносу» фиксируется именно в значениях, в отличие от личностного смысла. … Именно культурные стереотипы как способы восприятия, парадигмы образов сознания, накапливающиеся «в виде репертуара структурированных контекстов (схем, фреймов)», отвечают за «константность» восприятия на уровне культуры [15, 99].

Стереотип, по мнению Ю.А. Сорокина, можно понимать в качестве некоторых процесса и результата общения и поведения, осуществляемых согласно определенным семиотическим моделям. При этом список таких моделей является закрытым ввиду тех или иных семиотико-технологических принципов, принятых в конкретном социуме. Оперируя понятиями *стандарт* и *норма*, учёный показывает, что стереотипизация как результат осознается индивидуумом в форме этих видовых понятий, а *стереотип* выступает в этом случае родовым понятием. При этом, стандарт определяется как реализация определённой семиотической и/или технологической модели на социально-психологическом и социальном уровнях, а норма – как реализация такой модели на психологическом и языковом уровнях [11,10].

Ассоциативный эксперимент является показательным для выявления индивидуальных особенностей различных культур, поскольку с помощью данного метода можно судить об особенностях функционирования языкового сознания человека или целой нации. Настоящий метод можно рассматривать как «специфичный для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания, интегрирующий в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос» [16,67].

100 испытуемым было предложено 14 слов-стимулов, из которых только 5 представляют интерес для нашего исследования: **Россия, русский, русское, русская, русские**. Инструкция для испытуемых звучала следующим образом: «Напишите рядом с каждым словом первое слово или словосочетание, которое придёт вам в голову (ассоциацию), но только одно. При этом вы должны писать предельно быстро, не раздумывая». В результате было получено 425 ответов-реакций. Отсутствие реакций – 75.

Ассоциативный эксперимент проводился в три этапа:

1) Опрос информантов.

2) Структурирование и классифицирование полученных ответов, а также анализ данных САЭ с лингвистической точки зрения.

При этом отдельно также рассчитывались суммарные ассоциации двух возрастных групп информантов. Наиболее частотные были вынесены отдельно и составили ассоциативное ядро.

3) Анализ стереотипных представлений о России и русском человеке.

При этом мы посчитали правомерным и необходимым объединить реакции 5 полученных ассоциативных полей, поскольку предложенные слова-стимулы обладают лексико-грамматическим сходством (все они принадлежат к одному семантическому полю, а 4 стимула можно представить как словоформы одного и того же прилагательного **русский**). Соответственно полученные реакции обнаруживают явное формально-семантическое сходство, а многие повторяются в разных ассоциативных полях, а весь массив реакций рисует единый, цельный образ России и русского человека в языковом сознании носителя чешского языка.

В результате подсчёта реакций были получены следующие 5 ассоциативных полей:

Россия

Нет реакций – 3.

Всего реакций – 97.

Zima (холод; зима) (17), большая (13), Москва (9), страна (6), большая страна (5), государство (5), водка (3), хоккей (3), Кремль (2), коммунизм (2), жители (2), матрёшка, холодно, холодное, живописная, Сибирь, снег, горы, народ, место, карта, российское государство, Чехия, Урал, флаг, бездомные, процветает, Путин, олигархи, щедрость, бедность и богатство, пирожки, чай, война, оккупация, флот, винт.

Русский

Нет реакций – 15.

Всего реакций – 85.

Язык (17), хоккей (5), гражданин (4), борщ (4), президент (3), царь (3), богатырь (3), танец (3), танк (3), государство (2), дом (2), газ (2), жизнь (2), большой (2), большое государство, народ, правитель, zima (зима; холод), мороз, лёд, чай, водка, хлеб, матрёшка, Волга, Кремль, город, традиция, фольклор, нефтепровод, солдат, мальчик, друг, человек, азиат, азбука, акцент, lifestyle (стиль жизни), стиль, честный, красный, пёс, торговля, воздействие.

Русское

Нет реакций – 27.

Всего реакций – 73.

Колесо (8), матрёшки (7), матрёшка (4), кухня/еда (4), города (2), искусство (2), традиции (2), яйца (2), дома (2), дети (2), женщины, zimy (зимы; морозы), холодное, холод, климат, погода, горы, горная страна, земли, условия, ресурсы, жители, слово, письмо, памятники старины, былины, сказки, самовар, борщ, пончики, пельмени, поместье/имение, самолёт, рубли, богатство, Путин, шапка, символы/эмблемы, виды спорта, ребёнок, барышни, красавицы, из/от водки, величественный, старое, клубы, большой, большое.

Русские

Нет реакций – 22.

Всего реакций – 78.

Люди (19), солдаты (9), хоккеисты (8), граждане (4), мафиози (4), политики (3), царь (2), цари (2), жители (2), учёные (2), пилоты (2), мужики (2), рабочие (2), богатыри, борцы, крепкие мужчины, мужчины, писатели, поэты, актёры, земледельцы, крестьяне, водка, балалайка, коммунисты, президенты, враги, друзья, народ, самоуверенные, преданные, ученики.

Русская

Нет реакций – 11.

Всего реакций – 89.

Водка (13), zima (зима; холод) (8), флаг (8), матрёшка (6), семья (5), рулетка (4), мороженое (4), музыка (4), девочка (3), города (3), азбука (2), школа (2), Москва (2), Байкал, зима, большая, женщина, модель, балерина, красивая, песня, свадьба, литература, мультфильм, кухня/ еда, гимн, Маша, правительство, политика, армия, самолёты, общество, гордость, самоуверенный, сильная, телевидение, работа, гора.

Для анализа стереотипных представлений носителей чешского языка о России и русском человеке мы выделили ядро и периферию каждого поля и опирались на ядро, включающее наиболее частотные реакции (≥2). Именно ядро позволяет исследовать устойчивые реакции, «обладающие узуальными связями со словом-стимулом» [10]. При этом мы не исключали и единичные реакции, оказывающиеся весомыми в своей совокупности. Если ядерные реакции показывали в большинстве случаев абсолютное преобладание предметных реакций, то периферия обнаруживала более разнообразную картину и позволяла исследовать интересные, нестандартные реакции. В периферии оказывались и понятийные, и эмоционально-оценочные ассоциаты.

В ядро каждого ассоциативного поля вошли следующие реакции:

Россия

Zima (холод; зима) (17), большая (13), Москва (9), страна (6), большая страна (5), государство (5), водка (3), хоккей (3), Кремль (2), коммунизм (2), жители (2).

Русский

Язык (17), хоккей (5), гражданин (4), борщ (4), президент (3), царь (3), богатырь (3), танец (3), танк (3), государство (2), дом (2), газ (2), жизнь (2), большой (2).

Русское

Колесо (8), матрёшки (7), матрёшка (4), кухня/еда (4), города (2), искусство (2), традиции (2), яйца (2), дома (2), дети (2).

Русские

Люди (19), солдаты (9), хоккеисты (8), граждане (4), мафиози (4), политики (3), царь (2), цари (2), жители (2), учёные (2), пилоты (2), мужики (2), рабочие (2).

Русская

Водка (13), zima (зима; холод) (8), флаг (8), матрёшка (6), семья (5), рулетка (4), мороженое (4), музыка (4), девочка (3), города (3), азбука (2), школа (2), Москва (2).

Ассоциативные поля полученных реакций являются насыщенными и разнообразными как по семантике, так и по грамматическим признакам.

При анализе данных эксперимента с лингвистической точки зрения учитываются их формально-грамматические особенности. Для этого проводятся различные классификации реакций, в частности, классифицируются как реакции-предложения, реакции-сказуемые, реакции-словосочетания и реакции-словоформы [8], рассматривается распределение реакций по частям речи и мн. др. [3].

В нашем эксперименте реакции-словоформы (96%) значительно преобладают над реакциями-словосочетаниями (3%) и иными типами реакций (напр., *процветает* - реакция-сказуемое), (это является показательным, не случайным)

С точки зрения частеречного распределения ассоциаций большого разнообразия также не наблюдается: большинство реакций представлено существительными (92%), что особенно закономерно при стимулах-прилагательных (**русская, русские, русский, русское**), но встречаются и реакции-прилагательные (7%), а также наречие (*холодно*) и глагол (*процветает*).

Преобладают синтагматические ассоциации (**русские** – *солдаты*, **русская** – *женщина*), отсутствуют фонетические и словообразовательные ассоциации, а также антонимы и синонимы, что обусловлено лексико-грамматическими особенностями слов-стимулов.

Кроме того, при исследовании ассоциативно-вербальной сети лингвистами также принято учитывать характер семантической связи между стимулом и реакцией и выбор коммуникативных моделей, стратегий реагирования. Опираясь на исследования ассоциаций Е.Н. Гуц и Е.И. Горошко, а также Н. А. Гасицы, А. Р. Лурия [4; 3; 2; 7] и анализируя наш материал, мы получили следующую классификацию по типам реакций:

1. **Собственно семантические реакции** (если в семантике S и R есть общий множитель):

- S - гипоним

R - гипероним: *Россия – страна, Россия – государство*.

- S - признак

R - лицо, характеризуемое этим признаком: *русский – житель, русские – политики, русская – женщина.)*

2. **Реакции развёртывания** (реакции, дополняющие слово до некоторой единой структуры):

- собственно предикативные реакции: *Россия – процветает, Россия – большая страна, русские – враги, русские – самоуверенные, русские – крепкие мужики.*

- атрибутивные (S – имя существительное, R – имя прилагательное): *Россия – большая, Россия – живописная*.

- номинативные (S – имя прилагательное, R – имя существительное): *русский – царь, русское – колесо, русские – люди, русский – танец, русская – водка, русские – мафиози, русский – язык* и мн. др.

В нашем случае номинативные реакции значительно преобладают над любым иными типами реакций, что неудивительно, поскольку речь идет о чужой стране, культуре, языке и пр. Такой характер реагирования указывает на стереотипность представлений.

3. **Собственно ассоциативные реакции** (реакции, обнаруживающие чёткую смысловую связь со стимулом и являющиеся результатом «пропозициональной» тактики): *русское – борщ, русский – Волга, русский – воздействие, русский – олигархи, русское –самовар, русское –холод, Россия – Путин, Россия – матрёшка, Россия – бездомные, Россия – оккупация, Россия – водка, Россия – хоккей, Россия – коммунизм*.

4. **Оценочные реакции.**

Та или иная степень оценки прослеживается у реакций в следующих парах: *русские – враги, русские – друзья, русские – самоуверенные, русские – преданные, русский – честный, Россия – щедрость, русская – гордость, русская – самоуверенный, Россия – живописная, русское – величественный.*

Данные проведённого эксперимента позволяют обнаружить целый комплекс стереотипов, касающихся в первую очередь образа России, её истории, общественно-экономического, политического уклада, быта, культуры, климата и географии и многих других сфер жизни. Определённое место в ассоциативных полях опрошенных занимают также стереотипные представления о русском человеке и его характере.

Прежде всего, следует отметить высокую частотность слова-реакции *zima*, которое с чешского языка может быть переведено равным образом как зима, холод, а также холодное. Данная реакция оказалась самой частотной для стимула **Россия** - 17 раз, а также второй по частоте встречаемости для стимула **русская –** 8 раз. Более того, представления о холоде, снежных зимах можно выявить во множестве единичных реакций в каждом из пяти ассоциативных полей: **Россия** - *холодно, холодное, Сибирь, снег*; **русский** – *zima, мороз, лёд*; **русское** – *zimy (зимы, морозы), холодное, холод, погода, климат*; **русская** – *зима* и др. Собранные в совокупности в одно семантическое поле «холод», эти реакции не представляются случайными и свидетельствуют об устойчивом стереотипе в языковом сознании чехов.

Среди реакций значительное место занимают типические представления о необъятных российский просторах. На стимул Россия 13 информантов (второе место по частоте) предложили ассоциации *большая*, 5 информантов – *большая страна*; также в ассоциативных полях других стимулов видим реакции: *большой, большое, большая, большое государство.*

У многих опрошенных Россия вызывает ассоциации с хоккеем, что можно объяснить не только большими достижениями отечественных спортсменов в данном виде спорта, но и фактом участия выдающегося чешского хоккеиста Яромира Ягра в российской хоккейной команде «Авангард» в течение трёх лет, что хорошо известно каждому чеху. Подтверждением служат следующие реакции: **Россия** – *хоккей* (3), **русский** – *хоккей* (5), **русские** – *хоккеисты* (8).

Большую по частоте группу составляет реакция *водка*, что свидетельствует о другом устойчивом стереотипе в чешском языковом сознании. В ассоциативном ряду слова-стимула **русская** данная реакция оказывается наиболее частотной (упоминается 13 раз), но, кроме того, непременно встречается и в других ассоциативных полях: **Россия** – *водка* (3), **русский** – *водка*, **русское** – *из/от водки*, **русские** – *водка*.

Стандартными и устойчивыми для многих народов являются ассоциации России с её национальными атрибутами – матрёшка, балалайка, шапка - ушанка, самовар, а также с медведем и мн. др. В языковом сознании чехов мы тоже можем обнаружить данные стереотипные представления. Однако вопреки ожиданиям, никто из информантов не упоминает медведя. Победительницей оказывается *матрёшка*, достаточно часто встречаемая ассоциация: **русское** – *матрёшки* (7), *матрёшка* (4); **русская** – *матрёшка* (6), **русский** – *матрёшка*, **Россия** – *матрёшка*. Кроме того, в ассоциативных полях различных стимулов можно обнаружить реакции: *самовар*, *балалайка*, *шапка* (имеется в виду, по всей видимости, шапка-ушанка) и др.

Помимо того, в полученном ассоциативном ряду определённое место занимают ассоциации – государственные символы (*флаг, символы/эмблемы, гимн*, и др.), а также *рубли* как национальная валюта. Немаловажно и сопоставление России с русским языком и его алфавитом. На стимул **русский** самым частотным словом-реакцией оказывается *язык* (17), аналогичные реакции: **русский** – *азбука* (в значении «русский алфавит», «русское письмо»), *акцент*; **русское** – *слово, письмо*; **русская** – *азбука* (2).

Россия, очевидно, предстаёт в сознании чехов как страна богатой культуры и искусства, художественного наследия, самобытных национальных традиций. Среди ассоциаций на предложенные слова-стимулы встречаются следующие реакции: *танец, песня, музыка, свадьба, литература, мультфильм, писатели, поэты, актёры, балерина, традиция, фольклор, сказки, былины, богатыри, памятники старины,* (русские) *яйца* (скорее всего, имеются в виду или пасхальные яйца, или яйца Фаберже, ставшие сино-

нимом роскоши и эмблемой богатства императорского дома и дореволюционной России), *богатство*. Большинство из этих реакций могут быть навеяны чтением текстов учебников по русскому языку и других материалов о русской культуре.

Некоторое число ассоциаций связано также с русской кухней и едой*: jidlo* (кухня; еда) (5), *борщ* (5), *пирожки*, *пельмени, пончики, чай* (2), *хлеб* и др. Кроме того, некоторые реакции могут раскрывать представление чехов о природном богатстве нашей страны*: ресурсы, газ (2), нефтепровод* и др.

Что касается общественно-экономического уклада нашей страны, то здесь интересно обратить внимание на следующие реакции: *бездомные, бедность и богатство, богатство, процветает, олигархи, щедрость* и др. Данные понятия обнаруживают противоречия российской действительности, в частности, огромный разрыв между бедными и богатыми, резкую поляризацию экономического положения населения и противоречия национального характера, находящегося между щедростью и расточительностью. Ассоциации *мафиози* (4), *олигархи* во многом связаны с беззаконием, преступным распределением государственной собственности, массовым образованием преступных группировок, берущих начало от лет перестройки и продолжающихся de facto и поныне, хотя и в другой форме. Образ современной России в языковом сознании чехов до сих пор конструируется на базе данных стереотипных представлений.

Другую группу реакций составляют топонимы, названия культурных и политических объектов и реакции, связанные с представлением о географии страны: *Москва (11), Кремль (3), Чехия, Урал, Сибирь, Волга, Байкал, горы, гористая страна, живописная.*

Немалая доля полученных реакций связана с представлением чехов о политическом устройстве нашей страны, дореволюционной и советской истории. В центре политической жизни России, во главе русского *народа* (что также является одной из реакций на предложенные стимулы) – *царь (2), цари (2), Путин (2), президенты, правитель*. Можно предположить, что Москва (с Кремлём) в языковом сознании носителей чешского языка не только географический объект, столица России, но в первую очередь важнейший для российской истории, политики и культуры центр нашего государства. К политической сфере относятся также: *правительство, политика, политики (3).*Некоторые реакции относятся к советскому периоду нашей истории: *коммунизм (2), коммунисты, крестьяне, рабочие (2), земледельцы* (вероятно, в значении «крестьяне», «сельские жители»)

Во многом образ современной России в чешском сознании ещё прочно связан с советским прошлым. Особенно живы в памяти чехов события в Чехии 1968 года, с чем могут быть связаны ассоциации: *оккупация, танк (3), солдаты (9), солдат, армия, война, враги.*

Стоит отметить, что, несмотря на эти травмирующие события, в полученных ассоциациях совершенно отсутствуют следы вербальной агрессии и практически не проявляется негативное отношение. Даже такие негативно окрашенные слова-реакции, как *враги,* можно противопоставить реакциям *друг, друзья* (оппозиция «свой-чужой»). В целом среди оценочных реакций доминируют положительные: *величественный, живописная, красивая, честный, верный, щедрость,* но: *самоуверенные, самоуверенный, гордость*. Кроме того, по некоторым ассоциациям можно с той или иной долей вероятностью сказать, что Россия, как и советский союз, представляется чехам государством, сохраняющим свою военную мощь: *пилоты (2), солдаты (9), солдат, армия, война, танк (3),флот, самолёты.*

Среди полученных в АЭ ответов присутствуют также реалии, которым за рубежом присвоили звание «русского»: *колесо* (8) – самая частотная реакция на стимул **русское**; *мороженое (*4) в качестве реакции на стимул **русская** («Русское колесо» – то, что в России называют Колесом обозрения, «Русское мороженое» – название бренда одного из ныне продаваемого в Чехии мороженого).

Менее эксплицитно выражены стереотипные представления чехов о русском человеке и его национальном характере. Частично это можно объяснить тем, что реципиенты преимущественно воспринимали слова-стимулы **русская, русский, русское, русские** в качестве прилагательных, но не существительных-этнонимов, исключая стимул **русское**. Реакции, позволяющие обнаружить представления испытуемых о русском человеке, менее частотны. Однако даже отдельные реакции в своей совокупности также позволяют нарисовать некоторый образ в языковом сознании носителей чешского языка. В частности, для конструирования образа русской женщины интересны реакции: *красавицы, барышни, красивая, модель, балерина;* а для образа русского мужчины*: крепкие мужчины, борцы, богатыри, мужики (2)* и др.

На стереотипные представления об отдельных чертах русского национального характера указывают реакции: *щедрость, честность, преданные*, а также *гордость, самоуверенные, самоуверенный.* Но на наш взгляд, особый интерес представляет ассоциация к стимулу **русская** - *рулетка (4).*

Как известно, «русской рулеткой» называли экстремальную азартную игру или пари с летальным исходом. Выражение «русская рулетка» иногда применяется в переносном смысле для обозначения неких потенциально опасных действий с трудно предсказуемым исходом, а также для обозначения храбрости, граничащей с безрассудством или бессмыслием. Выражение «русская рулетка» использовалось активно в литературе, кинематографе и на телевидении. Скорее всего, данная реакция тоже может свидетельствовать о представлении чехами русского человека с крайностями в характере,

лихачеством, склонностью к рискованным действиям, доходящей до безрассудства.

Что касается возрастных отличий, то условно всех испытуемых можно подразделить на 2 группы: «дети» - от 10 до16 лет и «взрослые» - от 18 до 64 лет. В первой группе обнаружилось больше реакций – типичных национальных символов России, ассоциаций, связанных с географией, климатом страны, во второй - с советским прошлым, культурой и искусством. В целом же реакции представителей двух групп обнаруживали множество пересечений (большое сходство по семантике), и значительных отличий в их стереотипных представлениях нами не было выделено.

Итак, были выделены следующие группы стереотипных представлений (см. табл. 1 и табл. 2). При этом соотношение всех стереотипных реакций к иным реакциям составляет примерно 56% против 44%.

Табл.1 Стереотипные представления о России в языковом сознании носителей чешского языка

Стереотипные представления	**Кол-во в процентах**
Холод	12%
Необъятные пространства	10%
Советское прошлое и травмирующие события 1968 года (в т.ч. коммунизм)	9,8%
Водка	9%
Топонимы и культурные объекты	8,5%
Матрёшка	8,5%
Богатая культура	8%
Военная мощь	8%
Хоккей	7%
Национальная кухня	7%
Национальные атрибуты и национальная символика	4%
Социальные контрасты	5%
Природное богатство	2%

Табл.2. Стереотипные представления о русском человеке и его национальном характере в языковом сознании носителей чешского языка

Представления	**Кол-во в процентах**
Красивые женщины	25%
Крепкие мужчины, богатыри	25%
«Русская рулетка»	20%
Гордость, самоуверенность	15%
Щедрость, честность, преданность	15%

Выводы:

Результаты проведённого эксперимента позволяют говорить о преобладающем позитивном восприятии России и русского человека со стороны носителей чешского языка. Несмотря на то, что определённое место в сознании чешских информантов (в особенности взрослых) всё ещё занимают представления о русских как о врагах, коммунистах и захватчиках, самоуверенных и гордых, воспоминания о травмирующих событиях советского времени постепенно стираются, и негативное отношение сглаживается. Напротив, большинство современных чехов оценивают Россию скорее положительно, считая её достаточно интересной страной с богатой культурой и природой, хотя и не лишённой социально-экономических проблем, и воспринимают россиян скорее в качестве «своих» - друзей, чем «чужих» - врагов.

Литература

1. Белянин В.П. Психолингвистика: Учебник. 2-е изд. — М.: Флинта, Московский психолого-социальный институт, 2004. — 420 с.
2. Гасица Н.А. Ассоциативна структура значения слова в онтогенезе: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1992. - 21 с.
3. Горошко, Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. - Харьков; М.: Изд. группа «РА – Каравелла», 2001. - 320 с.
4. Гуц Е.Н. Языковое сознание: экспериментальная парадигма.- Омск, «Вариан-Омск», 2011. – 90 с.
5. Залевская А.А. Языковое сознание: вопросы теории // Вопросы психолингвистики. - 2003 - №1- С. 30-35.
6. Красных В.В. Этнопсихология и лингвокультурология: Курс лекций / В. В. Красных. - М.: ИТДГК "Гнозис", 2002. - 284 с.
7. Лурия А.Р. Речевые реакции ребёнка // Речь и интеллект в развитии ребёнка. - М., 1928.- С.11-45.
8. Мартинович Г.А. Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента//Вопросы психологии. - 1993. № 2. - С. 93–99.
9. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. Пособие / В. А. Маслова. - М.: Academia, 2001. - 208 с.
10. Скорнякова Р.М. Лингвокультурологическая концепция моделирования языковой картины мира: автореф. дис. …д-ра фил. наук.- М., 2010 – 49 с. [Электронный ресурс] URL: http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filologiya/a341.php (дата обращения: 17.02.2013)
11. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. - М., 1985. – 167 с.
12. Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 24–32.
13. Тарасов Е.Ф. Образ России: методология исследования.//Вопросы психолингвистики - 2006 - №4 - С.70-74.

14. Уфимцева Н.В. Этнические и культурные стереотипы: кросс-культурное исследование. // Изв. АН. Сер. лит. и яз. Т. 54. -1995.- №3- С. 55-62.
15. Уфимцева, Н.В. Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. – 2009. - №4(8) – С. 98-111.
16. Уфимцева, Н.В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. - Воронеж, Воронеж. гос. ун-т, 2001. - С. 65-71.
17. Ушакова Т.Н. Понятие языкового сознания и структура рече-мысле-языковой системы// Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты / Сб. под ред. Н.В. Уфимцевой. – М., Барнаул, 2004. - С.6-17.
18. Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования.//Языковое сознание и образ мира. - М., 2000. - С. 13-24.

© Бутакова Л.О., Тихонова Д.А., 2013

Вавилова Н.Т.
г.Уфа, Россия

Основное отличие английского предложения от русского

Начинающим изучать английский язык важно знать об основном отличии английского предложения от русского. Для начало можно предложить изучающим рассмотреть фразу ***«Гло́кая ку́здра ште́ко будлану́ла бо́кра и курдя́чит бокрёнка»,*** придуманную академиком Л.В. Щербой в 1930-е годы, которую он использовал на вводных лекциях к курсу «Основы языкознания» для иллюстрации того, что многие семантические признаки слова можно понять из его морфологии. Широкую известность эта фраза приобрела после публикации научно-популярной книги Льва Успенского «Слово о словах» [1]. В этой искусственной фразе на основе русского языка все корневые морфемы заменены на бессмысленные сочетания звуков.

Несмотря на это, общий смысл фразы понятен, благодаря суффиксам: некоторое, определённым образом характеризуемое, существо женского пола что-то сделало определённым образом с другим существом мужского пола, а затем начала (и продолжает до настоящего момента) делать что-то другое с его детёнышем (или более мелким представителем того же вида).

В русском языке отношения между словами в предложении или словосочетании, а также синтаксическая функция слова преимущественно определяется формой слова, его окончанием.

Разговаривая по-русски, мы не задумываемся о тех больших возможностях, которые предоставляет нам наш родной язык в отношении распределения слов в предложении. Возьмем, например, такое высказывание: *Посмотри, какую я себе купила книгу!* В этом предложении слова *какую* и *кни-*

гу, связанные по смыслу, разобщены друг с другом. Но мы можем сказать и так: *Посмотри, какую я книгу себе купила!* или: *Посмотри, какую книгу я себе купила!* и еще так: *Посмотри, какую книгу я купила себе!*

В современном английском языке, в отличие от русского языка, система падежных окончаний развита мало. Поскольку глаголы не имеют личных окончаний, а существительные, прилагательные и местоимения не имеют падежных окончаний, то взаимосвязь между словами определяется за счёт порядка слов.

В английском языке такая свобода в расстановке слов в предложении, как в русском языке, отсутствует. Английское предложение имеет строгий порядок слов и строится довольно однообразно. В начале предложения обычно ставится подлежащее, то есть слово, которое обозначает носителя действия. Затем следует сказуемое, то есть то, что говорится о подлежащем. За сказуемым следует то слово, на которое распространяется действие подлежащего, то есть прямое дополнение. Далее размещаются другие члены предложения – косвенное дополнение, обстоятельство места, обстоятельство времени.

Таким образом, в английском языке то слово или слова, которые предшествуют сказуемому, обычно обозначают носителя действия, а то слово или группа слов, которые следуют за сказуемым, обычно обозначают объект воздействия подлежащего. Иными словами, расстановка членов предложения приобрела в английском предложении грамматическое значение. Эта особенность английского языка очень важна при его изучении и пользовании речью на английском языке. При нарушении порядка слов нарушается смысл предложения.

Так, например, русское предложение *Охотник убил медведя* по-английски будет звучать: *Hunter killed bear.* Но по-русски можно сказать и так: *Медведя убил охотник.* Если мы последуем за порядком слов русского предложения и скажем по-английски *Bear killed hunter,* то получим предложение с противоположным значением: *Медведь убил охотника.*

Если же по общему содержанию речи обязательно требуется поставить слово *Медведь* на первое место, то английский язык прибегает к помощи форм пассива – страдательного залога и тогда порядок слов в предложении может остаться таким: *Bear was killed by hunter.*

Строгий порядок слов в английском предложении дает возможность выражать различные признаки и качества предметов не путем использования различных прилагательных, которых в английском языке значительно меньше, чем в русском, а путем широкого применения соответствующих существительных, помещенных в качестве определения перед другим существительным. Так, например, понятие *мужская школа* по-английски передается как *a boy school.* Если же нужно выразить понятие *школьник,* то существительное *school* ставится перед существительным *boy - a school boy.*

Если требуется назвать учреждение, имеющее несколько признаков, как например, Московский государственный университет. В этом словосочетании англичанин использует только существительные – ***Moscow*** *Москва* ***State*** *государство* ***University*** *университет: Moscow State University.*

Если название имеет пять, шесть и более признаков, то обычно все они обозначаются существительными, так что создается своеобразная цепочка существительных, из которых лишь последнее существительное будет обозначать предмет, все же остальные будут выражать его многочисленные признаки.

Литература

1. Успенский Л. В., Слово о словах – Ленинград: Государственное издательство Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР, 1956. – 257с.

© ВавиловаН.Т., 2013

Вагазова И. М., Шайхутдинова Г. Ю.
г. Уфа, Россия

Модальные частицы в немецком языке

В разговорной речи характерной особенностью является эмоциональность. Во время беседы говорящие обычно не ограничиваются требованием информации и сообщением ее. Каждый стремится, кроме того, как-то повлиять на собеседника, передать ему свои чувства и настроения, побудить его к каким-то действиями, вызвать у него желаемую реакцию.

Средством достижения этих целей является в первую очередь интонация. Не последнюю роль играют в разговоре выражение лица, мимика и жесты.

Выражению эмоций и субъективного отношения к содержанию высказывания и к собеседнику служат и лексические средства, в частности, особый класс слов - модальные частицы.

Ни один язык (кроме русского) не обладает такой богатой, такой разветвленной системой модальных частиц, как немецкий. Их употребление в диалоге обязательно. Они передают тончайшие оттенки смысла, сообщают речи эмоциональную окраску, живость, гибкость и неповторимый колорит естественного общения между собеседниками. Модальные частицы называют словами-приправами.

Немецкая обиходно-разговорная речь немыслима без модальных частиц. Чтобы убедиться в этом, достаточно взять любое произведение художественной литературы, где автор передает диалогическую речь, например, романы Э.М. Ремарка, А. Зегерс. Почти в каждой реплике их персонажи употребляют модальные частицы, что с абсолютной точностью отражает

действительную картину немецкой диалогической речи. Модальные частицы помогают понять цели и намерения говорящего, его эмоциональную оценку содержания высказывания, его ожидания, которые он связывает со своим партнером по коммуникации.

Например, при помощи частицы etwa говорящий «подсказывает» собеседнику отрицательный ответ: Bleibst du etwa hier? Эта частица ясно дает понять, что говорящий был бы обманут в своих ожиданиях, получив утвердительный ответ.

Частица auch указывает, что говорящий испытывает сомнения и опасения и ждет, что его собеседник их рассеет. Wirst du auch dafür Zeit haben? Обычным ответом на подобные вопросы являются уверения в том, что все в порядке, что беспокоиться не о чем.

Модальная частица wohl в повествовательном (как правило, восклицательном) предложении может указывать на то, что высказывание следует понимать как требование, побуждение: Solche Scherze unterlässt du wohl künftig!

Как интонация, так и модальная частица wohl показывает, что в данном случае в форму повествовательного предложения обличено довольно категорическое требование.

Иностранцы, не употребляющие модальных частиц в своей речи, сразу же выдают себя этой особенностью, если даже во всем остальном их немецкий язык безупречен. Разговорная речь без модальных частиц воспринимается носителями немецкого языка как сухая, нелюбезная, излишне категоричная.

Модальные частицы можно встретить и в языке газеты, и в научных трудах, и в авторской речи художественного произведения, но их процент не велик. Они довольно редки в монологической речи. Необходимыми и употребительными модальные частицы являются во всех тех случаях, когда говорящий видит перед собой конкретного собеседника и заинтересован в живом, непосредственном общении.

©Вагазова И.М., Шайхутдинова Г.Ю., 2013.

Виноградова Р.И.
г.Уфа, Россия

Анализ некоторых типов глагольных лексико-словообразовательных синонимов в современном немецком языке

Словообразовательные синонимы – это производные образования с синоморфемами и однокоренными производными основами с близким или сходным значением и единой денотативной направленностью. Смысловая

структура производных дифференцируется по крайней мере по одной линии (по одному признаку), который может устойчиво нейтрализоваться в определенных позициях в синтагматике, что ведет к частичному взаимозамещению словообразовательных структур в речи. Частным случаем словообразовательных синонимов являются образования с синонимичными суффиксами и префиксами, вследствие чего и выделяются суффиксальные и префиксальные словообразовательные синонимы (friedsam – friedlich; missmutig – unmutig; verduften – ausduften u.a.). Словообразовательные синонимы соприкасаются с лексическими синонимами, ибо, образуясь в сфере словопроизводства, они имеют непосредственный выход в лексический состав языка и обогащают его арсенал близкими по значению единицами. Исходя из этого положения, анализируемые нами синонимичные словообразовательные единицы можно отнести к разряду лексико-словообразовательных синонимов.

Мы неоднократно обращались к анализу различных типов производных глаголов-синонимов, выявляли сферу их функционирования в речи. В рамках данной статьи мы ограничимся анализом производных глаголов с ver-, которые в определенных условиях конкурируют в части своей смысловой структуры со своими членами оппозиции – симплексами: verleihen-leihen; verscheuchen-scheuchen; vermeiden-meiden; verwarnen-warnen u.a. Данные семантически близкие единицы мы называем лексико-словообразовательными синонимами внутриоппозиционного типа.

Исходя из трехступенчатой процедуры анализа, предложенной Г.Хельбигом и В. Шенкелем (1) при исследовании глагольных структур, можно выявить зону схождения, в которой оба глагола взаимозаменяемы. Данная зона устанавливается через сравнение сочетательных возможностей глаголов-конкурентов.

В качестве примера мы предлагаем анализ глагольной пары leihen – verleihen.

Данная пара имеет два облигаторных и один факультативный партнер: leihen (2+1); verleihen (2+1). Синтаксическое окружение данных глаголов представляют собой существительные в винительном и именительном падежах (Sn, Sa), которые выступают в качестве облигаторных партнеров. Синтаксическая природа факультативных партнеров глаголов leihen-verleihen различна, а именно, для leihen, Sd (сущ. в дательном падеже), для verleihen, PSa (сущ. в винительном падеже с предлогом), zB. Kannst du mir bitte dein Taschenmesser leihen. Bücher soll man nicht an fremde Menschen verleihen (2). Die Bank verlieh Geld an ihre Kunden. Er lieh ihm Geld (3). Семантическое наполнение глагола составляют: для leihen: Sn-Hum; Sa-Anim. Er lieh ihm dieses Buch: Sd-Hum (mir, ihm Geld leihen). В отличие от беспрефиксального глагола у деривата в качестве Sn может выступать абстрактное имя существительное, в понятие которого вкладывается целый коллектив. Die Bank verlieh Geld an ihre Kunden (3). В предложениях без объекта (лица), на

который направлено действие, глаголы могут взаимозаменяться без изменения как структуры предложения, так и его коммуникативной значимости, например, Ich leihe die Bücher grundsätzlich nicht. Ich verleihe die Bücher grundsätzlich nicht (4). Таким образом, зона взаимозамещения глаголов leihen-verleihen создается тогда, когда глаголы употребляются без объектов, обозначающих лицо. В противном случае синонимические отношения усматриваются между синтагмами leihen + PSa –verleihen + Sd. Конструкция с опорным глаголом – более раннее явление в языке, которая со временем замещается однозначным префиксальным дериватом в сочетании с измененным по качеству объектом. Мы проанализировали более 20 аналогичных глагольных пар, например: verborgen-borgen (leihen); verschenken-schenken (als Gegenstand überreichen); verschieben-schieben (verkaufen); verganten-ganten (südd.) (versteigern) usw. Как показывает анализ, префиксальные дериваты являются часто однозначными, в отличие от соотносимых с ними однокоренных симплексов, т.е. префикс в некоторых глаголах исключает многозначность.

В ряде глаголов коррелирующих пар с единой денотативной направленностью явно эксплицируются стилистические ограничения для одного из глаголов пары: verwarnen (vor D.), *umg*.- warnen (vor D.) - *mit Nachdruck* etw. zu tun verlangen - предостерегать; verlohnen - (sich), *umg*.- lohnen (sich)- mehr als der Einsatz wert sein - стоить, оправдывать себя. Глаголы имеют также различную стилистическую окраску, которая может быть поэтической или возвышенной, грубой или вульгарной и т.п., например, verspüren (*gehob.*) - spüren (*neutr.*) – das Vorhandensein von etw. gefühlsmäßig wahrnehmen; versterben (*gehob.*) – sterben (*neutr.*) – zu leben aufhören; verweilen (*poet.*) – weilen (*neutr.*) = bleiben.

Таким образом, для префиксальных глаголов с ver- характерно, с одной стороны, употребление в разговорно-обиходном стиле речи, в то время как соотносимый с ними опорный глагол принадлежит к книжно-письменному стилю. С другой стороны, глагол с ver- приобретает определенную стилистическую окраску.

Анализ большого количества коррелирующих пар позволяет сказать следующее: семантические оттенки, различающие глаголы-конкуренты при их реализации в речи, вносятся в смысловую структуру производных образований в результате реализации индивидуальных сем глагольных префиксов. Каждый префикс имеет как бы «скрытые» семы, имплицитно присутствующие в семантической структуре префиксов. Данные элементарные значения наслаиваются на общую идею высказывания и образуют фон, который дифференцирует содержание глаголов-конкурентов.

При употреблении семантически соотносимых пар глаголов в речи дифференциальную роль играют не только семантические оттенки, но и

конкретная история слов, их денотативная соотнесенность, что приводит к выработке определенных языковых норм.

Литература

1. Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben . L.1973.
2. Klappenbach R., Steinitz W., Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache.Bd.3,L.,1970.
3. Duden K. Vergleichendes Synonymwörterbuch der deutschen Sprache . Mannheim,1964.
4. Farrell R.B. Dictionaryof German synonyme, Cambridge Uni., 1953.

© Виноградова Р.И., 2013.

Воробьева Г.И., Аитова В.М.
г.Бирск, Россия

Использование речевых ситуаций для формирования коммуникативной компетенции на неязыковом факультете

Одним из действенных средств повышения эффективности обучения устной речи при обучении иностранному языку (ИЯ) для общих целей (I-II семестр) является использование учебных речевых ситуаций (УРС).

В чем состоит эффективность работы с УРС на занятиях по ИЯ? Прежде всего, УРС создают языковую среду занятий, дают преподавателю возможность создать в аудитории условия, приближенные к реальным. Использование УРС при обучении ИЯ помогает преподавателю сделать занятие более интересным, повышает мотивацию, помогает заинтересовать студентов и привлечь их внимание.

Правильно подобранные УРС стимулируют речевую активность обучающихся как в группах, начинающих изучение, так и в группах, продолжающих изучение.

Использование УРС на занятиях требует от преподавателя максимального внимания. Активность обучающихся должна быть направлена в нужное русло, на достижение поставленной цели, например, на усвоение языкового материала и на практическое овладение им. Обучение с помощью УРС способствует развитию навыков устной речи, а также навыков беспереводного понимания воспринимаемого на слух текста. Используя учебно-речевые ситуации в качестве средства обучения, преподаватель учитывает различные факторы: индивидуальную языковую подготовку студентов, тему занятия, конкретные обстоятельства, максимально используя их личный опыт. УРС могут применяться в начале занятия, в середине и в конце его. С их помощью может быть активизирована определенная лексика, речевые

образцы или какие-либо грамматические явления во всех видах речевой деятельности.

Достигнуть хороших результатов можно лишь при условии регулярной, систематической работы с ситуациями. При взаимном общении нам приходится как сообщать что-либо нашему собеседнику, так и отвечать на его вопросы с целью извлечения нужной информации на иностранном языке. В реальной ситуации общения часто появляется необходимость получить информацию. Поэтому приобретение прочных навыков постановки вопросов является чрезвычайно важным моментом при обучении ИЯ.

Для развития навыков устной речи, в частности, навыков постановки вопросов, важно, чтобы студенты задавали вопрос правильно и быстро, четко знали, что они хотят узнать, с тем, чтобы вопрос возникал непосредственно из УРС.

Стимулом для постановки вопросов всегда является желание узнать что-то, получить какую-либо информацию. Рассмотрим конкретные причины, которые побуждают студентов задавать вопросы на иностранном языке в контексте УРС. Это, прежде всего, желание получить информацию о каком-нибудь факте, событии, недостаточно освещенном, чтобы удовлетворить свою любознательность.

Например, преподаватель может в общих чертах рассказать о каком-то событии или книге, которую он прочитал. Обучающиеся хотят знать об этом подробнее, и поэтому задают преподавателю вопросы. Таким образом, стимулом к постановке вопросов может служить прослушанный или прочитанный текст. В качестве другого стимула могут выступать ситуативные игры. Например, задавая вопросы, студенты должны угадать задуманный предмет, который ранее не видели. Серия ситуативных рисунков наилучшим образом побуждает обучающихся вести беседу по теме. Наглядность в создании УРС играет особую роль.

В группах, в которых студенты начинают изучать ИЯ, в качестве стимулов для высказываний обучающихся могут широко использоваться презентации. Для построения высказывания студент, просматривая изображение на экране, должен продумать, какими языковыми средствами он владеет, чтобы сделать короткое сообщение о предлагаемом предмете или явлении. Он должен оценить и сопоставить имеющиеся в активном запасе слова, словосочетания, речевые образцы, необходимые для выполнения задания.

В этом случае возможны варианты: простое воспроизведение готового, то есть имитация, воспроизведение, требующее подстановки (использование другой лексики), репродукция на основе трансформации или расширения и, наконец, комбинирование.

Преподаватель может оказать помощь обучающимся в припоминании средств выражения: либо с помощью специально подобранных вопросов, содержащих нужное, либо предварительным повторением слов или струк-

тур, требуемых для презентации. Студенты имеют установку на активизацию и актуализацию необходимых языковых единиц, произнесенных преподавателем или своими товарищами по группе.

Успешное обучение устной речи во многом зависит от того, насколько УРС являются стимулами к говорению, то есть насколько они интересны для каждого обучающегося в отдельности и ситуативно обусловлены.

Очевидно, чтобы «спровоцировать» обучающегося на творческую устную речь, его надо поставить в такие условия, в каких ему самому интересно рассказать о чем-то, выразить свое отношение к какому-то событию из жизни страны, города, школы, класса. Для этого преподавателю необходимо хорошо знать своих обучающихся, их потребности, характеры, интересы.

Принимая это во внимание, на занятиях при обучении речи можно предложить студентам такое ситуативное задание, которое затрагивало бы его интересы.

В качестве примера рассмотрим некоторые УРС, которые можно использовать при презентации темы «Еда». Для того, чтобы студенты говорили в рамках этой темы, им необходимо использовать лексические единицы, обозначающие названия продуктов питания. Для введения и первичного закрепления этих слов можно предложить серию отдельных УРС, которые могут быть определенным образом соединены между собой и последовательно актуализированы на ряде занятий. Так, на первом занятии по указанной теме преподаватель предлагает студентам лексический ряд слов, обозначающих продукты: масло, сыр, хлеб, молоко. Для осуществления первых операций по закреплению новых лексических единиц и обеспечения сочетаемости с глаголами (например, брать, положить) студенты могут описать свои действия в соответствии с таким заданием: «Продукты куплены. Какие из них ты положишь в холодильник (в буфет)?».

На следующем занятии преподаватель продолжает идею первого: «Вспомним, что я принес из магазина» и добавляет новую лексику по плану занятия: ряд слов, обозначающих продукты: рыба, мясо, чай. «Сегодня я купил (принес) еще … ». «Все продукты в холодильнике, но его надо разморозить. Назови продукты, которые тебе надо вынуть из холодильника. Посмотрим, кто лучший помощник – все вынет сам и не оставит мне работы». Выполнение этого задания может быть осуществлено по группам или по парам. Оно может иметь характер соревнования.

В процессе игры обучающимся приходится приобретать (на рынке, в магазине) разные продукты, при этом оценивается как количество названий продуктов питания, так и их качество (предполагаемое). Выполнение такого задания побуждает студентов подключать к отрабатываемой лексике слова из активного словаря с учетом личного опыта. Такая форма активизирует речь студентов, побуждает использовать имеющиеся в пассивном запасе

слова, подбирать их сочетания, и в целом обогащает высказывания обучающихся. Благодаря приобретенным лексическим навыкам, они могут самостоятельно строить высказывания, реализуя свой речевой замысел.

© Воробьева Г.И., Аитова В.М., 2013.

Газизов Р.А.
г. Уфа, Россия

Речевая ситуация в структуре коммуникативного процесса: к определению понятия

Речевая ситуация наряду с коммуникативным актом представляет собой неотъемлемый структурный компонент любого коммуникативного процесса. Она относительно независима от коммуникативного акта. Однако некоторые ее характеристики задаются и актуализируются благодаря определенным компонентам акта коммуникации, в особенности благодаря адресанту и адресату. Данная мысль подтверждается выводом Л.С. Гуревич о том, что «ситуация состоит из двух типов элементов: тех, которые находятся под контролем деятеля, и тех, которые неконтролируемы, т.е. не поддаются прогнозированию, не подвержены влиянию деятеля или изменению под воздействием деятеля» [3, 112].

В настоящее время ситуациям общения, так же как и другим составляющим речевой коммуникации, придается большое значение. Данной проблемой занимаются представители различных наук: прагмалингвистики, коммуникативной лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, психологии, социологии, педагогики, методики, лингводидактики и т.д. Однако единого мнения по вопросу определения как понятия «ситуация», так и понятия «речевая ситуация» не существует.

В психолингвистической теории деятельности речевая ситуация определяется как «совокупность речевых и неречевых условий, необходимых и достаточных для того, чтобы вызвать идентичную речевую ситуацию у различных носителей данного языка» [8, 84]. А.А. Леонтьев полагает, что речевую ситуацию образуют, прежде всего, такие «факторы предречевой ориентировки, которые являются константными в различных конкретных условиях ориентировки и изменение которых влияет на изменение программы или операционной структуры речевого действия» [9, 60].

Определение понятия «речевая ситуация» нашло отражение также в социолингвистических исследованиях зарубежных лингвистов. Так, Р. и М. Леодольтеры противопоставили понятию речевой ситуации термины «код», «регистр», «стиль» и приписали речевой ситуации экстралингвистический характер [17]. Представитель американской социолингвистики С.М. Эрвин-Трипп использует вместо понятия «ситуация» понятие обстановки, которое

может применяться в двух смыслах – в локальном (время и место) и ситуационном, включая сюда постоянные модели поведения, возникающие при общении людей [15, 337].

Понятие обстановки можно встретить также в концепции Д.Х. Хаймса, который модифицировал модель речевого общения Р. Якобсона, заменив компонент «контекст» компонентом «обстановка». При этом ученый отметил, что «фактор обстановки является фундаментальным и с трудом поддается анализу. Он лежит в основе многих других факторов, но вместе с тем нелегко определить, из чего он складывается» [14, 61].

В некоторых моделях коммуникации (например, у Р. Якобсона) в значении ситуации применяется понятие контекста [16, 198]. Однако не стоит забывать, что контекст может обозначать и всю совокупность пресуппозиций и фоновых знаний, ценностные установки, культурную идентичность и индивидуальные особенности языковой личности, настрой, с которым коммуникант вступает в общение [7, 40]. Это так называемый внутренний контекст. В свою очередь, внешний контекст включает место, время, сферу и условия общения, определяющие его характер, что соответствует нашему пониманию контекста в значении ситуации. М.Л. Макаров выделяет среди пяти типов прагматического контекста ситуационный контекст, представляющий собой «обширный класс социальных детерминант, среди них: тип деятельности, предмет общения, уровень формальности или официальности, статусно-ролевые отношения, место общения и обстановка, социально-культурная «среда» и т.п.» [10, 115].

В словаре «Культура речевого общения: этика, прагматика, психология» ситуация речи обозначается как «совокупность различного рода обстоятельств, условий, в которых происходит или может (должен) происходить речевой или коммуникативный акт, осознаваемых с точки зрения адекватности – неадекватности им его содержания и стиля. Сюда включаются: конкретное место речевого акта; время, в которое он происходит, обстановка речи в узком смысле слова, социальная обстановка, особенности личности собеседника (аудитории), социальные особенности говорящего» [12, 239]. Авторы данного словаря отмечают также, что «во многих случаях речевой ситуации тот или иной из вышеперечисленных компонентов, например, место разговора, имеет наибольшее значение, а другие – меньшее; одни из компонентов бывают адекватны теме и стилю разговора, а другие неадекватны» [там же: 240].

В этой связи выделяют: 1) *локальный контекст*, если место разговора в отличие от других параметров речевой ситуации в наибольшей степени определяет и регламентирует коммуникативное поведения участников коммуникации; 2) *временной контекст*, т.е. «хронологический период, к которому относится конкретная коммуникативная ситуация» [7, 40]; 3) *ситуаци-*

онный контекст, определяющий взаимодействие участников коммуникации с учетом их статусно-ролевых отношений.

Таким образом, речевую ситуацию можно определить и как контекст (причем внешний), и как обстановку общения, включающие обстоятельства, в которых происходит конкретное событие. Речевая ситуация – это «ситуация действительности, которая может вызвать ту или иную речевую реакцию» [4, 14]. О влиянии речевой ситуации на ход коммуникативного процесса писала также В.В. Красных, которая понимает под ситуацией фрагмент объективно существующей реальности, вызывающий определенную психическую реакцию и побуждающий к некоторому действию: вербальному или невербальному. В свою очередь, реакция «оформляется» в мотив, который может воплотиться в интенцию вербальной реакции (отклика) на внешний раздражитель – ситуацию [5, 141].

Итак, речевая ситуация является исходным моментом любого речевого действия в том смысле, что то или иное стечение обстоятельств побуждает человека к речевому/неречевому действию. По справедливому замечанию В.Л. Скалкина, речевая ситуация определяется как «совокупность экстралингвистических информационных факторов, вовлекающих человека в языковую коммуникацию и определяющих его речевое поведение в пределах одного акта общения как в позиции говорящего, так и слушающего» [13, 58].

Если в большинстве случаев речевая ситуация рассматривается в качестве составляющей в структуре того или иного явления (мы имеем в виду коммуникативный акт и коммуникативный процесс), то в некоторых концепциях (в основном отечественных ученых) речевая ситуация предстает как образование, включающее в свой состав компоненты коммуникативного процесса в целом. Так, В.А. Аврорин, занимаясь проблемами изучения функциональной стороны языка, определяет речевую ситуацию как «сложное целое, включающее в себя производителя и адресата речи со всеми их социально-демографическими признаками и характеристикой их отношений между собой, обстановку, в которой совершается акт речи, тему речевого произведения и, наконец, как функцию всего предыдущего, лингвистическую принадлежность речевого произведения» [1, 116]. Данное определение ситуации, так же как и некоторые другие, придают ей статус коммуникативного процесса, что, на наш взгляд, создает новые противоречия в понимании как самой речевой ситуации, так и коммуникативного акта и процесса коммуникации в целом. М.С. Ахмед объясняет сущность противоречий в подходах к ситуации тем, что противоречива, в первую очередь, сама природа речевой коммуникации. Она (коммуникация) сложна и многопланова [2].

Таким образом, различные подходы к определению понятия речевой ситуации свидетельствуют о многомерности и сложности данного коммуникативного образования. Понимание рассматриваемого явления – речевой

ситуации – осложняется к тому же наличием такого понятия, как коммуникативное пространство.

Как известно, участники речевой ситуации образуют общее речевое, или коммуникативное пространство, «характеризующееся не столько чувственным восприятием его границ, сколько осознанием причастности к этой сфере» [Курикова 2007: 529]. Коммуникативное пространство – «это некая подвижная ментальная сфера, образуемая в сознании коммуникантов в момент речи, ее границы определяются спецификой речевого акта, особенностями социальной культуры, фоновыми знаниями участников общения» [там же: 528]. Ю.Е. Прохоров понимает под коммуникативным пространством «совокупность сфер речевого общения, в которой определенная языковая личность может реализовать в соответствии с принятыми в данном социуме языковыми, когнитивными и прагматическими правилами необходимые потребности своего бытия» [Прохоров 2007: 558].

На наш взгляд, анализируемые понятия – речевая ситуация и коммуникативное пространство – имеют много общего, поскольку в их содержание входят место, время, сфера общения, социальные отношения участников коммуникации и т.д.

Таким образом, речевая ситуация является необходимым условием осуществления любой речевой коммуникации, представляющей собой трехуровневое образование (коммуникативный, интерактивный и перцептивный уровни) и включающей коммуникативное поведение членов той или иной лингвокультурной общности.

Литература

1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. – Л.: Наука, 1975. – 276 с.

2. Ахмед М.С. Разновидности диалогического общения (ситуативный диалог и тематическая беседа) в системе обучения русскому языку студентов технических вузов Йемена: начальный и средний этапы обучения: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.02 / Гос. ин-т рус.яз. им. А.С. Пушкина. – Москва, 2005. – 22 с.

3. Гуревич Л.С. Когнитивное пространство метакоммуникации [Текст]: монография. – Иркутск: ИГЛУ, 2009. – 372 с.

4. Корзина С.А. Французский язык. Речевые клише в диалогической речи: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1991. – (Б-ка преподавателя). – 111 с.

5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

6. Курикова Н.В. Коммуникативное пространство и способы его моделирования (на материале диалектных высказываний) // Мир русского слова и русское слово в мире. Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ, том 4. – София: Heron Press, 2007. – С. 526-531.

7. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.

8. Леонтьев А.А. Понятия «стиль речи» и «стиль языка» в ряду других понятий лингвистики речи // Проблемы лингвистической стилистики / Сб. научн. тр. Мос. гос. пед. ин-та ин. яз. им. М.Тореза. – М., 1969.
9. Леонтьев А.А. К определению речевой ситуации // Речевая ситуативность в преподавании иностранных языков в специальном языковом вузе: 9-я научно-методическая конференция. Тезисы докладов. – М., 1973.
10. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. – Тверь: ТГУ, 1998. – 200 с.
11. Прохоров Ю.Е. Старые вопросы нового времени: чему учить иностранца? Проблемы взаимосвязи языка и культуры сегодня // Мир русского слова и русское слово в мире. Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ, том 4. – София: Heron Press, 2007. – С. 558-563.
12. Романова Н.Н. Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология / Н.Н. Романова, А.В. Филиппов. – М.: Флинта : Наука, 2009. – 304 с.
13. Скалкин В.Л. Типичная коммуникативная ситуация как структурно-тематическая основа обучения устной иноязычной речи // Русский язык за рубежом. – 1979. – №5. – С. 56-62.
14. Хаймс Д. Этнография речи // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1975. – Вып. 7. – С. 42-95.
15. Эрвин-Трипп С.М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1975. – Вып. 7. – С. 336-362.
16. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». Сб. статей. Пер. с англ., франц., нем., чеш., польск. и болг. языков. Под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.
17. Leodolter, R. und M. Kommunikative Interaktion und Sozialisation // Schaff A. (Hrsg.) Soziolinguistik. Wien: Europa Verlag, 1976. – S. 103-145.
© Газизов Р.А., 2013.

Гайсина Р.М.
г. Уфа, Россия

А. А. Потебня о взаимодействии имени и глагола

Проблема межкатегориального взаимодействия имени и глагола как центральных частей речи привлекала постоянное внимание лингвистов X1X – XX вв. и не теряет своей актуальности до настоящего времени.

В работах А.А. Потебни содержится фундаментальная идея о внутриязыковом энергетическом факторе, определяющем саморазвитие и самоорганизацию языка. Широко известна идея Потебни об энергийности глагола как самой прогрессирующей категории языка, о том, что межчастеречные глагольно-именные взаимодействия происходят под влиянием проявляющейся в ходе развития языка тенденции к усилению глагольности и к рас-

пространению глагольной энергии на слова других частей речи. По Потебне, межчастеречные взаимодействия глагола и имени ведут к оглаголиванию последнего. Следует подчеркнуть, что, говоря об оглаголивании имен, Потебня имеет в виду не формальный, а функционально-смысловой аспект этого процесса. Он отмечал, в частности, изменение значения и круга деятельности существительного под влиянием глагола, «усиление элементов глагольности в семантике и синтаксическом поведении имён» [1,5]. В связи с этим, по Потебне, «различение имени и глагола должно быть только формальное, то есть должно состоять не в содержании, а в способе его представлять» [2, 88]. Эти идеи Потебни большинством учёных не были приняты, считались недоказанными (П. Адамец) и даже противоречащими фактам языка (В.В. Виноградов, Л.В. Бортэ).

На наш взгляд, идея Потебни о распространении глагольной энергии на имена и функционально-семантическом оглаголивании имён глубока и плодотворна и находит своё подтверждение и развитие в лингвистике середины и второй половины XX века, в частности в учении о вторичных синтаксических функциях имён. В отличие от глаголов, обладающих исключительной предикативностью (сказуемостью), имена, кроме своих собственных синтаксических функций, согласующихся с их категориальным значением, могут выполнять и другие, в частности сказуемостные, функции. Как отмечает Потебня, даже «существительные с забытым признаком» обладают этой способностью, так как «сохраняют память о своих прежних предикатах и атрибутах»; например, смысл слова *рыба* в предложении *Этот человек – рыба* может быть истолкован «плавает, как рыба или «нем, холоден, как рыба», так как помнятся сочетания «рыба плавает, рыба нема» и пр. [1, 81]. В сказуемостных функциях у предметных существительных, по словам Потебни, происходит «устранение субстанциональности» [1, 313], что составляет «лишь другую сторону усиления глагола» [1, 5]. В полном соответствии с данными рассуждениями Потебни находится развиваемое во второй половине XX века положение об устранении денотативно ориентированных сем и усилении предикативных (признаковых) элементов значения у предметных существительных в тех случаях, когда они используются в функции предиката [3; 4].

Идея Потебни о росте семантических элементов глагольности у имён содержится и в учении о предикатных именах существительных как об «имплицитных глаголах», в связи с тем, что в их значении усматривается «заряд сказуемости» (Н.Д. Арутюнова, О.А. Митрофанова и др.). Развитие лингвистики конца XX – начала XX1 вв. подтверждает, что идея Потебни об энергетическом воздействии глагола на имена заключает в себе теоретический исход сложившейся и активно развиваемой в настоящее время в языкознании синергетической научной парадигмы, в рамках которой признаётся синергетичность языка в целом.

Предикатное (отглагольное) имя, функционируя в составе грамматической категории существительного, продолжает испытывать на себе семантическое влияние материнской категории – исходного глагола. Именно исходный глагол регламентирует развитие полисемии отглагольных существительных, позволяя им развивать прежде всего такие значения, которые соотносятся с его валентностной структурой: значение субъекта (ср.: *командование полком* и *командование полка*), объекта (ср.: *быть в выигрыше* и *крупный выигрыш*), результата (*вывих голени* и *вправить вывих*) и т.д. (см. об этом [5]). Следует также подчеркнуть, что отглагольные предметно-личные имена существительные (*читатель, читальня, чтиво* и под.) не выходят из-под влияния производящего глагола, именно производящий глагол регламентирует их семантику своей валентностной (актантной) структурой.

Организующая роль предикатно-актантной структуры глагола в области словообразования подтверждается и результатами анализа семантики отглагольных прилагательных. Отглагольные прилагательные создаются прежде всего для обозначения процессуальных признаков тех предметов, наименования которых могут замещать различные валентности производящего глагола; ср.: *разговорчивый человек* (признак субъекта), *вшивной рукав* (признак объекта), *читальный зал* (признак локатива), *отличительный признак* (признак аспекта) и т.д.

Энергия глагольной категории распространяется и на отадъективные существительные. Так, существительные типа *красота, смелость* образуются от прилагательных не в определительной, а в глагольной (т.е. сказуемостной) функции. Такие существительные находятся под большим воздействием глагольного магнетизма и проявляют стремление перейти в глагол (т.е. оглаголиться), в результате образуются аналитические глаголы типа: *отличаться красотой / смелостью.* В результате обогащается глагольная категория. Значит, глубоко прав был Потебня, подчёркивая, что глагол является прогрессирующей категорией языка, именно в рамках глагола возникают новые тенденции, в частности тенденция к аналитизму.

Глагол распространяет свое семантическое влияние и на область отсубстантивных существительных. Так, отсубстантивные образования с абстрактным значением типа *актёрство, геройство* и под. в функционально-семантическом плане представляют собой результат номинализации отсубстантивных предикатов *быть актёром, быть героем* (см. об этом также [6]). Влияние актантной структуры глагола проявляется и в области отсубстантивных имён конкретной семантики. На это указывает Ю.Д. Апресян: «В случаях типа *садовник, творожник, коровник* и т.п. на достаточно глубоком уровне обнаруживается та же система актантных значений (субъект, объект, место и т.п.), что и в случаях классического отглагольного словообразования»; «В большинстве словообразовательных типов <…> семантически

имеет место отглагольное словообразование, независимо от того, сопутствует ли ему формальная производность от глагола или нет» [5, 294].

Сказанное свидетельствует о том, что в процессе межчастеречных глагольно-именных взаимодействий торжество склоняется на сторону глагола, и демонстрирует справедливость и перспективность идеи Потебни о существовании в языке общей тенденции к оглаголиванию имён. Ещё раз подчеркнём, что при выдвижении идеи об оглаголивании имён Потебня учитывал прежде всего не формальный, а функционально-семантический аспект данного процесса, что и позволило акад. В.В. Виноградову обвинить его в идеализме [7, 339].

Однако, как было показано выше, анализ не только семантического, но и формально-грамматического аспекта глагольно-именных взаимодействий выдвигает важнейшие аргументы в пользу гипотезы выдающегося ученого-лингвиста А. Потебни, поскольку подводит под неё собственно-языковую материальную базу. Кроме того, и дополнительный анализ функционально-семантического аспекта проблемы также подтверждает объективность гипотезы Потебни.

Таким образом, движение предикатного понятия от изосемической (глагольной) категории к неизосемической (именной) заключает в себе шаг к дальнейшему оглаголиванию и заканчивается возвращением в исходную, материнскую категорию. Сказанное свидетельствует о том, что глагол притягивает к себе предикатные слова именных частей речи, что этот процесс демонстрирует справедливость и перспективность идеи Потебни о существовании в языке общей тенденции к оглаголиванию имён. Глубоко прав был Потебня, утверждая, что глагол является прогрессирующей категорией языка. Глагольная категория слов включает в себя не только традиционные глаголы, в которых вещественное значение признака и категориальные и субкатегориальные глагольные значения представлены в морфологическом синтезе (в одном слове), но и аналитические конструкции, в которых вещественное значение признака и категориальные и субкатегориальные глагольные значения представлены морфологически расчленённо, т.е. аналитические глаголы субстантивного и адъективного типа, которыми говорящие оперируют точно так же, как и глаголами синтетическими.

Литература

1. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике.– М.: Просвещение, 1938, т. III. – 591 с.
2. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике.– М.: Просвещение, 1958, т. I–II. – 536 с.
3. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
4. Степанов Ю.С. К универсальной классификации предикатов // Известия Академии ССР: Серия литературы и языка. –1980. – № 4. – С. 311–323.

5. Апресян Ю.Д. К построению языка для описания синтаксических свойств слова // Проблемы структурной лингвистики 1972. – М .: Наука, 1973. – С. 279 – 325.
6. Шатуновский И.Б. Коммуникативные функции слова и отношения мотивации // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. – 1982. – № 6. – С. 17 –23.
7. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.

© Гайсина Р.М., 2013

Галич Г.Г.
г.Омск, Россия

Две стороны когнитивной семантики: категории «что?» и категории «как?»

Одним из наиболее сложных объектов современной лингвистики можно признать систему знаний человека, отражаемую в языке. Она получает сегодня такие обозначения, как «концептуальная система», «образ мира», «карта мира», языковая «картина мира», «концептосфера» человека и языка. Активно исследуются ее элементные структуры – концепты, концептуальные признаки и их группировки – поля или фреймы. Крайне редко ставится вопрос о макроструктуре концептуальной системы, о том, под какие наиболее общие естественные категории носители языка подводят описываемые элементы. Вопросы типологии категорий и их набора чрезвычайно сложны и, возможно, пока еще не вполне подготовлены опытом лингвистических исследований. В данной статье предпринимается попытка выделения одного из аспектов типологии семантико-когнитивных категорий, связанного с дифференциацией того, что отображается в системе знаний и каковы способы этого отображения.

Обращение к понятию категории, устойчиво используемому в философии, психологии, лингвистике, связано с его применимостью к некоторому наиболее общему, системообразующему содержанию. Толкования понятия категории различны, как и методы построения категорий в разных науках. В его лингвистическом понимании обычно подчеркивается, что категория – это не только обобщенное содержание, но и совокупность языковых форм, передающих это содержание.

В когнитивной лингвистике оно соотносится с понятием категоризации и как таковое принимается ее крупнейшими теоретиками. Так, Дж. Лакофф утверждает, что «понятийная система организована в терминах категорий, и большая часть, если не все наши мыслительные операции связаны с категориями» [6, 16]. Он подвергает критике классическую теорию катего-

рий, указывает на новые подходы к ней и описывает ту часть способов категоризации, которая связана с отражением в ней телесных свойств человека и его воображения. Однако его фундаментальная работа оставляет открытыми ряд вопросов о структуре категорий, их наборе и возможностях использования при их изучении позитивного опыта смежных наук.

С позиций психологии это могут быть, прежде всего, данные об уровнях обобщения в познании. В философии накоплен богатый опыт выделения наиболее общих категорий бытия, т.е. его онтологии. Последнее касается научного знания о мире, а концептуальная система языка отражает обыденную, «наивную» философию его носителей. Соответственно, возникает вопрос о совместимости применимых к одному и тому же объекту методик разных гуманитарных наук.

Убедительный ответ на этот вопрос дает Е.С. Кубрякова: «лингвист может заниматься репрезентацией тех или иных категорий и концептов в сознании человека только после того, как он обнаружил их в естественном языке путем лингвистического анализа представленных в нем языковых форм» [5, 29]. Для решения задач данной статьи особенно важен вопрос о методах: какие методы лингвистического анализа могут дать надежные сведения о том, строится ли концептуальная система на основе категорий и какими свойствами эти категории обладают.

Прогресс в этом направлении может быть достигнут благодаря использованию метода когнитивной и прагматической интерпретации языковых/текстовых структур [7, 11-12].

Когнитивная интерпретация – это истолкование языкового материала относительно структур знания, прагматическая – относительно структур деятельности, полную характеристику языкового содержания дает их сочетание в каждом конкретном случае.

В процессе подобной интерпретации оказалось возможным выявить две фундаментальные особенности категорий системы знаний, которые могут служить основанием для их разграничения или сопоставления либо присутствовать в содержании некоторых категорий как две их стороны, определяющие параметры их систематизации.

Речь идет о категориях, выделяемых по объекту познания, прежде всего – категориях онтологических, и по способу, стратегии познания, т.е. категориях парадигмальных. Категории онтологические обобщенно представляют то, что отображается в познании и языке, категории парадигмальные формируют операциональную парадигму познания, показывают, как объекты отображаются. Яркую картину этого когнитивного различия удалось получить при исследовании категории количества: на обширном языковом материале доказано, что различие номинаций «десять» и «много/мало, достаточно и т.п.» указывает на применение говорящим разных способов познания именуемых величин: точной квантификации наличной

величины (счет) и ее количественной оценки познающим субъектом-говорящим. На этом основании можно утверждать, что семантико-когнитивная категория количества отражает онтологию бытия, но обнаруживает как минимум две парадигмальные разновидности: точное и оценочное количество.

Представляется, что именно парадигмальные различия проливают свет на способы языковой категоризации бытия.

Один из немногих авторов, исследующих языковые категории с позиций когнитивной лингвистики, Н.Н. Болдырев, предлагает типологию языковых категорий как формата знания. В эту типологию он включает лексические группы, грамматические категории и категории модусного типа. Последние в его трактовке обеспечивают «возможности различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания и формирования на основе этого отдельных смыслов» [2, 15]. К числу таких категорий он относит отрицание, оценку, аппроксимацию, эвиденциальность, экспрессивность и др. Более подробно «специфику модусной категоризации» он рассматривает на примере категории отрицания [3, 17-27].

Не исключено, что термином «модусные категории» он обозначает обобщающие структуры, подобные тем, которые в данной статье получают название «парадигмальные категории». Различие заключается в том, что признается объектом интерпретации в обоих случаях, какое это содержание. Если исходить из того, что человек интерпретирует мир в процессах деятельности познания и общения, можно признать концептуальное содержание не объектом, а результатом интерпретации бытия, который далее объективируется в речи. Соответственно, можно допустить, что категории, парадигмальные в когнитивном плане, реализуются в языке как категории модусные [4, 19-26].

Такое допущение опирается на разграничение понятий диктума как «представления» о мире, результата восприятия, и модуса как операции, производимой над этим результатом мыслящим субъектом, введенное Шарлем Балли для описания семантики («логической формы») предложения [1, 43-44]. Особенно продуктивным для осознания этого разграничения как семантико-когнитивного представляется положение Балли о том, что «мысль нельзя свести к простому представлению, исключающему всякое активное участие со стороны мыслящего субъекта» [Там же]. Именно участие мыслящего/познающего субъекта различно для категорий обсуждаемой дихотомии.

Центральной задачей исследования семантико-когнитивных категорий является поиск языковых оснований для намечаемой типологии, в том числе - различения категорий онтологических и парадигмальных. В данной статье таким основанием послужила сочетаемость ядерных лексических номинантов категорий «свойство» и «признак» в современном немецком

языке, т.е., соответственно, лексем Eigenschaft и Merkmal. Для анализа использовались электронные выборки извлечений из текстов СМИ и таблицы сочетаемости из корпусов немецкого языка uni-leipzig.de, owid.de и dwds.de [8; 9; 10].

Основным критерием отбора материала было качество извлечений: отбирались контексты максимального противопоставления и контексты, достаточно эксплицитные для моделирования когнитивной ситуации.

Обсуждаемые категории привлекли к себе внимание тем, что «свойство» традиционно включается в число онтологических категорий, тогда как «признак» трактуется чрезвычайно неоднозначно на общем фоне широкого применения этого термина в целом ряде наук, включая когнитивную лингвистику, как обозначающего элементарное понятие для построения различных теорий и концептов.

Противоречивость имеющихся в научной литературе определений избранных понятий побудила обратиться напрямую к данным языка.

Яркое доказательство различия в содержании лексем Eigenschaft и Merkmal заключено уже в их внутренней форме:

- Свойство – Eigenschaft – то, что свойственно вещи.
- Признак – Merkmal – букв.: «заметное место», то, чем вещи заметно сходны друг с другом или отличаются друг от друга.

Роль решающего фактора в анализе отводилась сочетаемости обеих лексем как способу выявления их когнитивно-семантической специфики. На начальном этапе как наиболее характерные отбирались предикативные и атрибутивные сочетания в составе текстовых фрагментов.

В предикативной сочетаемости лексем Eigenschaft и Merkmal было выявлено явное различие для глаголов обладания и отнесения к классу. Так, глаголы обладания besitzen, haben, verfügen über и подобные, связывающие в высказывании номинации свойства и его носителя, зарегистрированы в корпусах только в сочетаниях с лексемой Eigenschaft и не отмечены в сочетаниях с Merkmal:

1. Er hat/besitzt viele gute Eigenschaften.
2. Gase haben die Eigenschaft, Strahlung … zu absorbieren.

Это употребление согласуется с принятым в философии положением, что вещи обладают свойствами, и свидетельствует в пользу отнесения «свойства» к категориям онтологическим.

Более сложно интерпретировать сочетаемость с глаголом sein, который в самостоятельном употреблении может иметь значения «являться каким-то/чем-то», «относиться к классу». Этот глагол по данным словарей широко сочетается с лексемой Merkmal и значительно реже – более чем в 10 раз – встречается с лексемой Eigenschaft:

3. Die Liebe ist das unterscheidende Merkmal des Christen.
4. Die Suche … ist ein Merkmal der Schulmedizin.

5. Dies ist eine wunderbare Eigenschaft, die … erlaubt.

Отраженная в подобных фрагментах связь признака с функцией «относить к классу», «различать» свидетельствует в пользу его вхождения в процедуру познания как категории парадигмальной. Для толкования контекстов со словом Eigenschaft существенно наличие в них оценочных или иных атрибутов, допускающих понимание высказываний не как приписывание свойства его носителю, а как выражение оценки или иной. характеристики этого свойства (ср. пример 5 с неназванным носителем).

Для выяснения когнитивной семантики языковых единиц показательными оказываются высказывания с глаголами познавательного действия. У лексем Eigenschaft и Merkmal были зарегистрированы случаи одинаковой и разной сочетаемости. Общее для них свойство «быть объектом/предметом познания» отмечено в сочетаниях с глаголами в конструкции с als – «как»: ansehen, betrachten – «рассматривать» (как свойство/признак), beschreiben – «описывать», bezeichnen – обозначать, erkennen – «познавать», nennen – «называть», gelten – «считаться» и т.д.

Этот тип сочетаемости коррелирует с научным положением о том, что свойства даны человеку в его восприятии/познании, признаки - как свойства, познанные человеком, составляют когнитивную основу возможной синонимии обеих лексем.

Различия сочетаемости в таких контекстах, в свою очередь, указывают на то, что эта синонимия не абсолютная: свойства можно осознавать, дефинировать (begreifen, definieren), признаки – различать, выделять, придавать им значение, признаки могут служить в качестве чего-то (herausstellen, ausmachen, dienen). И вновь в сочетаемости слова Merkmal имплицитно присутствует активный познающий субъект, не только выделяющий нечто, но использующий это в своих целях, познавательных и коммуникативных.

Атрибутивная сочетаемость лексем Eigenschaft и Merkmal позволяет выявить ту же тенденцию: общие атрибуты касаются соответствующих категорий как объектов познания, характеризуемых субъектом в разных отношениях: besondere(s) – особый, особое, typische(s) – типичный, типичное, wichtige(s) – важный, важное, charakteristische(s) – характерный, характерное, wesentliche(s) – существенный, существенное.

Наиболее очевидное отличие отмечается для категории свойства как объекта оценки: eine gute/schlechte, positive/negative, unangenehme, nützliche Eigenschaft – хорошее/плохое, позитивное/негативное, неприятное, полезное и т.п. свойство. Оценка приписывается свойству вещи как элементу онтологии бытия. На эту же отнесенность указывает атрибут natürliche – естественное, природное свойство.

Для лексемы Merkmal подобные атрибуты в словарях не зафиксированы. В свою очередь, эта лексема демонстрирует специфическую сочетаемость с определениями по когнитивной функции: eindeutiges – «однознач-

ный», unterscheidendes – «различительный», deutliches – «четкий», «ясный», konstitutives, distinktives, signifikantes – «конструктивный», «различительный», «значимый».

Проведенный анализ представляет собой только первое приближение к проблеме определения языковой специфики номинаций Eigenschaft и Merkmal как возможных имен онтологической категории «свойство» и парадигмальной категории «признак». Он призван показать актуальность сопоставительного изучения речевого функционирования обеих лексем, толкуемых как категориальные на основе гиперонимического характера их значений, контекстной семантики и прагматики. Уже на данном этапе работы анализ сочетаемости лексем позволил выявить определенные аргументы в пользу дифференциации их когнитивного содержания как отображения объективной данности (что выделяется в мире) и ее освоения человеком (как эта данность выделяется).

Использование электронных корпусов показало их широкие возможности для ускорения составления выборки и получения результатов машинной статистики. Однако очевидной стала необходимость дальнейшего более детального анализа реальных текстовых извлечений в отношении собственно содержательных моментов.

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: ИЛ, 1955. – 416с.
2. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания//Вопросы когнитивной лингвистики. №2. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2006. – С. 5-22.
3. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа модусных категорий//Когнитивная лингвистика: механизмы и варианты языковой репрезентации. СПб.: Изд-во «Лема», 2010. – С. 17-27.
4. Гак В.Г. О категориях модуса предложения//Предложение и текст в семантическом аспекте. – Калинин: Изд-во КГУ, 1978. – С. 19-26.
5. Кубрякова Е.С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека//Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов. Тамбов: ТГУ, 2006. – С. 26-31.
6. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки слав. культуры, 2004. – 792с.
7. Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система//Языковое общение: Процессы и единицы. Калинин: КГУ, 1988. – С. 7 – 13.
8. Deutscher Wortschatz-Portal der Universität Leipzig [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wortschatz.uni-leipzig.de.
9. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dwds.de.
10. Das Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch des Instituts für Deutsche Sprache (IDS) Mannheim [Электронный ресурс]. Режим доступа: http//owid.de.

© Галич Г.Г., 2013

Гарифуллина А.М.
г. Уфа, Россия

Аллюзии vs. цитаты

Целью настоящей статьи является выявление сходства и различия аллюзий и цитат. Оба термина имеют хождение в лингвистике, а потому очевидна необходимость уточнить понимание каждого из этих терминов, что позволит развести вышеназванные понятия.

Аллюзии – это ссылки на исторические, литературные, мифологические, библейские и бытовые факты [1, 176]. Аллюзия в широком смысле может рассматриваться как прием преднамеренного использования в тексте определенных слов (словосочетаний, предложений), косвенно соотносящихся с засвидетельствованными фактами культуры [6, 12]. Аллюзию можно представить как сравнение двух референциальных ситуаций, из которых одна выражена в поверхностной структуре текста, а другая подразумевается, то есть содержится в совокупности фоновых знаний адресата [10, 43]. Цитата – дословная выдержка из какого-либо текста, сочинения или дословно приводимые чьи–либо слова в подтверждение некоторого соображения или довода [7, 357]. Она является буквальным, внешне маркируемым повтором [9, 159], точным воспроизведением фрагмента одного произведения в другом [8, 482].

Источник цитаты в художественном произведении (в отличие от научного, критического или публицистического) указывается очень редко: предполагается, что его должен установить читатель [8, 482]. Аллюзия также не сопровождается указанием на источник. Она обычно вводится без ссылок, объяснений и каких бы то ни было формальных маркеров [4, 4]. Соответственно, и аллюзия, и цитата (если речь идет о художественном произведении) имеют общим моментом отсутствие указания на источник.

Однако в отличие от цитаты аллюзия редко приводится в полной форме. Она представляет собой текст в тексте, который обычно воспроизводится в модифицированной форме. Элементы претекста (то есть предшествующего текста, к которому в данном тексте содержится отсылка) в рассматриваемом тексте оказываются рассредоточенными и не представляющими целостного высказывания, или же данными в неявном виде. Более того, аллюзия может представлять собой интерполяцию – воспроизведение чужого текста с заменой одного из его элементов [3, 69]. Соответственно, для аллюзии принципиально не важна форма материального выражения.

Аллюзия не восстанавливает хорошо известный образ, а извлекает из него дополнительную информацию, косвенно упоминая какое-нибудь имя или название, литературное произведение или исторический факт. Аллюзия рассматривается как средство создания добавочного имплицитного смысла. Цитата, наоборот, не претендуя на сообщение новой информации, отсылает

к уже известному с целью развить мысль, подкрепить суждение, выразить несогласие и т.д. [2, 110].

Тем не менее, функционирование цитаты в литературно-художественном произведении подчиняется закономерностям аллюзивного процесса, который предполагает взаимосвязь, взаимодействие, взаимопроникновение содержания литературного источника и произведения, содержащего аллюзию [5, 13]. Более того, существует такое явление как аллюзивная цитата. А.Г. Мамаева предлагает критерии идентификации аллюзивных цитат, используемых в художественных произведениях, для отграничения их как от собственно цитат, так и от крылатых слов. Основными признаются графический, семантический и функциональный критерии, а также критерий употребительности. На основе данных принципов выделяются следующие отличительные характеристики аллюзивных цитат: 1) аллюзивная цитата вводится в текст без формальных маркеров: кавычек, тире, курсива, петита, а также без ссылки на автора; 2) аллюзивная цитата модифицирует семантическое наполнение под влиянием нового контекста, чему способствует опущение или замена отдельных компонентов цитируемого отрезка; 3) аллюзивная цитата образует тесное взаимодействие с контекстом, из которого она оказалась изъятой; 4) аллюзивная цитата в стиле художественной литературы характеризуется меньшей степенью известности, в отличие от крылатых выражений, широко распространенных в газетном стиле. E.g.: "*Actually, I am happier than you are. I play my ukelete as the ship goes down*" (P.H. Johnson. A summer to decide, p. 85). Аллюзивная цитата в данном случае представлена строкой из популярной песни предвоенных лет. Введение цитаты в произведение не сопровождается ее графическим выделением в тексте. Прямая мотивировка (предметно-логическое значение) компонентов цитаты позволяет отождествить ее с содержательной структурой всей песни, частью которой она является. Вбирая в себя содержание песни, цитата в новом контексте функционирования приобретает образную мотивировку. Обобщенно-образное значение, выводимое из аллюзивной цитаты, в данном контексте выражает кредо героя, не унывающего ни при каких жизненных невзгодах и обстоятельствах [4, 11-12].

Итак, и аллюзии, и цитаты являются инородными элементами, заимствованными из иного по сравнению с исходным текстом источника. Однако они приводятся в разных формах: аллюзия – в модифицированной, цитата – в полной. К тому же они выполняют разные функции: аллюзия создает экспрессивность, дополняя характеристику какого-либо явления или персонажа произведения, а цитата служит основанием, подтверждением, доказательством какого-либо мнения. Такое явление, как аллюзивная цитата выполняет функции аллюзии, неся эмоционально-эстетический заряд в новый контекст.

Литература
1. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. - 460 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как единица лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
3. Кузнецов В.Г. Функциональные стили современного французского языка. – М.: «Высшая школа», 1991. – 160 с.
4. Мамаева А.Г. Лингвистическая природа и стилистические функции аллюзии (на материале английского языка): Автореферат дисс. … канд. филол. наук. – М, 1977. – 24 с.
5. Машкова Л.А. Литературная аллюзия как предмет филологической герменевтики: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. – М., 1989. - 24 с.
6. Мигранова Д.Н. Прием аллюзии в «Прологе и рассказе Продавца индульгенций» Джеффри Чосера // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке. – Спб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2009. - С. 12 – 16.
7. Надель-Червинская М.А., Червинский П.П. Большой толковый словарь иностранных слов. Т.3. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1995. - 512 с.
8. Новиков В.И., Шкловский Е.А. Энциклопедический словарь для юношества. Литературоведение от «А» до «Я». – М.: «Современная педагогика», 2001.528 с.
9. Саблина М.В. К проблеме определения термина цитата // Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты. – Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2009. – С. 159-160.
10. Христенко И.С. К истории термина «аллюзия» // Вестник московского университета. Серия 9. Филология. – 1992. - №4. - С. 38-44.
© Гарифуллина А.М., 2013

Глотова Т.А., Тохтиева З. Р.
г. Владикавказ, Россия

Специфика вербализации концепта «пирог» в русском языке (на материале паремий)

Пословицы и поговорки – неотъемлемая часть нашей речи, отражающая национальные особенности нравов и обычаев русского народа. Паремийный текст, то есть пословицы и поговорки, последние из которых по традиции приравниваются к фразеологическим выражениям, приобретает особую значимость при реконструкции культурных концептов, в том числе связанных с реалиями национальной русской кухни, которая в свою очередь отражает особенности нравов, обычаев, образа жизни [4].

Одним из распространённых блюд русской кухни были *пироги*. Являясь простым, понятным, тесно связанным с жизнью и бытом народа, концепт *пирог* становится тем языковым элементом, при помощи которого люди выражают своё специфически национальное видение окружающей дей-

ствительности, создают языковую картину мира, моделируют абстрактный мир по подобию предметного, выражают отношение к различным проявлениям человеческого характера, передают представление о добре и зле, о морали и нравственности, о духовности. Это находит отражение в специфике паремийного текста: *Лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой; Со всякого по крохе, голодному пироги; Негоже хвалить пирог, пока тесто месишь; Доброе слово лучше мягкого пирога; Не красна изба углами, а красна пирогами; Дурака слушать – пирога не кушать; Зять на двор – пирог на стол; Ешь пирог с грибами да держи язык за зубами; Где пирог, там и лёг; В пирог завернёшь; Знают бабу и не для пирогов* и др. [3, 111-112].

Пироги являлись неотъемлемой частью русского обеда, о чём свидетельствует и известная русская пословица: *Колчан пригож стрелами, а обед пирогами*. Пироги воспринимались как вкусная и сытная пища, которую любят все: *И дурак пирогу рад.* На Руси пирог всегда считался символом домовитости. Пироги занимали на столе видное и почётное место. Это одно из тех подлинно национальных блюд, которое дошло до нас из глубокой древности. Женщин учили печь пироги смолоду. Любая девушка на выданье должна была уметь в совершенстве печь пироги, так как по древнерусской традиции невеста наутро после свадьбы угощала пирогом собственного приготовления гостей, судивших по нему о домовитости будущей хозяйки. Вот как отражается данная традиция в паремийном тексте: *С лица воду не пить, умела бы пироги печь; Баба пекла пироги на дрожжах, а вынимала их на вожжах; Дочку замуж выдать – не пирог испечь; Знают бабу по пирогам; Жни, баба, пшеницу – жди пироги; Закрыты гостинцы, а открыты пироги; Велик пирог, да в середине плох; В пирог всё годится.* А вот список обеденных блюд, приводимых В.И.Далем: *«…горячее – щи с кашей; холодное – студень, залитое; тельное – рыбное; пирог, кулебяка; жареное – птица; пирожное»* [2, 111]. Начинка для пирогов была самая разнообразная, о чём свидетельствуют дошедшие до нас поговорки: *В пирог всё годится (всё уйдет); Порог поскребла да пирог испекла; Жирок да сахарок сделают пирог; Свежий мелок да хороший жарок – вот и будет пирог*. Традиционно использовались разные каши с луком и яйцами, капуста с яйцами, грибы с луком, мясо или рыба с рисом и яйцами. Пеклись пироги с творогом, овощами, ягодами.Именно в эти времена родилась пословица «В пирог всё завернешь». О том, с какой начинкой пекли пироги, свидетельствуют многочисленные паремийные тексты: *Ерш бы в ухе, да лещ в пироге; Рад Яков, что пирог с маком; Три пирога с пирогом и все с творогом; Где пирог с крупой (с луком), там и мы с руками (с брюхом)* и др. Пироги же со сложной начинкой назывались *кулебяками.* В словаре В.И.Даля кулебяка означает «кулебячить», что транслируется, как «валять руками, лепить, стряпать». В старину были и так называемые *хлебальные пироги.* В миске из крутого теста доводилось блюдо, затем срезали корку, а начинку ели ложками. Затем такие

пироги были вытеснены более удобными формами, которые можно было и хранить, и с собой взять в дорогу. Видимо, отражением этого процесса и явилось выражение *«Говорят, что пироги варят; врут: их пекут».*Одной из древнейших ассоциативных связей у названия *пирог* является также связь с праздником, торжеством. Ведь и само слово, по мнению большинства учёных, образовано от *пир* – званый обед или ужин, который устраивался в честь значительных событий. Есть данные, что первоначально писали и произносили «пырог» (от древнерусского слова «пыро» - пшеница), означавшего праздничный хлеб. Немаловажную роль в жизни слова *пирог* сыграло то обстоятельство, что кушанье это традиционно было украшением стола и ставилось на самом видном месте. Без пирога застолья быть не могло, о чём свидетельствуют пословицы:*Без блинов не масленица, а без пирогов не праздник,Без пирога именинника под стол сажают.* Причём отведать пирога было ответным долгом гостя: *Пирог ешь, хозяйку тешь; а вина не пить, хозяина не любить.*Подчёркивая главенство пирога на праздничном столе, А.С.Пушкин наделил его определением *гордый*, то есть «имеющий величественный, торжественный вид»:

Мы там, собравшися в кружок,
Прольём вина струю багрову,
И с громом двери на замок
Запрёт веселье молодое.
И гордый на столе пирог
Друзей стеснёнными рядами,
Сверкая светлыми ножами,
С тобою храбро осадим.

(«К Галичу». 1815)

С лёгкой руки А.С.Пушкина родилось и словосочетание *страсбургский пирог* (первоначально *страсбурга пирог*), которое обозначает отнюдь не разновидность мучного изделия, а … «паштет из дичи» [5, 75]. Слово *паштет* было заимствовано из немецкого языка, где оно обозначало блюдо, по значимости соотносимое с русским пирогом. Паштет, как и русский пирог, являлся главным блюдом на праздничном немецком столе. Отсюда, видимо, и возникла у поэта параллель:

Пред ним roast-beef окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Страсбурга пирог нетленный.

(«Евгений Онегин»)

Указанное словосочетание вскоре утратило свою образность и превратилось в кулинарное название. Уже в стихотворении «К Щербинину» (1819 г.) читаем у Пушкина:

Житьё тому, любезный друг,

Кто… жирный страсбургский пирог
Вином душистым запивает.

Можно отметить использование названия этого вида пирога у Ф.М. Достоевского: *«Да слушай: чтобы сыру там, пирогов страсбургских, …ветчины, икры… всего, что только есть у них»* («Братья Карамазовы»).

Любопытно, что ещё Н.Г.Курганов, создатель «Российской универсальной грамматики» (1769 г.), знавший в совершенстве несколько иностранных языков и всеми силами стремившийся оградить и очистить родную речь от иностранных слов, рекомендовал вместо слова *паштет* (тогда *пастет*) употреблять наименование *пирог.* Однако последнее вошло в русский язык как название паштета и в составе описанного выше устойчивого выражения лишь благодаря А.С.Пушкину.

Поскольку пироги были обязательным атрибутом праздничного угощения, то и сам поход в гости или приглашение гостей отражён в известных устойчивых выражениях *прийти на пироги* и *пригласить на пироги.* Любопытно замечание, что народное сознание, оперируя привычными образами, способно создавать на их основе неожиданные, при этом очень наглядные картины. Вот, например отрывок из народной песни: *«А как лютые враги придут к нам на пироги, Зададим гостям пирушку: зарядим картечью пушку»* (А.С. Пушкин. «Капитанская дочка»). Ассоциативные связи, порождаемые концептом «пирог», позволили народу создать и такие интересные и неожиданные образы: *Деревянный пирог, начинка мясная* (гроб с телом); *Дни впереди, да защипаны пироги* (былое-будущее); *Где пирог с крупой (с луком), там и мы с руками (с брюхом)* (соблазн-искушение); *Батька, ты пирог съел – Ей-богу, не я. – А хочешь ещё?- Хочу* (правда-ложь); *За кем долгий конец, тому и долго жить* (когда ломают вдвоём пирог) др.

Подобно тому, как слово *хлеб* в силу своего значения в жизни восточных славян превратилось в символ самого главного, основного [1, 126], так и слово *пирог* становится символом достатка. Об этом и паремийные тексты *Красна изба не углами, а пирогами, Красно гумно стогами, а стол пирогами.* Показательно в этом отношении диалектное название *пирожница* – баба, избалованная, живущая роскошно. Внутренняя форма этого диалектизма без труда может быть определена как *привыкшая к пирогам,* - предмету достатка и роскоши. Символическая связь пирога с материальным благосостоянием является также основой подтекста высказываний типа: *«Мы увязали в долгах, но именины и дни рождения матери праздновали по-прежнему, с гостями и пирогами» (Н. Ильина.* «Дороги и судьбы»). Как тут не вспомнить пословицы: *Евши пирог, вспомни и сухую корочку, Есть пирог – едим, а нет его – глядим.*Такое смысловое наполнение концепта *пирог* вносит коррективы и в его отношения с другими словами. Ранее соотносительные названия *пирог* и *хлеб* вступают в отношения противопоставления: *Что нам хлеб: были бы пироги.* Наиболее ярко это проявилось в следующем отрывке из про-

изведения Д. Гранина «Зубр»: *«Назовём это истиной, - сказал он. – Объективной истиной. Грубый хлеб истины. А то ведь вы вскормлены пирогами обожалок».* Здесь *пирог* как символ избалованности противопоставляется *хлебу,* который ассоциируется с простотой и скромностью. Интересно отметить, что в обыденном сознании русского человека пирог имеет символическое значение. Некоторые приметы и поверья связаны с пирогами: *Если утиральник из-под пирога, брошенный на застреху не скатится, то будет хороший урожай; Если пирог с крупой, то всяк с рукой; Дурака слушать – пирога не кушать; Дочку замуж выдать – не пирог испечь; Бабий кадык не заткнёшь ни пирогом, ни рукавицей; Грехи не пироги: прожевав, не проглотишь* и т.п.

Примером особо неожиданного проявления ассоциативных связей концепта *пирог* может служить высказывание, вложенное в уста В. Плеханова драматургом М. Шатровым в его художественно-публицистической пьесе «Дальше… дальше… дальше…». Отрицая возможность совершения социалистической революции в России в тот исторический момент, который изображён в произведении, В. Плеханов, по воле автора, прибёг к такому иносказанию: *«…нет ещё той муки, из которой может быть испечён российский социалистический пирог».* Таким образом, концепт *пирог,* продолжая выполнять свою основную функцию названия хлебного изделия, превращается в символ всевозможных благ или средства наживы. Впервые в этом значении данное слово было употреблено М.Е. Салтыковым-Щедриным в «Благонамеренных речах»: *«Всякий спешил как-нибудь поближе приютиться около пирога, чтобы легче урвать, утаить, ушить, укроить».* Писатель же ввёл в литературу и понятие *общественного* или *казённого пирога:«По наружному виду их можно по временам принять за фанатиков убеждения, но они просто фанатики казённого или общественного пирога»* («Пёстрые письма»). Со временем подобное употребление названия *пирог* становится общепринятым и используется в основном в публицистике. Этот концепт-образ, неожиданный, яркий, позволяющий увидеть явление глубоко и наглядно, выразить его через известное, окружённое целой гаммой смыслов, связей, ассоциаций, оказался настолько метким, что позволил создать целую серию фразеологических выражений со значением «социальная значимость»: *общественный пирог - казённый пирог - делить пирог власти – олимпийский пирог – валютный пирог – нефтяной пирог – космический пирог* и т.п. Например: «*И этот, так сказать, бронепоезд на запасном пути можно задействовать, чтобы и пирог общего дохода увеличить (ускорить рост экономики), и кусок побольше от него на социалку в случае необходимости отрезать»* (статья «Кому кусок пирога? Почему даже в кризис эти куски такие разные». - «Аргументы и факты», № 51, 2011); *«Кто ещё из страховщиков будет допущен к дележу сочинского олимпийского пирога?* (статья «Кто разделит олимпийский «страховой пирог – 2014»? -

Прайм-ТАСС, 2 августа 2007); «*Каддафи изгнан – пора делить ливийский нефтяной пирог власти»* (заголовок в газете «Комсомольская правда», 4.09.2011); *«Космический пирог и проблемы его дележа»* (http://www.astro-web.ru/news/2002/08/796) и др.

Таким образом, исследование национально-культурной специфики концептов фразеологической системы русского языка может дать интересные результаты, характеризующие особенности концептуализации мира в русском паремийном тексте, установить их роль в национально-языковой картине мира, проанализировать функции, связь с культурой, обычаями и традицией.

Литература

1. Гвоздарёв Ю. Пусть связь речений далека…: Очерки по русской фразеологии. – Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1982.- 208 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т.3., 1882. – 556 с.
3. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря/ под общ.ред.проф. Л.Г.Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2010. -340 с.
4. Лутовинова И.С. Слово о пище русской.- СПб.: Азбука-классика, 2005.-288 с.
5. Невойт В.И. Вот такие пироги…//Русский язык и литература в средних учебных заведениях Украины. 1992. № 2. С. 74-77.

© Глотова Т.А., Тохтиева З. Р., 2013

Голикова Т.А.
г. Москва, Россия

Обучение русскому языку как неродному: лингвистические и психолингвистические подходы

Роль русского языка в школах Российской Федерации сегодня необычайно высока. Он является не только предметом обучения, но и средством приобретения знаний по всем дисциплинам. Основная задача предмета «русский язык» в школе — стать инструментом социализации ребенка в современном поликультурном обществе, научить воспринимать собственную культуру, обучить диалогу культур, развить у школьников учебные, коммуникативные и общие интеллектуальные навыки.

Рассмотрим ситуацию полиэтнических регионов РФ и назовем кратко основные проблемы в практике обучения РКН.

На территории РФ проживает около 180 народов, образована 21 республика. Еще в советское время была разработана методика преподавания РКН (русский как национальный), были подготовлены и готовятся сейчас национальные кадры. Но стоит вспомнить ситуацию в Ямало-Ненецком АО

(г. Губкинский), где обучаются дети 28–30 национальностей в одной школе, становится понятым размах проблемы.

Первая проблема заключается в том, что школьный учитель имеет стандартное филологическое образование, предусматривающее преподавание русского языка в качестве родного. Сегодня очевидно, что учитель должен обладать сведениями об этнических особенностях, культуре и языках своих учеников. Далеко не во всех регионах русский язык преподают учителя-билингвы.

Учитель должен «видеть» языковой материал глазами нерусского, реально оценивать те трудности, которые должен преодолеть ученик. Сегодня эти знания каждый учитель накапливает несистематически. Многие учителя сами признаются, что не владеют методикой обучения русскому языку как неродному. Каждый учится на своих ошибках, постепенно приобретает некоторый опыт. Но никто его не изучает, не обобщает, просто не замечает.

Вторая проблема - разработка учебников. Как мы понимаем, единого универсального учебника русского языка недостаточно для всех регионов России. Нужна серия учебников, учитывающая специфику конкретного полиэтничного региона, количество и степень контактирования языков, особенности интерференции языков.

Существенным недостатком действующих учебников по РКН продолжает оставаться их типологическая схожесть с учебниками русского языка как родного. Учебники РКН должны предполагать помимо изучения грамматики, специальную, углублённую работу по освоению лексики и терминологии, а самое главное – делать особый акцент на развитии русской монологической и диалогической речи учащихся. Действующие учебники пока не позволяют эффективно преобразовывать языковые, грамматические знания учащихся в качественные речевые умения и навыки.

Мы знаем, что в ряде регионов уже создаются учебники и различные пособия с учетом специфики этнического состава и языков, однако, как мы понимаем, нет единообразия в методологических и методических подходах к их разработке.

Третья проблема - сложная проблема социальной и психологической адаптации самого ученика к новой культуре, новым привычкам, традициям и обычаям, новым ценностным ориентирам, отношениям в коллективе.

С этой проблемой связана и проблема возраста обучающихся. Существующая образовательная практика основывается на представлении о том, что чем раньше русский язык начинает использоваться в качестве языка обучения школьников, функциональным языком которых является их этнический язык, тем якобы быстрее наступает полноценное владение ими русским языком.

В действительности, именно эта многолетняя практика показала, что на этапе начальной школы не закладывается прочная база знаний, на основе

которой и могла бы строиться вся система качественного образования нерусскоязычных учащихся. Раннее использование русского языка в качестве языка обучения не только не решает их общеобразовательные проблемы, но не дает и качественного владения самим русским языком.

Более того, в настоящее время возникает новый аспект проблемы преподавания русского языка в национальных субъектах Российской Федерации. Как известно, современная концепция образовательной системы страны предусматривает единство требований к знаниям выпускников, в том числе и по русскому языку. Однако учащиеся в различных регионах страны имеют неравные стартовые языковые позиции. К сожалению, сегодня не создана полноценная система кадровых, методических и организационных условий, реализация которых давала бы возможность нерусскоязычным учащимся реально достичь владения русским языком на уровне, конкурентоспособном по отношению к русскоязычным учащимся.

С лингвистических позиций методика подготовки учителя РКН должна включать в себя подготовку такого специалиста, который бы был способен на фоне общеязыковых знаний объяснить специфические явления родного языка (особенности орфоэпии, словообразования и словоизменения, связей слов в предложении, порядка слов, типы синтаксических конструкций и др.).

К сожалению, до сих пор повсеместно доминирует представление, что в процессе обучения русскому языку закономерным является принцип учета особенностей этнического языка.

Учителю РКН нужно хорошо знать, что из материала является фундаментальным, необходимым для овладения языком, и сообщить об этом учащимся. Русист должен хорошо представлять себе, какие явления и связанные с ними лингвистические понятия в языке инофона - универсальные, общие, какие - специфичные, свойственные только данному языку; знать материалы сопоставительной характеристики контактирующих языков на уровне звуковой системы, лексики и грамматического строя, случаи благоприятного и тормозящего воздействия родного языка на изучение русского. Такие знания будут подсказывать характер работы над тем или иным языковым явлением на уроках русского языка.

На данном этапе чрезвычайно эффективен сопоставительный метод А.А. Реформатского: сопоставление систем своего языка и чужого не может опираться на единичные, разрозненные «различия» фактов, а должно исходить из системных противопоставлений категорий и рядов своего и чужого; опора сопоставления отнюдь не в поисках мнимых тождеств своего и чужого, а, наоборот, в определении того разного, что пронизывает сопоставление своего языка и языка чужого [Реформатский, с. 24–25].

Именно типологическое описание непосредственно связано с практикой обучения неродному языку, так как оно снабжает необходимыми сведе-

ниями о структуре изучаемого **языка.** Для ученика, **как** и для учителя, факт генетической родственности родного и неродного языка еще ни о чем не гово**рит** и практически ничем не поможет при овладении языком.

В теории обучения языку в настоящее время основное внимание переносится с того, как *учить* языку, к тому, что язык *изучается* индивидуумом. Такая переориентация исследований в области теории обучения была стимулирована как прогрессом психологии, так и некоторыми тенденциями в современной лингвистической теории. В частности, этому способствовало развитие «динамической» лингвистики, ставящей своей целью моделирование речевой деятельности в терминах порождающих грамматик. Естественно, что в рамках этого направления уже не «язык в себе», а сам говорящий становится центральным объектом изучения, ибо предстоит выяснить, как он производит собственные высказывания и как понимает чужие. Направление интересов не меняется при переходе от ситуации *владения* языком к ситуации *овладения* вторым языком. В обоих случаях актуальным является вопрос о механизмах, лежащих в основе языковой активности человека.

Не углубляясь в этот вопрос, скажем только, что обучающийся должен научиться дифференцировать и контролировать правильность и неправильность высказывания, чтобы понимать и быть понятым.

Тот факт, что усвоение неродного языка протекает иначе и в иных условиях нежели усвоение родного - общеизвестен.

Развитие современных психолингвистических представлений о механизмах и процессе порождения речевого высказывания позволяет внести следующие положения: оба типа усвоения языка, естественное и искусственное, скорее тождественны, чем различны, и чтобы это различие минимизировать, предлагается «ситуативная методика» обучения, максимально приближающая ученика к условиям, в которых протекает естественное усвоение языка.

Типичная ситуация обучения неродному языку: когда коммуникативный процесс изучения второго языка модифицируется преднамеренной языковой инструкцией. Эта модификация состоит во введении в процессе обучения двух видов программирования: *дидактического,* которое определяет, что должно преподаваться и изучаться в конкретной части инструкции, и *методического,* которое определяет, как это должно преподаваться (и, естественно, изучаться).

Нельзя забывать, что ученик - не tabula rasa, а обладатель определенной компетенции в своем родном языке, так что ему приходится осуществлять декодирование получаемых элементов знаний о втором языке, пока эти элементы не автоматизируются, т.е. не превратятся в новую языковую компетенцию, сосуществующую со знаниями о родном языке.

Сегодня в практике обучения неродному языку важным представляется, как указывает В.А. Виноградов, учитывать не только межъязыковую интерференции, но и т.н. внутреннюю [Виноградов, с. 96–97].

Во-первых, необходимо иметь в виду, что в лице ученика мы сталкиваемся не с феноменом смешанного языка, имеющего объективное существование вне языковой компетенции *данного* лица, а как раз с обратным явлением. В данном случае объектом интерференции является не язык вообще, а *идиолект,* т.е. индивидуальная языковая активность. Идиолект русского языка в речи инофона будет представлять собой поле интерференции двух языковых систем.

Во-вторых, в отличие от смешанных языков идиолект ученика характеризуется интерференцией на уровне естественного овладения языком, и это важно учитывать. Интерференционные факты не являются достоянием ни первичной языковой компетенции, ни приобретаемой: они являются достоянием речи, и этот утешительный факт, основной стимул к организации борьбы с ошибками.

Учащийся - это безнадежный пленник перцептивной установки родного языка. При обучении постоянно подключается этот перцептивный фильтр родного языка.

Если говорить на уровне теории обучения языку, то акцент на внутренней интерференции представляется более существенным с методической точки зрения, ибо ориентирует преподавателя на конкретный объект работы. Явления речевой интерференции доступны искоренению, тогда как интерференция в психолингвистическом смысле - это «явление переноса умений и навыков оперирования с родным языком на неродной», и происходит оно независимо от наших попыток ограничить его при помощи того или иного метода: оно коренится в общих закономерностях переноса умений.

Конечное состояние, которого должен достигнуть человек, изучающий второй язык, - это координативный билингвизм, т.е. сосуществование двух языковых компетенций, исключающее всякую интерференцию. Пока это не достигнуто, интерференция неизбежна, и чем ниже уровень приобретенной компетенции, тем интерференция значительнее.

Смысл изучения языка сводится к приобретению компетенции, необходимой для организации правильного речевого поведения, по возможности равномощной его первичной языковой компетенции. Однако не следует думать, что это является непосредственным и главным объектом изучения и преподавания, так как в этом случае изучение языка превратилось бы в изучение теории языка.

Сегодня преподаватель оказывается в роли миссионера, имеющего дело с разными языковыми аудиториями. Стиль его методического поведения во многом должен определяться особенностями данной аудитории, и

чтобы с самого начала разумно планировать это поведение, он должен заранее располагать некоторыми сведениями о родном языке учащихся.

Задача, конечно, упрощается, если их родной язык является также и его родным языком. Но здесь свои трудности.

В условиях российских вузов и школ картина обратная, и этот факт придает проблеме учета родного языка учащихся особую актуальность. Можно было бы рекомендовать преподавателям самостоятельно знакомиться с первыми языками, используя имеющиеся лингвистические описания. Но этот путь сопряжен со значительными трудностями, ибо предполагает наличие определенных лингвистических умений, чего нельзя требовать от рядового преподавателя. Ведь ему мало знать особенности первого языка учащегося, а надо еще провести контрастивный анализ двух языков, чтобы получить иерархию трудностей и прогнозировать ожидаемые ошибки.

Решение этой задачи и берет на себя прикладная сопоставительная лингвистика. Было бы идеальным получить для каждого родного языка сопоставительный анализ его с русским языком, но для этого потребовалось бы слишком много сил и времени. Возможно, что в будущем эта задача будет решена и даже алгоритмизирована, но пока надо искать более реальные пути ввода родного языка в программирование обучения второму языку. Два из них названы А.А. Леонтьевым: 1) ориентация не на родной, а на русский; 2) неполная ориентация на родной язык, а именно - опора на универсальные и ареальные свойства языков [Леонтьев, с. 84].

Национальные особенности в семантике языка стали предметом внимания лингвистики с середины XX в.

Этносоциолингвистическое и этнопсихолингвистическое направления характеризуются изучением языковой картины мира в аспекте соотношения с этносом, учитывает специфические - национальные, народные, племенные - особенности этноса.

На основании методов сопоставительного анализа А.А. Реформатского и контрастивного изучения лексических единиц по З.Д. Поповой, И.А. Стернину была разработана технология паспорта-сопоставления двух языковых систем. Сопоставительный паспорт двух языковых систем: индоевропейской и тюркской - строится по разделам науки о языке как концептам «Своего и Чужого» в рамках национальных культур. Главный принцип: культурологический. Он заключается в соизучении языка и культуры – это не только повышает общий уровень владения языком, но и мотивацию. Этот процесс называется воспитанием вторичной языковой личности.

Процесс формирования вторичной языковой личности связан не только с овладением учащимся вербальным кодом неродного (русского языка) и умением его использовать практически в общении (межкультурная коммуникация), но и формированием в его сознании картины мира, свойст-

венной носителю этого языка. Таким образом, обучение направлено к концептуальной системе чужого лингвосоциума.

Н.В. Романовская разрабатывает методику обучения иностранному языку с учетом понимания межкультурного общения как общения сознаний представителей разных лингвокультурных общностей [Романовская].

Как известно, в большинстве случаев фаза понимания иноязычной речи предшествует фазе вербализации своих мыслей средствами иной языковой системы, а не следует одновременно. Известно, что «состояние … необученности второму языку может быть сравнимо с фазой готовности замысла при невозможности его реализации в акте речевой деятельности»; «причина невозможности речи у лица, приступающего к овладению вторым языком, в том, что нет соответствующей модификации второй сигнальной системы» [Горелов, с.74], то есть понимание речи не абсолютно зависит от умения воспроизводить чужую или производить собственную речь.

Это подтвердили данные эксперимента: понимание осуществляется, однако перевыражение содержания на другом языке во многих случаях затруднено, несмотря на то, что в большинстве своем билингвы владеют метаязыковыми знаниями, а также знаниями декларативного типа (т.е. знаниями значений вербальных единиц). Н.В. Романовская ставит вопрос о содержании понятия языковой способности. Неспособность выразить мысль средствами другого языка – это результат недостаточного развития языковой *компетенции* или собственно языковой *способности*?

Неспособность выразить мысль средствами другого языка есть результат недостаточного развития языковой *компетенции,* а не собственно языковой способности, поскольку формирование и развитие языковой компетенции взаимосвязано с формированием коммуникативной компетенции; последняя есть следствие развития знаний *процедурного* характера – умения оперировать полученными функциональными ориентирами согласно целям коммуникации.

Поэтому, как указывает Н.В. Романовская, одним из условий успешного развития языковой компетенции является обучение и овладение вторым языком, при которых неосознаваемые в большинстве случаев носителями языка механизмы функционирования языковой способности попадают в фокус сознания, становятся элементом метакогнитивного анализа.

И.М. Румянцева предлагает психолингвистическую систему обучения, ориентированную на развитие языковой и речевой способности, процессов речевосприятия и речепорождения через раскрытие механизмов их функционирования [Румянцева].

На материале обучения иноязычной речи была прослежена связь между когнитивным (восприятием, вниманием, памятью, мышлением, воображением, интеллектом) аспектом речи, психодинамической (аффективной,

побудительной, эмоциональной) ее стороной и коммуникативным аспектом речи.

Под обучением иноязычной речи И.М. Румянцева понимает не традиционный грамматико-переводной способ, а именно развитие языковой и речевой способности, процессы восприятия и порождения речи при помощи особых психолингвистических и психологических средств, имеющих коммуникативную основу и затрагивающих все психические процессы, свойства и состояния личности. Обучение рассматривается не только как прикладная задача психолингвистики, но и ее экспериментальный полигон и база для разработки и верификации новых теоретических речевых концепций.

Как показала И.М. Румянцева, языковая способность - это элемент вообще присущий человеку, заложенный в нем биологически и генетически, однако формируемый социально. Эта способность имеет достаточный потенциал и может формироваться и развиваться и у взрослых людей при овладении ими иноязычной речью на основе специального обучения: тренировке психических процессов и функций, коррекции психических свойств и состояний личности, личностного развития и самосовершенствования в процессе общения.

Представляется, что сегодня усилия лингвистов и методистов должны быть объединены с тем, чтобы разработать учебники и пособия, отвечающие современным потребностям общества, учебники, работающие, гибкие, преследующие цель не только изучение языка как системы, но и практическое владение, а также формирование новой языковой личности и новой картины мира.

Еще более сложная задача стоит перед учителями тех регионов, где наблюдается массовая иммиграция населения.

Россия сегодня занимает второе место в мире по числу мигрантов. Например, в Краснодарском крае некоторые общеобразовательные школы состоят на 80% из таких учеников. В Санкт-Петербурге – 30–40%.

Не секрет, что ситуация, когда более половины мигрантов не знают русского языка, особенностей культуры и традиций российского общества, основ российского законодательства, ухудшает не только их пребывание в России, но и служит источником напряженности в российском обществе. Положение усугубляется тем, что трудовые мигранты и их дети часто вообще не знают русского языка, культуры и традиций. Как гражданам России, так и мигрантам часто не хватает навыков межкультурной коммуникации, сознательной толерантности. В связи с этим большое значение приобретает межкультурная адаптация мигрантов, в случае успешного завершения которой, возможно, будет достигнуто совместимость прибывших с новой культурной средой.

Литература
1. Виноградов В.А. Лингвистика и обучение языку. - М.: Академия, 2003.-370 с.
2. Горелов И.Н. Проблемы функционального базиса речи в отногенезе. – Челябинск: ЧГУ, 1974. – 116 с.
3. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Наука, 1969. – 307 с.
4. Реформатский А.А. О сопоставительном методе // РЯНШ. – 1962. - № 5. – С. 23–24.
5. Романовская Н.В. Языковая способность как детерминанта понимания иноязычного текста: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004. – 223 с.
6. Румянцева И.М. Психолингвистические механизмы и методы формирования речи: Автореф. дис. …д-ра филол. наук. – М., 2000. – 42 с.

© Голикова Т.А., 2013

Гордеева О.Н.
г. Уфа, Россия

Коммуникативный потенциал системы упражнений как основа обучения устной речи на иностранном языке

Специфика иноязычной подготовки специалиста в неязыковом вузе состоит, прежде всего, в обучении иностранному языку как средству осуществления будущей профессиональной деятельности. Формирование иноязычной компетенции, предполагающее совершенствование коммуникативных умений, планирование речевого и неречевого поведения носит деятельностный характер и выражается в языковой активности обучающихся. В такую деятельность включены все психические процессы человека: мотивационные, когнитивные, эмоционально-волевые, регуляторные. Реализации данного принципа способствует развитию творческого характера процесса обучения. Решение коммуникативных задач позволяет реализовывать собственные намерения, дает возможности для самовыражения. Это означает, что речевое поведение постепенно трансформируется в профессиональную деятельность, связанную с практическим владением иностранного языка в моделируемых ситуациях. В организации устного общения важен не только результат, но и сам коммуникативный процесс, так как именно он вовлекает людей в деятельностные отношения, на основе которых возникает речевое взаимодействие. В этом смысле использование профессиональных и собственно-мыслительных задач определяется как противоречие между задаваемыми условиями и планируемым результатом, которое в процессе определенного количества преобразований превращается в сложную последовательность переходов. Такое истолкование задачи указывает на ее деятельностное содержание, которое активизирует естественное речевое общение.

Использование форм активизации устного иноязычного общения требует эффективного управления и контроля со стороны преподавателя. На наш взгляд, основным факторам, определяющим характер такого управления, является обучение с помощью специальных речедеятельностных упражнений, предназначенных для совершенствования различных качественных и количественных характеристик владения устной иноязычной речью.

В практике организации иноязычного речевого общения возникает необходимость определенной речевой тренировки, что можно сделать с помощью определенных упражнений. Здесь требуются специальные приемы, в которых учитывается характер использования иностранного языка как эффективного средства общения.

Естественной моделью упражнения являются механизмы речевой коммуникации - структурные и функциональные. Их различные сочетания образуют иерархию инвариантов, лежащих в основе всех видов упражнений, используемых в учебном процессе. Наиболее элементарным инвариантом можно считать выбор по аналогии или по противопоставлению. Типичная форма его интерпретации – упражнения на идентификацию и дифференциацию. Способы идентификации предназначены для формирования умений и навыков отождествлять осваиваемые языковые явления. Сюда могут быть отнесены такие упражнения, как: определить на слух тот или иной звук в ряду данных; найти из приведенных слов те, которые соответствуют названию предмета, картины; выписать из текста слова, относящиеся к определенной части речи, теме и т.п. Противоположной направленностью отличаются дифференцировочные упражнения. Для них характерны задания на сравнение и выделение отличительных признаков.

Другим механизмом рассматриваемой модели является конструирование по аналогии или противопоставлению, которые играют роль инварианта так называемых имитационных или повторительных упражнений – действий по контрастному или неконтрастному воспроизведению обучающимися языковых и речевых единиц. Каждый из этих видов представлен различными учебными заданиями.

Для формирования иноязычной речевой установки следует учитывать следующие факторы:

1. Привычка к общению с преподавателем преимущественно на данном иностранном языке. Речь преподавателя, безусловно, должна быть образцовой, корректной, эмоциональной, информативной, доступной пониманию.

2. Внешняя речевая ситуация, которая создается специально оборудованной аудиторией, ассоциируется в сознании студентов с иноязычной речевой деятельностью. Созданию иноязычной речевой установки способствует так же проигрывание песен на иностранном языке.

3. Использование преподавателем некоторых повторяющихся приемов, способствующих мобилизации внимания, активности, создающие нужное психическое состояние: шутки, поговорки, репризы, включенные в естественный контекст.

Таким образом, задачей преподавателя, управляющего иноязычным общением в учебных условиях, является формирование и поддержание коммуникативной потребности, воплощающейся в ситуации общения.

На основе исследования процесса становления устных речевых умений представляется возможным сформулировать требования к коммуникативным упражнениям. Последние должны:

- сообщать ученикам информацию, «поделиться» которой может стать их реальной потребностью или учебным заданием;
- стимулировать продуцирование связной речи на основе жизненного опыта, выражение своего отношения к тому или иному событию;
- создавать ситуации для речевого общения в классе;
- быть коммуникативным как по материалу, так и по процедуре;
- строиться на проработанном и усвоенном учащимися языковом материале, с тем чтобы при продуцировании речи их основное внимание было направлено на ее содержание.

Существенен и другой аспект обучения речи как деятельности. Мы должны добиваться не только умения порождать устные высказывания, но и определенного ролевого поведения в процессе акта общения. Учащиеся должны овладеть ролью говорящего, ролью слушающего. Коммуникативная задача говорящего – завладеть вниманием слушающего, добиться приема своего сообщения, получить на него реакцию, учитывать при производстве высказываний ситуацию общения, личность слушающего.

© Гордеева О.Н., 2013

Гумерова Н. Р.
г. Уфа, Россия

Мотив поиска счастья в литературе Викторианской Англии (поэмы Э. Лира «В страну Джамблей» и Л. Кэрролла «Охота на Снарка»)

Мотив поиска счастья хорошо известен литературе. Вся русская словесность насквозь пронизана этим мотивом. Достаточно вспомнить русские народные сказки, в которых присутствует атрибутика поиска (волшебный клубок, указывающий дорогу, яблоко на блюдечке, демонстрирующее своему владельцу невиданные дали и т.д.); поэму Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?», где крестьянские мужики отправляются искать счастье и пытаются ответить на главный вопрос, вынесенный в заголовок произведения; роман Набокова «Машенька», где главный герой, отлучённый от своей

исторической родины, пытается отыскать счастье в своих воспоминаниях, и многие другие произведения.

Однако этот мотив нельзя «привязывать» исключительно к русской литературе. Поиск счастья как основа сюжетной линии либо как одно из необходимых разветвлений сюжета характерен для произведений разных национальных культур. Так, ради счастливого исхода дела персонажи сказок Ш. Перро и братьев Гримм побеждают чудовищ; герой поэмы Г. Гейне «Германия. Зимняя сказка», отлучённый от родной земли, стремится вернуться туда и обрести истинное счастье; а Ф. Кафка в романе «Америка» показывает, в какие перипетии судьбы попадает человек, ищущий себя и своё место в жизни.

Литература Англии не осталась в стороне от общих тенденций. Здесь появляются такие произведения, как романы Д. Дефо о Робинзоне Крузо и Д. Свифта о Гулливере, роман Д. Фаулза «Волхв» и другие произведения, в которых также находит отражение поиск себя, смысла жизни, а в конечном итоге – счастья.

На наш взгляд, для Викторианской Англии (1837–1901) мотив поиска счастья был одним из главенствующих. В это время в стране происходили постоянные технологические сдвиги, менялось мировосприятие людей, прежние ценности и нормы морали переживали трансформации. Неудивительно, что в таких условиях представители творческой интеллигенции стали уделять большое внимание вопросам смысла жизни, существования, поиска себя и счастья.

Эдвард Лир и Льюис Кэрролл открыли всему миру феномен детской абсурдной литературы. В своих произведениях они иносказательно, обращаясь к приёмам абсурда, нарушая причинно-следственные связи, переворачивая и переосмысливая простые истины, показывали своим современникам другой мир, в котором привычные викторианцам правила не действовали. Так, в поисках идеального мира одна из героинь лимерика Э. Лира забирается на дерево, а известная всем Алиса Л. Кэрролла попадает в Страну чудес, провалившись в кроличью нору.

Обращение обоих писателей к теме поиска весьма показательно. Однако стоит отметить, что и Лир, и Кэрролл не остановились только на одном абстрактном мотиве. В их творчестве появляется мотив поиска некоего волшебного артефакта в морском путешествии.

На наш взгляд, для англичан в силу островного расположения их страны попытки найти нечто, сулящее материальные и духовные блага, за океаном, водной преградой**,** вполне естественны. Поэтому не вызывает никаких вопросов тот факт, что герои двух поэм – лировской «В страну Джамблей» и кэрролловской «Охота на Снарка» – отправляются в морское путешествие.

Мореплаватели Лира плывут в неведомую страну, где живут синерукие и зелёноголовые Джамбли (это единственное описание внешнего вида Джамблей). На все предостережения соплеменников герои отмахиваются и отвечают: «Чепуха!». Хотя следует заметить, что предостережения вовсе не напрасны: мало того, что персонажи поэмы плывут в решете, они попадают в кораблекрушение и спасаются только тем, что прячутся в огромном кувшине из-под вина.

Снарколовы Кэрролла подходят к своему путешествию-охоте более ответственно. Они тщательно подбирают состав команды, много общаются и готовятся поймать Снарка. В отличие от Джамблей, Снарк предстаёт перед читателем в полной красе: мы узнаём, каков он на вкус (не сладкий, жестковат, но приятно хрустит как новый сюртук), Снарк очень гордый, разит привидением, поздно встаёт, завтракает на закате, а обедает на рассвете, обижается на шутки и может запросто не дышать четыре минуты, любит купальные кабины и считает их украшением пейзажа.

Для лировских героев история заканчивается благополучно. Они попадают в край Джамблей и накупают на местном рынке множество товаров, которые им по каким-то причинам необходимы. Это и горох, и ореховый торт, и различные сорта сыра и вина, и животные (живые шоколадные обезьяны, свиньи, зелёные сороки, дрессированные совы и коты без усов). Поэма заканчивается на жизнеутверждающей ноте. Отважные мореплаватели возвращаются домой, где им устраивают пир на весь мир, чего нельзя сказать о героях поэмы Кэрролла.

Когда один из охотников, Булочник, рассказывает про Снарка, он сообщает, что Снарка можно спутать с неким Буджумом, после встречи с которым любой просто-напросто пропадает без слуху и духу. И если в поэме Э. Лира торжествовала жизнь, то финал произведения Л. Кэрролла окрашен другими красками. Герои, казалось, нашли Снарка, и один из участников экспедиции кидается за ним в пропасть, но происходит непоправимое: спутав Снарка с Буджумом, он внезапно пропадает.

Существует множество интерпретаций поэмы Л. Кэрролла «Охота на Снарка». Многие исследователи с момента выхода поэмы пытаются разгадать замысел художника. Так, после Второй мировой войны активно стала обсуждаться версия, согласно которой Снарк символизировал мирную атомную энергию, а Буджум – атомную бомбу. На наш взгляд, данная трактовка очень условна. Кэрролл, творящий для детей, не мог заключить в поэме такие смыслы, тем более что в его эпоху о термоядерной реакции ещё не знали, как не могли знать о её последствиях. Более того, когда его спрашивали о том, что же означает «Снарк», он, как правило, отвечал, что сам этого не знает. Мы считаем, говоря это, Кэрролл лукавил. Ведь известно, что в одном из писем он сообщает своему корреспонденту: «В ответ на Ваш вопрос, что я имел в виду под Снарком, можете рассказать своей подруге, что

я имел в виду только то, что Снарк это и есть Буджум... Я хорошо помню, что когда я писал поэму, никакого другого значения у меня и в мыслях не было, но с тех пор люди все время пытаются найти в Снарке значение. Мне лично больше всего нравится, когда Снарка считают аллегорией Погони за Счастьем (я думаю, что отчасти это была и моя трактовка)»[1].

Таким образом, мы имеем достоверное и не вызывающее никаких сомнений подтверждение нашей теории: здесь действительно можно говорить о присутствии в произведениях мотивов поиска счастья – счастья состоявшегося в «В стране Джамблей» Э. Лира и счастья недоступного в «Охоте на Снарка» Л. Кэрролла.

Литература

1. Галинская И. В чем смысл «Снарка?» // Галинская И. Льюис Кэрролл и загадки его текстов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ilgalinsk.narod.ru/carroll/c_chapt2.htm, свободный.
2. Кэрролл Л. Охота на Снарка // Lib.ru: Библиотека Максима Мошкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lib.ru/CARROLL/snark2.txt, свободный.
3. Лир Э. В страну Джамблей // Эдвард Лир [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lir.ramot.ru/stories/jumbliesm.htm, свободный.

© Гумерова Н.Р., 2013

Далаева Т.Т.
г.Алматы, Казахстан

Контент и методическое обеспечение учебных пособий по истории Казахстана на английском языке

В современном мире актуальной задачей для каждого государства становится повышение конкурентоспособности страны в условиях глобализации экономического, культурного и информационного пространства. Современный Казахстан развивается в условиях ускоренной экономической, политической, социальной модернизации. В декабре 2012 году в Послании Президента Республики Казахстан - Лидера нации Н. А. Назарбаева народу Казахстана – «Стратегия «Казахстан-2050» - Новый политический курс состоявшегося государства» были сформулированы основные задачи развития страны «в быстро меняющихся исторических условиях». В сфере образования и науки был выделен приоритет: «4. Знания и профессиональные навыки – ключевые ориентиры современной системы образования, подготовки и переподготовки кадров» [1]. В образовании среди других задач была поставлена задача модернизации методик образования, в сфере науки определены направления развития инновационных исследований.

Руководством республики разработаны и поставлены перед обществом важные стратегические задачи вхождения Казахстана в число 50-ти

наиболее конкурентоспособных стран мира. Но успешное развитие общества невозможно без активной позиции его граждан, без глубокого осознания уроков истории, которые являются источниками динамичного движения вперед. Данное положение со всей остротой актуализирует настоятельную необходимость обновления исторического образования, отвечающего требованиям современности. 5 июня 2013 г. состоялось расширенное заседание Межведомственной рабочей группы по изучению национальной истории Республики Казахстан, на котором была обсуждена специальная программа исторических исследований «Народ в потоке истории». «Главные ее цели — создание условий для качественного скачка исторической науки Казахстана на базе передовой методологии и методики; расширение горизонтов национальной истории казахов, формирование нового исторического мировоззрения нации; осмысление двух десятилетий новейшей истории Казахстана» [2].

Так, современные процессы в развитии истории исторической науки в республике серьезным образом обуславливают обновление содержания дисциплины «Истории Казахстана», что связано с междисциплинарным характером исторических исследований сегодня, с расширением инструментария ученых, с новым прочтением уже известных источников и материалов. Программа «Народ в потоке истории» уже сейчас влияет на расширение учебной программы по Истории Казахстана в школе и в вузе, что потребует пересмотра контента учебников и учебных пособий по историческим периодам, начиная с древности, заканчивая современными событиями.

Дисциплина «История Казахстана» имеет важное значение в формировании и дальнейшем развитии казахстанской идентичности у студентов высших учебных заведений. Сегодня важно не только подготовить конкурентоспособные кадры, но и воспитать молодое поколение, которое свое будущее будет связывать с будущим своей страны. Целью изучения курса истории Отечества должно быть включение личности в культурно-исторический контекст, самоориентация в цивилизованном времени-пространстве. Поэтому более актуальным становится изучение не фактологии, поскольку событийную историю достаточно подробно изучали в основном в школьном курсе истории, а в вузе необходимо использовать научно-образовательный подход в понимании и изучении истории, так как это способствует формированию самостоятельности мышления, расширяет кругозор, в значительной степени упорядочивает реальное историческое пространство и осознание подрастающего молодого поколения в глобальном пространстве.

Вместе с тем интеграция в мировое сообщество не представляется возможной без знания мировых языков, в частности английского языка. В связи с его интенсивным изучением языковую ситуацию для большинства казахстанцев в полной мере можно обозначить как многоязычную. То есть

объективные реалии на сегодня складываются таким образом, что свойственный для казахстанского общества билингвизм (казахский язык-русский язык) постепенно начинает сменяться полиязычием. Явным доказательством этого процесса является организация обучения на английском языке в бакалавриате и магистратуре на неязыковых специальностях. В республике стали активно обсуждать вопросы полиязычного обучения. Среди прочих вопросов одно из центральных мест занимал вопрос о том, как организовать учебный процесс на основе внедрения принципа полиязычия. Были предложены такие подходы к решению данного вопроса: 1) в дополнение к существующим формам обучения на казахском языке (казахское отделение) и русском языке (русское отделение) стали открывать спецгруппы (обучение определенной части дисциплин осуществляют на английском языке или полностью все дисциплины на английском языке); 2) создавать полиязычные группы, в которых часть дисциплин предлагалось преподавать на казахском языке (например, дисциплина «базовый казахский язык», «История Казахстана», «профессионально-ориентированный казахский язык»), часть дисциплин – на русском языке (например, «профессионально-ориентированный русский язык», спецдисциплины), часть дисциплин – на английском языке (в основном, элективные дисциплины). Тот и другой подходы получили свою реализацию в том или ином виде, иногда происходило их сочетание. Уже с 2011/2012 учебного года был осуществлен набор студентов в спецгруппу на историческом факультете Казахского национального педагогического университета имени Абая. Одна из главных проблем - это практическое отсутствие или очень небольшое количество в вузовской библиотеке учебной и учебно-методической литературы по философии, истории Казахстана, социологии, политологии, педагогике, этнопедагогике и др. дисциплинам социально-гуманитарного цикла на английском языке, не говоря о специальной литературе по отдельным темам. Сложность в том, что приходилось решать двойную задачу – обучать спецдисциплине и одновременно развивать языковые навыки - на занятиях в бакалавриате вследствие среднего уровня владения языком среди студентов (разный уровень разговорного языка, письменной речи и аудирования). Для решения возникших проблем преподавания в спецгруппах преподаватели-предметники стали разрабатывать свои учебно-методические пособия, адаптированные и по контенту, и по технологиям обучения к своему студенческому контингенту, чтобы обеспечить у студентов последовательное повышение уровня профессиональных и языковых знаний, умений, навыков и компетенций. Преподаватели-энтузиасты стали заниматься вопросами пополнения книжного фонда вузовской библиотеки специальной и учебной литературой на иностранных языках через заявки и заказы в специализированных издательствах. Однако, если по политологии, по социологии или по педагогике можно было найти учебники и исследования зарубежных авторов на английском языке,

то по истории Казахстана возникла настоятельная необходимость в их подготовке своими силами. Если с контентом (содержанием, источниками, иллюстративным материалом) учебных пособий по Истории Казахстана по разным историческим периодам более или менее было понятно, то с методической точки зрения приходилось осваивать основные подходы в преподавании иностранного языка с позиции филологов, вместе с этим нужно было обеспечить методическое решение преподавания исторической дисциплины для достижения основной цели – сформировать компетенции будущего историка у студентов спецгрупп. Как отмечает методист Макишева В.А.: «Методическая сложность заключается прежде всего в подборе интересного и информативного аутентичного текстового материала и его методической обработке, а также в разработке таких предтекстовых и послетекстовых заданий, которые бы стимулировали познавательную активность учащихся и развивали их коммуникативные умения. Группе исследователей предстоит создать такие учебные пособия, по которым учащиеся хотели бы учиться, а не принуждались бы к обучению»[3].

Первые учебные материалы по истории Казахстана на английском языке – тезисы лекций, раздаточные материалы, глоссарий, учебно-методические комплексы – представляли собой перевод с казахского или русского языков ранее используемых в учебном процессе учебных материалов. Затем преподаватели спецгрупп приступили к подготовке учебных пособий на английском языке по отдельным историческим дисциплинам. Вот тут происходит понимание того, что « …процесс создания учебной литературы отличается от создания произведений любого другого вида литературы тем, что автор и редактор должны определенным образом конструировать учебный материал.

Структура и содержание предметной области учебных изданий имеют своеобразный характер. Сюда включены не только знания, но и методы их получения, не только представления и навыки, но и методы их практического использования. Содержание предметной области учебных изданий структурируется на основе содержания деятельности и с учетом педагогической направленности информации.

Оценивая содержание, редактор опирается на следующие критерии: научность, системность изложения, доступность, целостность, полнота.

Теория учебных изданий выделяет три составляющие аппарата: аппарат ориентировки, аппарат организации усвоения материала, аппарат обработки издания в целом. Аппарат ориентировки включает предисловие, примечания, заключение, библиографические материалы, указатели, приложения, словари, списки сокращений, условных обозначений, системы рубрикации и шрифтовых выделений. К элементам аппарата организации усвоения материала (методического аппарата) относят вопросы, упражнения, задания»[4]. То есть, подготовка серьезного учебного пособия, в котором будет

представлен современный контент и оригинальный методический аппарат, это кропотливая и трудоемкая работа, требующая определенного количества времени. Поэтому первые издания учебных пособий по Истории Казахстана на английском языке не всегда были хорошо отработаны с редакторской точки зрения, что связано с нехваткой редакторов с методическими знаниями в сфере истории, при этом владеющих продвинутым уровнем английского языка.

Среди причин слабой результативности преподавания иностранных языков в неязыковых вузах исследователь Орлова Е.С. называет следующие: « - неоднозначно понимаемая системность организации учебного материала и, вследствие этого, неадекватное моделирование взаимодействия языковой системы и речемыслительной деятельности обучаемых;

- недостаточно четкая спецификация учебного материала в деятельностном, коммуникативном, языковом и идеальном (тематическом) плане;

- отсутствие прецендентов разработки курса на многокритериальной основе» [5, 94].

Очевидно, что требуется высокий профессиональный уровень и продуманное и ответственное отношение со стороны авторов к разработке учебных пособий по спецдисциплинам на английском языке.

Как отмечено в коллективной работе российских специалистов под редакцией профессора Бордовской Н.В.: «Учебное пособие является тем дополнением к учебнику, в котором преподаватель посредством авторского изложения обращает внимание на аспекты дисциплины, возможно, недостаточно, с его точки зрения, освещенные в учебнике. Хорошее учебное пособие представляет собой не просто краткий пересказ учебника или основных установившихся представлений, а систему авторских комментариев по проблемам, затронутым в каждой теме данной дисциплины, разумеется, при соблюдении дидактических требований. Учебное пособие призвано акцентировать внимание студента на тех особо значимых понятиях и связях между ними, вокруг которых структурируются атрибутивные понятия. Вместе с базовыми категориями науки они описывают предметную область науки, на освоение которой направлено обучение. Именно на их понимание и должно быть направлено внимание студента» [6, 145].

Повышение качества преподавания спецдисциплин на английском языке сегодня зависит не только от профессионализма педагогических кадров в вузах республики и от уровня технического оснащения (лингафонные кабинеты, компьютерные классы , мультимедиа-кабинеты и др.), но и от создания и использования учебных пособий с современным контентом, отражающим новейшие достижения в науке, и разнообразными приемами и методами, направленными на формирование профессиональных компетенций у выпускников бакалавриата и магистратуры.

Литература

1. Послание президента Республики Казахстан - Лидера нации Н. А. Назарбаева народу Казахстана Стратегия «Казахстан-2050» // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: (http://strategy2050.kz/ru/page/message_text/).
2. «Народ в потоке истории» // «Казахстанская правда», 2013, 6 июня.
3. Макишева В.А. Методическая поддержка полиязычного образования в условиях функционирования гимназии №3 для одаренных детей г. Павлодара // [Эл. ресурс]. - Режим доступа: (http://gymnasium3.edu.kz/loader/loa 10083).
4. Антонова С.Г. и др. Редакторская подготовка изданий: Учебник / Антонова С.Г., Васильев В.И., Жарков И.А., Коланькова О.В., Ленский Б.В., Рябинина Н.З., Соловьев В.И.; Под общ. ред. Антоновой С.Г., д.ф.н. М.: Изд-во МГУП, 2002. 468 с. //Антонова С.Г. и др. Редакторская подготовка изданий, учебник // [Эл. ресурс]. Режим доступа: (http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook082/01/part-006.htm).
5. Орлова Е.С. Новая модель управления качеством языковой подготовки студентов неязыковых факультетов университетов. // Вестник ННГУ. Вып.1(5).2004. с. 90- 98.
6. Современные образовательные технологии: учебное пособие/ коллектив авторов; под ред.Н.В.Бордовской. – 3 –е изд. стер. – М.: КНОРУС, 2013. – 432 с.

© Далаева Т.Т., 2013

Даутова Г.Х., Максютова Ф.М.
г. Ишимбай, Россия

К вопросу исследования когнитивной модели ситуации

Согласно современным когнитивным исследованиям, процессы восприятия и усвоения знаний об окружающем мире происходят через определённые модели. Такие модели постигаются людьми в процессе когнитивного развития, меняются под воздействием приобретаемого опыта и состоят из отношений, позволяющих им структурировать неограниченное множество образов, событий и восприятий [5; 7].

Исследования с позиций когнитивной науки показывают, что на сегодняшний день имеется множество работ, посвящённых построению когнитивных моделей порождения и восприятия научного текста.

Исходя из этого, исследователи отмечают, что язык относится к числу наиболее характерных типов когнитивной деятельности людей [4; 31], и когнитивность теории заключается в стремлении учесть степень близости объекта изучения к сознанию [2; 18].

Цель исследования при таком подходе заключается в установлении, какое именно представление о мире фиксируется в когнитивных моделях,

которые в свою очередь, требуют построения когнитивных моделей отдельных ситуаций.

Одной из процедур когнитивной лингвистики является представление знаний человека в соответствующих когнитивных моделях, передающих восприятие и память индивида. В связи с этим каждая языковая категория может рассматриваться как отражение определённых пластов человеческого опыта, зафиксированных в языке, в текстах. При анализе языковых категорий необходимо выявить, какую структуру знаний фиксирует каждая из категорий, какую роль играет в сжатии и развёртывании знаний, в различной степени детализации определённых интенций участников речевого акта. Эту задачу предлагается решить через ситуационное моделирование.

В основе ситуационных моделей лежат не абстрактные знания о стереотипных событиях и ситуациях, а личностные знания носителей языка, аккумулирующие их предшествующий опыт, установки и намерения, чувства и эмоции. Модель представляет собой когнитивный коррелят ситуации, т.е. некоторого фрагмента мира. Это то, что «происходит в уме» человека, когда он либо является наблюдателем или участником ситуации, либо он слышит или читает о ней.

Локализация когнитивных моделей в эпизодической памяти говорит о том, что они представляют собой интегрированные структуры предшествующего опыта людей. В них отражены знания и мнения людей о конкретных событиях и ситуациях. В то же время ситуационные модели служат сформированной на основе личного опыта базой для более общих и абстрактных фреймов в семантической памяти[1; 27-36].

Значительный интерес для нас представляет когнитивная модель порождения текста, описанная В.В. Красных [3; 56]. Первопричиной порождения любого речевого произведения автор считает ситуацию, под которой понимается «фрагмент объективно существующей экстралингвистической реальности» [3; 56]. Ситуация формирует мотив и интенцию как психолингвистическое воплощение мотива. Воплощением же интенции, а через неё и мотива, выступает концепт, представляющий собой глубинный смысл или свёрнутую смысловую структуру текста. При порождении речевого произведения концепт есть та отправная точка, которая предопределяет не только смысловую структуру текста, но через неё и его логическую структуру, диктующую, в свою очередь, «выбор того репертуара языковых средств, который реально используется при порождении текста» [3; 60]. Такая зависимость выстраивается автором между внутренней и внешней формами речевого произведения. Закономерности их взаимодействия исследовались Н.П. Пешковой [6-11].

Использование когнитивных моделей понимания текста означает способность соотносить текст с некоторой имеющейся структурой знания, на основе которой и создается модель ситуации. В процессе этого вспоминают-

ся прошлые ситуации, как конкретно-эпизодические, так и обобщенно-семантические. Хранящиеся в памяти ситуации входят в состав пересекающихся структур (или кластеров), входящих в когнитивные модели, образованные по принципу сходства. Поскольку они носят эпизодический характер, то, разумеется, они субъективны и различны у каждого человека [12; 9].

Описанные типы когнитивных моделей используются в современной науке о языке с большим или меньшим успехом для конкретных целей. Нам представляется, что наиболее продуктивным является интегративный подход к исследованию такого сложного явления, как текст. Он даёт возможность комбинирования инструментов исследования с целью получения наиболее полного описания объекта изучения.

Литература

1. Даутова Г.Х. Когнитивная модель типологического анализа текста делового письма (на материале русского и английского языков) дис. … кандфилол.наук. Уфа., 2004.
2. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4 С. 18-22.
3. Красных В.В. От концепта к тексту и обратно // Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология. 1998. № 1. С. 53-70.
4. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. - М.: Прогресс. 1988. С. 12-51.
5. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия. 1979. С. 151.
6. Пешкова Н.П. К вопросу построения лингвистической классификации текстов // Темы коммуникации и содержательный аспект языка. М., 1987б. С. 199 – 207.
7. Пешкова Н.П. Лингвистические характеристики текстов как основание для их классификации (на материале научных, технических, учебных текстов) :Дис: ... канд. филол. наук. М., 1987а.
8. Пешкова Н.П. Многоаспектная лингвистическая классификация текстов. Деятельные аспекты языка. М., 1988, С.144 – 154.
9. Пешкова Н.П. Модель описания текста в терминах его лингвистических характеристик // Функционирование текста в речевой деятельности. М., 1989. С. 135 – 145.
10. Пешкова Н.П. Использование денотативного анализа текста при обучении устной иноязычной коммуникации // Моделирование речевых механизмов при обучении иностранному языку. Рига, 1990. С. 34 – 42.
11. Пешкова Н.П. К построению модели научного текста – описания // Актуальные проблемы психолингвистики. Тверь. 1996. С. 120 – 127.
12. Свойкин К.Б. Смысловая диалогическая конвергенция текста в научной коммуникации (на материалы английских текстов). Дис:…канд. филол. наук. Саранск . 1998. С. 9 - 19.

© Даутова Г.Х., Максютова Ф.М., 2013

Дуброва Ю.Ю.
г. Москва, Россия

Структурно-семантические особенности многокомпонентных терминов в военном дискурсе

Аналитический характер английского языка делает способ присоединения цепочек определений к существительному-ядру наиболее продуктивным. Особенно это характерно для специальных текстов, насыщенных терминологией, в частности, военных. При экономии места, повышается информативность документов, что объясняется экстралингвистическими причинами, требованиями военной сферы общения: стремлением к однозначному, информативному и экономному способу изложения.

Перевод такого рода терминологических словосочетаний, или многокомпонентных терминов (МКТ), представляет определенные сложности, что отсылает нас прежде всего к анализу их структуры и семантики.

Опираясь на определение производных слов Е.С. Кубряковой, где «под производным словом понимается любая вторичная, т.е. обусловленная другим знаком или совокупностью знаков единица номинации со статусом слова независимо от структурной простоты или сложности последнего» [1, 5], можно заключить, что терминологические словосочетания имеют общие черты с производными словами и являются единицами неэлементарной номинации. Они приближаются к производным словам, поскольку удовлетворяют следующим требованиям:

1. являются вторичными единицами наименования, так как опираются на готовые знаки языка;
2. мотивированы, так как содержат в своей морфологической структуре часть исходных знаков;
3. расчлененно передают содержание;
4. могут рассматриваться как единица номинации со статусом слова (универб) [там же, 23].

По объекту наименования (отдельные явления, предметы, процессы, события и т.д.) производные слова проявляют черты несомненного сходства с простыми словами и могут выполнять те же функции в предложении, по способу отражения действительности и способу ее представления в расчлененном виде они строятся как синтаксические структуры − путем оформления неких типов связей, путем уточнения семантики их составляющих [там же, 20].

Согласно Е.С. Кубряковой можно выделить, по крайней мере, три типа словообразовательных процессов:

1. аналогический (механизмом процесса является копирование готового образца, воспроизводится определенная модель, но «заполняется» новым лексическим материалом) [там же, 26].

Например, ***counter****measures; **counter**-attacks; **counter**-intelligence; **counter**-terrorism; **counter**-hostage-taking; precision-**guided** weapon; radar-**guided** missile.*

Из приведенных примеров видно, что слова образуются с помощью продуктивного префикса *counter*, который имеет значение «против, в противовес чему-либо» и присоединяется к существительным, глаголам (а ***counter**-attack, to **counter**attack*), реже к прилагательным (***counter**-intuitive*). Также представлена продуктивная модель N + Participle II.

2. корреляционный (в основе лежит аналогия более сложного характера; исходная пропорция представляет пару слов, находящихся в отношениях словообразовательной производности). Например: *The possible objectives of an air-sea landing operation are to gain control of straits and their surrounding **coasts**, key areas of **coastline** or large groups of islands and to assist in destroying enemy **coastal** force groupings at the beginning of or during an **offensive** or **counter-offensive**. The employment of forces **to counter** enemy air attacks or reduce their effectiveness is classed as active air defence.*

3. дефиниционный или словообразование на синтаксической основе.

«Процессы словообразования на синтаксической основе имеют место тогда, когда наречению предмета или другого явления действительности предшествует вынесение суждения о нем, основанного на приписывании ему определенных признаков и свойств <…> и в отличие от аналогического и корреляционного словообразования, в которых новое слово мотивируется тоже словом, дефиниционное словообразование предполагает мотивацию не словом, а суждением, высказыванием, содержащим дефиницию предмета» [там же, 36]. Создание и принятие производного слова, постоянно встречающего в практике языкового коллектива, в качестве замены развернутого суждения о предмете его кратким обозначением позволяет рассматривать источником мотивации семантическую дефиницию [там же, 56].

В мотивирующем суждении мотивирующее слово входит в состав суждения в качестве одного из его членов.

Например, ***DoD-Designated High Physical Threat Countries**: **Countries** determined to be of significant terrorist **threat** to **DoD** travelers, as **designated** by the ASD (SO/LIC), in coordination with ASD (ISA), the ASD (ISP), and the DUSD (S&R).*

ASD (SO/LIC) − Assistant Secretary of Defense for Special Operations/Low Intensity Conflict; ASD (ISA) − Assistant Secretary of Defense for International Security Affairs; DUSD (S&R) − Deputy Under Secretary of Defense for Strategy and Requirements.

Учитывая, что словосочетание выражает единое, но расчлененное понятие, можно выделить базовые мотивирующие элементы в составе именного терминологического словосочетания с определяемым словом − именем существительным *countries:*

1. *DoD-Designated (OF-Phrase abbr.+Participle II)*
2. *High (Adv)*
3. *Physical Threat (Adj+N)*
4. *Countries (N)*

(OF-Phrase abb.+Participle II) + (Adv) + (Adj+N) + Ns

DoD − Department of Defense − OF-Phrase: часть целого (главное слово называет часть, а зависимое слово – целое: организационная единица; входит в состав сложного слова *DoD-Designated*;

DoD-Designated – причастие II указывает на структуру со свернутой предикативностью, номинализирована глубинная структура процесс/действие: *Countries designated by DoD*;

Physical Threat восстанавливаем имплицируемый элемент ***Physical Security Threat*** **–** трехкомпонентная группа с определяемым существительным *threat* объектные отношения (*threat to physical security*);

High <…> Threat номинализирована глубинная структура *Threat to physical security is high* (семантико-синтаксическая модель предложения выражает абсолютное состояние).

Существуют различные точки зрения на статус сложных производных слов. Производные слова можно рассматривать как созданные синтаксическим путем, где дефиниция производного слова включает кроме мотивирующего слова и другие компоненты и представляет собой перифразу, семантически эквивалентную производному слову, которая выявляет все его значения в форме расчлененной эксплицитной номинации. Сложные производные слова также рассматриваются как редуцированные предложения в субстантивной, адъективной или глагольной форме и объясняемые на основе полных предложений. С точки зрения порождающей грамматики дефиницию производного слова можно рассматривать как его глубинную семантическую структуру, содержащую в эксплицитном виде всю информацию, манифестируемую в поверхностной структуре производного слова [там же, 55].

Однако данные замены не следует считать равнозначными. Во-первых, разные по структуре формы несут в себе разные значения, во-вторых, «…производные слова могут быть противопоставлены соответствующим оборотам по степени расчлененности описываемой ситуации, а также полноте или точности ее описания» [там же, 53].

Что касается многокомпонентных атрибутивных конструкций, образованных цепочкой определений, то здесь с уверенностью можно говорить об аналитической деривации: в производном слове фиксируется новое значение, причем оно выражается составными компонентами, расположенными в определенной последовательности. Прирост нового значения происходит не за счет присоединения аффиксов, а за счет присоединения самостоятельных лексических единиц, то есть формирующими частями производного

слова становятся не элементарные морфемные единицы, а единицы, имеющие в языке самостоятельный статус существования в виде отдельного слова [там же, 54].

Тезис о возможности объяснения значений многокомпонентных групп с помощью полных предложений, перифраз, дефиниций приложим для анализа их семантики.

Действительно, в отличие от синтаксического оборота синтаксические отношения в сложном слове устранены и показатели этих отношений изъяты [там же, 62].

Так, А.Д. Швейцер [2, 79] рассматривает синтаксические конструкции «существительно+существительное» как конструкции, в «которых семантические связи между компонентами не получают эксплицитного выражения <…> не уточняются с помощью служебных слов» [там же 79, 80] или где логико-смысловые связи не оформляются внутри конструкции.

Проводя анализ структуры многокомпонентных терминов, переводчик по сути достраивает недостающие семантические элементы и синтаксические связи.

Следовательно, процедура анализа производного слова представляет собой прием описания, при котором «все значения данного слова отражаются в эксплицитном виде» [1, 54].

Итак, значение конструкций можно описать путем перефразирования (преобразования в синонимичные словосочетания, в которых смысловые отношения между компонентами однозначно выражаются с помощью служебных слов [2, 81]). Например: *DoD AT Coordinating Committee → The Committee of the U.S. Department of Defense on Coordination of Antiterrorist Activities* – ‘Координационный комитет Министерства обороны США по борьбе с терроризмом’.

В целом многокомпонентные атрибутивные словосочетания можно рассматривать как результат свертывания пропозиции, поскольку конструкции могут быть трансформированы/развернуты в предложения, «трансформация поверхностных структур в ядерные − это способ установления однозначных соответствий между грамматическими и семантическими категориями [там же, 40]. При расшифровывании многокомпонентных атрибутивных конструкций развертывание цепочек отношений между компонентами происходит по схеме: субъект – предикат – объект. То есть определяемое слово становится подлежащим. В данном случае смысловой структуре словосочетания будет соответствовать ядерное предложение [там же, 80]. Например: *Aircraft Carrier Battle Group* – ‘боевая группа авианосцев’ → *Battle Group that is comprised of aircraft carriers*; *technology-based explosive detection devices* – ‘технические средства обнаружения взрывчатых веществ’ → *devices that detect explosives with the help of special technology.*

Рассмотренная переводческая проблема подтверждает тезис о том, что «ключом к семантическому прочтению и истолкованию любого производного слова оказывается в конечном счете его поверхностная морфологическая структура» [1, 19].

Литература

1. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. / Отв. ред. Е. А. Земская; Предисл. В.Ф. Новодрановой. Изд. стереотип. − М.: Книжный дом «Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 208 с.
2. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. (Газетно-информационный и военно-публицистический перевод.) − М.: Воениздат, 1973. – 280 с.

© Дуброва Ю.Ю., 2013

Дузмагамбетов Е.А.
г. Актобе, Казахстан

Мифологическая основа названия «Терек»

В казахском языке под словом «Терек» наряду с обозначением определенного вида дерева (название в профессиональной лексике), понимается и всякое растущее дерево. Это понятие в современной языковой картине мира казахов используется для обозначения высоких качеств личности, как эпитет, без мифологического определяющего значения. Несмотря на это, мифическая основа слова «Терек» скрытно, иногда и открыто выступает в названиях «Байтерек», «Әулие Терек», «Қасиетті Терек». Ниже мы попытаемся раскрыть мифическое составляющее слова «Терек».

В древних мифологических воззрениях опоре космоса – вертикальным культовым объектам, так называемым «Мировой горе», «Мировому дереву», соединяющим нижний, средний, верхний миры, отведена роль одного из основных конструктивных элементов. К примеру, в представлении сибирских шаманов поддерживание связи миров через Мировое дерево не только возможно, но и свойственно только шаманам. Эту точку зрения поддерживает известный ученый-исследователь мифологии Е. Мелетинский: «В сибирском шаманизме связь между Мировым древом и шаманом чрезвычайно тесная и многообразная, прежде всего в том смысле, что шаман с помощью Мирового древа способен поддерживать связь между людьми и богами, между землей и небом, исполняя функцию посредника, медиатора» [1, 213]. Все культовые предметы шамана моделировали Вселенную, а потому имели глубокий символический смысл. Вселенная изображалась на одежде шамана, на бубне, на шаманской трости и на многих других предметах, имеющих особый смысл в данной традиции. Символом шаманской трости у казахских баксы является *асатаяқ,*

олицетворяющий Мировое дерево – Байтерек. В тюркской мифологии и впоследствии в казахских сказках фигурирует образ Байтерека. Байтерек своим расположением и композиционным строением выражает космогонические представления древних кочевников, по преданиям которых на стыке миров протекает Мировая река. На её берегу возвышается Дерево жизни — Байтерек, корнями удерживающее землю, а кроной подпирающее небо. Корни этого дерева, соответственно, находятся в подземном мире, само дерево, его ствол — в земном, а корона — в небесном. Каждый год в кроне Дерева священная птица Самрук откладывает яйцо — Солнце, которое проглатывает дракон Айдахар, живущий у подножия дерева жизни, что символически означает смену лета и зимы, дня и ночи, борьбу Добра и Зла. В таких казахских сказках, как «Ер төстік», «Керқұла атты Кендебай», «Делдаш батыр», «Жарты төстік, Аюдәу», «Аюалпаң, Судысалпаң, Таудыталпаң» четко отражен мифический образ Байтерека. В этих сказках деревья, связывающие все сферы жизни, обозначаются названиями «терек», «шынар терек», «ағаш» и «байтерек».

Космогонические представления древних кочевников превратили некоторые высокорастущие деревья в обекты поклонения всевышнему – Тенгри. Об этом свидетельствуют данные путешественников средневековья: «Упоминаются два рода святилищ, где свершались обряды в честь Тенгри-хана: капища, т.е. языческие храмы, в которых установлены идолы (изображения Тенгри-хана?) и священные рощи, где самые высокие деревья олицетворяли Тенгри-хана. В жертву божеству приносили коней, которых закалывали в священных рощах. Затем их кровью окропляли землю под деревьями, головы и шкуры вешали на ветви, а туши сжигали на жертвенном огне. Жертвы сопровождались мольбами, обращенными к Тенгри-хану» [2, 145].

В современном лингвокультурном мире казахов до сих пор существуют некоторые элементы древнетюркского мифологического культа. Так, например, у казахов некоторые деревья, в основном одиноко растущие или растущие у могил, считаются священными и традиция вешать на ветви священного дерева куски материи сохранена до настоящего времени.

Такой ритуал почитания дерева можно увидеть и во многих других культурах, например, одним из главных элементов мироустройства народа Саха является Великое гигантское дерево Аал луук мас. Корни его находятся в Нижнем мире, ствол и крона растут среди людей в Среднем мире, ветви устремлены в Верхний мир — к богам айыы. Якуты верят, что в дереве обитает дух Аан Алахчын Хотун, хозяйки местности, доброй помощницы и советчицы для людей. Если обойти три раза вокруг священного дерева по часовой стрелке и искренне попросить у духа счастья, процветания и богатства — желания сбудутся.

Рассматривая этимологию слова «Терек», нобходимо учесть, что в некоторых тюркских языках под этим названием, не считая его незначительных фонетических изменений, понимается всякое растущее дерево. Например: ногайский – терек, к-балкар – терек, крым-татар – терек/дерек, арм-кум. – терәк, узбек, уйгур – дарақт/дәрахт, в некоторых регионах Казахстана – терек. Исследовавший лексику тюркских языков К.М. Мусаев отмечает, что в перечисленных языках под словом «Терек» понимается всякое растущее дерево, а названиями «ағаш», «ағач», «ағац» обозначается срубленное дерево или строительный материал.

Заимственными считают некоторые исследователи названия «дарах», «дәрахт», употребляемые в узбекских, уйгурских языках. К.М.Мусаев, опровергая версию заимствования, заключает: «В Тюркском терек «дерево» М.Рясянен видит контаминацию с иранским (перс.) дирахт «дерево» (РЭС, 475), что касается узбекского и уйгурского дарахт «дерево», оно представляет иранское заимствование (ср. перс. «дерево»). Весьма вероятно, что последнее является несколько фонетически видоизмененной формой первоначального тюркского терек. В таком случае уйгурское и узбекское название дерева представляет собой своеобразный лексический бумеранг тюркских языков» [3, 163]. Мы считаем приведенную версию верной, так как тополь более распространен на территориях расселения тюрков, нежели на других территориях, более того, нам кажется, что это название восходит к слову «тіреу», «тірек» - подпорка, подпирать, то есть от мифологического орудия, подпирающего небо. В приведенном исследовании К.М. Мусаев предполагает: «По-видимому, терек «дерево» представляет собой наименование целого по части, первоначально «тополь» - название распространенного дерева на территориях расселения тюркских народов, затем перенесено на «дерево». Возможно, оно представляет собой отглагольное образование *тіре* – плюс аффикс – *к* с орудийным значением – «подпорка», «опора», «столб», «колонна» и т.д., значения, которые имеются во многих тюркских языках. Слово это (*тірек)* вошло также и в персидский язык из тюркских со значениями «брус», «бревно», «мачта», «стропила», «столб», «колонна», а также в финно-угорские, тунгусо-маньчжурские, балканские, грузинский и другие языки (см. Дерфер, 997). В языке Среднеазиатского тефсира *терак* употребляется исключительно в значении «столб», «колонна»: *айтурлар чадырлары бар арді буйук узун тераклари бірла йерда мақам қылмышлар арді* «говорят, что у них шатры были, их ставили на землю на очень высоких столбах»; *тақы укуш көшклар көрді кім йақутдын забардждын улуғ тераклері бар арді* «еще увидел много беседок, огромные колонны у которых были из яхонта и хризолита (Боровков, Лексика, 299)».

Профессор А. Ахметов изучающий связь тюрков с американскими индейцами, приводит ряд названий «терек» в коренных топонимах ацтеков,

со значением «төбе» (высота): Ichkaterek, Xiuterek, Xonakaterek, Xumilterek, Moyoterek, Kuauterek, Tetzonterek, Xochiterek, Mazaterek, Okoxaterek. Начальные компоненты перечисленных слов: хлопок, трава, лук, жук, муха, орел, камень, цветок, олень, песок. Они отражены в словарях языка нахуа, составленных учеными Eliseo B. И Aragon Rosario Maria Gutierrez [4, 81-89]. Из указанного материала можно сделать вывод о том, что по представлениям древних тюрков всякий возвышающийся объект считался подпирающим небо, отсюда и схожесть названий «тіреу», «төбе», «терек».

Итак, если считать, что этимология общетюркского слова «Терек», означающая в начале своего эволюционного развития «тіреу», «тірек»– подпорка, то безусловно, это название семантически тесно связано с мифологическим Мировым Деревом – Байтерек.

Литература

1. Мелетинский.Е.М. Поэтика мифа,М.: Наука,1976.
2. Плано Карпини, Вильом Рубрук. Путешествие в Евразийские степи.- Алматы:ИД «Кочевники», 2003.
3. Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении.М.: Наука,1975.
4. А.Ахметов, Ақикат,11-12. 2006,

© Дузмагамбетов Е.А., 2013

Жданова Я.А.
г.Уфа, Россия

Исследование синонимии в английском языке

Интегральным признаком синонимической парадигмы является адекватность (тождественность) значений синонимов, т.е. составляющие парадигмы объединяются по семантическому признаку. Тем не менее, многие лингвисты полагают, что не может быть абсолютного тождества слов естественных языков, так как их значения не имеют четких границ, они размыты, диффузны. Следовательно, правильнее говорить не о тождестве, а о близости значений, а синонимию рассматривать как сходство значений. Определение синонимии Д.Н. Шмелевым базируется на соотношении признаков, объединяющих и противополагающих значения различных слов. «Лексические единицы, противопоставленные по таким признакам, которые оказываются несущественными в определенных условиях, можно рассматривать как синонимы» [4, 72].

В.Г. Вилюман, исследовавший английские синонимы, не признает разделения синонимов на истинные (абсолютные) и неабсолютные (квазисинонимы). Он полагает, что семантически и функционально тождественные лексические единицы не являются синонимами в подлинном смысле. Синонимы,

проявляющие какие-либо различия в семантической или функциональной сфере, сами по себе не являются абсолютными. Согласно его аргументации, синонимия как лингвистическое явление всегда представлена частичными синонимами т.е. эквивалентность синонимов всегда частична [3, 63].

И.В. Арнольд определяет синонимы, как два или более слова одного языка, принадлежащие одной части речи и обладающие одним или более идентичными или почти идентичными значениями. Они должны быть взаимозаменяемы, по крайней мере, в некоторых контекстах без значительного изменения денотативного значения, но различаться по морфемному и фонемному составу, оттенками значения, коннотациями, стилевой принадлежностью, валентностью и возможностями идиоматического использования [2, 64]. Очень существенным в этом определении является замечание о том, что для установления факта синонимии необходимо совпадение не любых, а денотативных компонентов значения, а также о том, что синонимы - единицы одной части речи.

В синонимической парадигме выделяется синонимическая доминанта - компонент парадигмы, являющийся наиболее обобщающим по своему значению и обладающий самым объемным и нейтральным значением. Именно он определяет общее толкование лексической единицы, входящей в парадигму, и является точкой отсчета для других членов парадигмы. Значение каждого синонима сопоставляется со значением доминанты. Как правило, в качестве синонимических доминант выступают слова исконного происхождения, наиболее частотные и стилистически нейтральные. Доминанты - почти всегда лексемы первого плана, наиболее обработанные в языке и наиболее укоренившиеся во всей отраженной в нем словесной культуре [1, 306]. Таково английское прилагательное *alone* в ряду *alone, solitary, forlorn, desolate* со значением «одинокий, покинутый». В синонимической группе английских прилагательных *proud, arrogant, supercilious* «гордый, высокомерный, кичливый» первые два прилагательных исконные, а третье заимствовано из латыни.

Синонимический ряд - это мост между миром познаваемых понятий и миром отражающих данный процесс слов. Синонимический ряд позволяет найти словесное выражение для каждого понятия во всем разнообразии его возможных оттенков. Дифференцирующие оттенки в значениях синонимов помогают передать и закрепить определенные знания, выразить различные чувства и представления.

В синонимической группе английских прилагательных *sharp, keen, acute* «острый», адъектив *sharp* чаще употребляется по отношению к зрению и слуху: *sharp eyes, sharp hearing,* прилагательное *keen* употребляется в основном по отношению к зрению и обонянию: *keen eyes, keen sense of smell,* прилагательное *acute* используется почти исключительно по отношению к слуху: *acute hearing.*

Как известно, значение каждого слова - это не простая сумма «основная сема» + «дополнительные признаки», которые можно складывать, вычитать или нейтрализовать. Близкие или даже однородные качества, но у разных объектов получают в языке разные наименования, что влечет за собой их смысловую близость и одновременно обусловливает разную сочетаемость. Не случаен тот факт, что синонимия распространена именно в сфере признаковых слов: прилагательных, абстрактных существительных и глаголов.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.1. Лексическая семантика. - М.: ЯРК, 1995. С.201.
2. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. статей (науч. ред. П.Е.Бухаркина) - СПб.: Изд. СПбГУ, 1999
3. Вилюман В.Г. Английская синонимика. - М.: "Высшая школа" 1980. 128 с.
4. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. - М.: Изд. ЛКИ, 2008. - 280 с.

© Жданова Я.А., 2013

Закирьянов К.З.
г. Уфа, Россия

Об адекватности перевода

Огромна роль перевода с одного языка на другой в многоязычном мире. Перевод является основным видом межъязыкового посредничества разноязычных народов и играет огромную роль в культурном развитии отдельного общества и человечества в целом. Выполняя общественно-политические и культурно-познавательные функции, перевод дает возможность людям одной страны познакомиться с жизнью, бытом, историей, литературой и научными достижениями других стран, других народов. Перевод с одного языка на другой «выступает в качестве универсального лингвосоциокультурного механизма, обеспечивающего взаимодействие социальных и культурных субъектов (и, как следствие, воспроизводство и динамику социокультурных и художественно-эстетических норм и образцов взаимодействия» [5, 66].

Особое место занимает в межъязыковом посредничестве художественный перевод. Цель его заключается в порождении на переводном языке такого произведения, которое способно оказывать на читателя такое же художественно-речевое воздействие, какое оказывает переводимое произведение на языке оригинала. Художественным переводом занимаются переводчики-специалисты.

Кроме художественного перевода, потребность в переводе с одного языка на другой в полиэтническом пространстве (уже – в разноязычном

коллективе) ощущается «на каждом шагу»: каждый раз в процессе общения разноязычных людей возникает необходимость перевода слов, фраз, высказываний устно или письменно, синхронно или диахронически. Перевод обеспечивает возможность общения разноязычных людей. Качество перевода зависит от степени владения языками.

В повседневной речевой коммуникации в разноязычном коллективе каждому участнику речевого общения приходится стать «постоянным переводчиком», прежде всего, на уровне разговорной речи. И перед таким «переводчиком» возникает немало проблем. Основные проблемы перевода можно классифицировать в соответствии с их соотнесенностью с тем или иным уровнем языковой системы, прежде всего – с лексическим и грамматическим.

Лексические проблемы перевода связаны с отбором лексических единиц для точной передачи содержания выражаемой мысли. Здесь трудности перевода связаны, главным образом, с многозначностью слов, с несовпадением объема значений и лексической сочетаемости слов в разных языках. Задача «переводчика»-собеседника состоит в том, чтобы найти в другом языке нужную лексическую единицу, которая была бы адекватна лексической единице родного языка.

Грамматические проблемы перевода связаны с выбором таких грамматических форм слов и таких синтаксических конструкций в переводимом языке, которые соответствовали бы грамматическому значению словоформ и содержанию синтаксических конструкций в родном языке. Здесь трудности перевода обусловлены наличием существенных расхождений в грамматическом строе двух языков. Например, в русском и башкирском языках не совпадают способы оформления синтаксических связей слов, порядок расположения слов в предложении, структура сложных, в частности сложноподчиненных, предложений и ряд других.

Проблема точности перевода связана также с понятиями *адекватности* и *эквивалентности* перевода, которые, в свою очередь, связаны с понятиями *дословного* и *смыслового* перевода. Эти два понятия органически взаимосвязаны и взаимодействуют. При переводе создается новый текст на другом языке, который должен быть адекватен (равноценен) оригиналу. Но эта равноценность лишь относительна, и вопрос *о возможности адекватного перевода* остается проблемным.

(Адекватный – от лат. adaequatus – приравненный, вполне соответствующий, совпадающий, равный, тождественный.)

Адекватный перевод текста – это такой перевод, который полностью соответствует оригиналу и по содержанию, и по форме, который может полноценно заменить оригинал. При адекватном переводе исходный текст и переводный текст равноценны.

Теоретически можно предположить, что адекватный перевод текста с одного языка на другой возможен. Это в идеале. Но на практике возможность такого перевода подвергается сомнению: практически равноценная замена исходного текста переводным возможна далеко нем всегда; адекватность одного и того же текста на разных языках лишь относительна. Объясняется это, главным образом, тем, что каждый язык по-своему отражает реальный мир, по-своему классифицирует его, в результате не одинакова национальная языковая картина мира народов, говорящих на разных языках. По этой причине добиться полного совпадения переводного текста с оригиналом становится почти невозможным. «Один и тот же элемент текста поразному воспринимается людьми, говорящими на ИЯ и на ПЯ, так как они относятся к разным языковым коллективам, с разным историческим наследием, отличающимися традициями, бытом, культурой. Поэтому текст перевода не может быть полностью эквивалентным содержанию текста на языке оригинала, хотя при этом могут быть эквивалентными какие-то части текста» [6, 117]. (Пояснения: ИЯ – исходный язык, то есть язык с которого переводится текст; ПЯ – переводящий язык, язык перевода, то есть тот язык, на который переводится текст.) По мнению В.Н.Комиссарова, «невозможно достигнуть абсолютного тождества оригинального текста переводу» [4, 24].

Вопрос о возможности адекватного перевода, вызывающий горячие споры, является центральным в переводоведении и не решается однозначно. Существуют по крайней мере две противоположные точки зрения по этому вопросу. Одни ратуют за вольный перевод: достаточно передать на другом языке как можно ближе к оригиналу содержание переводимого текста, не соблюдая строго лексические средства и грамматические формы, использованные в оригинале. Другие настаивают на буквальном переводе, стараясь очень точно («буквально») передать текст оригинала на язык перевода, формально воспроизводя лексический состав и грамматические формы переводимого текста, что нередко приводит к нарушениям языковых норм в переводном тексте.

Любая из точек зрения в отдельности не может быть принята безоговорочно как руководство к действию в переводческой деятельности, ибо переводчики нередко в первом случае слишком далеко уходят от оригинала, непременно искажая его содержание, во втором – нарушают нормы языка перевода. Нужно найти «золотую середину» между этими двумя подходами к переводу, для чего нужно точно определить сущность понятия *адекватность перевода*.

Адекватность перевода предполагает: 1) правильную, точную и полную передачу содержания оригинала; 2) передачу языковой формы оригинала, его стилистических особенностей; 3) безупречную правильность языка, на который делается перевод. Последнее (п. 3) требует пояснения. Желая сохранить языковую форму оригинала, даже опытные переводчики допус-

кают нарушения норм переводного языка, впадая в «буквализм», с чем трудно согласиться. Здесь нужно придерживаться, на наш взгляд, следующей методологической установки: *никакое желание сохранить грамматические конструкции, фразеологические единицы или стилистические приемы оригинала не может служить оправданием нарушения норм языка, на который делается перевод.*

Понятие адекватности перевода подразумевает использование в переводном тексте таких языковых эквивалентов, которые производят тот же эффект и выполняют ту же функцию, что и языковые средства, использованные в тексте оригинала.

Значит, адекватность перевода *допускает* всевозможные **трансформации** на разных уровнях – лексическом, грамматическом, семантическом, информационном.

Трансформации представляют собой:

– преобразование друг в друга таких синтаксических конструкций, которые близки или тождественны по смыслу, но имеют неодинаковую структуру;

– изменение формальных или семантических компонентов исходного текста при сохранении информации, предназначенной для передачи.

Соответственно видами трансформации могут быть:

– изменение порядка слов в предложении;

– изменение синтаксической структуры предложений;

– замена частей речи и членов предложения;

– добавление в переводимое предложение новых слов;

– опущение из переводимого предложения отдельных слов;

– замена форм эквивалентных слов и т.д.

Все эти трансформации связаны с необходимостью максимально точно передать содержание переводимого текста средствами другого языка.

Адекватность перевода имеет дело с глубинными слоями семантики двух сопоставляемых языков. Переводчик должен иметь хорошие знания о культуре, истории, быте народа – носителя переводящего языка, так как в процессе перевода неизбежно наложение двух языковых картин мира. В создании адекватного перевода важно учесть совокупность многочисленных экстралингвистических факторов, которые образуют своеобразный культурный контекст переводимого текста. Учет этих факторов требует качественного преобразования переводимого текста на другом языке. Словом, создание адекватного переводного текста невозможно без многочисленных трансформаций исходного текста.

Для успешного осуществления адекватного перевода переводчик-профессионал должен: 1) в совершенстве владеть обоими языками; 2) «знать правила перехода единиц одного языка к соответствующим единицам другого языка» [6, 117], то есть уметь находить эквиваленты лексических еди-

ниц и грамматических средств в ИЯ (Я1) и ПЯ (Я2). Ведь цель переводческой деятельности заключается в том, чтобы максимально точно передать информацию, содержащуюся в тексте на Я1, на Я2.

В этой связи уместно вспомнить требование Фридриха Энгельса к переводчикам трудов Карла Маркса. Показав в своей статье, что перевод первого тома «Капитала» на английский язык не сохранил все совершенство оригинала, Энгельс писал: «Для этой книги недостаточно хорошо знать литературный немецкий язык. Маркс свободно пользуется выражениями из повседневной жизни и идиомами провинциальных диалектов; он создает новые слова, он заимствует свои примеры из всех областей науки, а свои ссылки – из литератур целой дюжины языков; чтобы понимать его, нужно в совершенстве владеть немецким языком, разговорным так же, как и литературным, и, кроме того, знать кое-что и о немецкой жизни» (цитируется по [1, 167–168].

Размышляя по этому поводу, анализируя множество неудач в переводе слов и выражений, известный специалист в области языка Э.Вартаньян делает следующий вывод (мы полностью разделяем его точку зрения): «Таким образом, идеальный переводчик не тот, кто сумел дословно перевести текст с одного языка на другой. Это будет всего лишь мертвая фотография. Тут нужна рука и чутье художника, чтобы передал он не столько букву, сколько дух произведения, сохранив его национальный колорит и выразительность, изложив строй и особенности чужой речи средствами своего родного языка. Не буква, но дух!» [1, 167]. Вот именно этот «дух!» должен безошибочно улавливаться переводчиком, который, исходя из возможностей языка, определяет каждый раз самые уместные приемы передачи «чужого» на «свое» и – добавим – «свое» на «чужое».

Об этом же писал еще В.Г. Белинский: «Каждый язык имеет свои, одному ему принадлежащие средства, особенности и свойства… Близость к подлинному состоит в передании не буквы, а духа создания» (цитируется по [1, 168].

Вот и получается, чтобы перевести текст на другой язык как можно ближе к оригиналу, нужно хорошо знать тонкости обоих языков, подобрать наиболее подходящие эквиваленты языковых средств. Качество перевода зависит от уровня языковой подготовленности, коммуникативных возможностей, умений и знаний переводчика. В процессе перевода происходит не просто замена одного языка другим. В переводе сталкиваются различные культуры, различные языковые картины мира. Равноценность перевода заключается в правильном выявлении эквивалентов, соответствий между элементами двух языков. Поиск и нахождение этих эквивалентов и составляют главную трудность перевода.

Все изложенное о возможности адекватного перевода и его сущности касается, главным образом, художественного перевода – перевода художе-

ственных произведений как культурных ценностей. Цель его – порождение на переводимом языке речевого произведения, способного оказать на читателя такое же художественно-эстетическое воздействие, как и речевое произведение оригинала.

Но в полиэтническом пространстве, в условиях совместного проживания разноязычных народов, перевод с одного языка на другой используется прежде всего как средство взаимного общения контактирующих народов. В этом случае целью перевода является живая речевая коммуникация, притом коммуникация не обычная, а с использованием разных (обычно двух) языков: благодаря переводу с одного языка на другой осуществляется речевое общение между разноязычными людьми. Умение пользоваться переводом с одного языка на другой в целях повседневной коммуникации выдвигает проблему формирования билингвальной (полилингвальной) личности, способной адекватно воспринимать чужие и выражать собственные мысли средствами двух языков.

Литература

1. *Вартаньян Э*. Путешествие в слово. – М.: Сов. Россия, 1976.
2. *Закирьянов К.З*. Двуязычие и перевод: Пособие для учителя. – Уфа: Китап, 2012.
3. *Комиссаров В.Н*. Теория перевода: лингвистические аспекты. – М., 1990.
4. *Комиссаров В.Н*. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2004.
5. *Макарова Л.С*. Перевод как социокультурная деятельность в полиэтнической среде // Актуальные проблемы двуязычия и их речевая реализация в полиэтнической среде: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (20–22 апреля 2005 г.). – Майкоп: изд. Адыг. ун-та, 2005. – С. 66–68.
6. *Хачмафова З.Р*. О понятии «адекватность» перевода // Актуальнвые проблемы двуязычия и их речевая в полиэтнической среде: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (20–22 апреля 2005 г.). – Майкоп: изд. Адыг. ун-та, 2005. – С. 117 – 120.

© Закирьянов К.З., 2013

Зарипова И.Ф.
г. Уфа, Россия

Пояснение как функционально-синтаксический способ в системе средств расширения структурной схемы предложения

Современная классификация синтаксических связей основывается на противопоставлении: присловность - неприсловность [1, 23; 2, 149].

Если присловная связь – связь слова с другим компонентом, представленным словоформой или предикативной единицей, – образуется на основе грамматических и семантических свойств, то неприсловные связи

возникают в предложении и не могут быть объяснены свойствами слова как такового.

Понятие «неприсловной связи» в татарском языкознании еще не столь распространено, хотя такие виды связи и в системе синтаксического строя татарского языка имеют широкое употребление.

Одним из видов неприсловной связи в татарском языке является пояснительная связь, которая является функционально-синтаксическим способом расширения минимальной структурной схемы простого предложения. Специфика этой связи заключается в неравноправии компонентов, в подчиненности поясняющего компонента, что выражается порядком слов (сначала поясняемый компонент, потом поясняющий) и интонационным выделением.

Поясняющие члены, находясь в постпозиции, дают дополнительные сведения о понятии, выраженном поясняемым членом. Заметим, что особенностью пояснения является то, что оно при исключении из предложения поясняемого члена выступает в той же синтаксической функции, что и поясняемый член. Поэтому пояснение не теряет связи и с тем членом, к которому относится поясняемый член. Иначе говоря, пояснение с одной стороны, подчиняется поясняемому члену, с другой стороны, как бы входит в предикативное или конкретизирующее отношение с тем членом, к которому непосредственно относится поясняемый член: *Барча халык, патша һәм диван халкы һаман да бу эшкә хәйран калалар (К. Насыйри).*

Такие особенности пояснения и поясняемого иногда дают повод считать их однородными членами, а связь между ними сочинительной связью. Но между поясняющим и поясняемым членами однородность не обнаруживается, так как они не выражают разных однородных понятий, а выражают одно поясненное, уточненное понятие. Заметим, что здесь особая разновидность подчинения, подчиненный компонент не складывается с подчиняющим, а как бы накладывается на него и благодаря этому уподобляется ему в синтаксических отношениях с другими компонентами предложения. Именно в этом и состоит специфика связи, которую мы называем аппликацией, как по сравнению с другими разновидностями подчинительной связи (присловная и неприсловная), так и по сравнению с сочинением.

Таким образом, поясняющий член входит в предложение через посредство поясняемого, которому он служит пояснителем.

В татарском языке, в отличие от русского, различаются не три, а два вида поясняющих членов: собственно пояснение и уточнение. «Собственно пояснением называется поясняющий член, семантика которого равнозначна семантике поясняемого члена. Уточнением называется поясняющий член, семантика которого уже, чем семантика поясняющего (уточняемого) члена» [3, 216]. Но, на наш взгляд, и в татарском языке нужно выделить третью разновидность поясняющих членов, называемых включением.

Пояснение и поясняемое представляются равнозначными, между ними находятся (или имеется возможность поставить) союз *ягъни* (то есть). Иногда этот союз может быть заменен союзным словом *икенче төрле әйткәндә* (по другому говоря), *башкача* (иначе), *башкача әйткәндә* (иначе говоря), *төгәлрәк* (точнее), *төгәлрәк әйткәндә* (точнее говоря). Пояснения при этом могут состоять из одного слова, но в большинстве случаев они выражаются словосочетаниями: *Аяклы тарих Ярми карт та килеп бераз утырып китте (Г. Ибраһимов); Аның кайгысын уртаклашты да, сүзне өзмәстән, туры совет башлыгы Шәңгәрәйгә борылды (Г. Ибраһимов).*

По способу выражения пояснения подразделяются на два основных вида: пояснение, выраженное именем существительным, и пояснение, выраженное остальными частями речи.

Пояснение, выраженное именем существительным, может и не согласоваться с поясняемым членом, а пояснение, выраженное другими частями речи всегда согласуется с поясняемым членом: *Дәшмәдем, тындым эчемнән, ягъни сер бирмим (Н. Исәнбәт); Мөселманнарның барлык революцион көчләре, ягъни менә сезнең кебекләр, безнең кебекләр, барыбыз да… бер максатка барабыз (И. Гази).*

Включение – это отношение общего и частного: второй член ряда называет то, что входит в состав первого. Оно оформляется: 1) словами, специально служащими для выражения отношений общего и частного: *мәсәлән* (например), *мисал өчен* (к примеру), *шул исәптән, шул җөмләдән* (в том числе), *аерым алганда* (в частности); 2) словами, имеющими выделительную функцию, такими, как *аеруча, бигрәк тә* (особенно), *беренче чиратта* (в первую очередь), *барыннан да элек, барыннан да бигрәк* (прежде всего), *башлыча* (главным образом), *хәтта* (даже): *Газинурның бу кыска җавабында, бигрәк тә акыллы күз карашында, теләк тә, кыюлык һәм ниндидер зирәклек тә бар иде (Г. Әпсәләмов); Кулаклар, икмәк яшереп һәм икмәк белән спекуляция ясап, илдә, аеруча үзәктә, икмәксезлек кыенлыгын көчәйттеләр (М. Җәлил); Тукайның …кайбер шигырьләрендә, аеруча прозасында, Гейнега иярү … күренгәли (Г. Нигъмәти).*

Уточнение имеет значение более узкое, чем значение уточняемого члена. Уточнение всегда согласуется с уточняемым и всегда обособляется: *Әйберләрне шул зур имән төбендә, күләгәдә, калдырдылар да, текә ярдан, ава-егыла, зур кыенлык белән түбәнгә, Яманкул төбенә … төштеләр (Г. Ибраһимов); Җәйгә чыккач, буш вакытын гел шунда үткәрде: бакчасын ташлан арындырды, алмагачларның төбен кабартты, ботакларын кисте, су сипте…(И. Гази).*

Таким образом, пояснение как функционально-синтаксический способ расширения структурной схемы предложения относится к схеме в целом через посредство поясняемого члена. Эта связь близка к полупредикации, но только формально, а на самом деле пояснение, в отличие от неё, распро-

страняющей главные компоненты структурной схемы, может распространять любые члены предложения.

Литература

1. Грамматика современного русского литературного языка.–М.: Наука, 1970.–767 с.
2. Русская грамматика. – М.: Изд-во АН СССР, 1980. – Т. II. – 604 с.
3. Татарская грамматика. – Казань, 1998. – Т.III. – 576 с.

© Зарипова И.Ф., 2013

Зарипова Э.Ф.
г. Октябрьский, Россия

О коммуникативной направленности обучения по курсу “иностранный язык”

В условиях стремительного развития международных связей, интеграции в мировое сообщество растет интерес студентов высших учебных заведений к изучению иностранных языков. Такие события. как предстоящие саммиты стран ШОС и БРИКС в столице нашей республики Уфе, еще больше активизируют желание обучающихся в вузах молодежи знакомиться с политическими реалиями этих стран, а соответственно углубленно изучать иностранные языки.

В связи с этим особое значение в курсе обучения иностранному языку приобретает коммуникативная направленность. На занятиях иностранного языка формируются умения практически пользоваться иностранным языком как средством общения. Такие умения развиваются, как правило, одновременно с овладением средствами иностранного языка – языковым материалом.

Коммуникативная система как модель предполагает наличие по крайней мере двух участников – передающего и принимающего информацию, язык как формальное устройство, чтобы анализировать и передавать информацию, речь - как процесс реализации языковой системы, канал общения как речевой канал.

При осмысливании информации о денотатах происходит усвоение языковых правил по речевому каналу. Если основное внимание фиксировать только на самих правилах, то ослабевает осмысливание речевой информации, при этом сам речевой процесс может нарушаться.

Речевой канал может функционировать при наличии ситуации речевой общения, однозначной идентификации денотатов общения, при отборе значений для новых денотатов, знакомых для обоих партнеров, при наличии достаточной мотивации общения.

Принципы тематического моделирования изучаемого языка и коммуникативного введения языка по речевому каналу общения являются основными в коммуникативном обучении.

С первых же занятий можно начать с общения со студентами на иностранном языке, используя тематические диалоги. В вопросно-ответном комплексе осуществляется семантизация новых слов.

Незнакомый материал целесообразно вводить поэтапно:

1) при выборе темы беседы следует учитывать уровень знаний учащихся;
2) заранее продумывать направление хода беседы;
3) составить список наиболее часто употребляемых моделей высказывания;
4) вводить соответствующие языковые средства для выражения мысли.

В процессе овладения языковым материалом преподаватель приучает учащихся самостоятельно выбирать те или иные языковые средства и использовать их в коммуникативных моделях.

Если учащиеся приобретут навыки творческого подхода к комбинированию материала, научатся самостоятельно включать его в новые сочетания слов, предложения и конкретные высказывания, то это позволит студентам активно применять иностранный язык в профессиональном и деловом общении.

Литература

1) Берман И.М. Методика обучения английскому языку в вузе. – М.: “Высшая школа”, 1970.
2) Мамлеева И.И. Педагогическое общение как средство развития личности студентов // Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология.- Уфа: УГАТУ, 2006.
3) Пассов Е.И Коммуникативные упражнения. Пособие для преподавателей. М., Л.: “Просвещение”, 1967.

© Зарипова Э.Ф., 2013

Зиганшина Г.Х.
г.Уфа, Россия

О приемах обучения лексике (на материале адъективной лексики, вербализующей концепт «характер человека»)

Овладевая родным языком, человек присваивает присущие этому языку способы членения и концептуализации мира. Каждый язык по-своему расчленяет многообразие окружающего мира, упаковывая свои представления о его объектах и отношениях в их языковых обозначениях. «В силу специфики языка в сознании его носителей возникает определенная языковая картина мира, сквозь призму которой человек видит мир» [8, 65]. Как спра-

ведливо отмечает Т.К. Цветкова – автор известного методического руководства для преподавателей английского языка, для преодоления внушаемого родным языком лингвоцентризма, искажающего реальность иностранного языка, «необходимо воспитать в учащихся в отношении этого языка, его культуры и народа-носителя динамическую позицию». Данное понятие заимствовано ею из психологии, использующей его для обозначения способности человека видеть одну и ту же ситуацию одновременно с разных позиций [13, 4]. Ценность данного подхода – в концентрации внимания на различиях между двумя языками и представлении их как двух разных картин мира с объяснением учащимся стоящих за ними особенностей культуры и национального менталитета их носителей. Здесь очень важно довести до сознания учащихся, что термин «языковая картина мира» – это не более чем метафора. Уместно в качестве пояснения дать трактовку В.А. Масловой, подчеркивающей, что в реальности специфические особенности национального языка не создают для носителей этого языка какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей. Создается «лишь специфическая окраска этого мира, обусловленная национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [8, 66]. Об актуальности воспитания у учащихся динамической позиции говорит и участившаяся ситуация демонстрации привязанности к родному языку, определенным образом связанная с «противодействием пресловутой глобализации» [3, 294].

В существующих условиях неязыкового вуза недостаточный объем учебных часов и начальный слабый уровень языковой подготовки у значительной части студенческого контингента безусловно ограничивают возможности обучения общению на иностранном языке на должном уровне. В данной ситуации вполне правомерен упор на применение рассматриваемого подхода. Практика объяснения и проработки материала с концентрацией внимания студентов на задачах осмысления различий между иноязычным и русским восприятием мира и способами его описания, понимания того, какими средствами для выражения мысли располагает иностранный язык, – важнейшее условие формирования адекватной модели иностранного языка и воспитания уважительного отношения к культуре его народа-носителя. Постоянно осуществляемая мобилизация студентов на работу в данном направлении также стимулирует их познавательную активность и вооружает правильными ориентирами для самостоятельной работы после завершения учебного курса.

Общеизвестное изречение, приписываемое императору Священной Римской империи – Карлу V: «Сколько языков ты знаешь – столько раз ты человек», – можно продолжить словами: «и столько орудий познания в распоряжении твоего интеллекта». Действительно, каждый естественный язык

как «представление представлений» говорящего на нем социума о мире и его фрагментах [14, 163] способен раскрыть какие-то новые грани в осмыслении казалось бы давно усвоенных понятий. Наглядным примером тому – понятие человеческого характера и специфика его представления в русском и английском языках. Возможность выбора данного фрагмента мира человека в качестве учебного объекта объясняется высокой степенью номинативной дробности отображающего его концепта, свидетельствующая о его значимости в русском и англо-американском мировидении. Нельзя не отметить и ту исключительную роль, которая отводится характеру в воспитательном процессе, развитии знаний о резервах и ресурсах человеческого развития и определении векторов личностного и духовного роста (Э. Эриксон, Э. Фромм, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов, Р.С. Немов и др.). Развернутая сеть языковых средств репрезентации концепта «характер» как важного аспекта характеризации человека представлена разделом «Характер» в «Функционально-когнитивном словаре русского языка» [11]. Вышеназванный раздел представляется наиболее полным и развернутым на сегодняшний день системным видением содержательного объема и структуры концепта «характер человека» в языковой картине мира носителей русского языка.

Опорной базой для отбора учебного материала, безусловно, должна стать адъективная лексика, играющая ведущую роль в описании характера человека. Именно она главным образом и объективирует характеризацию человека по чертам характера – базовым составляющим концепта «характер», конкретизирующим взаимосвязь характера как целостного образования и его частных проявлений [5, 1031]. Адъективные имена, описывающие качественную специфику характера и его динамические характеристики, в текстовом дискурсе чаще всего выступают в зависимой позиции от определяемых ими имен существительных. Однако и без опоры на них, существуя отдельно от своих носителей, они не утрачивают статуса признака, актуализируя в своих значениях всю сумму знаний о выделяемых признаках и качествах. Данные положения весьма существенны при выборе способа презентации выделяемого пласта английской лексики. В рамках статьи представляется возможным дать лишь самые общие рабочие ориентиры. Совершенно очевидно, что обучение адъективной лексике, вербализующей концепт «характер человека», не эффективно, если оно носит случайный, фрагментарный характер и осуществляется в отрыве от конкретных задач учебного курса. Объемы представляемой студентам лексики и степень сложности заданий для их активизации определяются общим уровнем языковой подготовки студенческой аудитории. Прежде, чем перейти к их характеристике, остановимся на возможных вариантах «вплетения» данной лексики в «живую ткань» учебных занятий.

Благодаря своей акустической форме она может успешно использоваться в отработке артикуляции: в рамках вводного коррективного курса и

при проведении фонетических зарядок, – а её частеречные характеристики могут служить хорошим учебным материалом для обсуждения способов образования степеней сравнения и структур сравнительного предложения. Своей содержательной стороной английские прилагательные, объективирующие черты характера, прекрасно укладываются в рамки обсуждения устных разговорных тем: “About Myself”, “My Family”, “My Friend”, “A Famous Scientist”, предполагающих описание характерологического облика представляемых лиц. Сильным студентам, а также в группах с углубленным изучением английского языка могут быть предложены темы для эссе и рефератов, связанные с проблематикой человеческого характера. Адъективы, номинирующие черты характера – удачное наполнение и для всевозможных творческих заданий: проведения ролевых игр (взятие интервью, собеседование при приеме на работу и др.), увлекательных викторин с разгадыванием имен актеров, литературных героев и других известных лиц по их чертам характера, «подарившим» им добрую или дурную славу. Интересное направление работы, осуществляемое в контексте межкультурной коммуникации – тема национального характера. Здесь возможно проведение ролевых игр, основанных на так называемой «культурной капсуле» с коротким описанием ситуаций или сценариев, подготовленных преподавателем или студентами для демонстрации различий и сходств в поведении в аналогичных ситуациях в различных культурах (прием гостей, завязывание знакомства и т.п.) [7, 69]. Задача студентов-зрителей прокомментировать обнаруживаемые у актеров черты национального характера, используя предъявленные им заранее листки с набором описывающих их прилагательных. Такие же листки, но уже с включением ряда наборов, описывающих различные национальности, с целью их быстрой и точной идентификации могут быть предъявлены студентам для организации конкурсных состязаний и разминок [10, 255]. Данная форма работы использовалась нами при проведении открытого урока со студентами психологического факультета, где были также продемонстрированы фрагменты из фильма Н. Михалкова «Жестокий романс» с последующей организацией обсуждения тайны загадочной русской души. Опорным текстовым материалом для набора необходимой адъективной лексики послужили фрагменты описания русского склада души американскими антропологами М. Мид, К. Клахона и др. [1, 56-57].

Ознакомление с английской адъективной лексикой, описывающей характер, желательно начинать с предъявления базовой, «ядерной» информации, без которой неизбежны ошибки, а дополнительные сведения о специфике её употребления давать постепенно в рамках обучения лексике и другим аспектам языка. Удачный с когнитивных позиций прием первичного представления базисного содержательного наполнения объективируемого ею концепта «характер» – рисунок дерева как «фигуры множества» (Декарт), наиболее полно отражающей способ существования в ментальном

пространстве такой многомерной сущности, как человеческий характер. Располагая в основании древесного ствола английские соответствия русского существительного «характер»: *character, disposition, nature, temper, temperament, personality*, – следует пояснить, что они дифференцируют различные сущностные характеристики данного феномена, и провести параллель с концептуальным содержанием их русского коррелята *характер*. Ценным справочным источником для преподавателя может стать словарная статья «Характер» в «Русско-английском объяснительном словаре» С.С. Хидекель и М.Р. Кауль, В ней предоставлен богатый иллюстративный материал с толкованиями значений английских соответствий русского субстантива *характер*, структурирующих ядро концепта в английском языковом сознании, с включением типовых примеров их сочетаемости с прилагательными. Широкая вариативность английских субстантивов (словарная статья не дает их полного набора) в сопоставлении с их русским коррелятом свидетельствует о высокой амплитуде колебаний по степени номинативной расчлененности отображаемой ими ментальной сущности в русской и английской языковых картинах мира [12]. В группах студентов со слабым уровнем языковой подготовки достаточно ограничиться акцентированием внимания на различиях в значениях, а значит, и употреблениях русского *характер* и традиционно ассоциируемого с ним как эквивалент английского *character*. Отсутствие их семантической тождественности можно в самых общих чертах аргументировать как отличительной спецификой значения *character* (подразумевает оценку характера с точки зрения моральных норм) [11, 449], так и демонстрацией возможных искажений в переводе адъективных сочетаний с *character,* объясняемых переносом основного значения русской лексемы *характер* на данный английский коррелят. Желательно это делать на простых примерах их сочетаемости. См., например: *bad character – плохой характер* (вместо требуемого *темная личность*), *(one's) true character – настоящий характер* (вместо *истинного лица*), *a person of good character – человек с хорошим характером* (вместо *человек с хорошей репутацией*), *a strange character – странный характер* (вместо *странный тип*) и др.

Общее представление о сложной разветвленной сети сочетаемости ключевых английских имен феномена характера с прилагательными, номинирующими черты характера, выступающими в данных сочетаниях как кардинальные характеристики их носителей, можно дать на базе подстановочных упражнений (Choose the correct noun) и заданий с введением перевода (Match the English word combinations with the Russian equivalents) с предъявлением русско-английских словарных статей сочетаемости. Главная цель таких заданий – показать избирательность английских единиц номинации черт характера в выборе определяемого ими существительного, конкретизирующего тот или иной аспект проявлений характера. Как показывает практика, типовая ошибка студентов заключается в переносе в английский язык

внушаемой родным русским языком сочетаемости определенных единиц номинации черт характера с лексемой *характер*. В результате английское *character* появляется там, где это недопустимо в соответствии с предписываемыми ему правилами сочетаемости с адъективными именами черт характера в английском языке, искажая привычные для английского языкового сознания способы структурирования данного фрагмента мира человека.

Если древесный ствол в нашем идеографическом представлении – это английские соответствия русского слова *характер* и их типовые комбинации с прилагательными, то близлежащие к основанию ствола ветви – наиболее объемные и значимые для обыденного сознания тематические группы адъективной лексики. Эти ветви – воля, отношение к жизни, отношения между людьми, отношение к себе и другим, моральные качества. Выше располагаются ветви эмоциональных, поведенческих и интеллектуальных характеристик, а также отношения к труду. (Остальные тематические группы могут быть представлены позже как дополнение). Выбор приемов их семантизации во многом зависит от их понятийного содержания. Например, многие прилагательные из обозначенных групп прекрасно «ложатся» на рисунок – театральную маску или ситуативную картинку, не требуя перевода на русский язык. Таковы – *happy/unhappy, optimistic/pessimistic, calm/naughty, confident/shy, polite/rude* и др. (Для большей наглядности и лучшего запоминания рисунки можно располагать в контрастных парах). Разумеется, принцип наглядности – далеко не единственный среди приемов введения рассматриваемой адъективной лексики. Семантизация может осуществляться различными способами: на основе контекста, способом толкования на английском и на русском языках, способом соотнесения словарных статей в русско-английском и англо-русском словарях, с использованием языковой догадки (словообразовательные элементы, интернациональные слова) и многими другими способами.

На уровне тренировочных и тестовых упражнений для активизации рассматриваемой адъективной лексики в процессе работы со словарем, письменными и устными текстовыми фрагментами и лексическими упражнениями предпочтение отдается заданиям с использованием различных мыслительных операций. Ценными источниками идей могут стать варианты заданий, представленных в практических пособиях Я.М. Колкера и Г.В. Бочаровой [6], [2], а базой для набора аутентичного иллюстративного материала – учебное пособие В.В. Голованёва и англо-русский синонимический словарь прилагательных И.Е. Митиной [4], [9].

Следует подчеркнуть особое место, отводимое обучению понимания синонимических и антонимических отношений на основе рассматриваемой лексики. Единицы номинации черт характера, находясь на высшей ступени категоризации, когда признак мыслится отвлеченно от его носителя, обладают развернутой сетью синонимических и антонимических отношений.

Именно здесь наиболее отчетливо проступает специфика дифференциации мира человеческого характера в русском и английском языковом сознании. Безусловно, выбор эффективных лексических заданий для студентов потребует от преподавателя определенный уровень мастерства.

В заключение следует отметить, что описание богатейшего арсенала возможных методических приемов обучения адъективной лексике, вербализующей концепт «характер человека», обусловленного многогранностью данного концепта, может стать актуальной темой для разработки методического пособия.

Литература

1. Агабекян И.П., Коваленко П.И., Кудряшова Ю.А. Английский язык для психологов : учеб.пособие. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 272 с.
2. Бочарова Г.В., М.Г. Степанова. Psychology. Tests. Психология. – М.: Флинта: МПСИ, 2006. – 160 с.
3. Бреслав И.С. Мозг – Речь – Языки человечества. – Хайфа: Gutenberg, 2013. – 399 с.
4. Голованёв В.В. Английский для психологов: учеб. пособие для студентов вузов. – Мн.: ТетраСистемс, 2005. – 192 с.
5. Кильдтбекова Т.А., Зиганшина Г.Х. Базисные содержательные характеристики концепта «характер человека» // Вестник Башкирского университета. – 2011. Т. 16. № 3 (I). – С. 1028-1032.
6. Колкер Я.М., Устинова Е.С., Еналиева Т.М. Практическая методика обучения иностранному языку: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. пед. учеб. завед. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 264 с.
7. Конышева А.В. Игровой метод в обучении иностранному языку. СПб.: КАРО, Мн. Изд-во «Четыре четверти», 2006. – 192 с.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология:Учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
9. Митина И.Е. Англо-русский синонимический словарь прилагательных. – СПб.: КАРО, 2003. – 448 с.
10. Садохин А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации: учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 271 с.
11. Функционально-когнитивный словарь русского языка (Языковая картина мира) / Под общей редакцией Т.А. Кильдибековой. СПб.: Политехника-сервис, 2011. – С. 544-590.
12. Хидекель С.С., Кауль М.Р. Русско-английский объяснительный словарь: словарь русско-английских соответствий. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. – С. 447-450.
13. Цветкова Т.К. Как преподавать английский язык. Книга для преподавателя: метод. пособие. – М..: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 96 с.
14. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М., 1997. – 320 с.

© Зиганшина Г.Х., 2013

Зиятдинова Е.В., Сулейманова А.К.
г. Уфа, Россия

Проектная деятельность в формировании коммуникативных компетенций

Вхождение России в единое европейское пространство предполагает ее конкурентоспособное участие в глобальном рынке труда, возможность профессиональной самореализации интеллектуальной элиты российской молодежи и за пределами нашей страны, что предъявляет определенные требования к качеству и характеру подготовки специалистов. Соответственно этой задаче развитие российской системы образования в настоящее время ориентируется на формирование у студентов высших учебных заведений таких социальных качеств, как компетенция, самостоятельность, независимость, способность к саморегуляции, рефлексии, коммуникации, выступающих в качестве системообразующего начала профессиональной компетентности специалиста.

Смена содержания и форм социальных отношений, широкий информационный и культурный обмен приводят к интенсивному поиску новых, субъектно-ориентированных технологий межличностного взаимодействия в образовательном пространстве. Эффективность решения многих задач, по мнению ученых, зависит не только от индивидуальных качеств личности, но и от ее умений включиться в совместную деятельность на уровне сотрудничества, партнерства, от уровня сформированности коммуникативных компетенций.

Интерес к проблеме развития коммуникативных компетенций обусловлен многими факторами.

Во-первых, динамично расширяется коммуникативное пространство, что не может не сказаться на образовательном процессе: в него вовлекаются различные представители социума, выполняющие разные социальные роли и функции.

Во-вторых, существенные изменения содержания и форм социальных отношений влекут за собой ломку и перестройку прежних стереотипов сотрудничества, партнерства, вызывают социальную напряженность, которая, в свою очередь, создает почву для появления различного рода противоречий, конфликтов.

В-третьих, проблеме формирования коммуникативных компетенций уделяется внимание в Концепции Федеральных Государственных Образовательных Стандартов общего образования, где подчеркивается, что важное место в содержании образования должны занять коммуникативность, межкультурное взаимопонимание, готовность к сотрудничеству, развитие способности к созидательной деятельности, толерантность, терпимость к чужому мнению, умение вести диалог, искать и находить содержательные ком-

промиссы, на основании чего коммуникативные компетенции относятся к наиболее значимым для «подготовки к последующему профессиональному образованию или профессиональной деятельности» и являются фундаментом для формирования других видов компетенций.

Изучение теории и практики формирования коммуникативных компетенций показывает, что отсутствие их сформированности приводит к отсутствию у индивида в социальной практике необходимых для адаптации к жизни коммуникативных качеств. В содержание коммуникативной компетенции включаются умения и навыки работы в коллективе (в команде), владение различными социальными ролями, готовность и способность к сотрудничеству, эффективному взаимодействию, толерантность. Анализируя различные аспекты коммуникативных компетенций, исследователи рассматривают разнообразные пути формирования коммуникативных компетенций.

Логика деятельностного подхода, нашедшего отражение в Концепции Федеральных Государственных Образовательных Стандартов общего образования, к формированию коммуникативных компетенций и содержание коммуникативных компетенций позволяет отнести проектную деятельность к наиболее эффективным при формировании коммуникативных компетенций, так как проектная деятельность создает условия для приобретения опыта реализации коммуникативных компетенций, рефлексии и корректировки коммуникативной деятельности учащихся, обеспечивает «приобретение навыков в самостоятельном освоении содержания и методов избранных областей знаний и / или видов деятельности, или самостоятельном применении приобретенных знаний и способов действий при решении практических задач».

Проектная деятельность представляет собой способ организации учебного процесса, ориентированный на развитие коммуникативных компетенций учащегося, творческую самореализацию его личности, развитие интеллектуальных возможностей, волевых качеств и творческих способностей в процессе выполнения творческих проектов, которые являются средством интеграции, дифференциации и гуманизации образования. Проектная деятельность позволяет сформировать эффективную учебную группу, отличительными чертами которой являются: а) создание позитивной взаимозависимости; б) обеспечение индивидуальной оценки результатов обучения; в) максимизация непосредственного взаимодействия учащихся; г) целенаправленное обучение навыкам совместной деятельности, этикету кооперации и их обязательное использование; д) систематическая процедура рефлексии хода учебной работы; е) сознательное использование эффективных структур взаимодействия учащихся.

Результатом внедрения проектной деятельности в учебный процесс можно считать: а) возможность изменения мотивации учебной деятельно-

сти, формирующей ее положительную направленность, побуждение к более осознанному изучению основ наук; б) возможность активного овладения школьниками основами коммуникации и рефлексии, самостоятельного приобретения новых знаний и умений, интеграции и использования их в практической деятельности для разрешения реальных проблем; в) возможность организации совместной деятельности на основе схемы сложной коммуникации, позволяющей обеспечить систематический необходимый и достаточный тренинг коммуникативных действий в соответствии с коммуникативной ролью и формирование коммуникативных компетенций; г) возможность выделить учебное содержание для поэтапного формирования коммуникативных компетенций и на этой основе разработать проектные задания, распределенные по уровню сложности и новизны.

Использование разнообразных форм проектной деятельности позволит воспитать креативную личность, способную повысить интеллектуальный потенциал страны. Современное российское общество нуждается в высокообразованных, инициативных предприимчивых молодых людях. Выпускники вуза должны быть готовы к новым общественным отношениям, социально защищены, нравственно стойки и подготовлены к встрече с трудностями в условиях жесткой конкуренции на рынке труда. И главное, выпускники должны быть способны к саморазвитию, к непрерывному самосовершенствованию.

© Зиятдинова Е.В., Сулейманова А.К., 2013

Ибрагимова В. Л.
г.Уфа, Россия

Защитим ли Человечность в человеке? (О гуманистической миссии языка)

Современное общественное сознание всё более склоняется к пониманию того, что сегодня мир переживает некий кризис гуманизма идуховности, который проявляет себя во многих областях: в культуре, в образовании, в межчеловеческих, межэтнических и межгосударственных отношениях. Одну из причин этого явления можно усмотреть в происходящих в разных регионах мира перестроечных процессах с по-видимому неизбежными перекосами в их течении. Многие усматривают истоки кризиса духовности, а также в целом гуманизма в успехах научно-технической революции, которая позволила значительно изменить границы человеческого мира: человек в своём практическом, чувственном опыте и в теоретическом обобщении этого опыта вышел за пределы соразмерного его природе земного бытия, значительно расширил границы своих природных возможностей, а также границы пространства и времени. Это даёт основание говорить о переходе человека в определённом

отношении в «постчеловеческое» состояние, при котором и сама цивилизация становится человеко-машинной [см. например Кутырёв], развивается диспропорция между человеческим и машинным факторами бытия в пользу последнего. «Механизация мира оказывается стадией опаснейшего перенапряжения», – отмечал ещё в предвоенный период немецкий философ О. Шпенглер. «Властелин мира сделался рабом машины. Она принуждает его, нас, причём всех без исключения, ведаем мы об этом или нет, хотим или нет, идти по проложенному пути. Взбесившаяся упряжь влечёт низвергнутого победителя к смерти» [Шпенглер, с. 487; 486]. Угроза надвигающегося «расчеловечивания» человека усугубляется ещё и тем, что современное общественное сознание недоучитывает важность сохранения примата человеческого фактора, следствием чего является нарастание дегуманизации человека и общества, деформация человеческой личности. Д.И. Дубровский указывает на мировоззренческую неопределённость современного человека, чувство неукоренённости в бытии. Такое развитие цивилизации ведёт к «самоубийству разума», к «обвалу в первобытность» [Смирнов]. Нельзя не отметить здесь становящуюся всё более реальной угрозу экологического кризиса. «Средний человек не осознал серьёзность угрозы, но события будут подталкивать его и заставят понять, что необходимо совершенное изменение цивилизации…» [Померанц, с. 555]. (Правда, некоторые учёные смотрят на происходящее более оптимистично и оценивают складывающееся положение вещей в сфере общественного сознания как результат естественных цивилизационных процессов, как отражение и следствие «не осознанного ещё в полной мере процесса перехода человечества» из эры технократической в новую эру всеобщей одухотворённой цивилизации, эру становления ноосферы [Кабатченко].)

В качестве важнейшего фактора компенсации издержек научно-технической революции, надвигающегося экологического кризиса, становящихся всё более заметными негативных процессов в области социальной жизни, кризисного состояния общественного сознания рассматривается гуманизация общества и личности, направленная на защиту, сохранение и повышение гуманитарной культуры. Велика здесь собственно культуроохранительная и культуросозидательная роль человеческих устремлений. Задачи гуманизации жизни вполне успешно могут решаться на путях гуманитаризации образования и воспитания. Одну из причин наблюдающихся сегодня признаков духовного обнищания человека, девальвации нравственных и эстетических ценностей, утраты культурно-исторической памяти можно видеть во всё усиливающемся дефиците гуманитарного образования. Как отмечает Ю.Н. Афанасьев, «именно в переходный период, когда многое не ясно и требует осмысления», гуманитарии – историки, философы, филологи, искусствоведы – должны играть гораздо большую роль [Афанасьев]. «...только с помощью гуманитарных наук, гуманитарного образования мож-

но постичь суть прошлого и настоящего, увидеть будущее. Без этого рассчитывать на то, что мы станем цивилизованными и построим правовое государство, просто наивно» [там же]. Любая дисциплина негуманитарного содержания, особенно изучаемая в педагогических вузах и в школе, способна содержать в себе гуманитарный подход. Более того: гуманитарный подход к вопросам образования должен быть возведён на уровень методологического принципа современной науки, образования и воспитания. Базовыми предпосылками должны стать здесь не только осознание, но и философское осмысление личностью и обществом самой социальной и духовной сущности человека, его гуманистической природы, его места и роли в современном мире, а также – в связи с этим – понимание необходимости сохранения динамического равновесия между «человеческим» и «машинным» факторами современной действительности как одного из важнейших условий сохранения человеком своей гуманистической природы, а значит и самого его выживания.

Думается, что важнейшим фактором гуманизации мира через образование способно стать более широкое и глубокое внедрение в образовательную сферу предметов языковедческого цикла. Совершенно особые возможности языкознания вытекают из самой уникальной природы языка. Необходимо помнить: «В начале было Слово». Справедливо отмечено И. Буниным: «Молчат гробницы, мумии и кости, Лишь слову жизнь дана». «С Словом обретали человечность стада наших пращуров косматых», – писала в известном всем филологам нашего факультета стихотворении видный историк языка профессор Ю.П. Чумакова. Место слова, языка – в одном ряду с памятниками культуры и искусства. В.А. Звегинцев отмечает: «До сих пор не нашёл должной оценки тот факт, что вся индивидуальная и социальная жизнь человека проходит в языковой среде и что человек думает, чувствует, решает свои проблемы, творит, работает, будучи погружённым в язык, и язык пронизывает все области деятельности человека, властно вторгаясь в них» [Звегинцев, с. 44]. Поэтому сам человек отражается в языке и в языковых произведениях как чувствующая, мыслящая, творческая, развивающаяся личность, наделённая определёнными нравственно-этическими качествами, исторически конкретным правосознанием. Здесь находят отражение и отношения человека с реалиями окружающего мира. Поэтому человек – это всегда языковая личность. В языке и через посредство языка человек узнаёт не только внеязыковой мир действительности вместе с существующими в нём связями, но и самого себя как часть этого мира. Изучение языка в значительной мере компенсирует ту диспропорцию, которая существует между «внешними» и «внутренними» знаниями, тем самым способствуя развитию человека как гармонической личности.

Язык возник на заре человечества – исторически одновременно с человеком – из насущной потребности в общении, в обмене индивидуальным

и социальным опытом. В его категориях и единицах фиксируются, аккумулируются и хранятся результаты познания мира. Будучи носителем исторической и культурной памяти человечества, он развивается и совершенствуется вместе с самим человеком и представляет собой одно из высших достижений человеческого духа, величайшее культурно-историческое приобретение человечества. Это обстоятельство обусловливает ведущие функции языка – коммуникативную и когнитивную, которым подчинены все остальные его функции. Они развиваются вместе с языком в процессе познания самой развивающейся действительности. Язык связывает людей и их сообщества, разделённые не только пространством, но и временем, тем самым способствуя интеграции человечества в рамках единой земной цивилизации. Он специфическим образом аккумулирует в себе все человеческие знания о мире, весь социальный опыт человечества, отражая своим содержанием и закрепляя в материальных формах результаты познания мира в любой его области. Язык не просто отражает мир: в нём находит отражение и конкретное национально-культурное преломление свойство его системности, существующее как объективная данность, не зависящая от языка и от познающего субъекта. Поэтому сам язык также обладает всепроникающим и всеохватывающим свойством системности и целостности, которое присуще языку и в силу объективного характера его собственного бытия. Общелингвистические знания могли бы стать одним из универсальных путей формирования естественнонаучного мировоззрения, поскольку они позволяют оперировать доступным каждому человеку уже с детства языковым материалом. Средствами языка осуществляется категоризация мира, концептуализация знаний о нём, что способствует формированию базы для дальнейшего познания и освоения действительности: эти средства выступают в качестве важнейшего инструмента познания мира внеязыковой действительности. Между тем становится всё более очевидной недостаточность внимания к лингвистическому компоненту образования. Важно учитывать, что лингвистическое образование не может ограничиваться лишь ролью освоения материи и техники языка и даже воспитанием языковой и коммуникативной компетенции личности. Бесспорно, что собственно языковая и коммуникативная компетенция являются важными факторами гуманизации личности и общества, а воспитание научно-лингвистического взгляда на язык способно служить углублению и совершенствованию этих компетенций. Решению задач интегрированного гуманитарного образования с успехом мог бы служить поворот к изучению основ общей лингвистики как науки о сущностной природе языка, глубокая интериоризация понимания языка как специфического явления общечеловеческого масштаба. Лингвистика даёт возможность отойти от наивного образа мира, демонстрировать его диалектическое всеединство и целостность на доступном для всех уровне языка, который в основных чертах своей целостности и дискретности не только отражает этот мир, но и порождает особый вид

знания – языковое знание. В категориально-понятийный аппарат современного языкознания в качестве узловых входят такие общедоступные научные понятия, как единица, отношение, система, структура, значение, форма, выражение, функция, знак и т.п., использование которых в познавательном процессе позволяет сделать языковую картину мира и сам отражённый в ней мир действительности более прозрачным, обозримым, структурно целостным для познающего ума. Обладая в силу своей антропосущности такими свойствами, как выразительность, оценочность, интенциональность и т.п., язык способен так или иначе отразить бесконечную мерность целостности и всеединства мира. Тем самым язык способствует построению целостного интегрированного знания о мире. Это ещё один аргумент в пользу понимания того, что наука о языке должна обладать особым статусом не только в системе знания вообще, но и во всеобщем культурно-историческом процессе (на это обращает внимание например В.И. Постовалова) [Постовалова]. Без лингвистического компонента знания современного человека не могут иметь фундаментального характера. Нам кажется, что это обстоятельство ещё не получило достаточного понимания и отражения в современной образовательной практике.

Что касается русского языка, этого «как бы «заместителя» русской культуры» [Лихачёв, с. 284], то его роль ещё раз была отмечена в рекомендациях, выдвинутых участниками круглого стола Комитета Государственной Думы по образованию, Комитета Государственной Думы по делам СНГ и связям с соотечественниками совместно с Фондом «Русский мир» по теме «Законодательное обеспечение развития русского языка в современном информационном пространстве» от 6 июня 2013 года. Здесь подчёркивается следующее: «Русский язык является культурно-исторической основой Российского государства и национального самосознания, выразителем смыслов,ценностей и цивилизационных достижений всего Русского мира» [Законодательное обеспечение, с. 37]. Констатируется, что распад СССР «нанёс серьёзный удар по позициям русского языка»: значительно сократилось число его носителей, он «стремительно терял свои позиции в мире на протяжении двадцати лет». В документе обращается внимание на то, что в последнее десятилетие принят ряд мер и программ по распространению и поддержке русского языка в России и за рубежом (здесь перечислено более 10 законов, концепций, программ). Вместе с тем вызывает озабоченность состояние речевой культуры общества, уровень грамотности, качество обучения русскому языку. Указывается и на другие трудности, которые переживает русский язык внутри страны и за его пределами, а также на уже проявляющие себя последствия непоследовательности в реализации политики государства в области русского языка. Подчёркивается необходимость серьёзной коррекции «общих подходов к оценке роли и значения языка в целом, пропаганде лучших традиций отечественного языка, литературы и профессиональных видов словесности», воспитания уважения к родному языку и к стране в це-

лом. Развивая отмеченные аспекты проблемы и дальше, участники «круглого стола» выносят конкретно сформулированные рекомендации в адрес Президента Российской Федерации, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Министерства образования и науки Российской Федерации.

Трудно не согласиться с утверждением Г. Померанца: «Опыт нашей страны показывает, что все привычки могут быть расшатаны за исторически короткий срок, за несколько десятков лет. Говорят, что духовный кризис захватил только меньшинство, масса сравнительно слабо им затронута. Но маленькая трещина в кристалле может быть началом его гибели – если развитие трещины не будет остановлено» [Померанц, с. 555].

Литература

1. Афанасьев Ю.Н. У нашей власти – гены Золотой Орды. – Труд 7. – 31.10.1997 г.
2. Вестник образования России. – Август 2013 г. 16.
3. Звегинцев В.А. Лингвистика в системе наук и исследовательских методов // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. –М., 1977.
4. Кабатченко М.В. Содержание образования в период становления ноосферы. Материалы летней сессии Академии педагогических и социальных наук отделения «Педагогика единого и целостного мира». –Москва – Самара, 1998.
5. Кутырёв В.А. Проблема выживания человека в «постчеловеческом» мире // Человек в системе наук. –М., 1989.
6. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность от теории словесности к структуре текста. Антология. – М. – 1977.
7. Померанц Г. Выход из транса. – М., 1995.
8. Постовалова В.И. Наука о языке в свете идеала цельного знания // Язык и наука конца 20 века. Сб. статей под ред. Ю.С. Степанова. – М., 1995.
9. Смирнов К.Н. Красота спасёт мир, если мир спасёт красоту // Большая рериховская библиотека. Знамя мира. – М., 1995.
10. Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век. Антология. – М., 1995.
11. Чумакова Ю.П. Слово // Мудрые поэзии страницы. – Уфа, 2010.

© Ибрагимова В.Л., 2013

Ичкинеева Д.А.
г.Уфа, Россия

Семантическое картирование текста как инструмент исследования механизмов компрессии информации

Проблемное поле, связанное с извлечением, переработкой и хранением информации является объектом исследования как когнитивной и прикладной лингвистики, так и теории информации. Тем не менее вопросы, связанные с выявлением механизмов распределения содержательно-

фактуальной и имплицитной информации в тексте, инструментов компрессии текста в зависимости от содержания информации, остаются недостаточно изученными, что определяет актуальность проблемы для лингвистики.

А.И. Новиков выделяет такое свойство текста, как компрессионность, отмечая при этом, что она «базируется на понимании текста – важнейшем процессе, характеризующем текст с процессуальной стороны. Но процесс сам по себе не существует: он на что-то направлен и имеет какой-то свой вещественный результат. Поэтому чрезвычайно важно учитывать здесь и то, в виде каких структур, каких ментальных образований фиксируется понимание – как на различных этапах протекания этого процесса, так и в конечном его результате» [2, 29]. Полагаем, что проследить механизмы понимания текста можно при помощи исследовательской программы, основанной на экспериментальном подходе к сбору данных, позволяющем выявить особенности компрессии информации в тексте языковой личностью.

Сбор экспериментальных данных осуществляется в процессе семантического картирования текста. В ходе психолингвистического эксперимента перед информантами ставились *задачи*: 1) прочитать текст, определить его тему; 2) выделить микротемы текста и назвать их; 3) к каждой микротеме выписать слова, представляющие ее в тексте; 4) подчеркнуть в тексте слова, наиболее значимые для его понимания (ключевые слова). Количество групп и слов в группах полагалось произвольным. *Время* проведения эксперимента не ограничивалось.

Таким образом, информанты-филологи работали с текстом, предложенным исследователем, определяя в нем тему и микротемы, каждая из которых затем выступала наименованием лексико-семантической группы составляющих ее лексем. То есть после того, как информант выделил микротемы, производилось распределение слов данного текста по найденным группам (количество слов, которые реципиент использует в данном процессе, произвольно). Реакции, полученные в результате проведения эксперимента, рассматривались в качестве интерпретации текста. Реципиенты в ходе эксперимента включались в «аналитическую исследовательскую деятельность, направленную на структурирование содержательно-смыслового пространства текста» [1]. Выполняя задания эксперимента, они выстраивают определенную иерархию семантического пространства текста, соотнося микротемы с темой (высший уровень), другими микротемами (средний уровень) и составляющими эту микротему словами (поверхностный уровень). Таким образом, в каждой реакции содержится сформулированная информантом тема текста и список микротем (названия микротем также формулируются информантами). Каждая из микротем представляет собой принцип объединения лексико-семантической группы.

Следовательно, основу метода семантического картирования текста составляет деятельностная модель тематического анализа текста, соотнося-

щая тему, микротемы текста и словоформы, репрезентирующие в тексте семантические единицы большей размерности (микротемы). Микротема в данном случае является способом порционирования информации языковой личностью в процессе понимания текста и может быть рассмотрена в качестве способа компрессии информации в тексте, т.к. информанты вынуждены формулировать название микротем, и, следовательно, находить способы представления информации в сжатом виде. В то же время микротема может рассматриваться в качестве реализации тематического поля текста.

Кроме того, данный эксперимент позволяет проследить распределение тематических полей относительно элементов физического пространства текста (предложений, абзацев и т.д.), т.е. выявить оптимальное соотношение между размером и количеством данных параметром и объёмом воспринимаемой информации, а также проследить распределение тематических полей в тексте.

Локализацию тематических полей текста предполагается проводить с использованием информационной системы Semograf, алгоритм работы которой включает составление семантической карты текста, т.е. установление меры семантической связности единиц текста (лексем текста). Семантическая карта представляет собой таблицу, в которой столбец и строку занимают лексемы исследуемого текста. В ячейке, находящейся на пересечении строки и столбца отмечается количественный показатель силы семантической связи между данными лексемами в изучаемом тексте. Данный алгоритм локализации тематических полей текста позволяет рассматривать анализ текста в аспекте экспертного (информанты выделяют тематические поля в текстах по своей специальности) и автоматизированного анализа.

Анализ распределения тематических полей относительно единиц физического пространства текста осуществлялся при помощи программного средства «Автоматизированный анализ смысловой структуры текста». Данное программное средство позволяет при помощи созданной системы полей идентифицировать смысловые поля в любом отрывке текста. Система полей создается с помощью частотного анализа (реализуемого в информационной система Semograf) с дальнейшим экспертным распределением лексем текста по полям. При помощи программы «Автоматизированный анализ смысловой структуры текста» можно определить качественно-количественное распределение семантических полей в определённом фрагменте текста, то есть качественное и количественное семантическое наполнение каждого абзаца. Программа осуществляет анализ с помощью исходного текста, представленного в виде текстового документа, и базы данных, представленной Excel-таблицами (базы данных состоят из фиксированного количества смысловых полей, в которые отнесены слова исследуемого текста). В процессе анализа осуществляются следующие действия:1) исходный текст сегментируется на фрагменты определенного размера. Размер фрагментов текста определяется

в словах. Количество слов задает сам исследователь, то есть сегментация текста на участки происходит после того, как исследователь определил размер сегментируемого фрагмента. В нашем случае текст сегментируется на абзацы (соблюдается авторское членение); 2) на выделенных участках устанавливается наличие всех смысловых полей текста (программа последовательно перебирает и сверяет с базой данных слова каждого участка текста); 3) промежуточные представления наглядно преобразуются в виде таблицы. Далее программа сверяет с системой полей следующее слово. Таким образом, программа перебирает все слова выделенного фрагмента текста и выводит данные, позволяющие установить состав полей этого абзаца.

Соотнесение методики распределения полей и результатов семантического картирования является сопоставлением авторского распределения тематических полей и результатов компрессии текста информантами. Подобный алгоритм исследования позволяет выявить механизмы свертки информации в процессе тематического анализа текста, т.е. сопоставить авторский текст с текстом, полученным в результате его компрессии.

Исследование выполнялось при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-34-01087– а1).

Литература

1. Белоусов, К. И. Семантическая организация текста и его восприятие в аспекте моделирования / К. И. Белоусов // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2005. – № 8. – С. 120-129.

2. Новиков, А. И. Текст и его смысловые доминанты /Под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. - М.: Институт языкознания РАН, 2007 - 224с.

© Ичкинеева Д.А., 2013

Ишимбаева Г.Г.
г. Уфа, Россия

Данте как объект художественной рецепции в романе Д. Брауна «Инферно»

Массовая литература, как известно, активно эксплуатирует темы, образы, проблематику и – шире – приемы классической литературы. Наиболее ярким примером подобной адаптации является роман американского писателя, журналиста и музыканта, специалиста по истории искусств Дэна Брауна «Инферно» (2013), объектом художественной рецепции которого стал Данте и его «Божественная комедия».

Уже название романа отсылает к шедевру Данте – к первой части «Божественной комедии» «Ад» (итал.: «Инферно»), где изображена преисподняя и тени грешников. Браун создает свою версию ада, ожидающего человечество, которое погрязло в грехах. В истории современного инферно должен разобраться и разберется любимый герой писателя почтенный гума-

нитарий, профессор Гарвардского университета, преподаватель истории искусств и религиозной символогии Роберт Лэнгдон (ему посвящены три предыдущих романа Брауна – «Ангелы и демоны», 2000, «Код да Винчи», 2003, «Утраченный символ», 2009).

Неожиданно попадая во Флоренцию, Лэнгдон оказывается втянутым в разгадку тайны, зашифрованной Данте в «Божественной комедии» и грозящей гибелью всему человечеству. То есть Данте и его произведение являются сюжетообразующим началом текста Брауна, недаром эпиграфом стали слова Данте: «Самое жаркое место в аду предназначено тем, кто в пору морального кризиса сохраняет нейтральность» [1, 6], недаром в оформлении обложки романа использован портрет великого итальянского поэта рубежа XIII–XIV вв.

«Дантовское» начало обусловливает и жанровую специфику романа, принадлежащего к арт-детективам: здесь расследуется преступление, связанное с миром искусства. Эта связь мотивируется тем, что антагонисты, сумасшедший гений Бертран Зобрист и Роберт Лэнгдон, – знатоки Данте, и если первый загадывает шараду, основываясь на тексте «Божественной комедии», то второй, используя тот же текст, ее разгадывает. В сферу дантовской расшифровки попадают многочисленные архитектурные памятники Флоренции, Венеции и Стамбула, живописные полотна (прежде всего «Карта ада» С. Боттичелли, эта художественная иллюстрация поэмы Данте) и «Данте-симфония» Ф. Листа. Браун вводит в текст романа цитаты из «Божественной комедии», сведения о жизни Данте, историю его посмертной маски.

С Данте связана и основная проблематика романа, посвященная трансгуманизму. Слово, впервые употребленное Данте в «Божественной комедии», в XX столетии стало означать философское движение, которое выступает за фундаментальные изменения и совершенствование человека с помощью передовых технологий научно-технического прогресса. Один из наиболее ярких трансгуманистов конца прошлого века – американец иранского происхождения Ферейдун Эсфандиар, писатель и преподаватель футуристической философии Калифорнийского университета (его имя упомянуто в романе Брауна). Современные трансгуманисты делают ставку на нано-, био- и информационные технологии, разработку искусственного интеллекта, загрузку сознания в память компьютера, крионику.

Браун обращается к морально-этической стороне проблем трансгуманизма, ставящего своей целью создание постчеловека, и в этом смысле смыкается с американским философом, политологом, политэкономистом и писателем японского происхождения Фрэнсисом Фукуямой, назвавшего трансгуманизм самой опасной в мире идеей.

Критика программы трансгуманизма в романе «Инферно» дается точечно и связана с изображением генной инженерии. Ее представитель Бертран Зобрист в своей внутренней эволюции от идей трансгуманизма пришел

к мальтузианству и стал разделять мнение английского священника и ученого, демографа и экономиста Томаса Мальтуса (1766–1834), считавшего, что неконтролируемый рост народонаселения приведет к голоду на Земле.

В своих первых работах Зобрист занят проектами по улучшению рода человеческого в духе евгеники с поправкой на эпоху, но постепенно он приходит к мысли, что перенаселение планеты мешает процессу эволюции, а отсюда – к идее радикального изменения сути ВОЗ, Всемирной Организации Здравоохранения, которая, по его мнению, должна заботиться о борьбе не с болезнями, а с ростом численности живущих людей. Идеолог Зобрист в качестве мощного аргумента в пользу своей концепции приводит исторические данные, рассматривая чуму Средневековья, проредившую население Европы на треть, как событие планетарного масштаба, подготовившее культурно-исторический перелом – эпоху Возрождения.

Не получив поддержки у главы ВОЗ Элизабет Сински, Зобрист создает вирус страшнее чумы – вирус бесплодия «Инферно», который за одну неделю поразил все человечество, изменив ДНК, модифицируя геном. В дальнейшем он будет передан всем поколениям, но проявится лишь у части людей, активизируясь случайным образом в одном случае из трех. Покончивший жизнь самоубийством гениальный генный инженер создал то, что считал современным катализатором мирового обновления.

На самом деле, как это формулирует влюбленная в него женщина Сиена Брукс, инферно открывает неимоверные возможности: «Вирусный вектор, распространяющийся воздушно-капельным путем, – это квантовый скачок, достижение, намного опережающее свое время. Бертран внезапно вывел нас из темноты веков генной инженерии и отправил прямиком в будущее. Он подарил человечеству доступ к процессу эволюции, предоставил ему возможность работать над своими видовыми свойствами … широкими мазками. И открыл этим ящик Пандоры. Бертран открыл ключ к изменению нашей природы… и если этот ключ попадет не в те руки – помоги нам, Господи» [1, 514].

Так в роман входят черты антиутопии – о романе Д. Оруэлла думает во время этого разговора с Сиеной Лэнгдон. Но, пожалуй, еще больше сходства в этой ситуации с неназванной антиутопией О. Хаксли «О, дивный, новый мир», где речь идет о своеобразной генной политике в отношении эмбрионов. Вспомним в этой связи, что старший брат Олдоса Хаксли, Джулиан Хаксли, биолог-эволюционист, создатель Синтетической теории эволюции, первым в XX в. стал использовать термин трансгуманизм в современном значении.

Антиутопичен и финал романа: никто не смог остановить Зобриста, инферно был выпущен на свободу и поразил человечество, Роберт Лэнгдон, хотя и расшифровал послание злодея и интеллектуально не сплоховал, несет в себе модифицированный ген, как и все прочие жители Земли. В свете этого

особым смыслом наполняется мелькнувшая деталь: в ходе расследования попавший в Венецию герой видит перед собой «стеклянный циферблат астрономических часов на колокольне собора Сан-Марко – тот самый циферблат, сквозь который Джеймс Бонд швыряет злодея в фильме “Лунный гонщик”» [1, 364].

Думается, Браун неслучайно упомянул победоносного агента Ее Величества 007, который, не зная поражений, снова и снова спасает мир от вселенских катастроф. Сказочности фабул, связанных с этим персонажем, который превратился в последних киноверсиях в героя комиксов, Браун противопоставляет серьезность проблем, с которыми сталкивается человечество. Именно поэтому в романе звучит тема сравнения открытия Зобриста с ядерным оружием. Фразу, которую произносит Зобрист: «Я – смерть», Сиена Брукс комментирует так: «Пожалуй, это будет почище чем “Я Вишну, разрушитель миров”», а автор-повествователь добавляет: «Это были слова Роберта Оппенгеймера – он произнес их при испытании первой атомной бомбы» [1, 53].

Таким образом, научно-фантастический арт-детектив Дэна Брауна «Инферно», развлекая, поучает и заставляет задуматься о добре и зле, об ответственности ученого за свои открытия, об общественном бытовании науки, о путях развития человечества. И весь этот комплекс сложных философских проблем был художественно выстроен с использованием «Божественной комедии» Данте, на стыке Средневековья и Возрождения размышлявшего о мире и человеке.

Литература

1. Браун Д. Инферно. М.: АСТ, 2013. – 543 с.

© Ишимбаева Г.Г., 2013

Ишмуратова Л.М.
г.Уфа, Россия

Формирование навыков устной речи в условиях учебного общения

Практическое владение иностранными языками в современном мире становится насущной необходимостью для специалистов многих сфер деятельности, а увеличение числа международных проектов предопределяет необходимость знаний национально – культурных особенностей стран-партнёров и их представителей. Знание иностранного языка является важным критерием оценки профессионализма молодого специалиста, которому в процессе профессиональной деятельности необходимо работать с информацией, а также уметь общаться с зарубежными коллегами на профессиональном и социально-бытовом уровне. Современный студент понимает, что владение иностранным языком является первостепенным фактором успеш-

ной карьеры молодого специалиста, значительно повышающим его конкурентоспособность на международном рынке труда. Именно знание иностранных языков даёт возможность моментально реагировать на все существенные события, быстро и правильно принимать решения. Знание иностранных языков освобождает от необходимости прибегать к помощи переводчика, что делает общение с иностранными партнёрами более свободным. В последние годы изменилось и отношение студентов к изучению иностранных языков. Многие студенты уже с первого курса задумываются о будущей профессии и понимают значение иностранного языка в их будущей работе. Так, студенты биологического факультета принимают активное участие в научно - практических студенческих конференциях, проводимых Башгосуниверситетом и другими ВУЗами города. Некоторые студенты планируют работу за границей в летние каникулы и принимают участие в мероприятиях, проводимых волонтёрскими организациями. Не ослабевает интерес и к защите дипломных работ на иностранном языке. Всё это является стимулом к изучению иностранных языков и поиску наиболее эффективных форм работы со студентами. Многолетний опыт работы на биологическом факультете показал правомерность использования такой формы работы для развития диалогической и монологической речи, как условно – научный семинар. Такая форма работы позволяет приблизить учебную речевую ситуацию к естественным условиям профессионального общения, активизировать иноязычную речевую деятельность учащегося, так как человек говорит тогда, когда испытывает потребность выразить мысль. Для эффективного проведения семинара рекомендуется соблюдать определённые правила. Следует установить регламент для сообщений до 15 минут и для выступления в дискуссии до 5 мин. Необходимо стимулировать выступления учащихся у доски с использованием иллюстративно-графического материала в виде схем, графиков, рисунков, формул и т. д., поскольку зрительная наглядность помогает говорящему реализовать свой речевой замысел, а слушающему облегчает восприятие и понимание содержания выступления. Для развития диалогической речи можно поощрять вопросы студентов к выступающему даже по ходу доклада с соблюдением форм речевого этикета, которые необходимо предварительно затренировать. Для создания более естественной обстановки и повышения речевой активности студентов следует передать руководство семинарами самим студентам, введя очерёдность на роль председательствующего. Функция преподавателя на этапе практики в речевой деятельности должна значительно отличаться от его функций на других этапах обучения. Это различие заключается в переходе управления речевой деятельностью студентов под контроль самих студентов, что повышает уровень их речевого творчества. Естественно, преподаватель может участвовать в семинаре на правах рядового члена, своей любознательностью

побуждать группу к дискуссии, повышать мотивированность иноязычной речи.

Литература

1. Пузырёва Г.Е. Характеристика наиболее эффективных методов при обучении иностранному языку в неязыковом ВУЗе. // Материалы международной научно-практической конференции «Оптимизация процесса преподавания иностранных языков в неязыковом ВУЗе». Екатеринбург. 2010г.
2. Калюжная В.В. Коммуникативность как основная черта устно-речевого общения. // Иностранный язык для специалистов. Психологические, методические, лингвистические аспекты. Москва. «Наука». 1990.
3. Смирнова Л.Н. Курс английского языка для научных работников. Ленинград». Наука». 1990.

© Ишмуратова Л.М., 2013

Ишмуратова С.Р.
г. Уфа, Россия

Исследование речевого поведения в социолингвистике

Последнюю четверть XX века и первое десятилетие XXI века отличает смещение научно-исследовательских интересов в сторону изучения речевого общения, которое включает и язык, и общество со всеми его правилами, и отдельного человека. Причем, интерес представляет не просто человек, а личность – социокультурное образование, реализующееся в отношениях с действительностью, с другими людьми и с самим собой.

В процессе исследования речевого поведения наблюдается тесная взаимосвязь языкознания с социологией. Важно подчеркнуть, что Т.Г. Винокур определяет речевое поведение как процесс, находящийся между речевой деятельностью и речевым поступком и являющийся их совокупностью: «В основе речевого поведения лежат внутриязыковые закономерности подсистемной дифференциации стилистических явлений, внешние закономерности социальных и социально-психологических условий коммуникации» [1, 50]. Основными компонентами речевого поведения являются: адресант и адресат, «наивная картина мира» собеседника, сфера общения, речевой жанр, правила речевого поведения, речевая ситуация, речевое действие, типы общения: диалог и монолог, тональность общения, языковые средства (вербальные и невербальные). Структура речевого поведения соотносится со схемой речевой коммуникации Р.О. Якобсона, который предложил следующие элементы: адресант, адресат, контекст, сообщение, контакт, код [6; 193].

Каждая языковая личность в общении наделена коммуникативными, социальными и психологическими ролями, совокупность которых создаёт

варианты речевого поведения. Роль – это форма общественного поведения человека, обусловленная его положением в некоторой социальной группе и в некоторой ситуации общения [2, 136].

Коммуникативная роль определяется позицией участника общения. В коммуникации партнёры исполняют роли говорящего (адресанта), слушающего (адресата), косвенного адресата как активного участника общения и наблюдателя как пассивного участника общения [4; 66]. Психологическая роль связана с программой жизненного сценария, выработанного в раннем детстве под влиянием родителей и также определяет речевое поведение человека. Существуют три психологические роли – ребёнок, родитель, взрослый – которые актуализируются в процессе общения.

Социальная роль обусловлена социальным статусом говорящего (начальник – подчинённый). Она определяется профессией, родом деятельности, степенью образованности, полом, возрастом, местом рождения и воспитания, реальными отношениями людей в обществе. Кроме перечисленных постоянных признаков, различают и переменные социальные роли, которые один и тот же человек неоднократно может поменять: роли пешехода, пассажира, пациента, клиента, покупателя. Становясь личностью, индивид овладевает различными социальными ролями. В аспекте социализации усвоение тех или иных социальных ролей связано с усвоением стереотипов речевого поведения. Речевое поведение – это речевые поступки индивидуумов в предлагаемых обстоятельствах. Социолингвистика исследует широкий круг проблем, касающихся связи языка и общества. Она рассматривает проблемы речевого взаимодействия членов общества, акцентирует внимание на социальных ролях участников речевого общения. Именно данное направление лингвистики определяет основные принятые в обществе правила речевого поведения.

В речевом поведении человека происходит постоянная демонстрация присущих ему психических и социальных признаков и проигрывание ситуативных ролей. Часто для определённого круга общения говорящим избирается социально-психологическая роль (мудрец, правдолюбец, знаток, говорун, молчун, соглашатель и т.д.), которая помогает выстраивать программу речевого общения.

Предметом социолингвистики является социальный фон развертывания речевого общения. В процессе осуществления речевой деятельности важную роль играют не только физические свойства коммуниканта, но и его ролевые характеристики. В процессе коммуникации происходит социальное взаимодействие личностей. Речевой акт в социолингвистике определяется как социальная ситуация, в которой речевое и неречевое поведение человека обусловливается нормами. Речевая деятельность подвергается социальному регулированию, то есть контролируется так называемыми этическими правилами, регламентирующими социальное взаимодействие людей. Социаль-

ный контроль над речевой деятельностью – это процесс, не зависимый от коммуникантов, внешний по отношению к ним, общающиеся могут только учитывать его, но не могут изменить [3, 257].

Таким образом, статусно-ролевые признаки речевого поведения проявляются в коммуникативном взаимодействии говорящих. Вне учёта социально-психических факторов невозможно оценить успешность или неуспешность речевых действий общающихся людей. Исследование речевого поведения в аспекте социолингвистики затрагивает вопросы статусно-ролевого взаимодействия и социального регулирования, что способствует упрочнению связи языка и общества.

Литература

1. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М., Наука, 1993.
2. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М., 1989.
3. Тарасов Е. Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности. – М., Наука, 1974.
4. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М., 2002.
5. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

© Ишмуратова С.Р., 2013

Каипкулова А.А.
г.Уфа, Россия

Писательский дневник как разновидность дневникового жанра

Что такое дневник? Дневник – это записи, которые ведут изо дня в день [5, 76]. В последние десятилетия дневник выделился как публицистический жанр литературы и занял заметное место в литературно-художественных и общественно-политических изданиях. Литературоведческие источники дают разные определения жанра: в довоенном издании Литературной энциклопедии понятие о жанре дневника рассматривается как наиболее примитивная форма мемуарной литературы [3, 135], а в литературном энциклопедическом словаре как «форма повествования от первого лица, которое ведется в виде повседневных… датированных записей. Дневник пишется для себя…, что сообщает ему особую подлинность, достоверность. Обращен преимущественно к событиям личной жизни, выступает как жанровая разновидность художественной прозы и как автобиографические записи реальных лиц» [4,233]. Следует отметить, что в отличие от первого втрое толкование затрагивает временной аспект жанра, что является нема-

ловажным для понимания жанра и отличает его от других мемуарных жанров. Востребованность дневников определяется тем, что они являются одним из ключевых средств духовного самоопределения личности. В них представлены сведения об исторических событиях, дана информация о быте и нравах определенной эпохи.

Основные направления в исследовании дневников базируются на следующих идеях: дневник - это биографический и исторический документ; дневник отражает черты психики, поэтому анализ дневника позволяет проникнуть в подсознание и найти объяснение поступков его автора; дневник - самостоятельный жанр документальной (автодокументальной) литературы; в дневнике формируется стиль, это «творческая лаборатория» писателя; дневники «романны»; это своеобразное «философское произведение». Дневник - «литературный эквивалент жизни», это изучение своей личности в ее малейших проявлениях и т. д. Все названные особенности становятся особенно актуальными в XX веке, и в частности в литературе русского зарубежья.

Исследователи сосредоточены на описании генезиса жанра (О.Г. Егоров), поэтики и основных жанровых категорий, взаимодействия внутренней, устной, письменной речи в рамках дневникового текста, определении специфики дневникового дискурса, места дневника в ряду других автодокументальных жанров, описании дневников конкретных авторов, попытке определить жанровую специфику дневников писателей. Исследования дневников в филологической парадигме вписывается в изучение документалистики, психологические и психолингвистические исследования, разностороннее изучение феномена повседневности.

В работах по исследованию дневникового жанра рассматриваются общие черты поэтики и жанровых особенностей дневника как литературного произведения, предпринято описание целей и функций дневника, затронута проблема соотношения автора и героя в дневниковом тексте. Среди исследователей дневниковой прозы следует отметить работы (единственные на сегодняшний день монографические исследования жанра дневника) О.Г. Егорова и М.Ю. Михеева, а также научные статьи и диссертационные исследования Т.И. Голубевой, Е.П. Гречаной, А.А. Зализняк, К.Р. Кобрина, Т.М. Колядич, Е.Г. Местергази, Е.Г. Новиковой, К.С. Пигрова, О.С. Сахно и др. Каждый из исследователей жанра дневника был индивидуален и вносил в определение жанра что-то новое, что расширяло понятие и служило дальнейшему развитию вопроса теории и истории жанра.

В «Краткой литературной энциклопедии» предлагается деление жанра дневника на следующие его разновидности: реальные дневники, то есть настоящие дневники писателей (ученых, деятелей культуры, науки), либо заранее предназначенные для публикации; дневники обыкновенных людей – просто датированные записи о различных волновавших автора чувствах и

событиях. К реальным дневникам относятся **писательские дневники**, которые были заранее предназначены для опубликования. В зарубежной литературе «Дневник» Ж. Ренуара, в русской «Опавшие листья» В.В. Розанова и т.д. В исследованиях 20 века как разновидность автодокументального жанра особое место уделяется дневникам писателей. Писательский дневник – текст, предназначенный для внутреннего потребления, записи для самого себя. Это не просто пометки для памяти, хроника текущих событий, а способ самоанализа. Читатели проявляют интерес к данному тексту как к документальному источнику. Однако в ней лежит индивидуальная авторская печать, индивидуальные функционально-стилистические особенности писателя, которые характеризуются логичностью, эмоциональностью, оценочностью, призывностью. Эти дневниковые записи интересны тем, что автобиографизм занимает значительно меньше пространства, чем собственные наблюдения, размышления, событийная сторона. Примером дневника, предназначенного для печати, в 19 веке стали дневники Достоевского, которые назывались «Дневник писателя» 1876 года и печатались в виде самостоятельного периодического издания. Этот дневник хорошо исследован критикой. Дневник вводит в творческую лабораторию писателя, дает хронику событий, анализирует повседневный быт. Композиция произведения строится не на обычном хроникальном повествовании, а на мастерском сочетании различных жанров: очерка, фельетона, рассказа, повести, мемуарных записей, публицистики [7, 136].

А исследователь дневников XIX века О.Г. Егоров делит дневники на типы, исходя из психологических мотивов автора:

1. «Бытовой» (Г. Кузнецова, М.С. Волошина, В. Высоцкий);
2. Профессиональный (Л. Гинзбург, А. Твардовский, В. Лакшин, А. Кондратович, Е. Булгакова);
3. Путевой (А. Твардовский, М. Пришвин, К. Чуковский);
4. Военный (Р.Т, Вильсон, Д.М. Волконский, А. Первенцев);
5. Блокадный (П-Пупиц, О. Берггольц);
6. Лагерный (В.Н. Баранов, Д. Лихачев);
7. Общественно-политический (Л. Гурунп, М. Цветаева, М. Пришвин, К. Чуковский, Д. Философов, Д. Самойлов, М.Ф. Андреева, В. Вернадский, Д. Хармс).

В данном случае их объединяет предмет отображения — актуальные социальные события, процессы, ситуации; разделяет - тематическая направленность. Среди рассматриваемых нами дневников не существует таких, которые по всем признакам относятся только к одному из определенных видов. Каждый дневник содержит набор признаков, свойственных другой разновидности, лишь преобладание тех или иных характеристик служит основанием для отнесения к определенному виду дневника.

В 2000 – 2002 г.г. российские и французские ученые в рамках Международной программы научного сотрудничества исследовали тексты дневников писателей, мемуаров, писем, автобиографий. Результатом работы стал сборник, выпущенный ИМЛ РАН. Американский историк, исследователь российских дневников 1930-х годов Йохен Хеллбек рассматривает дневники как исторический документ, отражающий коллективное сознание граждан как с психологической, так и с социальной точек зрения. Следует отметить, что в настоящее время появился ряд работ, посвящённых жанровой специфике дневника – как диссертационных исследований, так и отдельных научных статей и докладов.

Дневник писателя – публицистический жанр литературы и явление культуры. Благодаря исследованию писательских дневников можно найти ключ к разгадке личности автора, понять основы его мировоззрения, отношение к тем или иным жизненным явлениям, проследить творческий процесс…

Литература

1. Боброва О.Б. Жанр дневника. Теория вопроса / О.Б. Боброва, А.А. Сивогривова // Типологические закономерности эволюции жанра в русской литературе: Ростов н/Д: РГПУ, 2003. - 12 с.
2. Боброва О.Б. История жанра дневника / О.Б. Боброва, А.А. Сивогривова // Типологические закономерности эволюции жанра в русской литературе: Ростов н/Д: РГПУ, 2004. - 8 с.
3. Литературная энциклопедия. Ред. П.И. Лебедев-Полянский т.7.,-М., ОГИЗ РСФСР, 1934. – с.
4. Литературный энциклопедический словарь. – с.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 23-е издание. М.: Мир и образование,2005. – с.
6. Оскотский В. Дневник как правда// Вопросы литературы. – 1993, №5. – 22с.
7. Розенблюм Л.М. Творческие дневники Достоевского. М.: 1981. - 368 с.
8. Гречаная: http://uni-persona.srcc.msu.ru.
9. Зализняк: http://uni-persona.srcc.msu.ru.

© Каипкулова А.А., 2013

Капитонова И.В.
г.Уфа, Россия

Прескриптивы в свете речевого воздействия в диалоге

Цель данного исследования – создание модели анализа перлокутивного эффекта прескриптивов. Материалом исследования послужили диалогические высказывания из художественных произведений современных французских авторов.

Среди многообразия классификаций речевых актов наибольшее признание получила классификация Дж. Сёрля, где выделены пять базисных иллокутивных типов: *репрезентативы* (в других классификациях информативы или ассертивы), *директивы*, *комиссивы, экспрессивы* и *декларативы* [1, 194].

Как видно из данной классификации, центральное место в речевом акте занимает иллокуция, или тип речевого *действия*, направленного на собеседника. Воздействие на адресата заключается в изменении его взглядов, отношений, представлений, поведения адресата, т.е. в *перлокутивном эффекте*. В концепции О.Г. Почепцова для объекта воздействия (перлокута) перлокутивный акт определяется высказыванием и ситуацией его реализации, а для агента воздействия (перлокутора) перлокутивный эффект определяет перлокутивный акт, который в свою очередь диктуется параметрами высказывания и ситуацей реализации [2, 55]. Существует и тип речевых актов, для которых воздействие на партнёра является ведущей характеристикой. К ним относятся *директивные речевые акты*, цель которых – «добиться того, чтобы слушающий нечто совершил» [1, 182].

Перлокутивный критерий (реакция адресата) предложенной М.Р. Желтухиной *типологии речевого воздействия* в рамках рассматриваемого нами межличностного общения может иметь следующий вид: 1) оценочное, 2) эмоциональное, 3) рациональное. При этом автор отмечает, что «большинство речевых действий предполагает комплекс перлокутивных реакций, включающих и регулирование эмоционального настроя, и изменение когнитивных значений, и коррекцию категориальной структуры в сознании адресата» [3, 12].

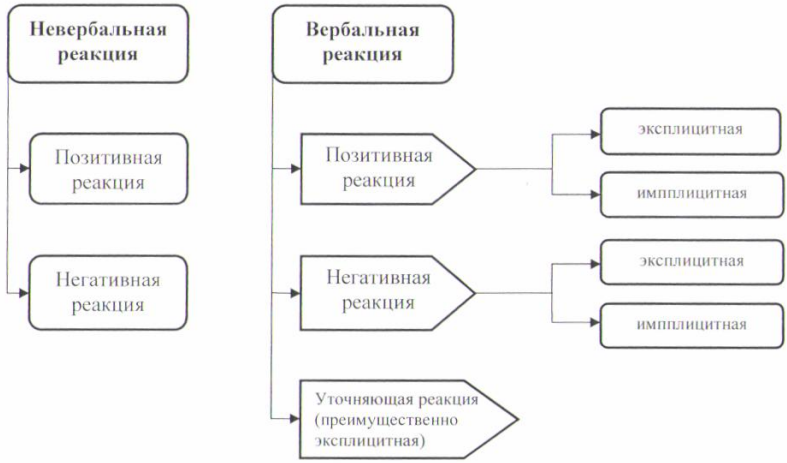
Е.И. Беляева выделила три типа директивов (**прескриптивы**, предписывающие действия адресата: приказ, распоряжение, разрешение, запрещение, инструкция, предписание, заказ; **реквестивы**, побуждающие к действию, совершаемому в интересах говорящего: просьба, мольба и приглашение; **суггестивы**, выражающие совет: совет, предложение и предупреждение [4, 15-20]) с точки зрения их воздействия на собеседника.

Все эти побудительные иллокутивные типы производят различный *перлокутивный эффект*, который, по Остину [5, 92-93], входит в тройную оппозицию производства речевой деятельности: локутивный, иллокутивный и перлокутивный речевые акты.

Под перлокутивным эффектом в конвенциональном общении мы понимаем речевое воздействие адресанта, которое реализуется в вербальной или невербальной реакции адресата.

Поскольку данное исследование направлено на изучение проблемы речевого воздействия, нами предложена **модель** анализа перлокутивного эффекта директивных речевых актов, которая включает такие бинарные оппозиции, как вербальность/невербальность, позитивность/негативность ре-

акции адресата, а также эксплицитность/имплицитность средств реализации перлокутивного эффекта:

В прескриптивах реакция адресата может быть выражена как вербально, так и невербально. При невербальной реакции адресат в речевом взаимодействии коммуникантов обычно *молча повинуется* побудительной инициативе собеседника, например, в случае п р и к а з а :

Désignant de son bâton Sœur Luc-Gabrielle: Vous. Approchez! Elle s'avance / Указывая своей палкой на Сестру Люк-Габриэль: Эй, вы. Подойдите! *Она подходит* [6: VI ch., p. 44].

у к а з а н и я:

– Tournez à gauche, Dominique; si vous pouvez... Je pouvais / Поверните налево, Доминика, если сможете. Я *смогла* [7, I partie, VI ch., p. 28].

Во всех этих случаях невербальная реакция адресата имеет **позитивный** характер.

Негативная невербальная реакция адресата выражается в молчаливом уходе от ответа на речевую инициативу собеседника, когда адресат *молча отказывается* выполнить импозитивное волеизъявление адресанта.

В случае **позитивной** вербальной реакции, т.е. согласия, последнее может быть выражено в эксплицитной или имплицитной форме. Эксплицитные формы согласия связаны с конвенциональностью реагирующего высказывания адресата. В концепции Л.А. Азнабаевой, под конвенциональным общением понимаются «не столько формы речевого поведения, предписанные этикетом в качестве рекомендуемой нормы, сколько те условно-

сти речевого поведения, которые признаются с о ц и а -л ь н о – п р и е м л е м ы м и даже если, формально, они не являются строго нормативными» [8; 25, 31]. Например, в прескриптивах в случае эксплицитного согласия на

р а с п о р я ж е н и е :

– Allez, et faites-moi disparaître cette cochonnerie! dit-elle en lui jetant à la figure le magasine "Playboy". – Si mamma! / Давайте, и уберите от меня эту мерзость! говорит она, бросая в лицо журнал «Плейбой». – *Да, мадам!* [6, IV ch., p. 32];

Эксплицитное согласие в ответ на прескриптивы часто выражается клишированными высказываниями, в том числе повторяющимися формами (*конечно, конечно* и т.д.).

Имплицитное согласие имеет более сложную структуру, т.к. сам речевой акт согласия заменяется другими речевыми актами, то есть выражается косвенно. Например, согласие заменяется речевыми актами *похвалы* и *обещания*, которые входят соответственно в разряд экспрессивов и комиссивов:

– Ma voiture est à votre disposition, faites-vous reconduire où bon vous semblera, partez d'ici! – C'est très généreux de votre part, ce qui m'incite à l'être moi aussi / Моя машина в вашем распоряжении, езжайте куда хотите, только убирайтесь поскорее! – *Очень благородно с вашей стороны. Не хочу оставаться в долгу* [9, 39].

Негативная вербальная реакция адресата выражается в отказе от побудительной инициативы говорящего и может, как и позитивная вербальная реакция, выражаться эксплицитно и имплицитно. Так, в случае з а п р е т а имплицитный отказ может иметь вид риторического вопроса:

– Vous ne devez jamais discuter de vos problèmes en tête-à-tête avec une de vos Sœurs, mais toujours en groupe. C’est la règle! – Comment m’unir au Christ sans pouvoir communiquer avec les autres? / Вы никогда не должны обсуждать свои проблемы наедине с кем-либо из Сестёр, только в группе. Это правило! – *Но как слиться с Христом, не общаясь с другими*? [6, IV ch., p. 35].

При выдвижении неких ультимативных требований, или у г р о з ы, адресат может имплицитно отказаться с помощью иллокутивного акта с о ж а л е н и я:

– Walter, je vous donne une minute pour me dire dans quelles circonstances je suis arrive ici ou j'arrache tous ces tubes! – Je n'aurais jamais du vous detacher! / Даю вам одну минуту, Уолтер: не скажете как я сюда попал, вырву все эти провода! – *Мне не следовало вас отвязывать*. [9, 32].

Как видим, вербальный перлокутивный эффект прескриптивных речевых актов, особенно негативный, реализуется, в основном, в имплицитной форме, что вызвано импозицией этого подкласса, а также тем, что в конвенциональном общении правилами речевого этикета не одобряется резкий,

прямой отказ. Он считается нарушением этических норм, что особенно недопустимо в асимметричных статусных ситуациях, где адресат занимает более низкую позицию.

Кроме позитивных и негативных, в случае прескриптивов наблюдаются и **уточняющие** вербальные реакции, например, в ответ на р а с п о р я ж е н и е употребляется уточняющий вопрос:

– Occupez-vous de nous débarrasser de tout ça, dit-elle en montrant du doigt les sacs de couriers. – Et qu'est-ce que j'en fais? / Позаботьтесь нас избавить от всего этого, говорит она, показывая пальцем на сумки с почтой. – *А что мне с ними делать*? [6, IV ch., p. 36].

Таким образом, в конвенциональном взаимодействии возможны три вида реакции адресата на прескриптивные речевые акты: 1) позитивная, 2) негативная и 3) уточнение.

Такие перлокутивные реакции могут быть выражены вербально и невербально. Невербальная форма представляет собой молчаливое выполнение прескриптивных речевых актов. Вербальная форма реализации позитивных и негативных реакций адресата в ответ на прескриптивы может быть эксплицитной и имплицитной.

Позитивная *имплицитная* вербальная реакция адресата, т.е. согласие, часто передаётся при помощи клише, а также косвенно – путём замены речевого акта согласия на другой иллокутивный тип.

Негативная вербальная реакция адресата в ответ на прескриптивы в конвенциональном общении чаще всего выражается имплицитно вследствие социальных конвенциональных установок.

Литература

1. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов. Перевод с англ. В.З. Демьянкова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. — М., «Прогресс», 1986. — С. 170 – 194
2. Почепцов О.Г. Основы прагматического предложения. – Киев, 1986.
3. Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ // Автореф. дисс…докт. филол. наук. – М., 2004. – 44 с.
4. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. — Воронеж. Изд-во ВГУ, 1992. — 168 с.
5. Остин Дж. Слово как действие. Перевод с англ. А.А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. — М., «Прогресс», 1986. — С. 22 – 130.
6. Ollivier, Mathias. Dominique nique nique, 2009, режим доступа: http://www.ebooksgratuits.com/html/ollivier_dominique_nique_nique.html
7. Sagan, Françoise. Un certain sourir. — Paris: Livre de poche, 2009, режим доступа:http://www.french-book.net/text/Biblio/Par/Sagan/certain_sourire_fr_ru.html
8. Азнабаева Л.А. Принцип вежливости в английском диалоге. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – 198 с.
9. Marc Levy. La premiè nuit. P.: Versalio: J'ai lu, 2009. Fb2, − 327 p.

© Капитонова И.В., 2013

Каримова Р.А.
г. Уфа, Россия

Категория оценки/ мнения и тип дискурса

В устном публичном общении, сфера которого расширилась и дифференцировалась в связи с изменениями в общественном сознании, привлекают внимание те речевые произведения, которые производятся / воспринимаются при непосредственном речевом контакте коммуникантов.

По наблюдениям, среди телевизионных дискурсов противостоят 1) максимально вписанные в ситуацию сжатые высказывания участников «Контрольной закупки» (ТВ «Первый») (носителей обыденного сознания), оценивающих тот или иной продукт (объект восприятия), и 2) более развернутые высказывания / суждения, связанные с ситуацией восприятия динамического объекта и его оценкой членами жюри конкурса «Большой балет» (носителями специального, художественного сознания). Соответственно, среди средств оценки (прежде всего лексических) в первой группе преобладают предикаты качественной оценки (сенсорно-вкусовой, а также утилитарной, нормативной, эстетической). Высказывания (дискурсы) второй группы отличаются аналитической направленностью, вербализуют оценку / мнение субъектов [1, 245-249], что базируется на категории общего порядка – отношения, так что организация дискурса предопределяется доминирующими категориями, их характером и функционированием.

В общенаучном плане восходящее к Аристотелю «отношение» трактуется как одна из основных логико-философских категорий, отражающих способ бытия. В современной философии подчеркивается: Познание и ценностное отношение составляют две неразрывные и равные по своему значению стороны…; к человеческому сознанию следует подходить не только как к знанию, но и как к отношению [2, 211]. В психологии идея отношения приобрела характер фундаментальной и рассматривается как атрибут сознания, конкретизируясь в понятии психологических отношений человека, его субъектно-объектной связи [3, 5-15]. Эта связь, реализующаяся в деятельности индивида, включает наряду с когнитивным эмоциональный аспект, а также аспект рациональной прагматической оценки и ценности. Лингвистический (и лингвокультурологический) аспект этой коммуникации состоит в выявлении нагрузки категории оценки / мнения, вербализуемой общением в рамках перцептивной ситуации. Оно представлено собственно решениями жюри, в частности, вербальным материалом программы «Большой балет» от 18.11. 2012. Категория оценки / мнения выступает здесь как дискурсообразующая; в ее реализации участвуют прежде всего лексические средства – номинации оценки / мнения, актуализующиеся в спонтанной речи просодически (выделительными акцентами лексем, паузацией) и занимающие пози-

цию ремы в характерных синтаксических моделях (основах и периферийных).

Высказывания коммуникантов (членов жюри) связаны с характеристикой каждого из них как коммуникативной личности, определяемой по следующим аспектами социальному (главным образом по статусу и уровню профессионализма), психологическому (по темпераменту и когнитивному стилю) и лингвистическому (как носителя определенной речевой культуры). В социальном плане это, безусловно, личности высокого статуса и с соответствующим уровнем профессионализма. В психологическом плане они характеризуются полинезависимым когнитивным стилем, являющимся также сложным. Наконец это носители речевой культуры высокого уровня, близкие к элитарному типу. Что касается семантики предикатов оценки / мнения, то в данном дискурсе она соответствует специфике деятельности оцениваемого объекта (танцора): оценки носят сложный, синкретичный характер, конкретизируясь в конситуации. Эти конситуации различаются тематически (своей направленностью) и степенью развертки: они могут раскрывать микротему одним – двумя высказываниями, в самом общем виде, или более объемной микротемой, где наблюдается движение: от предикатов с общей положительной и эмоциональной оценкой в исходном высказывании к итоговой микротеме:

> «но то / что меня очень порадовало сегодня / я наконец увидел / как … / в Большом театре не всегда увидишь/ по-настоящему должен быть станцован contemporary dance / contemporary хореографии//…»

Она реализуется исходным высказыванием (каузативной ситуацией) с предикатом эмоции в роли каузатора и последующим ее обоснованием через оценку действия, которое осуществлено в соответствии с должным, с эталоном. Воздействие оценки усиливается посредством вставки (в Большом театре не всегда увидишь), включение которой в развернутое (в том числе просодически) высказывание весьма положительно характеризует как оперативную, так долговременную память данного говорящего.

Наиболее объемное судейское высказывание говорящего имеет непростую структуру: сжатой оценке исполнителей в завершающей микротеме, с актуализацией оценки / мнения (посредством модального предиката: /…это нельзя допускать) предшествует аргументация с развернутой ссылкой на факты прошлой деятельности самого коммуниканта, отмечаемая предикатами памяти (я помню). Микротема с ними раскрывается монологическим высказыванием об объекте – содержании памяти говорящего - в целом фоноабзаце: в коммуникативно-синтаксическом плане это представлено акционально-качественным регистром речи, включая участие в выражении общей оценочности грамматических категорий: сравнения, сопоставления и каузативности. См. следующий фрагмент:

«когда…Ролан ставил этот балет/ я/ работал с ним/ в Марселе// и…я помню/ как он ставил это на Р.Л. <…> а в принципе/ Ролан ставил этот балет для себя больше/ чем для балерины…// он очень фило́софски поставил этот балет/ <…> и когда он танцевал это/ это была не кукла/ а аксессуар для него́/ и… в общем…это был балет о нем/ о его философском… мировоззрении».

Итоговая оценка / мнение о наблюдаемой деятельности участников конкурса дифференцирована председателем жюри. На дискурсивном уровне она каждый раз предстает через принятие решения (ПР) в проблемной ситуации (ПС) согласно стратегии этого коммуниканта. В одном случае это оценка деятельности, раскрываемая через эталон (что хочу сказать?/ у Ролана Пети/ хореография очень говоря́щая// <…>) целой микротемой, конситуацией, насыщенной модальностью:

«и вот эта актерская игра́/ она…мне меша́ла/ потому что она меня отвлекала от хореографии/ должна быть ирО́ния/ юмо́р да <…>».

В другом монологическое высказывание председателя жюри о реализации эталона деятельности победителями конкурса. На дискурсивном уровне эта микротема осуществляется средствами речевой оценки (включая эмоциональную), преимущественно эксплицинтной, выраженной также синтаксическими средствами, в том числе эмоциональными, метафорическими моделями с соответствующими предикатами.

«стилистика хореографии завора́живает абсолютно// такое говоря́щее простра́нство/ я бы назвала/ и то// что ребята в такой короткий срок справились с этим/ это уже не в первый раз доказало нам их открытость…к экспериментам// это радует// каждый раз/ когда я встречаюсь с интересным мне хореографом/ это целый мир действительно// <…> и это тебя обогащает и уносит/ в это «серое пространство»…»

Категория оценки / мнения характеризуется как дискурсообразующая, что представлено общением в рамках ситуации собственно решением жюри (например, вербальным материалом программы «Большой балет» от 18.11.2012). В данное дискурсивное поле включаются тематически близкие дискурсы: радийной программы «Телехранитель» («Эхо Москвы» XI. 2012 г.) о реализации проекта «Большой балет» и беседы о нем с членом жюри Вл. Деревянко ведущего Св. Бэлзы (программа «В вашем доме» (ТВ «Культура» 30.X.2012), обе – с отстоянием от собственно базовой ситуации в общении.

Выявление кластера категорий, функционирующих в данных дискурсах, их языковых параметров классификации имеет большое значение для типологии дискурсов.

Литература
1. Васильев Л.М. Категория оценки // Актуальные проблемы лингвистики рубежа веков. С., СамГУ, 2004. С. 245 – 249.
2. Мигунов А.С. Искусство и наука: о некоторых тенденциях к сближению и взаимодействию// Вопросы философии. 1986. №3.
3. Позняков В.П. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности//Вып.5: Психологический журнал. М., 2012. С. 5 – 15.

© Каримова Р.А., 2013

Каримова Р.Х.
г. Стерлитамак, Россия

Образный компонент в содержании концепта» труд» (на материале английского языка)

Языковые знаки вербализуются в языке по-разному, что свидетельствует о своеобразии в восприятии и отражении окружающего мира этносом. Концепты репрезентируются в языке с помощью антропонимов, зоонимов, мифонимов, нумеронимов и т.п. Специфика «семиотической плотности» и вариативность репрезентации концептов свидетельствуют о разработанности этой части национальной концептосферы. В.Н. Телия была выдвинута гипотеза о воплощении культурной коннотации в содержании языкового знака: если единицы языка обладают культурно-национальной спецификой, то последняя должна иметь свои способы отображения и средства соотнесения с ней, то есть служить своего рода «звеном», соединяющим в единую цепь «тело знака», с одной стороны, и с другой – концепты, стереотипы, эталоны, символы, мифологизмы и так называемые знаки национальной и шире – общечеловеческой культуры, освоенной народом-носителем языка [5, 215].

Таким лингвокультурным концептом представляется концепт «труд», который признается многими исследователями в качестве одного из ключевых в миропонимании и шкале ценностей народа. В.Н. Карасик и С.Г. Воркачев выделяют в структуре концепта понятийный, образный и ценностный компоненты [2, 109; 1, 7]. Применительно к языковой (коммуникативной) личности В.Н. Карасик выделяет ценностный, познавательный и поведенческий аспекты. Итак, целью нашей статьи является описание образного компонента концепта « труд» в английском языке на материале пословиц.

Наибольшую ценность для нашего исследования представляют пословицы, в которых создана широкая картина реальной жизни народа. Пословицы отражают представления о взглядах народа, его понимании действительности. В пословицах типизируются образы представителей различных

социальных слоев: рабочего, крестьянина, ремесленника, барина, судьи, попа.

Идиомы и пословицы, объективирующие концепт «труд», можно систематизировать согласно когнитивным признакам, которые вербализуются в пословицах с помощью фитонимов, зоонимов, онимов, орнионимов и др. Наиболее богато структурированы признаки: «предаваться безделью», «меньше слов, больше дела», «не следует браться за несколько дел одновременно», «в труде необходимо постоянство», «работать небрежно, кое-как», «работу нужно выполнять своевременно», «для получения результата необходимо приложить усилия» и другие.

Для анализа нами было выбрано 148 пословиц. Среди исследуемых пословиц, в которых вербализуется концепт труд, мы выделили следующие когнитивные признаки:

1. «работу нужно выполнять своевременно» (всего 12): Early Start makes easy stages. – *Своевременное начало – залог успеха.*

Наибольший интерес представляют для нас пословицы, содержащие в своем составе лексему early, которая достаточно часто встречается в пословицах, например, An early riser is sure to be in luck; The early bird catches the worm. Таким образом, лексема early указывает на раннее начало какого-либо действия, что предполагает наличие большего количества времени для осуществления задуманных дел.

2. «пользоваться плодами чужого труда» (всего 4): One man makes a chair, and another man sits in it. – *Один работает, а другой присваивает себе плоды его труда.*

3. «необходимо чередовать работу и отдых» (всего 3): All work and no play makes Jack a dull boy. – *Одна только работа без забав прекращается.*

4. «меньше слов, больше дела» (всего 8): *Great talkers are little doers – кто много говорит, тот мало делает.*

Рассмотрим пословицу Great talkers are little doers подробнее. В данном случае болтливость противопоставляется трудолюбию, что выражается в сочетаниях слов, то есть те, кто говорят больше всех (great talkers ‘великие болтуны’), те меньше всех делают (littledoers ‘мало делающие, выполняющие’). Это же противопоставление имеет место в пословице: A man of words and not of deeds is like as garden full of weeds. Однако в этом случае противопоставление болтливости и трудолюбия осуществляется с помощью сравнения болтливого человека с садом, полным сорняков – ‘garden full of weeds’. Лексема weedобозначает нечто ненужное, бесполезное, приносящее вред, а не пользу, точно так же, как это делает болтливый человек.

5. «предаваться безделью – это плохо» (всего 19): An idle brain is the devil’s workshop. – *Праздность – мать всех пороков*; *Ленивый ум – мастерская дьявола* (букв.). В приведенном примере негативное отношение к без-

делью выражается с помощью сравнения ленивого ума ‘an idle brain’ с мастерской дьявола ‘devil’s workshop’, олицетворяющее нечто плохое, наносящее вред человеку и обществу в такой же степени, в какой это может сделать ленивый человек.

6. «в работе не следует спешить» (всего 1): Nothing must be done hastily but killing of fleas. – *Поспешность нужна только при ловле блох*. В данном примере когнитивный признак вербализуется с помощью противопоставления качественно выполняемой работы и такого занятия, как ловля блох ‘killing of fleas’, которое предполагает наличие скорости, но не обладает ценностью и осмысленностью реализации.

7. «не следует браться за несколько дел одновременно» (всего 6): He who begins many things finishes but few. – *Начинающий многое заканчивает мало*; Jack of all trades is master of none. - *Подмастерье всех ремёсел - мастер ни одного;*

8. «в труде следует полагаться только на себя» (всего 2): God helps those who help themselves. – *На бога надейся, а сам не плошай.*

9. «в труде необходимо постоянство» (всего 6): Drop by drop the sea is drained; Feather by feather a goose is plucked – *Вода камень точит*. В приведенных пословицах следует обратить внимания на обороты dropbydropи featherbyfeather, создающие образ неких мелких незначительных действий, которые со временем могут привести к желаемому результату, если совершать их регулярно и упорно. Это значит, что работа выполняется путем поэтапного выполнения действий. Рассмотрим так же пословицу Little strokes fell great oaks, в которой поэтапные, мелкие действия ‘little strokes’, требующие терпения, приводят к достойному результату работы, которое вербализуется в лексеме oaks ‘дуб’, ассоциирующейся в человеческом сознании с чем-то великим, достойным, как и хорошо выполненный труд.

10. «разрушать легче, чем строить» (всего 1):It’s easier to pull down than to build. – *Ломать – не строить*.

11. «вместе легче выполнять работу» (всего 1): Many hands make light work. – *Множество рук облегчает работу*.

12. «женский труд бесконечен» (всего 1): A woman’s work is never done. – *Женская работа никогда не закончится*.

13. «для получения результата необходимо приложить усилия» (всего 17): He would eat the fruit must climb the tree. – *Кто хочет съесть плод, должен влезть на дерево* (букв.)

14. «труд предшествует прибыли» (всего 6): Gut no fish till you get them . – *Цыплят по осени считают*.

15. «результат зависит от начала» (всего 4): Early start makes easy stages. – *Своевременное начало – залог успеха*.

16. «для получения хорошего результата требуется терпение» (всего 6): Every thing comes to him who waits. – *Кто ждёт, тот дождётся; терпение и труд всё перетрут*.

17. «бесполезная деятельность – плохо» (всего 3): Don't teach your grandmother to suck eggs. – *Яйца курицу не учат; не учи рыбу плавать*.

18. «работать небрежно, кое-как» (всего 5): A bad work man quarrels with his tools. / A bad work man always blames his tools**.**– *У плохого мастера всегда инструмент виноват*.

19. «пословицы-советы»(всего 25): Measure twice and cut once. – *Семь раз отмерь, один раз отрежь*. Пословицы советы представляют особый интерес. В их составе можно встретить лексему never 'никогда', с помощью которой указывается на то, чего не следует делать, например, Never do things by halves – '*Никогда не следует делать вещи наполовину'*, либо глаголы в форме повелительного наклонения, иногда с отрицанием, например, Gut no fish till you get them*'Не потроши рыбу, пока не поймал ее'*; Don't put the cart before the horse*'Не ставь телегу впереди лошади'*.

20. «тяжелый физический труд» (всего 4)**:** Ninety percent of inspiration is perspiration. – *На девяносто процентов вдохновение – это пот*.

21. «показатель мастерства работника – результат труда»(всего 7): As is the workman so is the work. – *По работе мастера видно*.

22. «каждый должен заниматься своим делом»(всего 2): The cobbler should stick to his last. – *Сапожнику следует придерживаться своего ремесла*.

23. «заработок зависит от работника» (всего 1)**:** The labourer is worthy of his hire. – *Работающий стоит своей платы*.

Лексемы, объективирующие названные признаки, отражают идиоэтническую специфику концепта. В отобранном нами эмпирическом материале наиболее частотными являются зоонимы (cat, hen, bird, swallow, lark, horse, bee, fish, hare, mice, sheep, bear, fleas, worm, lamb), фитонимы (weed, oak, fruit, tree, nut), соматизмы (hand, tongue, brain), онимы (Jack), обозначения инструментов (tools, sickle), обозначения профессий (shearer, cobbler, workman, carpenter), слова, указывающие на явления, сопровождающие тяжелый труд (perspiration, patience, diligence, lather).

Для описания концепта «труд» мы используем методику определения гештальтов абстрактных имен, разработанную Л.О Чернейко, выделившей четыре уровня осознаваемости абстрактных имен в индивидуальном сознании и в соответствии с ними – четыре модуса их существования в сознании коллективном: интуитивный, геометрический, метафорический, дискурсивный. Лингвистически актуальными являются два модуса: метафорический (эксплицитная и имплицитная метафоры, раскрывающие наглядное представление абстрактной сущности, изображающие ее) и дискурсивный, эксплицированный гипотетической дефиницией в ее модификации [6, 161]. В

нашей работе мы выделили следующие «гештальтные образования» в составе концепта «труд»:

1. Персонификация: **procrastination, hunger, idleness, patience, wit, business, action, necessity, care, inspiration, practice, diligence:** Procrastination is the thief of time– не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. Hunger breaks stone walls. – Голод не тётка, нужда многому научит. Idleness rusts the mind. – Праздность притупляет ум. Idleness is the mother of all evil. – Праздность – мать всех пороков. Patience is a plaster for all sores. – Терпение всё превозможет. Wit bought is better than wit taught. – Опыт учит лучше, чем наставления. Business is the salt of life. – Дело превыше всего. Делу время, потехе час. Actions speak louder than words. – Не по словам судят, а по делам. Не спеши языком, торопись делом. Necessity is the mother of invention. – Нужда научит горшки обжигать. Care killed a (the) cat. – Заботы до добра не доводят. Ninety per cent of inspiration is perspiration. –На девяносто процентов вдохновение – это пот. Practice makes perfect – навык мастера ставит, работа учит. Diligence is the mother of success [good lick]. – Терпение и труд всё перетрут.

2. Овеществление: **swallow, body, hand, garden:** One swallow does not make a summer. – Одна ласточка не делает лета. A little body often harbours a great soul. – Мал муравей, да горы копает. Мал телом, да велик делом. Many hands make light work. – Множество рук облегчает работу. A man of words and not of deeds is like as garden full of weeds. – Любитель слов подобен саду без плодов.

Все вышесказанное позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Наиболее образной семантической составляющей являются зоонимы (horse, dog, bee, swallow, cat), встречающиеся во многих фразеологических единицах и пословицах исследуемого языка. Они демонстрируют образное восприятие действительности.

2. Среди выделенных во фразеологизмах и пословицах признаков (19 признаков и 23 признака соответственно) наблюдается сходство. Так, и в пословицах, и во фразеологизмах вербализуются следующие признаки: «безделье (предаваться безделью) – это плохо», «выполнять тяжелый физический труд», «работать плохо, небрежно, кое-как», «для получения результата необходимо прилагать усилия, стараться», «пользоваться плодами чужого труда, эксплуатировать». В этой связи можно сделать вывод о том, что наиболее значимые для народа носителя языка идеи и представления о труде находят свое отражение как во фразеологизмах, так и в пословицах.

3. Наиболее богато структурированы следующие признаки:

1) уважительное отношение к труду;

2) проявление терпения и усердия при выполнении работы;

3) негативное отношение к безделью и бесполезной деятельности;

4) негативное отношение к тем, кто пользуется плодами чужого труда и к безответственным работникам;

5) положительное и уважительное отношение к трудолюбивым людям.

Названные признаки могут составить культурный сценарий концепта «труд» и описать фрагмент языковой картины мира носителей английского языка.

Литература

1. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный феномен [Текст]: монография / С.Г. Воркачев. – М.: 2004. – С. 236.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. - М.: Гнозис, 2004. – С. 392
3. Каримова Р.Х. Концепт «труд/лень» в паремиологии неродственных языков (на примере нем., англ., рус., баш.и тат. языков). Диссертация на соискание ученой степени: кандидат филологических наук. – Уфа. – 2004.
4. Каримова Р.Х. Способы вербализации образной составляющей в содержании концепта «труд» (на материале немецкого и русского языков) // Текст. Язык. Человек. Сборник научных трудов, - Мозырь. УО МГПУ Шаляпина, 2009. – С. 202-204.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и культурологический аспекты. – М.:Языки русской культуры. 1996. – 284 с.
6. Чернейко Л.О.Лингвофилософский анализ абстрактного имени.-М., 1997.- 320 с.
7. Cambridge International Dictionary of Idioms. - United Kingdom at the University Press, Cambridge, 2002 – 608 pp.
8. Concise Oxford Russian Dictionary (Russian-English & English-Russian) - Oxford University Press, 2008 – 1008 pp.
9. Longman Dictionary of English Idioms. - Long-man, 2009. - 1790pp.
10. Macmillan English Dictionary: For Advanced Learners of American English. – Palgrave Macmillan, 2005 – 1664 pp.

© Каримова Р.Х. 2013

Кенесов Е.К.
г. Актобе, Казахстан

Фразеологизмы с компонентом - названием растений в русском и казахском языках

Предметом фразеологии как раздела языкознания являются исследования категориальных признаков фразеологизмов, на основе которых выделяются основные признаки фразеологичности и решается вопрос о сущности фразеологизмов как особых единиц языка, а также выявление законо-

мерностей функционирования фразеологизмов в речи и процессов их образования.

В языковой картине мира каждого народа запечатлеваются культурно-бытовые реалии, воззрения и ритуалы. Употребление наименований растений довольно часто встречается во фразеологии. Это объясняется тем, что человек отражает в речи и возводит в установившиеся языковые формы то, что касается непосредственно окружающей его реальности.

Богатство языка – это богатство и его фразеологии, т.е. выразительных и образных присловий, оборотов, метких и крылатых слов. Очень часто за такими словами и оборотами лежит целый мир, историческая эпоха – факты ушедшего быта, представлений и верований наших предков, реальные события далекого прошлого.

«Фразеология формирует фрагмент языковой картины мира. Как языковой знак фразеологизм передает концепт, демонстрируя частотный образ ситуации, где ситуация является отражением языковой картины мира, так как объединяет восприятие, мышление и язык» [1, 3].

Каждый народ по-своему расчленяет фрагменты мира и по-своему называет их. Формируется мир говорящих на данном языке, т.е. формируется концептуальная картина мира как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, грамматике, фразеологии. Изучение каждого из указанных разделов языкознания позволяет глубже и точнее воссоздать систему мировоззрения народа, сопоставительное изучение же этих разделов позволяет выделить общие и отличные особенности жизнедеятельности сопоставляемых языков и, соответственно, культур этих народов.

Данная тема охватывает очень широкий ареал, так как растения являются общеизвестным понятием для носителей разных языков. Мы подробнее остановимся на сравнении русского и казахского языков, выявляя возможные сходства и различия в восприятии окружающей среды носителями этих языков.

Воззрения человека на растительный мир складывались в процессе длительного и многократного контакта его с природой. Растения оценивались прежде всего с точки зрения полезности, возможности использования их для удовлетворения насущных потребностей человека в пище, одежде, жилище. Этот процесс, как и все другие стороны взаимоотношений человека с природой, шел закономерным путем – от простого к сложному. Сначала люди использовали дикие растения, потом постепенно шло окультирование многих из них.

Славянские народы, живщие из покон веков в такой климатической зоне, где преобладают лесистые местности, хорошо были знакомы с растениями, произрастающими в них. Более того, хозяйственные уклады этих народов, ремесло, быт были тесно связаны с окружающим растительным миром. Отсюда и многочисленность фразеологизмов с

флористическими компонентами. А образ жизни, хозяйственная деятельность и быт казахского народа исторически связаны в основном с кочевым образом ведения хозяйства.

Многочисленные примеры свидетельствуют о том, что народная флористическая фразеология вобрала в себя особенности народного быта. Но наибольшую ценность представляют эмоции и чувства, закрепленные во фразеологических оборотах.

При анализе фразеологического словаря под редакцией А.И. Молоткова и фразеологического словаря казахского языка под редакцией И. Кенесбаева мы систематизировали ФЕ на основании выделения семантического (в нашем случае и лексического) опорного компонента – названия растения (его части (например, корень) или трансформации (например, сено). Основания для привлечения этих компонентов следующие: «В структуре ботанического фрагмента традиционной культуры мира отчетливо выделяются целые блоки растений, объединенных по тем или иным логическим основаниям. В качестве таковых выступают или форма растения, или его отдельные компоненты, или его отдельные характеристические черты – запах, колючесть и подобное, или особый мифологический статус, или роль в культурном универсуме архаического человека» [2, 162].

Опираясь на принцип классификации ФЕ с компонентами растений, предложенный казахским ученым А.Т. Кайдаром [3, 36], можно разделить устойчивые словосочетания по типу сформированности на следующие 8 групп:

1. по отношению к характеру человека;
2. к социальной, общественно-бытовой деятельности народа,
3. по отношению к традициям, обычаям, поверьям народа;
4. к национальному мировозрению;
5. к национальной единицы меры;
6. к благодарению-проклятию, пожеланию;
7. к цвету растений;
8. по отношению к характеру животных.

Значительный пласт фразеологии русского и казахского языков составляют устойчивые и воспроизводимые сочетания слов, фразеологическая специфика которых основывается на традиционном сравнении. Например, чтобы показать черты характера спокойного, смирного, робкого, застенчивого, скромного человека в обоих языках выступают фразеологизмы с компонентами названия растений или собирательного значения растений (*трава – шөп*):

«*Бетегеден биік, жусаннан аласа*» (букв. *выше полыни, ниже ковыля*) или «*Қой аузынан шөп алмайды*» (букв. *травы не отберет, даже у овец*). Эквивалентными этим пословицам в русском языке являются: – *тише воды, ниже травы; мухи не обидит.*

Также тождественными, полностью совпадающие по лексико-семантическому значению обойх компонентов являются следующие устойчивые словосочетания: *Тамырын жаю – пустить/пускать корни*; *Түптамырымен жұлу – подрезать/подрубить под корень; Меңдуана жеген – белены объелся; Тал қармау – схватиться за соломинку; бұрыш қыстыру – задать перцу* и др.

Другой пласт ФЕ составляют устойчивые словосочетания, тождественные по семантике, различающиеся в лексико-этимологическом и грамматическом отношениях. Это свидетельствует о том, что предметы или явления природы являющияся для одних народов эталонными для сравнения каких-либо качеств, для других не являются таковыми и вместо них они употребляют хорошо знакомые им предметы или явления природы.

Анализируя вышеуказанное, отметим следующее:

1. компоненты с названием растения, встречающиеся в обоих языках (*береза, белена, дуб, сосна, корень, куст, лес, лист,перец, плод, сено, трава, цветы, яблоко, ягоды*);
2. компоненты с названием растения, встречающиеся только в русском языке (*каштан, клюква, лимон, липа, морковь, растение*);
3. компоненты с названием растения, встречающиеся только в казахском языке (*бетеге, жусан (полынь),тал (верба),*).

Сопоставление приведенных ФЕ обнаруживает достаточно высокую степень сходства в построении, типовых значениях, происхождении соотносительных рядов фраз. При этом наблюдается общность многих моделей, близость лексического наполнения слов-компонентов, единство внутренней формы, мотивационной базы.

Словосочетания, тождественные по своим лексико-семантическим значениям, то есть словосочетания в первой группе, свидетельствует об общности культурного развития обоих народов и сходстве мировоззрения. Остальные группы указывают на то, что русские и казахи с помощью подобных метафор и образов оценивали окружающий мир посредством хорошо знакомой им картины мира.

Как известно, «язык культуры в рамках каждой отдельной традиции выделяет одни реалии, наделив их символическим значением, и оставляет вне поля зрения культуры другие» [4, 40]. В нашей работе мы не ставили цель объяснить причины особенностей сходства и различий ФЕ в использовании для образного описания действительности в русском и казахском языках. Поэтому мы только указываем на наличие этих сходств и различий.

Литература

1. Абаева М.К. Фразеологическая семантика как часть языковой картины мира // Национально-культурный компонент в тексте и языке. Ч.2. Мн., 1999. С. 3-4.
2. Малоха М. Оппозиция природа – культура в польских и восточнославянских фразеологизмах с компонентами – названиями сорных трав // Актуальные проблемы исследования языка и речи. Ч. 2. Мн., 2001. С. 162-164.

3. Кайдар А.Т. Историческая лексикология казахского языка: проблемы и задачи.//Проблемы казахской исторической лексикологии. Алматы: Гылым.1998. 33-339с .
4. Малоха М. Хвойныя дрэвы ў народнай культуры і фразеалогіі славян // Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. Серыя 4. 1997. №1. С. 40-44.
© Кенесов Е.К., 2013

Кирсанова И.В.
г.Уфа, Россия

К вопросу об использовании современных психотехнологий в процессах обучения

В последнее время отмечается тенденция более эффективного использования новейших психотехнологий в обучении. В частности речь идет о нейро-лингвистическом программировании, которое также характеризуется сравнительно более высоким уровнем развития. В связи с этим оно привлекает пристальное внимание не только психологов и психотерапевтов, занятых проведением тренингов по постановке целей и стратегиям их реализации в различных компаниях, но и специалистов в области образования. Более того, современные техники НЛП стали соответствовать групповым школьным занятиям и специфике образования в целом.

Выступая с докладом о перспективах применения методологии НЛП к моделированию процессов динамического обучения, Е.В. Шугалей представляет следующую характеристику практики школьного обучения как механического переноса жестких стратегий обучения без учета особенностей репрезентативных систем либо путем случайного накопления стратегий. «У подавляющей же массы учеников формируются самоподкрепляющиеся за счет индивидуальной системы якорей фильтры восприятия, поддерживающие систему ограничений. Якоренение негативных состояний приводит к закреплению негативной мотивации. Ученик воспроизводит случайно найденное эффективное поведение без учета контекстов цели и содержания обучения. Вследствие чего даже у самых одаренных учеников спонтанно образуются некоторые личностные предпочтения по отношению к воспринимаемой информации и способам работы с ней» [1].

Несмотря на некоторые имеющиеся критические замечания в адрес НЛП, все же признается тот факт, что владение коммуникативными умениями с помощью программирования повышает личную и профессиональную эффективность и оказывает положительное влияние в различных сферах деятельности человека. «Ожидания «самоэффективности» связаны со степенью уверенности человека в собственных силах или уровнем способности обучаться, либо осуществлять поведение, необходимое для достиже-

ния результата» [2, 122]. Таким образом, поиски решения задачи о том, как достичь желаемого результата, приобретают первостепенное значение.

Оценивая применение методов нейро-лингвистического программирования в образовании, В.В. Шевелькова отмечает несколько важных принципов, позволяющих строить общение педагогов с обучающимися [3].

Во-первых, необходимо учитывать субъективный опыт ученика в связи с преобладающей индивидуальной моделью восприятия или *репрезентативными системами* в НЛП. Как показали многочисленные исследования, ученики начальной школы являются в основном кинестетиками, средней – становятся в большей степени аудиалами, и в старшей – более визуальны. «Содержание становится более абстрактным, символическим, графическим. Неспособные перестроиться на визуальную форму обучения ученики выпадают из конвейера и попадают в коридор, собирающий преимущественно аудиалов и кинестетиков» [4]. .

Отметим, что не все методы обучения в равной степени оптимальны для учащихся или студентов с различными когнитивными стилями и используемыми в учебной деятельности стратегиями.

Во-вторых, «смысл сообщения – в реакции, которую оно вызывает». Согласно принципам нейролингвистического программирования, в коммуникации значение посылаемого сообщения состоит не в намерении, стоящем за сообщением, а в том, какую реакцию оно вызывает у реципиента сообщения. По ответной реакции преподаватель может судить об эффективности или неэффективности коммуникации.

Логическим продолжением предыдущего принципа является вывод о том, что любой результат является положительным в плане приобретения дальнейшего опыта и возможностей в дальнейшем избежать ошибок. Еще одним из преимуществ данной пресуппозиции может считаться наличие обратной связи. И наконец, в случае отрицательных результатов всегда можно использовать новые способы или варьировать уже известные методики [там же].

Таким подходом нейролингвистического программирования к образованию, способствующего самостоятельному развитию обучающихся заинтересовалась автор книги «Интенсивный курс повышения грамотности с помощью НЛП» М.А. Павлова [5].

Автором рассмотрены условия эффективного урока по обучению грамоте с позиций нейро-лингвистического программирования, а также предоставлен раздаточный материал с заданиями по русскому языку. Безусловно, наличие психологического комфорта, для достижения которого предлагается перед началом занятий прослушать музыкальный фрагмент (установка «якоря»). Далее информация подается по всем трем модальностям и воспринимается в таком случае как реальная. Происходит обмен стратегиями, при этом используются стратегии орфографии и обобщающая стратегия по

правописанию. Завершаются занятия трансовым упражнением на создание чувства уверенности.

Различием в использовании стратегий объясняет правильность написания Ситников А.П. [6]. При автоматическом письме работает внутренняя стратегия письма, если человек задумывается о написании слова, то вероятность ошибки возрастает, так как происходит переход к другой стратегии. С точки зрения автора, «автоматическая стратегия идет подсознательно – она отточена опытом практики…». Вероятно, это имеет отношение только к взрослой аудитории.

Интересуясь применением НЛП в обучении грамотному письму учащихся начальной, средней школы и старшего звена, обратимся к работе зарубежного исследователя Гриндер М. [4]. Новый взгляд на стили обучения, непременное следование концепции гемисферологии (науки об ассиметрии полушарий головного мозга), основам вербальной и невербальной коммуникации, в том числе с «трудноуправляемыми» учениками приобретают важное значение в условиях личностно-ориентированного подхода. Что же касается обучения грамотности, то автором предлагаются упражнения на визуализацию орфографии. Приведем один пример.

1. Выберите и напишите на доске слово с большим числом букв.

2. Попросите учеников, проводя пальцем перед глазами вдоль слова, постепенно передвигать его к периферии зрения.

3. Скажите: “Посмотрите на среднюю букву”. (Например “с” в слове “доска”.)

4. Когда вы смотрите на среднюю букву, увидьте еще и букву справа (т.е. “о”), затем слева (т.е. “к”).

5. Продолжайте упражнение, добавляя по букве справа и слева, пока не получите все слово целиком. (Техника сканирования.) Далее необходимо специальными упражнениями добиваться снижения количества картин в мозгу при визуализации слова.

В заключение отметим, что развитие и применение новых эффективных коммуникационных методов и техник может не только разнообразить и обеспечить более высокий уровень преподавания, но и способствует расширению сферы практического применения НЛП во взаимодействии с обобщенным когнитивным опытом.

Литература

1. Шугалей Е.В. Перспективы применения методологии НЛП к моделированию процессов динамического обучения // Материалы конференции «Многомерный мир: НЛП методология и моделирование», 2002. [Электронный ресурс]. http://www.nlp.ru/center/e/dynamic.html (дата обращения 9.11.13)

2. Роберт Дилтс. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП. – СПб.: питер, 2000. – 320 с.

3. Шевелькова В.В. Оценка применения методов нейро-лингвистического программирования (НЛП) в образовании/ Современные наукоемкие технологии (научный журнал). Психологические науки. – №1, 2005. – с. 77-79.
4. Гриндер Майкл. Исправление школьного конвейера. Нью-Йорк, 1989. – 37с. [Электронный ресурс]. Онлайн библиотека. http: // www.koob.ru. (дата обращения 9.11.13)
5. Павлова М.А. Интенсивный курс повышения грамотности с помощью НЛП. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2000. – 240 с.
6. Ситников А.П. Новые эффективные подходы коммуникации. – Новосибирск, 1990. [Электронный ресурс]. http://www.psyinst.ru/library. (дата обращения 9.11. 13)
© Кирсанова И.В., 2013

Клинкова Е.В.
г. Владикавказ, Россия

Стилистика цитатного заголовочного текста

Заголовок – это своеобразный элемент текста, имеющий двойственную природу. «С одной стороны, это языковая структура, стоящая «над» ним и перед ним. Поэтому заголовок воспринимается как речевой элемент, находящийся вне текста и имеющий определённую самостоятельность» [3, 3]. С другой стороны, заголовок – полноправный компонент текста, входящий в него и связанный с другими компонентами целостного текста (началом, серединой и концовкой), вместе с которыми он составляет архитектонику текста. Эта «двойственная природа» и определяет многие его особенности. Стилистический приём цитации очень распространён в современных средствах массовой информации, в частности, в заголовках газет. В целях актуализации семантики газетного заголовочного текста журналисты нередко прибегают к эффективному стилистическому приёму цитации: вводят в текст чужую речь, пользуются прецедентными феноменами.

Термин «прецедентный текст» в научный обиход был введен Ю.Н. Карауловым для обозначения общеизвестных цитат, имен, названий произведений, текстов, песен, рекламы и др., имеющих сверхличностный характер и многократно возобновляющихся «в дискурсе данной языковой личности» [1, 216].

Анализ заголовочных текстов [было отобрано 174 цитатных заголовка из газет «Комсомольская правда» (КП), «Северная Осетия» (СО), «Аргументы и факты» (АИФ), «Российская газета» (РГ)] позволил выявить наиболее реинтерпретируемые прецеденты: русская поэзия и художественная литература, популярные песни, библейские перифразы, цитаты из художественных и мультипликационных фильмов. Например: *«Нас водила молодость…»* (СО, 2013, № 193) – материал о ветеранах труда; *«А ну-ка, девушки, а ну, отказницы…»* (КП, 2013, 23 октября) - публикация о том, почему

наши лучшие теннисистки отказались играть за сборную России; *«У меня «бес в ребро» и когда седина, и когда лысина…»* (КП, 2013, 23 октября) – статья об актёре Дмитрии Нагиеве и его новой роли деда, брутального любителя покера; *«Жертва спора «отца народов» и Отца Небесного»* (КП, 2013, 23 октября) – заметка о сериале про сына Сталина Василии; *«А Моська знать сильна…*(РГ, 2012, 17 октября) – статья о некорректном поведении администратора гостиницы.

Цитатный заголовочный текст побуждает читателя ответить на ряд вопросов: откуда цитата, кто её автор, почему журналист использует её, как цитата связана с текстом статьи. Но наибольший интерес представляет трансформированная цитата, поскольку она заставляет вспомнить, понять, что было изменено, как цитата звучала в оригинале, цель изменения её и как трансформированная цитата связана с текстом статьи. Не случайно цитатные заголовочные тексты значительно чаще используются в газетных публикациях, чем в художественных произведениях. Журналист стремится с первого текстового хода - заголовка - привлечь внимание потенциального читателя, предложив свои правила игры, активизирующие диалог между автором и адресатом. Этим целям способствуют афористические, лаконичные, яркие, узнаваемые цитаты:*«Увидеть бункер Япончика и не умереть* (КП, 2013, 10-17 октября) – статья о последних днях жизни знаменитого вора в законе и его доме (Ср.: *Увидеть Париж и умереть).*

Таким образом, широкое использование цитатных заголовочных текстов нацелено, в первую очередь, на «коммуникативное сотрудничество» (Г. Винокур), которое возникает лишь в том случае, если читателю известен включённый текст. Адресат должен верно определить авторский замысел и позицию и воспринять закодированную информацию. В противном случае читатель может испытать недоумение, в результате чего возникает так называемый «минус-эффект коммуникации». По наблюдениям лингвистов, многие прецеденты агнонимичны для современного читателя, особенно молодого, а значит, не выполняют своей роли. «Современный читатель плохо знаком и со сферой культуры, не идентифицирует многие цитаты, не знает классиков русской литературы»[2, 76]. Печатные издания не могут не учитывать этой тенденции, поэтому часто используют прецедентный материал из массовой культуры. Особенно эта тенденция ярко прослеживается в тиражных изданиях.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность/ Ю.Н. Караулов. – М., 1087. – 261 с.
2. Коньков В.И. Язык СМИ: современное состояние и тенденция развития/ В.И.Коньков, А.Н. Потсар, С.И. Сметанина//Современная русская речь: состояние и функционирование. – СПб, 2004.
3. Лазарева Э.А. Заголовок в тексте/ Э.А. Лазарева. – Свердловск, 1989. – 96 с.

© Клинкова Е.В., 2013

Кожевникова А.И.
г. Уфа, Россия

Место перевода текстов СМИ в общей классификации видов перевода

Перевод существует в двух важнейших разновидностях – письменной и устной. Многие исследователи считают их принципиально разными видами деятельности, требующими разных профессиональных навыков, разных видов памяти и разных психологических характеристик. При всех различиях в навыках, требующихся письменному переводчику в отличие от устного и наоборот, существует и целый ряд требований и критериев переводческого профессионализма, применимых к обеим категориям переводчиков.

Кроме того, несмотря на традиционно существующее деление переводчиков на письменных и устных, всегда были и, видимо, будут переводчики, успешно совмещающие или чередующие обе эти специализации. Пожалуй, наиболее «специфической» является квалификация переводчика-синхрониста, и те, кто успешно овладел этой нелегкой специальностью (действительно требующей совершенно особых навыков и психофизиологических характеристик), редко совмещают ее с работой в других переводческих областях.

Каждая из двух основных разновидностей перевода подразделяется на подвиды в зависимости от типа и жанров переводимого материала.

Понятие письменного перевода включает в себя:

– научно-технический перевод; перевод документации (политической, юридической, деловой); газетно-информационный перевод; банковский/финансовый перевод; перевод рекламы; перевод газетно-журнальной публицистики; перевод монтажных листов теле-, видео- и кинофильмов; художественный перевод (прозаический и поэтический); другие виды письменного перевода.

Понятие устного перевода включает в себя:

– последовательный перевод (переводчик небольших конференций, круглых столов, лекций, переговоров, а также гид-переводчик, линейный переводчик); синхронный перевод («нашептывание», перевод в кабине, закадровый перевод теле- и радио материалов, передающихся в прямой трансляции, перевод кинофильмов в зале);

Понятно, что письменный перевод востребован в основном в газетно-журнальном и публицистическом жанрах (где помимо перевода часто используется и реферирование, навык которого для письменного переводчика крайне желателен). Однако, как следует из приведенного перечня видов письменного перевода, некоторые из жанров текстов СМИ, преподносимых аудитории в звучащей форме, тоже могут стать предметом деятельности

письменного переводчика. Так, большинство лицензионных видео-, теле- и кинофильмов, демонстрирующихся на большом или малом экранах, переводятся не «на слух», а по монтажным листам, т.е. с письменного текста-источника (а звуковой и видеоряд служат переводчику лишь подспорьем). Устный синхронный перевод кинофильмов в основном присутствует на фестивальных показах и тому подобных мероприятиях.

Устный последовательный перевод часто используется в теле- и радиоинтервью, но если материал идет в эфир в записи, то при последующем монтаже перевод накладывается на голос говорящего, который после первых же слов приглушается, так что аудитории становится слышен или только перевод, или почти только перевод. Если же материал идет в эфир в прямой трансляции, то переводчик не может рассчитывать на редакторскую правку, и цена ошибки может быть велика.

Что касается речевого этикета, это понятие для профессионального переводчика должно подразумевать не только знание того, как к кому следует обратиться (например, того, что, переводя обращение «Dear Mr President», правильнее сказать «Уважаемый господин Президент», а не «Дорогой господин Президент»; а правильным эквивалентом «Ladies and gentlemen» должна быть формула «Дамы и господа», а не «Леди и джентльмены»), но и тех функциональных эквивалентов, которые соответствуют различным формулам вежливости и разнообразным речевым клише в иностранном языке (эти формулы и клише входят в понятие «[речевой] реакции на ситуацию»). Например, если в ответ на реплику собеседника англоязычный участник беседы/интервью говорит: «You can say that again!», это означает не просьбу и не разрешение повторить сказанное, а безусловное согласие с высказанным мнением. То есть русским функциональным эквивалентом этого выражения может быть что-то вроде «Вот именно!» или «Совершенно верно!». Подобных примеров можно привести великое множество, и, как показывает практика, часто именно такие моменты общения становятся проверкой языковой и прочей подготовки переводчика диалогической речи.

Чтобы избежать переводческих ошибок, необходимо:

– вникать в смысловое содержание, структуру и коммуникативную задачу текста;

– определять главные мысли, акценты, отношения;

– выявлять связи текста с внетекстовыми явлениями, с реальной действительностью;

– учитывать широкий контекст, в том числе и экстралингвистический;

– определять и учитывать стиль/регистр речи, целевую аудиторию (читателей/слушателей);

– исходить из характера ситуации, в которой родился текст, из намерения пишущего/говорящего;

– учитывать коннотации и возможность отхода от словарных значений слов в исходном тексте;

– привлекать (и постоянно расширять и углублять) свои фоновые знания;

– использовать словари, справочники, консультации экспертов;

– проверять все неизвестные имена собственные, топонимы и т.п., упоминающиеся в исходном тексте;

– исходить из логики высказывания и всего текста в целом.

Переводчик не должен:

– судить о смысле слова в исходном тексте по его основному значению (или тому единственному значению, что ему известно) либо по первому значению, выделенному в словаре;

– безоговорочно доверять двуязычным словарям, особенно при переводе на иностранный язык (в этом случае необходимо проверять значения, коннотации к реальное употребление слов по надежным толковым словарям данного языка);

– оставлять непроверенными «сомнительные» случаи и смысловые «неувязки»;

– полагаться только на догадки и интуицию там, где можно проверить их правильность;

– переводить буквально выражения и словосочетания, если их буквальный перевод звучит непонятно, неуклюже или вне связи с контекстом исходного материала (такие выражения могут оказаться неизвестными переводчику устойчивыми, идиоматическими единицами).

Понятно, что некоторые из этих рекомендаций могут быть выполнены только при переводе письменных текстов, однако большинство из них вполне доступны и, безусловно, полезны и для устных переводчиков.

Иными словами, свои трудности и «подводные камни» есть и в письменном переводе, и в устном. Осознание этих трудностей – шаг к успеху профессиональной деятельности переводчика. Самое главное – никогда не успокаиваться и никогда не считать, что все уже известно, что иностранный язык освоен «в совершенстве» (понятие, которым никогда не оперируют настоящие профессионалы, знающие, что совершенного знания нет и быть не может), что все приемы «отрепетированы» и т.п. Уверенность в своих силах не должна превращаться в самоуверенность, а имеющиеся знания – в застывшую догму, не подлежащую проверке или совершенствованию. И важно помнить: перевод – это прежде всего трудная, кропотливая, ответственная работа, требующая не только разносторонних знаний и творческого отношения, но и огромного напряжения сил.

© Кожевникова А.И., 2013

Кортунова Е.В.
г. Ханой, Вьетнам

К вопросу о значении имени собственного и его ассоциативном фоне

Имена собственные признаны одной из языковых универсалий. Это слова, называющие объекты с целью их выделения из класса подобных и выполняющие функцию идентификации и индивидуализации данного объекта.

Проблемы имени собственного активно обсуждаются в последние десятилетия. Оно изучается в логическом, семиотическом, семасиологическом, социолингвистическом, лексикографическом и др. аспектах (В.Д. Бондалетов, Л.А. Введенская, Т.В. Иванцова, Н.В. Подольская, А.В. Суперанская, О.И. Фонякова и др.).

Собственное имя – это прежде всего слово и как таковое оно подходит под определение двусторонности слова, имеющего звучание и значение. Значение слова – это, по сути, те понятия и ассоциации, которые возникают в сознании конкретного человека при произнесении данного слова. Разграничивая языковое, лексическое и энциклопедическое значение, некоторые лингвисты (в частности, В.И. Болотов) утверждают, что нарицательное имя обладает понятийным, лексическим значением; значимость нарицательного имени определяется семантическим полем; а имя собственное обладает только энциклопедическим значением – суммой конкретной информации о денотате имени. Энциклопедическое значение имени собственного, как далее отмечает В.И. Болотов, состоит из общего и индивидуального значений. Общее значение указывает на отнесенность имени к определяемому ономастическому полю (имя, кличка, географические названия), и это значение объективно. Индивидуальное значение выделяет денотат внутри ономастического поля. Оно субъективно, так как зависит от социального положения индивида, его симпатий, вкуса и даже настроения [1; 336].

С некоторыми положениями В.И. Болотова можно не согласиться. Во-первых, энциклопедическое значение (определяемое в «Словаре лингвистических терминов» Т.В. Жеребило как «значение, включающее обширную характеристику научного понятия, бытового описания, указание на функциональное назначение объекта» [5]) имеют не только имена собственные, но и нарицательные. Во-вторых, будучи словами, имена собственные также должны иметь значение. В-третьих, объективное, общее энциклопедическое значение, по-видимому, и есть языковое значение имени собственного.

Имя собственное связано с конкретным объектом, т.е. присвоено ему. Этот объект и составляет единственный элемент экстенсионала имени собственного. Интенсионалом имени собственного является свойство «быть

данным объектом», имеющее в качестве следствия все известные свойства объекта, в том числе свойство «иметь данное имя» [3; 32].

Функция – это назначение или роль, выполняемая единицей языка при ее воспроизведении в речи. Возможны следующие функции имен собственных в речи:

1. Коммуникативная (имя, известное собеседникам, служит основой сообщения).

2. Апеллятивная (функция воздействия на адресата).

3. Экспрессивная (обычно в ней выступают имена с широкой известностью, находящиеся на пути превращения в нарицательные).

4. Дейктическая (функция указания на объект именования, обозначения объекта). [4; 11].

Перечисленные функции свойственны и нарицательным именам. Каждое слово, и в том числе имя собственное, в известных условиях может стать основой сообщения, а исследование различного рода ассоциаций чрезвычайно важно при изучении любой номинации, в том числе и ономастической.

Ассоциации, имеющие место в момент создания определенного имени, а также ассоциации, связанные с именем в процессе его употребления в речи, широки и разнообразны. Они составляют комплекс, намного превосходящий круг ассоциаций нарицательных имен. Помимо ассоциаций, более или менее однозначно связывающихся у членов языкового коллектива с тем или иным именем, в индивидуальном употреблении у каждого человека имеются и свои особые и неповторимые ассоциации. Если единообразные исторические, политические, бытовые и другие коннотации, связывающиеся у коллектива с именем (географическим или антропонимическим), по своей силе и яркости перерастают его прямое значение, то имя может превратиться в нарицательное. Это является, по сути, одним из путей пополнения словарного состава языка [4; 9]. При этом, порывая с одним понятием, связь с которым была опосредствованной, слова связываются прочной, логической связью с другими понятиями. Но это редкий случай для имени собственного, хотя и закономерный. Для имени собственного типичнее ассоциация с именуемым объектом (вместе с комплексом различных сведений об объекте и комплексом эмоций, вызванных этим объектом у говорящего).

Интересный и продуктивный, на наш взгляд, вариант моделирования семантики онима предложен М.В. Голомидовой. Он обозначен ею как разработка концепта имени собственного. Под концептуальностью имени автор понимает совокупный объем представлений о возможностях его применения – языковые и экстралингвистические знания, связанные с использованием ономастического знака, которые сложились у носителей данного языка.

Выделяются следующие уровни этой концептуальной модели:

1) общая категориальная семантика имени, вырастающая из его противопоставления апеллятиву, благодаря чему высвечивается специфика способа означивания: имя является знаком-индивидуализатором, который не только на речевом, но и на языковом уровне свидетельствует о ценности вербального выделения отдельной реалии;

2) частная категориальная семантика, основанная на связи онома – нарицательный термин и создающая возможность для противопоставления разных разрядов собственных имен в онимической системе языка;

3) частная характеризующая и индивидуализирующая семантика, отличающая имена друг от друга и основанная на денотативной отнесенности и мотивировочном значении, которое определяется «на момент» создания имени и оказывается чрезвычайно важным для выполнения именем его различительной функции, поскольку несет указание на индивидуализирующий мотивировочный признак, служащий для различения и опознавания реалий среди подобных;

4) фреймы (несобственно языковые знания), отражающие значимые для языкового коллектива фоновые знания о специфике применения имени (например, ритуальный фрейм, предполагающий в некоторых конфессиональных традициях смену имени при пострижении или принятии сана; фрейм наречения ребенка в русскоязычной среде, подразумевающий не изобретение имени, а выбор его из существующего списка русских либо иноязычных имен; метафрейм социальной мимикрии, предопределивший многочисленные акты смены фамилий после революции 1917 г. и т.п.) [2; 45].

Имена собственные связаны с разнообразными сферами человеческой деятельности. Ономастическая система выступает в качестве своеобразной призмы, через которую можно видеть общество и культуру. В ней отражается познавательный опыт народа, его культурно – историческое развитие. В то же время имена собственные, выполняя ряд схожих социальных функций, имеют свои особенности в каждом конкретном языке, входя в систему данного языка, развиваясь по его законам. В ономастике, как области языка, тесно связанной с социальными явлениями, необходимо учитывать взаимодействие языковых и внеязыковых факторов, определяющих в конечном итоге жизнь слова и его функционирование в речи.

Ассоциативный фон имени собственного проявляется в устной и письменной речи и имеет неоднозначный, ситуативный характер, поскольку предполагает соотнесение его с некоей психологической сущностью, представленной в сознании говорящего или слушающего. Имена собственные не прикрепляются к объекту, а приобретают референцию только в процессе именования. То, какое содержание соотносит носитель языка с именем собственным, зависит от его осведомленности, характера, объема и глубины имеющихся у него знаний об обозначаемом объекте, значимости объекта для говорящего.

Имена собственные – феномен языка, включающий в себя экстралингвистическую информацию, которая может быть связана с денотатом имени, с пресуппозициями акта речи, отношением к денотату имени, с традициями употребления имени.

Литература

1. Болотов, В.И. К вопросу о значении имен собственных [Текст] / В. И. Болотов // Восточно-славянская ономастика. – М.: Наука, 1972. – С. 333 – 345.
2.Голомидова М.В. Искусственная номинация в ономастике. Екатеринбург, 1998.
3. Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения: Учебное пособие [Текст] / М. В. Никитин. – М.: Высш. шк., 1988. – 168 с. (Б-ка филолога)
4. Суперанская, А.В. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен [Текст] / А. В. Суперанская // Антропонимика. – М.: Наука, 1970. – С. 7-16.
5. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lingvistics_dictionary.academic.ru/

© Кортунова Е.В., 2013

Кулыева А.А.
г. Уфа, Россия

Использование он-лайн технологий в обучении иностранному языку

В век глобализации и развивающихся информационных технологий появляется множество увлекательных возможностей для изучения иностранных языков более эффективно и доступно. Сегодня он-лайн технологии все более завоевывают популярность среди преподавателей, обучающих иностранным языкам, так как появляется свобода выбора места и времени занятия. Он-лайн технология применяется при дистанционном обучении, а также ее возможно использовать на традиционных аудиторных занятиях, проводимых в кабинетах с необходимым техническим оснащением. Появившееся сравнительно недавно понятие e-learning доказывает свою функциональность, позволяя преподавателю осуществлять мониторинг учебной деятельности студентов, занимающихся по специальным цифровым учебникам. Рассматривая педагогические принципы он-лайн обучения, можно отметить, что в них сохраняются такие принципы, как сознательность, активность, наглядность обучения, систематичность и последовательность, прочность, доступность, связь теории с практикой, а также добавляются новые: интерактивность, стартовые знания, идентификация, педагогическая целесообразность применения средств ИКТ [1].

Согласно Сименсу, развивающиеся знания и усложнение общества требуют нелинейных моделей обучения (процесс) и знания (состояние). В

обучении современный климат требует современные методы. С увеличением технологической связи через Интернет появляются сайты, разрабатывающие широкий ряд учебных материалов, которые связывают общество локально и глобально. Несомненно, он-лайн обучение – это технологический ответ на проблемы изучения различных культур, методов и идей [2].

Один из популярных видов он-лайн обучения – это видеоконференции или вебинары. Вебинары – интерактивные аудио-видео он-лайновые занятия подразумевают дистанционные занятия в режиме реального времени, в которых связь между преподавателем и студентом осуществляется через Интернет. Независимо от местонахождения преподавателя и студента, но при наличии технических средств (компьютера, подключенного к сети Интернет, колонок, наушников и микрофона, веб-камеры) возможно получать обучение иностранным языкам, что существенно экономит время и денежные средства. Он-лайн обучение позволяет студенту изучать все аспекты языка:

- лексику с помощью различных игр, упражнений на закрепление лексического материала;
- чтение, используя он-лайн версии газет, журналов, рассказов на языке;
- письмо, создавая собственные блоги на языке и ведя электронную переписку со сверстниками или носителями языка;
- говорение, участвуя в видеоконференциях, в чатах, в форумах, в социальных сетях;
- аудирование, прослушивая аудиозаписи, а также аудиопередачи зарубежных радиостанций.

Создание виртуальных классов позволяет обучаемому иметь Личный кабинет, где отображаются количество полученных уроков, темы занятий, домашние задания, профайл преподавателя. Имеется возможность всегда задавать вопросы преподавателю и оперативно получать ответы.

Опираясь на личный опыт работы с цифровыми учебниками, содержащими он-лайн компонент, хочется подчеркнуть, что в подобных электронных пособиях представлен разнообразный материал, большое количество тренировочных упражнений и творческих заданий, направленных на развитие компетенций, необходимых для успешной учебы и работы, с помощью изучения и критического анализа проблемных ситуаций, максимально приближенных к жизни. Наблюдается сбалансированный подход к развитию всех видов речевой деятельности с учетом потребности студентов, и это помогает овладеть умением учиться самостоятельно и продуктивно.

Можно сделать вывод, что он-лайн технологии в обучении иностранным языкам становятся полноценной альтернативой традиционного аудиторного занятия или его эффективным дополнением. Применение современных технологий на уроках иностранного языка поможет продуктивно разно-

образить работу над совершенствованием навыков речевой деятельности. Он-лайн технологии – это настоящее и будущее успешного обучения иностранным языкам.

Литература

1. Салимова Л.Х. Становление электронной педагогики // Когнитивный и коммуникативный аспекты дискурсивной деятельности: Материалы Международной научно-практической конференции 11-12 декабря 2012., Том 2. – Уфа, 2013 – С.151.
2. George Siemens. Connectivism: A Learning Theory for the Digital Age. December 12, 2004, Эл.ресурс

© Кулыева А.А., 2013

Кульсарина И.Г.
г.Уфа, Россия

Русско-башкирский литературный дискурс в контексте диалога культур

В современной филологической науке часто используется понятие «дискурс». В качестве начальных значений этого термина указываются такие лингвистические понятия, как «слово», «речь», «речь, погруженная в жизнь», «актуально произнесенный текст», «способ высказывания» [1]. Понимание дискурса в литературоведении синтезирует и охватывает в себе не только лингвистические модели дискурса, а также философские, идеологические, политические, культурологические его аспекты.

Проблема дискурса в литературоведческом аспекте рассматривается в трудах известных зарубежных исследователей М. Фуко, Ц. Тодорова, Ю. Кристевой, Р. Барта, а также в работах российских ученых М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтмана, И.П. Смирнова, И.В. Саморукова, Ю. Руднева, П.А. Ковалева и др.

Современное общество пытается найти ответы на важные и актуальные вопросы бытия, возвращаясь к национальным духовным и культурным истокам. Особенно рельефно отразилось это явление в русской и русскоязычной литературе о Башкортостане: многие писатели интенсивно осваивают нравственно-эстетический опыт устного народного творчества, пытаются осмыслить своеобразие русского и башкирского национального характера, определить место человека в сложном и динамичном современном мире. В русской литературе XX века ярко отражен мир башкирской культуры, репрезентативно показано своеобразие менталитета тюркских народов, минувшие исторические события переосмыслены с позиции современности. Безусловно, рост национального самосознания разных народов, поликультурность современного общества, существование в нём разных конфессий,

идеологий и ценностных ориентаций актуализируют проблемы межкультурных диалогов.

Для создания национального колорита художники слова часто используют элементы «инокультурной» действительности, отражающие материальный и духовный мир изображаемого народа (названия предметов быта, оружия, местности, нарядов и т.д.). Безусловно, эти детали факультативны и играют в диалоге национальных культур незначительную роль, но они становятся внешней приметой национальности персонажа. Так, в романе Е. Шишкова «Емельян Пугачев» дано такое описание руководителя повстанцев-башкир: «Башкирское население чтило своего героя: в селениях, через которые шли толпы башкирцев, Салавата встречали шумными кликами, выносили в турсуках кумыс, мёд, бишбармак, крут, салму…» [2].

Детали обрядового комплекса, искусно вплетенные в повествовательную ткань, точно подмеченные и художественно воспроизведенные черты частной, семейной жизни и домашнего быта минувшей эпохи, придают произведениям русских авторов реалистическую полнокровность и историческую достоверность. Например, в рассказе «Свадьба Сафея» Н. Крашенинникова описываются основные элементы свадебного обряда башкир: приготовление угощения к празднеству и элементы обряда никах: чтение муллой молитвы, закрепляющей союз молодоженов, подтверждение согласия невесты, установление размера калыма. Н.Крашенинников подробно описывает национальные блюда башкир: «Перед наиболее чтимыми гостями задымился жирный бишбармак – башкирское блюдо несложного приготовления, состоящее из квадратных кусочков теста и разрезанной на куски баранины. Бишбармак – значит «пять пальцев» и называется так потому, что едят его всей пятерней» [3]. Необходимо отметить тот факт, что многие русские писатели обращаются к таким пояснениям. Так, в повести Н.Задорнова «Могусюмка и Гурьяныч» читаем: «Женщины внесли котел с вареной бараниной. «Эй, куллама, куллама готова!». «Биш-бармак, биш-бармак! – засмеялся Могусюм. Лапшу и вареное мясо разложили в чашки. Кулламу ели руками, за что и прозвали её биш-бармак – «пять пальцев» [4].

Вышеуказанную первую ступень диалога культур в какой-то мере можно назвать поверхностной, так как создается лишь национальный колорит, характеризующий условно представляемое национальное бытие, то вторая и третья – более сложные: писатели используют все возможности различных литературных и фольклорных культур для установления диалога между ними. Ярким примером вышесказанному могут послужить произведения Е.С. Ефимова, А.П. Филиппова, В.И. Герасимова, И.В. Сотникова и др. Соположение различных национальных архетипов, то есть поиск сходных образов, моделей бытия, наконец, восприятия этих образов представителями разных национальных культур, дополнение этих рядов-символов схожими, но в линейке другого национального мышления, а в конечном

итоге – создание «пограничной» модели мира посредством сближения национальных архетипов. Одним из наиболее устойчивых фольклорных образов в русской литературе XX века является образ солнца. Идущая из глубины тысячелетий, солнечная символика заново переосмысляется писателями в соответствии с их идейно-эстетической платформой и изменившимися историческими условиями. «Солнце Башкортостана», «солнце-сердце», «солнце-глаз» «солнце – это родина» – трансформации подобных эмблем богатого семантического комплекса этого образа в поэзии современных поэтов Башкортостана наглядно отражают новое мироощущение художника, своеобразно иллюстрируя историко-литературный контекст эпохи.

В структуре художественного текста фольклорная символика может являться и композиционным средством. Так, в драматической поэме В.И. Герасимова «Салават Юлаев» неоднократно используется образ дерева [5]. Как известно, в мифологии древо мировое воплощает универсальную концепцию мира. Этот образ соотнесен с общей моделью брачных отношений – и шире – с преемственной связью поколений, генеалогией рода в целом. В первой же картине главный герой обращается к дубу, непокорная песня листьев которого, возносясь к небу, вызывала бурную стихию. И Юлай призывает сына учиться под бурею расти, как этот дуб. У этого же заветного дуба – место встречи Салавата с Гульбазир. Крепкий дуб ассоциируется в мыслях Салавата со свободой, независимостью не только родного края, но и свободой в выборе жизненных идеалов, любви. Этот символический образ выступает как элемент крепления композиции и передает глубокий внутренний пафос всего произведения.

В русской литературе о Башкортостане один из наиболее емких природных образов — образ степи, который несет в себе древнейший, архетипический мотив простора и связанный с ним мотив жизни/смерти. Для многих народов эти понятия неразделимы. Степь дает пропитание для коня и человека, степь же несет с собой и смерть всему живому. В романах А.М. Федорова «Степь сказалась», Н.А. Крашенинникова «Амеля», Д.А. Лебедева «Домик на Сакмаре» этот образ имеет обобщающее – символическое значение. В русской поэзии башкирские степи – это прежде всего степи Салавата, это родная земля национального героя башкир. Данное поэтическое целое неоднократно встречается у Михаила Дудина, чей сборник так и назван «В степях Салавата. Стихи о Башкирии и вольные переводы стихов башкирских поэтов» (1949г.).

При изображении духовной культуры башкир русские авторы должное внимание уделяют и их религиозным воззрениям. Так, в романе Д.А. Лебедева «Домик на Сакмаре» в традициях исламской веры воспитывается Аминэ, главная героиня, для которой слова матери звучат не только как предупреждение, а как завещание: «Для женщины выше всего муж, а потом – отец, а после отца – отец её мужа. Ты не можешь не повиноваться матери:

Аллах накажет тебя по всей своей строгости. Ты не можешь не повиноваться отцу: вдвое строже будет тебе наказание» [6, 234]. В книге часто встречаются слова, связанные с мусульманской мифологией, которые в некоторых случаях приводятся с комментариями. Например: «Это я знаю, потому что мне говорил об этом сам муфтий», «В долгие зимние вечера, когда буран заносит пути, а глубокие долины Сакмары гудят от свирепого воя джинов (злых духов), Хадича приходит к ней и рассказывает волшебные сказки» и т.д. В то же время автор через эти мифологические образы показывает и социальную несправедливость, существующую среди людей: «Большой и страшный Аллах живет на небе. Его не страшно, пока живешь: страшен Аллах только мёртвым. А на земле – Фаттых и Султангарей» [6, 235].

Используя образы и сюжеты священной книги мусульман «Коран», авторы смогли не только углубить идейную составляющую, но и обогатили поэтику и стиль своих произведений. Так, в очерке А.П. Платонова «Крестьянин Ягафар» читаем: «Бабай послушал жену и подумал, что она говорит ему правду. В гостях же ему говорили, что его жизнь теперь в том, чтобы собираться на тот свет, поближе к Магомету» [7, 37]. Обращаясь к имени пророка Магомета, автор иносказательно передает намёк окружающих о том, что герою нужно заниматься своими старческими делами.

Нередко встречается в творчестве русских писателей включение определенного инонационального фольклорного мотива, образа, целого жанра в литературный текст (причем эти элементы иногда перенесены без изменений и адаптаций к литературному произведению, посредством цитат). Чаще всего «напрямую» используются малые фольклорные жанры: пословицы, поговорки, песни. Так, образцы башкирского афористического жанра были удачно использованы И.В. Сотниковым в романе «Сильнее огня». Автор ряда военных книг в указанном произведении правдиво воспроизводит героическую борьбу многонационального народа нашей страны против немецких захватчиков. Среди героев книги действуют и джигиты из Башкирии, среди которых особо выделяется Сабир Азатов – парторг и смелый воин. Это истинный представитель своего народа: он не только искусный кураист, но и плоть от плоти с молоком матери впитавший в свою душу и самое сердце его лучшие традиции, богатую духовную культуру. Азатов знакомит боевых товарищей с преданиями и легендами башкир, нередко свои слова и мысли подкрепляет и аргументирует пословицами. Так, на вопрос Глеба Соколова, красивая ли у него жена, он отвечает: «У нас говорят, красота нужна на свадьбе, а любовь – каждый день» [8, 86]. А Зубцу, который должен идти в разведку, но сомневается в успешном ее завершении, парторг советует: «У нас говорят, слава коня в руках джигита, а слава джигита – в его собственных». И.В.Сотников, как видим, вставляя пословицы в речь персонажа-башкира, дает ссылку: «у нас говорят», тем самым указывая на их народность и традиционность.

В некоторых случаях авторы вводят в повествовательную канву произведения пословицы на языке оригинала. Так, в романе В.М. Перчаткина «Не сотвори кумира» на совет Фаизова поехать в Свердловскую область, чтобы покупать семена люцерны, Прохоров отвечает: «Спасибо за совет. Постараюсь. Ведь только шайтан уметсез» [9, 133]. В сносках автор дает пояснение читателям: «Один черт плутает без надежды».

Многие художники слова, размышляя о духовных корнях башкир, обращаются к прошлому народа, отчасти их произведения приобретают форму исторических преданий. Так, в рассказах Ш. Хазиахметова «Порт-Артур», «Исповедь семьи Пушкаревых» использована форма воспоминаний. В последнем из них описывается история одной семьи, где исповедь матери, отца и сына своеобразно раскрывают перед читателем судьбу башкирской женщины Мадины, связавшей свою жизнь с русским парнем Павлом. Автор вводит в текст исторические рассказы о нугайцах, пословицы и приметы.

Взаимовлияние и взаимодействие двух литератур выражается также в творческом продолжении и освоении традиций русских писателей-классиков башкирскими авторами. По мнению литературоведов, первенство здесь принадлежит традициям Льва Толстого (Храпченко М.Б., Перчик Л.С. и др.). К его опыту обращаются разные по своему художественному почерку писатели, но каждый из них «осваивал в нём то, что содействовало развитию его собственной индивидуальности. Здесь наряду с преемственностью мы наблюдаем и преодоление определенных творческих принципов, нередко прямое отталкивание от них. Но именно в таких формах и протекает литературный процесс» [10].

Близость реалистического метода Л.Н. Толстого методу отечественной литературы XX века проявляется не только в принципах реализма, но и в конкретных приёмах художественной выразительности, в раскрытии диалектики внутренней жизни человека. Современны сегодня такие толстовские приемы, как «психологические монологи» и «внутренние сцены». Толстой изображал внутренний мир героев как психологический процесс, более всего его интересовал духовный рост личности, ее душевная жизнь. В башкирской литературе эти толстовские приемы были успешно продолжены в творчестве З. Биишевой, А. Бикчентаева, М. Карима, Я. Хамматова и др. Как отмечают исследователи, роман Л. Толстого «Анна Каренина» натолкнул М. Карима «на размышления о путях освобождения человека от духовного рабства» [11]. Эта проблема стала центральной в пьесе «В ночь лунного затмения». Толстовские традиции ощутимы и в автобиографической книге М. Карима «Долгое-долгое детство».

В своих рассказах известный мастер башкирской прозы Р.Султангареев удачно продолжил поэтическое мастерство А.П. Чехова, а герои его напоминают «чудиков» В.М. Шукшина.

Особенно яркое выражение находит башкирско-русские и русско-башкирские литературные контактные связи в поэзии. Творчество А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, В.В. Маяковского и других поэтов стали своеобразной школой мастерства для многих башкирских поэтов.

Таким образом, межкультурный диалог способствует взаимному творческому обогащению и идейно-эстетическому объединению представителей двух литератур.

Литература

1. Кенжегараев Н.Д. Особенности дискурсивного анализа художественного текста // Молодой учёный. – 2012. – №4. – С.228-231.
2. Шишков В.Я. Емельян Пугачев. Историческое повествование.–М., 1947. С.127.
3. Крашенинников Н.А. Свадьба Сафея// Амеля. Роман и рассказы. М., 1981. С.194.
4. Задорнов Н.П. Могусюмка и Гурьяныч. Повесть. – Уфа, 1983. С.81.
5. Герасимов В.И. Салават Юлаев. Драматическая поэма // Герасимов В.И. От колыбели до бессмертия. – М., 1995. С.440-457.
6. Лебедев Д. А. Домик на Сакмаре. Роман из жизни Башкирии. М. –Л.: ГИЗ, 1929. 247 с.
7. Платонов А.П. Крестьянин Ягафар// Башкирия в русской литературе. Составление, предисловие, биографические справки, комментарии, библиография М.Г.Рахимкулова, С.Г.Сафуанова. В 6 т. Т.5. Уфа, 2001. С.36-47.
8. Сотников И.В. Сильнее огня// Башкирия в русской литературе. Составление, предисловие, биографические справки, комментарии, библиография М.Г.Рахимкулова, С.Г.Сафуанова. В 6 т. Т.6. Уфа, 2004. С.83-95.
9. Перчаткин В.М. Не сотвори кумира // Башкирия в русской литературе. Составление, предисловие, биографические справки, комментарии, библиография М.Г.Рахимкулова, С.Г.Сафуанова. В 6 т. Т.6. Уфа, 2004. С.125-135.
10. Храпченко М.Б. Лев Толстой как художник. – М., 1978. С. 568.
11. Толстой Л.Н. и Башкирия: методические рекомендации в помощь лектору/ Сост. М.Г.Рахимкулов и С.Г.Сафуанов. – Уфа, 1978. С.26.

© Кульсарина И.Г., 2013

Латыпова А. Р.
г.Уфа, Россия

Практические аспекты проблемы перевода топонимической лексики с русского на английский язык (на примере годонимов и агоронимов города Уфа)

В условиях продолжающейся глобализации Россию посещает большое количество иностранных гостей, и для успешной межкультурной коммуникации возникает необходимость перевода названий основных городских пространств и ориентиров – парков, театров, улиц, площадей, памятников, значимых сооружений города. Возникает необходимость в теоретиче-

ски обоснованном и используемом в мировой практике способе перевода топонимов с русского на английский язык.

Обозначим понятийный аппарат исследования. Ономастика – раздел языкознания, занимающийся изучением имен собственных. Топонимика, по мнению С. Н. Басика – «научная дисциплина, которая изучает географические названия, их происхождение, развитие, современное состояние, смысловое значение, написание и произношение»; топонимия – «совокупность географических названий определенной территории» [2: 6].

Топонимы зачастую являются составными. Используем терминологию, принятую согласно «Глоссарию терминов для стандартизации географических названий», выпущенному Группой экспертов ООН по географическим названиям (ГЭГНООН): родовой термин (genericterm) – нарицательное имя, которое характеризует топографический объект, а не называет его; индивидуальный элемент (specificelement) – та часть топонима, которая не является родовым термином и выделяет объект среди других объектов того же самого класса. Она может включать артикль и/или другие лингвистические элементы [4: 158].

Все топонимы можно классифицировать в зависимости от специфики объекта номинации [2: 18]. Не останавливаясь подробно на классификации топонимов, отметим лишь урбанонимы – названия любых внутригородских объектов.Урбанонимы делятся на подклассы. Годонимы – вид урбанонимов, название линейного внутригородского объекта – улицы, переулка, проспекта, набережной и т.д. Агоронимы – вид урбанонимов, названия городских площадей, рынков.

Перейдем к способам перевода топонимов. А.В. Суперанская, рассуждая о переводе иностранных топонимов на русский язык, отмечает, что транскрипция является основной формой перевода топонимов. Однако практическая транскрипция (без привлечения дополнительных значков) не может передать иноязычного звучания по многим причинам [8:132]. С.Н. Басик выделяет следующие принципы конверсии (передачи) иноязычных топонимов:

1) Официальная форма;
2) Транслитерация;
3) Традиционная форма (экзоним);
4) Переводная и полупереводная форма [2: 106].

В.В. Кабакчи пишет, что в настоящее время сохраняется практика перевода названий годонимов и агоронимов только в случае наиболее известных и легко обратимых названий типа *Red Square* и *Palace Square*. Нередко заимствуется путем транслитерации полное название улицы, включая ономастический классификатор (родовой термин, следуя терминологии ГЭГНООН) и порядок следования слов [6: 432].

Позиция ГЭГНООН выражается в следующем. Передача названий обеспечивается, главным образом, двумя различными способами: транскрипцией и транслитерацией. В повседневных ситуациях нередко применяется транскрипция, при которой используютсятолько буквы и сочетания букв алфавита языка-приемника и которая не обязательно предусматривает точное воспроизведение оригинального произношения [7].

Интересен опыт перевода городских топонимов на английский язык, принятый в городе Казани в связи с недавним проведением Всемирной Универсиады: «В результате совместного обсуждения принято решение при написании наименований улиц, площадей, переулков города Казани преимущественно использовать метод транслитерации – за исключением особых случаев» [11]. При этом предложено, чтобы имена собственные при переводе названий топонимов писались в именительном падеже единственного числа (*улица Пушкина – Pushkin Street*). Названия, содержащие имена иностранных политиков, деятелей науки, культуры, могут сохранять графику исходного языка (*улица Фукса – Fuchs Street*, так как именно такое написание имени – *Karl Fuchs* – предлагается историческими источниками)».

В целом вопрос о выборе способа перевода топонимов с русского языка на английский остается спорным. Исходя из проведенного исследования научной литературы, мы предлагаем проводить русско-английский перевод годонимов и агоронимов следующим образом: родовые термины (*улица, площадь, тупик, шоссе* и т.д.) переводить с помощью калькирования, а индивидуальные элементы (*Ленина, Российская, Советская, Цюрупы*) переводить способом транслитерации в именительном падеже единственного числа. Родовой термин ставится после индивидуального элемента. Названия, содержащие имена иностранных политиков, деятелей науки, культуры, могут сохранять графику исходного языка. Таким образом, обеспечивается общее понимание носителем английского языка родового термина, а также передача индивидуального элемента с учетом специфики русского языка.

Отдельно стоит вопрос о системе транслитерации. Группа экспертов настоятельно рекомендует разработать единую систему романизации (то есть транслитерации) для всех языков, не использующих латиницу, однако в России до сих пор не существует общепринятой системы транслитерации. К примеру, существует ГОСТ Р 52290-2004 «Технические средства организации дорожного движения. Знаки дорожные. Общие технические требования», в котором приведен перевод родовых названий урбанонимов, а также предложена система транслитерации. Однако ГОСТ также вызывает вопросы у лингвистов. Например, слова *железнодорожный, станция* и *вокзал* не имеют английских эквивалентов, иными словами, предполагается их транслитерация. Однако непонятно, почему не предложен вариант *railwaystation*. Другой пример – *центр*. Центр переводится как *centr*

(несуществующее в английском языке слово), то есть способом транслитерации [4:110].

Таким образом, предлагается следующая система перевода родовых терминов:

Таблица 1.

Эквиваленты родовых терминов при русско-английском переводе топонимов

Термин на русском языке	Эквивалент на английском языке
Улица	Street
Проезд, переулок	Passage
Тупик	Blind alley
Площадь	Square
Бульвар	Boulevard
Шоссе	Highway
Проспект	Avenue
Набережная	Enbankment
Аллея	Alley

Для транслитерации индивидуальных элементов предлагается использовать систему транслитерации ГОСТ Р 52290-2004 «Технические средства организации дорожного движения. Знаки дорожные. Общие технические требования».

Используем предложенный вариант для небольшой выборки основных улиц города Уфы. Сравним существующий вариант с предложенным:

Таблица 2.

Перевод выборочных годонимов города Уфы

Название улицы на русском языке	Существующие варианты перевода	Предлагаемый перевод	Комментарии к предлагаемому переводу
Улица Айская	Aiskaya street	Ayskaya Street	Исправлена транслитерация, street с заглавной буквы
Улица Ленина	Lenin street, Lenin st.	Lenin Street	*street* с заглавной буквы
Улица Коммунистическая	Kommunisticheskaya street	Kommunistichesk aya Street	*street* с заглавной буквы

Улица Черны-шевского	Chernyshevsky street, Chernyshevsky st.	Chernyshevskiy Street	Исправлена транслитера-ция, *street* с заглавной буквы
Улица Кирова	Kirov street	Kirov Street	*street* с заглавной буквы
Улица Карла Маркса	Karl Marx st.	Karl Marx Street	Используется имя на не-мецком языке
Улица Мустая Карима	Mustai Karim street, MustaiKarimst.	Mustay Karim Street	Исправлена транслитера-ция
Улица Цюрупы	Tsyurupa Street, Tsyurupa street	Tsyurupa Street	*street* с заглавной буквы
Улица Октябрь-ской революции	Oktyabrskaya Revolyutsya street, Oktyabrskoy Revolyutsii Street	Oktyabrskaya Revolyutsiya Street	Исправлена транслитера-ция, *street* с заглавной буквы
Улица Пушкина	Pushkin street	Pushkin Street	*street* с заглавной буквы
Бульвар Ибраги-мова	bulvar Ibragimova	Ibragimov Boulevard	Индивидуальный элемент в именительном падеже; родовое название перево-дено
Улица Шафиева	Shafieva street, Shafiev st.	Shafiev Street	Индивидуальный элемент в именительном падеже; *street* с заглавной буквы
Проспект Октяб-ря	Oktyabrya Avenue, Prospect Octyabrya, Prospect Oktyabrya	Oktyabr Avenue	Индивидуальный элемент в именительном падеже; родовое название перево-дено
Улица 50 лет СССР	50 let SSSR Street, 50 years USSR street	50 Let SSSR Street	В имени собственном каждое слово с заглавной буквы
Улица им. Горо-да Галле	Galle Street	Halle City Street	Используется название города на немецком языке

Таким образом, на данный момент существуют следующие проблемы перевода топонимов с русского на английский язык в Уфе:

1) Одновременно существует несколько вариантов перевода одного и того же топонима: транслитерация, калькирование (Проспект Октября - Oktyabrya Avenue, Prospect Octyabrya, Prospect Oktyabrya);

2) Перевод топонимов является неполным (Улица им. Города Галле Galle Street Halle City Street);

3) Индивидуальные элементы топонимов траслитерированы бессистемно (Prospect Octyabrya - Prospect Oktyabrya);

4) Родовые элементы топонимов зачастую переведены методом транслитерации (Бульвар Ибрагимова - bulvar Ibragimova)

5) Родовые элементы пишутся на вывесках с прописной буквы, что противоречит традиции англоязычного написания (Pushkin street - Pushkin Street);

6) При транслитерации индивидуальный элемент топонима отображается не в именительном падеже.

Проблема неправильной передачи топонимов существует не только в Уфе. Существует множество интернет-публикаций с фотографиями, свидетельствующими о небрежном переводе годонимов в Москве, Санкт-Петербурге, Казани и т.д. [10-13]

Литература

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., "Междунар. Отношения", 1975. - 240 с.
2. Басик С. Н. Общая топонимика: Учебное пособие для студентов географического факультета. - Мн.: БГУ, 2006. - 200 с.
3. Глоссарий терминов для стандартизации географических названий. - Нью-Йорк: ООН, 2004.
4. ГОСТ Р 52290-2004 «Технические средства организации дорожного движения. Знаки дорожные. Общие технические требования»
5. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. - М.: Р. Валент, 2001. - 200 с.
6. Кабакчи В. В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации [Текст]. - СПб.: Издательство "Союз", 2004. - 480 с. - (Серия "Изучаем иностранные языки")
7. Руководство по национальной стандартизации географических названий. Группа экспертов Организации Объединенных Наций по географическим названиям. - Нью-Йорк: ООН, 2007.
8. Суперанская А. В. Что такое топонимика? - М.: Наука, 1984. - 182 с.
9. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. - 2-е издание, доработанное. - М.: Изд-во МГУ, 2004. - 352 с; ил. - (Класснический университетский учебник).

Интернет-источники

10. http://radion-sveter.livejournal.com/131649.html
11. http://terminal.kzn.ru/turizm/news/show/39269
12. http://www.kazan.aif.ru/society/details/83427
13. http://www.metronews.ru/novosti/v-peterburge-pojavilis-ukazateli-s-bezgramotnym-anglijskim-perevodom/Tpomid---ZZSNfJ7rid6AE/

© Латыпова А.Р., 2013

Лопатина Е.В.
г. Уфа, Россия

Развитие креативности студентов в иноязычном общении

В условиях непосредственных международных контактов последних десятилетий умение общаться на иностранном языке, особенно в устной

форме, становится необходимым условием воспитания современного специалиста. Владение иностранным языком является одним из важнейших элементов, определяющих ценность выпускника ВУЗа.

Свободное владение иностранным языком из привилегии лингвистического специального образования становится потребностью каждого специалиста.

Однако в условиях возросшего интереса студентов к изучению иностранных языков, свободного доступа к аутентичной литературе и возможности непосредственного общения с иностранцами в России и в стране изучаемого языка остаётся нерешённой проблема развития у студентов готовности к коммуникации. Когда возникает ситуация живого общения, многие из них просто отмалчиваются, не вступают в дискуссию, а если и пытаются отстоять свою точку зрения, то часто становятся агрессивными, перебивают оппонента, не дают ему высказаться. Иногда, решившись выступить с докладом, студент теряет нить повествования, начинает запинаться, вызывая насмешки слушателей, что навсегда отбивает у него желание повторить свой печальный опыт. Это связано с тем, что ни в школе, ни в ВУЗе не разрабатываются правила конструктивной коммуникации, не вырабатывается коммуникативная компетенция.

Чтобы избежать подобных трудностей в общении, необходимо применять такие приёмы обучения, которые окажутся способными восполнить дефицит коммуникации и подготовить студентов к реальному общению. По мнению Кан-Калика В.А. и Ковалёва Г.А., общение на любом уровне, от примитивного до высшего – диалогического, носит творческий характер [1, 68]. И как известно, проблему совершенствования системы обучения иностранным языкам студентов технических специальностей связывают с усиливающейся в последние десятилетия ориентацией ВУЗа на творческий, активный, поисковый процесс овладения знаниями.

В психологической литературе существует многообразие взглядов на сущность творчества. Ни одно изобретение, ни одно открытие или даже просто неординарное решение проблемы в любой сфере жизнедеятельности не может быть получено человеком, не обладающим творческими способностями, творческим потенциалом. Однако от понятия «творчество» следует отличать понятие «креативность», «творческость» или, точнее, способность к творчеству. Креативность является важнейшей составляющей личности, определяющей её готовность изменяться, отказываться от стереотипов. Креативность помогает находить оригинальные решения сложных проблем; креативный человек более привлекателен в общении – это связано с его открытостью новому опыту. Креативность рассматривается как способность человека к конструктивному, нестандартному мышлению, а также осознанию и развитию своего опыта. Иными словами, если творчество понимается как процесс, имеющий определённую специфику и приводящий к созданию

нового, то креативность рассматривается как потенциал, внутренний ресурс человека.

Креативность как качество личности проявляется с разных сторон. Значительная часть проявлений креативности относится к особенностям мышления – здесь целесообразно говорить об интеллектуальной креативности. Социальная креативность, проявляющаяся в социальной сфере, необходима человеку в повседневной жизни. Социальная креативность стимулируется, в основном, изменчивостью современного мира. Сорокоумова Г.В. определяет социальную креативность как «фактор и условие развития социализации личности, определяющий её готовность изменяться, отказываться от стереотипов, адаптироваться к изменяющимся условиям социума» [1, 73].

Коммуникативная креативность – это «определённая психическая и социальная готовность личности, позволяющая изменить имеющуюся ситуацию общения так, чтобы общающиеся партнёры могли бы довести до конца какую-либо совместную деятельность, достичь взаимопонимания, уменьшить недоразумения, ликвидировать конфликты» [2, 3].

Условием приобретения студентами за сравнительно короткий период времени достаточно высокого уровня коммуникативной компетенции, который позволял бы свободно пользоваться иностранным языком в любых видах деятельности, является развитие у них в процессе обучения именно социальной и коммуникативной креативности, необходимой человеку в общении: как в повседневной жизни, так и в профессиональной деятельности. Показателем креативности выступает умение решать задачи, возникающие в процессе межличностного общения, находить выход из трудной, иногда конфликтной коммуникативной ситуации, применение различных тактик поведения для достижения конкретно поставленной цели.

Креативность как коммуникативный ресурс личности нуждается в развитии в специально созданных условиях. Одной из форм такой работы может быть тренинговая работа. Тренинги по развитию креативности предполагают обязательное развитие рефлексии, эмпатии, способности к состоянию открытости, снятию поведенческих и эмоциональных стереотипов, «зажимов». Основными задачами таких тренингов является осознание и преодоление барьеров, препятствующих проявлению творческих ресурсов в общении, формирование навыков и умений в диалогическом общении, а для педагога – формирование навыков и умений создания благоприятных условий для развития креативной личности студентов.

Вообще, участвуя в различных группах тренинга человек как бы «тренируется» в проигрывании различных ситуаций за другого, в умении построить прогноз поведения партнёра в фиксированной ситуации и сравнить его с прогнозами других членов группы. Тренинг создаёт условия для роста личности за счёт обращения восприятия, тогда как обычно себя человек воспринимает изнутри, а другого – со стороны. В тренинге, наоборот,

можно видеть себя со стороны, а других – изнутри. Поэтому, информация о себе, генерируемая «своей» группой, воспринимается легче, чем навязанная извне. Она не наталкивается на психологическую защиту, и по отношению к ней человек может проявлять себя менее категоричным. Тогда ему легче понять и оправдать свои поступки и чужие. Его покидает страх остаться непонятым, и он обретает внутреннюю свободу. Теперь активация психологической защиты реже парализует его логическое мышление, предотвращается отрицательное влияние стереотипов, стимулируется способность гибко реагировать на ситуации, переключаться на новые способы действия. То есть, можно говорить о том, что различные виды тренингов являются важным и ценным практическим средством по развитию креативности общения [2, 11].

В качестве приёма для развития социальной и коммуникативной креативности студентов на занятиях по иностранному языку можно, например, использовать деловую игру. Именно дух соревнования располагает к озарениям, позволяющим находить оригинальные решения. Взятая на себя роль помогает участнику игры находиться «в шкуре другого» [2, 17]. В чужой позиции можно позволить себе и другие, нетипичные критерии, которые затем можно перенести и в другие ситуации. Поэтому игры способствуют формированию иной точки зрения на ситуацию, ведут к её переосмыслению. Ключевой момент в деловых играх – возможность исполнения различных ролей, что исключает полную идентификацию с какой-либо из них. Игры помогают усваивать новые приёмы решения, так как в них нет риска, и возможным становится временное или частичное изменение своего подхода к тревожащим проблемам, а значит, вносятся и некоторые изменения в установки, то есть, «открывается путь для информации, ранее недоступной» [1, 80].

Цели использования деловых игр на занятиях по иностранному языку многообразны:

а) совершенствование практических (речевых) навыков и умений;

б) тренировка в использовании учебного материала;

в) развитие творческого потенциала личности;

г) повышение интереса к занятиям и др.

Таким образом, иностранный язык выступает, с одной стороны, как цель: ролевая игра помогает наиболее эффективно усвоить пройденный языковой материал, совершенствовать уже имеющиеся речевые навыки и умения, повысить уровень владения иностранным языком. С другой стороны, иностранный язык является средством, полезным для развития творческих способностей и творческого общения: диалогического и коллективного.

Литература

1. Жилова И.В. К вопросу о развитии креативности студентов средствами иностранного языка в неязыковом вузе / И.В. Жилова // Проблемы подготовки специалистов в технических университетах: материалы VII Всероссийской научно-

методической конференции по проблемам науки и высшей школы. – СПб.: СПб. государственный политехнический университет, 2003. – 307 с.
2. Канн С.Ю. Изучение взаимосвязи креативности общения и креативности мышления студентов: Автореф. дис. … канд. психол. наук. – Н. Новгород, 1998. – 22 с.

© Лопатина Е.В., 2013

Майоров А. П.
г. Уфа, Россия

Билингвизм: социальные аспекты

Чрезвычайная распространенность, бесспорная социальная, социокультурная, когнитивная, политическая и прагматическая значимость билингвизма (дву-/многоязычия) обусловливают высокую степень востребованности теоретического изучения данного явления. Билингвизм является не только характерным признаком языковой ситуации на протяжении всей истории развития человечества, но имеет тенденцию к расширению. Исследователи отмечают распространение билингвизма и мультилингвизма в Европе, Азии, Африке, Америке, Австралии. Это отражает устойчивое движение стремительно переплетающегося мира в границах расширяющегося мультилингвизма и мультикультурализма, что однозначно оценивается учеными как прогрессивное явление.

Билингвизм в прикладном аспекте (владение наряду с родным также и «мировыми» языками) рассматривается не только как дополнительный «лингвистический», но и «политический» капитал, необходимый для приумножения и воспроизводства материального и политического статуса.

В настоящее время актуальность билингвизма поддерживается значительными изменениями в социальном развитии многих стран мира. В России, например, проблема билингвизма оказывается теснейшим образом связанной с национальной и языковой политикой и актуализируется на фоне социально-политических и экономических трансформаций российского общества, обусловленных потребностью этнической самоидентификации. В связи с этим поднимается множество правовых аспектов явления: о статусе языков в многонациональном государственном образовании, приоритетности прав личности и общества (группы) в выборе и изучении языка (проблема родного языка) и т. д.

Помимо всего прочего, знание других языков является «ключом» к культуре другого народа, говорящего на этом языке. Чем больше таких ключей, тем больше знаний, понимания жизни других народов. Чем больше понимания, тем меньше тайн, тем меньше барьеров и вражды между народами.

Общепризнанным фактом на сегодняшний день является многоаспектность двуязычия: оно изучается лингвистикой, психолингвистикой, со-

циолингвистикой, нейролингвистикой, социологией, психологией, социальной психологией, социальной и культурной антропологией, педагогикой и т. д. В силу этого неоднократно высказывалась мысль, что невозможно дать общего определения билингвизма и что не может быть такого существенного признака двуязычия, который был бы применим для социологии, языкознания, педагогики, психологии, паралингвистики.

В силу того, что билингвизм представляет собой гносеологический объект, требующий междисциплинарных исследований, его рассмотрение требует **интегрированного методологического подхода**, который можно было бы обозначить как **пространственно-функциональный.** Согласно этому подходу, человек в своей деятельности (в том числе и речемыслительной, текстовой, знаковой) не только приспосабливается к среде, но и видоизменяет ее, формируя свое социальное и культурное пространство.

Целью настоящей статьи является аргументация необходимости исследования данного явления в рамках билингвального коммуникативного пространства (БКП), определяемого нами как **форма сосуществования, контактирования, взаимодействия и функционирования двух и более языков в обществе в определенный период его исторического развития** [6, 241].

Подчеркнем, что слово «пространство» в составе упомянутого терминологического сочетания используется нами не в общеупотребительном значении как «объективная реальность, форма существования материи, характеризующаяся протяженностью и объемом» [8, 808], а как terminus technicus. БКП входит в состав более широкого конструкта «Языковое коммуникативное пространство» как совокупности интерсубъективной и интрасубъективной языковых реальностей. Языковое коммуникативное пространство взаимодействует с информационно-коммуникативным пространством, открытость которого «создает предпосылки и условия для распространения *двуязычия* или *билингвизма* (курсив автора. – А. М.) как ведущей тенденции языкового развития современного общества» [8].

Мы выдвигаем гипотезу о том, что двуязычие наряду с лингвистическими, психолингвистическими, социолингвистическими, ареальными характеристиками имеет еще и социоструктурный аспект. Анализ существующих теорий показывает, что проблемы социального билингвизма принципиально не могут быть решены за счет использования данных и методов только одной или множества независимых друг от друга наук. Чисто лингвистический подход может увести исследователя в сферу теории языковых контактов с отрывом от социальной базы формирования и функционирования билингвизма, хотя правомерность чисто лингвистического подхода отрицать невозможно. Речь идет о социальном билингвизме. Психолингвистика может увести проблему в направлении нейролингвистики, в сферу медицины. Кроме того, гипостазирование психо-физиологической стороны мо-

жет приводить к выводу о реальности только индивидуального двуязычия (интрасубъективной реальности) и к отрицанию "внешнего" двуязычия (интерсубъективной реальности) как явления общественного (ср. утверждение о том, что язык существует только в мозгу и нигде больше). Это достаточно отчетливо иллюстрируется концепциями "психофизиологической локализации " и "уровней владения языками" при билингвизме.

Традиционный социолингвистический подход часто сводится к социальному детерминизму или социальному функционализму, так как он исходит из психолингвистических определений билингвизма и опирается на понимание общества как простого конгломерата (совокупности) индивидов. При этом происходит перенос психолингвистических характеристик индивидуального двуязычия на общество в целом, хотя имеются в виду только языковые сообщества. За социальный билингвизм фактически принимается групповой. Но это социальность совершенно специфического рода (напр., когда обществом признается группа туристов, больные одной палаты, пассажиры автобуса, жильцы одного дома и т. д.).

Таким образом, в большинстве работ предлагается не целостное представление социального билингвизма, а характеристика отдельных его параметров. Промежуточное положение занимает теория, которая разграничивает лингвистический и социологический подходы: «Общая сема для всех приведенных словарных дефиниций термина «билингвизм / двуязычие» – «сосуществование двух языков», а нанизывание дополнительных сегментов определено подходом к изучению вопроса. Очевидно, что разность толкования двуязычия основана на принятии / непринятии критерия «степень владения языками». Именно этот критерий выводит толкование данного термина на два уровня: собственно **лингвистический и социологический** (выделено нами. – А. М.)» [2, 71]. Это объясняется, прежде всего, недостаточной разработанностью концептуальной базы социального билингвизма. Так, например, понятие пространства применительно к языку и билингвизму специально не разрабатывалось, хотя предпосылки подхода к нему прослеживаются в ряде концепций (язык как среда, как экология, как медиум, как практическое и теоретическое сознание, как социальный институт и др.). Определенные контуры понятия языковое пространство можно усмотреть в таких обозначениях, как "коммуникативная среда", "коммуникативное окружение", "языковой континуум", "медиум", "семиотическое пространство", "семиотическая индивидуальность", "языковая личность" и т. п. Предпосылки пространственного подхода обнаруживаются также в работах нелингвистического плана (ср., напр., понятия ноосферы академика В.И Вернадского [1], культурной и нравственной экологии академика Д.С. Лихачева [4], семиосферы Ю. М. Лотмана [5]).

Концепция социального билингвизма, на наш взгляд, может основываться: 1) на признании диалектического единства интерсубъективной и интрасубъективной реальностей языка, которое реализуется в языковой (речемыслительной) деятельности. Деятельность при этом может пониматься как узко (речевой акт, языковое действие), так и предельно широко (речевая, коммуникативная, текстовая, знаковая и т. д. виды деятельности); 2) на трактовке общества как "группы взаимодействующих (а не просто говорящих или разговаривающих друг с другом) людей"; 3) на понимании социальной реальности как социокультурного поля взаимоотношений, как среды или пространства (в том числе и языкового), соединяющих людей друг с другом.

Мы понимаем социальное двуязычие как **сосуществование, взаимодействие и взаимовлияние двух различных языков в едином двуязычном коммуникативном пространстве в определенную историческую эпоху в многонациональном государстве.** Такое определение позволяет рассматривать двуязычие как общественный феномен в ряду прочих общественных явлений, привлекая данные широкого спектра наук.

Формой бытия социального билингвизма, с нашей точки зрения, является двуязычное коммуникативное пространство (ДКП).

Двуязычное коммуникативное пространство характеризуется многомерностью, многофункциональностью, универсальностью, противоречивостью. Оно имеет определенную структуру, объединяющую разнородные и меняющиеся элементы. Основными его компонентами являются субъекты коммуникативного действия, объекты коммуникативного воздействия, искусственный и естественный коммуникативный континуумы, образовательный и культурный компоненты. В силу этого ДКП создает эффект стереоскопичности.

Понятие ДКП позволяет избежать некоторых методологических ошибок и неточностей, когда социальное двуязычие рассматривается как функция только естественной или искусственной среды, только как следствие субъективных усилий индивида. Оно отражает процесс социализации и взаимодействия личности с обществом и его структурами во всей полноте и единстве жизненных связей, социальных отношений. Механизмы формирования и функционирования ДКП тесно связаны с социокультурными механизмами саморазвития общества, его социокультурными технологиями (семья, система образования, этническая культура и т.д.). В этом смысле можно говорить о контурах, инфраструктуре, ресурсах, фокусирующем эффекте двуязычного коммуникативного пространства.

Между индивидом и ДКП устанавливаются достаточно сложные, диалектически противоречивые отношения. Основой этих отношений, с нашей точки зрения, является процесс (механизм) отражения структуры двуязычного общества в индивиде, с одной стороны, и воспроизводство дву-

язычных индивидов в условиях ДКП. Во-первых, сам индивид является важнейшим компонентом ДКП в качестве субъекта билингвального коммуникативного действия и одновременно как объект такого действия; во-вторых, индивиду навязывается (он может это осознавать или не осознавать) двуязычное языковое пространство (во всяком случае, на ранних этапах его развития), оно формирует двуязычную личность; в-третьих, формирующаяся и сформировавшаяся личность вносит свой вклад в дальнейшее развитие и совершенствование ДКП. Ситуация осложняется еще и тем, что кроме физических субъектов билингвального действия существуют групповые и институциональные субъекты (напр., органы власти, СМИ).

В определенном смысле можно говорить о тотальном воздействии двуязычного коммуникативного пространства на личность. Двуязычное коммуникативное пространство (да и языковое вообще) в значительной степени влияет на процесс социализации индивида, на способ существования и функционирования человека, действие механизмов общения, средств и форм коммуникации, постижения мира.

ДКП вступает в специфические взаимоотношения с географическим, геополитическим, культурным, экономическим пространствами, со сферами науки, искусства. Они также носят характер диалектически противоречивого единства. С одной стороны, ДКП адаптируется к ним, стремясь воспроизвести их в своей структуре, а, с другой стороны, диктует им и свои условия. Двуязычие отражает не только ареальную (географическую) дистрибуцию, но является косвенным следствием структурирования геополитического пространства на национальные и федеральные государственные образования. В свою очередь, долговременная стабильная языковая дистрибуция сама может явиться фактором формирования экономической структуры. В этом случае язык может принимать на себя функцию расширения экономического пространства за пределы географических границ. Таким образом утвердил себя, например, английский язык в сфере международного маркетинга.

С социальной точки зрения владение двумя языками - **это одновременно и реальность, и потенция**, которая реализуется или может быть реализована индивидами благодаря наличию двуязычного коммуникативного пространства при сфокусированности его на актуальных признаках (отсюда и разные уровни владения вторым языком).

В практическом плане понятие ДКП позволяет более четко выявлять структуры, подлежащие реформированию, осуществлять социальное управление процессами формирования языкового пространства; применять методики, ориентированные на решение задач, предполагающих виртуализацию. К числу таких задач можно отнести создание системы мониторинга билингвальных процессов в социуме за счет применения высокопроизводитель-

ных программно-технических средств на уровне проектирования и реализации.

В отличие от дескриптивной системы, которая описывает и объясняет, но не преобразует, понятие ДКП может обеспечить более глубокое проникновение в динамику социальных билингвальных процессов на познавательном уровне и повысить эффективность воздействия на языковое строительство на преобразовательном уровне. Поэтому языковая политика должна быть направлена не только на кодификацию, регуляризацию, чистку, совершенствование языка, но также и на адекватное формирование структуры двуязычного (и полилингвального в более широком смысле) коммуникативного пространства.

В заключение следует отметить, что место социального билингвизма и как объекта, и как предмета исследования еще четко не определено. Его можно рассматривать в качестве особого раздела социолингвистики, билингвологии или в рамках специальной науки - "социология билингвизма".

Литература

1. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере [Текст] / В. И. Вернадский // "Успехи современной биологии". - № 18. - Вып. 2, 1944. - С. 113-120.

2. Истомина О.Б. Билингвизм: социальная типология языковых контактов / О. Б. Истомина // Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 70-74.

3. Ковалева С.С. Билингвизм как социально-коммуникативный процесс: автореф. дисс.…канд. социол. наук/С.С. Ковалева.–М., 2006.–25 с

4.Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка [Текст]/Д.С.Лихачёв // ИАН СЛЯ. - 1993.-Т. 52.-№ 1.- С.3-9.

5. Лотман Ю.М. О семиосфере [Текст] // Ю. М. Лотман. Избранные статьи в трех томах. - Т. 1. - Статьи по семиотике и типологии культуры. - Таллин: Александра, 1992. - С. 11-24

6. Майоров А.П. Взаимодействие языков в двуязычном коммуникативном пространстве (социальные аспекты): дисс. … д-ра филол. наук. – Уфа, 1998. – 356 с.

7. Ожегов С.И. Словарь русского языка, - М.: «Оникс 21 век», «Мир и Образование», 2004. – С. 808.

8. Филимонова М.С. Билингвизм как тенденция языкового развития современного общества [Электронный ресурс] / М. С. Филимонова, Д. А. Крылов // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 1; URL: www.science-education.ru/101-5558 (дата обращения: 29.10.2013).

© Майоров А.П., 2013

Майорова О. А.
г. Уфа, Россия

Аспекты концепта в свете трансдисциплинарности

Целью настоящей статьи является рассмотрение некоторых трансдисциплинарных аспектов подхода к языку в рамках лингвокогнитологии.

Когнитивная наука (КН) (англ. cognitive science) - одно из бурно развивающихся междисциплинарных направлений научных исследований, которое охватывает научные области, исследующие человеческое сознание и его нейро-психо-физиологическую основу — мозг — во всех его проявлениях (когнитивный, соматический, полевой разум). КН использует данные эволюционной биологии, нейрофизиологии, психологии, психологии развития Ж. Пиаже, психоанализа и психотерапии, философии, эволюционной эпистемологии, лингвистики и нейролингвистики, информатики, робототехники.

Развитие КН отражает новое состояние общественной духовной жизни на фоне глобализации**,** исследование которого должно стать предметом новой науки, еще не имеющей общепринятого обозначения («Новая антропология»? «Новая семиотика культуры»? «Цивилизация духа»?) [9].

Новые тенденции находят свое отражение в расширении объема понятия «междисциплинарность», наряду с которым в научный обиход вовлекаются термины мульти-, меж-, транс- и кроссдисциплинарность, фиксируя тенденцию к преодолению узкоспециальной ограниченности в направлении синергетического объединения. Термин «трансдисциплинарность» впервые был предложен в 1970 г. швейцарским психологом и философом Ж. Пиаже [11], который считал, что это более высокий этап междисциплинарности, включающий межнаучные связи внутри глобальной системы, без строгих границ между дисциплинами. Сегодня трансдисциплинарные принципы успешно интегрируются в научные исследования: указания на системность, комплексность подходов, обращение к смежным дисциплинам становятся фактически обязательными для любого научного направления. При этом вырабатываются универсальные понятия, за счет взаимообмена которыми происходит коммуникация между науками - своего рода «метаболизм».

Такой ход событий предвидел Говард Гарднер – американский психолог, автор теории множественности интеллекта. Широкую известность приобрел «Шестиугольник Гарднера» (Gardner’s Hexagon) [17, 5], в котором он отметил уже установившиеся связи между философией, психологией, теорией искусственного интеллекта, науками нейрологического цикла, антропологией и лингвистикой и обозначил перспективу установления неминуемых контактов между науками в будущем.

Необходимость использования принципа трансдисциплинарности в когнитивной лингвистике диктуется двумя мотивами: 1) исследования в любой сфере, как правило, имеют дело с языковым материалом, а потому с необходимостью оказываются *транс/меж/кросс*дисциплинарными; 2) язык не существует изолированно, он интегрирован в непрекращающийся процесс коммуникации и познания, сопряжен с культурными, психологическими, социальными, биологическими и другими аспектами межсубъектного, социального и межкультурного взаимодействия.

Познавательные (когнитивные) процессы детерминированы биологически, психофизиологически, ментально и социально. Множество работ посвящено моделированию когнитивных функций в системах искусственного интеллекта, разработке философских и методологических аспектов когнитивных наук. Наиболее острые дискуссии вызывают проблемы обучения, интеллекта, восприятия, сознания, представления и приобретения знаний, специфики языка как средства познания и коммуникации, мозговых механизмов сложных форм поведения и психотерапевтического воздействия на эти структуры. Многочисленные симпозиумы и конференции посвящаются таким актуальным темам, как соотношение языка и мышления, когнитивное компьютерное моделирование, память и бессознательное, нейрофизиологические механизмы организации поведения, философия и когнитивная наука.

Это имеет следствием появление целого ряда параллельных терминов и терминосистем, имеющих общую содержательную основу, но отличающихся параметрами адаптации к той или иной сфере. К разряду таких обозначений относятся, например, термины *фрактал*, голограмма, голографичность, которые начинают активно использоваться в сфере когнитивной лингвистики, отражая новый вектор развития.

Термин «фрактал» (от лат. fractus – дроблёный, сломанный, разбитый) был введен в научный оборот в 1985 г. известным французским и американским математиком, создателем фрактальной геометрии Бенуа Мандельбротом (Benoît B. Mandelbrot) в значении «геометрическая фигура, обладающая свойством самоподобия, то есть составленная из нескольких частей, каждая из которых подобна всей фигуре целиком» [4]. Обычно фракталы — это неровные кривые или асимметричные формы, повторяющиеся на каждом уровне, поэтому их трудно представить средствами классической геометрии. Для их описания возникла отдельная область математики**.**

В настоящее время понятие фрактала проникло во многие сферы науки и практики [1], [3]. Так, в рамках НЛП (нейро-лингвистическое программирование) фракталы – пример того, как простой процесс на уровне глубинной структуры может породить сложный паттерн на уровне поверхностной структуры. Р. Дилтс и Дж. Делозье относят к «нейро-лингвистическим фракталам» танец (соматический фрактал), музыкальное произведение (аудиальный фрактал) [1].

Отметим, что подлинно нейро-**лингвистическим** фракталом является язык, на что обращает внимание профессор В.Л. Ибрагимова, усматривая фрактальность языка в его способности разветвляться на разных уровнях своей структуры и расширяться путем многочисленных (в случае со словом – бесчисленных) итераций [2, 14-17].

Понятие фрактала в рамках «Дискретной фрактальной парадигмы» применительно к языку, а более конкретно к сфере метафоры, продуктивно

разрабатывают ученые Иркутского лингвистического университета под руководством С.А. Хахаловой (см., напр., [12], [13], [14], [5]).

В основе концептуальной идеи данного направления лежат положения о том, что язык является: а) формой отражения окружающей человека действительности, б) формой хранения знаний о действительности (эпистемическая функция), в) средством получения нового знания о действительности (познавательная или когнитивная функция), г) средством передачи культурного наследия [13, 96].

Явление фрактала коррелирует с феноменом голограммы. Голограмма (от греческих слов *holos* – полный и *grapho* – пишу, что означает полную запись изображения) – это объёмная картина, возникающая в результате интерференции световых волн. Первые голограммы получил в 1947 г. венгерский физик Деннис Габор (1900—1979), работавший тогда в Англии [8]. Она демонстрирует уникальный принцип мироздания, согласно которому каждая частица может содержать в себе информацию о целом. Уникальная модель, предлагаемая голографией, помогает понять энергоинформационную структуру Вселенной [10]. Впервые голографическую модель применительно к исследованию мозга использовал известный американский врач, психолог и нейрофизиолог австрийского происхождения Карл Прибрам [7].

О соотнесенности фрактала, структурно приближающегося к голограмме, упоминает В.Л. Ибрагимова [2]. Различие заключается в том, что голограмма однородна, то есть каждая небольшая ее часть содержит информацию всей гигантской голограммы. Если голограмма содержит абсолютно идентичные повторения той же структуры, то во фрактале наблюдается только подобие, а не идентичность. Фрактал не повторяет структуру в точности, но он так же содержит и отражает все целое, как и голограмма.

В. М. Пименова считает, что признак голографичности присущ концептуальной системе в целом: «Концептуальная система обладает признаком **голографичности** (Выделено нами. – О. М.). Суть принципа заключается в том, что концепты, составляющие эту систему, представляют собой совокупность признаков, необходимых и достаточных для идентификации стоящих за ними фрагментов мира. При этом каждый признак концепта есть самостоятельный концепт, т. е. у признака есть свои признаки» [6, 17].

Достаточно обоснованную лингвоголографическую гипотезу метафоры выдвинул В.И. Шувалов [16].

Выход лингвистики в необъятную сферу трансдисциплинарности таит в себе потенциал раскрытия новых направлений исследования языка, чему мы являемся свидетелями на современном этапе развития лингвокогнитологии.

Таким образом**,** трансдисциплинарность выступает 1) как средство расширения дисциплинарных границ при изучении комплексных познавательных проблем; 2) как система взаимодействий на разных уровнях от про-

стого обмена идеями до интеграции концепций, методологий, исследовательских процедур, терминологических дискурсов, обретая статус «иерархической коммуникативной технологии». Причем Homo lingualis понимается нами не просто как «языковая личность», а как «языковое существо», или одна из ипостасей языка. Человек(о)-язык представляет собой пространство, в котором внутреннее и внешнее образуют нерасторжимое единство.

Литература

1. Дилтс Р., Делозье Дж. НЛП-2: поколение Next / Р. Дилтс, Дж. Делозье. - Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2012. – 320 с.
2. Ибрагимова, В.Л. О фрактальной реальности языка [Текст] / В.Л. Ибрагимова // Семантические, грамматические и когнитивные категории языка: [Юбилейный сборник в честь Почетного академика АН РБ доктора филологических наук профессора Л. М. Васильева]. – Уфа: Гилем, 2007. – С. 14-17.
3. Князева В.В. Дошкольное детство. Голографический подход // В.В. Князева. – Вестник ОГПУ. - Оренбург: издательство ОГПУ, 2003. - №4. – С.191-217.
4. Мандельброт, Бенуа [Электронный ресурс] // URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Мандельброт, Бенуа (27. 10. 2013).
5. Палкевич О.Я. Парадокс как фрактал / О. Я. Палкевич // Филология и человек. - Изд-во Алтайского гос. Ун-та, 2011, № 2. – С. 136-143.
6. Пименова М.В. Концептуальный мир: основа ментальности / М. В. Пименова // Образы мира в зеркале языка: [сборник научных статей]. – М.: Флинта, 2011. – С. 16-25.
7. Прибрам К. Языки мозга (Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии) [Текст] / К. Прибрам. – Перевод с англ. Н.Н. Даниловой и Е.Д. Хомской. Редактор А. Р. Лурия. – М.: Изд-во «Прогресс», 1975. – 464 с.
8. Создание голограммы «по Габору» [Электронный ресурс] // URL:fio.vrn.ru/2005/14/!Physics/1/Golografiya.ppt (26. 10. 2013).
9. Степанов Ю.С. Тонкая пленка цивилизации [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с. ил.
10. Талбот Майкл. Голографическая Вселенная [Текст] / Майкл Талбот. - Перевод с англ. В. Постникова. – М.: Издательский дом «София», 2004. – 368 с.
11. Трансдисциплинарность [Электронный ресурс] // URL: http://transstudy.ru/ (27.10.2013).
12. Хахалова С.А. Метафорология: фрактальная парадигма / С. А. Хахалова // Вестник ИГЛУ 2008, № 2 (23). – С. 70-86.
13. Хахалова С.А. Возможности применения дискретной фрактальной парадигмы в исследованиях по метафоре / С.А. Хахалова // Вестник ИГЛУ 2008, № 4. – С. 96-101.
14. Хахалова С.А. Семиометрия ценностных смыслов метафорики образа страны / С.А. Хахалова // Вестник ИГЛУ 2012, № 3. – с. 23-27.
15. Четвёртая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов: в двух т., Томск, 22–26 июня 2010 г. – Томск: Томский государственный университет).
16. Шувалов В.И. Метафора в лексической системе немецкого языка: дисс. … д-ра филол. наук. –М., 2006. – 392 с.
17. Cole Michael. Culture and Cognition / Michael Cole // Outlines, No. 1, 2003. – P. 3-15.

© Майорова О.А., 2013

Матвеева Н.В.
г. Стерлитамак, Россия

Понимание как результат формирования проекции текста

Целью данной статьи является анализ процессов восприятия и понимания текста как результата формирования проекции текста на сознание реципиента. Практическим обоснованием наших предположений послужили данные, полученные в результате первой предварительной серии экспериментальной работы.

В русле психолингвистического подхода процесс понимания текста трактуется как не ограничивающийся содержанием текста. Текст воздействует на концептуальную систему человека, что «проявляется в процессе означивания текста как сложного языкового знака, когда индивид обращается к своему вербальному и невербальному, перцептивному, когнитивному и аффективному опыту ... при обязательном сочетании понимания с переживанием понимаемого» [5, 64].

Во всех психолингвистических исследованиях подчеркивается сложность и многоплановость процессов восприятия и понимания текста. Все ученые указывают на их тесную взаимосвязь, поэтому восприятие и понимание принято рассматривать как две стороны одного явления – сторону процессуальную и сторону результативную. «В некоторых случаях оба эти понятия употребляются как синонимы, чаще же они рассматриваются как разные понятия, соответствующие двумсамостоятельным, хотя и связанным процессам» [7, 34].

Восприятие и понимание (осмысление) текста – один из самых сложных видов речевой деятельности, отражающий не только языковую компетенцию субъекта, но и психологические характеристики наряду с индивидуальной спецификой интеллектуальной деятельности. Некоторые исследователи противопоставляют восприятие и понимание сообщения, поскольку для восприятия необходимо только владение «языковым кодом» и оно «как бы предшествует пониманию», а «в понимании имеется экстралингвистический аспект; оно предполагает знакомство слушателя с теми явлениями объективной действительности, которые служат предметом высказывания, его содержанием» [6, 32].

Восприятие есть процесс отражения совокупности свойств изучаемого текста, их узнавание и отнесение к определённой категории уже известных свойств и явлений, их осмысление. По известному утверждению А.И. Новикова, внешние формы языковых знаков «декодируются и приобретают содержание только в процессе восприятия и понимания, т.е. в результате их взаимодействия с интеллектом, где и формируется содержание текста как некоторое мыслительное образование» [7, 31]. Следовательно, само воспри-

ятие представляет многоуровневый комплекс, где составными являются эмпирическое, оригинальное, а также смысловое восприятие. При переходе к смысловому уровню восприятия достигается точность, адекватность и глубина понимания текста. Глубокое и полное понимание текста должно базироваться на знании; более того, понимание выходит за рамки знания. Н.И. Жинкин в своей статье объяснил понимание текста следующим образом: «При понимании текста (декодировании) осуществляется переход от полных слов к общему смыслу сообщения. При составлении текста (кодировании) необходим переход от общего смысла сообщения к полным словам. В обоих случаях процесс осуществляется во внутренней речи» [3, 26-38]. Понимание текста, его осмысление (или смыслообразование) носит субъективный характер и во многом зависит от социального, эмоционального контекста.

В результате осмысления текста у реципиента должна образоваться проекция этого текста. Проекцию текста определяют как «продукт процесса смыслового восприятия текста реципиентом, в той или иной мере приближающийся к авторскому варианту проекции текста» [4, 35]. Проекцию текста составляет система представлений (смыслов), которая формируется у реципиента при взаимодействии со знаковой продукцией. По мнению Т.М. Дридзе [2, 189], реципиент адекватно интерпретирует текст только в том случае, если основная идея текста истолкована адекватно замыслу автора, то есть проекции текстов автора и читателя максимально приближены друг к другу. Если реципиент четко понял, с какой целью порожден данный текст, что именно хотел сказать его автор с помощью задействованных в тексте средств, то можно сделать вывод, что он интерпретировал текст адекватно. Тем не менее, общеизвестен тот факт, что в интерпретации одного и того же текста разными реципиентами часто наблюдаются значительные расхождения. Прежде всего, это относится к художественным текстам, так как другие виды текстов (например, научные тексты) строятся так, чтобы быть однозначно понятыми читателем. Художественные тексты предполагают различия в трактовке их смысла, ведь содержание художественного текста зачастую «настолько неоднозначно, что можно говорить о множественности содержаний» [1, 29]. Поэтому человек, воспринимающий текст, может создать для себя его собственную проекцию, которая коренным образом может отличаться как от проекций текстов других реципиентов, так и от авторского замысла.

Таких интерпретаций может быть значительное множество, но именно эти проекции текста на сознание реципиента и будут являться пониманием его содержания.

Вариативность восприятия одного и того же текста объясняется, на наш взгляд, несколькими психологическими причинами. В первую очередь сюда следует отнести проявления мотивационной, когнитивной и эмоциональной сфер личности: те потребности, мотивы и цели, которые побудили

человека обратиться к данному тексту; эмоциональный настрой в момент восприятия текста; степень концентрации внимания на воспринимаемой информации и т. д. В процессе восприятия существенную роль, по мнению А.И. Новикова, играет догадка о возможной ситуации, осуществляемая на основе прошлого опыта, актуализируемого знания [8, 187].

В процессе осмысления текста индивид обязательно опирается на схемы знаний о мире. Эти знания позволяют ориентироваться в ситуации, которая описывается в тексте, домысливать ее, судить о правдоподобности или нереальности описываемых событий. Поэтому мы считаем необходимым выделить психофизиологические особенности индивида, воспринимающего текст – его пол и возраст. Половые и возрастные особенности определяют наличествующую у человека картину мира, от которой и зависят различия в восприятии и трактовке содержательных компонентов текста.

Таким образом, осмысление или порождение смысла текста есть проекция сознания реципиента на воспринятый текст.

Для анализа процесса создания проекции текста на сознание реципиента т.е. формирования содержания, проведена первая, предварительная серия эксперимента.

В пилотном эксперименте принимали участие студенты 2-3 курсов филологического факультета в кол-ве 50 человек, далее реципиенты. Им был предложен отрывок из художественного текста - описания. Цель данного этапа эксперимента – проанализировать процесс понимания содержания текста. Для этого по прочтении текста реципиенты ответили на вопрос «О чем данный текст?» Несмотря на элементарность вопроса, мы получили интересный результат.

Текст – описание вызвал различные толкования содержания от совершенно нейтральных: «погода» - 20 %, «явление природы» - 10% «гроза» - 20 %, до «приближение грозы» и «внезапное изменение погоды» - по 15%, «отрицательные последствия погоды» - 20%. Мы видим, что моделирование фрагмента действительности происходит одновременно с оцениванием ситуации. Т.е. процесс восприятия включает в себя осмысление, возможно, поверхностное или «первичное». Следующим шагом (этапом) эксперимента являлся вопрос «В чем смысл данного текста?». Процесс смыслообразования представляется нам как создание проекции сознания реципиента на текст. Множество «смыслов» возникает именно потому, что реципиенты имеют различный социальный опыт, возраст, пол, психологические особенности и психологический настрой (состояние). Испытуемые, принявшие участие в нашем эксперименте, являются студентами приблизительно одной возрастной группы, что разрешает предположить о примерной равнозначности по первым двум признакам. Юноши составили около 20% от общего числа участников, психологические особенности и настроение отдельно не изучались в ходе исследования.

В результате анализа второго этапа мы пришли к следующим выводам. Сознание реципиента создает свою собственную проекцию воспринятого текста. Эти проекции основаны на образах, вызванных ассоциациями при декодировании субъективного авторского замысла.

Литература

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.:.Наука,1981. – 140 с.
2. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология / Под ред.А.А. Леонтьева. – М.: Высшая школа, 1980. –242 с.
3. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. – С. 26-38.
4. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М., 1982. – 273 с.
5. Залевская А.А. Текст и его понимание: Монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 177 с.
6. Зиндер Л.Р. Введение в языкознание.– М.: Высшая школа,1987.– 175с.
7. Новиков А.И. Семантика текста и её формализация. – М.,1983.–213с.
8. Новиков А.И. Контекст и перефразирование как инструмент осмысления // Языковое сознание устоявшееся и спорное. XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – Москва, 2003. – С. 187-188.

© Матвеева Н.В., 2013

Махмутова А.С.
г. Уфа, Россия

Особенности функционирования тюркизмов в деловых памятниках древнерусской письменности XIII-XVI вв.

В развитии словарного состава языка значительная роль принадлежит заимствованиям из других языков. Их относят в внешним средствам номинации, противопоставляя внутренним средствам.

В истории русского языка немаловажную роль в наименовании лиц по социальному положению, должности, роду занятий сыграли тюркизмы.

Большое количество слов тюркского происхождения со значением лица зафиксировано в памятниках деловой письменности, относящихся к периоду ордынского владычества, а также в русских источниках послеордынского периода, отражающих отношения Московского государства с государствами восточными. Это такие слова, как *баскак, дорога*, обозначающие представителей власти, *толмач* (переводчик), *казначей, киличей* (посол), *улан* (член ханской семьи, лицо княжеского рода), *бакшей* (писец), *бураложник* (должностное лицо, чиновник), *карачей* (представитель высшей знати, советник хана) и др. Тюркизмы *баскак* и *дорога* в значении «представитель золотоордынского хана», по-видимому, являлись синонимами, раз-

личающимися степенью употребительности: в отличие об общеупотребительного *баскак*, *дорога* встречается гораздо реже и преимущественно в деловой письменности. Слово *дорога* стало известно носителям русского языка позднее, чем *баскак*, и сохранялось в языке дольше. *Дорога* в русских источниках XIV-XV вв. (когда баскаки исчезли) – «представитель золотоордынского хана», а после распада Золотой Орды – «представитель местных династий», в XVI в. – «правительственный чиновник у восточных народов». Так, можно говорить о своеобразной «предыстории» слова *бакшеи* «ханской чиновник, писец», которое было заимствовано русским языком в послеордынский период (см. данные Словаря русского языка XI-XVII вв.): в форме *бакшии* это слово впервые встречается под 1357 г. в золотоордынских ярлыках русским митрополитам в качестве непереводимой приставки к личному имени писцов ханских канцелярий.

Если *баскак*, *дорога*, *бураложник*, *бакшей* и под. служили в русском языке почти исключительно для обозначения иноземцев, то производные от тюркизмов слова могли обозначать как иноземцев (*баисник*, *таможник*, *темник*), так и русских людей (*улусник, ямщик, ямник, ордынец, таможник*). В наименованиях лиц по социальному положению, должности, роду занятий, образованных от тюркизмов, продуктивен суффикс -ник-: *баисник* «должностное лицо, чиновник» - от *байса* «знак отличия, власти»; *темник* «военачальник, командующий десятитысячным войском – от *тьма* «отряд в десять тысяч человек»; *улусник* «подвластный владетель, вассал» - от *улус* «удел, владение, подвластная страна»; *ямник* «сборщик ямского сбора, заведующий ямской повинностью» - от *ям* «повинность, денежный сбор на ямскую гоньбу»; *таможник* «сборщик ордынской подати – от *тамга* «вид подати» и *таможник* «сборщик торговой пошлины» - от *тамга* «торговая пошлина». Существительные *ямщик* и *ямник*, первоначально синонимы, имели значение «сборщик ямского сбора, заведующий ямской повинностью». В дальнейшем (XVI в.) *ямник* вытесняется лексемой ямщик, за которой окончательно закрепляется значение «возница, кучер на ямских почтовых лошадях» (от *ям* «почтовый двор, почтовая станция»).

Ряд прилагательных, восходящих к тюркизмам, участвовал в образовании составных наименований, конкретизируя значение существительного, обозначающего лицо. Так, в русских переводах золотоордынских и крымскоханских ярлыков при перечислении военных и гражданских чинов и званий упоминаются *темный князь, улусный князь, кочевный князь. Темный* князь (от *тьма* «отряд в десять тысяч человек») – начальник десяти тысяч воинов; *улусный* князь (от *улус* «удел, владение») – удельный феодал, владетельный бек; *кочевный* князь (от *кочевать*) – представитель степной кочевой феодальной аристократии, владетель кочевого улуса. В русских грамотах встречаются также устойчивые словосочетания с прилагательными *ямской* (от *ям* «почтовый двор»), *таможный*, *таможенный* (от *тамга* «торговая

пошлина»): *ямской дьяк, ямской староста, ямской охотник, ямской приказчик*; *таможный, таможенный дьяк, таможенный голова*.

В XIII-XVI вв. тюркизмы способствовали обогащению лексико-семантической группы существительных со значением лица в русском языке. Сфера функционирования тюркизмов – наименований лиц по социальному положению, должности, роду занятий в основном ограничивалась рамками деловой письменности.

© Махмутова А.С., 2013

Мигранова И.Х.
г. Уфа, Россия

Теоретические основы исследования гендерных стереотипов в лингвистике

Понятие «гендер» стало неотъемлемой частью лингвистического категориального аппарата лингвистики в конце 80-х– начале 90-х годов 20 века. Данная реалия отличается большим своеобразием: дело в том, что ее заменяет английский термин «gender», который обозначает, среди всего прочего, также и грамматическую категорию рода. Он вошел в широкое употребление не только в лингвистическом плане, но также и в исследовательской парадигме социальной философии, социологии, истории и других наук.

По этой причине крайне часто в языкознании делались попытки заменить данное понятие на другие, имеющие давние традиции употребления в русском языке [8]. В качестве такого понятия были предприняты попытки ввести термин «половая идентичность», под которой понимается конструирование поведения в зависимости от социальных устоев, которым следуют лица разной половой принадлежности [7].

Такой подход представляет собой попытку систематизировать терминологический аппарат в соответствии с законами родного языка. Однако это представляется делом крайне сложным: в специальной и профессиональной русскоязычной литературе применяется не только термин «гендер», но и его различные производные – гендерные исследования, гендерные аспекты, гендерные отношения и т.п.

При таких условиях гендер рассматривается как одно из условий формирования и конструирования в общении социальной идентичности говорящего, которая также определяется и другими параметрами: такими как статус, возраст, социальная группа и другие физиологические и социальные константы [7].

Именно в силу изложенных выше причин гендер во многих исследованиях рассматривается как совокупность социальных и культурных норм поведения, которые определяютсям принадлежностью к определенному биологическому полу. В этом плане очень важно понимать, что биологический пол в этом случае не выходит на первый план: большое, и даже решающее значение здесь имеют социокультурные нормы поведения, поскольку они являются манифестацией различных психологических особенностей, моделей общественного поведения, видов деятельности, профессиональных особенностей, что относится как к женщинам, так и к мужчинам [3]. Именно выделение такого рода компонентов в обществе и представляет собой социо- и психолингвистическую модель поведения, которую формирует гендер. Общественная нагрузка гендерной роли и является детерминирующим фактором в определении языкового поведения индивида [4].

Согласно концепции Сандры Бем (S. Bem) [1], любой человек, независимо от его биологического пола, может проявлять различные качества, которые являются как традиционно мужскими, так и традиционно женскими. Именно это частично объясняется ослаблением различного рода полоролевых норм, что предопределяет свободный переход от традиционно женских занятий к традиционно мужским и наоборот [2].

Еще одной важной характеристикой гендерных исследований является динамичный характер рассматриваемой нами реалии, значимость процессуальных компонентов, поскольку в данном случае они неразрывно связаны с культурными обусловленностями пола. Именно это позволяет ряду исследователей подойти к гендеру в развитии – как к динамическому, изменчивому продукту развития общества [9].

С этой точки зрения гендер в той или иной степени варьируется в результате конкретных действий тех или иных индивидов, которые различными способами манифестируют свою идентичность [8]. Тем самым представляется возможным определение гендера как«непрерывного процесса продуцирования обществом различий в мужских и женских ролях, ментальных и эмоциональных характеристиках при речевом поведении» [9].

На основе теоретических постулатов мы поставили перед собой задачу выстроить типологию особенностей мужской и женской письменной речи в современном дискурсе независимо от стиля текста. В данном случае мы делаем попытку проследить гендерные особенности вне зависимости от стиля текста и экстралингвистических реалий.

В качестве отправной точки для нашего исследования мы принимаем те общепринятые каноны, которые можно проследить в трудах современных исследователей. В соответствии с ними мужскую речь характеризуют:

- тенденция к употреблению армейских и тюремных жаргонизмов;

- высокая частотность в употреблении вводных слов и конструкций декларативного характера, которые не подвергают сомнению слова отправителя сообщения (очевидно, несомненно, конечно);

- преобладание употребления абстрактных имен существительных;

- сглаживание коннотативного компонента при выражении эмоционально-окрашенных реалий в сторону однообразия;

- использование клише, заимствованных из современных медиа;

- употребление в качестве вводных слов нецензурных выражений, которые, как правило, обозначают действия и процессы;

- диссонанс между употреблением знаков препинания и эмоциональным накалом речи;

- использование технических и технологических терминов, обозначающих различные процедуры действия;

- тенденция к подчеркиванию точности номинации;

- опора на профессиональные константы в различных случаях словоупотребления.

Для женской же речи типичны:

- преобладание вводных слов, определений, обстоятельств, местоименных подлежащих и дополнений,модальных конструкций, которые выражают различные степени проявления неуверенности (может быть, по-видимому, по-моему);

- склонность к употреблению «престижных» коннотативных форм в зависимости от ценностных устоев общества;

- тенденция к редукции и нивелированию коннотативного компонента в речи;

- сочетание слов с резкой коннотативной окраской и дейксиса (эта сволочь; эти подонки);

- большая образность речи при описании чувств, многообразие инвектив и их акцентуация при помощи усилительных частиц, наречий и прилагательных);

- повышенная частотность в словоупотреблении конструкций «наречие + наречие» (слишком безжалостно; очень хорошо), простых и сложносочиненных предложений, конструкций с двойным отрицанием;

- избыточность в словоупотреблении имен прилагательных;

- более точная конкретизация цветовой гаммы и всего того, что с этим связано;

- употребление уменьшительно-ласкательных конструкций, суффиксов и других форм вежливого обращения;

- именные преференции при обращении к партнерам по коммуникации;

- сопровождение речи экспрессивными невербальными жестами;

- частое использование междометий и различного рода эмоциональных конструкций.

Таким образом, в ходе исследований такого рода представляется возможным проверить постулаты ряда ученых, которые полагают, что мужская и женская речь имеют постоянный набор признаков, обозначаемый в теоретической литературе как гендерлект. Мы полагаем, что односторонний подход к данному понятию не позволит провести многокомпонентный анализ данного явления. Основная причина этого – отсутствие в русском языке четко обозначенных границ, которые разделяли бы мужскую и женскую речь.

Литература

1. Bem S. The measurement of psychological androgyny // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. 42. P. 165-172.
2. Кирилина А. В. Гендер : лингвистические аспекты. – М: Ин-т социологии РАН, 1999, 189 с.
3. Фомин А.Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности (автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук). – Барнаул, 2004. – 51 с.
4. Фомин А.Г. Психолингвистическая концепция моделирования гендерной языковой личности. – Москва-Кемерово: Кузбассвузиздат – 2003. – 235 с.
5. Кронгауз М. А. Sexus, или Проблема пола в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. – М., 1996. – С. 510-525.
6. Трофимова Е. И. О концептуальных понятиях и терминах в гендерных исследованиях и феминистской теории // Женщина в российском обществе. – 2000. – N 4. – С. 32-39.
7. Униакин С. А. Поле пола: в центре и по краям // Вопросы философии. – 1999. – № 5. – С. 83/
8. Кирилина А.В. Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gender-cent.ryazan.ru/school/kirilina1.htm
9. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.

© Мигранова И.Х., 2013

Минеева М.А.
г.Уфа, Россия

Развитие межкультурной компетенции в курсе делового иностранного языка

В настоящее время разработаны и активно развиваются два новых общих подхода к обучению иностранным языкам: *коммуникативный* подход, основной целью которого выступает развитие коммуникативной компе-

тенции, и *межкультурный* подход, в рамках которого превалирует акцент на развитии межкультурной компетенции. Оба подхода «перекрываются» в нескольких областях и имеют некоторые общие характеристики; не случайно еще один важный современный тренд так и обозначен «межкультурная коммуникация» (под которой обычно имеется в виду «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [2, 72], тогда как наиболее общепринятым определением интеркультурной компетенции признается следующее: «способность эффективно и надлежащим образом общаться в ситуациях межкультурного общения на основе собственных межкультурных знаний, навыков и подходов» [3, 9]).

Однако эти подходы также различаются по аспектам, имеющим решающее значение при обучения иностранному языку, – например, при определении желаемого результата такого обучения.

Существует множество академических публикаций по межкультурной компетенции – как отечественных, так и зарубежных (в России данная проблема активно разрабатывается в работах Л.Б. Гудкова, Н.П. Вольской, С.Г. Тер-Минасовой, В.В. Сафоновой и других), создающих устойчивое впечатление, что на сегодня этот подход не только широко признан, но и приобретает некий парадигматический статус для сферы исследований, связанных с изучением иностранных языков. Это не удивительно, учитывая реальную значимость навыков «вживания» в иноязычную и инокультурную среду, вырабатываемых в ходе овладения новым (не родным для обучаемого) языком.

Восприятие предметов и людей, с которыми человеку приходится иметь дело, условий, в которых протекает его деятельность, составляют необходимую предпосылку осмысленного человеческого действия. Жизненная практика заставляет человека перейти от непреднамеренного восприятия к целенаправленной деятельности наблюдения; на этой стадии восприятие уже превращается в специфическую «теоретическую» деятельность; восприятие в форме наблюдения переходит в более или менее сложную деятельность мышления, в системе которого оно приобретает новые специфические черты. В то же время широко известно, что теоретическая деятельность вообще и мышление в частности осуществляется вербально, в рамках системы того или иного языка, и шире – той или иной культуры, в которой принят именно этот язык. Таким образом, в ходе обучения иностранному языку человек начинает постепенно воспринимать привычные для него реалии окружающего мира, обозначаемые словами, несколько иначе – во всяком случае, появляется существенная предпосылка для подобного расширения границ восприятия и осмысления тех или иных объектов и/или явлений. Именно на этом феномене сознания, давно зафиксированном психологами, базируется интеркультурный подход, призванный обеспечить всемерное

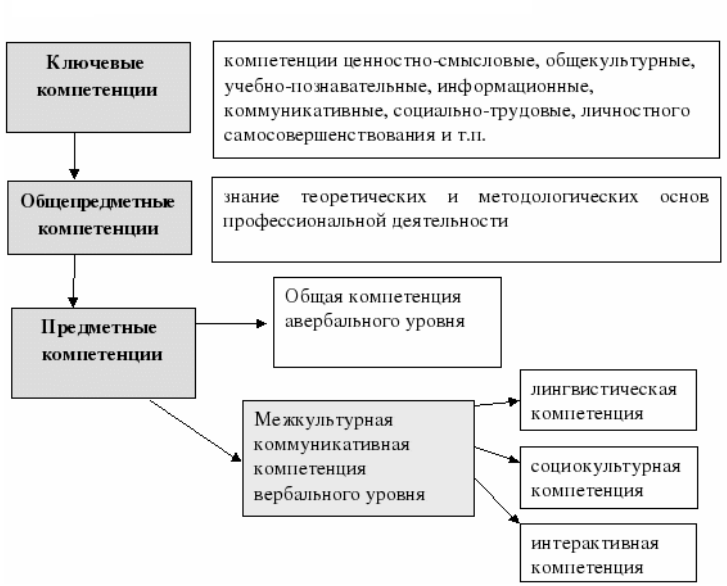
развитие способности обучаемого к более гибкому восприятию и, в определенной мере, смене собственных лингвокультурных установок либо их значительному «смягчению».

Кстати говоря, и сам концепт «интеркультурной компетенции» в сфере образования в некотором отношении может служить адекватным примером практического применения данного концепта: изначально сформированный в англоязычной академической среде, он быстро обрел популярность и среди представителей других лингвокультурных традиций; при этом, развивая концепт в соответствии с собственными традициями, исследователи также ориентируются на его «родную» лингвокультурную среду и принятые в ней подходы.

Особо следует выделить такой аспект рассматриваемой проблемы, как развитие межкультурной компетенции при изучении делового иностранного языка, в ходе которого студенты, как предполагается (и как подтверждает практика), усваивают не только конкретные лингвистические конструкции, но и соответствующие им бизнес-реалии. Ни для кого не секрет, что в последние десятилетия «деловое» сознание среднестатистического россиянина развивалось в существенной степени в соответствии с принятыми в т.н. «западной» (в первую очередь англосаксонской) культуре стереотипами, что нашло отражение и в активном использовании англоязычной деловой лексики. Даже не будучи специалистами по экономике, мы постоянно употребляем в обыденной речи (к сожалению, не всегда зная их истинное значение) такие термины, как «бартер», «бестселлер», «блокбастер», «франшиза» и т.п.; пожалуй, сегодня можно уже говорить о владении неким начальным уровнем подобной лексики как о критерии в том числе и общего культурного развития: человек, бездумно муссирующий подобную терминологию, не зная точное значение всех употребляемых им слов, может попасть в неловкую ситуацию, оказавшись среди людей, действительно усвоивших и «освоивших» (очень подходящее слово, подразумевающее «освоение», интериоризацию внешней информации) реальное значение звучных терминов… В качестве наглядного примера можно привести несколько, может быть, утрированный образ успешного современного предпринимателя или менеджера: он получил образование в «западной» бизнес-школе, его речь пестрит образчиками англицизмов и т.д. И хотя этот стандартный уже образ выглядит, пожалуй, несколько упрощенно и даже карикатурно, - амбициозные молодые люди готовы и дальше ориентироваться на него. (Обсуждение вопроса, насколько эта тенденция позитивна или негативна для нашей собственной культурной традиции – более «духовной», как принято считать, - выходит за рамки данного сообщения.)

Интеркультурная компетентность признается ныне одним из важнейших результатов изучения студентами иностранных языков; так, В.А. Брылева в своем диссертационном исследовании приводит следующую раз-

работанную ею схему структуры профессиональной компетенции лингвиста [1, 24]:

- и хотя в данной схеме отображены сферы компетенции в первую очередь профессионалов-лингвистов, стоит отметить, что такие представленные в ней уровни вербальной межкультурной компетенции, как компетенция социокультурная и интерактивная, с той же правомерностью можно отнести к представителям других профессий, поскольку они относятся к базовой составляющей культурного развития всякого современного человека, почитающего себя «образованным» и «цивилизованным».

Литература

1. Брылева В.А. Развитие межкультурной компетенции студентов-лингвистов средствами виртуальной образовательной среды специального факультета: диссертация... кандидата педагогических наук: 13.00.02. Волгоград, 2007.
2. Шевцова Н.Я., Обухова Н. В. Межкультурные аспекты обучения иностранным языкам // Современные тенденции в обучении иностранным языкам и межкультурной коммуникации. Материалы Международной заочной научно-практической конференции 24 марта 2011 года. Электросталь: Новый гуманитарный институт, 2011.
3. Lange K. Perspectives on Intercultural Competence. A Textbook Analysis and an Empirical Study of Teachers‘ and Students‘ Attitudes. Berlin: Freie Universität Fachbereich Philosophie und Geisteswissenschaften Institut für Englische Philologie. 2007.

© Минеева М.А., 2013

Михайленко Е.Н.
г.Уфа, Россия

Прометеевская тема как основа авторского мифа в литературе английского романтизма

Миф о Прометее, как и всякий миф, таит в себе широкие возможности истолкования, характер которого зависит как от эпохи, так и от склада личности истолкователя, его убеждений, темперамента и пр. В литературе Нового времени на основе классической мифологии возникает авторский миф, выражающий обобщенное представление поэтов о взаимоотношениях между миром и человеком. Романтизм с его тяготением к всеобъемлющему и универсальному восприятию мира обрел в мифологии продуктивную почву для творчества. Сама модель мифа была воспринята романтиками как прототип, использование которого позволило бы достичь подлинной полноты охвата бытия. В романтической культуре мифотворчество является основополагающей формой мышления, способствующей постижению первооснов бытия.

Давно замечено, что прометеевское начало укоренено в романтической культуре и созвучно с ней. В творчестве английских романтиков — Д.Г. Байрона, П.Б. Шелли и М. Шелли — можно обнаружить исчерпывающее разнообразие истолкований прометеевского мифа. Известно, что все трое, находясь вместе в Швейцарии в 1816 году, часто беседовали о Прометее и обсуждали трагедию Эсхила. Шелли даже вслух с листа переводил ее Байрону, а итогом этих встреч стала договоренность о том, что каждый посвятит Прометею одну из своих поэтических работ. Так появилось стихотворение Байрона «Прометей» и лирическая драма Шелли «Освобожденный Прометей» (1819), которые предельно ярко отразили представления каждого о мироздании, истории и человеке, обнаружив в то же время наличие у поэтов серьезных мировоззренческих разногласий.

П.Б. Шелли был первым среди художников Нового времени, кто восстановил космогоническое звучание мифа и в этом смысле приблизился к греческому образцу, но от эсхиловской интерпретации легенды версия Шелли отличается рядом существенных особенностей. Как известно, поэт-романтик отверг идею примирения между Прометеем и Зевсом. Во-вторых, титан Шелли не одинок в своем бунте против тирана, и на его стороне вся природа. Падение Юпитера неизбежно, поскольку неестественна и аномальна его власть. Таким образом, мироздание Шелли, как и эсхиловское, носит моральный характер, однако конечную гармонию бытия должно обеспечить не примирение Прометея и Юпитера, а вмешательство Демогоргона, ставшего победителем тирана.

По контрасту с оптимистической картиной будущего, нарисованной утопистом Шелли, особенно отчетливо выделяются характерные черты байроновской интерпретации мифа о Прометее в одноименном стихотворении. Прометей Байрона — цельная, непротиворечивая натура, «чистый исток» (“pure source”), давший начало «взбаламученному потоку» (“troubled stream”) — человеку. Человек — прах, несущий в себе, однако, искру Прометея, и их общая судьба — «печальное отчужденное существование» (“sad unallied existence”). Иными словами, кара, ниспосланная Прометею, отождествляется с уделом человека, прикованного к существованию, как титан прикован к скале. Стоик-богоборец становится образцом поведения для человека, который, как и Прометей, наделен даром противопоставить всем несчастьям внутреннюю свободу и тем самым отчасти возместить тяготы своего удела.

Этот Прометей не похож на своих собратьев в длительной литературной традиции. Из всех традиционных черт образа Байрон оставляет одну и делает ее доминирующей. Такой чертой становится стоицизм, воля к сопротивлению судьбе. Новизна байроновской концепции образа в том, что его Прометей не может рассчитывать на победу, поскольку побеждать некого. Вселенной, возникающей в стихотворении, управляют не антропоморфные боги и не принцип высшей справедливости, а неведомые и находящиеся по ту сторону морали законы («глухая тирания Рока»). У Прометея нет противника как такового: силы, которым он противостоит, не персонифицированы, так что однократное упоминание о Громовержце выглядит лишь данью традиции. Отказывая Вселенной в моральном законе, Байрон предстает исключением среди романтиков, воспринимающих мироздание как универсум — одухотворенный, одушевленный космос. Холодная и пустая Вселенная Байрона ближе представлению о космосе современного человека, чем гармоничное и разумное мироздание Шелли.

Можно заметить, что при всем несходстве двух авторских мифов оба поэта продолжают в них героическую традицию изображения образа Прометея. Однако в своем последнем произведении, поэме «Дон Жуан», Байрон обогащает ее критическим мотивом, зафиксированным впервые у Гесиода, в истолковании которого Прометей своим непрошеным даром навлек на человечество гнев богов и несчастья из ящика Пандоры.

В «Дон Жуане» Байрона тема Прометея звучит в связи с размышлениями поэта о современном человечестве. Греческий миф сопрягается здесь с библейской легендой о грехопадении. Внутренняя близость двух мифов, использованных Байроном, очевидна: в них зафиксирована идея изначальной двойственности цивилизации, возникшей в результате нарушения запрета. Дар Прометея вырвал людей из тьмы доисторического существования и ознаменовал начало исторического времени, в связи с чем в поэме появляется идея предопределенности и необходимости нарушения запрета.

Однако, с другой стороны, огонь Прометея — «непрощенный огонь, который Прометей похитил для нас с небес» (“unforgiven Fire which Prometheus filch'd for us from heaven”) (I, 127). Иными словами, он не по праву принадлежит людям, которые вынуждены расплачиваться за своеволие титана. Огонь Прометея обладает двойственным характером: получив дар разума и знания, люди использовали его не столько для созидания, сколько для разрушения. Человечество, одержимое жаждой разрушения, на протяжении всей своей истории санкционирует войны и насилие («”Let there the Blood!” says man, and there’s a sea!») (VII, 41), проявляя немалую изобретательность в создании все нового и нового смертоносного оружия. В этом и состоит, по Байрону, расплата людей за «непрощенный» огонь Прометея. Развитие наук и искусств лишь отчасти компенсирует ущерб, наносимый человечеством себе же самому.

М. Шелли в своем знаменитом романе «Франкенштейн, или Современный Прометей» разворачивает в полную силу гесиодовскую традицию истолкования мифа о Прометее. Франкенштейн в своей жажде познания уподобился Прометею, чей огонь навлек на человечество беды едва ли не большие, чем дарованные блага. Честолюбивый ученый, создавший живое существо, не просто посягнул на прерогативу Бога и тем самым переступил грань дозволенного. Вторгаясь в запретные сферы познания, он не предвидел последствий своих действий и не пожелал брать на себя ответственность за результаты научного открытия. Так М. Шелли с предельной остротой поставила вопрос об ответственности разума за результаты его деятельности — вопрос, порожденный романтической эпохой, но ставший как никогда актуальным уже в следующем, двадцатом столетии.

Таким образом, в романтическом сознании нашли место обе античные интерпретации прометеевской темы — как апологическая линия, восходящая к трилогии Эсхила, так и сниженная трактовка образа, представленная Гесиодом. Если энтузиаст и мечтатель П.Б. Шелли героизировал Прометея даже в бóльшей степени, чем это сделал Эсхил, то Байрон с его «резким, охлажденным умом» и М. Шелли связали образ титана-богоборца с романтической идеей двойственности разума и познания. Их устами высказалось поколение, разочарованное в просветительской идее и осознавшее, что разум не только не является панацеей от всех бед человечества, но способен внести дисгармонию в отношения между человеком и миром.

© Михайленко Е.В., 2013

Михайлова А.Г.
г. Уфа, Россия

Организация ключевой лексики в этическом пространстве художественного текста (на примере военных эпизодов романа П. Храмова «Инок»)

В центре романа П. Храмова находится русская православная семья в годы испытаний, когда многие незыблемые столетиями устои общества были разрушены. Жизнь уцелевших представителей старого мира в новом советском обществе полна каждодневных испытаний: они не только лишены своих былых привилегий и материального благополучия, но и подвергаются нападкам окружающих за своё происхождение и сохраняемую в душах веру. И в этом чуждом и враждебном им мире семья маленького героя романа становится оплотом, сохраняющим честь и традиции утраченного прошлого.

В художественном тексте как частной динамической системе языковых средств выделяются ключевые для выражения его смысла знаки, которые играют особенно важную роль в установлении внутритекстовых семантических связей и организации читательского восприятия.

Проблема ключевых элементов в структуре художественного текста является одной из центральных и широко обсуждаемых в современной лингвистике. Особенности функционирования ключевых знаков в тексте, их основополагающая роль при выявлении его содержательно-концептуальной информации объективно выступают одним из важнейших аспектов лингвистического анализа текста. Вследствие этого, феномен ключевых слов постоянно привлекает внимание лингвистов и является предметом обсуждения на протяжении многих десятилетий.

Несмотря на разнообразие многосторонних (порой противоречивых) подходов к толкованию ключевых элементов, представляется абсолютно объективным то, что ключевой элемент определяет содержание текста и является носителем его основного смысла или, как утверждает А.Р. Лурия «образует основу того смыслового ядра, которое определяет значение всего текста» и при исключении данного элемента из текста, меняется смысл всего текста [2;251]. Учитывая сказанное, следует признать, что ключевые слова (элементы) – это слова, наиболее значимые и существенные для понимания содержания текста.

Ключевые слова в романе Петра Храмова «Инок» образуют в тексте семантические комплексы: вокруг них группируются синонимичные им единицы, слова, ассоциативно с ними связанные, а также однокоренные слова, повтор которых в том или ином контексте, как правило, не случаен. Употребление ключевых слов в анализируемом тексте, в свою очередь, демонстрирует их принадлежность как к сфере языка православного культа, так и к внеконфессиональной, обиходно-бытовой сфере. В поисках художе-

ственного воплощения этического идеала Петр Храмов на протяжении романа намеренно обращается к таким языковым фактам, которые можно лингводидактически интерпретировать в каждом из названных смысловых планов и по отдельности, и одновременно.

Наиболее употребительными в военных эпизодах романа «Инок» являются слова *тревога* — 11 употреблений, и его синонимы (как общеязыковые, так и контекстуальные): *волнение* (10), *беспокойство* (3), *смятение (3), неясность (2); вера — (5) употреблений, и его синонимы:верность (4), надежда (3), терпение (3), смирение (2), ожидание (2) и др*.

Уже перечень наиболее частотных в тексте слов определяет особенности картины мира, изображенного в тексте: это мир, где каждый боится страшного конца и с верой ждет лучшего будущего.

Ключевые слова этого семантического ряда обозначают конкретные реалии изображаемого пространства и одновременно выражают в тексте как целом концептуально-фактическую информацию. Мир войны становится миром ожидания и тревоги.

Художественное пространство «Инока» динамично: ожидание усиливается в нем постепенно. В первых главах повествования ключевые слова этого ряда выступают еще преимущественно в прямых значениях, затем они приобретают значение символическое.

Высокой степенью многозначности, многомерности выражаемых им смыслов обладает в романе ключевое слово *тополь*, являющееся метафорой человека, одинокого, стойкого, достойно ожидающего конца: «…радостно мелькнуло в душе – вот я не вижу моего тополя, а он есть, и только туман мешает его видеть». Также оно регулярно выступает в тексте в прямом значении в воссоздании пейзажа: «А за садом была рыжая глинистая гора, на горе морг, а над моргом – тополь. Впоследствии я ходил в школу мимо осененного тополем морга с чувством неясности и смятения».

Слово *тополь*, как мы видим, характеризуется семантической диффузностью, наложением и взаимодействием разных смыслов. Употребляясь как символ, оно достигает высокой степени обобщения. При этом слово-символ *тополь* носит амбивалентный характер: *тополь* в тексте не только знак одиночества, утраты и сострадания, но и знак спасения, милосердия и достоинства: «Я посмотрел на свой тополь: ветви его были обнажены и, казалось, что-то просили у неба»; «…испытывал благодарность к своему тополю за то, что мама взглядывает на него порою, словно припоминая что-то хорошее и надежное».

Особое место в семантической структуре текста занимает ключевое слово *свеча*. Оно прежде всего выступает в своем прямом значении, однако для организации текста более важны его контекстные преобразования. Свеча, с одной стороны, это источник света, тепла и соответственно жизни, с другой стороны, оно указывает на страдания героев: «…пришлось зажигать

строго запрещенную свечку. Было странновато, но уютно сидеть в сарае почти днем при свече, читать и слушать, как дождь озвучивает крышу, сад, мир».

Свеча изображается в тексте и как символ божественного света, с ним связываются представления о высших ценностях, утраченных в современной жизни героев: «Атмосфера почти бессловесной доброжелательности словно бы помогала маленькой свечке освещать невеликие пределы скромного нашего уюта». В распадающемся православном мире *свеча* остается единственным средоточием памяти о единстве и близости людей.Следует отметить, что свет в православном храме — это образ небесного, Божественного Света. В особенности он знаменует собою Христа как Свет миру, Свет от Света, Свет истинный, который просвещает всякого человека, грядущего в мир. «Лампады и свечи – суть образ вечного Света, а также означают свет, которым сияют праведники», — писал святой Софроний, Патриарх Иерусалимский (VII век). Святые отцы VII Вселенского Собора определяли, что в Православной Церкви святым иконам и мощам, Кресту Христову, Святому Евангелию воздается честь каждением фимиама и возжжением свечей. Блаженный Симеон Солунский (XV век) писал, что «возжигаются свечи и пред иконами святых, ради добрых дел их в мире...» [3].

Так, использование в тексте ключевого слова *свеча* опирается на его символические значения. К этому сверхмысленному, всепоглощающему чувству живого Бога присоединяется видение света; но света совершенно иного по природе своей, чем свет физический. Сам человек тогда пребывает во свете и уподобляется созерцаемому свету, одухотворяется им, и не видит и не чувствует ни своей вещественности, ни вещественности мира. Это состояние метафизической и таинственной сопряженности двух миров, передающее дух нравственного самоощущения героя романа «Инок» и его автора, создается *типическим* для языкового пространства текста *приемом* соотнесения единиц, затрагивающих две сферы речевого смысла: культового и обиходного.

Также в тексте П. Храмова можно определить ключевыми те слова, которые представлены сакрально-богослужебной лексикой.

В исследовании И.А. Королевой «Православная сакрально-богослужебная лексика в современном русском языке и в художественном тексте» данная лексика объединяется в тематическую группу православной сакрально-богослужебной лексики. К сакральной, по мнению И.А. Королевой, относится лексика, «базирующаяся на понятии вера». С точки зрения автора, лексико-семантические группы, входящие в состав сакральной лексики, строятся по степени «обладания высшим совершенством и сверхъестественной силой» [4;26]. В связи с этим И.А. Королева выделяет три главных лексико-семантических группы сакральной лексики: «Бог – дьявол», «Высшие существа», «Последователи – противники Бога».

В состав богослужебной лексики, по И.А. Королевой, включаются единицы, «связанные с ритуалом, с совершением религиозных обрядов служителями культа или с церковной службой». Богослужебная лексика распределяется автором в зависимости от степени «связанности с религией и церковными обрядами»[4; 23]. Исследователь называет три главных лексико-семантических группы: «Люди», «Место, строение», «Атрибутика».

В романе сакрально-богослужебная лексика используется в прямом значении при описании окружающей обстановки, при этом проявляется ее номинативная функция:*крестная (9), креститься (6), церковь (6), молиться (6), крест (3), крещение (2), церковное пение (1)* и др. А также включается в текст для передачи эмоционального состояния героев, выражения оценки окружающей действительности ими и автором, позволяя читателю постичь художественный замысел произведения. При номинации возгласов*: О Господи (4), Благослови Господь (1), Боже мой (2), воля Божья (1)* и др., а также обозначения добродетелей героев: *скромность (12), кротость (10), терпение (9), верность (3),благосклонность (2), смирение (2), благость (2) и др.*

Функционирование сакрально-богослужебной лексики в романе «Инок» звучит как важный нравственно-философский мотив этического послания Храмова к своему читателю.

В романе Петра Храмова органично сочетаются три основные линии, плавно и незаметно переходящие одна в другую. Это собственно воспоминания о детстве и отрочестве автора в военные и послевоенные годы, перетекающие в мудрый и любящий взгляд художника, оценивающего эти события из нынешнего времени. Автору романа удалось сохранить чистый детский взгляд на мир в сочетании с мудростью много пережившего человека и глубинным знанием религиозно-нравственных традиций русской культуры

Литература

1. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. – М.: Издательство «Ось-89», 1999.
2. Лурия А.Р., Язык и сознание. – М.: ИздательствоМоск. ун-та, 1979.
3. Старец Силуан Афонский. Иеромонах Софроний. http://www.hesychasm.ru/library/silouan/index/htm
4. Королева И.А. Православноая сакрально-богослужебная лексика в современном русском языке и в художественном тексте: автореф. дис. …. канд. филол. наук – Волгоград, 2003.
5. Храмов П. А. Инок: роман. – Уфа: Китап, 2012.

© Михайлова А.Г., 2013

Мишенева В.А.
г.Уфа, Россия

Прецедентные феномены и смежные с данными явлениями понятия

Термин “прецедентный текст” был впервые употреблен в научной практике в 1986 году Ю.Н. Карауловым, согласно которому, прецедентные тексты - тексты «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [6, 216]. Анализируя понятие «прецедентный текст», исследователь выделяет три способа существования текстов: 1) натуральный способ (текст в первозданном виде доходит до читателя или слушателя как объект восприятия, понимания, переживания, рефлексии); 2) вторичный (происходит трансформация исходного текста в иной вид искусства; или вторичные размышления по поводу исходного текста, представленные в критических статьях, рецензиях, исследованиях); 3) семиотический (обращение к оригинальному тексту даётся отсылкой, признаком, тем самым в процессе коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения отдельные его фрагменты) [6, 216].

На сегодняшний день существует множество интерпретаций термина прецедентное явление в связи со “степенью” и “глубиной” рассматриваемых явлений. Помимо общеизвестного термина “прецедентные феномены” в лингвистике существуют такие термины, как текстовые реминисценции (Супрун А.Е.), “прецедентные текстовые реминисценции” (Ю.Е. Прохоров), “цитатное письмо” (Сметанина С.И.). Стоит отметить, что к числу текстовых реминисценций Супрун А.Е. относит коннотативную лексику, ссылки на официальные документы, индивидуальные неологизмы, что, на наш взгляд, не совсем корректно, так как данные категории противоречат критерию “известности”.

К терминологическому полю “прецедентные феномены” Е.А. Нахимова относит интертекст, интертекстему, прецедентный феномен, прецедентный культурный знак, историческую (социальную, политическую) или литературную (театральную) метафору, текстовую реминисценцию, логоэпистему, элемент вертикального контекста, анатомазию и аллюзию как разновидности риторических тропов и фигур, имя собственное, использованное в значении имени нарицательного (перешедшее в имя нарицательное [11, 170].

Остановимся подробнее на понятии логоэпистема. Согласно Костомарову В.Г, логоэпистемы – “символы чего-то, стоящие за ними, сигналы, заставляющие вспомнить некоторые фоновые знания, некоторый текст, сама

же логоэпистема представляется тогда эмблемой, свёрткой символики текста, единицей описания текста в лингвокультурном аспекте» [9, 34]. Логоэпистема – это языковое выражение закрепленного общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культур [9, 39]. Осмысление логоэпистемы происходит на двух уровнях - на уровне языка и на уровне культуры: «означаемым являются отраженные в сознании и закрепленные языком элементы объективной культурной реальности, а означающим – языковая оболочка».

В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова отмечают, что логоэпистема имеет словесное выражение (может быть выражена словом, словосочетанием, сверхфразовым единством). В процессе коммуникации они не создаются заново, а возобновляются). К логоэпистемам относят такие лингвистические категории, как клише, метафоры и фразеологизмы, прецедентные феномены. Понятие логоэпистемы и прецедентного феномена в интерпретации В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко и Д.В. Багаевой совпадают. Согласно данным исследователям, логоэпистема служит сигналом, заставляющим вспомнить некоторое фоновое знание, текст, информацию [7, 110]. В нашем исследовании мы разделяем их точку зрения.

Исследователь Г.Г. Слышкин, в отличие от В.Г. Костомарова и Н.Д. Бурвиковой, рассматривает данное явление как элемент сознания, считая что «именно человеческое сознание играет роль посредника между культурой и языком» [12, 63]. Прецедентные тексты, по мнению ученого, представляют собой артефакты культуры, которые характеризуются «цельностью и связанной последовательностью знаковых единиц, обладающих ценностью для определённой культурной группы» [12, 105].

Захаренко различает две категории прецедентных феноменов: прецедентные феномены в широком смысле и собственно прецедентные феномены (в узком смысле). К первой категории относят стереотипы, а к собственно прецедентным феноменам относят прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентную ситуацию и прецедентный текст. [8, 72]

За собственно прецедентными феноменами всегда стоит инвариант того или иного ПФ [8, 71], общий для всех членов данного культурного сообщества, включающий национально детерминированный набор признаков в минимизированном, редуцированном виде [2, 110]

За стереотипами стоит некий собирательный, обобщенный, абстрактный образ, что не позволяет соотносить их с каким-либо единичным, конкретным феноменом [5, 107]

Стоит отметить, что прецедентные феномены входят в когнитивную базу и культурное пространство. Культурное пространство представляет собой все существующие и возможные знания и представления о феноменах культуры у членов национального сообщества [3, 120]. В культурном про-

странстве выделяется ядро и периферия. Ядром культурного пространства является когнитивная база, которая в отличие от культурного пространства имеет горизонтальную структуру (состоит лишь из национально-детерминированных минимизированных инвариантов восприятия)

Когнитивная база, согласно исследователям Красных В.В., Гудкову Д.Б., Захаренко И.В. и Багаевой В.А., – это структурированная совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке [8, 72]

Как справедливо отмечает Захаренко И.В., стереотипы, в свою очередь, являются элементами только культурного пространства [5, 105]

Относительно разграничения прецедентных феноменов и фразеологизмов стоит упомянуть, что некоторые исследователи видят между ними больше схожих сторон, чем различий. Так, например, Илюшкина М.Ю. утверждает, что именно воспроизводимость фразеологизма, употребление его "в готовом виде" (при узуально фиксированном диапазоне видоизменения) как проявление устойчивости в речи позволяют отнести фразеологизмы к прецедентным текстам [4, 139]

Воспроизводимостью, как справедливо отмечает В.И. Макаров, обладают и лексемы. Но это не повод причислять их к одной и той же группе [10, 61]. Он проводит четкое разграничение прецедентных феноменов и фразеологизмов: 1. Прецедентные феномены, в отличие от фразеологизмов, всегда привязаны к конкретной коммуникативной эпохе. 2. ПФ привязан к тексту-источнику. ПФ в большей степени результат языковой моды. Они соотносятся со "злободневными" текстами типа свежих книжных бестселлеров, кинофильмов, политических речей и прочего. 3. семантика ПФ и фразеологизмов также различна, а именно, в семантике фразеологизма имеется практически обязательный элемент интенсивности проявления признака, оценочности. В ПФ подобных семантических оборотов нет, его экспрессивность – в цитатности, актуальности соотнесения разных коммуникативных ситуаций на основе дублирования, дополнения или контраста.

Одной из характеристик прецедентных феноменов является "эталонность". «Прецедент не что иное, как пример-образец или оправдание-образец, а совокупность прецедентных текстов – это совокупность эталонных, имеющих внутреннюю когнитивно-эмотивную и аксиологическую форму текстов, обращение к которым мотивировано для реципиентов» [13, 144]. В связи с этим считаем целесообразным разграничить понятия канон и эталон, так как прецедентные феномены могут функционировать либо как эталон, либо как канон [8, 141].

И.В. Захаренко сближает понятия стереотипа и канона. Она отмечает, что стереотипы представляют собой «национально маркированные ментально-лингвальные единицы, которые предписывают нормы, правила, складывающиеся в процессе социального, психологического - и как отражение этого - языкового опыта лингвокультурного сообщества и являющиеся *канони-*

ческими для данного общества» [5, 106-107]. Далее исследователь пишет о том, что канон соотносится с формальной стороной прецедентного феномена, в то время как эталон соотносится с содержательной стороной прецедентного феномена. На основании этого выделяются каноническое и эталонное употребление прецедентных феноменов. Такой же точке зрения придерживается и В.В. Красных, согласно которому "*канон* - это норма, в соответствии с которой осуществляется деятельность, *эталон* - это "мера", "мерило", в соответствии с которой /с которым оцениваются те или иные феномены". *Эталон* можно только "копировать", ему можно только подражать, поскольку сам эталон уникален. *Канон* допускает некоторые трансформации (хотя и в определенных пределах), т. е. возможны игры с формой, *эталон* же строго фиксирован [8, 140]

Дифференцируя прецедентные феномены и аллюзии, следует обратить внимание на характер ассоциаций, связанных с данными явлениями. Так, прецедентные имена ассоциируются с конкретным прототипическим событием, в то время как аллюзии – с прототипическим объектом [1, 10].

Резюмируя, стоит отметить, что к терминологическому полю "прецедентные феномены" многие исследователи причисляют термины логоэпистема, стереотипы, аллюзии, фразеологизмы, интертекст и др., тем не менее, критерии "известности", "клишированности", "повторяемости", "культурно-языковой ценностности", "ретроспективности" позволяют нам выделить прецедентные явления в особую группу.

Литература

1. Аристов А.Ю. Интерпретация лингвокультурного фона в произведениях англоязычных авторов: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Тольятти. 2008.-16с.
2. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Д. Б. Гудков. -М.,1999-360 с
3. Гудков Д.Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации //Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997.- С.116-129
4. Илюшкина М.Ю. Прецедентные феномены в российской и британской печатной рекламе услуг для туристов: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.-272 с
5. Захаренко И.В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов. //Язык. Сознание. Коммуникация. Вып.1- М., 1997-192с.
6. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. - М.: Наука, 1987.-264 с.
7. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Сер.9. 1997.-№3.-С.106-118.
8. Красных В.В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере)//Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997-С.128-144
9. Костомаров В.Г. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века [Текст] / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. - СПб.: Златоуст, 2001- 71с.

10. Макаров В.И. Особенности реализации текстообразующей функции фразеологизмов и прецедентных феноменов // Вестн. Новг. гос. ун-та. Сер.: Филология. История. 2010. №57.- С.60-62.
11. Нахимова Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Отв. ред. Чудинов А.П. Т. 13. Екатеринбург, 2004.- С. 166-174
12. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов [Текст] / Г. Г. Слышкин. - М.: Академия, 2000.-128с.
13. Сорокин Ю.А. Что такое прецедентный текст? Семантика целого текста: тезисы выступления на совещании [Текст] / Ю. А. Сорокин. — М.: Наука, 1987-С.144-145
© Мишенева В.А., 2013

Моисеева А.В.
г.Уфа, Россия

Характеристика текста гламурного журнала как поликодового текста

Изучение процессов восприятия и понимания текстов гламурного журнала не представляется возможным без учёта специфики их знаковой организации, составляющей материальное тело текста. В лингвистической литературе встречается несколько определений понятия, включающего в себя тексты разнородной знаковой организации. Ю.А. Сорокин и Е.Ф. Тарасов предлагают термин «креолизованный текст». «Креолизованные тексты – это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [4, 180-181].

Исследователи используют термин «поликодовый текст» для обозначения того же явления. А.Г. Сонин считает поликодовыми «тексты, построенные на соединении в едином графическом пространстве семиотически гетерогенных составляющих – вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы» [3].

Словарь – справочник под ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской предлагает следующее определение: «поликодовый текст – это текст, в котором сообщение закодировано семиотически разнородными средствами — вербальным и невербальным компонентами, объединение которых представляет собой определенную структуру, характеризующуюся проявлением взаимозависимости составляющих как в содержательном, так и в формальном аспектах [2].

Целью вербальных текстов является донесение информации до адресата. Независимо от технического оформления (напр., размер и форма шрифта, цвет, тип бумаги, иллюстрации и т. д.) адресат воспринимает ин-

формацию одинаково с точки зрения содержания. При восприятии поликодовых текстов иллюстративно-визуальный ряд имеет решающее значение. От его характера зависит содержательное восприятие текста. В поликодовых текстах вербальный и визуальный компоненты состоят в неразрывной связи. Однако многие исследователи поликодовых текстов полагают, что наличие невербальных знаков в тексте не свидетельствует о его поликодовости, т.к. поликодовый текст это паралингвистически активный текст, т.е. текст, в котором паралингвистические средства являются носителями информации или вносят дополнительные оттенки в содержание. Если убрать один из компонентов, то оставшийся компонент или перестает передавать информацию, или делает это неполноценно, или вовсе интерпретируется иначе [3],[1].

Можно ли представить женский журнал без иллюстраций и фотографий? Просмотр такого журнала потеряет всякий смысл. Характерной чертой гламурного текста является минимум слов и максимум фотографий.

Таким образом, создается сложная структура, которая включает в себя значение вербального компонента и изображения. Значения обоих компонентов интегрируются и согласуются друг с другом, объединенные реализацией единой коммуникативной цели и подчиненные созданию единой темы.

Обратимся к функциям поликодовых текстов. Е.Е.Анисимова разделила коммуникативные функции иллюстраций на две большие группы: универсальные, присущие всем поликодовым (креолизованным) текстам, и частные, специфические, характерные для конкретного вида коммуникации. К основным универсальным функциям изображения как средства визуальной коммуникации она относит информативную, аттрактивную, экспрессивную и эстетическую. В качестве частных функций изображения выдвигаются: символическая, иллюстративная, аргументирующая (пояснение и иллюстрация словесной составляющей текста), функция создания имиджа, характерологическая, сатирическая.

Следовательно, согласно Е.Е. Анисимовой, можно выделить ряд функций, которые присущи поликодовым текстам:

1) аттрактивную – привлекать внимание адресата, участвовать в организации визуального восприятия текста;

2) информативную – передавать определенную информацию; участвовать в формировании содержания текста;

3) функцию иллюстрации вербального компонента;

4) метакоммуникативную – графические средства составляют часть коммуникации, тематически или функционально направленную на саму себя;

5) экспрессивную – воздействовать на эмоции адресата;

6) эстетическую – воздействовать на эстетические чувства адресата;

7) техническую – организовывать визуальное восприятие текста, например зрительное определение рамок высказывания, и пр.[1].

Следует отметить, что текст, представленный в гламурном журнале, направлен на достижение следующих целей:

1. Привлечение внимания читателя, облегчение визуального восприятия текста.

2. Подачу информации по интересующей теме с определенной коннотативной направленностью. Характерной чертой данного типа текста является употребление таких средств языка, как оценочная лексика, которая имеет сильную эмоциональную окраску, причем чаще всего это оценочные прилагательные, выражающие отношение говорящего.

Можно привести следующие примеры: «Мне это возмущение всегда кажется лицемерным: мех ведь никогда не был материалом исключительно функциональным. Всякая счастливая обладательница шубы из баргузина или манто из шиншиллы прекрасно знает: мех — это в первую очередь красиво и лишь во вторую — тепло!»; «Чем более замысловатая, непривычная и прочная конструкция, тем лучше: так теперь надо выбирать сумку» [11]. «У этого платья была сказочная, несовременная и нереальная красота» [12].

Нужно отметить, что имена прилагательные с позитивной оценкой встречаются намного чаще, чем с прилагательные негативной оценкой: «Руководствуясь главным правилом повседневного макияжа — выделять либо губы, либо глаза, — визажисты М.А.С выбирают последние: их новая лимитированная коллекция декоративной косметики «Art of the Eye» предназначена для создания безупречных стрелок, объемных ресниц и сверкающих век» [8]. «Мех сам по себе придает исключительности любому аксессуару, и с ним наряд становится универсальным. А если учесть, что еще с лета папка для iPad — самая актуальная из сумок, то и остромодным» [10]. «Сильная, уверенная в себе женщина в черном кожаном платье или двубортном пальто цвета хаки, с винной помадой на губах — так выглядела на Неделях моды героиня осенне-зимнего сезона» [9].

3. Речевое воздействие на сознание адресата в целом и, в том числе, воздействие на чувства и эмоции. Это отражается как в лексике, так и в синтаксических конструкциях.

Гламурные тексты характеризуются большой степенью коммуникативного воздействия. Советы, которые говорящий дает адресату, выражаются в основном формой повелительного наклонения: «Перед тем как воспользоваться лайнером, сделайте «эскиз» карандашом» [5, 165]. «Не наносите корректор непосредственно на кожу» [5, 166]. «Не слушайте тех, кто говорит, что крем лучше наносить на влажную кожу» [5, 172]. «Забудьте про темный тональный крем. Это совершенно неприемлемо!» [5, 182]. «Смешай оттенки, поиграй с полутонами, создай цвет своих губ» [6, 51].

Одной из основных функций текстов гламурного журнала является

манипулятивная. Будучи, по сути, рекламными, журналы данного типа видят своей задачей вызвать желание приобрести тот или иной товар или воспользоваться той или иной услугой. Как известно, в таких изданиях часто используют фотографии знаменитостей, актеров, звезд шоу бизнеса. Напр., фотография актрисы Шарлиз Терон в золотистом платье, силуэт которой, напоминает флакон духов «J'adore» фирмы Christian Dior сопровождается надписью «J'adore Christian Dior» [7, 112].

В данном случае обыгрывается название духов и значение фразы на французском языке, а также символическое сходство идеальной фигуры актрисы с флаконом идеальных духов.

Такое единство текста и фотографии несет скрытое значение, оно как бы говорит: «приобретая эти духи Вы становитесь неотразимы, как и Она» (имеется в виду образ актрисы). Надпись без иллюстрации не вызовет у адресата (потенциального потребителя) желания приобрести данный товар, приобщиться к гламурному миру шоу-бизнеса. Реклама краски для волос «Garnier Color Naturals» сопровождается фотографией крупным планом российской актрисы Е. Климовой и подписью: «Выбор миллионов российских женщин – мой выбор» [7, 58]. В данном случае имеет место обратное явление, не адресат хочет приобщиться к миру роскоши и великолепия, а звезда, признавая ценность данного товара, становится ближе к обычным женщинам-потребителям.

Таким образом, анализ показывает, что текст гламурного журнала является разновидностью поликодового текста, в котором передача смысла и осуществление воздействия достигается семиотически разнородными средствами, как вербальными, так и невербальными, их объединение представляет собой особую структуру, характеризующуюся проявлением различных механизмов взаимодействия ее составляющих.

Литература

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 128 с.

2. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник, Под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской; сост. А. А. Князьков, 1998 г. Электронный ресурс http://didacts.ru/dictionary/1018/word/polikodovyi-tekst

3. Сонин А.Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления/ А.Г.Сонин// Вопросы языкознания.- М., - 2005. - №6. – С.115-123

4. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – 227с. – С. 180 – 186.

5. ELLE журнал [Электронный ресурс]. URL: http://jurnal.com.ua/read.php?|=elle_march_2013_russia&id=789

6. ELLE журнал [Электронный ресурс]. URL: http://jurnal.com.ua/read.php?|=elle_august_2012_russia&id=349

7. Glamour журнал [Электронный ресурс]. URL: http://

jurnal.com.ua/read.php?|=glamour_september_2012_russia&id=368
8. Vogue журнал [Электронный ресурс]. URL: http://www.vogue.ru/beauty/news/Glaz_da_glaz/
9. Vogue журнал [Электронный ресурс]. URL: http://jurnal.com.ua/read.php?|=vogue_october_2012_russia&id=458
10. Vogue журнал [Электронный ресурс]. URL: http://www.vogue.ru/magazine/article/499237/
11. Vogue журнал [Электронный ресурс]. URL: http://www.vogue.ru/magazine/articles/Leto_krasnoe/Boks_v_ofis/
12. Vogue журнал [Электронный ресурс]. URL: http://www.vogue.ru/magazine/articles/Super_star

© Моисеева А.В., 2013

Морозкина Е.А., Насанбаева Э.Р.
г.Уфа, Россия

Интерпретативная роль переводчика художественного произведения

В известной цитате К.И. Чуковский утверждает, что, «чем своеобразнее переводчик как художник, чем ярче проявляется в переводе его личность, тем лучше его перевод» [1, 20]. Действительно, личность переводчика играет ключевую роль в процессе перевода художественного произведения, поскольку от того, насколько глубоко и верно он интерпретировал смысл текста оригинала, зависит смысловая наполненность текста перевода.

В связи со спецификой художественного перевода, на которую указывали как отечественные лингвисты, литературоведы и переводчики (М.М. Бахтин, Г.Р. Гачечиладзе, И.А. Кашкин, В.Н. Комиссаров, Ю.М. Лотман, О.В. Петрова, В.В. Сдобников, А.В. Федоров, К.И. Чуковский), так и зарубежные (Э. Кари, Ж. Мунэн, К. Райс, У. Эко), переводчику необходимо выступить в роли интерпретатора художественного произведения. Х.-Г. Гадамер, ученый-герменевт, справедливо утверждал, что «ситуация переводчика [...] совпадает с ситуацией интерпретатора», поскольку перед ними стоит задача правильного понимания произведения, достигнутого в результате его интерпретации (цит. по 2, 276-277). Для решения проблем художественного перевода переводчику-интерпретатору, в первую очередь необходимо учитывать особенности произведения как объекта перевода.

А.В. Федоров выделил несколько характерных черт художественного текста, которые играют значительную роль при переводе. Во-первых, невозможность нахождения прямых образных соответствий подлиннику решается, по его мнению, путем «передачи оригинала как целого», на фоне которого отдельные элементы можно переводить в соответствии с ролью, отве-

денной им в произведении. Во-вторых, так называемая «смысловая емкость» художественного текста подразумевает многоплановость смысла, заложенного автором и раскрываемого читателем. И наконец, лингвист говорит о национальной окраске содержания и формы произведения, его исторической обусловленности и подчиненности индивидуальной манере писателя [3, 279].

Как отмечал Ю.М. Лотман, феномен художественного текста заключается в том, что текст, представляющий собой один целостный знак, одновременно остается текстом (т.е. последовательностью знаков) на каком-либо естественном языке и уже поэтому сохраняет разбиение на слова — знаки общеязыковой системы, отсюда следует, что один и тот же текст «при приложении к нему различных кодов различным образом распадается на знаки», с чем связана принципиальная множественность возможных прочтений художественного текста [4, 33-34]. По мнению исследователя, художественный текст можно рассматривать как текст многократно закодированный. В литературном произведении писателем заложено множество значений, и все эти значения присутствуют одновременно, создавая «игровой эффект». Автор дает читателю возможность насладиться обилием смыслов и возможных истолкований текста. Механизм «игрового эффекта» заключается «не в неподвижном, одновременном сосуществовании разных значений, а в постоянном сознании возможности других значений». Таким образом, каждое осмысление, как утверждает Ю.М. Лотман, образует отдельный «синхронный срез», но хранит при этом память о предшествующих значениях и сознание возможности будущих [4, 69-78].

П. Рикёр справедливо отмечает, что проблема множественности смыслов – это проблема междисциплинарная, которая требует рассмотрения как с точки зрения герменевтики, так и с точки зрения языкознания, в котором она изучается как проблема полисемии. Однако если лингвистика, как утверждает ученый, движется в замкнутом и самодостаточном универсуме и имеет дело с соотносящимися друг с другом значениями, с отношениями знаков, которые истолковываются один через другой, то герменевтика работает в режиме раскрытия универсума знаков [5, 118-119]. Другими словами, в герменевтике проблема интерпретации и множественности смыслов решается на стыке лингвистического и экстралингвистического, языка и жизненного опыта.

Среди причин множественности интерпретаций исследователи выделяют три основные причины: неопределенность на уровне языковых единиц, неопределенность на уровне авторского замысла и неопределенность, связанная с уровнем подготовленности читателя. Имея в виду вопросы перевода, можно было бы, на наш взгляд, добавить в данный ряд неопределенность, связанную с уровнем подготовленности переводчика.

Неопределенность на лингвистическом уровне, как правило, объясняется языковой многозначностью, которая, как утверждает Ю.Д. Апресян, выражается либо в грамматике языка (неоднозначность синтаксических конструкций), либо в его словаре (лексическая многозначность). Однако нужно отличать языковую многозначность (полисемию) от речевой многозначности, которая, как известно, возникает в тексте под влиянием энциклопедических факторов [6, 176]. Полагаем, что переводчику-интерпретатору художественных текстов необходимо обращать особое внимание на многозначность как языковую, так и речевую, которая не всегда зарегистрирована в словарях. При переводе с иностранного языка, такого как английский, к примеру, не стоит полагаться лишь на свое знание языка, поскольку по некоторым подсчетам на одно английское слово в среднем приходится до 25 значений и в речевом акте актуализуется, как правило, лишь одно из этих значений [7, 28]. Переводчик, осуществляя перевод с одного языка на другой, в частности с английского языка на русский, делает выбор в пользу одного из значений с опорой на контекст высказывания, таким образом, полисемия в англоязычном тексте нейтрализуется контекстом. Что касается неоднозначности синтаксических конструкций, то, как отмечает Я.И. Рецкер, в английском языке в ходе исторического развития некоторые синтаксические конструкции приобрели более одной функции, которые существенно отличаются друг от друга. Исследователь делает предположение, что данный феномен вызван стремлением английского языка к экономии средств. Проблема неоднозначности синтаксических структур также решается при помощи обращения к контексту и ситуации, однако, как отмечает ученый, не всегда оказывается легко установить функцию, выполняемую данной конструкцией [8, 92]. Полагаем, что при сопоставлении английского и русского языков, синтаксические конструкции в которых в значительной степени различаются, контекст играет ключевую роль при определении значения переводимой конструкции.

Согласимся, что другой причиной множественности прочтений художественного текста может быть неоднозначность авторского замысла. Предварительный литературоведческий анализ творчества писателя, его биографии и философско-эстетических воззрений составляет одну из основных задач переводчика-интерпретатора художественной литературы, поскольку в случае поверхностного исследования истории создания произведения он рискует неверно интерпретировать авторский замысел. В результате неверно истолкованного замысла автора в ситуации языковой многозначности переводчик склонен делать выбор в пользу того значения, которое подтверждает его вариант интерпретации произведения, и навязывать, таким образом, читателям текст перевода с концепцией, отличной от авторской. Как пишет Т.В. Сильман в работе «Концепция произведения и перевод», без детально продуманной концепции произведения переводчик не будет в состоянии

определить, чем он имеет право пожертвовать при переводе, а что обязан сохранить в тексте перевода, ведь в художественном тексте «всякая деталь, всякая филологическая подробность» является частью общей структуры, которая реализует замысел автора [9, 271-272]. И в результате допущенной при переводе ошибки происходят стилистические и смысловые сдвиги в структуре текста перевода всего произведения [9, 295].

Множественность интерпретаций произведения, как справедливо отмечается в критике, связана и с уровнем подготовленности реципиентов текста. Как правило, литературное произведение адресовано конкретному кругу читателей, обладающих определенным кругозором и являющихся носителями той же культуры, что и автор. Вполне очевидно, что читатель, не имеющий определенных фоновых знаний, окажется не в состоянии раскрыть информацию, заложенную автором имплицитно с расчетом на компетентного реципиента. Соответственно, интерпретации одного и того же произведения читателями из разных типов окружения окажутся различными.

В этой связи не менее важным, на наш взгляд, является вопрос о переводчике как о реципиенте текста оригинала и об уровне его подготовленности к восприятию возможной имплицитной информации, которая связана с национальными и культурными особенностями, известными носителям исходного языка или представителям определенного слоя общества. Если переводчик неверно интерпретирует в своем переводе упомянутые автором реалии, аллюзии, то каким бы подготовленным и компетентным ни был читатель текста перевода, у него не будет возможности интерпретировать их согласно авторскому замыслу. В процессе перевода художественного текста переводчик выступает в трех ипостасях – реципиента оригинала, интерпретатора и автора текста перевода. Иными словами, именно при переводе художественного текста немаловажное значение приобретает творческий талант, языковая и общая эрудиция переводчика-интерпретатора. Он должен не только обладать глубоким знанием языка оригинала и языка перевода, но и широким кругозором и обширными познаниями в различных областях культур, а также уметь правильно оценить степень расхождений между данной культурой и культурой носителей языка перевода, с тем чтобы в созданном им переводе адаптировать текст к восприятию реципиентов с определенным уровнем подготовленности.

Каждое художественное произведение имеет совокупность допустимых истолкований, из чего следует необходимость тщательного анализа художественного текста с использованием определенных моделей перевода. Полагаем, что наиболее эффективной моделью перевода художественного текста является предлагаемая нами модифицированная герменевтическая модель перевода.

Как показывает практика, особую трудность в художественном переводе представляет перевод названия художественного текста. К примеру,

заглавие рассказа Т. Драйзера “A Doer of the Word”, непереведенного на русский язык, допускает несколько интерпретаций и вариантов перевода в зависимости от уровня его понимания. На первом уровне понимания герменевтической таксономии - на семантизирующем понимании, переводчик может перевести заголовок рассказа как «Человек слова» или «Деятель слова», которые значительно искажают смысл анализируемого художественного текста. При поверхностном прочтении переводчик обнаруживает, что в рассказе повествуется о человеке по имени Чарли Поттер, который, по всеобщему признанию, является счастливым человеком, нашедшим свое призвание в помощи бедным и нуждающимся. Он верит в Библию, но не верит в церковь, и помогает он не словом, а добрыми и бескорыстными поступками, зачастую в ущерб себе и своей семье с тремя приемными детьми, за что его часто критикуют окружающие. Чтобы раскрыть более глубокий смысл произведения, необходимо перейти на уровень когнитивного понимания, на котором переводчик должен осознать, что английской слово “the Word”, использованное с определенным артиклем и написанное с заглавной буквы, указывает на Библию. Далее, рассматривая заголовок с учетом предпонимания произведения, переводчику следует постепенно корректировать свои смысловые антиципации и стремиться к смысловому пониманию названия.

Рассматривая внешний по отношению к тексту «герменевтический круг», относящийся к творчеству автора в целом, переводчику необходимо учесть, что Т. Драйзер намеренно дал своему герою имя Чарли Поттер (Charlie Potter). Как утверждают исследователи, зачастую имя «превращается в ярлык, метку, чьи функции сводятся к обозначению и выделению его носителя в обществе» [10, 431]. Действительно, фамилия Поттер связана с другим произведением писателя - пьесой “The Hand of the Potter” («Рука гончара») (1919), название которой является цитатой из стихотворения Омара Хайяма “What! did the Hand then of the Potter shake?” («Кто ж виною, Что дрогнула у мастера рука? »), где гончаром, мастером называют творца вселенной. И тогда переводчик имеет возможность осознать, что в рассказе Т. Драйзер уподобляет Чарли Поттера Христу, подтверждением чему служит не только его фамилия и род деятельности (плотник), но и эпизоды из жизни героя, в которых он, как Христос в Евангелие, накормил, одел нуждающихся, облегчил страдания больной женщины. Обратившись к библейскому тексту, переводчик обнаружил бы цитату из Послания Иакова 1:22 - “But be ye **doers of the word**, and not hearers only, deceiving your own selves” («Будьте же исполнители слова, а не слышатели только, обманывающие самих себя»).

Проанализировав рассказ “A Doer of the Word” с помощью модифицированной герменевтической модели перевода, переводчик может достичь смыслового уровня понимания и перевести заглавие «Следуя слово Божьему», «Исполняя слово Господа» или «Воплощая слово Божье», которые указывают на активную благотворительную деятельность Чарли Поттера.

Литература
1. Чуковский, К. Реалистическое искусство // Мастерство перевода. Вып. 2. М.: «Советский писатель», 1962. С. 11-21.
2. Эко, У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / У. Эко. – СПб: «Симпозиум», 2006. - 574 с.
3. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Федоров. - СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М. : ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. - 416 с.
4. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Об искусстве. - СПб. : «Искусство – СПБ», 1998. - С. 14-288.
5. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикёр. - М. : Академический проспект, 2008. - 695 с.
6. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю. Д. Апресян. - М.: Языки русской культуры, 1995. - 464 с.
7. Елисеева, В. В. Лексикология английского языка / В. В. Елисеева. - СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. - 80 с.
8. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. - М.: Р.Валент, 2007. - 244 с.
9. Сильман, Т. Концепция произведения и перевод / Т. Сильман // Мастерство перевода. Вып. 2 / под ред. М. Я. Малхазова. - М.: «Советский писатель», 1962. - С. 271-296.
10. Новикова, О. Н. Изменение ценностных установок личности как основа динамики национального антропонимикона / О. Н. Новикова // Вестник Башкирского университета. - 2009. - Т. 14. - №2. - С. 429-431.

© Морозкина Е.А., Насанбаева Э.Р., 2013

Морозкина Е.А., Филиппова Ю.А.
г.Уфа, Россия

Языковое выражение евангелистских мотивов в новелле Теодора Драйзера “A Doer of the Word”

Согласно В.Н. Комиссарову, художественным переводом называется «перевод произведений художественной литературы» [2, 65]. Сложность данного типа перевода состоит в том, что основной целью художественных произведений является осуществление «художественно-эстетической» или «поэтической» функции [2, 65], что включает в себя стремление автора текста достигнуть эстетического воздействия на читателя. Таким образом, при переводе художественных произведений переводчик в первую очередь сталкивается с необходимостью сохранения в тексте перевода такого же эстетического воздействия на читателя, какое было предусмотрено автором текста оригинала. Именно эстетическая направленность художественной речи, по В.Н. Комиссарову, «отличает её от остальных актов речевой коммуникации,

информативное содержание которых является первичным, самостоятельным» [2, 66].

Кроме того, полагаем, что второй, не менее важной отличительной чертой художественного перевода является «многосмыслие» текстов художественной литературы. Наличие данной особенности представляет существенную трудность для переводчика, что находит отражение в так называемой «науке о смыслах» – герменевтике. Следует отметить, что исследовательская деятельность герменевтов направлена именно на поиск герменевтических смыслов и решение вопросов понимания/непонимания текста, а также на выявление фаз понимания различного рода текстов.

Как только обнаруживается многосмыслие текста, перед переводчиком возникают две важнейшие задачи: во-первых, как осознать и постичь это множество смыслов, и, во-вторых, как перенести эту герменевтическую составляющую исходного текста в контекст перевода. Решением вышепоставленных вопросов становится предпереводческий анализ, помогающий переводчику преодолеть «фазу непонимания» текста и посредством «освоения герменевтической ситуации» прийти к пониманию заложенных в художественном тексте смыслов и осуществить адекватный перевод как самого произведения, так и его названия. [1, 9]

Герменевтическая ситуация, по Г.И. Богину, - ситуация, в которой можно либо понять, либо не понять текст. Для освоения герменевтической ситуации переводчику необходимо приложить «герменевтическое усилие» – «особую форму интенсификации мыследеятельности». [1, 15] На наш взгляд, предпереводческий анализ является своего рода герменевтическим усилием, приводящим переводчика к пониманию истинного смысла текста.

Кроме того, Г.И. Богин полагает, что «понимание» не сводится к «передаче сообщений» или к «циркуляции информации». [1, 15] Особую сложность представляет понимание элементов внутренней речи в художественном произведении, которые могут носить противоречивый характер и на первой фазе понимания текста отдалять как читателя, так и переводчика от достижения истинного смысла, заложенного автором. Г.И. Богин объясняет этот факт тем, что «формы коммуникации неисчислимы – от живого диалога двух людей до «диалога» читателя с давно уже не живым писателем. Во всем этом понимание занимает достаточно определенное место как преодоление действительных или возможных разрывов в коммуникации». [1, 15]

Таким образом, обращаясь к оригиналу непереведённой новеллы американского писателя Теодора Драйзера “A Doer of the Word” (1927 г.), большую часть которой составляют зафиксированные писателем элементы живой речи простых американцев первой половины XX века, полагаем необходимым учитывать в ходе предпереводческого и переводческого анализа идею о многосмыслии как неотъемлемой части любого художественного произведения, выраженном в тексте через посредство монологов, диалогов и

полилогов. Кроме того, понимание смысла, заложенного автором в данной новелле, крайне осложнено не только наличием множества противоречивых высказываний героев, а также имплицитной связи произведения с евангелистскими мотивами.

Действительно, некоторые мотивы новеллы осознанно заимствованы автором из Евангелия, что находит отражение в совпадении используемых речевых форм и должно учитываться переводчиком при предпереводческом и переводческом анализе.

Во-первых, следует отметить, что действие произведения Т. Драйзера происходит в небольшом рыбацком городке Ноанк и большинство героев, вступающих в беседу с рассказчиком, - это лодочники и старые рыбаки. Полагаем, что такой выбор не случаен и может быть проведена аналогия между этой событийной составляющей новеллы и одним из мотивов Евангелия от Иоанна, описывающим путь Иисуса и его учеников в Капернаум по морю:

«Когда же настал вечер, то ученики его сошли к морю и, войдя в лодку, отправились на ту сторону моря, в Капернаум».

Ещё одно не менее важное для понимания новеллы сходство с Евангелием – это желание главных героев данных произведений помочь нуждающимся, будь то голодные и бедные, слепые или лежачие. Так, Иисус в Евангелие кормит многочисленный народ «пятью хлебами ячменными» и «двумя рыбками», превращает воду в вино, излечивает больных людей и творит чудеса:

«Иисус, взяв хлебы и воздав благодарение, раздал ученикам, а ученики возлежавшим, также и рыбы, сколько хотел».

Он отдаёт им всё без остатка:

«…соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало»,

равно как и Чарли Поттер, герой новеллы “A Doer of the Word” раздаёт все зимние запасы своей семьи нуждающимся:

«He give away a lot of pork that he’d put for the winter to some colored people back here, two or three barrels, maybe».

Кроме того, Мистер Поттер излечивает одного из жителей от пьянства, как и Иисус творил чудеса и лечил народ от различных пороков и болезней. Однако собеседники рассказчика, жители Ноанка, не осознают этого и убеждены в глупости поступков героя. Во время работы на рыбацком острове Поттер отдаёт пьянице Джимми Харперу свои резиновые ботинки, а сам ходит по льду босиком:

«… he give his rubber boots away, like a darned fool, to old drunken Jimmy Harper, and him loafin’ around half the year drunk, and worked around on the ice without any shoes himself.»

Лишь в конце новеллы из слов самого Чарли Поттера мы понимаем мотив его поступка. Герой говорит рассказчику о том самом пьянице, ради которого он пожертвовал свою обувь:

«I saw him not long ago. And, do you know, he's a good man now, really, he is. Sober and hard-working. And, say, would you believe it, he told me that I was the cause of it, just that miserable old pair of rubber boots, what do you think of that?»

Так, из мотива в мотив мы убеждаемся, что Поттер живёт по Евангелию, следует каждому его слову и стремится воплотить это в каждом своём действии. Не понимания этого, жители города Ноанка приходят в недоумение, это вызывает среди них многочисленные споры и дискуссии, что выражено в их речевых потоках. Двусмысленными оказываются утверждения жителей о том, что Поттер – религиозный человек, священник.

"He preaches now and then, not regularly," said Mr. Main.

A-ha! I thought. A religionist!

"A preacher is expected to set a good example," I said.

У рассказчика вновь складывается ложное первоначальное представление о центре всеобщего обсуждения, Мистере Поттере. Он осознаёт ошибочность своего предположения, когда получает новую порцию информации:

"He ain't a regular preacher," said Mr. Main rather quickly. "He's just kind of around in religious work."

"What do you mean?" I asked curiously, not quite catching the import of this "around."

Действительно, отношение к религии у персонажа двойственное, и постепенно рассказчику удаётся постичь истинное отношение героя к религии, а именно, признавая религию как таковую и ежедневно читая Евангелие, Поттер критикует церковь и местных священников, корит их за человеческие недостатки, которыми они обладают:

"Have you a mission or a church here in Norwich?"

"No, I don't believe in churches <…> The sight of a minister preaching the word of God for so much a year is all a mockery to me."

Отметим и то, что в диалогах и полилогах персонажей прослеживается критика главного героя за то, что он не выполняет своего истинного долга перед семьей (женой и приёмными детьми), оставляя их без куска хлеба и денег из-за безмерной жалости, сочувствия и желания помочь другим:

"This givin' up everything and goin' without yourself may be all right, but I don't believe it," interrupted the boat-maker. "A man's first duty is to his wife and children, that's what I say."

Однако затем писатель вводит характеристику жены Чарли Поттера, которая, напротив, хвалит своего мужа и во всём с ним соглашается:

"I have never wanted for anything since I have been married to my husband," she said. "I am thoroughly contented."

She looked at him and he at her, and there passed between them an affectionate glance.

Полагаем, что и в этом Т. Драйзер опирается на Евангельские мотивы (Евангелие от Матфея), подтверждая, что главный герой, Поттер, воплощает каждое слово Божье в жизнь, в действие:

«Враги человеку – домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоит Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня».

В результате, постепенно складывается основная смысловая «формула» произведения, которую предстоит раскрыть переводчику: писатель выдвигает идею о необходимости «деятельного отношения» человека к религии. Именно в этой идее отражена прагматическая доминанта автора текста. В данном художественном тексте эта доминанта заключается в постулировании «деятельного отношения» к религии, примером которого и выступает главный герой, Поттер, читающий Евангелие и воспринимающий его как прямую установку к действию, превращая, таким образом, речь в деятельность. Такая трактовка языка и речи является важнейшей смысловой составляющей новеллы.

Т. Драйзер проводит аналогию с евангелистскими мотивами даже в заголовке произведения, акцентируя внимание на слове «The Word», которое написано с большой буквы и использовано с определённым артиклем, что непосредственно указывает на Библию, слово Божье. Более того, если обратить внимание на имя, которым наделяет своего персонажа автор, - Чарли Поттер (Charlie Potter), то можно заметить связь данной новеллы с другим произведением Т. Драйзера – пьесой «Hand of the Potter» («Рука гончара») (1919 г.), название которой является цитатой из стихотворения Омара Хайяма «What! did the Hand then of the Potter shake?» («Кто ж виною, если дрогнула у мастера рука?»). Омар Хайям, а за ним и Т. Драйзер называет гончаром/ мастером творца вселенной, что в очередной раз доказывает уподобление автором своего героя Христу, близкому Поттеру по своему роду деятельности – Христос был плотником.

Таким образом, обратившись к евангелистским мотивам, переводчик может проследить множество связей, аналогий, которые Т.Драйзер проводит между своим произведением и Евангелием. Именно эта часть работы переводчика над данной новеллой, на наш взгляд, представляет собой предпереводческий и переводческий анализ, в ходе которого переводчик бы несомненно обнаружил цитату из Послания Иакова 1:22-1:24:

«22. Будьте же исполнители слова, а не слышатели только, обманывающие самих себя.

But be ye doers of the word, and not hearers only, deceiving your own selves.

23. Ибо, кто слушает слово и не исполняет, тот подобен человеку, рассматривающему природные черты лица своего в зеркале:

For if any be a hearer of the word, and not a doer, he is like unto a man beholding his natural face in a glass:

24. Он посмотрел на себя, отошел и тотчас забыл, каков он.

For he beholdeth himself, and goeth his way, and straightway forgetteth what manner of man he was.»

Следовательно, если переводчику удастся понять эту идею, имплицитно заложенную в диалогической речи персонажей данного художественного произведения, он сможет сделать корректный перевод как самого произведения, так и заголовка новеллы – «A Doer of the Word». Как показывает практика, название художественного произведения зачастую представляет особую трудность для перевода, поэтому переводчику следует не полагаться исключительно на первичное понимание текста, а постепенно проникаться смыслом произведения, чему в анализируемой новелле способствуют наводящие вопросы и дополнительные речевые характеристики, используемые автором для уточнения определённых оттенков мыслей своих героев.

Литература

1. Богин Г.И. Филологическая герменевтика. Калинин: КГУ, 1982. – 50 с.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для интов и фак. Иностр. Яз. – М.: Высш. Шк., 1990. – 253 с.
3. Dreiser, Theodore. “A Doer of the Word.” Samples: A Collection of Short Stories. Ed. Lillie Ryttenberg and Beatrice Lang. New York: Boni & Liveright, 1927.

© Морозкина Е.А., Филиппова Ю.А., 2013

Мотина О.П.
г.Уфа, Россия

Смысловая сущность паронимии

Созвучиям отводится существенное место в современной практике речевого общения, и это ставит лингвистов перед необходимостью детального и планомерного изучения созвучных слов в речи. Явление частичного (неполного) совпадения двух фонетических слов обычно называется в языкознании паронимией.

Явление паронимии так или иначе оставалось в фокусе внимания ученых на протяжении многих веков и до сих пор представляется актуальной проблемой языкознания. Об этом свидетельствует, прежде всего, наличие в современной лингвистике противоречивых взглядов на проблему определения паронимов и стремление обнаружить новые подходы к изучению этого явления. Вместе с тем, в лингвистической литературе отсутствует всестороннее освещение сущности паронимов, в каждом исследовании предлагается свое определение, исследуется ограниченный круг вопросов, поразному интерпретируются лексико-семантические связи в группах созвуч-

ных слов. Отсутствие комплексного подхода к изучению паронимии объясняется сложностью и противоречивым характером этого явления.

Формальное сходство слов справедливо выдвигается учеными на первый план при изучении паронимии. Каждое определение паронимов начинается с того, что данные лексемы характеризуются максимальным сходством в звучании и написании. Однако близость плана содержания созвучных слов признается не всеми исследователями. Зачастую взгляды ученых на смысловую сущность паронимов являются разноречивыми, а иногда и противоречивыми. Одни исследователи указывают на сходство в значении паронимов, другие же делают акцент на их смысловом различии. В рамках данной статьи нам представляется целесообразным привести существующие в литературе взгляды на смысловую сущность паронимии и попытаться дать свое определение, наиболее полно раскрывающее сущность паронимов.

А.М. Пешковский отмечает: «Работа над паронимами (словами, сходными по звукам, но не тождественными) полезна только в том случае, когда они являются одновременно и синонимами. *Корову* с *короной* или *город* с *голодом* никто не смешает, а вот *предвидеть* и *провидеть*, *смешение* и *смещение*, *затемнение* и *затенение* – это особый вид затрудненных синонимов, причем затрудненность идет именно из звуковой близости» [5, 59]. Того же мнения придерживается и Г.Л. Снетова, выделяя такие случаи, когда паронимы оказываются весьма близкими или тождественными по значению и тем самым превращаются в синонимы, например: *база – базис*; *горный – гористый*; *далекий – дальний*; *одеть – надеть* и др. [6, 54]. А.А. Шумилина пишет, что «паронимы, благодаря некоторым особенностям значения и употребления, могут походить на синонимы», например: *багровый – багряный* [9, 278].

По мнению Ю.С. Степанова, сходство значений паронимов носит самый общий и неопределенный характер. Так, например, в ряде английских паронимов начальная группа *sp-* соответствует значению ‘испускать что-либо ртом’: *spit, spew, speak, sputter* [7, 35].

В.В. Виноградов отмечает, что «формальное сходство созвучных слов обусловливает их смысловое притяжение, что отражается на их понимании, на их семантических связях» [1, 6]. Близкой точки зрения придерживается Н.В. Крылова, которая определяет паронимы как «семантическую контаминацию слов на почве близости языковых форм» [4, 15].

Вслед за В.П. Григорьевым, понимающим паронимию как «явление более разностороннее, чем то, которое имеют в виду определения, получившие распространение в нашей литературе последних лет» [3, 264], Л.Н. Федотова определяет паронимы как «слова, настолько сходные по звучанию (созвучные), что при определенных условиях они могут сближаться и по смыслу» [8, 17].

С точки зрения Л.Г. Ярковой, которая исследовала проблему паронимии на материале немецкого языка, истинные паронимы не имеют ни одного совпадающего словарного значения. Под паронимией в своей работе лингвист понимает «отношение лексических единиц, имеющих сходное (но не тождественное, как при омонимии) звучание и семантические различия, вступающих в речи в неожиданную семантическую связь, ведущую либо к ошибочной взаимозамене, либо к каламбуру» [11, 4]. Созвучно такому пониманию определение паронимии, приводимое в Лингвистическом энциклопедическом словаре: «Паронимия – явление частичного звукового сходства слов (паронимов) при их семантическом различии (полном или частичном)» [1, 366].

О.В. Вишнякова настаивает на семантической несовместимости паронимов: «При изучении словарного состава современного русского литературного языка нельзя не обратить внимания на существование значительного количества слов, которые созвучны, родственны по корню, но различаются семантически, то есть не способны заменить друг друга в предложении без искажения его смысла» [2, 5].

Н.А. Янко-Триницкая проводит разграничение между языковыми паронимами, характеризующимися некоторым семантическим сходством и контекстными, в которых задано семантическое различие, о которых можно говорить «только при столкновении подобных слов в одном тексте» [10, 99]. Характерным в этом плане является следующий пример: «*Среди американских астронавтов Армстронг считался самым смелым и хладнокровным.* ***Армстронг…Астронавт…Астрономия****. Изобретательные репортеры, складывая и сравнивая созвучные, таящие поистине звездное родство слова, искали истоки мужества первого землянина, шагнувшего по Луне»* [Там же].

Л.Н. Федотова, Н.В. Крылова определяют паронимы как «семантическую контаминацию слов на почве близости языковых форм» [4, 15]. В данной работе, вслед за Л.Н. Крыловой и Н.В. Ткаченко, принимается точка зрения, что в речи (письменной и устной) созвучные слова вступают в отношения семантической контаминации: одно слово как бы «заражает» своим значением другое. Такая контаминация может являться контекстуальной, но и в ряде случаев возникать по причине определенной содержательной общности паронимов.

Анализ научной литературы показывает, что исследователи до сих пор не имеют единого мнения по вопросу о сущности паронимии. Это можно объяснить как сложной природой самого явления, так и невозможностью описать его с учетом лишь одного (формального или семантического) фактора, так как паронимия является результатом сложного взаимодействия формального, семантического и функционального факторов. Созвучие слов, близость их фонетического строя отражается на их понимании, на их семан-

тических связях, вызывая тем самым семантическую контаминацию. Поэтому суть явления паронимии следует искать, прежде всего, исходя из семантических и фонетических связей слов в языковой системе в процессе ее функционирования в речи.

В данной работе паронимы определяются как слова одной части речи, обладающие близостью формальной структуры и характеризующиеся системной или контекстной семантической соотнесенностью, которые могут ошибочно или намеренно смешиваться в речи. Сближение паронимов в содержательном плане определяется: 1) близостью лексических значений, например: *critic* «критик» // *critics* «критика»; 2) экстралингвистическим фактором (шум в канале связи, повреждение/патология органов речи и слуха коммуникантов, их невнимательность, тема речи и т.д.). Изложенные выше факторы в совокупности обусловливают наличие содержательной общности, которая либо представлена в словарных дефинициях паронимических слов, либо наблюдается лишь в контексте. Такой подход, на наш взгляд, соответствует современному уровню знаний о паронимии и позволяет наиболее полно раскрыть ее сущность.

Литература

1. Виноградов В.В.Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания. – 1960. – № 5. – С. 6-18.
2. Вишнякова О.В. Паронимия в русском языке. – М.: Русский язык, 1984. – 352 с.
3. Григорьев В.П. Поэтика слова. – М.: Наука, 1979. – 343 с.
4. Крылова Н.В. Паронимия в современном английском языке: идиоэтнические и функциональные аспекты: дис… канд. филол. наук. – Спб., 1993. – 159с.
5. Пешковский А.М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. – М.-Л.: Госиздат. , 1930. – 311 с.
6. Снетова Г.П. Паронимия в русском языке // Вопросы языкознания. – 1974. - № 2. – С. 52-57.
7. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. – 271 с.
8. Федотова Л.Н. Паронимия в английском языке: Учебное пособие / Л. Н. Федотова.– Тверь: ТГУ, 1994. – 75 с.
9. Шумилина А.Л. К вопросу о синтаксической синонимике // Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. – М., 1961. – С. 275 - 286.
10. Янко-Триницкая Н.А. К изучению паронимов // Русский язык в школе. 1979. №5. - С. 98-101.
11. Яркова Л.Г. Паронимия в современном немецком языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1979. – 16 с.

Лексикографические источники

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Ярцева В.Н. – М.: Советская Энциклопедия, 1990. – 685 с.

© Мотина О.П., 2013

Мурсалиева Л.И.
г. Уфа, Россия

Своеобразие комедийного мастерства Ж.-Ф. Реньяра в комедии «Развод»

Ж-Ф. Реньяр вошел в историю французской литературы и театра как наиболее талантливый драматург послемольеровского периода, который, развивая лучшие традиции Мольера, внес значительный вклад в эволюцию комедии на рубеже XVII -XVIII столетий.

Пьеса «Развод» была написана Реньяром в 1688 году для театра Итальянской Комедии в Париже. В это время итальянский театр масок (дель арте) во Франции претерпевает значительную эволюцию, основные черты которой заключались в том, что постепенно итальянский язык вытеснялся французским, а актерская импровизация - фиксированным текстом, менялся и характер масок (Арлекина. Коломбины, Мещетина). Наряду с присущими ей традиционными чертами, она впитывала также черты, взятые у различных социальных типов французского общества, которые, хотя и ощущались в характере маски, отходили на второй план. Однако, иногда ситуация менялась: на второй план отходили черты маски, а итальянский актер почти полностью перевоплощался в персонаж, взятый из французской действительности той поры, и пьеса дополнялась новыми персонажами, выходящими за рамки традиционных актерских амплуа. Театр Итальянской Комедии не был скован какими-либо правилами, здесь царила полная свобода творчества.

В пьесе «Развод» Реньяр гармонично использовал итальянские и французские традиции, создавая яркие комедийные ситуации и комические эффекты. «Он чувствовал характер маски лучше, чем кто-либо из его современников» [1, 431]. Однако, идя в русле общей эволюции комедии дель арте, он, зачастую, отступал от характеров традиционных масок. Например, Арлекин, слуга молодого дворянина Аурелио, выступает в пьесе в различных обличьях: под своим собственным именем, сохраняя традиционные черты характера маски, а также под видом учителя танцев «синьора де Ла Гавот господина де Тротанвиль» [2, 362], шевалье де Фонсек [2, 362], посла китайского короля [2, 380] и адвоката [2, 387], защищающего интересы юной Изабеллы, решившейся на развод с богатым стариком Сотине. Выступая под собственным именем и играя свою традиционную роль глуповатого интригана, Арлекин сохраняет свой характер. Как и подобает ему согласно традиции, он глуповат: ходит на голенищах сапог, чтобы сохранить подметки; наивен: влюбившись в Коломбину, Арлекин рыдает, так как верит в пуговичную считалку, которая предсказала ему, что он никогда не женится на своей возлюбленной. Арлекин простодушно полагает, что главное занятие адвоката - «есть сосиски» [2, 387]. В то же время Арлекин - плут и мошен-

ник. За свои проделки он побывал на галерах и едва избежал казни за то, что делал фальшивые деньги. Арлекин является одним из основных интриганов пьесы, ловко совершая различные плутни. Выступая под видом учителя танцев, Арлекин предстает перед нами в качестве модно одетого хлыща-остроумца, ведущего галантный разговор с дамами. Он хвалится тем, что вращается в высшем свете, блистая умом, отгадывает загадки популярного журнала «Галантный Меркурий», который называет «пробным камнем остроумия» [2, 363]. В образе шевалье Арлекин представляет нам страстного игрока. Он разорен, живет за счет женщин, цинично заявляя о своих победах над их сердцами, самодоволен, высокомерен. Арлекин-шевалье - карикатурный портрет французского дворянина конца XVII века, однако обжорство и грубоватость шевалье напоминают итальянский тип.

Комедийное мастерство Реньяра заключается также в том, что некоторых персонажей он наделяет «говорящими» именами, которые акцентируют основную черту персонажа, делая его более комичным и как бы подготавливая зрителя к той ситуации, в которой он оказался. Например, старый ревнивый муж юной Изабеллы носит имя «Сотине» - от французского sot - дурак, что с первых же шагов его появления на сцене говорит зрителю о его семейном неблагополучии и свидетельствует о его глупости при заключении подобного брачного союза. Имена учителей - танцев и пения в этой пьесе также имеют язвительно- иронический оттенок. Учитель танцев – «синьор де Ла Гавот господин де Тротанвиль» (от фр. Trotter en ville - бегать по городу). Представляя себя Изабелле, учитель пения (Мещетин) «произносит добрую дюжину имен» [2, 366], что наталкивает на мысль о его мошенничестве, умении легко менять свой внешний облик. Имя шевалье де Фонсек (от фр. Fond sec «пустой, без гроша») подчеркивает нищету и внутреннюю пустоту этого образа.

Другой способ создания комедийного эффекта заключается в умелом использовании стилей и терминов различных профессиональных языков (медицинского, юридического, музыкального и т.д.), а также характерного языка определенных социальных групп (например, прециозности, простого народа). Этот прием обычно, использовался при различных перевоплощениях итальянской маски, чаще всего главными интриганами пьесы - Арлекином и Мещетином, которые, ведя интригу, меняли обличья и, сменив костюм, вынуждены были дополнять вновь сознанный образ своеобразным «словесным переодеванием». Например, Реньяр извлекал комедийные эффекты из несоответствия претензий персонажа на ученость в той или иной области и его истинной сущности, а также из контраста различных стилей выражения: прециозного и простонародного и т.д. Речь Арлекина – учителя танцев и Мещетина - учителя пения пестрит музыкальными терминами, смысла которых они не понимают. Беседуя на музыкальные темы, они выставляют напоказ свое невежество. Например, Мещетин, отвечая на вопрос

Арлекина по поводу нотной записи, в которой тот видит лишь «загогулины в начале строчек» [2, 367], беспорядочно перечисляет музыкальные термины: «Это диезы, которые обозначают а ми ла ре бекар» [2, 367], усиливая комизм ситуации. В речи шевалье де Фонсек, обращенной к Изабелле, произнесенной с гасконским акцентом, пародируется замысловато- цветистый язык прециозной знати: «Колики, причиненные моему кошельку многочисленными незрелыми проявлениями неудобоваримой фортуны, заставили меня прибегнуть к вяжущему лекарству векселька на предъявителя, который я принес господину вашему супругу; но, не застав его, я решил, что человек моего ранга может войти к дамам экспромтом, и что вы не будете иметь ничего против знакомства с шевалье де Фонсеком» [2, 375]

Еще чаще встречается в этой пьесе профессиональный язык юристов, использованный в бурлескной манере, что особенно ярко проявилось в третьем акте пьесы, изображающем суд бога Гименея, призванного рассмотреть дело о разводе. Весь этот суд наполнен комизмом, представлен в гротескно-комическом освещении. Несмотря на внешнее соблюдение юридических формальностей: здесь есть и судья, и адвокаты обеих судящихся сторон, все его представители - на стороне молодой супруги, так как судьей Гименеем является Аурелио, брат Изабеллы, роль адвоката Корнишона, защищающего интересы Сотине, играет Коломбина, служанка Изабеллы, адвокатом Изабеллы является Брайарде - Арлекин, слуга Аурелио. Защитительные речи адвокатов, судебный приговор пестрят юридическими терминами, крылатыми латинскими выражениями: «прошение о разводе», «ответчик», «иск о разводе» и т.д. Эти термины, включенные в контекст пьесы, усиливают комичность ситуации. Например, адвокат Брайарде, «защищая» Сотине, фактически его обвиняет в том, что он не выполнил «главнейшее условие брачного договора, согласно которому он молчаливо обязался не прожить и года» [2, 389]. Он говорит, что Сотине «долго созерцал из тихой гавани крушения стольких несчастных супругов и, наконец, сам вышел в бурное море брака. И, когда он допустил этот солецизм в своем поведении, когда его поразила эта летаргия здравого смысла, это затмение разума, то лучше бы было для него, если бы он сразу продел свою шею в петлю или же утопился в реке» [2, 390]. Подобное «словесное переодевание» было неотъемлемой частью «синхронизации костюма, жеста и слова, которая, так характерна для игры итальянцев». [3, 207].

Яркий комический эффект создается здесь и при использовании мифологического бурлеска, когда в прологе «всемогущий» Юпитер спешит посмотреть пьесу, думая о разводе, «поскольку эта стерва Юнона не дает мне ни минуты покоя» [2, 348].

Из проделаннлого анализа следует, что пьеса «Развод» представляет собой своеобразное единство сценических приёмов комедии дель арте и традиций мольеровского театра. Созданию такого синтеза способствовала

эволюция комедии масок, происходящая во Франции в последние десятилетия XVII века, вытеснение итальянской импровизации. Стремясь передать своеобразие итальянской комедии, в характеристике своих героев Реньяр учитывал особенности традиционной модели: Арлекина, Меццетина, Коломбины ... Но они уже во многом отличались от своих предшественников, что проявлялось в распаде традиционного характера. Маска, сменив костюм и имя, в одной и той же комедии могла играть другое действующее лицо пьесы, отклоняясь от модели. Большое мастерство Реньяра заключалось том, что он в своем творчестве смог сохранить дух итальянской комедии, традиционный характер маски и одновременно с этим запечатлеть в пьесах некоторые сатирически заостренные черты современной ему действительности, используя при этом богатство французского языка во всем разнообразии его стилей и смысловых оттенков.

Литература

1.Toldo P. Le thèâtre de Regnard. Source de comique/ RHLF.,1905,t.12, p.424-452. Цитируется в переводе. автора статьи.
2. Реньяр Ж.-Ф. Развод. В кн.: Итальянский театр Герарди в 2-х т. / ред. А.В. Сахновская-Панкеева / СПб. 2007, т.1 , с.343-398
3. Calame A. Regnard J.-F. Sa vie et son Oeu vre. Alger, 1960, 504 p.

© Мурсалиева Л.И., 2013

Мусин И.Х., Мусина Р.Г.
г. Уфа, Россия

Интерференция в родственных и неродственных языках, влияющая на речевое поведение билингва

При анализе билингвического материала исследователю приходится учитывать и тот факт, что интерференция в родственных языках значительно отличается от интерференции в неродственных языках. В начальный период освоения второго языка интерференция наиболее отчетливо проявляется, когда оба языка оказываются неродственными, в то время как в родственных языках она незначительна. В дальнейшем же ситуация может измениться на прямо противоположную. Этот факт объясняется тем, что билингв привыкает не замечать минимальные расхождения в речи на родном и неродном языке; контроль за чистотой речи ослаблен, что, несомненно, способствует устойчивому сохранению интерференции.

Интерферентное влияние украинского языка, например, на русскую речь наблюдается даже в речи специалистов по русскому языку. И.И. Ярмак приводит примеры подобной интерференции из речи учительницы русского языка и литературы одной из школ Иваново-Франковской области: «Советский человек уболевает за судьбы своей Родины», «Он думал не за свою

жизнь, а за жизнь других людей» [1, 27]. В связи с этим следует обратить внимание и на роль личности педагога (на его профессиональную пригодность), так как в ходе учебного процесса у учащихся нередко возникает желание во всем подражать своим учителям.

Генетическая близость сербско-хорватского и русского языков также создает определенные трудности при изучении русского языка в этих странах. В процессе обучения русскому языку сербы и хорваты часто отождествляют внешне сходные слова в сравниваемых двух языках, в то время как эти слова имеют абсолютно разные значения – сравни русское «буква» и сербское «slovo»; сербское «bukva» и русское «бук».

При условии контактирования неродственных языков билингв с самого начала освобожден от подобного влияния со стороны первого языка, что сводит влияние интерференции на данном этапе к минимуму. Следовательно, интерференция наиболее ярко выражена при взаимодействии неродственных языков, но по продолжительности и устойчивости она сильнее в языках родственных. Интерференция в неродственных языках проявляется интенсивнее потому, что каждый из языков располагает своей особой системой фонетических, лексических и грамматических средств.

В связи со структурными расхождениями между родным и изучаемым языками обычно выделяют три типа интерферентных явлений:

1). недодифференциация (неразличение в неродном языке дифференциальных признаков ввиду их отсутствия в родном языке), например, в башкирском языке отсутствует противопоставление фонем по признаку «твердости-мягкости» (ср. «читаль» вм. «читал»), нет категории вида (ср. «буду посмотреть» вм. «посмотрю»), нет категории рода (ср. «красный яблоко» вм. «красное яблоко»), отсутствуют предлоги (ср. «приехал декабре» вм. (приехал в декабре»);

2). сверхдифференциация (использование в неродном языке дифференциальных признаков, ему не свойственных, но имеющихся в родном языке), например: «ребенок медведя» вм. «медвежонок» (по аналогии с башкирским «аю балаһы»);

3). реинтерпретация (буквальный перевод слов и фразеологизмов с одного языка на другой язык), например: «Они сидели в едальне» вм. «Они сидели в столовой» (ср. в чешском языке – «jidelna»); в речи украинских иммигрантов, проживающих в США: «взяти кару» (ср. в английском языке – «car» - «машина»).

Таким образом, анализ типичных отклонений от нормы русского литературного языка, выяснение этих ошибок в значительной степени поможет повысить культуру русской речи у обучающихся русскому языку.

Литература

1. Ярмак И.И. Интерференция родного языка в русской речи//Русский язык в национальной школе.–1973.–№6.–с.25-29.

© Мусин И.Х., Мусина Р.Г.., 2013

Мустафина М.Ф.
г.Уфа, Россия

Вопросительные предложения как средство организации текста в башкирской поэзии

Башкирский язык богат разнообразием типов предложений, имеющих различное назначение, структуру и сферу употребления. По цели высказывания выделяются вопросительные, повествовательные и побудительные предложения.

Предметом нашего исследования являются вопросительные предложения как средство медитации в лирике башкирской поэзии.

Основное назначение вопросительных предложений - получение информации от собеседника. В них формулируется вопрос по поводу неизвестных или не вполне известных говорящему ситуаций.

Кроме своей основной функции, вопросительные предложения нередко употребляются и в ином значении, в частности — в роли эмоционально окрашенных повествовательных предложений (утвердительных или отрицательных) [2; 42]. Такие вопросы, не требующие ответа, а передающие эмоционально окрашенную информацию, называются риторическими.

Каковы цели использования вопросительных предложений в лирике башкирской поэзии? Стихотворения выражают раздумья, размышления и отражают не результат, а сам процесс мысли лирического героя, поэтому мы говорим о медитативности (от лат. meditatio - размышление) поэзии [1; 345].

Попробуем проследить на примере некоторых стихотворений медитативную направленность текста.

Стихотворение Абдулхака Игебаева «Нимә һуң ул ғүмер?», в котором чувствуем знакомые формы вопросительной интонации:

Нимә һуң ул ғүмер?
Нимә һуң ул ғүмер?
Ағым һыуҙай,
Һиҙҙермәйсә аҡҡан йылдармы?
Әллә, шул йылдарҙың төҫө булып,
Йәнгә уйылып ҡалған моңдармы?
Нимә һуң ул ғүмер?
Хыял етмәҫ,
Серле офоҡтарға елеүме?
Әллә инде фани донъяларҙа
Үҙ-үҙеңде онотоп һөйөүме?
Нимә һуң ул ғүмер?
Аҡ өмөтмө,
Балҡыуымы изге теләктең?

Әллә көнө-төнө илкәйем тип
Дөп-дөп тибешеме йөрәктең?
Нимә һуң ул ғүмер?
Кисереүме
Йән рәхәтен, күңел яраһын?..
Әллә күкрәй-күкрәй үтеүме ул
Йәшәү менән үлем араһын?!.

«Желание знать» в этих вопросительных предложениях присутствует в первую очередь. Рассуждения героя вызваны случайной находкой. Вопросительные предложения употребляются здесь в монологической речи, способствуя более тесному контакту автора с читателем. Читая эти строки, каждый размышляет о смысле жизни и увядании, о любви и разлуке.

Обратимся к другому стихотворению "Ниңә" ("Почему?") Равиля Бикбаева:

Ниңә башын сөйөр ирҙәр түбән сүгә?
Ниңә берәү тир ҙә түгә, йәш тә түгә?
Ниңә алға елер егет артҡа сигә?
Ниңә зәхмәт тейер әҙәм рәхәт сигә?
Рәхмәт төшөр йәнгә ләғнәт яуа ниңә?
Бер ҡарауһыҙ тороп ҡалған мең етемдәй
Тороп ҡалыр бер яуапһыҙ
Мең-мең ниңәм...
Ниңә, ниңә?

В этом стихотворение поэт задает вопросы по наболевшим проблемам современного человечества, социальных отношений между людьми. Задав ряд вопросов, не ожидая ответа, поэт пытается подвести читателя к самостоятельному поиску ответов.

Множество башкирских стихотворений начинается с вопросительного предложения, сообщающего тему, а далее следуют различные варианты ответов. Примеры:

Был тиклем дә көйҙө ҡайҙан алдың? –
Оҙонлоғо булыр Уралдай:
Гүйә, тороп Боҙло океандан
Уятаһың кеүек Аралды. ("Моң". Ҡ. Аралбай).

Или:

Ниңә моңло икән таңдағы йыр?
Ярып керҙе ул йыр йөрәккә.
Төшһөҙ упҡындарға осҡан мәлдә
Таяндым мин ошо терәккә. ("Таңғы йыр", Кәтибә Кинйәбулатова).

Еще одно стихотворение этого же автора:

Ниндәй кис был?!
Елһеҙ, үҙе йылы.

Сәскә еçе бөркә урамдар,
Һелкенмәйсә гөлдәр ошо кискә
Ғашиҡ булып, таңға ҡалғандар. (“Ниндәй кис был?”).

Следует отметить, что это стихотворение заканчивается риторическим вопросом:

Ниндәй кис был? Бындай кистәрҙә
Нимә уйлай икән башҡалар?
Рәхәт кеүек тә бит, ә ниңә һуң
Күҙҙән йәш тама?...

Риторический вопрос в этом стихотворении реализуется в форме последнего предложения синтаксического единства и имеет при этом значение вывода [2; 54]. Природные явления, реалистичные картины переплетаются с переживаниями героя. Лирический герой автора размышляет о действительности, для того чтобы получить ответ. Вопросы автора – это обращение к себе самому, передача мыслей своим читателям.

Таким образом, в лирических произведениях башкирских писателей вопросительные предложения часто используются для придания различных эмоциональных оттенков повествованию. Они обладают ярко выраженной экспрессией и в этом схожи с риторическими предложениями.

Литература

1. Словарь литературоведческих терминов (СЛТ) / Ред.-сост.: Л.И.Тимофеев и С.В.Тураев. – М.: Просвещение, 1974. - 509 с.
2. Сыров И.А. Способы реализации категории связности в художественном тексте. – М., 2005. – 275 с.

© Мустафина М.Ф., 2013

Мухаметдинова А. Р.
г. Уфа, Россия

Проблемы понимания текста детьми старшего дошкольного возраста

На наш взгляд, внимание к речи ребенка традиционно для психолингвистики любых ориентаций. Преобладающим является феноменологический подход: описывается или речевое развитие одного ребенка (по возможности охватываются все уровни языка), или изучаются частные феномены, свойственные речи большинства детей на некотором этапе развития.

Понимание — это психологическое состояние, верное восприятие или интерпретация какого-либо события, явления или факта, принятое в определённом кругу. В психолингвистике понимание трактуется преимущественно как результат смыслового восприятия речевого сообщения.

Бесспорно, понимание речи, или «смысловое восприятие речи», является необходимым условием общения. Оно включает восприятие звуков

речи (фонем), узнавание слов, понимание значения слов, отношений между словами, фраз и смысла обращенной речи.

Во всех психолингвистических исследованиях подчеркивается сложность и многоплановость процессов восприятия и понимания текста. Все ученые указывают на их тесную взаимосвязь, поэтому восприятие и понимание принято рассматривать как две стороны одного явления - сторону процессуальную и сторону результативную.

И.А. Зимняя выделяет три основных уровня восприятия речи. На уровне распознавания каждый входящий звуковой сигнал отдельно сличается с уже имеющимся в памяти реципиента эталоном. На уровне разборчивости учитывается возможность сочетания двух стоящих рядом звуков. На следующем этапе происходит осмысление упорядоченных звукосочетаний (слов и цельных синтаксических структур), которое может иметь либо положительный, либо отрицательный результат. Положительным результатом процесса осмысления и является понимание. Поэтому восприятие речи принято называть смысловым восприятием.

Таким образом, процесс восприятия и понимания текста представляет собой иерархическую систему, где в тесной взаимосвязи выступают низший, сенсорный, и высший, смысловой, уровни. Иерархичность осмысления текста выявляется в постепенном переходе от интерпретации значений отдельных слов к пониманию смысла целых высказываний и затем - к осмыслению общей идеи текста. Однако эти процессы - понимание отдельных слов и фраз - играют роль вспомогательных операций, так как, обращаясь к тексту, реципиент никогда не ставит перед собой задачу понять отдельные слова или фразы. Процесс понимания начинается с поисков общего смысла сообщения, с выдвижения гипотез и лишь потом переходит на более низкие уровни - сенсорные (распознавание звуков), лексический (восприятие отдельных слов) и синтаксический (восприятие смысла отдельных предложений). То есть реальный процесс понимания текста не совпадает с тем порядком, в котором поступает информация. Поэтому адекватное осмысление сообщения может иметь место только тогда, когда между указанными уровнями осуществляется обратная связь, когда "все уровни взаимообусловливаются и взаимоконтролируются".

В своей статье «Три парадигмы понимания: Анализ литературы вопроса» Л.Г. Васильев предлагает выделить три группы теорий в проблеме понимания: объектные, субъект-объектные и субъектные. В объектных теориях приоритет отдаётся структурно-семантическому анализу, а понимание онтологизируется и приравнивается к своему объекту. Понять означает установить значение языкового знака. В субъект-объектных теориях синтактико-семантический анализ дополняется прагмалингвистическим описанием или описанием реальных психологических процессов при создании и/или анализе языкового знака. В субъектных теориях акцентируется, помимо

процедур понимания, оценка реципиентом результатов понимания (при помощи обратной связи в диалоге или рефлексии в монологе).

В нашем лингвистическом исследовании особенностей понимания поликодового текста на материале вторичных текстов детей старшего дошкольного возраста мы рассматриваем данную проблему в рамках группы субъект - объектных теорий. Объектом понимания данного исследования выступает мультипликационный фильм, который представляет собой поликодовый текст. Нас, прежде всего, интересует узнавание знаков и распознавание информации (Новиков 1983) детьми старшего дошкольного возраста. Хотелось бы отметить, наслоение субъективного восприятия в процессе понимания, а также тот факт, что процессы восприятия и понимания текста детьми данной возрастной группы имеют определённое сходство с данными процессами у взрослых.

© Мухаметдинова А.Р., 2013

Мухтарова Д.Р.
г. Уфа, Россия

О социальной стратификации языка

Социальная стратификация – это описание социального неравенства в обществе, его деление на социальные слои по доходам, наличию или отсутствию привилегий, образу жизни. С развитием общества неравенство росло. В сложных обществах оно поделило людей по уровню образования, доходам, власти. Социальная стратификация описывает различия между людьми в их социальном происхождении и статусе, в образовании, в образе жизни, роде занятий, наконец, в авторитетности (популярности, влиятельности, престижности) в тех или иных социальных группах или обществе в целом. Связь между реальной социальной структурой (элементами которой были функционеры, обыватели и диссиденты) и социально-учетной (элементами которой были рабочие, крестьяне и служащие), обеспечивал особый язык, вернее группа языков, вне которой было невозможно взаимопонимание и взаимодействие между стратами. Рабочие, крестьяне и служащие разговаривали на разных диалектах одного языка, но использование диалекта (функционального, диссидентского, обыденного) определялось ситуациями общения. Люди одной профессии или одного узкого круга общения нередко образуют довольно замкнутые группы, которые вырабатывают свой язык. Американские исследователи установили наличие особого языка черного населения - менее образованных социальных слоев, часто “вычеркиваемых” из социального и речевого контекста.

В социальном плане языки различаются по количеству говорящих на них людей, по распространенности языков за пределами коллектива (или коллективов) исконных носителей, по составу общественных функций и сфер употребления языков, по их социальному статусу, престижу, известности, по жизнеспособности.

Результатом социальной стратификации языка являются социолингвистические индикаторы – элементы языка: лексические, фразеологические единицы, фонетические особенности, синтаксические конструкции, свидетельствующие о социальном статусе говорящего.

Язык определённым образом отражает территориальную интеграцию народа, говорящего на нём, выступая в виде множества говоров, и социальную дифференциацию общества на классы, слои и группы, существующие между ними различия в использовании в целом единого языка, выступая в виде множества вариантов, разновидностей, социальных диалектов (социолектов). Социолектом называют совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе – профессиональной, сословной, возрастной и т.п. – в пределах той или иной подсистемы национального языка. Примерами социолектов могут служить особенности речи солдат (солдатский жаргон), школьников (школьный жаргон), уголовный жаргон, арго хиппи, студенческий сленг (о терминах «жаргон», «арго», «сленг»), профессиональный «язык» тех, кто работает на компьютерах, разнообразные торговые арго (например, «челноков», торговцев наркотиками) и др.

Термин «социолект» удобен для обозначения разнообразных и несхожих друг с другом языковых образований. Специфические свойства речи всегда невольно привлекают к себе внимание слушателя, в особенности, если слушатель — носитель одного диалекта, а говорящий — носитель другого, непохожего на первый. То же самое происходят при столкновении литературной манеры речи и диалектной или просторечной. ≪По-деревенски≫ говорящий человек может встречать ироническое или даже пренебрежительное отношение к себе среди горожан, в особенности среди тех, кто сам еще только начал переучиваться с деревенского говора на городской и осознавать диалектную речь как ≪некультурную≫, ≪неграмотную≫.

Определенные различия в языке могут быть связаны с полом говорящих. Так, в языке индейцев яна, живущих в северной Калифорнии (США), одни и те же предметы и явления называются по-разному, в зависимости от того, кто о них говорит – мужчина или женщина. В Японии девушки владеют богатым и разнообразным словарем, в то время как для юношей характерен лексически более бедный язык.

В зависимости от того, с кем человек говорит, его речь варьируется: близкий друг поймет с полуслова, но «полуслова» будет недостаточно, когда речь идет об ответе на уроке учителю; в разговоре с незнакомым собеседником нужна речевая (словесная и особенно интонационная) настройка, более

длительная и сложная. Вступая в контакт, люди как бы нащупывают настроение друг друга, расположенность или, напротив, нерасположность к разговору, к шутке и т.д. – это предъявляет определенные требования к выбору слов и интонаций.

Литература

1. http:// www. google.ru Курс лекций по социолингвистике – 22 с.
2. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М. 2001. – 415 с.
3. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М.: Аспект пресс,1996. –208 с.
4. Мечковская Н.Б.Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. – М.: Флинта, Наука, 2001. – 311 с.

© Мухтарова Д.Р., 2013

Нафиков Ш.В.
г. Уфа, Россия

Межъязыковые сравнения по лексеме ‘язык’

Слово ‘язык’ известно как соматизм, один из элементов базового словаря, иначе – основного лексического фонда большинства языков. Как известно, лексемы из состава базовой лексики обладают большой устойчивостью и меньше подвержены различным диахроническим изменениям. Ввиду этого такие слова часто становятся предметом различных межъязыковых сопоставлений на материале разнообразных языков, в том числе в плане дальнего и сверхдальнего сравнения в масштабе надсемей или макросемей. Примерами такого рода могут служить сравнения по концепту ‘язык’ в ностратических [1, 336; 2, 346 – 347] и евроазиатских [4, № 44 sub *ķele ‘говорить, язык’].

Исследовательская задача предлагаемой вниманию коллег-компаративистов заметки состоит в ознакомлении с имеющимися в литературных источниках широкими сближениями со словом ‘язык’ между *I ностратическими, II америндскими, III сино-кавказскими и IV аустрическими (гипотетическими)* макросемьями.

А. ностр. *ńan[g]V ‘язык’ … : америнд. *nene, *nik
*te[h]V ‘говорить’ … : *ti [6, 194, 195].

Б. праностр. *ķa/1H/a ‘язык, говорить’ … : сев.кавк. *’V-gwVl- ‘говорить’[7, 117].

В. ностр. *Ķä1/H/ä ‘язык, говорить’ : сев.кавк. *’V-gwVl- ‘говорить’ : австронез. > пр. флп. … *KăRi ‘говорить, слово’[3, 126].

В компаративистике новейшего времени (конец XX – начало XXI в.) получает распространение концепция (гипотеза) о существовании сверхмакросемьи т.н. **борейских** языков. Последняя объединяет в своем составе упо-

мянутые выше макросемьи. Ниже автор приводит сопоставление праформ, заимствованное из электронного ресурса, созданного учёными из России [8]:

‘язык’ евразийск. **tilV(ŋV)*
сино-кавказск. ? **HλilV*(‘челюсть, жабры’)
австрич. **dila?*‘язык, лизать’.

Обращает на себя внимание разнообразие рефлексов, возникших из каждого этимона. В алтайской ветви евразийских языков это **ti1V*, в индоевропейских **dleŋg’hu-*, в чукото-камчатских (ранее в ареале палеоазиатских, ныне в кругу ностратических и/или евразийских языков) **jilə* ‘язык’. Согласно этимологическому словарю Ю.Покорного [5, I, 792 сл.] др.лат. *dlingua*, герм. **tung-ōn-* и слав. **jęzikъ* суть такие же рефлексы некогда общего евразийского корня. Авторы этих сближений, российские макрокомпаративисты С.Старостин и И.Пейрос [см. цитированный электронный ресурс (портал)], дают также параллели из гипотетической сверхсемьи аустрических языков (самая крупная макросемья в ареальном отношении) – праавстроаз. **liajh*, праавстронез. **dilaq* ‘язык’.

Аналитическое рассмотрение фактического сравнительного материала дает возможность для ряда обощений.

а. Очень большая временная глубина (несколько тысячелетий) имела своим результатом сильное изменение внешнего (фонетического) облика многих рефлексов при сохранении основного, изначального значения (в пределах известных смысловых переходов). Яркие примеры – рус. *язык*, нем. *Zunge*, англ. *tongue*, голл. *tal*, др.тюрк. *tyl* ‘язык’, нан. dželga ‘голос’ и т.п. Подробности диахронических изменений известны из частных областей языкознания, как-то: утрата былой назализации в совр.рус. *язык*, йотация в анлауте и пр.

б. Общность между евраз. **tilV(ŋV)* и австрич. **dila?* (см. выше) ряд ученых склонны объяснить *случайным* характером созвучия и смысла, наподобие знаменитого примера Э.Бенвениста по поводу сходства англ. *bad* и фарси *bād*‘ плохой’, другие языковеды видят в первых примерах общую изоглоссу как признак сверхдальнего языкового *родства*.

Литература

1. Иллич-Свитыч В.М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков // Этимология 1965. – М., 1967.
2. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Т. I. – М., 1971 (2013 переиздание).
3. Пейрос И.И. Дополнение к гипотезе С.А. Старостина о родстве ностратических и синокавказских языков // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. III. – М., 1989. – С. 126 – 130.
4. Greenberg J.P. Indo-European and its closest Relatives. The Eurasiatic language family. 2002. Vol. 2: Lexicon. Stanford University Press.
5. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. 2 Bände.FranckeVerlag: Bern und München, 1959.

6. Shevoroshkin V., Manaster Ramer A. Some Recent Work on the Remote Relations of Languages // Sprung from Some Common Sourse. Investigations into the Prehistory of Languages.Stanford, 1991. P. 178 – 199.
7. Starostin S.A. Nostratic and Sino-Caucasian // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. III. – М., 1989. – С. 119 – 125.
8. starling.rinet.ru Время последнего обращения 1/XI, 2013.

Сокращения

Ностр. – ностратический, америнд. – американский, праностр. - праностратический, сев-кавк. – северо-кавказский, австронез. – австронезийский, пр.флп. – прафиллипинский, евразийск. – евразийский, сино-кавказск. – синокавказский, австрич. – австрический, др.лат. – древнелатинский, герм. – германский, слав. – славянский, рус. – русский, нем. – немецкий, англ. – английский, голл. – голландский, др.тюрк. – древнетюркский, нан. - нанайский.

© Нафиков Ш.В., 2013

Нехорошкова Т.П.
г.Уфа, Россия

Иерархический принцип организации лексики и роль диахронических методов в ее исследовании

Известен тезис о том, что категории логического отражают историческое развитие объекта [1, 56]. Именно по этой причине при изучении сложных объектов, относящихся к жизни человека, логика научного познания часто идет тем же путем, что и становление соответствующего объекта. Язык, являющийся, безусловно, одной из сложнейших систем, связанных с человеком, предоставляет, на наш взгляд, немало доказательств справедливости этого тезиса.

Его лингвистической манифестацией является тот факт, что при синхронном подходе к языку внутреннее упорядочение явлений часто повторяет их развитие в диахронии. Иными словами, наиболее экономным с точки зрения синхронного описания, а также имеющим наибольшую объяснительную силу, является такой подход, который соответствует преобразованиям, зафиксированным в диахронном ряду. Естественно, речь здесь идет о некоторой «идеализированной» истории, то есть о последовательности основных тенденций, а не о реальном богатстве фактов и событий.

Этот подход, всего лишь желательный в одних случаях, становится единственно приемлемым в других. Ярким примером этого последнего случая является, как представляется, такая лексическая единица французского языка, как rien.

Полисемия rien столь велика, что она охватывает широчайший диапазон значений, обнаруживаемый между полярными – позитивным и негатив-

ным - полюсами подсистемы неопределенных местоимений («что-либо» – «ничто»). Причем, интересно отметить, что та же смысловая дуалистичность отмечается в системе значений данной языковой единицы, используемой в современном языке (правда, значительно реже) в качестве существительного: des riens – «пустяки» – le Rien – «Ничто», понимаемое как «Великое Ничто», «Небытие». Можно отметить также, что в рамках данной категории (категории существительного) устранение оппозиции «позитивность/негативность», присущее местоимениям, осложняется устранением еще одной оппозиции - одушевленность/ неодушевленность. Так, существительное un rien может иметь, с одной стороны, значение «безделушка», а с другой - «ничтожный человек». Если к этому и без того широкому кругу значений добавить довольно значительную серию значений rien - частицы, наречия и прочих, как правило, неопределяемых частей речи, то получится объемный и, на первый взгляд, весьма хаотичный реестр ничем не связанных между собой как внутрикатегориальных, так и межкатегориальных значений.

Нельзя сказать, что подобное (достаточно экзотичное!) положение дел не привлекало внимание исследователей французского языка. Прежде всего, в этой связи следует упомянуть фундаментальный труд Робера Мартэна «Le mot «rien» et ses concurrents en français» («Слово rien и его конкуренты во французском языке») [2, 321]. Однако, при всей глубине и тщательности проведенного исследования, имеющего целостный и весьма убедительный характер, оно не получило должного внимания со стороны лингвистов по ряду причин. Среди них решающей, на наш взгляд, является недооценка современной лингвистической общественностью так называемой психо-систематики – метода, в рамках которого работал Р. Мартэн – ученик и преемник самобытного французского лингвиста Г. Гийома. Кроме того, очевидно, что при всей убедительной силе работы она, тем не менее, не позволяет «вписать» феномен «rien» в некий более общий контекст, придав, таким образом, системный характер этому явлению. Иными словами, объяснив парадокс динамизма семантики «rien» остановками на операционной оси, Р. Мартэн не ответил на вопрос о том, каким языковым единицам еще, а главное – почему, присущ тот же динамизм. Вполне возможно, что это была задача для другого труда, но его, насколько нам известно, не последовало, и вопрос о системности данного явления остался открытым.

Весьма симптоматичен тот факт, что проблему rien Р.Мартэн рассматривал в историческом ракурсе. Остановки на операционной оси, выделенные исследователем, действительно соотносятся с этапами исторического развития изучаемой единицы, что вполне соответствует и подтверждает правомерность тезиса, заявленного в начале статьи. Неполнота же картины, о которой говорилось выше, возникла, на наш взгляд, по причине недостаточной глубины ретроспективы: история rien рассматривалась автором с 15-

го века и до наших дней. Вполне вероятно, что идентичный анализ ситуации в языке-основе (латыни) в сочетании с сопоставительным анализом более поздних периодов языкового развития позволил бы автору сделать выводы более общего порядка и, в частности, позволил бы пролить свет как на современное положение дел в системе, к которой принадлежит rien, так и на перспективу ее развития.

Попытаемся, насколько это возможно в рамках небольшой статьи, представить общую логику событий. При этом, в качестве отправного исторического периода возьмем латинскую систему неопределенных местоимений (т.е. более ранний, чем 15-ый век, период). Интересующая нас система языковых средств, как выяснилось, строилась в латинском языке на базе, отличной от современного французского. В ее основе лежали наиболее абстрактные элементы лексической системы – относительно-вопросительные местоимения quis/qui, quae, quid, quod (кто, что, какой).

Согласно теории иерархической организации лексики, перечисленные местоимения относятся к высшему эшелону лексического древа: каждый из них, означая одно из исходных, глобальных понятий окружающего мира, является вершиной или начальной точкой постепенно разветвляющегося лексического древа. По мере развития, наполнения опытом бытия и продвижения по вертикали вниз этот элементарный глобальный смысл получает в языке все более разнообразные и все более разветвляющиеся, иерархически организованные именования в лексике [3, 16-19].

Существуя под эгидой вершинного ряда, все последующие подмножества древа находятся в отношениях постоянного и тесного взаимодействия, что, во-первых, организует и сопрягает всю систему и, во-вторых, служит той основой, которая позволяет ее элементам определенным и вполне предсказуемым образом взаимодействовать не только в одном синхронном срезе языка, но и в исторической перспективе.

Очевидно, что выстроить всю лексику согласно рассматриваемой концепции – задача архисложная и навряд ли решаемая во всей своей полноте, по крайней мере, в ближайшем будущем. Однако связь между вершинным местоименным и подвершинным номинативным уровнем известна и фактически общепризнанна. Перечень образующих этот подвершинный уровень существительных, дающих самые общие именования исходным понятиям, в целом известен и мало чем отличается от языка к языку: человек/ один, вещь, предмет, штука и т.д. Относимые к разряду широкозначных существительных (исключение составляет «один»), они часто называются полуместоименными. Справедливость подобной квалификации подтверждается не только спорадическим «местоименным» использованием данных слов в различных языках (в латыни в том числе), но и, в частности, историей системы неопределенных местоимений французского языка.

Анализ исторического материала показал, что процесс реорганизации латинской системы неопределенных местоимений и ее постепенный переход во французскую привел к смене смысло- и формообразующей основы системы. Так, если латинские НМ, как уже отмечалось, строились на базе элементов высшего иерархического уровня, то в основу французской системы легли языковые формы первого подвершинного уровня, т.е. ближайшие соседи вершинных элементов. (Ср. франц. rien (ничто), восходящее к латинскому res, -ei (дело), personne (никто) от латинского persona (маска, персонаж, действующее лицо). То же явление характерно и для позитивного полюса системы. Ср.: quelque chose (что-то, досл. какая-то вещь), quelqu'un (кто-то, досл. какой-то один)).

В отличие от подразумеваемого иерархическим принципом организации лексики *вертикального* разветвления древа, неопределенные местоимения латинского языка прорабатывали, условно говоря, его *горизонталь* [4, 317]. Этой горизонталью является одна из аксиом языка – существование – обязательный компонент значения любой номинативной единицы языка, элемент, входящий в ее состав «по умолчанию». Эксплицитно этот компонент представлен только в записях лингвистов логического направления.

Абстрактность данного признака естественным образом предполагает локализацию языковых средств его выражения в самых вершинных слоях древа. Совершенно не случайно, таким образом, в латыни именно вершинные элементы древа стали формообразующей основой этих специальных языковых средств. Богатая система форм (более 12 элементов), строившаяся за счет наращивания синкретичной формообразующей основы quis/ qui пре- и постфиксоидами (qui*dam, ali*quis, quis*quam*...), закрепляла средствами языка результаты весьма абстрактного процесса - процесса становления в познающем сознании признака существования. Маркируя некие вехи на пути осознания существования означенного вершинным местоимением исходного смысла (лица, предмета, признака), данные формы постепенно переводили его из сферы виртуального в актуальное.

Как уже отмечалось, при разрушении стройной латинской системы активизировался самый первый подвершинный слой номинативной лексики. Специальный анализ показал, что, так же как и в языке-основе, французские НМ обслуживали ментальную зону неопределенного существования и, следовательно, отражали ее содержательную специфику. Так оказалось, что при всей очевидности изменений материального состава в функциональном плане соответствующая французская система «местоимений неопределенного существования» принципиальных изменений не претерпела. И тем не менее нельзя не обратить внимание на произошедшее резкое сокращение количественного состава средств изучаемой подсистемы при переходе от латинского языка к французскому. Это, казалось бы, внешнее для системы обстоятельство имеет глубинные причины и далеко идущие последствия.

В основе богатства латинской системы местоимений неопределенного существования лежит преимущественно синтетический характер строя латинского языка. Именно он «позволял» системе создавать новые формы за счет «наращивания» первоосновы (см. выше), и именно он обусловил существование весьма разветвленной сети языковых форм, отмечавших вехи становления абстрактного признака существования.

Смена формообразующей основы, наблюдавшаяся в истории французского языка, как представляется, была продиктована общими тенденциями перехода романских языков от синтетизма латыни к аналитизму языков-рефлексов. При всей абстрактности семантики подвершинного номинативного уровня и его семантической близости к абсолютной вершине (что, собственно, и предопределило возможность подобного перехода) словообразовательный потенциал номинативных единиц в аналитическом языке не сопоставим с возможностями, которые демонстрируют языки преимущественно синтетического плана. Так оказалось, что вся палитра значений зоны неопределенного существования, ранее эксплицировавшаяся десятками языковых форм, оказалась ограниченной всего несколькими формами.

При подобном ракурсе исследования удается не просто объяснить чрезвычайную эластичность семантики, присущую практически всем элементам изучаемой подсистемы, но и осознать ее неизбежность. Полуместоименный номинативный элемент, оказавшись в языковой зоне неопределенного существования, быстро (по историческим меркам) соскальзывает в собственно местоименную область и, плавно переходя из сферы реальности в гипотезу, а затем и в сферу отрицания, сохраняет в своей семантике все те оттенки значений, которые присущи каждой из перечисленных сфер. Актуализации какого-то одного оттенка в этой полифонии значений способствует контекст, играющий в случае местоимений неопределенного существования решающую роль.

Наблюдения над фактами языка в длительной исторической перспективе свидетельствуют, таким образом, об устойчивом характере выявленной ментальной зоны (зоны неопределенного существования). Несмотря на все (порой радикальные) изменения в языке, она не просто находит в нем свое выражение, но и лежит в основе впечатляющих особенностей функционально-семантического потенциала тех языковых единиц, которые оказываются втянутыми в ее языковое оформление. В этой связи нельзя не упомянуть об универсальном характере приемов, используемых в процессе прономинализации подвершинных номинативных единиц. Одним из самых распространенных является сочетание широкозначного слова с детерминативом определенного характера, служащим своеобразным проводником номинативной единицы в ту или иную сферу местоименной зоны неопределенного существования.

Можно было бы привести немало других доказательств устойчивости ментальной зоны, лежащей в основе своеобразности системы языковых средств неопределенного существования, и шире – доказательств плодотворности диахронических методов исследования сложных языковых явлений. Однако в рамках данной статьи ограничимся выводами относительно одного из ее элементов - rien.

Итак, гипертрофированная полисемия данной языковой единицы не есть явление уникальное, оно обусловлено особенностями строения соответствующей ментальной зоны. Эта черта присуща, в большей или меньшей степени, всем языковым элементам соответствующей подсистемы. Цикличность смены формообразующей основы заложена в иерархическом характере структуры лексики: элементы вершинного и подвершинного уровней находятся в отношениях постоянного взаимообмена и взаимообогащения. Изобилию латинских синтетических форм, маркирующих этапы становления признака существования, соответствует полифония оттенков значения в рамках одной и той же формы языка аналитического строя.

Литература

1. Зализняк А.А. О возможной связи между операционным понятием синхронного описания и диахронией// Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. – М., 1962. С.50-68.
2. Шведова Н.Ю., Белоусова А.С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. - М., 1995. – 121 с.
3. Martin, R. Le mot “rien” et ses concurrents en français (du XIV-ième siècle à l’époque contemporaine). – Paris, 1966. – 321 p.
4. Нехорошкова Т.П. Неопределенные местоимения: их роль и место в процессе номинативного освоения мира (на материале латинского и французского языков) // Человек и общество на рубеже тысячелетий. – Воронеж, 2008. С. 312-321.

© Нехорошкова Т.П., 2013

Нечаева О.С
г.Уфа, Россия

Проблемы стиля высказывания

«Высказывание» определяют как лингвистический объект, индивидуальное использование языка и часто противопоставляют высказыванию «манеру высказывания». Каждый акт высказывания является событием уникальным, произошедшим между высказывающимся и адресатом высказывания в рамках определенной ситуации, определенного исторического события. Кроме того, использование пары «высказывание – манера высказывания» предполагает знание различия понятий «тип высказывания» и «обстоятельство высказывания». Любая фраза - это высказывание, порожденное

событием, находящееся в определенном времени и пространстве; именно событие порождает высказывание, содержание которого может приобретать различные оттенки благодаря манере высказывания. Существуют особые высказывания, которые не зависят от времени, места и автора высказывания. Чаще бывает невозможно определить смысл высказывания, если не принимать во внимание условия, внешнее пространство высказывания. Таким образом, можно рассматривать одно высказывание либо как обстоятельство, либо как тип. Определенные классы лингвистических элементов представлены в высказывании для того, чтобы отражать манеру высказывания в контексте. Эти элементы являются составной частью смысла высказывания или «шифтерами» (согласно Якобсону Р.). Эти шифтеры могут быть интерпретированы, только если они связаны с актом уникальной манеры высказывания, которая породила высказывание. Нельзя узнать, например, к какому месту относится слово «здесь» в предложении «Поль здесь», если происходит абстрагирование личности высказывающегося и места действия высказывания. Наречие «здесь» имеет общее лингвистическое значение (устоявшееся), оно состоит из единицы кода языка, но чтобы узнать, к чему оно относится, необходимо соотнести его с актом индивидуальной манеры высказывания. Класс шифтеров раскрывает главным образом лиц (высказывающийся и слушающий) и их пространственно-временное местонахождение. Например, местоимения являются шифтерами. Рядом с местоимением «лицо» существуют другие шифтеры, функцией которых является описание обстоятельств – высказываний в пространстве и времени по отношению к точке ориентира, которую составляет говорящий. Точка ориентира пространственных элементов – это позиция, которую занимает высказывающий во время акта высказывания. Различается множество типов таких элементов: класс определений, класс местоимений, временные указатели. Нельзя разъединять момент манеры высказывания и лицо, а также они обязательно должны быть связаны с сюжетом.

© Нечаева О.С., 2013

Окулич-Казарина А. В.
г. Бишкек, Кыргызстан

Концепт ДОМ как один из основных в художественной картине мира М. Булгакова

Концепт ДОМ является значимым, базовым в русской языковой картине мира, константой.

Слово *дом*, являющееся именем концепта, в современном русском языке непроизводное. Исконный смысл этого слова определить сложно. По-

лагают, что это сделанное самим человеком жилье [9, 96]. Возможно также, что в этом слове сошлись три древнейших корня, первоначально самостоятельных, но по значению очень похожих: **doma* – «владычествовать» (т. е. руководить поступками домашних); **demo* – «строить, сооружать»; **dem* – «дом как общественная организация, т. е. семья».

В основе народного представления о доме лежало не только понятие о здании, но и понятие о чем-то созданном, постоянном, общем для всех «своих», которые объединяются кровом такого дома. <…> дом рассматривался народом как осязаемое воплощение своего, родного, безопасного пространства, а привязанность к нему считалась добродетелью. <…> дом, домашнее хозяйство, изолирует хозяина не только от окружающего мира, но и от другого дома [9, 97].

Понятие «*дом*», по Ю. Степанову, неразрывно связано с понятием «*уют*», который «всегда ассоциируется со «своим», только себе принадлежащим небольшим пространством, как-то отгороженным, отграниченным от внешнего мира и, в противоположность последнему, - где веют ветры, происходят какие-то волнения… - защищенным «уголком», где тепло, где покой и не снуют посторонние люди» [15, 806-807]. Существует, однако, иное мнение, согласно которому «понятие *дом* в русской языковой культуре расширяется до понятия родины» [13, 106].

Вопрос о символе дома в творчестве М. Булгакова рассматривался Ю.М. Лотманом [см. 11]. Он пишет, что для Булгакова «символика «дома – антидома» становится одной из организующих на всем протяжении творчества» [11, 314].

В романе «Мастер и Маргарита», который прежде всего рассматривает Ю. Лотман, дом обретает особый смысл. Первыми возникают в романе тема бездомья («поэт Бездомный», отсутствие «постоянного жилища» у арестанта Иешуа) и тема ложного дома. Последняя «реализуется в нескольких вариантах, из которых важнейший – коммунальная квартира». Квартира – средоточие аномального мира. Она имеет заведомо нежилой вид; тема квартиры устойчиво связана с темой смерти. Другие антидома в романе – Дом Грибоедова, сумасшедший дом, лагерь. Инфернальная природа псевдодомов переносится и на их скопление – город.

Противопоставление «дома живых» и «антидома псевдоживых» осуществляется у Булгакова с помощью целого набора устойчивых признаков, в частности освещения и звуковых характеристик. Так, например, из антидома слышатся звуки патефона. Признак дома – звуки рояля, как и книги, которые подразумевают не только духовность, но и особую атмосферу интеллектуального уюта. Печка превращается в символический знак очага. Ей противостоит адский отблеск углей в квартире, так же как свету свечей в окнах дома – электрический свет антидома. Используя пространственный язык для выражения непространственных понятий, Булгаков делает дом средоточием

духовности, находящей выражение в богатстве внутренней культуры, творчестве и любви [11, 317-318].

«Белую гвардию» Ю. Лотман представляет как роман о разрушении домашнего мира. На противоположном конце творчества Булгакова – «Театральный роман», в котором «бездомный писатель <…> воскрешает Дом Турбиных». В нижней точке этой творческой кривой находится «Зойкина квартира». Именно здесь «квартира» обретает тот символический смысл, который нам знаком по «Мастеру и Маргарите» [11, 319].

Ю. Лотман приходит к выводу: «дом у Булгакова – внутреннее, замкнутое пространство, носитель значений безопасности, гармонии, культуры, творчества. За его стенами – разрушение, хаос, смерть. Квартира – хаос, принявший вид дома и вытеснивший его из жизни. То, что дом и квартира (разумеется, особенно коммунальная) предстают как антиподы, приводит к тому, что основной бытовой признак дома – быть жилищем, жилым помещением – снимается как незначимый: остаются лишь семиотические признаки. Дом превращается в знаковый элемент культурного пространства» [11, 319-320].

Тема дома раскрывается во многих произведениях Булгакова, в том числе в рассказах, а также в личных письмах (для анализа было взято 10 рассказов и 25 писем).

В рассказе «Ханский огонь» дом (дворец Тугай-Бегов) занимает центральное место. Все внимание сосредоточено на том, что представляет собой дворец (в первой части рассказа), и на том, что происходит во дворце (во второй части). Дано описание только внутреннего пространства дворца, окружающее не важно, о нем только упоминается. От внешнего мира дворец отгораживается чугунной калиткой, деревьями, плющом, шторами. Пространство дворца имеет ширину, глубину и высоту, причем последние подчеркиваются особенно.

Дворец как культурное пространство включает в себя атрибуты как материальной культуры (коллекции оружия, чубуков, ковры, гобелены, мебель), так и духовной (прежде всего книги). Книги дворца противопоставлены общественной библиотеке как живое мертвому. Также признак дворца – картины, портреты.

Посторонними людьми, экскурсантами, дворец воспринимается как архитектурный памятник, музей. Они, чужие, нарушают атмосферу дворца-дома, вторгаются в его интимное пространство и тем самым оскорбляют его: «Раз триста уже водил Иона экскурсантов в спальню Тугай-Бегов и каждый раз испытывал боль, обиду и стеснение в сердце, когда проходила вереница чужих ног по коврам, когда чужие глаза равнодушно шарили по постели. Срам» [2, 324].

Плакат «Усадьба-музей Ханская ставка», табличка «В кресло не садиться», рукопись «История Ханской ставки» в кабинете и то, что «дворец

берегут как народное достояние», – все это закрепляет восприятие дворца как памятника, но «жилым все казалось в шатре <…> Лампа, граненые флаконы, карточки в светлых рамах, брошенная подушка казалась живой…» [2, 323-324]. То, что дворец не мертв, подтверждает, вернувшись, и сам хозяин: «По живой моей крови, среди всего живого шли и топтали, как по мертвому» [2, 331].

Возвращение хозяина дает возможность дворцу снова быть домом: шторы закрыты, зажжены свечи и керосиновая лампа, «нежными искорками поблескивали переплеты в шкафах, Александр I ожил и, лысый, мягко улыбался со стены» [2, 330]. Хозяин сжигает дворец, и с помощью огня он очищает и защищает все самое дорогое от того, что принесли с собой чужие люди, от позора, унижения и поругания.

Таким образом, дворец-дом – это живое и уютное замкнутое, интимное пространство, наполненное предметами материальной культуры предшествующих поколений. Дворцу-дому противопоставлен дворец-музей – одно и то же пространство, воспринимаемое в одном случае как теплое и живое, в другом – как холодное и мертвое.

В рассказе «№ 13. – Дом Эльпит-Рабкоммуна» дом выступает как пространство, наполненное культурой, прежде всего материальной. Путем описания жизни дома до революции и после Булгаков показывает, как дом разрушается, уничтожается изнутри: свет и торжественное беззвучие дома Эльпит противостоят мраку, змеиному шипению примусов и крикам дома Рабкоммуны. Обращает на себя внимание то же, что и в «Мастере и Маргарите», противопоставление звуков пианино и граммофона: «Пианино умолкли, но граммофоны были живы и часто пели зловещими голосами» [1, 177].

Эльпит-Рабкоммуна после вселения новых людей уже не дом, а только оболочка дома, строение, несмотря на то, что его пытаются сохранить. (Вспоминается в этой связи восклицание героя повести «Собачье сердце» профессора Преображенского по поводу вселения новых жильцов: «Боже! Пропал калабуховский дом!» [4, 364].) Апогеем разрушения становится пожар, который уничтожает уже внешнюю оболочку дома, здание.

И Ханская ставка, и Эльпит-Рабкоммуна – и *еще* дома, и *уже* не дома: дворец не имеет уже облика дома, он умерщвляется извне, но живет еще изнутри жизнью своего хозяина, в его воспоминаниях и мыслях; Рабкоммуна же имеет пока вид дома, он населен, казалось бы «живет», но на самом деле он уже мертв, уничтожен изнутри. Оба дома не могут вернуться в прежнее состояние, но и в нынешнем состоянии существовать не могут.

Примечательно, что и в том и в другом случае дом сгорает. Концепты ДОМ и ОГОНЬ в творчестве Булгакова, несомненно, связаны: вспомним в этой связи пожар Дома Грибоедова, «нехорошей» квартиры № 50 и «пожар Москвы» в романе «Мастер и Маргарита».

Рассказы «Налет», «Красная корона» и «Китайская история» объединены темой домашнего уюта, покоя, в который врывается хаотичный внешний мир. «Вьюга и он, жаркий страх, залепили ему [Абраму] глаза <…> Тогда он вспомнил почему-то огонь в черной печечке, недописанную акварель на стене – зимний день, дом, чай и тепло. [Налет; 3, 323-324]. <…> я заснул и увидел гостиную со старенькой мебелью красного плюша. Уютное кресло с треснувшей ножкой. В раме пыльной и черной – портрет на стене. Цветы на подставках. Пианино раскрыто, и партитура «Фауста» на нем» [Красная корона; 3, 314]. «Ходя встал <…>. В последние мгновения чудесным образом перед ним под жарким солнцем успела мелькнуть потрескавшаяся земля и резкая тень и поросль золотого гаоляна. Ехать, ехать домой. Глуша боль, он вызвал на раскосом лице лучезарный венчик» [Китайская история; 3, 323]. Дом – это приют, любимый тихий теплый уголок, куда так хочется вернуться после всех жизненных потрясений. Он видится героям, когда их захватывает хаос, и исчезает всякая надежда на спасение: китайцу («Китайская история») – во время скитаний по России, в наркотических галлюцинациях и перед смертью; Абраму («Налет») – во время налета бандитов на железнодорожную станцию; сумасшедшему из рассказа «Красная корона» – когда он не может избавиться от галлюцинаций и чувства вины за смерть младшего брата.

В рассказе «Воспоминание…» основной становится тема отсутствия дома, бездомности. Главное определение дома поэтому – приют, крыша над головой; признаки дома здесь – крыша (потолок), тепло, свет лампы и, конечно, книги.

Центральной темой следующих фельетонов и рассказов является главный булгаковский «антидом» - коммунальная квартира.

«Москва 20-х годов» (и его сокращенный вариант «Трактат о жилище») – это нанизанные на одну нить повествования о всевозможных квартирных злоключениях: о бытовой неустроенности, о конфликтах с соседями и махинациях с жилплощадью, об уплотнении и выселении. «Отчего же происходит такая странная и неприятная жизнь? Происходит она только от одного – от тесноты. Факт: в Москве тесно» [5, 112].

Фельетон «Четыре портрета» очень ярко иллюстрирует махинации с жильем: «Он [хозяин] едва ли не первый почувствовал, что происходящее – штука серьезная и долгая, и поэтому окопался в своей квартире не кое-как, кустарным способом, а основательно» [6, 403]. Подселение жильцов (якобы родственников), поддельные мандаты на «добавочную площадь», перепланировка, баррикады в комнатах – все это способы сохранить жилплощадь. «Три года люди <…> рвались в квартиру, как пехота на проволочные заграждения, и ни черта не добились». «Тогда же он и купил четыре портрета» – Луначарского, Маркса, Троцкого и Карла Либкнехта – и развесил их по квартире наподобие охранных грамот. [6, 404].

В «Самогонном озере» описывается происшествие в коммунальной квартире, которая, помимо прежних характеристик, имеет еще одну – шум, который не прекращается ни днем, ни ночью. К слову, квартира, описанная в «Самогонном озере» – это реально существующая квартира в доме № 10 по ул. Большой Садовой, которая дала писателю материал для множества рассказов и фельетонов, а также для романа «Мастер и Маргарита».

Квартира во всех этих произведениях типично булгаковская: запущенная, нежилая, шумная и многолюдная, «адское место для живого человека», с ней связаны самые низкие человеческие проявления.

То, что концепт ДОМ чрезвычайно значим для М. Булгакова, подтверждается и материалами писем. В 25 письмах из 187, представленных в Собрании сочинений, речь идет о жилье: в 19 письмах – о своем доме или квартире (из них оценок своего жилья больше отрицательных, чем положительных); в трех письмах – о чужом жилье и еще в трех письмах – о старом материнском доме. «Самый ужасный вопрос в Москве – квартирный. <…> Комната скверная, соседство тоже, оседлым себя не чувствую, устроиться в нее стоило больших хлопот». (Вере А. Булгаковой от 24.03.1922) [7, 413]. «В особенности мне хотелось быть в Киеве! <…> Я спал сейчас, и мне приснился Киев, знакомые и милые лица, приснилось, что играют на пианино…» (Н.А. Булгаковой-Земской 31.12.1917) [7, 390]. «И временами, когда в горьких снах я вижу абажур, клавиши, Фауста и ее [мать], мне хочется сказать – поедемте со мной в художественный театр. Покажу Вам пьесу. И это все, что могу предъявить. Мир, мама?». (П.С. Попову от 24.04.1932) [7, 460].

Интересны в этой связи сведения, полученные при анализе биографии писателя. С 1891 г. по 1915 г. семья Булгаковых сменила семь адресов в Киеве. С 1915 г. по 1921 г. М. Булгаков сам сменил несколько адресов, живет во Владикавказе, в Тифлисе, потом переезжает в Батум. В 1921 г. писатель со своей первой женой переезжает в Москву. Последующие 13 лет Булгаков переезжает еще десять раз. Последним адресом стала квартира 66 в доме № 35 по улице Фурманова (См. 4, 630-661). Как мы видим, дом был желанным пристанищем для Мастера и в реальной жизни.

Проведенный анализ концепта ДОМ в произведениях Булгакова позволяет сделать выводы: ДОМ в произведениях Булгакова – необычайно значимое пространство, интимное, живое, наполненное уютом, светом и теплом, закрытое и тихое, отгороженное от всего мира место; обязательные атрибуты дома – книги, живой огонь и живая музыка, картины. Дом для Булгакова становится «средоточием духовности, находящей выражение в богатстве внутренней культуры, творчестве и любви», «превращается в знаковый элемент культурного пространства».

Литература

1. *Булгаков М.А.* Багровый остров. Ранняя сатирическая проза. – М., 1990
2. *Булгаков М.А.* Избранная проза. – М., 1983
3. *Булгаков М.А.* Избранное. – М., 1991

4. *Булгаков М.А.* «И судимы были мертвые…» - М., 1994
5. *Булгаков М.А.* Повести, рассказы, фельетоны. – М., 1988
6. *Булгаков М.А.* Ранняя проза: Рассказы, повести. – М., 1990
7. *Булгаков М.А.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. Письма – М., 1990
8. *Булгаков М.А.* «Я хотел служить народу…»: Проза, пьесы, письма. Образ писателя – М., 1991
9. *Валеева Д.Р.* Устойчивые сочетания, репрезентирующие концепт ДОМ в русском языке. //Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация/ Гл. ред. А.А. Кретов – Воронеж, 2009 - №1 – С. 96-99
10. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004
11. *Лотман Ю.М.* Дом в «Мастере и Маргарите»// Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб., 2001- С. 313-320
12. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика. – М., 2004
13. *Медведева А.В.* Концепт ДОМ в русской и английской концептосферах.// Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под. ред. И.А. Стернина. – Воронеж, 2001. – С.102-106
14. *Прохоров Ю.Е.* В поисках концепта. – М., 2008
15. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. - М., 1997

© Окулич-Казарина А.В., 2013

Петрова Е.А.
г. Уфа, Россия

Истоки и векторы развития логико-когнитивного направления в исследовании языка

Диапазон современных лингвистических исследований довольно широк и основывается на онтологическом, гносеологическом и методологическом уровнях познания. Несомненно, что у каждой науки должен быть свой особый ракурс во взгляде на предмет и объект исследования, подчеркивание в них особых отличительных маркеров. Однако сложившиеся в настоящее время общенаучные тенденции в развитии лингвистики и смежных с ней наук привели к необходимости переосмысления многих языковых явлений с учетом комплексного подхода к выявлению их сущности.

Философия и динамика научного познания обусловливают необходимость корреляции новейших научных парадигм в языкознании (логический анализ языка, логико-когнитивный анализ языка, лингво-прагматический анализ языка, когнитивно-дискурсивный анализ, лингво-когнитивное моделирование высказывания и др.), что обеспечивает методологическую базу для нахождения новых способов решения проблем, возникающих перед исследователем. Язык при этом изучается в аспекте человеческой деятельности, традиционные объекты лингвистического исследования рассматрива-

ются с точки зрения их значимости для человека, то есть речь идет об антропологической лингвистике как интегральной науке, изучающей «человека в языке», «язык в человеке», «язык для человека» во всех его проявлениях.

В современных обзорах методологии и перспектив развития языкознания учеными делается вывод о том, что существует большое разнообразие мнений и теорий при истолковании одних и тех же фактов и освещении одних и тех же объектов науки, и что при этом имеет место нежесткий, расплывчатый характер лингвистических понятий [1, 22-24]. Для нас как для исследователей важно выделить то главное, без чего невозможно прийти к истине познания, поскольку еще Платон писал, что душа питается знаниями, и что знания нельзя унести в сосуде, а поневоле придется, уплатив цену, принять их в собственную душу и, научившись чему-нибудь, уйти либо с ущербом для себя, либо с пользой [2, 423].

Проблема, затрагиваемая в ходе дебатов по поводу того, что является целостным и конкретным объектом лингвистики, является одной из узловых и продолжает оставаться таковой по настоящее время [3, 301-304]. Язык реален и объективен в своем сложном целом и во всех своих сторонах, частях и структурных единицах. Именно поэтому язык был и остается предметом научного познания. Безусловно, проблема познания языка и мира всегда являлась и будет являться одной из самых фундаментальных на протяжении всей истории философии, и, несмотря на то, что методологические подходы стали более сложными и разветвленными, сама постановка вопроса, не считая нескольких редких исключений, не изменялась. Тем самым становится вполне понятным, что нельзя однобоко подходить к объекту и предмету научных изысканий. Необходимо как рассмотрение «под увеличительным стеклом» его отдельных элементов и граней, так и пересмотр всех наблюдений и выводов через призму положения о диалектическом единстве всех изученных отдельных сторон, об их взаимосвязи. Не говоря уже о необходимости всестороннего изучения материальных предметов и явлений материального мира [4, 14].

По мнению В.А. Карпова, в процессе познания, изучения может возникнуть «иллюзия абстрактности языка, его единиц и категорий. Между тем абстрактен не язык, а научные понятия, его отражающие. Это объясняется тем фактом, что многие имеющиеся в теории языкознания определения языка и его свойств зачастую не согласуются друг с другом» [5, 18]. На наш взгляд, само собой разумеется, научные понятия могут быть вполне абстрактными, однако абстрактное не означает субъективное или нереальное.

Некоторые ученые считают, что нынешнее состояние науки о языке можно охарактеризовать как компромисс между естественным желанием вскрыть сущность языка и фактическим копанием в периферийных аспектах языка, или как состояние барахтанья в явлениях языка [6, 37-38]. Прослежи-

вается мысль о том, что «дать упорядоченную картину языка как динамической сущности, состоящей из индивидуальных и неповторимых творческих действий, нарисовать эту картину так, чтобы она сделалась объективированным предметом научного наблюдения, описания и критики, представляется крайне затруднительной, если не вовсе неосуществимой задачей» [7, 99].

В своем исследовании, обращаясь к познанию квинтэссенции языка, мы учитываем тот факт, что «язык должен интерпретироваться как инструмент коммуникации, а его структура анализироваться в свете целей, которым он служит» (Р. Якобсон), что исследование языка – это один из способов изучения мышления, что язык как лексическая и грамматическая система потенциально существует в сознании индивидов, принадлежащих к одной языковой общности, что существует неразрывная диалектическая связь языка (речи) с мышлением и сознанием.

Следовательно, построение объекта «язык» происходит в соответствии с нормами диалектической гносеологии и требует установления логической системы не только объекта, но и лингвистической деятельности, то есть познания объекта в форме деятельности или согласования предметных и логических оснований лингвистических теорий. Эта деятельность реализуется в сложно организованной сети различных актов преобразования объектов, когда продукты одной деятельности переходят в другую и становятся ее компонентами [8, 15].

Мы также исходим из предпосылки, что на концептуальный базис лингвистики важное влияние оказывают идеи и методы логики и философии языка. На наш взгляд, язык как знаковую систему целесообразно анализировать с точки зрения концепций логики, философии и когнитологии, поскольку язык, как объект познания, многогранен и многоаспектен. Вместе с тем, в этой многогранности и многоаспектности необходимо уметь разглядеть главное и неглавное, более типичное и менее типичное.

В плюрализме мнений при освещении одного и того же объекта прослеживаются не только положительные, но и отрицательные стороны, поскольку множественность толкований препятствует синтезу научного знания, способному привести к созданию общей теории языка как системного объекта. Теория – это не всякая совокупность знаний о языке, а строго организованная система знаний, каждый элемент которой связан с другими элементами этой же системы и непосредственно следует из них [9, 15].

Как известно, долгое время приоритетным в лингвистике было изучение внешних проявлений языка, языка экстериоризированного. Гораздо более трудная задача состоит в изучении интериоризированного языка после того, как он репрезентирован в мышлении человека. В последние годы в связи с этим были сформулированы новые принципы языкознания, в которых отмечается преобладание интеграционных тенденций. Это – экспансио-

низм – выход в другие науки, антропоцентризм – изучение языка с целью познания его носителя, функционализм – описание всех функций языка и экспланаторность – стремление объяснить все языковые явления (см. труды Е.С. Кубряковой, А.Е. Кибрика, С.В. Ивановой, З.З. Чанышевой и др.).

Как отмечает С.В. Иванова, «языковые факты представляют богатый материал, указывающий на гетерогенный характер взаимодействия универсального и специфичного». Эта неоднозначность требует от исследователя «тонкости и глубины анализа, отказа от априорных суждений, учета общего и частного, внимания к деталям, открытости теоретических построений и готовности корректировать ход исследования в связи со спецификой эмпирического материала, отказа от однозначных, максималистских утверждений» [10, 16].

Особое значение изучение языка приобрело в связи с задачей анализа научного мышления. Наука сделалась объектом исследования, развились такие направления мысли, как логика, философия и методология научного исследования. Здесь тоже пришлось, прежде всего, обращаться к изучению языка, а именно языка науки. На этом пути открылась возможность прослеживать логику построения научных рассуждений, выявлять структуру научных постулатов и правила вывода, способы верификации высказываний в науке. Таким образом, для полного и точного описания языка, говоря словами А. Вежбицкой, «необходимо выявить внутреннюю логику понятия; а это лучше всего сделать не при помощи интервью, лабораторных экспериментов, сообщений о случайных поверхностных впечатлениях информантов или самого исследователя, но посредством методичного самонаблюдения и размышления» [11, 19][*].

Не вызывает сомнения тот факт, что теоретические вопросы языкознания не могут быть решены без ориентации на общефилософские установки. В свою очередь, научные данные, добытые в языкознании, имеют большое значение для самой философии [12, 10]. При этом следует отметить, что задача философии заключается «не в том, чтобы размышлять или говорить о мире, а скорее в том, чтобы анализировать способы размышлений и высказываний о нем» [13, 7], и, по сути, философский анализ наших способов размышлений и высказываний о мире становится, в конце концов, общим описанием того, каким мы представляем мир при существующих способах мышления и языка. Не случайно современная философия становится преимущественно философией языка, делая предметом своего изучения то, как язык соотносится с миром. Следовательно, предмет науки должен быть объективирован и, тем самым, стать предметом специального наблюдения и познания, изучение же логических свойств языковых конструкций позволяет вскрывать внутренние проблемы и может привести к неожи-

[*] Перевод цитат выполнен мною – Е.А.П.

данным и продуктивным решениям (А.Т. Кривоносов; В.А. Гречко; Н.Б. Мечковская).

Однако вопрос о связи языкознания с философией до сих пор остается полемичным. Достаточно сослаться на известные положения. Так, некоторые ученые отрицают какую-либо диалектику наук, другие, напротив, полагают, что «<…> естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят её. Но они без мышления не могут двинуться ни на шаг, а для мышления же необходимы логические категории. В итоге они всё-таки оказываются в подчинении у философии» [14, 524-525]. Последовательно эту идею развивает Р.А. Будагов, полемизируя с теми лингвистами, которые отрицают связь языкознания с философией: «Учёные, рассуждающие таким образом, обычно оказываются во власти антинаучной философии. И всё это нисколько не противоречит принципу специфики каждой науки, в том числе, разумеется, и специфике науки о языке» [15, 260].

Отталкиваясь от полифункциональной природы языка, мы неизбежно приходим к мысли о том, что с помощью языка осуществляется познание мира, что в языке объективируется самосознание личности, и что язык является средством хранения и передачи информации, а также средством управления человеческим поведением.

Обобщая сказанное выше, можно сделать вывод, что сложность строения языка и разнообразные функции, которые он выполняет в человеческом обществе, позволяют рассматривать язык с разных точек зрения, формирующих различные направления в гуманитарных науках. Это обусловлено сложностью и противоречивостью устройства объекта научного познания. В рамках достаточно большого корпуса научных концепций, исследующих язык в его различных модусах, аспектах и формах, важно его интегративное исследование, которое позволило бы найти способы категориального и методологического синтеза лингвистических, логических и философских концепций, различным образом характеризующих язык.

Литература

1. Березин Ф. М. Отечественные лингвисты XX века. Часть 1. [Текст] / Ф. М. Березин. – М.: Издательство: РАН ИНИОН, 2002. – 295 с.
2. Платон. Собрание сочинений в четырех томах [Текст] / общая редакция А. Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – 860 с.
3. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики [Текст] / Ю. С. Степанов. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 312 с.
4. Тер-Минасова С.Г. Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков [Текст] / С. Г. Тер-Минасова. – М.: МГУ, 1986. – 151 с.
5. Карпов В. А. Язык как система [Текст] / В. А. Карпов. – 2-е изд., испр. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
6. Марчук Ю.Н. Компьютерная лингвистика [Текст]: учебное пособие для вузов / Ю. Н. Марчук. – М.: АСТ Восток-Запад, 2007. – 320
7. Базылев В. Н. Общее языкознание [Текст]: учебное пособие / В. Н. Базылев – М.:

Гардарики, 2007. – 285 с.
8. Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы [Текст]: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / В. С. Степин. – М.: Гардарики, 2007. – 384 с.
9. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке [Текст]: учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, 2005. – 416 с.
10. Иванова С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц [Текст]: автореф. дисс. … д-ра филол. наук / С. В. Иванова. – Уфа, 2003. – 40 с.
11. Wierzbicka A. Lexography and Conceptual Analysis [Text] / A. Wierzbicka. – Ann Arbor., 1985. – 368 p.
12. Мельничук А. С. Философские вопросы языкознания [Текст] / А. С. Мельничук. // Вопросы языкознания. – М., 1975. – № 5. – С. 10.
13. Данто А. Ницше как философ. [Текст] / А. Данто – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2001.– 280с.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 3 [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Издательство политической литературы, 1955. – 650 с.
15. Будагов Р. А. Человек и его язык [Текст] / Р. А. Будагов. – М.: Изд–во Моск. ун-та, 1983. – 261 с.

© Петрова Е.А., 2013

Петросян М.М.
г. Уфа, Россия

Проблемы коммуникации в рассказе Альбера Камю «Молчание»

Термин «коммуникация» (от лат. communicare - делать общим, сообщать) появился в научной литературе в начале XX в. и имеет три значения:

1. средства связи любых объектов материального и духовного мира;
2. общение, передача информации от человека к человеку (межличностная коммуникация);
3. общение и обмен информацией в обществе (социальная коммуникация) [1, 124].

Социальная коммуникация представляется различными теоретическими моделями, одной из которой является так называемая «экзистенциальная модель».

В экзистенциальной модели коммуникация – это не что-то второстепенное, происходящее с уже готовыми, завершенными человеческими субъектами, до того существовавшими изолированно. Напротив, именно она конституирует их бытие. В глубочайшем смысле своем экзистенция реализуется лишь посредством коммуникации. Никогда не бывает такого, чтобы человек пребывал в полном уединении. Однако взгляды на проблему коммуникации у представителей данного направления колеблются от полного неприятия способности человека к коммуникации до предоставления этой идее решающего значения в экзистенции.

В XX веке в числе первых, кто обратился к проблеме коммуникации, был К. Ясперс. В коммуникации он видел путь к подлинно человеческому существованию и придавал ей настолько важное значение, что свод его трудов уместно называть «философией коммуникации» [2,97].

С точкой зрения Ясперса категорически был не согласен Альбер Камю, который считал, что человек неизбежно одинок. В его творчестве субъективизм экзистенциализма достигает апогея. Его философия абсурда имеет свой взгляд на проблему коммуникации. Мир чужд человеку, жизнь есть только ожидание смерти – все это и рождает понятие «абсурда». Однако в этом абсурде человек имеет вполне определенный способ существования – бунт. Мы узнаем, что человек бунтует всегда, ибо в этом состоит его существование. Он никогда не находит себе покоя. Если у Сартра человек обречен быть свободным, то у Камю получается, что человек обречен бунтовать. Человеческое существование не имеет никакой объективной опоры. Между отдельными экзистенциями, правда, тоже нет никакой подлинной коммуникации, но они все же связаны совместной борьбой против абсурдности [2, 326].

Именно бунт у Камю является основой коммуникации и социализации. Люди общаются из-за своего бунта, в процессе бунта и ради него. Пределы, цели, задачи бунта - все это остается в тумане. Создается впечатление, что бунтовщику важно бунтовать, а против чего, не имеет значения, и во имя чего - неизвестно.

Экзистенциалистская философия рассматривает коммуникацию как «заброшенность в мир». Такое понимание коммуникации объясняется развитием в XX в. такой системы нравов, как индивидуализм. Отношения, складывающиеся в условиях индивидуализма, организуют жизнь человека на принципах изоляции и самоизоляции, что порождает такое явление культуры, как некоммуникабельность. Некоммуникабельность есть распад всех социальных связей, крайняя форма взаимного отчуждения. В результате у индивидов возникает чувство одиночества, ощущение бессмысленности кратковременного и никому не нужного существования человека в мире. Такую ситуацию философы назвали «кризисом коммуникации».

Символичным в этом плане является рассказ А. Камю «Молчание». Уже само название указывает на так называемый «кризис коммуникации», на некоммуникабельность общества. Недаром во всём рассказе нет диалогов, вопросы и реплики либо остаются без ответа, либо сведены к минимуму. Вся прямая речь персонажей переведена в косвенную.

Забастовка рабочих в рассказе – это не просто забастовка, в процессе которой рабочие требуют повышения заработной платы. Это символ бунта и неприятия мира со всей его абсурдностью. В свою очередь, бунт и абсурд и выражают некоммуникабельность, неготовность, нежелание идти на контакт с людьми и миром.

Потерпев поражение в одном бунте, рабочие не готовы сдаться. Да, они идут на работу, каждый выполняет свое дело, молча, не мешая другому. Но они продолжают бунтовать. Неприятие мира (в данном случае требование повышения заработной платы) из бунта, так сказать, активного переходит в бунт пассивный: в молчание.

Молчание – это не признак того, что люди смирились. Это своего рода коммуникация, это передача информации невербальным способом. И в данном преломлении молчание гораздо громче слов. Своим молчанием они показали своё недовольство произошедшим. Именно этим они спровоцировали господина Лассаля на разговор с ними: «Я вижу, что вы на меня обижаетесь, и скажу откровенно, мне это тяжело. Я хочу добавить только следующее: то, что я не могу сделать сегодня, я, быть может, смогу сделать, когда дела поправятся. И если я смогу, я сделаю, не дожидаясь, когда вы меня об этом попросите» [3, 447].

Молчание здесь тоже следует рассматривать как символ одиночества и заброшенности человека. Не зря в тексте рассказа говорится: «Молчать – верить себе» [3, 443]. Потому что спрашивать что-либо у людей, мира – бесполезно, так как человек одинок и никому не нужен. Спрашивать нужно только у себя, ответы искать внутри себя и надеяться только на себя. Это подтверждают многочисленные реплики, вопросы, на которые не добиваются ответа те или иные персонажи.

«Значит, хозяин даёт вам прибавку?» [3, 441].

«Ну как дела сынок?» [3, 446].

«Что же это на вас нашло» [3, 446].

«Фернанда спросила Ивара, как всё обошлось. Он ничего не ответил…» [3, 451].

Таким образом, молчание символизирует экзистенциальную теоретическую модель невербальной коммуникации, а бунт – некоммуникабельность общества в начале XX века. Бунт у Камю является основой коммуникации и социализации. Всё это объясняется развитием в XX в. такой системы нравов, как индивидуализм. Некоммуникабельность есть распад всех социальных связей, крайняя форма взаимного отчуждения. В результате у индивидов возникает чувство одиночества, ощущение бессмысленности кратковременного и никому не нужного существования человека в мире.

Литература

1. Демидов, А.Б. Феномены человеческого бытия: пособие для студентов вузов/Б.А. Демидов. – Мн.: Бел. фонд Сороса: «Армита- Маркетинг, Менеджмент», 1997. 192с.
2. Камю, А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: А.Камю. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
3. Камю, А. Молчание. Избранное: Повести; Роман; Рассказы и очерки. – Мн.: Нар. асвета, 1989. – 496 с.

© Петросян М.М., 2013

Пешкова Н.П.
г.Уфа, Россия

Понимание как условие речевого воздействия и препятствие вербальной манипуляции

Исследование речевого воздействия и круга сопровождающих его проблем, как мы уже отмечали, является междисциплинарным по содержанию и форме, по используемым методам и методикам изучения объекта и предметов, представляющих для нас интерес в том или ином конкретном случае. Этим и объясняется необходимость привлечения данных, полученных в русле таких междисциплинарных направлений, как психология и общая теория языка, психолингвистика и социолингвистика, социология и семиотика, философия и герменевтика.

Любое речевое воздействие как коммуникативный акт, направленный на перестройку смысловой сферы личности, оперирует текстами, без адекватного понимания которых невозможно говорить ни об эффективности речевого воздействия, ни об успешном противостоянии манипулированию, так называемой «черной риторике», «спинингу» («spinning») и т.п. Иными словами, степень понимания содержания и смысла текста его адресатом, с одной стороны, представляет собой необходимое условие речевого воздействия, а с другой – препятствие к вербальному манипулированию, осуществляемому адресантом.

Осознавая глобальность проблемы понимания речи, мы не можем не констатировать в очередной раз отсутствие такого исследования по данной проблеме, которое предложило бы обобщение материала, накопленного в современной психологии, психолингвистике, когнитивистике и в других науках, занимающихся исследованием данного речемыслительного процесса.

Как справедливо отмечалось в ряде работ, понимание текста зависит от множества факторов, связанных не только с самим воспринимаемым текстом, его типом, жанром, тематикой, но и, прежде всего, с особенностями языкового сознания личности реципиента [10], [3], [9]. К таким особенностям относят степень стереотипизации языкового мышления адресата, его эмоционально-экспрессивные характеристики, принадлежность к определенному когнитивному типу, уровень языковой компетенции личности, информационно-познавательные интересы и установки, наконец, наличие/отсутствие предварительных знаний, энциклопедических, профессиональных и т.п.

Все названные выше особенности, их уровень/степень и их комбинации, будут во многом определять возможности осуществления речевого

воздействия как на конкретного адресата, так и на адресную аудиторию, степень податливости или сопротивляемости последней.

В связи с этим, как мы полагаем, особый интерес представляют психолингвистические стратегии обработки информации, используемые реципиентами при понимании текста.

Для нас понимание сообщения есть процесс построения в сознании адресата «встречного текста» в ответ на воздействие воспринимаемой им информации. При этом понимание содержания не всегда связано с его «принятием» или согласием с информацией, представленной автором. Иными словами, мы разделяем мнение относительно того, что зачастую «понять – не значит принять» [5]. Внутренний «встречный текст» не всегда означает добровольное движение адресата навстречу автору, напротив, он может превратиться в «контртекст», частичное или полное несогласие.

Мы также согласны с В.Ф. Петренко в том, что любая форма устного или письменного общения связана с сознательным или неосознанным стремлением автора осуществить перестройку категориальной структуры индивидуального сознания реципиента, ввести в нее новые конструкты [7]. Иными словами, любая коммуникация представляет собой попытку взаимного или одностороннего воздействия на сознание партнера по общению, позитивного (лояльного) или негативного (агрессивного) характера.

Известно, что в основе гипотезы «встречного текста» лежит представление об активной роли реципиента, не просто исполняющего роль «экрана», на который проецируется содержание текста, но активного «строителя» собственного «встречного текста», или «контртекста» [4, 65].

Как показали все предшествующие экспериментальные исследования с использованием названного метода А.И. Новикова, адресат никогда не реагирует на все содержание текста пассивно, те или иные фрагменты текстовой информации заставляют его проявлять разную степень активности в форме реакций ассоциации, мнения, эмоциональной и рациональной оценки и т.п.

Как мы отмечали ранее, если проанализировать всю совокупность реакций, составляющих «встречный текст» с точки зрения проблемы воздействия текста на адресата, можно увидеть, что они распадаются еще на две большие группы. К первой будут относиться реакции, связанные с принятием, одобрением, позитивной оценкой воспринимаемой информации, иными словами, с согласием, ко второй – реакции несогласия, негативной оценки, неприятия сообщения в целом или его отдельных фрагментов. Таким образом, внутри «встречного текста» реципиента практически всегда обнаруживается «контртекст» несогласия [9].

Следовательно, «контртекст» является не просто разногласием между адресатом и автором, но внутренней защитой реципиента от неприемлемой, неинтересной или вредной агрессивной информации.

Невозможно не вспомнить еще раз метафору, принадлежащую П.Б. Паршину, о существовании «часового» в сознании адресата, поскольку она очень ярко, на наш взгляд, отражает действие тех же механизмов, о которых свидетельствует и «встречный текст» реципиента. Индивидуум, действительно, окружает свое сознание «барьером», защищающим его от чужого воздействия, и он сам является тем «часовым», который охраняет защитный барьер и контролирует прохождение через него информации [6].

Результатом работы «часового» в нашем сознании становится «контр-текст». Реакции «встречного текста» показывают различную степень действия защитного барьера у разных адресатов.

Следует отметить, что реакции открытого, или прямого, несогласия с автором или определенной информацией являются наиболее частотными. Это утверждение подкрепляется материалом экспериментальных исследований И.В. Кирсановой [3], Н.В. Анохиной [1], Я.А. Давлетовой [2] и наших собственных [8].

Показательными представляются некоторые данные из исследования Н.В. Анохиной, приводимые ниже.

«В качестве контраргумента можно привести данные статистики – за все годы кормления акул на Багамах несчастных случаев не зафиксировано, разве что незначительные инциденты с профессионалами-кормителями».

И. 1: *Не верю!*

И. 2: *Ну, да! Не может быть!*

И. 3: *Врут они все!*

И. 4: *Это статистика для туристов! Наверняка, было немало случаев, но о них умалчивают, как всегда.*

Нужно сказать, что немало встречается реакций, в которых недоверие, сомнение, несогласие присутствует имплицитно. Примеры подобных реакций из названной выше работы на то же самое предложение мы даем ниже.

И. 5: *Это что же за инциденты?*

И. 6: *Есть 4 вида лжи: ложь, наглая ложь, прогноз погоды и статистика…*

И. 7: *А может просто некому фиксировать?*

И. 8: *А что – профессионалы-кормители не люди?* [1]

Если говорить о типах реакций, характеризуемых как «защитные», то помимо мнения, к ним относится оценка, прямая или косвенная, негативного плана, иногда ироничная, как правило, эмоциональная. Например:

«Одна из самых сомнительных практик в дайвинг-индустрии – кормление акул, споры вокруг этой забавы в последние годы не утихают»

И. 9: *Кормить акул?! Глупости!*

И. 10: *Зачем это? Хищник должен сам добывать себе корм.*

И. 11: *Ненормальные они все! Да и дайверы эти ненормальные. На земле у них проблем нет, легко живется, их на дно океана тянет.*

И. 12: *Ну, надо же! Как благородно, бедным акулам нечего кушать, их кормят добрые богатые дяди.*

И. 13: *Деньги девать некуда! Да лучше бы потратились на детские дома.* [Op.cit.]

Ранее мы приводили статистику относительно реакций, составляющих «контртекст» в общем «встречном тексте», имеющую место при восприятии и понимании научно популярной литературы. В соответствии с нашими данными, реакции «защиты и сопротивления» составляют весьма значительную часть от общего числа реакций. Они достигают 25% при понимании текстов, содержащих научную информацию, осмысление которой требует привлечения специальных научных знаний, и 40% при понимании текстов, описывающих экстраординарные факты из жизни людей и планеты, для понимания которых необходимы, главным образом, общие знания о мире, знания энциклопедического характера [9].

Мы провели также и статистическую обработку экспериментальных данных, полученных Я.А. Давлетовой в результате применения методики «встречного текста» при изучении восприятия фрагментов Библии [2]. Нужно отметить, что в данном случае реакции несогласия составляют меньшее количество, в среднем достигая 20%.

Факт присутствия меньшего числа реакций защитного типа при понимании библейских текстов можно, вероятно, объяснить следующим. Содержание фрагментов Библии, предложенных исследователем для восприятия участникам эксперимента, предполагало обращение к таким базовым общечеловеческим культурным ценностям, как добро и зло, любовь и семья и т.п. При этом большинство испытуемых продемонстрировало тенденцию сохранения подобных ценностей, присущих языковому сознанию представителей как старшего, так и молодого поколений, проживающих в полиэтническом регионе. Именно эта специфика языкового сознания реципиентов и могла способствовать возникновению в меньшей степени реакций «несогласия и сопротивления» воспринимаемой информации из библейских текстов, сравнительно с текстами научного и научно-популярного типа.

Таким образом, сравнительный количественный и качественный анализ общего поля реакций «встречных текстов» реципиентов текстов различных типов позволяет констатировать в принципе действие в языковом сознании адресата конкретных «механизмов защиты **от** информации». Возможность преодоления подобных защитных механизмов с целью достижения речевого воздействия зависит и от самого типа воспринимаемого текста (как это можно видеть в случае с пониманием фрагментов Библии), и от особенностей, присущих языковому сознанию конкретного индивидуума или той или иной группы социума, требующих внимания и изучения с позиции междисциплинарности.

Тем не менее, на основании имеющихся экспериментальных данных можно с определенностью утверждать, что в процессах понимания информации наше языковое сознание обеспечено естественной защитой, механизмы которой можно как развивать, так и подавлять.

Литература

1. Анохина Н.В. Имплицитность как компонент структуры содержания текста и составляющая процессов его понимания. – Дисс. … канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2010. – 170 с
2. Давлетова Я.А. Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов. – Автореф. дисс. …канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2012. 19 с.
3. Кирсанова И.В. Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания. – Дисс… канд. филол. наук. – Уфа: БашГУ, 2007. – 188 с.
4. Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. – М.: Институт языкознания, 2003. № 1. – С. 64-76.
5. Панасюк А.Ю. Психологические основы убеждающего воздействия в профессиональной деятельности: теория и технология. – М., 1992. – 68с.
6. Паршин П.Б. Речевое воздействие. – www. krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/rechevoe_vozdestvie
7. Петренко В.Ф. Проблемы эффективного речевого воздействия в аспекте психолингвистики // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С.18-31.
8. Пешкова Н.П. Имплицитность в тексте: препятствие vs стимул и условие его понимания // – Вопросы психолингвистики. – № 9. – 2009. – С. 223-236.
9. Пешкова Н.П. «Контртекст» реципиента при понимании сообщений информирующего типа // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты. – Материалы международной школы-семинара. V Березинские чтения. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – С. 165-171.
10. Степкин И.Р. Речевое воздействие: проблема понимания инокультурного текста. – Дисс... канд. филол. наук. – М., 2001. – 161 с.

© Пешкова Н.П., 2013

Попова В.Н.
г.Уфа, Россия

Билингвизм в современном обществе: возможности и вопросы

Жизнь современного общества подтверждает идею, что более успешными являются страны, которым удалось объединить различные типы культур и использовать мультиязычие для оптимального решения общих проблем.

Как явление, включающее множество аспектов, билингвизм представляет интерес для многих наук. Он изучается в лингвистике, психолингвистике, социальной психологии, социологии.

С точки зрения психолингвистической теории билингвизм – это способность использовать для общения две языковые системы, между этими

языковыми системами возможны различные взаимодействия, в том числе и коммуникативное. В ситуации бытового двуязычия обычно наблюдается равенство двух языков. Полный переход на второй язык не предусматривается, в то время как языки смешиваются, не контролируются, не исправляются ошибки, допущенные в речи. В этих ситуациях при общении человеку часто приходится использовать неродной язык, при этом в речи проявляются и закрепляются многочисленные ошибки. Такая языковая ситуация характеризуется наибольшими искажениями в фонетической и лексико-грамматической структуре неродного языка. Возможна также ситуация вытеснения родного языка неродным, который становится доминантным. В этом случае, хотя проявления речевой патологии отсутствуют и компоненты языковой системы полностью усваиваются, наличие акцента является индикатором взаимодействия языковых систем. Использование человеком только первичной языковой системы во всех ситуациях общения характерно для монолингва. Способность человека употреблять для общения две и более языковые системы может быть названа билингвизмом. Основным критерием классификации билингвизма является соотнесенность двух речевых механизмов между собой.

Впервые классификация языковой системы была разработана Л.В. Щербой, почти в то же время, независимо от этого учёного, У. Вайнрайх занимался проблемой систематизации и составил подобную классификацию. Сущность этих исследований заключается в рассмотрении функционирования языковых систем независимо друг от друга или связанных между собой во время акта речи. А.А. Залевская отмечает, что следует остановиться на динамике подходов к исследованию двуязычия с акцентированием внимания на важных для этих подходов ключевых понятиях [3, 291]. Если, например, билингв употребляет только одну определенную систему на работе, а дома другую языковую систему, то на практике речевые механизмы никак не связаны друг с другом. Данный тип билингвизма был назван чистым. Примером чистого билингвизма может быть случай, когда в семье используется один язык, а языком общения на работе, в магазине, транспорте и других общественных местах является другой язык.

При смешанном билингвизме языки свободно заменяют друг друга, а между двумя речевыми механизмами, относящимися к порождению разноязычной речи, возникает связь. Смешанный билингвизм наблюдается, например, в Швейцарии, где разноязычные народы проживают на общей территории. Отличия чистого билингвизма от смешанного заключаются в затрудненности или легкости перехода с языка на язык, чистоты речи на обоих языках или смешанности и бедности одного из них.

С лингвистической точки зрения проблема двуязычия заключается в том, чтобы описать те несколько языковых систем, которые оказываются в контакте друг с другом; выявить те различия между этими системами, кото-

рые затрудняют одновременное владение ими, и предсказать таким образом наиболее вероятные проявления интерференции, которая возникает в результате контакта языков, и, наконец, указать в поведении двуязычных носителей те отклонения от норм каждого из языков, которые связаны с их двуязычием [1, 27].

В нашей республике для людей, овладевающих русским языком как вторым, чрезвычайно актуальна проблема двуязычия. В процессе усвоения второго языка идентификация языковых единиц происходит путём установления прямых соответствий между единицами родного и второго языка в условиях непосредственных языковых контактов. Причем, обозначения понятий в родном и втором языке, как правило, не совпадают, всё это не учитывается говорящим, поскольку используемые понятия характерны только для одного языка, но отождествляются говорящим со вторым, не доминирующим языком.

При непосредственном билингвизме владение вторым языком представляет собой, как считает В.Б. Беляев, бессознательно-интуитивное практическое владение. Опосредствованный билингвизм использует второй язык как кодовую систему выразительных возможностей первичного языка.

Искусственный билингвизм, согласно классификации Верещагина, охватывает языковое сознание людей, способных понимать и воспроизводить иностранный текст, творчески и самостоятельно строить высказывание. Эти люди ближе к чистому билингвизму, они общаются на иностранном языке на учебных занятиях, а в остальное время - на родном языке.

А.А. Леонтьев указывал на важность изучения когнитивного аспекта овладения языком. Овладевая иностранным языком, мы одновременно усваиваем присущий соответствующему народу образ мира, то или иное видение мира через призму национальной культуры, одним из важнейших компонентов которой (и средством овладения ею) и является язык. В методике обучения языку много пишется о культурном компоненте усвоения языка, о межкультурном обучении и т.д. [4, 96].

Для исследователей представляет интерес проблема организации двух языков в сознании билингва, особенно изучение стирания языковых различий с целью объяснения разницы между двумя языковыми системами. Если два языка представлены как две определённые схемы внутри большей когнитивной системы языка, в рамках которой они разделяют когнитивные ресурсы, то составляющие языка привязаны к узлу - соответствующему языку, который позволяет активизировать только одну языковую систему без привлечения другой. Возможно, неспособность выключать один из языков для осуществления какой-либо речевой деятельности является одной из основных причин стирания. Многие вынуждены сначала переводить нужные слова на родной язык, и лишь затем находить ассоциацию в зависимости от того, какую сложность представляют для них слова. Некоторые сначала пи-

шут перевод слов, а потом уже озвучивают свою реакцию на иностранном языке. Таким образом, на начальном этапе изучения иностранного языка происходит усвоение информации в значительной мере при помощи родного языка, при помощи использования реалий своей культуры для чужой, фиксированной в знаковой форме на иностранном языке. В случае же с иностранным языком связь между словами найти сложнее, особенно на начальном этапе изучения, для этого прибегают к ассоциациям по созвучию.

При сравнении ядер ассоциативных полей русских и английских студентов подтверждено, что под влиянием изучения иностранного языка языковое сознание искусственных билингвов меняется очень незначительно. Меняется небольшая часть реакций, и не все из них совпадают с реакциями носителей языка. Используя значения иностранного слова, человек имеет возможность познать то, как видят мир люди в процессе присвоения образов чужой культуры. Имеет место признание того, что не может быть единого правильного ответа на этот вопрос, поскольку каждый индивид обладает свойственными только ему способностями, знаниями и опытом, а также потребностями [4, 290]

Как правило, приезжая в чужую страну, большинство мигрантов имеют хорошие условия для изучения иностранного языка и культуры страны. Обучение может происходить как в учебных условиях, так и на улице, в магазине, в различных жизненных ситуациях. В итоге, большинство получают определенные языковые навыки - естественный билингвизм и знакомство с культурой страны. Меняется ли, в этом случае, содержание образов языкового сознания - знаний, стоящих за словом, под влиянием изучения иностранного языка в условиях искусственного билингвизма; усваивают ли изучающие иностранный язык культуру другого народа, и глубоки ли эти знания? На эти вопросы ещё предстоит ответить.

Во многих случаях второй язык может вытеснить первый и занять его место. В таких случаях говорят о доминантном языке билингва. Естественный билингвизм характеризуется объективностью культурно-языкового окружения. В этой ситуации решающее влияние оказывает культурно-образовательная среда – семья, средства массовой информации, традиции, школа, органы власти. По хронологическому критерию выделяют ранний и поздний билингвизм.

Например, в Бельгии три государственных языка - нидерландский, французский и немецкий, в Нидерландах - английский и немецкий. Жители этих стран являются билингвами или мультилингвами. Естественный билингвизм возникает в соответствующем языковом окружении при наличии радио и телевидения, благодаря обширной речевой практике. Вся специфика языковой системы человеком не осознается. А при искусственном билингвизме второй язык необходимо учить, прилагая волевые усилия, используя специальные методы и приёмы. Благоприятна также ситуация, когда ино-

странный язык изучается спонтанно и дополнительно с преподавателем - на курсах в стране изучаемого языка.

В психолингвистике традиционно выделяются координативный, субординативный и смешанный билингвизм, хотя языковая личность в принципе всегда балансирует в зависимости от речевой среды между этими тремя типами. Координативный тип считается идеальным, так как человек свободно переключается с одной семантической базы на другую, то есть говорит на двух языках свободно. Однако на две семантические базы наслаивается третья, в зависимости от изучаемого ранее языка. Определить степень доминирования и взаимодействия разных семантических баз у того или иного обучаемого очень важно для общей стратегии скоординированного обучения трем языкам. Отсутствие такой стратегии отрицательно влияет не только на речевую, но и мыслительную деятельность.

Особую группу билингвов составляют люди, родной язык которых оказался ненужным в условиях эмиграции. Восстановление знаний языка родителей представляет сложную методическую задачу. Нередко у человека возникает лингвистический шок, как состояние удивления при восприятии элементов другого языка, похожих на слова его родного языка.

Процесс порождения речи, с психологической точки зрения, заключается в том, как подчёркивал Н.Хомский, что говорящий по определённым правилам переводит свой мыслительный замысел в речевые единицы конкретного языка. При этом человек оперирует не статистическими закономерностями языка, а смысловыми единицами, обусловленными коммуникативным замыслом. Процесс извлечения смысла, находящегося за внешней формой речевых высказываний - это восприятие речи, причем обработка речевых сигналов проходит последовательно. Восприятие формы речи требует знания лингвистических закономерностей её построения. Даже если слова несут ошибку, но напоминают знакомые слова, они воспринимаются как знакомые. Однако, в том случае, если значение слова конкурирует с его формой, возникает затруднение. Важную роль в восприятии слова играет его многозначность, при этом в процессе восприятия слово соотносится с другими словами того же семантического поля. При восприятии фраз затруднение возникает в том случае, если имеется неоднозначность в их толковании. Человек соотносит сказанное с действительностью, со своими знаниями о ней, со своим опытом без учёта синтаксической формы фразы. Существует возможность восстановления пропущенных фрагментов при использовании информации из своего сознания. В процессе восприятия человек активен, выдвигает гипотезы относительно дальнейшего содержания и осуществляет смысловые замены. Обучаемый прибегает к выведению правила из воспринимаемого высказывания через его анализ или с опорой на сопровождающую его ситуацию [3, 331]. Правила составляют систему, в которой ведущее место занимают правила выбора, адекватного задачам

коммуникации значения. Выбор языковых средств, адекватных ситуации, производится в целях коммуникации (чтобы быть понятым партнером) и осуществляется из наличных у говорящего средств выражения знаний о реальной ситуации [5, 190.]

В заключение отметим, что многоязычие или способность пользоваться для целей общения более чем одним иностранным языком становится необходимостью и должно входить в научный багаж любого человека, а также любого общества нового тысячелетия. Для решения этой проблемы следует учитывать социолингвистическую типологию языков в языковой ситуации общества: по степени стандартизации языка, по степени его автономности, по языковым традициям, по жизнеспособности разговорного языка [2].

Литература

1. Вайнрайх У. Одноязычие и мнооязычие//Новое в лингвистике. Вып.6.- М. 1972, с.25-60
2. Carsten Sinner „ Zur Terminologie in der Sprachkontaktforschung: Bilinguismus und Diglossie, Interferenz und Integration sowie tertiärer Dialekt“ http://www.carstensinner.de/Lehre/spanisch/sinner.pdf
3. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: РГГУ 1999 -348с.
4. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. –М., 1997 – 287с.
5. Шахнарович А.М. К проблеме языковой способности (механизма) //Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: Наука 1991-с.185-200

© Попова В.Н., 2013

Рахматуллина З.А.
г.Уфа, Россия

Организация проектной деятельности обучающихся на уроках башкирского языка и литературы

Сегодня согласно стандартам нового поколения основной целью образования является воспитание творчески развитой личности, способной к саморазвитию и самосовершенствованию путем активного и сознательного присвоения нового социального опыта, формирование гражданской идентичности. Одной из форм реализации данной цели можно назвать организацию исследовательской и проектной деятельности обучающихся.

«Исследовательская и проектная деятельность открывает новые возможности для создания интереса подростка как к индивидуальному творчеству, так и к коллективному. Важной особенностью реализации исследовательских и проектных работ является необходимость владения школьниками компетенциями в той или иной области знаний, а также активной работы воображения – непременной основы творчества». [3, 86]

Проектная деятельность основана на «идеи о направленности учебно-познавательной деятельности школьников на результат, который получается при решении той или иной практической или теоретически значимой проблемы» [2, 3]. При этом обучающийся должен осознать, где и каким образом он может применить полученные знания для решения значимой для него проблемы, изучить разные точки зрения, научиться работать с различной информацией.

Для развития мышления и творческих способностей в проектной деятельности целесообразно использование информационно-коммуникативных технологий. Компьютеры позволяют сэкономить время и сделать работу более эффективной: осуществить поиск информации, решить большее количество задач, проанализировать результаты, воспользоваться графическими возможностями компьютера, способствуют развитию интереса обучающихся к изучаемому предмету, стимулированию познавательной и творческой активности и самостоятельности обучающихся, формированию коммуникативных навыков.

Применение метода проектов на уроках башкирского языка и литературы позволяет осваивать новые формы организации деятельности обучающихся и в значительной мере способствует повышению качества знаний. На уроках мы учим детей самостоятельно мыслить, находить и решать проблемы, привлекая для этой цели знания из разных областей, развиваем умения устанавливать причинно-следственные связи. Обучающимся можно предложить следующие темы: «История моей деревни», «История нашей школы», «Моя родословная», «Моя семья», «Национальные праздники», «Профессии», «Пословицы в башкирском, русском и английском языках», «Лирика Мустая Карима», «Охрана окружающей среды», «Устное народное творчество», «Имена в нашем классе», «Грамматика башкирского языка» и т.д. Проекты разрабатываются как в индивидуальной, так и в групповой формах под руководством учителя башкирского языка и литературы, а по мере необходимости привлекаются и другие учителя-предметники. Так, например, для выполнения проекта на тему «Семь чудес нашего района» можно привлечь учителей культуры Башкортостана, музыки, географии, истории. Результатом данной совместной работы может стать презентация, видеофильм, сценарий внеклассного мероприятия, план туристического маршрута, путеводитель, газета, экскурсия и т.д.

Следует отметить, что результатом проекта является не только какой–нибудь продукт, но и опыт работы над ним. Видимая часть результата предъявляется на презентации, а скрытая (опыт) оценивается на этапе рефлексии самими обучающимися. По данным некоторых отечественных и зарубежных исследований, «62% обучающихся разных возрастов отмечают, что проект был интересным именно потому, что выполнялся самостоятельно, лишь с небольшой помощью руководителя. А на вопрос «Чему вы нау-

чились в ходе работы над проектом?» школьники чаще всего дают такие ответы, как «распределять правильно время», «достигать поставленной цели», «рассматривать тему с разных точек зрения» и т.д.» [2, 68].

В целом, при использовании проектной технологии обучающиеся учатся видеть проблему, ставить вопросы, самостоятельно добывать знания, классифицировать, делать выводы и заключения, приобретают коммуникативные навыки и умения, овладевают практическими умениями исследовательской работы.

Литература

1. Полякова Т.Н. метод проектов в школе: теория и практика применения. – М., «Русское слово», 2011. – 112с.
2. Сергеев И.С. Как организовать проектную деятельность учащихся. – М., АРКТИ, 2012.- 80с.
3. Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий: пособие для учителя / под ред. А.Г.Асмолова. - 2-е изд. – М., «Просвещение», 2011. – 159с.

© Рахматуллина З.А., 2013

Рашитова Р.С.
г. Уфа, Россия

Особенности организации курса «Деловой иностранный язык» в рамках реализации магистерских программ

В нашей стране до недавнего времени существовала всего одна ступень высшего образования. Все изменилось в 1993 году, когда их количество увеличилось до трех: бакалавр, дипломированный специалист и магистр. После 31 декабря 2010 года квалификации (степени) бакалавра и магистра стали основными для выпускников российских вузов. Переход на новую систему решил важную задачу: российский диплом начал котироваться за рубежом. Подготовка магистров – это ответственная и относительно новая задача для российских вузов. В данной статье рассматривается один из аспектов подготовки магистров.

Значимость специалистов, получающих эту степень, прослеживается исторически. Степень появилась в Древнем Риме, причем отношения к науке первые магистры не имели. В Средние века этот термин напрямую стал употребляться в значении «ученая степень». В России степень магистра впервые была введена в 1803 г. для заведующих кафедрой. Сейчас магистр – это начинающий научный работник. Степень магистра предусматривает более глубокое освоение теории по выбранному профилю и подготовку сту-

дента к научно-исследовательской деятельности по выбранному направлению.

Согласно ФГОС ВПО, знание иностранного языка является частью общекультурной компетенции выпускника магистратуры по различным направлениям подготовки. В соответствии с новым стандартом выпускник должен обладать следующими компетенциями: готовностью работать с текстами профессиональной направленности на иностранном языке и осуществлять профессиональную коммуникацию на государственном (русском) и иностранном языках. Это привело к необходимости создания новых образовательных программ по иностранному языку для магистрантов.

В Башкирском Государственном педагогическом университете им.М.Акмуллы разработаны и успешно внедряются рабочие программы «Деловой иностранный язык», «Иностранный язык» для магистрантов педагогических, психолого-педагогических, социально-экономических направлений, направления Биология, Экология и природопользование, а также Художественное образование. Основной целью курса «Деловой иностранный язык» является создание условий для совершенствования личности студента, способной осознанно и мотивированно развить коммуникативную компетенцию для осуществления иноязычного профессионального общения. Языковой материал имеет профессиональную направленность, является репрезентативным с точки зрения лексики и грамматики, дает возможность создать мотивацию при обучении. Организация обучения деловому иностранному языку в непрофильной (неязыковой) магистратуре предполагает развитие самостоятельности магистранта, его творческой активности и личной ответственности за результативность обучения. С этой целью предусматривается значительный объем самостоятельной работы. Как известно, основными формами работы студентов являются аудиторная, внеаудиторная и научно-исследовательская работа. Магистранты проводят научно-исследовательскую работу по своей специальности. Мы считаем, что занятия по иностранному языку должны способствовать становлению ученого, специалиста в своей области. Поэтому основным внеаудиторным научным заданием является работа со статьями англоязычных ученых по теме диссертационного исследования магистранта. Следует заметить, что подобный подход развивает самостоятельность мышления и способствует повышению самооценки будущего ученого. Эта работа состоит из четырех этапов:

1. Найти статью по теме исследования.

Магистранты должны уметь использовать материалы специализированных веб-сайтов, где публикуются тематические статьи и ведутся обсуждения актуальных вопросов современной науки. Они также должны уметь пользоваться современными поисковыми системами (Google, Yandex, Yahoo и другими), правильно подбирать ключевые слова для обеспечения оптимальных результатов поиска.

В процессе выполнения данного задания магистранты вынуждены просмотреть множество статей англоязычных ученых, которые работают в областях, близких или смежных с темой их исследования. Они видят и запоминают имена зарубежных ученых и темы их исследований в изучаемой области. Найдя статью по теме своего исследования, магистрант приступает к работе с этой статьей.

Заметим, что в данном случае уже не требуется дополнительная мотивация к изучению, т.к. сам студент заинтересован в том, чтобы как можно подробнее познакомиться с мнением коллеги. Мы рекомендуем внести изученные статьи англоязычных авторов в список литературы диссертации. За два года изучения иностранного языка в магистратуре в списке отражаются, как минимум, четыре статьи.

2. Работа со статьей состоит из двух частей: реферативный перевод и составление глоссария. За два года глоссарий магистранта будет включать более 300 единиц. Эта деятельность направлена на то, чтобы приучить специалиста работать с терминами по его специальности. Для более эффективного овладения навыками чтения и перевода текстов по специальности магистрантам необходимо получить базовые теоретические и практические знания в области терминоведения. Это поможет им осознанно и более профессионально подходить к выполнению заданий на чтение и перевод, а также подготовит их к будущей профессиональной деятельности, требующей умений и навыков понимания особенностей специальных текстов. В глоссарий предлагается выписывать не только отдельные слова, но и сочетания, в которых они встречаются в тексте. Данный вид работы представляется нам полезным и необходимым еще и потому, что современные технологии позволяют магистрантам переложить свою работу со словарем на электронного переводчика. А глоссарий приходится составлять самостоятельно.

Целью реферата является краткое изложение в письменном виде содержания текста. В реферате магистрант указывает выходные данные источника, основную мысль, краткое изложение содержания, результаты и выводы.

Примерный объём реферата – 10-15% реферируемого текста. На занятиях мы предлагаем алгоритм составления реферата и языковые клише для написания реферата.

3. Третий этап работы над статьей мы называем творческим и наиболее интересным. Обработка полученной иноязычной информации также производится с использованием возможностей персонального компьютера. Магистрант обязан составить свой рассказ по изученной статье на английском языке и представить презентацию в программе Power Point. Во время обучения в первых трех семестрах он пересказывает коротко содержание статьи, а в последнем семестре необходимо соотнести данные исследования коллеги с собственными изысканиями в этой области.

4. Заключительным этапом научной работы магистранта становится его презентация статьи перед группой. Цель данной формы работы в том, чтобы студенты научились обсуждать научные темы в англоязычной среде. Студент перед выступлением должен ознакомить присутствующих с основными терминами, которые прозвучат, а затем представить статью и свое мнение по проблеме на английском языке. Остальные магистранты должны задавать вопросы по этой теме. Следует заметить, что иногда происходят интересные обсуждения, связанные с научными исследованиями. В любом случае подобная работа полезна для всех, т.к. обсуждаются проблемы, реально важные и понятные присутствующим.

При организации обучения иностранному языку в непрофильной магистратуре необходимо учитывать также то, что после двухлетнего перерыва в изучении иностранного языка в бакалавриате магистрантам необходимо прежде всего восстановить приобретенные ранее навыки. При углублении и систематизации знаний грамматического материала, необходимого для чтения и перевода научной литературы по специальности, основное внимание уделяется синтаксическому членению предложений, сложным синтаксическим конструкциям, типичным для стиля научной речи: оборотам на основе неличных глагольных форм, пассивным конструкциям, инфинитивным конструкциям, сослагательному наклонению.

Для осуществления профессионального общения курс так же предполагает обучение магистрантов:

• средствам оформления повествования, описания, рассуждения, уточнения, коррекции услышанного или прочитанного, идентификации темы сообщения, доклада и т.д.;

• средствам выражения одобрения/неодобрения, удивления, восклицания, предпочтения и т.д.;

• средствам согласия/несогласия, способности/неспособности сделать что-либо, выяснения возможности (невозможности) сделать что-либо, уверенности/неуверенности в сообщаемых фактах;

• средствам, позволяющим войти в коммуникацию и развить тему, подвести итоги сообщения, инициировать и завершить разговор.

Таким образом, в результате изучения программы «Деловой иностранный язык» магистрант приобретает способность совершенствовать и развивать свой интеллектуальный и общекультурный уровень, самостоятельно обучаться новым методам, пользоваться иностранным языком как средством делового общения, анализировать, реферировать и представлять информацию.

© Рашитова Р.С., 2013

Романюк М.Ю.
г. Оренбург, Россия

Религия, менталитет, культура России в англоязычных СМИ (лингвистические средства создания негативного образа)

Целью данной работы является выявление лингвистических средств создания негативного образа России в зарубежных СМИ. Базу исследования составили печатные публикации известных газет и журналов: The Guardian, The New York Times, The Wall Street Journal, The Observer, The New York Arts. Данные печатные издания являются наиболее влиятельными и имеют хорошую репутацию.

Затрагивая вопрос религии, следует отметить, что Русская Церковь и православие в более широком смысле не очень хорошо известны на Западе. О православной традиции в странах протестантской и католической культуры знают немного. Вследствие этого среди журналистов не всегда есть понимание того, в чем состоит отличие православия от западных религиозных направлений. Многие западные журналисты считают, что Русская Церковь слишком сблизилась с государством, что она готова с ним очень тесно сотрудничать. В Западной цивилизации государство и церковь постоянно враждовали, поэтому их слияние в принципе невозможно и вызывает негативное отношение. Как правило, зарубежные публикации не затрагивают вопросы духовности российского общества, развития религии в целом. Они рассматривают отдельно взятые истории и скандалы, связанные с религией.

Подавляющее большинство проанализированных статей были связаны со скандальной акцией панк-группы в храме Христа Спасителя в феврале 2012 года. Рассмотрим наиболее яркие примеры употребления языковых средств относительно данного скандала:

«The show trial of 2012: three women are locked in a glass booth like Adolf Eichmann. Prosecution witnesses accuse them of *“devilish” dancing*. Bearded priests bemoan their “sin against God.” Reporters say “pussy” on national TV. Condemnations ring out around the world. There is a torrent of speeches. And support from Madonna and Bjork…but as with the Olympics, the Russian judge shows no pity—for the crime of “hooliganism,” Pussy Riot is packed off for *the gulag*» [7].

В данном случае автор намеренно использует эпитет *“devilish” dancing*, чтобы показать, какую духовную травму нанесла данная акция русскому обществу, но в конце цитаты с сочувствием относится к скандальной группе. Для яркого завершения статьи журналист использует безэквивалентный перевод аббревиатуры ГУЛаг (Главное управление лагерей и мест заключения), системы массового содержания заключенных в СССР, которая в Западном сознании ассоциируется с тоталитаризмом, нарушением прав и сво-

бод человека. В данном случае можно говорить об апелляции к эмоциональной сфере личности - еще живы воспоминания об СССР и холодной войне. Читатель напуган, он в смятении. Естественно, посредством подобных образов, статья достигает желаемого результата - читатель будет воспринимать Русскую Православную Церковь (далее РПЦ) и российское общество как беспощадное создание, которое отправляет молодых девушек, озвучивших свое мнение, на каторгу. Далее следует продолжение:

«This ersatz wonderland is overseen by Kirill I, Patriarch of Moscow and all the Rus' and Primate of the Russian Orthodox Church. *Kirill I has a personal wealth in the billions* - his church was granted a license *to import duty-free cigarettes*. For a while, *Kirill was the cigarette kingpin*. Kirill supports Vladimir Putin, and has called him a "miracle of God". He also supports Alexander Lukashenko, president of Belarus and the last dictator of Europe. Rumor has it, Kirill had ties to the KGB and may have been an agent» [7].

В данной цитате явно преобладает контекстный негативизм. Патриарх Кирилл изображается миллиардером, а личное богатство для священнослужителя в христианстве неприемлемо. В последнем пассаже автор приводит цитату из Библии:

«*For ye have the poor always with you; but me ye have not always* - Matthew 26:11» [7].

В данном случае мы видим факт скрытого речевого воздействия на читателя.

Зачастую авторы прибегают к олицетворению. В следующем примере можно видеть, как крепко связаны правительство и церковь в России:

«Kirill's writing reveals one of Russia's most sinister characteristics. A regime of former KGB officers and plutocrats is robbing the country blind, while the leadership of the national church supports the thieves and denounces their opponents. *The marriage of the Kremlin and the church* in the Pussy Riot affair shows how sinister matters are in Russia» [8].

В очень редких случаях зарубежный читатель сталкивается с критикой РПЦ в целом. Так, в следующей выдержке можно обнаружить контекстный негативизм, связанный с освещением ядерных боеголовок и атомных субмарин:

«The church has mostly played the role of enthusiastic accomplice: Orthodox priests sprinkled holy water on nuclear warheads and blessed military factories, navy vessels and army airplanes while mugging for cameras» [2].

Понятие "менталитет" сравнительно недавно, но основательно вошло в научный оборот и сегодня широко используется в лингвокультурологии. Этимология слова восходит к латыни: mens – ум, мышление, образ мыслей, душевный склад. Менталитет – нечто общее, лежащее в основе сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, глубинный, трудно фиксируемый источник мышления и эмоций. Это понятие объединяет в себе

многообразие смыслов и значений, ассоциирующихся с проблемой национального своеобразия, особенностей национальной культуры.

В зарубежных публикациях российский народ представлен далеко не лестным образом. Русских изображают как людей некультурных, недостаточно образованных, злоупотребляющих алкоголем. Общество буквально пропитано коррупцией от самых низов до высших эшелонов власти. При чтении таких статей складывается ощущение, что российскому обществу не знакомо понятие толерантности.

Так, популярная газета The New York Times, пишет:

«For *those not schooled* in New Ageprophecy, there are rumors the world will end on Dec. 21, 2012, when a 5,125-year cycle known as the Long Count in the Mayan calendar supposedly comes to a close. Russia, a nation with a penchant for mystical thinking, has taken notice. In *Panicky Russia*, It's Official: End of World Is Not Near» [4].

Используя эпитет, автор подчеркивает, что суеверия связанные с концом Света, распространены в России только из-за неграмотности населения.

Еще одной популярной темой, является коррумпированность общества в России. Причем, взяточничество стало одной из составляющих национального менталитета. Авторы статей прибегают к приему номинации, давая понять, что взяточничество в России это норма жизни. Рассмотрим следующий пример:

«Most Russians have grown so accustomed to a certain lawless way of life that they have come to view corruption as "Russia's own special way." They are unsure how their country's economy, government or social sphere might function without it. This photo essay is an attempt to show that *corruption is a state of mind*. For Russians, *Corruption Is Justa Way of Life*» [5].

Наверное, одним из самых культовых представлений о России, является любовь к спиртным напиткам. Эта любовь общеизвестна и традиционна.

«Mr. Putin will be remembered as the man who failed to defend the Russians against the most terrible enemy of all: their own love of vodka. He is wasting his chance to battle Russia's love of drink and to reverse a devastating drop in population» [9].

В данном примере мы можем найти такое стилистическое средство, как эпитет. Негативная оценка данной реалии заключается в том, что даже сам В.В. Путин, которого на Западе рассматривают как сильного политика, не может остановить пьянство. Эпитет в данном случае добавляет яркости невозможности решения данной проблемы.

Самой малочисленной группой в нашем исследовании является культура. "Для западного культурного человечества Россия все еще остается совершенно трансцендентной, каким-то чуждым Востоком, то притягивающим своей тайной, то отталкивающим своим варварством. Даже Толстой и

Достоевский привлекают западного культурного человека, как экзотическая пища, непривычно для него острая", - писал Н. Бердяев [1, 8]. Приведенные слова относятся к 1915 году, но основная мысль актуальна и в настоящее время. В современном мире русское искусство нашло признание. Так, русское искусство стало неотъемлемой частью мировой культуры. Количество статей, в которых выражена негативная оценка относительно культуры и искусства, ничтожно мало. В основном, негативная оценка в данной группе зависит от личной позиции автора или исторических событий, повлиявших на оценку. Употребление аналогичных лингвистических средств при этом не носит массового характера.

Мы отобрали несколько примеров, чтобы доказать наши утверждения.

В статье "The Cossacks are back", автор затрагивает тему возрождения казаков в России, сравнивая их с ковбоями и самураями, что определенно является позитивным контекстом, но при этом автор использует эпитет, который придает казакам негативную оценку и связывает их с кровопролитием.

«The Kremlin is dipping into a deep pool of history: Cossacks are revered here for their bravery and pre-modern code of honor, like cowboys in the United States or samurai in Japan. But their legacy is bound up with battle and *vigilante-style violence*, including campaigns against Turks, Jews and Muslim highlanders» [6].

Другой пример связан с архитектурным памятником, который в глазах многих иностранцев является символом России. Речь идет о соборе Василия Блаженного. В данной статье говорится следующее:

«It was particularly hilarious during the cold war. There was Khrushchev or Brezhnev gazing on sternly from a Kremlin balcony at the synchronized marching and Soviet military hardware scrolling past below, but the whole deadly solemn communist pomp was undercut by that garish *chunk of Disneyland architecture* sitting in the corner, screaming "yoohoo!". St Basil's was like a *clown's nose* on the face of the evil empire» [3].

Журналист использует метонимию и метафору и сравнивает собор Василия Блаженного с Диснейлендом, который выглядит как нос клоуна на лице империи зла. В данной цитате ярко прослеживается неуважительное отношение к достоянию культуры, исходя из контекстного анализа можно сказать о негативном отношении к российской исторической и архитектурной реалии.

Влияние СМИ на общественное мнение происходит на языковом уровне, при этом используются средства, которые обеспечивают манипуляцию общественным мнением и оказывают определенный эффект на читателя.

Создание негативного медиаобраза России осуществляется за счет использования метафор, эпитетов, антитез, аллюзий, языковых штампов. Помимо этого, в зарубежных СМИ часто встречаются статьи, в которых преобладает негативно семантически окрашенная лексика.

Литература

1. Бердяев, Н. А. Судьба России. М 1990 (репринт издания 1918 г.). С. 126.
2. The Guardian, Pussy Riot's jailing is just the latest chapter as Russia's church and state entwine, 28.08.2012.
3. The Guardian, St Basil's Cathedral: Russia's faulty towers, 2.07.2011.
4. The New York Times, In Panicky Russia It's Official: End of World Is Not Near, 01.12.2012.
5. The New York Times, For Russians, Corruption Is Just a Way of Life, 18.08.2012.
6. The New York Times, The Cossacks are back, 16.03.2013.
7. The New York Arts, 2012: Repression's Watershed, 23.02.2013.
8. The Observer, An evil collusion between a tyrant and a man of God, 19.08.2012.
9. The Wall Street Journal, The Russians Are Shrinking, 3.05.2013.

© Романюк М.Ю., 2013

Рыбка И.Н.
г. Уфа, Россия

Повышение мотивации студентов в обучении иностранному языку

Повышение мотивации студентов в процессе овладения иностранным языком в вузе является предметом постоянного внимания преподавателей, методистов и всего педагогического сообщества. Исследователями отмечается, что «для организации эффективного обучения студентов и повышения качества обучения главные усилия представляется целесообразным направлять прежде всего не на объем необходимых знаний, которыми должны овладеть студенты, а на характер их деятельности, на развитие активности в учебном процессе, на формирование положительного отношения к предмету» [1, 7]. Особенно актуальным данное суждение представляется для преподавания иностранного языка в неязыковом вузе.

Проведенное нами исследование среди студентов Уфимского государственного авиационного технического университета (в опросе приняли участие 30 студентов первого курса и 30 студентов второго курса) показало, что основной причиной неудач в изучении иностранного языка, по мнению студентов, являются лень и отсутствие интереса (25 ответов из 60). Успехи в изучении английского языка, напротив, связываются со старательностью и интересом (29 ответов из 60). Студентам было предложено письменно ответить на ряд вопросов, в том числе о причинах их успехов и неудач в изучении английского языка. Вопрос был сформулирован следующим образом:

«С чем Вы связываете Ваши успехи, и в чем причины Ваших неудач в изучении английского языка?» [2]. Наряду с такими известными стратегиями, как стратегии заучивания иностранной лексики, чтения и понимания иноязычного текста, атрибуция как стратегия также может быть использована с целью оптимизации процессов овладения иностранным языком и обучения иностранному языку в высшем учебном заведении. Под атрибуцией понимается причинное объяснение успехов и неудач в изучении иностранного языка, предлагаемое самими студентами, то есть это объяснение, полученное с позиции «включенного наблюдателя», что объединяет его с результатами интроспективных исследований. В результате опроса обучающихся исследователь получает «интерпретационный репертуар», который позволяет сделать заключение о соотношении внешних и внутренних факторов, влияющих на обучение иностранному языку, и, следовательно, о связанных с ними стратегиях обучения.

Значение атрибуции заключается в том, что появляется возможность установить статистически достоверные корреляции между различными типами мнений учащихся и определенными типами стратегий. Помимо данного направления исследований представляется важным изучение ожиданий успеха или неуспеха в обучении, проявляемых самими учащимися, и их связи с результатами обучения. Использование такой стратегии обучения, как атрибуция, тесно связано с психологическим понятием установки. «Любому акту познания, общения и труда предшествует то, что психологи называют «установкой», что означает – определенное направление личности, состояние готовности, тенденция к определенной деятельности, способной удовлетворить какие-то потребности человека. В отличие от мотива, то есть сознательного побуждения, установка непроизвольна и не осознается самим субъектом. Но именно она определяет его отношение к объекту и самый способ его восприятия» [2, 557]. Большой вклад в разработку теории установки внесла группа грузинских исследователей под руководством Д.Н. Узнадзе.

Отсутствие различий в ответах студентов первого и второго курсов показало необходимость ознакомления студентов с различными стратегиями, начиная с первого курса, с целью расширения номенклатуры используемых ими стратегий и поиска наиболее успешных с точки зрения каждого студента или учебной группы.

Литература

1. Кулыева А.А. Стимулирование личностной активности студента при обучению иностранному языку в неязыковом вузе / А.А. Кулыева // Когнитивный и коммуникативный аспекты дискурсивной деятельности. Материалы Международной научно-практической конференции 11-12 декабря 2012., Том 2, г. Уфа / отв. ред. Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа, 2012. – С. 7-8.

2. Рыбка И.Н. Исследование использования атрибуции в обучении иностранному языку/ И.Н. Рыбка // Теория и практика языковой коммуникации: Материалы Меж-

дународной научно-практической конференции. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2011. – С. 381-382.
3. Кон И.С. Психология предрассудка (О социально-психологических корнях этнических предубеждений) / И.С. Кон // Чернявская Ю. Психология национальной нетерпимости: Хрестоматия [Электронный ресурс] // http: www / gumer.info – Режим открытого доступа. – Дата обращения 01.04.13г.

© Рыбка И.Н., 2013

Сабирова Л.Д.
г.Уфа, Россия

Усвоение программы вуза против клипового мышления

В среде преподавателей иностранных языков есть мнение, что подача материала студентам, апеллируя к понятийному мышлению, иначе говоря, словесно-логическому, становится менее эффективной с каждым новым поколением студентов. Фёдор Иванович Гиренок, разработавший теорию клипового мышления, сделал предположение о том, что понятийное мышление перестало играть какую-либо важную роль в современном мире. «Мы формировали в себе не понятийное мышление, а, как я его называю, клиповое, … реагирующее только на удар» [1, 123].

Не смотря на радикальность подобных взглядов, трудно отрицать социальную тенденцию в каждом новом поколении студентов, выражаемую в ослабленной способности сосредоточиться на предмете изучения, анализировать проблемную ситуацию, строить логические выводы. Вместе с этим молодые люди, начинающие свое академическое образование в вузе, сознаются в своей неприязни к устоявшейся и отточенной за многие годы образовательной рутине вместе с ощущением своего бессилия перед большим объемом информации для анализа.

При этом отдельный молодой человек на сегодняшний день постоянно находится в калейдоскопе сменяющих друг друга смыслов фиксированной длины. Огромные объемы информации, в мозаичном и препарированном виде получаемые длительное время через СМИ и музыкальные каналы, легко укладываются в памяти и воспроизводятся в присутствии схожих ассоциаций. К тому же отношение, которое возникает у современного молодого человека к подобной информации в процессе восприятия, нельзя назвать неприязненным. [2]

Социологи отмечают еще одно изменение, которое прослеживается в обществе и в частности в студенческой среде – потребность в эмоциональности, эмоциональной окрашенности познаваемой информации, ставящихся задач, выполняемых действий. К примеру, это обнаруживается в понятии «*смайл*», попытке сопровождать письменный текст дополнительными знач-

ками, информирующими об эмоциональном состоянии отправителя, а так же в понятии «*wow-эффект*», который часто является определяющим в решении купить, положительно оценить или обсудить тот или иной предмет, событие или человека.

Социально-психологический феномен "клиповое мышление" становится характерным для все возрастающего количества людей. За рубежом термин «клиповое мышление» подменяется более широким — «клиповая культура», и понимается в работах американского футуролога Э. Тоффлера как принципиально новое явление, рассматривающееся в качестве составляющей общей информационной культуры будущего, основанной на бесконечном мелькании информационных отрезков. [3]

Осмысливая неизбежность и усиление вышеназванных изменений в сознании молодых людей каждого следующего поколения, социологи и психологи чаще высказываются резко отрицательно и предлагают способы противодействия. Однако подход к феномену «клиповое мышление», говоря об образовательном процессе, может быть и утилитарным, примиряя внушительный список компетенции, которыми должен обладать каждый выпускник вуза, и его способ восприятия, работающий в клиповом режиме.

Несомненно, что при составлении курса дисциплины нельзя отталкиваться только от нежелания и неспособности некоторого, может быть, малого числа студентов работать с семиотическими структурами произвольной сложности, длительное время сосредотачиваться на какой-либо информации и анализировать ее. Другими словами, нельзя сводить объемный комплексный учебный материал к простым, не связанным между собой положениям в попытке скопировать способ подачи информации в СМИ.

И все же такие изменения в принципах разработки курсов и работе со студентами, как более тщательный отбор и дробление разового объема информации, отход от линейной подачи и линейной обработки информации в пользу переключения между фрагментами и выделения главных моментов, а также актуализация нужны на начальных курсах высшей школы и явно перекликаются с основными положениями клип-культуры. Все это, и в сочетании с эмоциональной составляющей каждой темы, придаст динамизм процессу обучения и согласует отдельный курс и программу вуза в целом с удобным для студента способом восприятия и усвоения информации.

Литература

1. Гиренок, Ф.И. Метафизика пата (косноязычие усталого человека). – М: Лабиринт, 1995. – 201 с.
2. Школа жизни.ру Познавательный журнал. Автор: Олег Фридман. http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-8011/
3. Оптимальные коммуникации (ok). Эпистемический ресурс Академии медиаиндустрии и кафедры теории и практики общественной связности РГГУ http://jarki.ru/wpress/2013/02/18/3208/

© Сабирова Л.Д., 2013

Сабитова Н.Г., Сулейманова А.К.
г. Уфа, Россия

Аутентичный публицистический текст в обучении межкультурной и интракультурной коммуникации

Активно проходящие геополитические процессы последних десятилетий оказали существенное влияние на гуманитарную сферу деятельности человека. Глобализация, взаимопроникновение культур, политические и экономические контакты между государствами повысили прагматическую значимость владения иностранными языками. Фоновые знания о политических, экономических, социальных, культурных тенденциях играют особую роль.

Для иностранных студентов, обучающихся в высших учебных заведениях Российской Федерации, важным является их интегрированность в межкультурную и интракультурную коммуникацию, «погружение» в новую этносоциокультурную среду, социокультурная адаптация, которая предполагает «включение иностранных граждан в культурную среду российского общества – овладение языком, ознакомление с традициями, обычаями, правилами поведения, характерными специфическими чертами российской культуры» [1, 111]. Культурологическая направленность является одним из основных компонентов обучения русскому языку как иностранному, сутью обучения межкультурной и интракультурной коммуникации, поскольку постижение языка в совокупности с культурой дает ключ к пониманию картины мира носителя языка.

Ценным материалом в обучении межкультурной и интракультурной коммуникации является публицистический текст как вид аутентичного материала, который будет способствовать более прочному усвоению социокультурной информации и, безусловно, обогатит содержание обучения чтению посредством аутентичных текстов. Работа над аутентичными текстами не только положительно воздействует на эмоциональную составляющую личности иностранного учащегося, но и решает сугубо прагматические задачи: активизирует и обогащает словарный запас учащихся, расширяет социокультурный компонент их иноязычной речевой компетентности, интенсифицирует процесс освоения русского языка как иностранного за счёт подключения дополнительной мотивации. Использование газетных текстов разных жанров при обучении русскому языку иностранных учащихся способствует не только созданию дифференцированных учебно-коммуникативных ситуаций, отражающих состояние современного русского языка и особенности его функционирования, но и является источником социокультурной информации, имплицирующей общенациональную культуру с ее морально-этическими, эстетическими ценностями и традициями. Это способствует

созданию сильной мотивационной основы обучения русскому языку и определяет коммуникативно-прагматическую направленность образовательного процесса. Восприятие лингвострановедческого компонента газетно-публицистических текстов даже на продвинутом этапе в техническом вузе вызывает значительные трудности, обусловленные дестандартизацией, полифункциональностью и многожанровостью языка газеты, которые выражаются в широком использовании стилистических вариантов, в разнообразии тем и жанров газетных публикаций, а также в неоднородном стиле газетно-публицистической речи.

Использование газетных текстов на уроках русского языка для обучения разным видам речевой деятельности позволяет отразить такую тенденцию современного образовательного процесса, как максимальное приближение учебной ситуации к реальной жизни и культуре страны изучаемого языка. В связи с этим возникает вопрос адекватности понимания фоновой и безэквивалентной лексики, семантико-стилистической специфики аутентичных публицистических текстов.

В отечественной методике обучения иностранным языкам (в том числе русскому как предмету изучения и методу обучения) не прослеживается четкой дифференциации между понятиями «оригинальный», «неадаптированный», «подлинный», «неаутентичный». В зарубежной методической литературе последнего времени аутентичным текстом принято считать текст, который не был изначально приспособлен для учебных целей и написанный носителями языка для носителей языка. Также под аутентичными текстами понимаются тексты, произведенные специалистом-нелингвистом по специальному заказу при изучении иностранного языка. При этом понятие «аутентичный» распространяется также и на другие аспекты учебной деятельности: аутентичность материалов, прагматическая аутентичность, аутентичность взаимодействия, личностная аутентичность, аутентичность восприятия, аутентичность дидактического и методического обеспечения, аутентичность социальной ситуации. Аутентичность в данном случае создается в учебном процессе, в ходе взаимодействия учащихся с текстом, с преподавателем и друг другом, заставляя обучаемых воспринимать работу над текстом не как «упражнение», а как аутентичную коммуникативную деятельность. Таким образом, существует точка зрения, что «учебное» не обязательно означает «неаутентичное», в учебном процессе должны присутствовать как аутентичные, так и неаутентичные тексты, соответствующие языковой компетенции учащихся, и отражать реалистические модели письменного или разговорного языка.

Обосновывая применение аутентичных текстов, методисты выделяют следующие аргументы: использование адаптированных, учебных текстов затрудняет переход к пониманию текстов, взятых из «реальной» жизни; адаптированные учебные тексты теряют характерные признаки текста как

особой единицы коммуникации, лишены авторской индивидуальности, лингвострановедческой и культурологической национальной специфики; аутентичные тексты разнообразны по стилю и тематике; аутентичные тексты являются оптимальным средством обучения культуре страны; аутентичные тексты иллюстрируют функционирование языка в форме, принятой носителями языка, и в естественном социальном контексте.

В лингвистическом аспекте аутентичные публицистические тексты характеризуются своеобразием лексики: слова, выражающие понятия общественно-политической жизни страны, местоимения, частицы, междометия, слова с эмоциональной окраской, словосочетания, рассчитанные на возникновение ассоциативных связей, фразеологизмы; своеобразием синтаксиса: краткость, неразвернутость / полнота рассуждения, аналитичность, обращения, призывы, риторические приемы и т. п.

Социокультурный фон реализуется через продуктивный словарный запас, в который входят наиболее коммуникативно-значимые лексические единицы, распространенные в типичных ситуациях общения, в том числе оценочная лексика для выражения мнений, национально-культурный компонент (фоновая и безэквивалентная лексика, реалии повседневной жизни), позволяющие проникнуть в иную национальную культуру, овладеть повседневной лексикой носителей языка.

В психологическом аспекте публицистический текст выступает, с одной стороны, как продукт говорения и является способом речевого воздействия на читающего, с другой стороны, он выступает как объект смысловой обработки и создает необходимое содержание и коммуникативную базу для развития говорения, т.к. характеризуется коммуникативной целостностью, благодаря которой отвечает познавательным и эмоциональным запросам иностранных учащихся, активизируя их мыслительную деятельность.

Немаловажную роль в достижении аутентичности восприятия текста имеет его жанровая специфика – очерк, интервью, фельетон, статья, информационно-новостной блок.

В отечественной методике преподавания РКИ не выработана классификация заданий, которые можно признать аутентичными. Выражается мнение, что задания должны стимулировать взаимодействие с текстом, недопустимо смешивание понятий «аутентичность восприятия» и «эффективность восприятия». Необходимы четкие границы между аутентичным речевым поведением и неаутентичным, независимо от учебной эффективности неаутентичных заданий, даже если они естественны / традиционны на уроке.

Проблема эффективного и аутентичного восприятия публицистических текстов на продвинутом этапе (младшие курсы) в техническом вузе вызвана двумя объективными факторами: потребность в получении адекватной страноведческой информации о российской действительности максимальна, а языковые возможности крайне ограничены. В этой ситуации

результативным (эффективным) оказывается использование страноведческих национально ориентированных публицистических текстов, предоставляющих специфику взаимодействия общенационального и локального, регионального социокультурных компонентов. Тексты должны отвечать принципу страноведческой ценности и представлять современную российскую действительность в привлекательном ракурсе. Учебно-методический блок (упражнения, задания аудиторные / внеаудиторные на развитие речевой коммуникации) должен снимать трудности с вариативным языковым употреблением, связанным со стилистическим использованием лексических и грамматических единиц в различных жанрах газетных текстов. Одним из важнейших условий обучения иностранцев чтению газетно-публицистических текстов должна стать лингвокультурологически направленная работа преподавателя и учащихся, способная вызвать «реактивную аутентичность – эмоциональный, мыслительный и речевой отклик».

Специфика коммуникации того или иного народа во многом обусловлена национально-культурным содержанием, определяющим коммуникативную и языковую компетенцию носителей языка. В связи с этим для успешного общения представителей различных лингвокультурных сообществ недостаточным становится знание языка и правил его использования. Эффективная межкультурная и интракультурная коммуникация определяется знаниями о культуре страны пребывания, закрепленными в семантике языковых единиц, в правилах организации и в содержании вербального и невербального поведения речевой личности русского человека. Все это, безусловно, находит отражение в аутентичных публицистических текстах, содержащих информацию о невербальных знаках культуры, об элементах когнитивной базы русского лингвокультурного сообщества, методически корректное внедрение которых в учебный процесс позволяет расширить рамки жизненного опыта учащихся. При восприятии аутентичного текста и его декодировании студенты-иностранцы постигают национально-культурную специфику нашей страны, совершенствуют свои умения во всех видах речевой деятельности, развивают не только языковую и коммуникативную компетенцию, но и формируют базовые информационно-академические умения.

Литература

1. Мартюшов, В.Ф. О механизме социальной адаптации иностранных студентов в российском вузе / В.Ф. Мартюшов // Научный вестник МГТУ ГА. – 2005. – №94(12).
2. И.Б.Авдеева, Т.В. Васильева, Г.М. Левина. Рассуждения об аутентичности в методике обучения иностранных учащихся инженерного профиля // Мир русского слова.– 2001. – № 4.
3. Носонович Е.В., Мильруд Р.П. Критерии содержательной аутентичности учебного текста // Иностранные языки в школе. – 1999. – №3.

© Сабитова Н.Г., Сулейманова А.К., 2013

Садриева Г.С.
г. Уфа, Россия

Юмор в зарубежной литературе и науке

«Не теряйте чувства юмора. Юмор для человека
то же, что аромат для розы».
Д. Голсуорси

Юмор представляет собой весьма существенную часть английского национального характера и чрезвычайно необходимый элемент национального самосознания. Англичане гордятся своим юмором и не без основания считают его своим национальным богатством. Можно усомниться в любом национальном достоинстве англичан, традиционно приписываемом их характеру — вежливости, изобретательности, терпимости, — ничто не ущемит их национального самолюбия так, как суждение об отсутствии у них юмора.

«Было бы нелепо утверждать, — пишет профессор Сорбонского университета Луи Казамян, — что Англия или Великобритания имеют монополию на юмор. Другие нации также вносят свой вклад в эту область, и к тому же, юмор так же древен, как цивилизация. Но совершенно не случайно, что именно в Англии появилось само слово "юмор" и что юмор вырос и получил свое воплощение именно на британской почве» [3, 68].

История английской литературы свидетельствует, что почти все крупные английские писатели и поэты, так или иначе, имели дело с юмором. Чосер, который стоит в самом начале английской литературы, был настоящим юмористом. В своих «Кентерберийских рассказах» он повествует с серьезным выражением лица о комических характерах и ситуациях.

К числу выдающихся драматургов елизаветинской эпохи относится Бенджамин Джонсон, создатель жанра бытовой комедии. Джонсон был старшим современником Шекспира, и их творческие судьбы пересекались. Но особое значение юмор приобретает в творчестве Чарлза Диккенса, где органично и сложно переплетаются фантазия, юмор и остроумие. Блестящий образец такого синтеза — «Записки Пиквикского клуба», где Диккенс создает галерею комических характеров, представляющих, по сути дела, различные стороны национального английского юмора.

Традиция литературного юмора продолжается и в литературе конца XIX – начала XX века. Прежде всего, это изысканная интеллектуальная литература игры слов и нонсенса. На этом основано творчество Эдварда Лира, Льюиса Кэролла и Г.К. Честертона. Эдвард Лир узаконил в английской поэзии жанр «лимерика» — пятистрочных стихотворений на шуточную тему.

Оскар Уайльд остро атаковал викторианскую мораль в своих пьесах, содержащих остроумные и парадоксальные афоризмы.

Другой великий ирландец Бернард Шоу внес в английскую драматургию атмосферу универсального юмора, не исключающего, впрочем, серьез-

ности социальных проблем, раскрываемых в его пьесах. Будучи ирландцами по происхождению, Уайльд и Шоу, впрочем, как и их предшественники, Свифт и Конгрив, были в действительности английскими писателями, писавшими для английской публики и обогатившими сферу английского юмора.

Проблемам юмора традиционно уделяется большое внимание и в зарубежной науке, исследуются разные аспекты комического.

Самой известной организацией по комплексному изучению категории комического является Международная ассоциация исследователей юмора / International Society for Humour Studies (далее МАИЮ). С 1988 года под эгидой этой организации выходит журнал «Юмор» (Humor: International Journal of Humor Research).

Обращают на себя внимание работы, посвященные фундаментальным теоретическим характеристикам комического, например, в статье известного американского исследователя Томаса Витча “A Theory of Humour” / «Теория юмора» детально описывается феномен комического эффекта, который достигается при наличии трех условий: субъективного состояния эмоционального абсурда, восприятия «нормальности» ситуации (вследствие действия «локальной логики») и нарушения ожиданий воспринимающего.

С 2013 года при поддержке МАИЮ выходит “The European Journal of Humour Research” / «Европейский журнал по изучению юмора» под редакцией Дианы Елены Попа, профессора Румынского университета. В первом номере журнала опубликованы статьи, посвященные осмыслению категории комического в философии.

Авторы наиболее известных теорий комического (Род Мартин, Виктор Раскин, Сальваторе Аттардо, Нил Р. Норрик и др.) принимают участие в ежегодных конференциях МАИЮ, которые проходят в разных университетах мира. Последняя конференция состоялась со 2 по 6 июля 2013 года в College of William&Mary в городе Вильямсбург, США. На конференции был рассмотрен комплекс вопросов, затрагивающий когнитивный, психологический, прикладные аспекты. Большое внимание было уделено проблемам интерпретации юмора, а также его соотношению с такими феноменами, как память и эмоция.

Существуют и другие научно-исследовательские центры по изучению проблем юмора. Научные лаборатории и ассоциации исследователей юмора имеются в таких странах, как Австралия, Германия, Испания, Израиль, Китай, Польша и т.д.

Одним из самых продуктивных направлений современных теорий вербального юмора является когнитивное. Ученые открывают и описывают новые стороны сущности категории комического.

Теория бисоциации А. Кестлера, семантическая теория В. Раскина, позже доработанная в комплексную лингвопрагматическую и когнитивную

общую теорию вербального юмора / General theory of verbal humor С. Аттардо, исходят из положения о бисоциативности структуры комического [1, 77–80].

Механизм восприятия комического заключается в резком переключении хода мыслей из одного ассоциативного контекста в другой с помощью триггера – лексического сигнала, в результате которого возникает бисоциативный шок, что проявляется в смехе. С. Аттардо разработал систему параметров (Knowledge resources), которые важны в процессе продуцирования и восприятия вербального юмора.

Существуют и многие другие лингвистические теории комического, например, прагматическая теория постепенного акцентирования, разрабатываемая тель-авивской группой ученых под руководством Рейчел Джиоры.

Помимо теорий, раскрывающих сущность комического, постоянно появляются исследования, в которых разрабатываются механизмы продуцирования и восприятия юмора. Одной из таких теорий является трехчастная теория механизмов восприятия шуток, предложенная польской исследовательницей Мартой Дайнел.

Необходимо уточнить: она исходит из классического положения о том, что шутка состоит из двух структурных элементов: зачина и кульминации. Материалом ее исследования послужили однорепликовые шутки, анекдоты, а также комические загадки, т.е. так называемые «консервированные шутки».

Рассмотренные теории исходят из идеи разрешения несоответствия; они учитывают когнитивные механизмы продуцирования и восприятия комического. Сейчас с развитием и усовершенствованием таких теорий для изучения становятся доступными явления живой, спонтанной речи с учетом коммуникативной ситуации и социальной реальности.

В данной статье рассмотрены понятия «юмор» и «комическое». Усилия, направленные на выявление сущности комического, приводили к сравнительному анализу категорий. Так, Жан Поль уподобляет юмор птице, которая летит к небу вверх хвостом, никогда не теряя из вида землю, – образ, материализующий комическую трактовку и внутреннюю серьезность [2, 98]. Таким образом, проблема изучения комического и его форм, в.ч. юмора, заслуживает постоянного изучения в современной лингвистике.

Юмористическими текстами, в наибольшей мере концентрирующими в себе бытовую оценку, являются фольклорные смеховые тексты - анекдоты.

Анекдот – короткий рассказ о незначительном, но характерном происшествии из жизни исторического лица. В современном словоупотреблении (с середины XIX века) под анекдотом понимается также небольшой устный шуточный рассказ с неожиданной и остроумной концовкой. Позднее анекдотом стали называть малые повествовательные жанры шуточного характера, нередко с острым политическим содержанием.

В качестве примера из англоязычной литературы приведу следующий анекдот: “A strange man was here to see you today. Daddy,” the little daughter told her father as he stepped in.

“Did he have a bill?” asked the father.

“Oh, no, Daddy,” replied the little girl, “just a plain nose as everybody else.

В данном контексте слово “bill” выступает в двух значениях «счет» и «клюв», на чем и основывается юмор этого анекдота.

A little boy asked another small boy: “Did you hear that story about the lady who fell into the sea full of man-eating sharks?”

“Ooo, that’s terrible. Was she eaten? ”

“No, they were man-eaters”.

В приведенном примере, юмористический эффект вызван буквальным восприятием слова “man-eating”.

“Uncle,” asked a millionaire’s nephew, “how does one make a fortune?”

“Pluck, my boy, pluck and only pluck ”.

“Yes, that’s all right; but who to pluck?”

В данном контексте слово “ pluck” имеет также два значения. В первом случае оно употребляется в значении «Смелость», во втором – «обирать, обманывать».

Еще один интересный пример: hotel manager to the servant: “Now, look here, my boy. If you don’t turn over a new leaf I shall have to get a new page!” [4, 53-57]

В этом анекдоте двойной смысл имеют два слова: слово “leaf” имеет значение «лист», но в выражении “turn over a new leaf ” оно означает «начать работу по-новому», а слово “page”, первоначальное значение «страница», в данном контексте имеет значение «посыльный, слуга».

Английский традиционализм находит выражение во всем, в том числе и в отношении англичан к своей орфографии, представляющей немалую трудность для иностранцев и самих жителей Британии.

The son wrote the letter to his father:

Dear Dad,

$chool i$ great. I am making lot$ of friend$ and $tudying very hard, with all my $tuff. I $imply cannot think of anything I need. $o if you would like, you can ju$t $end me a card, a$ I would love to hear from you.

Love, Your $on.

The Reply:

Dear son, I kNOw that astroNOmy, ecoNOmics and oceaNOgraphy are eNOough to keep even an hoNOr student busy. Do NOt forget that the pursuit of kNOwledge is a NOble task, and you can never study eNOugh.

Love, Dad.

В данном примере сын и отец делают намеки друг другу с помощью изменения орфографии.

В современном английском языке активно развивается такой способ словообразования, как имитация или звукоподражание. Например: mew, smash, splash and etc. Данное явление также нашло свое отражение в одном из английских анекдотов:

An Englishman wanted to imitate what the Russians say when somebody sneezes and concluded that if somebody sneezes in his presence he should say: “Boots are off” (like Russian “будь здоров»).

Then he understood that whenever a Russian wished to say to a girl: “I love you” («Я люблю вас»), he said a phrase that sounded in English like the “yellow blue bus” [4, 78]. С помощью английских слов англичанин попытался произнести выражения из русского языка.

Юмор составляет основную характеристику анекдота. Общая установка данного жанра заключается в том, что он стимулирует логико-психологическое или повседневно-бытовое любопытство. Анекдот должен повернуть слушателя в изумление, ввести его во внутренние нюансы той или иной ситуации, делать доступным то, что скрыто от поверхностного взгляда, это позволяет иначе увидеть объективную действительность, о которой идет речь.

Что же касается рассмотрению юмора на уровне анекдота, то в основном юмористический эффект возникает за счет таких средств, как: двусмысленность, абсурдность ситуации, эффект обманутого ожидания, а также курьезные грамматические ошибки и английская орфография.

Литература

1. Казакова Д.В. Теории вербального юмора в современной зарубежной литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 8 (часть 2). – С. 77–80.
2. Кьеркегор С. Жизнь. Философия. Христианство / сост. и пер. с англ. И. Басс. – СПб.: Дмитрий Буланин, – 2004. – 245с.
3. Павловская А.В. Англия и англичане. – М.: Триада, 2004. – 264с.
4. Судзиловский Г.А. Сборник юмористических рассказов на английском языке. – М.: Высшая школа, 1999. – 114с.

© Садриева Г.С., 2013

Саитбатталов И.Р.
г.Уфа, Россия

Проблема соотношения оригинального и переводного в произведении «Башкирская русалка» В.И. Даля: лингвостилистический аспект

На сегодняшний день все исследователи литературного творчества В.И. Даля солидарны в том, что произведение «Башкирская русалка» было создано автором на материале башкирского народного творчества и основано на сюжете фольклорного текста «Заятуляк и Хыухылыу».

Среди учёных-далеведов отсутствует, однако, единодушие относительно природы текста «Башкирской русалки» в целом и его второй части в частности. Отмечая большую, чем при обработке или свободном, творческом изложении оригинального фольклорного произведения, близость «Башкирской русалки» и положенного в её основу эпоса «Заятуляк и Хыухылыу», В.И. Порудоминский, крупнейший биограф В.И. Даля, описал произведение следующим образом: «Даль записал сказание и поведал своим читателям» [7: 186]. В башкирской и татарской фольклористике утвердилось мнение о рассказе «Башкирская русалка» как об особой версии башкирского эпоса «Заятуляк и Хыухылыу» [4: 305, 308; 10: 7 и др.]. Данная установка базируется на более точном представлении о взаимосвязи произведения В.И. Даля с памятниками башкирского фольклора, однако, предусматривает сосредоточение внимания исследователей преимущественно на второй части рассказа и применение в первую очередь сопоставительно-фольклористических методов. При этом, как правило, за пределами исследовательского интереса оказываются художественные и языковые особенности русскоязычного текста как такового.

Рассказ «Башкирская русалка» В.И. Даля представляет собой единый, сложный по составу и происхождению художественный текст, фрагменты которого находятся в различных отношениях (аллюзии, цитации, перевода, пересказа) с русскоязычными и тюркоязычными текстами-источниками. Как единый текст рассказ «Башкирская русалка», безусловно, является оригинальным; в качестве перевода могут быть определены только отдельные его части. При этом именно переводной фрагмент выступает в качестве смыслового центра в рассматриваемом тексте. Лишь при учёте всех приведённых факторов возможно извлечение из рассказа «Башкирская русалка» максимального объёма значимой и релевантной лингвокультурологической информации.

Нуждается в уточнении также тезис о переводном характере второй части рассказа «Башкирская русалка». Уже упоминавшиеся нами авторы, характеризующие произведение как созданное только по мотивам башкирского народного творчества, как правило, определяют фольклорную основу текста как легенду или предание. При таком подходе полноценное сопоставление содержащегося в «Башкирской русалке» широкого эпического повествования и локальных по содержанию и лаконичных по форме легенды или предания не представляется возможным. Соответственно, в отношении данного произведения В.И. Даля становится невозможным и установление отношений «оригинал – перевод». Мнение указанных авторов не является корректным и по другой причине: в башкирском устном народном творчестве рассматриваемый сюжет сохранился не в легенде (устном рассказе фантастического характера с установкой на достоверность [5: 23]), не в предании (устном рассказе о событиях далёкого прошлого с установкой на досто-

верность… большинство преданий носят локальный характер [5: 169]), а в крупной эпической форме – кубаире.

Эпос «Заятуляк и Хыухылыу» является одним из наиболее популярных текстов башкирского фольклора: в XIX-начале XXI века было записано более двадцати вариантов этого кубаира [4: 305-312]. Данный эпический памятник может быть охарактеризован и как один из наиболее сохранных кубаиров: его живое бытование, передача из уст в уста и исполнение народными сказителями продолжается вплоть до настоящего времени. Фрагменты кубаира «Заятуляк и Хыухылыу» широко используются в творчестве современных башкирских музыкантов и творческих коллективов, писателей и поэтов. Таким образом, кубаир «Заятуляк и Хыухылыу» не только является выдающимся памятником башкирского фольклора, но и по сей день занимает важное место в национальной картине мира башкирского народа.

Основной особенностью «версии Владимира Даля» называется отсутствие стихотворных включений, характерных для всех вариантов башкирского кубаира «Заятуляк и Хыухылыу» и для башкирского народного эпоса в целом [10: 7]. По нашему мнению, данная характеристика не является бесспорной: во-первых, писатель однозначно выразил своё отношение к переводу тюркоязычной поэзии на русский язык на страницах повести «Бикей и Мауляна»: «Язык Татарский так сжат, и самые слова так коротки и малосложны, что решительно нет возможности переводить песни их в меру, ограничиваясь теми же четырьмя стопами: смыслу, складу пожертвовал я мерой и рифмой». Следовательно, перевод стихотворного оригинала, если таковой существовал, с сохранением его поэтической формы был для В.И. Даля невозможен.

Во-вторых, в тексте присутствует фрагмент, который самим автором назван «пением русалки» и выделен с помощью знаков препинания. Данный отрывок, начинающийся со слов «Не лепите, пчёлки» и заканчивающийся словами «колыбели своей, Ачулы-озеру», находит соответствие в основой версии эпоса, где героиня также исполняет народную песню оҙон көй, однако определяется исследователями как осуществлённая писателем стилизация с использованием стилистических средств русского фольклора [10: 9]. Тем не менее по эстетическим особенностям приводимый В.И. Далем текст близок к произведениям в фольклорном жанре *сеңләү* – причитание невесты: в нём присутствуют традиционные мотивы прощания с родителями, соплеменниками и родными местами, жалобы на судьбу, заставляющую исполнительницу отправиться на чужбину. При этом те образы и обороты, которые относятся исследователями к элементам, заимствованным писателем из русского фольклора, обнаруживают близкие параллели в башкирских текстах.

Так абзац «*Оглядывается красное солнышко с заката на восход прошлый, да не воротится; не видать вечерней заре зорюшки утренней! Оглядывайтесь, сестрицы, на свою зорюшку утреннюю – да не воротить вам её,*

не любоваться ею в другожды!» – обнаруживает близость к *сеңләү*, записанному в 1964 году в деревне Идрисово Салаватского района Республики Башкортостан: «*Иртә лә тыуа шул көндәр, Кистә лә тыуыр шул көндәр. Ниңә йыламайһығыҙ, һеҙ ҡыҙҙар, Һеҙгә лә килер шул көндәр*» (*И утром рождаются эти солнца (букв. дни), и вечером рождаются эти солнца. Почему вы не плачете, девушки? И для вас придут эти дни*) .

Следующий абзац «*А дважды василёк в землю ложится: из земли вышел, и в землю падёт прах его. И ты не лучше василька небоцветного: не выходить было на свет – а вышла, так набедуешься, поколе не преклонишь головку к лону родной матери!*» – действительно содержит образ василька, который, на первый взгляд, не характерен для башкирского устного народного творчества [10: 10]. Однако в башкирских народных песнях и причитаниях-сеңләү достаточно частотны образы *күк сәскә* (василёк; букв. синий цветок) и *күк үлән* (ярко-зелёная, молодая трава [3: 790]). При записи и переводе В.И. Даля могла произойти контаминация двух схожих словосочетаний. Прощание с родным краем и находящимися там объектами природы, наделяемыми разного рода лестными эпитетами («*Ачулы-куль родимый, серебристый мой*»), также является неотъемлемым элементом причитаний-сеңләү. Ещё два абзаца из рассмотренного фрагмента («*Желна чёрная и белые лебёдки…*», «*Прости, сказал мотылёк…*») также имеют однозначные параллели в современном башкирском устно-поэтическом творчестве [4: 454].

Таким образом, «песня русалки», включенная В.И. Далем в текст рассказа, является прозаическим (подстрочным) переложением стихотворного оригинала и имеет собственно башкирское происхождение, восходя к причитаниям-сеңләү и лирическим песням оҙон көй, с которыми сохраняет семантическую близость. Текстологические параллели с бытующими в настоящее время произведениями фольклора позволяют осуществить моделирование изначальной формы рассмотренного фрагмента.

Помимо этого, в тексте В.И. Даля присутствует ряд фрагментов, по своему синтаксическому строению отличающихся от окружающих предложений и фраз, характерных для творчества автора. Если в других своих работах писатель стремится к использованию простых распространённых предложений с большим количеством однородных членов, сложноподчинённых предложений с одним-двумя придаточными или сложных синтаксических конструкций, построенных из сложноподчинённых, то в рассказе «Башкирская русалка» представлено несколько фрагментов, которые по своей синтаксической структуре, распространённости и сложности выходят далеко за рамки представленных выше схем. Это прежде всего высказывания, входящие в прямую речь персонажей: I) *Пусти меня, о сын плоти! пусти; я живу спокойно и безмятежно в чертогах водных, пусти, ради себя самого; ты погубишь меня, но ты погубишь и себя!* II) *забирайте с собою*

лучших соколов моих, ястребов, кречетов и беркутов; бейте утицу перелётную, бейте куртлука, косача тетерева, напускайте беркута на лису и на волка. Столь же сложные конструкции используются В.И. Далем при описании некоторых действий персонажей и их помощников: III) *птица взмыла выше гусей перелётных, поджала машистые плеча, ринулась клубочком в стаю, стрелою ударилась вправо, потом влево, опять вправо, зубчатым молнием промелькнула, ныряя каждый раз серому гусю под левое крыло – и семь гусей сряду полетели кубарем на землю*.

В разных вариантах башкирского эпоса эти фрагменты являются стихотворными либо находятся на стыке стихотворного и прозаического текста: I) *Һыуҙа үҫкән һылыумын, Ер улына тиң түгел. Ебәр, ебәр сәсемде, Талыктырма көсөмдө! Атам илгә яу һалыр, Белеп ҡалһа эшеңде – Я красавица, выросшая в воде, Не ровня сыну земли. Отпусти, отпусти мои волосы, Не утомляй меня впустую. Отец мой войной пойдёт на (твою) страну, Если узнает твои дела!* [4: 217] (1). Если начало диалога у В.И. Даля совпадает с отрывком из цитированного варианта, записанного в 1921 году от Гали Магадиева из деревни Габдряш, то его конец дословно передаёт слова из основной версии эпоса: *Ебәрә күр, ер улы! Атам белһә, яу һалыр, Башыңа ҡиәмәт һалыр – Отпусти, сын земли! Отец мой узнает, войну начнёт, Судный день на тебя падёт* [4: 190] (2).

II) Данное высказывание у В.И. Даля вложено в уста Самар-хана, однако, в вариантах кубаира схожие слова в разных обстоятельствах произносит сам Заятуляк. В варианте, записанном от Рахили Телякаевой в Оренбургской области, он обращается к завистливым сыновьям богачей: *Албыр бүре тирәһен Ала бирегеҙ, оңкоттар, Ялбыр юлбарыҫ тирәһен Ябына бирегеҙ, йолкоштар, Олпат айыу тирәһен Ауната бирегеҙ, мырҡыҫтар, Ҡаңғылдаҡ ҡаҙҙы алығыҙ, Торколдаҡ торнаны алығыҙ, Сүрәгәй сумғыш, һуна өйрәк – Уны ла булһа алығыҙ. – Шкуру докучливого волка Возьмите, обжоры, Шкурой косматого тигра Возьмите и укройтесь, оборванцы, Шкуру степенного медведя Возьмите и обваляйте, толстяки, Гогочущего гуся возьмите, Курлычащего журавля возьмите, Проворного нырка, уткукрякву – И её возьмите* [4: 213] (3). В основной версии эпоса Заятуляк произносит рассматриваемые слова в диалоге с Хыухылыу: *Бер тигәндә белә алған, Муйыны һоноҡ һуна алған, Муйыны озон торна алған, Ҡош оскоро – сүрәгәй – Ҡанат ҡакмай шуны алған, Ҡолағы миңле төлкө алған, Ауыҙы ҡанлы бүре алған Аҡ шоңҡарҙан биҙәйем. – От понимающего с полуслова, От поймавшего крякву с разогнутой шеей, От быстрейшую из птиц – чирка, – Не хлопнув крыльями, поймавшего, От поймавшего лису в родинками на ушах, От волка с кровавым ртом поймавшего Белого сокола откажусь* [4: 191] (4).

III) *Уның ҡошо һауаға атылған уҡ кеүек менеп китә лә, ялағай шикелле уйнап, торналарҙы, ҡаҙҙарҙы, өйрәктәрҙе тибеп төшөрә башланы, ти.*

Шулай итеп: Сәмәр хандың алты улы Сысҡан, йомран алды, ти; Заятүләк атлы улы Ҡаңғылдатып ҡаҙ алды, ти, Торҡолдатып торна алды, ти, Бытҡылдатып һуна алды, ти – Его птица поднялась в небо, как пущенная стрела, играя, как молния, начала бить журавлей, гусей и уток. Так что: Шесть сыновей Самар хана Поймали мышей и сусликов; Сын по имения Заятуляк Гогочущих гусей поймал, Курлычащих журавлей поймал, Лопочущих крякв поймал [БХИ 1972: с. 188] (5).

Четыре из пяти приведённых предложений на башкирском языке, с синтаксической точки зрения, представляют собой периоды (тезем). Период в башкирском языке определяется как «своеобразная ритмико-мелодическая и синтаксическая конструкция, состоящая из одного простого предложения с однородными членами или из сложного предложения и раскрывающая одну целую тему. В башкирском языке различаются десять видов периода» [6: 480-481]. Предложения номер 2 и 5 являются предикативными периодами, состоящими из простой синтаксической конструкции с однородными сказуемыми, согласно классификации Г.Г. Саитбатталова [6: 481; 8: 324]. Предложение номер 3 является парасинтаксическим периодом, состоящим из однородных простых предложений [6: 484; 8: 326-327]. Предложение номер 4 представляет собой период, выражающий определительные отношения [6: 481; 8: 324]. К ним примыкает использованная В.И. Далем конструкция: «О Зая-Туляк! Было время, когда я, послышав шум и топот, спешила схорониться в волнах Ачулы-куля и в объятиях верной стихии находила спасение, теперь ты щит и защита моя, и я надеюсь только на грудь твою! но, Зая-Туляк, ты меня не спасёшь на этот раз, а кроме тебя, у меня защиты нет», – не находящая прямых поэтических соответствий в фольклорных текстах, однако семантически близкая к традиционному эпическому периоду.

Как явствует из приведённых выше поэтических текстов, семантически они близки к фрагментам из рассказа «Башкирская русалка», однако, не равны им ни по объёму, ни по порядку слов и перечислений, характеру конкретных образов. Очевидно, при работе над произведением В.И. Даль прибегал к распространению оригинальных сочетаний, нуждающихся в пояснении (*пусти ради себя самого*; *стрелою ударилась вправо, влево, опять вправо*), а также к свёртыванию многословных поэтических высказываний (цитата № 3) и целых диалогов. О последнем факте свидетельствует, в частности, авторское указание: «*Когда же Зая-Туляк не уступал и самым убедительным мольбам её, а клялся следовать за нею и на дно озера*», – на месте объёмного и исключительного по своему красноречию диалога главных героев эпоса. Все приведённые операции полностью соответствуют тем механизмам, которые используются при переводе-пересказе, практиковавшемся в XIX веке [11: 53-54].

Основываясь на приведённых выше данных, логично заключить, что в том тексте кубаира «Заятуляк и Хыухылыу», который лёг в основу расска-

за «Башкирская русалка», поэтические элементы не только присутствовали, но и занимали больший объём, чем в современной основной версии памятника.

Рассказ «Башкирская русалка» обладает также целым рядом лексико-стилистических особенностей, которые выделяют его на фоне как других работ В.И. Даля, так и произведений русской литературы середины XIX века [9]. Большинство из них, по мнению исследователей-далеведов, сводится к лексическим средствам придания тексту «сказовой» манеры, под которой понимается имитация спонтанной разговорной речи, свободное соединение литературных и внелитературных элементов, конструирование с их помощью образа рассказчика, не тождественного ни автору, ни герою текста. В рассказе «Башкирская русалка» это проявилось прежде всего во введении в языковую ткань произведения заимствованных слов башкирского происхождения и употреблении разговорных, просторечных и фольклорных оборотов. Функции такой лексики в рассматриваемом нами рассказе были подробно проанализированы Л.Н. Сарбаш [9: 10-11]. Необходимо добавить лишь, что помимо отдельных лексем тюркского происхождения автор ввёл в свой текст ряд башкирских фразеологизмов и фразеологических оборотов, полностью сохранив их лексический состав и образные средства, нередко в ущерб прямому их смыслу: *лице земли–ер йөҙө, есть ли у тебя земля и вода? – һинең ерең-һыуың бармы?* (по смыслу: *есть ли у тебя родина?*), *жена следует за мужем, а не муж за женой; это закон – ир ҡатын артынан йөрөмәй, ҡатын ир артынан йөрөй* (пословица [1, 347]); *я надеюсь только на грудь твою – күкрәгеңә ғына ышанам* (переносное значение слова күкрәк – физическая сила [3: 795]). Таким образом, В.И. Даль сохранил не только композиционную и ритмическую структуру башкирского кубаира «Заятуляк и Хыухылыу», но и частично – фразеологическую, введя с свой текст ряд дословно переведённых пословиц, поговорок и афоризмов, присутствующих в оригинале.

В тексте рассказа «Башкирская русалка» автором были в значительной мере сохранены сюжетные, тематические, композиционные, ритмические, синтаксические, лексические и фразеологические особенности башкирского народного эпоса «Заятуляк и Хыухылыу». Близкие параллели между русским и башкирским текстами обнаруживаются на всех уровнях языковых единиц и их организации, что делает возможным и обоснованным утверждение о переводном характере второй части произведения В.И. Даля. Проведённые автором операции с оригинальным и переводным текстами полностью укладываются в схему перевода-пересказа, использовавшуюся в русской литературе первой половины XIX века.

Рассказ В.И. Даля «Башкирская русалка» занимает, таким образом, поистине выдающееся место как в русской, так и в башкирской литературе, будучи одновременно научным очерком о Башкортостане и его коренном

народе, критическим обзором печатной и рукописной литературы XVIII-начала XIX века о крае и переводом выдающего национального эпического памятника – текстом, созданным на границе и в условии активного взаимопроникновения двух культур. Его лингвокультурологическое исследование является перспективным как для русского, так и для башкирского языкознания.

Литература

1. Ахтямов М.Х. Словарь башкирских народных пословиц и поговорок. – Уфа: Издательство «Китап» имени Зайнаб Биишевой, 2008. – 776 с.
2. БНТ 2010 – Башкирское народное творчество. Т. 12: Обрядовый фольклор. – Уфа: Китап, 2010. – 592 с.
3. БТАҺ III – Башҡорт теленең академик һүҙлеге: 10 томда. Т. III: (В – И хәрефтәре) / Ф.Г. Хисамитдинова редакцияһында. – Өфө: Китап, 2012. – 864 бит.
4. БХИ – Башкирское народное творчество. Эпос. 1-я книга. / Сост., предисл., комм. М.М. Сагитов, отв. ред. А.И. Харисов. – Уфа, 1972. – 242 с. (на башкирском языке).
5. БЭ1 – Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т. 1: А – Б. / Гл. редактор М.А. Ильгамов.– Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. – 624 с.: ил., карты.
6. ГБЯ 1981 – Грамматика современного башкирского литературного языка. / Отв. ред. А.А. Юлдашев. – М.: «Наука», 1981. – 496 с.
7. Порудоминский В.И. Даль. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 384 с., ил. («Жизнь замечательных людей». Серия биографий. Выпуск 17 (505).)
8. Саитбатталов Г.Г. Башкирский язык. 3 том. Стилистика. – Уфа: Китап, 2007. – 440 с. (на башкирском языке).
9. Сарбаш Л.Н. Межкультурный диалог в творчестве В.И. Даля: «Поэтическая этнография» народов Поволжья // В.И. Даль в мировой культуре: сборник научных работ: часть третья. – Луганск: ЛНУ им. Тараса Шевченко, 2012. – [Электронный ресурс]. URL: http://www.evp.snu.edu.ua/v-i-dal-v-mirovoj-kulture-sbornik-nauchnyh-rabot-chast-tretja.html#Межкультурный диалог в творчестве В.И. Даля: «Поэтическая этнография» народов Поволжья (дата обращения: 01.10.2013).
10. Фахрутдинова А.Р. Дастан «Туляк и Сусылу»: тюрко-татарские варианты. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук специальность 10.01.09 <Фольклористика > – Казань, 2007. – 27 с.
11. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. – 5-е изд. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с. — (Студенческая библиотека).

© Саитбатталов И.Р., 2013

Сакаева Л.Р., Нуруллина А.Г.
г. Набережные Челны, Россия

Специфика исследования фразеологических единиц с компонентом «злой дух» в английском и русском языках

Современная лингвистика занимает прогрессивное методологическое место в системе любого гуманитарного познания, и обойтись без поддержки и содействии науки о языке при изучении культуры неосуществимо. Язык теснейшим образом соединен с культурой. Каждый язык предназначен как средство накопления культурно-значимых сведений и отражения восприятия мира. Следовательно, каждый язык обладает своеобразной картиной мира и в процессе деятельности воспроизводит объективный мир, где человек закрепляет в слове результаты постижения и освоения. Совокупность познаний об окружающей действительности, в различных явлениях есть языковая картина мира. В свою очередь, люди способны воспринимать и организовать мир благодаря языку, в котором фиксируется исторический и национальный опыт. Так, языковая картина мира является основной базой знаний о мироздании, воплощенных в лексике и фразеологии. Фразеология формируется и основывается на рубеже таких важнейших областей науки, как морфология, фонология, стилистика, когнитивная лингвистика, социолингвистика, нейролингвистика, лингвокультурология. Однако фразеология стала как наука рассматриваться относительно недавно. Первые идеи и наблюдения, затрагивающие фразеологию стали появляться в 40 – х годах XX в. в трудах А.А. Потебни, И.И. Срезневского, Ф.Ф. Фортунатова и др. Академик В.В. Виноградов создает теоретическую базу фразеологии.

Л.Р. Сакаева утверждает, что «фразеологическая единица (ФЕ) представляет собой наиболее эмоциональный, выразительный и яркий пласт языка. Все языки мира исключительно богаты фразеологией, а, как известно, именно фразеология отражает душу народа, богатство и своеобразие языка, культуру народа, реалии страны. Фразеологическая система представляет собой сложное явление со свойственными ей особенностями, закономерностям и историей развития» [7, 4].

Культура каждого этноса реализуется в языковых стереотипах непосредственно с помощью ФЕ. Так, «языковое народное сознание является частью культурного сознания, так как между осознанием элементов языка и других элементов культуры нет четко выраженной границы. Языковое народное сознание является воплощением народного миропонимания в языковой форме» [6, 56]. Следовательно, каждая культура имеет ряд особых черт, и, не зная специфики народа, его сознания, нелегко верно и справедливо проинтерпретировать данную систему. Прежде всего, исследуемый компонент складывается вследствие чувственного восприятия. Бесспорно, такой

образ, как дьявол – олицетворение зла, враг Бога и человека. В рамках данного исследования под понятием ФЕ мы понимаем «семантически связанные сочетания слов и предложения, которые воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава. К фразеологизмам относят пословицы, поговорки и крылатые слова» [2].

В «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой включаются в синонимический ряд ФЕ с компонентом «дьявол»: сатана, демон, черт, бес, лукавый, злой дух, нечистый дух, нечистая сила, чертяка, анчутка, Мефистофель, враг рода человеческого, князь тьмы, дух тьмы, падший ангел, отец лжи, враг, черная сила, нечистый, окаянный, черный, нечисть [1, 116]. В английском языке, согласно «Oxford Thesaurus An A-Z Dictionary of Synonyms», представляется целесообразным выделить следующие синонимы компонента «Devil»: Satan/Lucifer /Beelzebub/Asmodeus /Abaddon /Apollyon /Belial /Lord of Flies/ prince of darkness/spirit of evil /cacodemon /evil one /wicked one/arcfiend/ Fiend/deuce/ Demon/beast/ogre/monster/ rogue/ scoundrell/rake/knave/ villain/ghoul/vampire/ barbarian/witch [8, 363].

Известно, что фигура дьявола на протяжении тысяч лет занимает особое место в духовном миропонимании и мировоззрении человечества в целом. По мнению Ж. Минуа «природа дьявола – быть в оппозиции, быть врагом» [5, 3]. Для совершенного постижения компонента «дьявол» следует подвергнуть рассмотрению понимание дьявола в различных языках.

В «Большом энциклопедическом словаре» под редакцией Е.М. Мелетинского «чёрт – антропоморфные существа, покрытые черной шерстью, с рогами, хвостами и копытами. В русской средневековой живописи облик черта отличается от человеческого остроголовостью, иногда – крыльями за спиной» [4, 611]. В ходе исследования выявлена группа ФЕ описывающих внешний вид и облик: *The devil wipes his tail with the poor man's pride* в значении «дьявол вытирает свой хвост о гордость бедных людей»; *Мал бес, а хвост есть; лукавый хвостом накрыл*; *богатый, как черт рогатый; как будто черти копытами толкут в животе.*

Местом обитания дьявола может являться: болото – *бродит, что черт по болоту*; *Навели на беду, как бес на болото*; ад – *чумазый, как черт в аду*; омут – *засел, как черт в омуте*; куличка – *у черта на куличках*; лес – *Радостен бес, что отпущен инок в лес*; стоячая вода – *В стоячей воде всякая нечисть заводится*; озеро – *В тихом озере нечисти больше*; животных – *Там, где находится лошадь, там не бывает нечистой силы; Считается, что петушиное пение отгоняет нечистую силу;* святые места – *В святых местах много и нечисти*.

Дьявол передвигается в пространстве: *ездить как черт; носиться как дьявол; мчаться как демон.* Данный персонаж силен: *силен бес и горами*

качает, а людьми, что вениками трясет. Играет в азартные игры*: Колода карт – молитвослов дьявола; Карты – это книги дьявола.*

Мир старается не подчиняться дьяволу, противостоять ему: *If you want to annoy the devil stay silent* – «если вы хотите досадить дьяволу – молчите»; *Оказывайте сопротивление дьяволу, и он покинет вас; Прочь убегает дьявол, когда он видит, что дверь перед ним закрыта; Лучше не впускать дьявола, чем выгонять; Не воскрешайте больше дьяволов, чем вы можете похоронить.*

Зафиксирована группа ФЕ, характеризующая боязнь и опасение дьявола: *hate smb/smth as the devil hates holy water* – «не выносить кого/что-либо как черт ладана»; *Дьявол боится святой воды;* огня – *Духова огня как огня страшится всякая нечисть;* дьявол боится чеснока – *Кто чеснок ест, того даже нечистая сила боится;* холода – *Всякая нечисть на Гурия с земли убегает, морозов и зимы боится;* грома – *Бегать от дому, как черт от грому.*

Однако следующая группа свидетельствует о том, что дьявол не боится, священных мест, атрибутов и книг: *The devil lurks behind the cross* – «около святых черти водятся»; *Дьявол может цитировать Библию в своих целях; Крест на груди, а дьявол на сердце.*

По мнению А.Е. Махова «способность человека к покою означает его причастность к миропорядку: человек свой в мире, потому что он способен, как и мир, пребывать в покое. Обоснование этому находят в рассказе книги Бытия об отдыхе Бога, которому должен уподобиться и «отдых» человека. В человеке отдыхает Бог – поэтому покой священен. Одно из проявлений присущего демоном постоянного беспокойства – их пристрастие к шуму. Явление демонов, как правило, сопровождается страшным грохотом и другими шумами» [3, 61]. Выявлена группа ФЕ характеризующих разрушение спокойствия, хаоса, ссоры, шума: *raise the devil* – (букв. шуметь/буянить/поднимать скандал); *a devil of a racket* – «дьявол шума»; *a deuce of a row* «дьяволы в ряд»; *the devil among the tailors* – «дьявол среди портных», *the devil and all to do* – букв. невообразимый шум/адский беспорядок; *a deuce of a row* «дьяволы в ряд»; *the devil rides on a fiddle-stick* – «дьявол верхом на смычке»; *пришел черт на череду* (о беспричинной ругани, ссоре); *черт жениться поехал* (о беспорядке где-л.); *There was peace and no fear till the devil did appear* – «был покой и не было страха, пока не появился дьявол»; *to go to the devil* «идти к черту»; *пойти ко всем чертям.*

При анализе ФЕ с данным компонентом выявляется антропоцентрическая направленность ФЕ, описывающих человеческие поступки, действия: *черт дернул* (о чьем-л. необдуманном поступке, опрометчивом поступке); *лезть к черту на рога* (совершать рискованные, опасные поступки); *отдать черту душу* (покончить жизнь самоубийством); *бес козлиный; бес косой; бес лысый; бес немой; бес непровожённый; бес чулпанный; бес шелудивый; бе-*

сов бес; накрутить беса в стуле; наговорить беса в ступе; тешить беса (совершать безнравственные, предосудительные поступки).

Интеллект подразумевает систему всех когнитивных способностей индивида (в данном случае существа) и включает в себя ощущения, мышление, воображение. В ходе исследования выявлены ФЕ, характеризующие интеллектуальные способности, сообразительность: *the devil knows many things because he is old* – «дьявол знает много, потому что он стар»; *clever devil* – хитрый черт; *devil of fellow* – храбрый малый*; умен как дьявол; хитер, как дьявол; у черта блины поел* (о мудром человеке). Так, дьявол является умным, мудрым, хитрым, сообразительным существом.

Как и человек, дьявол обладает характером и определенными качествами: *young devil* – сущий дьявол, напористый человек; *poor devil* – бедняга/горемыка/неудачник; *у беса из зубов завтрак/кусок вырвет* (об энергичном, предприимчивом человеке); *бесу голову шестом не достанут* (о высокомерном, заносчивом человеке); *сатане в дядьки годится* (о злом, коварном человеке); черт с рогами (о хулигане); *черт чистой воды* (доверчивый, наивный человек, потенциальная жертва человека).

А.Е. Махов полагает «женщина – слуга и помощница дьявола» [3, 168]. Выявлена группа ФЕ характеризующая женщин: *Even the devil himself does not know where women sharpen their knives* (букв. даже сам дьявол не знает, где женщины точат свои ножи); *There is no devil so bad as a she-devil* (букв. нет хуже дьявола, чем женщина-дьявол); *Дьявол может проглотить женщину, но он не может переварить ее; Три дочери и мать – это четыре дьявола для отца; женщины – это сети дьявола; куда идет женщина, туда за ней следует дьявол; сатана в юбке; анчутка рогатая* (о женщине, вызывающей негодование, возмущение); *Баба бредит, да черт ей верит; Баба и черта перехитрит; Бабий язык – чертово помело*.

Шаловливые, проказливые дети также являются предметом искушения дьявола. Так, А.Е. Махов указывает на то, что «дети – излюбленный предмет обманных манипуляций демонов» [3, 150]. ФЕ, характеризующая детей: *little devil* – чертенок, сущий дьявол, отчаянный парень; *dare-devil* – бесшабашный человек, сорвиголова, смельчак; *маленький дьявол*; *бес в рукомойнику* (об озорном ребенке, сорванце); *бесы гоняют, ломают* (ребенок, ведет себя неспокойно); *бесы сидят* (о непослушном ребенке); *вертячий черт* (о непоседливом ребенке); *черт на шкуру не берет* (об озорном, шаловливом ребенке).

Выявлена группа, характеризующая профессию: *ходячий черт* (часовой); *черт во плоти* (учитель); *черт рогатый* (1. зоотехник, 2. деградировавший, унижаемый всеми заключенный); *кумовские черти* (заключенные, занимающиеся уборкой помещения); *devil's advocate* (букв. адвокат дьявола), человек защищающий неправое дело или неправильное положе-

ние/спорщик из любви к искусству; *Attorney-General's Devil* – младший советник казначейства; *devil dog* – амер. солдат морской пехоты.

В ходе исследования выявлена группа ФЕ, характеризующая материальное состояние, как богатство, так и бедность: *Even the devil slaves for the fortunate* – «даже дьявол прислуживает за богатство»; *He who has gold is served by the devil* – «тот, кто имеет деньги, обслуживается дьяволом»; *Дьявол ловит большинство душ в золотую сеть; Там, где есть деньги, вы найдете дьявола; При помощи денег можно командовать дьяволом; The poorer you are, the more devils you meet* – «чем вы беднее, тем больше дьяволов вы встречаете»; *The devil dances in an empty pocket* – «дьявол пляшет в пустом кармане»; *Дьявол вытирает свой хвост о гордость бедных людей; Дьявол посещает богатых, но он посещает бедных вдвое чаще.*

В ходе исследования раскрыта группа ФЕ, обозначающие различные цвета: *белый дьявол* (наркотик); *blue eyed devil голубоглазой дьявол* (телевизор); *желтый дьявол* (о золоте, деньгах, властвующих над человеком).

Таким образом, компонент «дьявол» в английском и русском языках во многом схож, и общим является то, что дьявол – это враг человека; злой дух, существо, противостоящее Богу. В обеих лингвокультурах дьявол видится существом, любящим деньги, существом, взаимодействующим с человеком, искушающим его, существом, скрывающим свою настоящую сущность. В ходе исследования выявлена группа ФЕ, описывающих внешний вид и облик; место обитания дьявола. При анализе ФЕ с данным компонентом выявляется антропоцентрическая направленность: ФЕ, описывающие человеческие поступки, действия; ФЕ, характеризующие интеллектуальные способности, сообразительность. Выявлена группа ФЕ характеризующая женщин; группа ФЕ, характеризующая профессию.

Литература

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. Ок. 11 000 синоним. рядов. – 11 –е изд., перераб. и доп. – М.:Рус.яз., 2001 –568 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл.ред. В.Н. Ярцева. – М., «Советская энциклопедия», 1990. – 59с.
3. Махов А.Е. Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря. – Москва: Intrada, 2006. – 416 с.
4. Мелетинский Е.М. Мифология. Большой энциклопедический словарь. – М.: Дрофа, 2008 – 736с.
5. Минуа Ж. Дьявол. – М.: Астрель, 2004- 63 с.
6.Никитина С.Е. О концептуальном анализе в народной культуре: монография / С.Е. Никитина. – М.: Наука, 1991 – 257 с.
7. Сакаева Л.Р. Изоморфизм и алломорфизм фразеологических единиц антропоцентрической направленности (на материале русского, английского, татарского и таджикского языков) / Л.Р. Сакаева; фил. Казан. гос. ун-та. – Набережные Челны: Лаб. операт. полиграфии, 2008. – 168 с.
8. Oxford Thesaurus An A-Z Dictionary of Synonyms 2006:363.

© Сакаева Л.Р., Нуруллина А.Г., 2013

Салахов Р.А.
г. Уфа, Россия

Имена собственные (личные) в аспекте межкультурной коммуникации

Что в имени тебе моем? (А.С.Пушкин)

Проблемы межкультурной коммуникации привлекают в последние годы самое пристальное внимание не только лингвистов, но и (пожалуй, даже в большей степени) специалистов в области преподавания иностранных языков, как «теоретиков», так и «практиков». Без овладения разными аспектами межкультурной компетенции и формирования индивидуальной межкультурной компетентности не может быть и речи об успешном общении с представителями других культур, о полном взаимопонимании, к чему обычно стремится каждый участник акта коммуникации.

Как известно, имена собственные (в силу их специфики) отличаются наиболее тесной связью с укладом жизни и культурой каждого конкретного социума. Пожалуй, ни одно другое языковое явление не объединяет в себе в такой степени историю и современность, прошлое, настоящее и будущее, мир реальности и мир мистики, обыденное и сакральное, общественное и сугубо личное (интимное, сокровенное), как имя собственное.

Благодаря многовековой (особенно со времен Петра Великого) совместной истории с европейскими странами, и в первую очередь с Германией, Россия не только хорошо усвоила основные уроки европейской цивилизации, но и внесла значительный вклад в ее развитие. Поэтому и различия в аспекте культуры (в широком смысле слова) у народов России и Германии не столь значительны. И россияне, и немцы с детства знакомы с основными правилами использования имен собственных. Но имеются некоторые особенности, которые необходимо учитывать представителям этих двух стран для успешной межкультурной коммуникации.

Начать можно с системы именований. Как известно, в немецком социуме она двухкомпонентная, а в России (в наше время) трехкомпонентная. Следует учитывать также и то, что само немецкое слово ***der Name*** объединяет в себе и имя, и фамилию (и вместе, и по отдельности). ***Wie ist dein Name? – Mein Name ist Ingo, Ingo Hannemann. Wie ist Ihr Name? – Mein Name ist Krause, Wolfgang Krause.*** «Имя» (в нашем понимании) всегда стоит перед «фамилией», поэтому и называется ***Vorname*** *«имя, стоящее впереди / первым»*, в то время как «фамилия» называется ***Nachname*** *«имя, стоящее позади»*, ***Familienname.*** Русский язык имеет для каждой из трех частей свое название: ***фамилия, имя, отчество.*** Порядок следования может быть: ***фамилия, имя, отчество*** и ***имя, отчество, фамилия*** (первый вариант встречается чаще). Возможно использование при неформальном общении только имени (аналогичная возможность существует и в немецком языке), а в фор-

мальном общении – только фамилии (в Германии – фамилии с добавлением официального обращения ***Herr / Frau***) или имени и отчества. Последний вариант в немецком языке может использоваться только в переносном употреблении для обозначения «какого-нибудь русского», напр.: ***irgendein Iwan Petrowitsch oder irgendeine Jelisaweta Pawlowna***. В русскоязычном ареале возможно также использование при неформальном общении одного только отчества (с окраской фамильярности).

В Германии все еще встречаются многокомпонентные имена (***Vorname***), одно из которых обычно используется в повседневном общении, а к полному варианту прибегают только в официальных документах, например: ***Angela Dorothea Merkel***, более известная нам как ***Angela Merkel***, или ***Georg Ferdinand Ludwig Philipp Cantor***, немецкий математик, более известный как ***Georg Cantor***. В России же изредка еще можно встретить двойные фамилии (как старинные, так и появившиеся в 20-м веке).

Человек очень трепетно относится к своему имени, о чем не следует забывать и в межкультурной коммуникации. Часто человек довольно бурно реагирует на замену в его имени даже одной буквы на другую или одного звука на другой: «Я не Рустем, я Рустам!!!» или «Я не Рената. Мое имя пишется через «и»!». Но россияне более снисходительны к таким «ошибкам», когда их допускают иностранцы. Немцы также с пониманием относятся к тому, что представители других стран могут в первый раз неправильно воспроизвести их имя или фамилию. Но есть один момент, который немцам (кроме, пожалуй, специалистов в области русского языка) трудно понять и принять. Это наши старые правила транслитерации немецких имен, по которым ***Heinrich Heine*** *(Хайнрихь Хайне)* превратился в ***Генриха Гейне*** («рядовой» немец едва ли поймет, о ком идет речь), а больше всего не повезло мужчинам по имени ***Hans*** *(Ханс*, а в русской традиции *Ганс)*. Немецкое слово ***die Gans***, которое именно так и произносится, обозначает не что иное, как «гуся, гусыню», и иногда используется с пейоративным значением по отношению к женщине: ***„dumme Gans“*** *«глупая гусыня»*. Момент, который явно не будет способствовать эффективности межкультурной коммуникации.

При общении с представителями немецкого народа следует также помнить, что возникшие в русском языке в период первой и второй мировых войн обозначения немецких солдат ***гансы и фрицы*** (по наиболее популярным в Германии с конца 19-го до середины 20-го века мужским именам ***Hans*** < ***Johannes, Fritz*** < ***Friedrich***), а также ***Iwan*** для обозначения русских солдат (и русских вообще) в немецком являются так называемыми этнофолизмами, экспрессивными этнонимами с отрицательной коннотацией, и тепла и взаимопонимания в общение не привнесут. К тому же следует заметить, что если русские и сами используют имя ***Иван*** в значении «представитель русского народа, русский» - ***(наш) русский Иван***, то немцы не используют в этом значении ни первого, ни второго имени (****unser deutscher Fritz, *unser***

deutscher Hans). Раньше олицетворением немецкого народа был ***deutscher Michel***. А в наши дни часто можно встретить имя ***Otto*** для обозначения «среднего» (обычного, среднестатистического) немца, напр.: ***Otto Normalbürger / Normalfahrer, -flieger, -mensch, -nutzer, -verbraucher*** [1].

И в немецком, и в русском языках возможно обыгрывание «живой» внутренней формы имен собственных (чаще фамилий), например: ***„Ach, Herr Wolf; der ist kein Wolf! Der ist bloß ein ängstlicher Hase!“ – «Что, Волков? Да не Волков он, а трусливый заяц! / Да не Волков он, а Зайцев, не иначе!»*** При этом в русском языке фамилии оформляются соответствующими суффиксами, в то время как в немецком языке они могут полностью совпадать с именами нарицательными. Одинаково возможно и оживление внутренней формы заимствованных имен, например: ***Дочку они назвали Вероникой, то есть «несущей победу». Но никаких побед она им не принесла. Sie haben ihrer Tochter den Namen Veronika gegeben, d.h. „Siegbringende“. Sie hat ihnen aber keinen Sieg gebracht.***

Механизм использования имен собственных в функции характеризации (в переносном употреблении) носит универсальный характер и поэтому аналогичен для немецкого и русского языков. Характеризующее значение имен собственных может базироваться как на информации, известной представителям обоих народов (1), так и на информации, относящейся к фоновым знаниям только одного из них (2) либо вообще не выходящей за рамки данного конкретного текста (3). В первом и третьем случаях проблем с пониманием обычно не возникает, например:

- Er erwies sich als wahrer *Herkules.* [2] Он оказался настоящим *Геркулесом (Гераклом).*
- Ах, это Маркелов, да? *Местный Рокфеллер.* Слышала, как же, как же… (Ю. Герман)
- Товарищи дорогие, помогите! Ну, вернусь до жинки, *Маша, моя дочечка*, подрастет, спросит дитячьим голосом: папуля, а как ты воевал с погаными фрицами? Что ж я отвечу, товарищи дорогие? ... – А насчет *дочки Маши* – это он ничего! В основном же, если вдуматься, то такие истории оглашать не следует. Ничего в них воспитательного нет. И лучше пусть их *все Маши всего мира* не знают! (Ю. Герман)

Второй случай намного сложнее, поскольку адресанту иногда бывает трудно правильно оценить, имеются ли необходимые фоновые знания у адресата («Уж об этом-то каждый знает! Как об этом можно не знать!»). Здесь нужно быть крайне осмотрительным, чтобы не получился конфуз, поскольку, например, фразу «У каждого поколения (времени) есть свои *Павлики Морозовы*» даже носителю языка трудно однозначно интерпретировать, если он не знает, к какому времени она относится, до или после «десятилетия великих разоблачений».

И наконец, своего рода *deutsche Spezialität* – использование имен собственных (личных) в качестве второго компонента сложных слов, где они могут выступать как в своем обычном употреблении с уточняющим или характеризующим первым компонентом (***Die Konsum-Edith freut sich immer sehr, dass du noch an sie denkst.***), так и с переносным (***Jahrmarktsherkules, Provinzmephisto***) или обобщенно-категориальным значением (***Artikelfritze, Gasheini, Heulsuse*** – подробнее см.: [3; 4, 220-237]).

Литература

1. [Электронный ресурс]: URL: http: // www.mydict.com / Wort / Otto+Normalbürger. (Дата обращения: 15.10.2013)
2. [Электронный ресурс]: URL: http://de.wiktionary.org/wiki/Herkules. (Дата обращения: 15.10.2013)
3. Салахов Р.А. О полусуффиксальных образованиях со вторым компонентом, коррелятивным имени собственному в современной немецкой разговорной речи. // Иностр. языки в шк., 1984. – № 4. – С. 23-28.
4. Александрова Т.С., Добровольский Д.О., Салахов Р.А. Словарь немецких личных имен. Происхождение, значение, употребление. – М.: Рус.яз., 2000 – 248 с.

© Салахов Р.А., 2013

Саяхова Л.Г.
г.Уфа, Россия

Проблемы лингвокультурологии и межкультурной коммуникации во времени и пространстве

Интерес к культурологической составляющей языковых единиц и прежде всего слова возник в результате знакомства с трудами Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного» (1980, 1-е изд.), «Лингвострановедческая теория слова» (1980). Большое значение имело для нас открытие авторами в структуре слова «лексического фона» (все, что стоит за словом в действительности). Интерес этот был подкреплен знакомством на конференции в Киеве с периодическим многотомным изданием «Язык и культура», а участие в 1994 г. в работе VII конгресса МАПРЯЛ в Регенсбурге, посвященном проблемам языка и культуры, укрепило желание работать по данной проблеме.

Первой пробой пера явился спецкурс «Язык и культура в системе подготовки студентов-филологов» в книге «Язык и культура», в создании которой приняли участие проф. Гарипов Т.М., проф. Кузеев Р.Г., проф. Воробьев В.В., проф. Формановская Н.И., проф. Илюхина Н.А. (Самара), Смирнова Т.В., Махмутова Т.В., Галлямова Н.Ш./ Под ред. проф. Л.Г. Саяховой (Уфа, БашГУ, 1995, 170 с.).

Суть зарождающейся лингвокультурологической концепции обучения русскому языку выражена в разных аспектах рассмотрения проблемы взаимосвязи языка и культуры в лингводидактике.

Первый аспект – овладение нормами речевого поведения, т.е. культурой общения, или речевой культурой. Этот аспект тесно связан:

- с социолингвистикой, изучающей влияние социальных факторов на развитие языка и языковой личности, влияние культурного окружения личности на формирование языковой личности, владение нормами языка как показатель культурного уровня личности;

- с психолингвистикой, изучающей универсальный внутренний психический механизм производства и восприятия речи, и этнопсихолингвистикой, исследующей наблюдаемые формы функционирования этого механизма, реализуемые в национальном языке и национальной культуре [Тарасов Е.Ф. Язык и культура: методологические проблемы // Язык и культура. – М., 1987. С. 28].

Названный аспект изучения проблемы предполагает оптимизацию формирования языковой, коммуникативной и культурологической компетенций обучаемых, т.е. овладение системой языка, правилами его функционирования (нормами речевого общения) и правилами межкультурной коммуникации. Язык выступает здесь в своей основой, коммуникативной функции, в неразрывной связи с познавательной и дискурсивной (мыслеразвивающей и мыслеформирующей функцией, в которой отчетливо проявляется роль языка в становлении и развитии языковой личности, ее социализации).

Второй аспект – осознание языка как феномена культуры, как культурно-исторической среды, воплощающей в себе историю, культуру, обычаи народа. Язык возникает на определенной стадии развития человечества как артефакт (порождение, продукт деятельности человека), а затем он сам становится важным фактором, влияющим на культурное развитие общества (средой порождающей, по В.Гумбольдту). В языке фиксируется, запечатлевается познаваемый человеком мир, формируется языковое сознание, языковая картина мира, отражается материальная и духовная культура общества.

Выступая в качестве сокровищницы культуры, в кумулятивной своей функции, язык способствует познанию мира, хранению и передаче познанного от поколения к поколению. Следы культуры запечатлеваются в значениях языковых единиц. Национально-культурный компонент значения присущ единицам всех уровней языка, но в большей степени он проявляется в лексике, фразеологии, афористике, тексте. Выработка умения вычленять культурный компонент значения, проникнуться мыслью о языке как хранителе культуры, одного из условий самого существования нации – важнейший аспект культурологически ориентированной методики преподавания

языков, в том числе русского языка как родного, как языка межнационального общения и как иностранного языка.

Остались в памяти слова из журнальной статьи: «Изучать язык – значит изучать его диалектику постижения мира, его озарение и творчество великих писателей, язык философов, представителей государственности и науки, язык сердца – народных песен, язык мысли – поговорки и пословицы, язык народа – язык своих отцов и близких» (Л.В. Юлдашева. Русский язык в школе, 1990, № 4).

В какой-то мере культурологический подход к изучению языка нашел отражение в новых программах и учебниках русского языка для башкирских школ и гимназий. Но в целом проблема эта в то время не была разработана. Учителя, приняв идею, могли во многом продвинуть ее разработку, включив учащихся в исследовательскую работу в рамках спецкурса для старших классов. Охарактеризуем кратко возможные направления исследования проблемы, опираясь на разработанный нами спецкурс для студентов факультета башкирской филологии и журналистики «Русский язык в диалоге культур» (БГУ, 1994) и учебное пособие «Язык и культура» (БГУ, 1995). Представим основные положения этих публикаций.

1. Проблема культурологического минимума.

Культурное богатство народов мира (около 3500 народностей) столь обширно и многообразно, что познакомиться с ним в полном объеме немыслимо. Но в культуре каждого народа есть такие понятия, реалии, имена, которые являются вкладом в общечеловеческую культуру и незнание которых невозможно для образованного человека. Культурологический минимум (в нашем случае реалии русской культуры и башкирской культуры) представлен в программах для башкирской гимназии. Это природа, географические названия (Россия, Урал, Сибирь, Башкортостан, Волга, Агидель и др.), образы устного народного творчества (Дед Мороз, Снегурочка, Змей-Горыныч, батыр, егет, аждаха, див и др.), народные и религиозные обычаи, праздники (рождество, пасха, сабантуй, ураза и др.), искусство (театр, музыка, живопись, музеи), исторические лица, события (Бородино, Мамаев курган, Салават Юлаев, Тагир Кусимов и др.). Этот минимум был уточнен путем проведения ассоциативного эксперимента: учащиеся называют по 10-20 реалий и личных имен, достойных, по их мнению, включения в минимум, затем осуществляется статистическая обработка материала и уточнение минимума.

2. Языковая картина мира (на материале русского и башкирского языков).

Усвоение второго языка предполагает усвоение новой языковой картины мира. Это понятие является ключевым и отражает познавательную функцию языка, первая ступень которой – способ номинации (называния) предметов окружающей действительности. Язык – застывший образ восприятия мира тем или иным народом. Русские говорят: «ручка двери», башкиры

– «ишек токтаһы» (то, за что держатся); «вершина горы», «подножие горы» в русском – «тау башы» (голова горы) и «тау итэге» (подол горы) в башкирском. Познать языковую картину изучаемого языка – значит проникнуться миропониманием народа – его носителя, вникнуть в его языковое сознание, понимаемое как «особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определившие его психологическое своеобразие в специфических чертах данного языка» (О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов, 1966). Описание языковой картины мира в целях постижения как родного, так и изучаемого языка – одна из насущных задач лингводидактики. Решение этой задачи важно для познания системы изучаемого языка, для формирования не только языковой, но и этнокультурологической компетенции учащихся. Что увидел тот или иной народ в названном предмете, по каким признакам он назвал его, какой образ запечатлен в слове? Сравните, например, названия цветов в русском и башкирском языках: шиповник (от шипы) – гелйемеш (цветок-плод, ягода), зверобой – һары мэтрушка, подсолнух – кенбагыш и др. Каждый язык по-разному членит мир, поэтому некоторые понятия могут отсутствовать в том или ином языке. Например, в русском языке есть слова «брат» и «сестра», но нет специальных слов для обозначения понятий «старший (младший) брат» и «старшая (младшая) сестра», тогда как в башкирском языке эти понятия есть (агай, эне, кусты, апай-һенле), но нет общих слов «брат» и «сестра».

3. Ключевые слова, образы, символы.

Языковая картина мира, национально-культурный ореол слова особенно ярко отражаются в так называемых ключевых словах-концептах, в словах-образах и символах. Ключевое слово, являясь стержнем художественного образа, выполняет в тексте функцию знака-концепта. Опираясь на ключевые слова родного языка, связанные с характером, укладом жизни народа, с географией страны, поэты и писатели создают метафоры, яркие художественные образы, которые возвращаются к народу, обогащают его языковое сознание, дают импульс развитию духовности. Выявление и описание ключевых слов, слов-концептов, символов – насущная задача лингводидактики.

Приводим несколько примеров из студенческих работ.

К ключевым словам русского языка можно отнести такие слова, как даль, дорога, степь, поле, лес, река и др., что связано с ландшафтом России. Ключевые слова языка составляют основу художественных образов. В 100 стихотворениях С. Есенина в качестве ключевых названы слова Русь, родной край, земля, родная сторона; береза, клен; цвета – белый, синий, голубой, красный, золотой. Дорога, дороженька – любимый мотив стихов С.Есенина; заря, зорюшка – гимн восхищения природой. Слово мать наполнено особым смыслом – не только родной человек, но все, что дало начало поэту: божья матерь, родина-мать (Г. Шакирова).

В творчестве М.Карима в качестве ключевых можно выделить такие общечеловеческие понятия, как жизнь, дорога, путь, тропа, время, человек, счастье; из конкретного мира его окружения: земля, птицы, цветы; из мира человеческих чувств: любовь, сердце. Эти слова свидетельствуют о жизнеутверждающей, оптимистической позиции поэта (Л. Салимова).

Своеобразной летописью жизни народа являются его песни. Анализ 100 русских и башкирских народных песен позволил выявить ключевые слова и образы песен: добрый молодец, красна девица; родной батюшка, родная матушка, миленький дружок (в русских); батыр, егет, ир-егет, ир-арыслан, девушка-красавица, любимая (в башкирских). Заря, поле, лес, река, берег, трава, сокол – излюбленные мотивы русских песен; величественные горы, просторные сепии, стремительные реки, Урал, Агидель воспевают башкиры. Ключевой образ коня представлен целым набором слов – вороной, гнедой, жеребец, кобылица, толпар, акбузат. Различается и символика песен: сокол, голубь, дуб – символы молодца; лебедь, голубушка, лебедушка, береза, калина, малина – символы девушки в русских песнях. Поблекшие цветы – ушедшая любовь, догорающая лучина – гаснущая надежда. В башкирских песнях джигит – это беркут и сокол, девушка – созревшая ягода, ива. Текущая река, ветер, подснежник-умырзая – символы быстротечной жизни; кукушка – символ одиночества, туман и камыш – символы тоски, печали (А. Хасанова).

Подобные сопоставительные исследования для выявления языковой картины мира, ключевых слов в русском и башкирском языках на материале пословиц и поговорок, песен и поэзии могли бы проводить и учащиеся.

4**. Осознание языка как феномена культуры**, как культурно-исторической среды, способствующей хранению и передаче материальной и духовной культуры общества от поколения к поколению, приводит к необходимости описания языковых единиц с точки зрения национально-культурного компонента значения. Прежде всего это относится к лексике, фразеологии и афористике. Формирование на основе этого материала этнолингвистической компетенции учащихся – важнейшая часть содержания обучения русскому и родным языкам. Кроме традиционной классификации лексики с точки зрения значения (многозначность, синонимы, антонимы и т.д.), функционирования (общеупотребительная, диалектная, специальная лексика), актуальности (устарелые слова, неологизмы), необходима классификация лексики с точки зрения ее национально-культурной специфики.

5. Лексика с национально-культурным компонентом значения.

Наличие в слове «культурного значения» отмечалось языковедами давно. Р. Ладо, Е. Нейда, Ч. Фриз, Н.Г. Комлев, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров различали в значении слова собственно лексическое значение и лексический фон, связанный с культуроносной функцией языка; З.Г. Ураксин пишет о «Нелексическом значении слова» – это все то, что в слове связано с культурой, обычаями, традицией народа. И.Е. Аверьянова по степени

культурной окрашенности выделяет лексику 1) безэквивалентную; 2) несовпадающую по понятийному значению; 3) фоновую; 4) коннотативную.

Первую группу слов можно считать на 100% национально-специфичной, т.к. это слова, называющие реалии, свойственные только данной культуре (например, скоморох, Петрушка, щи, рассольник – в русском языке; курай, кубыз, бишбармак, баурсак – в башкирском языке). Требуют особого внимания слова, не совпадающие в языках по объему значения. Так, башкирское *кесе* соответствует русским словам *младший* и *малый* (небольшой), *оло – старший, старый, большой, значительный*; слово *алыш* – словам *схватка, сражение* и *соревнование, состязание*. Русское слово *спутник* заимствовано другими языками только в специальном значении (спутник Земли), башкирское слово *юлдаш* означает *попутчик, спутник, товарищ, друг*. Как видно, полного совпадения значений нет. Поэтому эта группа слов дает большое количество интерферентных ошибок. Фоновые коннотативные слова, совпадая по своему лексическому значению, различаются фоновыми созначениями или эмоционально-экспрессивной окраской. Вокруг каждого слова, особенно ключевого, складывается целый ореол всевозможных добавочных сведений. Слово может рассказать о времени, о среде, в которой оно бытует. Понимание слова во всей широте его созначений создает предпосылки для понимания жизни, истории и культуры народа. Коннотативные созначения слов выявляются в ассоциативном эксперименте. Так, у немцев слово *желтый* вызывает образ лимона, у американцев, казахов, киргизов ассоциируется с маслом, у узбеков – с просом. Эталоном белого цвета у узбеков является хлопок, у русских – снег, у казахов и киргизов – молоко. Так, например, в реакциях на слово *белый* нетрудно заметить, как отражается русская история и культура: Белая Русь (Беларусь), белый лебедь, белый свет (фольклорные образы), белая ворона (отличающийся чем-нибудь от других), сказка про белого бычка, белый гриб, белые мухи (снег), белые ночи (на севере июньские дни), белый уголь (электроэнергия), белая армия (историческое понятие), люди в белых халатах (о врачах), Белый пароход (Ч.Айтматов), Белые одежды (В. Дудинцев).

Большой интерес вызывают у учащихся так называемые монографии об отдельных ключевых словах: вода, земля, солнце, свет-тьма, добро-зло, красота, правда, счастье, душа, сердце, друг и многие другие. Эти работы состоят обычно из четырех частей: 1. Мои ассоциации со словом (слово в моем сознании) (например, слово *луна* вызвало у студентов ассоциации: полная, ночь, звезды, месяц, полнолуние, зима, мороз, холод, волк и др.). 2. Ассоциации со словом группы людей до 20 человек (условно: слово в сознании народа). 3. Словарный портрет слова (слово во всех доступных учащимся словарях: толковых, этимологическом, фразеологическом, словообразовательном, словарях сочетаемости, синонимов, антонимов и др.). 4. Текстовый портрет слова (пословицы, афоризмы со словом, строчки из песен, сти-

хов). Подобная работа дает учащимся представление о богатстве и многогранности каждого слова, о жизни слова в культуре народа и об отражении культуры и самосознания народа в каждом слове. Отметим, что описанное является по сути прообразом сегодняшней работы с концептами.

Следующий этап разработки проблемы "Язык и культура" отражен в элективном курсе для 10-11 классов школ гуманитарного профиля "Русский язык в диалоге культур" (В.В. Воробьев, Л.Г. Саяхова, 2006).

Названное учебное пособие является основным компонентом элективного курса, в состав которого входят также "Методическое руководство для учителя" и словарь "Концепты русской культуры в межкультурной коммуникации" (Л.К. Муллагалиева, Л.Г. Саяхова).

Данный спецкурс ориентирован на формирование ключевых компетенций языковой личности: лингвистической, коммуникативной и социокультурной; на развитие общекультурных познавательных запросов личности, на воспитание интереса к филологии, мировой и национальной культурам, выраженным в языке, взаимопонимание и конструктивный диалог языков и культур.

В первой части пособия раскрываются исходные понятия: язык как феномен культуры, лингвокультурология как наука о взаимосвязи языка и культуры, языковая личность, языковая картина мира и др. Во второй-четвертой частях рассматривается национально-культурная специфика языковых единиц: слово, фразеология, текст в лингвокультурологическом аспекте; лингвокультурологические словари; проблемы межкультурной коммуникации. Так, в последней части элективного курса "Лингвокультурология и межкультурная коммуникация" (с. 219-273) представлены текстовые материалы и упражнения по темам "Языковая картина мира" (Г. Гачев), творчество С. Есенина - ключевые слова его поэзии, концепт "душа" в книге А. Вежбицкой, концепты "источник" и "родник" в русской культуре (Д.С. Лихачев, Р. Гамзатов, К. Иванов, Р. Миннулин), культурологический минимум по В.Г. Костомарову, краткие изречения из Корана, Л.Н. Толстой о доброте, А.П. Чехов о воспитанном человеке и В.А. Сухомлинский о личностных отношениях. Далее следует Завещание чувашскому народу просветителя И.Я. Яковлева, идеал человека у разных народов, роль языка в развитии человека, Россия и Русские. Образ России в 16-17в. (С.К. Милославская), тайны русской души Н.О. Лосский, М.А. Бердяев, В.М. Соловьев. Почему Пушкин наше все, чем войдет русская культура в будущее (В.Ф. Овчинников). Диалог культур: А.С.Пушкин ("Подражание Корану"), А.С. Пушкин и якутская литература, стихи Г. Тукая, С. Данилова, Р. Миннулина, история русско-якутского двуязычия, межкультурное общение, межкультурная грамотность и т.д.

Определенную роль во внедрение идеи лингвокультурологии и межкультурной коммуникации в лингводидактику сыграли работы, связанные с

лингвокультурологической концепцией обучение русскому языку нерусских учащихся с целью формирования полилингвальной языковой личности, способной общаться на родном русском и иностранном (мировом) языках в целях позитивной межкультурной коммуникации.

В контексте современных подходов к обсуждаемой проблеме приводим исходные понятия и рабочую программу разработанного нами учебно-методического комплекса "Лингвокультурология и лингвистика межкультурных коммуникаций" (2013).

Модуль I. **Исходные понятия спецкурса.**

1. Язык как феномен культуры и культурно-историческая воспитывающая среда. Кумулятивная функция (сокровищница культуры) и человекоформирующая функция языка.

2. Культура. Материальная и духовная культура. Человек как явление культуры: носитель, пользователь и творец культуры (культурно-ориентирующая и творческая деятельность человека).

3. Взаимосвязь языка и культуры (изучение языка в культуре и культуры в языке). Лингвокультурология как комплексная научная дисциплина, изучающая язык и культуру в их взаимосвязи.

4. Языковая личность. Структура языковой личности. Проблема выделения уровней языковой личности. Формирование коммуникативной и лингвокультурологической компетенции учащихся как языковых личностей.

5. Языковая картина мира: национальные образы, концепты национальной культуры; лингвокультурема, концепт как единица описания языковой картины мира.

6. Проблема культурной грамотности. Лингвокультурологический минимум.

7. Культура в обучении русскому языку. Межкультурная коммуникация.

Модуль II. **Национально-культурная специфика языковых единиц.**

1. Слово в лингвокультурологическом аспекте

1.1. Семантическая структура слова. Лексический фон как показатель связи слова с культурой. Слово как концепт культуры.

1.2. Соотношение значений слов в разных языках и способы их семантизации.

1.3. Языковая картина мира: способы номинации и внутренняя форма слова как отражение взгляда народа на мир и его концептуализации в языке. Этимология и содержание слов-концептов.

1.4. Ключевые слова как основа национально-специфических образов и символов.

1.5.Лексика исконная и заимствованная как отражение истории народа, его взаимосвязей с другими народами.

2. Фразеология и афористика в национально-культурном контексте

2.1. Языковая картина мира и семантическая классификация фразеологизмов (обычаи, обряды, характеристика человека, животный мир, растительный мир и др.). Отражение во фразеологизмах исторических фактов *(откладывать в долгий ящик* - от *долгий ящик у царских ворот; как Мамай прошел - Мамаево побоище; казанская сирота).*

2.2. Пословицы и поговорки русского народа. Отражение в них черт характера, образа жизни, обычаев и традиций народа.

Сопоставление языковой картины мира во фразеологизмах, пословицах и поговорках русского и родного языков.

2.3. Национально-культурная семантика афоризмов. Знакомство со словарями афоризмов.

3. Текст как явление культуры.

3.1. Основные признаки текста: информативность, целостность, завершенность, членимость, связность.

3.2. Объективно-содержательная, культурологическая информация в тексте (проективные тексты о явлениях русской культуры, об искусстве, театре, музыке, живописи, русских городах, природе, тексты о жизни народа в прошлом, об обычаях, обрядах и т.д.). Прецедентные тексты. Текст как отражение лингвокультурологической ситуации определенной эпохи.

3.3. Лингвокультурологический анализ художественного текста: на уровне коммуникативно-концептуальном, содержательном, языковом. Лексика: заимствованная, исконная, устаревшие слова (историзмы, архаизмы), безэквивалентная лексика (реалии русской культуры), фоновая и коннотативная лексика, слова-концепты русской культуры *(душа, судьба, тоска, удаль; колокол, Кремль, набат* и др.). Фразеология и афористика: фразеологические сочетания, пословицы, поговорки, прецедентные (всем известные, воспроизводимые) тексты и имена: фольклорные (былинные, сказочные, песенные) герои: *Илья Муромец, Добрыня Никитич, добрый молодец, красна девица, Василиса Премудрая, Баба-яга, Конек-горбунок* и др.). изобразительно-выразительные средства в художественных текстах (эпитеты, сравнения, метафоры и др.), их национальная специфика.

Модуль III. **Лингвокультурология и межкультурная коммуникация.**

1. Условия межкультурной коммуникации: владение языком и культурой родного и изучаемого языка (языковой и культурный код). Общая база знаний (универсальная, социальная, национальная).

2. Языковая картина мира и языковая личность в сопоставительном аспекте как основа межкультурной коммуникации.

3. Национальная специфика и культура русского речевого поведения в сопоставлении с другими культурами (западноевропейскими и народов России). Овладение нормами межкультурного общения.

4. Слово и текст в межкультурной коммуникации. Прецедентные имена и тексты в межкультурной коммуникации.

В результате освоения дисциплины студент должен

Знать: содержание исходных понятий курса: Человек (языковая личность). Язык. Культура. Понятийный аппарат науки лингвокультурологии: языковая картина мира, концептосфера, концепт, национально-культурный компонент значения языковых единиц (слово, фразеологизм, текст, дискурс), межкультурная коммуникация, когнитивная лингвистика, концепт как единица коммуникации (на основе курса «Лингвокультурология» и данного спецкурса).

Уметь: видеть моменты сходства, а также вычленять и осмысливать национально-культурный компонент значения языковых единиц в лексике, во фразеологии, в тексте.

Владеть: навыками эффективного речевого общения и поведения, коммуникативной компетенцией, обусловленной общекультурными факторами и культурной традицией народов. Владеть родным и русским речевым этикетом, осознавая общность и различия с другими языками и культурами. Владеть навыками вдумчивого выразительного чтения, осознанием образной системы русской, родной и мировой художественной литературы и фольклора.

Литература

1. Язык и культура: Учебное пособие по спецкурсу/ под ред. Л.Г. Саяховой - Уфа: БГУ, 1995 - 162с.
2. Саяхова Л.Г. Овладеваем орфографией - обогащаем словарь: новые подходы к обучению орфографии: Учебное пособие. - Уфа, 1996 - 77с.
3. Методика преподования русского языка в 5-9 классах башкирской школы. - Уфа: "Китап", 1996 - 357с. (Р.В.Альмухаметов, К.З.Закирьянов, Л.Г. Саяхова).
4. Языковая личность: Лингвокультурология. Лингводидактика. Лексикография: Коллективная монография/ Под ред. В.В.Воробьева и Л.Г.Саяховой. - Уфа: РИО БашГУ, 2002 - 249с.
5. Саяхова Л.Г. Методика преподавания русского языка. Лингвокультурология, Лексикография: Сборник избранных статей - Уфа: РИО БашГУ, 2006 - 336с.
6. Саяхова Л.Г. Лингвокультурологическая концепция обучения русскому языку и учебники нового поколения: Методическое руководство для учителей русского языка (5-11 классы) - Уфа: "Китап", 2006 - 224с.
7. Русский язык в диалоге культур: Учебное пособие. Элективный курс для 10-11 классов школ гуманитарного профиля - М.:"Ладомир", 2006 - 198с. (Л.К. Муллагалиева, Л.Г.Саяхова).
8. Русский язык в диалоге культур: Методическое руководство для учителя/Элективный курс для 10-11 кл.школ гуманитарного профиля - М.:"Ладомир", 2006 - 286с. (В.В.Воробьев, Л.Г.Саяхова).
9. Русский язык в диалоге культур (уроки русского языка как родного и как языка межкультурного общения в 5-11 классах общеобразовательных учреждений). Пособие для учителя - Уфа: "Китап", 2007 - 208с. (Л.К.Муллагалиева, Л.Г.Саяхова).

10. Культура тюркских народов на уроках русского языка/ Автор-составитель Л.Г.Саяхова - СПб.: филиал изд-ва "Просвещение". 2008 - 163с.
11. Саяхова Л.Г. Компетентностный подход к изучению русского языка в учебниках для 10-11 классов школ гуманитарного профиля с обучением на тюркских языках: Пособие для учителя - СПб.: филиал изд-ва "Просвещение", 2008 - 224с.
12. Условия успешной коммуникации: Учебное пособие по элективному курсу для 9-10 классов/ Н.Ш.Галлямова, Л.Г.Саяхова. - Уфа, 2010 - 180с.
13. Саяхова Л.Г. Методология и методическая система формирования лингвокультурологической компетенции тюркоязычных учащихся на уроках русского языка: Монография. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2010 - 294с.
14. Человек. Язык. Культура: Тезисы докладов научно-теоретической конференции/ Издание Башкирского университета. - Уфа, 1996 - 196с. (Отв.редакторы: проф.М.В.Зайнуллин, проф.Л.Г.Саяхова, доц.Г.Г.Хасанова).
15. Межкультурная коммуникация: к проблеме формирования толерантной языковой личности в системе вузовского и школьного лингвистического образования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 1-3 ноября 2001г. - Уфа, 2001г. Часть 1 - 192с., часть 2 - 194с. (Отв.ред.проф.Л.Г.Саяхова).
16. Роль классических университетов в формировании инновационной среды регионов: Материалы Международной научно-практической конференции/ Формирование коммуникативной и лингвокультурологической компетенций тюркоязычных учащихся и студентов в диалоге русской и родных культур: Материалы семинара 2-5 декабря 2009г. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2009 - 299с. (Отв.ред.проф.Л.Г.Саяхова).
17. Языковая личность: Лингвистика. Лингвокультурология. Лингводидактика: Материалы Всероссийской научно-методической конференции с международным участием «Лингвистические и лингвокультурологические основы формирования языковой личности в условиях многоязычия» / Отв.ред.проф.Л.Г.Саяхова - Уфа: РИЦ БашГУ, 2011 - 548с.
18. Тематический словарь слов и словосочетаний русского языка (с элементами толкования) Около 25000 заголовочных слов и словосочетаний/ Авт.-сост. Л.Г.Саяхова, Д.М.Хасанова. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2009 - 536с. Алфавитный словник - 188с.
19. Русское слово -- русский мир: Лингвокультурологический словарь-минимум/ Под ред.Л.Г.Саяховой (соавт. Л.К.Муллагалиева, Д.М.Хасанова). - Уфа: РИЦ БашГУ, 2010 - 202с.

Лингвокультурологические словари, выполненные под руководством Л.Г.Саяховой:

1. Самситова Л.Х. Реалии башкирской культуры. - Уфа: "Китап", 1999, 2006.
2. Салимова Л.М. Энциклопедия русской жизни. Лингвокультурологический комментарий к роману А.С.Пушкина "Евгений Онегин". - Уфа, 1999.
3. Муллагалиева Л.К. Реалии русской культуры. Уфа, 2001.
4. Кобякова Т.И. Концепты духовности в русской языковой картине мира. - Уфа, 2004.
5. Кузьмина Г.Ш. "И образ мира, в слове явленный...". Лингвокультурологический словарь-комментарий к произведениям С.Т.Аксакова. - Уфа. 2004.
6. Давлетбаева Р.Г. Лингвокультурологический словарь для школьников. Диалог языков и культур/Под ред. д.п.н, проф. Л.Г.Саяховой. - Уфа: "Китап", 2003 - 160с.
7. Шуралев А.М. Ассоциативно-концептуальный словарь культурного кода русской литературы 19в.: Учебное пособие. - Уфа, 2004.

8. Карпова Н.С. Реалии чувашской культуры. Лингвокультурологический словарь/ Под ред. д.п.н, проф.Л.Г.Саяховой. - Стерлитамак, Стерлитамакская гос.пед.академия, 2007.
9. Хамитова Э.Р. Концептуальная метафора "природа-человек" в русской поэтической картине мира. Словарь метафор/ Под ред. д.п.н, проф. Л.Г.Саяховой. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2008.
10. Мигранова Л.Ш. "Полнота страдания и пустота счастья". Лингвокультурологический словарь-комментарий к роману "Анна Каренина" Л.Н.Толстого/ Под ред. д.п.н, проф. Л.Г.Саяховой. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2009.

© Саяхова Л.Г., 2013

Седова Н.А.
г. Омск, Россия

Репрезентация партитивных отношений в рекламных текстах: семантико-синтаксический аспект

Партитивные отношения (отношения по типу «часть–целое») являются фундаментальными, так как универсальны для всех форм бытия и актуальны не только для материального, но и для духовного мира. Они отражают знания человека об окружающем мире, организованные по типу «часть–целое» и полученные при реализации аналитической и классифицирующей функций мышления. Результаты мыслительной деятельности человека затем объективируются в различных культурных феноменах, в ряду которых именно язык занимает важнейшее место, так как «языковые данные обеспечивают наиболее очевидный и естественный доступ к когнитивным процессам и когнитивным механизмам» [1, 41].

Объектом нашего исследования являются рекламные тексты, репрезентирующие партитивные отношения. Очевидными признаками таких текстов будет присутствие в их составе языковых единиц разных уровней, в значении которых непосредственно или опосредовано присутствуют семантические признаки отношения «часть–целое», которые могут содержаться либо в ядерной зоне лексического значения, являясь узуальными и регулярными, либо в его периферии, являясь окказиональными и нерегулярными и актуализируясь не во всех контекстах употребления языковой единицы. Предмет исследования – семантико-синтаксическая организация рекламных текстов, объективирующих отношения по типу «часть–целое».

Рекламные тексты, репрезентирующие партитивные отношения, сопоставимы благодаря тому, что содержат типовые семантические образы отображаемых в них объективных (прототипических) ситуаций («положений дел») – пропозиции. Интерпретация прототипической ситуации «часть–целое» позволяет определить состав её участников и установить набор ком-

понентов семантико-синтаксической конструкции. Состав участников прототипической ситуации обусловлен онтологической природой категории часть–целое, которая имеет двуединую сущность и компоненты которой определяются посредством друг друга: «часть – это элемент некоторого целого; целое – то, что состоит из частей» [2, 343], однако часть и целое вступают в различные отношения друг с другом, поэтому пропозиция как образ типичной партитивной ситуации имеет трёхчленную структуру: *P – O – W*, где *P* – образ части объекта, *W* – образ объекта как целого, *O* – оператор, показывающий характер отношений между частью и целым. Пропозиция воплощается в текстах с разной семантико-синтаксической структурой. Анализ многообразных рекламных текстов, несущих информацию о части и целом, позволяет выделить следующие основные схемы их семантико-синтаксической организации.

1. *В составе W имеется P.*

В рекламных текстах, организованных по данной схеме, акцент делается на часть, ценность и уникальность которой становятся качественными характеристиками всего рекламируемого продукта: *<…> Bio-Vit – кисломолочный продукт с приятным вкусом, содержащий бифидокультуры, улучшающие пищеварение и обмен веществ <…>* (кисломолочный продукт компании «Вимм-Билль-Данн»); *<…> В формулу нового тонизирующего лосьона для тела из серии Avon Body входят растительные ингредиенты и экстракты морских водорослей, благодаря чему кожа становится упругой, гладкой и шелковистой <…> Благодаря содержанию светоотражающих частиц кожа после применения лосьона выглядит здоровой и сияющей* (косметическое средство марки «Avon»); *Уникальное мыло с линиями природных экстрактов* (мыло «Чистая линия»); *В каждом есть немного кетчупа «Кальве»* (кетчуп «Calve»).

2. В составе *W* отсутствует *P*.

В рекламных текстах, реализующих данную схему, акцент также делается на часть, которая признаётся ненужной и бесполезной, так как может принести вред и доставить неудобства. Отсутствие такой части в составе рекламируемого продукта есть признак его высокого качества и уникальности: *<…> Компания «Компур» изготавливает только настоящие колбасы без вредных химических добавок. Накормите себя и близких <…>* (мясоперерабатывающий концерн «Компур»); *Знаете, сколько денег нужно на самом деле потратить, чтобы уехать из автосалона на новеньком автомобиле? Нисколько. Начните с нуля! Ведь это намного удобней. Банк «УралСиб» представляет: Автокредит без первого взноса* (Банк «УралСиб»); *Красивые живые волосы без перхоти и без компромиссов* (шампунь «Dove»); *Pall Mall. Хит мягкого вкуса. Отсеки лишнее* (сигареты «Pall Mall»).

3. P_1 противопоставляется P_2 в составе *W*.

Противопоставление разных частей в составе одного целого позволяет сконцентрировать внимание на лучшей его части: *Немецкая техника для дома. Miele. Всё остальное – компромисс* (немецкая техника для дома марки «Miele» противопоставляется бытовой технике других марок в контексте всех известных марок бытовой техники); *Сколько мяса должно быть в настоящей колбасе? Половина? Треть? В колбасе должна быть львиная доля мяса* (мясоперерабатывающий концерн «Компур»); *Киндер шоколад. Больше молока, меньше какао!* (шоколад марки «Киндер»).

4. *W* является законченным и совершенным без *P*.

На первый взгляд, данная схема позволяет рассматривать целое как наиболее значимый компонент в отношениях «часть–целое», однако этот элемент схемы не эксплицирован, он является нулевым. Хотя представление о части вербализуется отрицательными местоимениями, целое проецируется с позиции части: *Нечего добавить* (пиво «Holsten»); *Ничего лишнего* (пиво «Holsten»); *Ничего лишнего. Только воздух* (кондиционеры «Hitachi»); *... и ничего лишнего* (цифровая фотокамера «Canon Digital IXUS 400»).

5. *W* является незаконченным и несовершенным без *P*.

В рекламных текстах, реализующих данную схему, акцент делается на часть, к которой необходимо добавить целое (*Prology. Просто добавь автомобиль* (аудиосистемы для автомобиля «Prology»)) или которую нужно добавить к целому (*Добавьте немного волшебства* (средство для уборки «Mr.Proper»); *Магги – добавь изюминку* (приправа «Магги»); *Mars. Добавь удовольствия* (шоколадный батончик «Марс»); *Ночь твоя – добавь огня!* (сигареты «Pall Mall»)). И в первом, и во втором случае без части целое является незаконченным и несовершенным, хотя представление о целом не эксплицировано.

6. $P_{1, 2, 3...}$ соединяются в *W*, *W* существует как единое и неделимое.

Данная схема объективирует представление и о части, и о целом, однако проекция на целое строится с позиции части: *Все части целого собираются здесь!* («Леруа Мерлен»); *Всё складывается* (телекоммуникационный оператор «Provider Review»); *С нами всё складывается* (рекламное агентство «Вавилон», Омск); *Найди свою пару! Скидка 30% на обувь женской коллекции RALF RINGER* (обувь «Ralf Ringer»).

В наполнении данных схем участвуют лексические и грамматические языковые средства. Представления о части в составе целого вербализируются как типичными для отношения «часть-целое» лексемами, в значении которых содержится семантический признак ‘часть’ (*добавка, доля, ингредиент, половина, треть, частица* и т. п.), так и совершенно нетипичными лексемами, в значении которых семантический признак ‘часть’ актуализируется лишь в конкретном высказывании (*бифидокультуры, какао, компромиссы, молоко, мясо, немного кетчупа, первый взнос, перхоть, экстракт морских водорослей* и т. п.). В качестве

наименований целого может выступать практически любая лексема, её выбор обусловлен тематикой и референтной областью рекламного текста (*автокредит, волосы, «Киндер» шоколад, каждый, колбаса, лосьон, мыло, пара, «Кальве», продукт* и т. п.). Оператор вербализуется глагольными лексемами с партитивной семантикой *входить, добавить, собираться, складываться, содержать;* предложно-падежными конструкциями (с предлогами *с, без, в*).

Подводя итоги, необходимо обратить внимание на следующие моменты.

Пропозитивная партитивная структура актуальна для концептосферы рекламного дискурса и востребована в нём. Она является универсальной, поскольку не имеет референтной специализации. В рекламной модели мира любой предмет, соотносящийся с любой референтной областью, может быть интерпретирован как целое, состоящее из самых разнообразных и неожиданных частей. Это позволяет создавать рекламные тексты, которые характеризуются оригинальностью, вызывают интерес у потребителей, привлекают их внимание и, следовательно, хорошо запоминаются.

Корпус рекламных текстов, репрезентирующих партитивные отношения, характеризуется разнообразием способов (схем) семантико-синтаксической организации. Семантико-синтаксическая структура рассмотренных рекламных текстов является трёхчленной (часть – оператор – целое). Однако в рекламных текстах, организованных по всем описанным выше схемам, имеет место доминирование части над целым. Часть предстаёт коммуникативно более значимым компонентом, чем целое. В схемах 4 (*W* является законченным и совершенным без *P*) и 5 (частично) (*W* является незаконченным и несовершенным без *P*) представление о целом не эксплицировано и соответственно не вербализовано.

При осуществлении рекламной коммуникации рекламные тексты, репрезентирующие образ части, используются для создания *уникального торгового предложения*, которое считается эффективной стратегией рекламирования. В основу уникального торгового предложения может быть положена любая характеристика товара: форма, цвет, эргономичность, технология, сроки, величина скидки и т. п. В нашем случае такой характеристикой является состав продукта, а именно, какая-либо его часть, которая или содержится в нём, или отсутствует. Указание на наличие уникальной части либо отсутствие ненужной и бесполезной части в составе целого акцентирует внимание потребителя на уникальности и неповторимости рекламируемого продукта, его преимуществах перед товарами-конкурентами и отличии от других аналогичных марок. Многообразие семантико-синтаксических способов организации рекламных тексов, репрезентирующих отношения по типу «часть–целое», позволяет разнообразить тактики позиционирования товара.

Литература
1. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. – №4. – С. 34–47.
2. Новая философская энциклопедия. В 4-х тт. / Под. ред. В.С. Стёпина. – Т. 4. – М.: Мысль, 2001. – 605 с.

© Седова Н.А., 2013

Сейлхан А.К.
г.Усть-Каменогорск, Казахстан

О лингвокультурном концепте «красота» в мировидении казахов

Термин «концепт» в последнее время закрепился в науке о культуре, в культурологии и является главным термином лингвокультурологий. «Концепт - это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт - это то, посредством чего человек - рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» - сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [1, 11].

В сознаний человека концепт выполняет универсальную функцию. С точки зрения В.Н. Телии, «абстрактные признаки предмета составляют концепт». Она особо отмечает, что «концепт – одна из категорий, формирующих типовой образ и «прототип» картины мира». Многие ученые сделали теоретический вывод и пришли к единому мнению, что концепт является одним из элементов культуры. Ученые России Н. Вежбицкая и Ю. Михайлова считают, что в лингвистике понятие концепт представляет собой «явление культуры в ментальном мире человека». А также ученый-лингвокультуролог – В. Маслова считает, что исследование концепта необходимо проводить в аспекте культурологии, в семантическом аспекте (семантика языкового знака является одним из средств формирования содержания концепта), а также в жизненно важном аспекте человека – его опыта и знания, накопленных на основе народной практики [2, 42].

В современной лингвистике концепт имеет три важнейших измерения: лингвистическое, когнитивное, культурологическое. На сегодняшний день большое внимание уделяется концептуальным исследованиям, что связано с уже доказанным положением о том, что в сознании человека как носителя определенной национальной культуры и языка хранится и перерабатывается информация, получаемая в процессе жизненного опыта, и как результат, формируется специфическое видение мира. В связи с этим в кратком словаре когнитивных терминов «концепт» определяется как «опе-

ративная содержательная единица памяти, ментального фонда слов, всей картины мира, отраженной в человеческом сознании» [3, 90].

Концепт в лингвистике — содержание понятия, смысловое значение имени (знака). Отличается от самого знака и от его предметного значения (денотата, объёма понятия). Отождествляется с понятием и сигнификатом. Такие особенности лингвокультурного концепта мы понимаем через языковые категории, ментальное образование.

У каждого человека мировоззрение формируется из опыта восприятия через наблюдения и тесное взаимоотношение с природой, что составляет основную систему бытия концепта. На протяжении всей истории человечества о красоте и прекрасном писали мыслители разных научных школ и направлений. Это неслучайно, поскольку данный концепт относится к числу важнейших ценностных ориентиров и оказывает влияние на человеческую деятельность, определяет отношение человека к другим людям и окружающему миру. В научной литературе вопрос эстетических оценок и некоторые аспекты концепта «красота» казахского мировоззрения рассматривались в трудах ученых Ш. Уалиханова, А. Кайдара, Ж. Манкеевой, У. Жанибекова, Е. Жанпеисова, Ш. Алибекова.

Благодаря чему можно увидеть природные и этнические особенности концепта красоты человека и народа? Эстетик А.Ф. Лосев отмечает, что «красота — абсолютное и первичное начало природы. Это есть идеальная модель эстетически совершенного. Красота является ареной встречи определенных конструкций сознания и всеобщих законов природы, благодаря чему мы можем говорить о единой, гармонической природе прекрасного» [4, 279-283]. А ученый И. Кант рассуждает, что «красота - результат определенного восприятия субъектом явлений действительности, «суждений вкуса», «вчувствования», «проецирования духовного богатства на действительность» [5, 110].

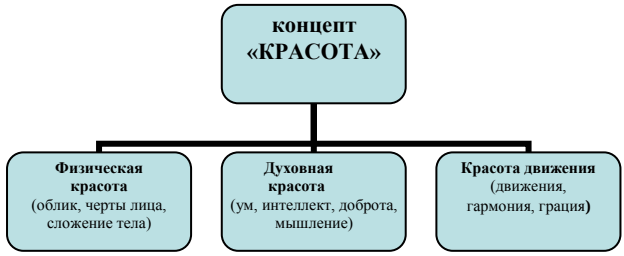
На сегодняшний день концепт красоты подвергался научному изучению в области эстетики, лингвистики и литературоведения. Эстетические категории в большей мере способны дать богатую информацию о национальных стереотипах, об эталонах, существующих в народном сознании.

Через дар слов можно передать истинное и прекрасное понятие красоты. В связи с этим мы представляем себе красоту мира, получаем духовную пищу, особые ценности культуры. Художественное мировосприятие красоты казахским народом представляется через волшебство слова.

Ученый-лингвист Н.Уали в своем труде указывает на национальную специфику концептов [6, 42].

Среди различных объектов эстетической оценки внешность женщины является самым сложным и интересным объектом. Женская красота в обыденной жизни особенно актуальна. Каноны женской красоты периодически меняются и не совпадают у разных наций и народов. В казахской

лингвистике категории красоты рассматривается как базовый этнокультурный концепт. Например, в казахском понятии концепт красоты можно рассматривать в нескольких группах.

Неудивительно, что слов, характеризующих лица женского пола, больше аналогичных лексем со значением лиц мужского пола. Помимо существительных и прилагательных, в русском языке в поле эстетической оценки втягиваются глаголы: поразить, привлекать, очаровать и др., подчеркивающие силу красоты, способной воздействовать на человека и покорить его.

В казахском понимании концептуальной единицей красоты человека является «чистота», «честность», «прекрасность». Например, концептуальные единицы физической красоты дополняют следующие словосочетания: «ай мен күндей», «ішкен асы тамағынан көрінген», «хаса сұлу», «толған айдай толықсып», «нұр сәулеті бетінде», и др.

Нет поэтов, которые не воспевали бы красоту человека. Один из них *Великий Абай*, который уделял особое внимание красоте и передал ее следующим образом:

Көрік – Тәңірі дәулеті,
Қылса нар құрметі.
Сұлуды сүймектік,
Пайғамбар сүндеті…

Красоту казахских девушек польский путешественник Б. Залесский в своем дневнике описал так: «В юности казахские женщины не лишены очарования: взгляд темных глаз полон огня, волосы черны, как вороново крыло, и заплетены в бесчисленные тонкие косички, зубы белые, как жемчуг, лицо полно свежести и здоровья. Живость и непринужденность в походке и во всех движениях делают ее приятной, несмотря на выдающиеся скулы и узкие раскошенные глаза. До замужества они носят длинные просторные рубашки с очень широкими рукавами, надевают сверху нечто вроде куртки. Они любят всякие украшения, носят вокруг шеи ожерелья из маленьких золотых и серебряных монет, вплетают их также в свои волосы или используют в виде височных подвесок. Часто они носят широкие браслеты характер-

ного вида [7, 65]. Эти описания отражаются в следующих высказываниях казахской поэзии:

Физическая красота	***В эпосах:*** *Ақ бетінде кіршік жоқ, айдын көлдің қуындай...* *Ақ бетінің қызылы ақ тауықтың қанындай....* *Туған айдай иілген, екі қастың арасы...* (Қыз Жібек) *Қасы сары жаздай керілген,* *Кірпігі оқтай тігілген ...* (Ер Тарғын) *Алтынды шыны кеседей, екі көздің шарасы.* *ақ тістері ақ меруерттей,* *Білегінің шырайы айбалтаның сабындай* *Кеудесінде қос анар,* *Нар бураның санындай* (Қыз Жібек)
	В поэзии жырауов: Алғаным Әли ағаның қызы еді, Қас арудың өзі еді. *Маңдайы күнге тимеген,* *Желге шашын үрмеген.* *Серпіліп адам бетін көрмеген...* (Доспамбет жырау) Он бірінші тілек тілеңіз, *Он бармағы қыналы,* *Омырауы жұпарлы,* *Иісі жұпар аңқыған,* *Даусы құдай саңқыған ...* (Бұхар жырау) *Алғаным ару болмаса,* Алдыма алып сүймен - ді... (Шалкиіз ақын)
	В лирике Абая: Қақтаған ақ күмістей кең маңдайлы, Аласы аз қара көзі нұр жайнайды. Жіңішке қара қасы сызып қойған, Бір жаңа ұқсатамын туған айды. Маңдайдан тура түскен қырлы мұрын, Ақша жүз, алқызыл бет тіл байлайды. Аузын ашса көрінер кірсіз тісі, Сықылды қолмен тізген, іш қайнайды...

Духовную красоту и характер женщины раскрывают такие концепты, как «умные мысли», «порядочность», «величие ума». Основа концепта духовной красоты тесно связана с категорией ума. Ум – ценное качество, стержень силы и духа, свойственных человеку, а также показатель характера целого этноса и национальной личности. Мысли о человеческом уме ясно выражаются в казахских пословицах, например, «Ақыл – адам көрігі», «Алтын алма, ақыл ал», «Әдемілік – ақылдыны сынды қылады».

Человеческий ум и дар передаются из поколения в поколение. Ум - свойственное духовной красоте чувствуется только сердцем. Категория «ума» нашла отражение в следующих произведениях:

Духовная красота	***В эпосах:*** Қыз Жібекті Төлеген, *Ақылменен танып тұр,* *Көз мейірі қанып тұр* ....(Қыз Жібек) -Кім бар? деп бұл күймеде дауыстады, *Ақылын ашуланып тауыспады.* Төлеген үш қайтарса шақырса да, *Қыз Жібек сөйлесуге намыстанды...* ....(Қыз Жібек)
	В поэзии жырауов: Ашу дұшпан болғанда, нәпсі –жауың, *Ақыл – тұрған алдында асқар тауың*...(Шал ақын) *Жақсы әйел үй тұрағы,* *Жатты жақын еткізер*... (Көбей би) *Мінезді болса алғаның,* Одан артық жан бар ма ... (Доспамбет)
	В лирике Абая: Ерекше естен кетпес қызық қайда, Жолығатын қыз қайда терең сайда? *Сұлулығын қояйын, мінезі артық,* *Ақылды, асыл жүрек сөзі майда ...* *Ақылды қара қылды қырыққа бөлмек,* *Әр нәрсеге өзіндей баға бермек...* *Ары бар, ақылы бар, ұяты бар* *Ата-ананың қызынан ғапыл қалма...*

В традиционной культуре при описании красивой внешности, как правило, в качестве первого и часто главного параметра выступают не гармоничность и правильность черт лица, стройность фигуры, а цвет волос, глаз, иногда дополнительно – цвет лица например, «ақша бет», «алқызыл жүз», «қолаң шаш», «қарақаттай көз», «қара көз», и тд.

Естественная красота казахских девушек отражается в национальном менталитете, стереотипе поведения и языке. Большое значение придается красоте женщины, и такие характеристики, как грациозность, избирательность, аристократичность, гордость (гордая осанка), выражаются в красоте движения. В эстетике это явление рассматривают как категорию «грация». Грация (лат. «gratia» – прелесть, изящество) – разновидность прекрасной красоты, отражается в движении. Грациозное обозначает красоту движения или движение красоты. В искусстве понятие грация может быть приложим к танцорам, к движению звуков в музыке, к движению мысли и художественных образов в поэзии и т.д. [4, 109]. Данную мысль доказывают следующие языковые факты:

Красота движения	***В эпосах:*** *Сылдырап Жібек жөнелді,* *Іңірде шайтан көшкендей...* Сонда сұлу қыз Құртқа, Сүмбіледей жылтылдап, Мақпал төсек мамықтан *Буыны түсіп былқылдап ...* (Қобыланды) Гүлбаршын сұлу айдай боп, Қысыр емген тайдай боп, *Неше түрлі қылықпен,* *Құйып отыр шайды енді* ...(Алпамыс)
	В поэзии жырауов: Туған айдай нұрланып, *Зерлі орындық үстінде,* *Ақ шымылдық ішінде,* *Тұлымшағын төгілтіп,* Ару сүйдім өкінбен... (Доспамбет) Екінші әйел – қыналы бармақ дейтін, *Аз нәрсені көптей қылады,* *Көп нәрсені көлдей қылады,* *Киіміне кір жұқпайды,* *Асына қылшық тұрмайды ...* (Шал ақын)
	В лирике Абая: Қыз-келіншек үй тігер, *Бұрала басып былқылдап,* *Ақ білегін сыбанып,* *Әзілдесіп сыңқылдап...* Білектей арқасында өрген бұрым, *Шолпысы сылдыр қағып жүрсе ақырын...*

Из приведенных выше доказательств видно, что концепт отражает фрагмент национальной картины мира, а именно концепт «красоты», вокруг которого сконцентрированы мудрость, быт, профессиональные навыки, которые определяют природные данные казахского народа. В своем мировидении, связанном с природной красотой, казахский народ чувствовал красоту сердцем. Он сформировал это видение прекрасного в соответствии только со спецификой национальной культуры и национального сознания.

Литература

1. Степанов Ю.С. Концепт. М, 2006,
2. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. - Мн: ТетраСистемс, 2004.
3. Краткий словарь когнитивных терминов. - Москва, 1997.
4. Лосев М. Эстетика возрождения. - М.: Мысль, 1978.- 623 с.
5. Эстетика: Учеб.пособие для вузов/ научный редактор А. Радугин. - М: Центр, 1998. - 240 с.
6. Уәли Н. Қазақ сөз мәдениетінің теориялық негіздері. ФҒДД автореф.-- Алматы, 2007.
7. Залеский Б. Жизнь казахских степей. - Алматы: Онер, 1991. - 132 с.

8. Абай. Сборник стихов. Том I. - Алматы, 1986.
9. Аксауыт. Героические поэмы. - Алматы: Жазушы, 1977. - 365 с.
© Сейлхан А.К., 2013

Сергеева Л.А.
г. Уфа, Россия

Билингвизм в свете теории языковой личности

Введение в научный оборот понятия «языковая личность» оказалось плодотворным для решения многих проблем, поскольку оно стало своеобразной точкой отсчета и вместе с тем точкой фокусирования многих исследовательских интересов. Согласно этой концепции исследование языковой личности связано с выявлением иерархии смыслов и ценностей в ее картине мира, в ее тезаурусе, с изучением мотивов и целей, движущих ее поведением, а также управляющих ее текстопроизводством [6]. В лингвокультурологическом ракурсе языковую личность обычно рассматривают как национально-культурный прототип носителя какого-либо языка, составляемый на основе его мировоззренческих установок, системы ценностей и мотивации поведения, отраженных в языке и коммуникации [2; 6 и др.]. Для педагогов главной задачей изучения языковой личности стала проблема путей и способов развития языковой личности, выявление лингвистических основ развития мыслительной деятельности детей и повышения уровня их культуры. Особые задачи ставятся при обучении инофонов, поскольку в данном случае речь идет не о развитии, а формировании языковой личности билингва.

В своей статье мы остановимся лишь на одном аспекте данной проблемы, а именно на особенностях формирования языковой личности инофона. Наш многолетний опыт преподавания болгарского и чешского языков на филологическом факультете Башкирского государственного университета, многие студенты которого являются билингвами (владеют родными – башкирским или татарским – языками, а также государственным русским языком) позволил сделать некоторые замечания в этом плане.

Вначале кратко остановимся на сути теории. В концепции Ю.Н. Караулова языковая личность эксплицируется на основе анализа используемых человеком языковых средств, служащих для отражения видения им окружающей действительности и для достижения каких-либо практических целей. Эта экспликация представляет собой комплексный способ описания языковой способности индивида, поскольку включает исследование владения индивидом системой языка и функциональный анализ созданных им текстов. По сути это «спектральное» описание homo loquens, поскольку в структуре языковой личности выделяются три уровня: нулевой, или струк-

турно-системный, первый, или тезаурусный, и второй – мотивационно-прагматический [6, 53].

Нулевой, или структурно-системный, уровень отражает степень владения обыденным языком и включает, с одной стороны, Лексикон личности, а с другой – Грамматикон, т.е. систему находящихся в ее распоряжении грамматических средств языка (в том числе и словообразовательных). Наличием данного уровня обусловливается грамматически правильное владение лексическими единицами (в том числе и в аспекте их сочетаемости). Исследователи отмечают, что этот уровень существует как данность и личность не в состоянии внести в него свои корректировки. В силу этого на этом уровне языковой личности еще нет, а есть только говорящий (поэтому данный уровень получает у автора концепции трактовку нулевого). Более того, в лингвистике существует мнение, что носитель языка оперирует единицами языка бессознательно, а потому объяснение причин использования той или иной единицы представляет для него значительную трудность [4, 18]. Это утверждение вызывает сомнение по следующим причинам.

Во-первых, общепризнанным является факт наличия в языке вариантности единиц, и эти варианты, безусловно, неравнозначны. Человек оказывается в ситуации выбора, которая сама по себе уже не предполагает механического употребления той или иной формы. Ср.: *примитивность* и *примитивизм* (схожие формы, но разные значения), *промахнуться* (глагол не требует экспликации цели, в которую следует попасть и которая обязательно подразумевается) и *не попасть мячом по воротам* (значения схожие, но синтаксическая валентность различна).

Количество вариантов при выборе увеличивается, если человек начинает изучать родственный родному, но *другой* язык. Этот язык может иметь те же форманты, но их семантическая и функциональная значимость в его системе принципиально иная, поэтому при их механическом, «бессознательном» заучивании ошибки неизбежны.

Во-вторых, не все люди используют свои знания языка одинаково: дети, художники слова, ученые склонны к индивидуальному словотворчеству и к совершению намеренных «ошибок», они пытаются внести в язык свои «корректировки», причем даже дети делают это вполне осмысленно. Мой знакомый маленький мальчик долго и отнюдь не бессознательно подбирал нужное слово для понравившихся ему новых сапожек. Слово «сапожки» показалось ему неадекватным для их обозначения, поскольку в его сознании уже присутствовало представление об уничижительном характере суффикса. В результате выбор слова шел следующим образом: «*Какие сапожки!.. Нет, сапожишки!.. Нет! А-а-а… вот – сапогушки!*»

Наконец, в-третьих, правильная сочетаемость лексем (в том числе и формально-грамматическая) объясняется не только знанием грамматики. В известной степени она зависит от личностной интерпретации концептуаль-

ного содержания лексических единиц. Так, если человек понимает судьбу как жизненный путь, он употребляет грамматические конструкции типа *судьба человека*, *изменить что-либо в судьбе* и т.п., т.е. он видит в судьбе объект. Для человека, признающего наличие судьбы как высшей силы, предопределяющей все, что происходит в жизни человека независимо от его воли, подобные конструкции неприемлемы. Для него характерны конструкции с данной лексемой в субъектной позиции, в которых концепт-мифема *судьба* предстает как активная сила: *судьба била и бьет, судьба терзает, судьба играет с человеком* и т.п., которые, в свою очередь, невозможны для людей первой категории.

Таким образом, нельзя правильно сочетать слова даже с формально-синтаксической точки зрения, если не иметь доступа к знаниям тезаурусного уровня языковой личности. Связь между этими уровнями и взаимовлияние их единиц неоднократно отмечали философы. Так, известный грузинский философ М. Мамардашвили отмечал сложность отрыва от языковой почвы при построении научных абстракций. Он объяснял это тем, что «…мы живем, погруженные в слова… < и > когда философское высказывание проникает в обыденный язык, оно понимается по правилам этого обыденного языка, который под термины и утверждения подставляет некоторые наглядные картинки…» [7, 6]. Все вышеизложенное свидетельствует о том, что так называемый «нулевой» (собственно языковой) уровень вовсе не является чем-то внешним по отношению к языковой личности: как Лексикон, так и Грамматикон имеют глубокие корни в Тезаурусе.

Если человек оперирует единицами языка (формальными или семантическими) чисто механически, он допускает системные [3] ошибки. Так, незнанием фонетических норм, в частности чередований, обусловлены фонетические ошибки. Например, в чешском языке происходит нетипичное для русского языка чередование гласных *ů/o*, вследствие чего русские инофоны путают слово *stůl* ‘стол’ со столом.

Лексические системные ошибки имеют интерферентную природу. Человек, говорящий на славянском языке, особенно невнимателен к фактам несоответствия значений одинаково звучащих в славянских языках слов, поскольку слово ему кажется вполне привычным и знакомым. Это свойственно и профессиональным переводчикам. Так, в русском переводе книги Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» есть эпизод, когда едущий в поезде герой, у которого болит зуб, начинает смотреть на болтающего попутчика *«как на своего неприятеля»*. В чешском языке слово *nepřitel* может называть враждебно настроенного по отношению к кому-л. человека, а в русском – нет. Переводчик машинально не стал переводить слово и допустил ошибку. Аналогично, студенты часто переводят прилагательное *čerstvý* как 'черствый', хотя в чешском языке оно имеет значение 'свежий' (по отношению к продуктам).

«Зоной» особых сложностей для инофонов является приставочное словообразование глаголов, где допускается масса словообразовательных ошибок. Так, русский студент правильно перевел начало болгарской фразы «Мать с восхищением смотрела на сына, который был…» Далее шло слово *избит*, и именно так и перевел юноша, в то время как смысл нужно было передать русской приставкой *с-: сбитый* («возмужавший»). Ошибки могут объясняться также незнанием функциональных особенностей коррелятов в разных славянских языках. Так, русские не могут решиться называть болгарок *Любка, Ленка* и т.п., хотя это соответствует этикетной норме болгарского языка.

Следующий (первый) уровень языковой личности в концепции Ю.Н. Караулова представлен ее Тезаурусом [6, 53], в котором отражаются ее знания о мире и его моделировании. Этот уровень называют также лингвокогнитивным, поскольку он связан с владением когнитивными структурами – концептами, фреймами и т.п. Он предполагает также знание культуры данного сообщества, а именно прецедентных текстов, ценностей и символов культуры [3; 5; 8]. Приведем только один пример. В романе «Анна Каренина». Л.Н. Толстой пишет, что Стив Облонский ездил по губернии и «делал друзей». Буквальная калька европейского сочетания не случайна: автор хотел показать, что персонаж заводил полезные знакомства и эти поездки ничего общего с дружбой в русском смысле этого слова не имели: концепт «друг» имеет различное смысловое наполнение в русской и западноевропейской лингвокультурах.

На лингвокогнитивном уровне языковая личность «расщепляется». Тонкое наблюдение по этому поводу сделал в свое время еще Л.В. Щерба, который писал о том, что математик как специалист определяет отрезок как кратчайшее расстояние между двумя точками, но как делающий в своей квартире ремонт мужчина он представляет его как прямую линию, которая не отклоняется ни вверх ни вниз, ни вправо ни влево. Таким образом, в зависимости от ситуации один и тот же концепт может быть представлен в сознании носителя языка по-разному. Приведем еще пример. В обыденном сознании носителя языка лексема *норма* прежде всего связана: а) с идеей средней степени, среднего количества чего-либо, например: *месячная норма выпадения осадков* (параметрическая норма); б) с идеей соответствия каким-либо стандартам или параметрам, имеющим расчетный характер, например: *норма выработки; нормальное положение сердца* (расчетная норма); в) с идеей социального установления, регламентирующего поступки и поведение человека: *этичный поступок; честный человек* (морально-этическая норма).

Эти 3 вида нормы совершенно различны по своей природе. Морально-этические нормы связаны с обычаями и религиозными учениями народа и отражают общественные идеалы и ценности, поэтому их нарушение оце-

нивается отрицательно: *аморальный поступок, непростительная шалость* и т.п. Далее, расчетные и морально-этические нормы прескриптивны, они устанавливаются внутри какого-либо социума и сопровождаются социальной оценкой, в то время как параметрическая норма не является социальным установлением, поэтому отклонение от нее часто никак не оценивается.

Совершенно иная картина наблюдается при употреблении данной лексемы в языке науки. В частности, правовые нормы имеют статус регулятивного механизма, например, нормы процессуального права регулируют отношения, возникающие в ходе судопроизводства. Эти нормы прескриптивны, они закреплены в нормативных правовых актах и обязательны к применению. В связи с этим концепт «норма», как и многие другие концепты, в сознании юриста как профессионала, безусловно, имеет специфическое содержание, что не исключает наличия в концептуальной системе профессионала также наивного, языкового представления о норме. Эта специфика отражается на оперировании данным концептом в разных типах дискурса, характерных для данной языковой личности, в частности профессиональном и бытовом. Следовательно, при формировании языковой личности билингва в процессе обучения его следует обучать дискурсивным навыкам.

Следующий, второй, или мотивационно-прагматический, уровень языковой личности [6, 53], включает мотивы, интересы, ценности и т.п. индивида и отражает ценностно-мотивационный компонент структуры языковой личности, а также ее поведенческие установки и т.п. Содержание данного уровня также имеет коммуникативную направленность. Так, невладение инофоном системой культурных норм и ценностей изучаемой лингвокультуры (в самом широком их понимании) приводит к тому, что русские переводят словосочетание *красивая девушка* буквально, однако чехи говорят *hodná* (букв. 'годная') *dívka.* Ср. также: *hodné ditě* 'хороший ребенок', *hodný poplatek* 'хорошая зарплата'. Чехи и русские – «родственники» по языку, но являются носителями разных культур: чешская принадлежит к германскому типу культуры, в котором более широко используются утилитарные критерии оценивания.

Принципиально новым в теории языковой личности на современном этапе развития науки является включение в данный уровень дискурсивных знаний [Алеф; Кар и др.]. Если традиционно дискурс рассматривался как явление, имеющее бессубъектный статус существования, то в последние годы все чаще постулируется, что именно языковая личность является субъектом дискурсивного смыслообразования, а сам дискурс представляет собой, по выражению Н.Ф. Алефиренко [1, 10], своеобразный фокус пересечения языковых личностей (субъектов речи). В силу этого в структуре языковой личности должны отражаться дискурсивные знания (в частности знание особенностей того или иного дискурса и умение правильно его «построить»). Знание дискурсивных стратегий предполагает правильный выбор оп-

ределённой позиции по отношению к собеседнику, обеспечение взаимопонимания в каждом эпизоде дискурса, создание условий для ответных шагов адресата, создание и сохранение определенного эмоционального состояния последнего и др. Стратегии являются частью нашей когнитивной базы, поскольку по большому счету они представляют собой знание о процессе понимания. Часть стратегий имеет собственно лингвистический характер, другие по своей природе когнитивны, но и те и другие отмечены этнокультурной маркированностью. Как показывает практика, лучшим способом развития у инофонов дискурсивных навыков следует считать общение с носителями языка, а также анализ дискурсивных стратегий на материале письменных текстов, созданных элитарными личностями.

Таким образом, формирование языковой личности билингва должно идти в направлении совершенствования его знания системы изучаемого языка и коммуникативных навыков, а также обогащения когнитивных знаний и представлений о культурных ценностях и миропонимании другого народа.

Литература

1. *Алефиренко Н.Ф.* Текст и дискурс в фокусе языковой личности //Языковая личность – Текст – Дискурс. Матер. междун. научн. конф. – Самара 2006. – С. 6-10.
2. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. – С 64-72.
3. *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003.
4. *Иванова С.В.* Культурологический аспект языковых единиц. – Уфа: Изд-во БашГУ, 2002.
5. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004.
6. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
7. *Мамардашвили М.К.* Возможный человек // Человек в зеркале наук – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – С. 6-18.
8. *Шестак Л.А.* Русская языковая личность: Коды образной вербализации тезауруса. Волгоград, 2003.

© Сергеева Л.А., 2013

Сулейманова А.К.
г. Уфа, Россия

Термин и слово: особенности значения

Технический и технологический бум последних десятилетий, рост научно-технических знаний стали причиной того, что более 90% новых слов составляет специальная лексика. Все большее число терминов проникает в общеупотребительный язык, а проблемы терминологии все больше влияют на язык в целом, в связи с чем изучение проблем специальной лексики ста-

новится все более важным для понимания специфики языковой структуры [1, 8].

В современном терминоведении существует значительное количество разнообразных определений термина, однако все сложности в определении понятия термина и его сущности сводятся к одному вопросу – соотношение термина и слова. Это проблема, которая и по настоящее время «ждет новых решений» [1, 3].

Трудности в определении сущности и специфики терминологических единиц в терминологии связаны с двойственной природой термина. Исследователи уже в 30-е годы XX в., в период зарождения терминологии как научного направления, одной из главных определили проблему взаимосвязи / соотношения «слово – термин», т. е. любое ли слово может быть термином, любой ли термин есть слово.

Являясь единицей общенационального языка (lexis), термин принадлежит лексико-семантической системе языка и, следовательно, обладает всеми лексико-грамматическими свойствами обычного слова. В то же время термин является единицей языка науки (logos) и существует только в пределах какого-либо терминологического поля, в системе терминов конкретного подъязыка, обозначая специальное понятие. Принадлежность термина к столь отличным системам и «создает особую внутреннюю напряженность термина» [2, 152].

Двойственная природа термина отражается в большинстве существующих определений. Одни исследователи определяют термин как слово или словосочетание, называющее научное понятие (Герд А.С., Головин Б.Н., Даниленко В.П. и др.), другие соотносят термин с понятием (Канделаки Т.Л., Лотте Д.С., Реформатский А.А. и др.).

Б.Н. Головин одним из первых положил в основу определения термина, на наш взгляд, наиболее существенный его признак – обозначаемое им профессиональное понятие: «термин – это слово или словосочетание (построенное на базе подчинительных связей), имеющее профессиональное значение, формирующее и выражающее профессиональное понятие, применяемое в процессе (и для) познания и освоения некоторого круга объектов и отношений между ними – под углом зрения определенной профессии» [3, 20].

В совместной работе Б.Н. Головин и Р.Ю. Кобрин расширяют определение, данное Б.Н. Головиным, указанием на функциональные особенности термина и определяют его как «слово или подчинительное словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе познания и освоения научных и профессионально-технических объектов и отношений между ними» [4, 5].

По мнению А.С. Герда, научный и научно-технический термин – это «единица какого-либо конкретного естественного или искусственного языка (чаще слово или словосочетание), существовавшая ранее или специально созданная и обладающая специальным терминологическим лексическим значением, которое выражено либо в словесной форме, либо в том или ином формализованном виде и достаточно точно отражает основные, существенные на данном уровне развития науки, признаки соответствующего научного понятия» [3, 11-12].

В.А. Татаринов с позиции лингвоцентризма определяет термин как «языковой знак (слово или словосочетание), соотнесенный со специальным понятием, явлением или предметом» [5, 157].

Пытаясь объединить термин как единицу «логоса» и термин как единицу «лексиса», многие исследователи выделяют общие особенности термина: «1) термин – это языковая единица (слово или словосочетание) специальной сферы употребления; 2) термин – это наименование специального объекта или понятия; 3) термин – это такое наименование, которому соответствует дефиниция, точно и четко отражающая содержание соответствующего понятия, выделяющая такие его отличительные признаки, которые дают возможность отграничить одно понятие от другого и в то же время позволяют поставить данное понятие в определенный классификационный ряд» [6, 76].

Отнесенность термина к специальной области употребления является одним из отличий термина от слова, он используется для называния (наименования, номинации) научных / технических понятий. Это свойство термина является наиболее важным, потому что оно обусловливает не только его принадлежность к специальной области знания, но и все остальные его свойства.

Исследователи отмечают, что термин должен обладать содержательной точностью, под которой понимается однозначность его значения, обусловленное тем, что специальное понятие, как правило, имеет точные границы, устанавливаемые дефиницией термина. Разница между дефиницией термина и толкованием слова, т. е. между термином и словом, отражает разницу между понятием и представлением [1, 29-31].

Ориентиром для обоснования понятия «термин» всегда было наличие у термина определения (дефиниции) – фундаментальной категории, устанавливающей связь между сущностью именуемого понятия и объектом (реальностью), и, следовательно, обладающей активным действенным характером. Вместе с тем, любое определение по сути своей – оценка определяемого конкретным автором / ученым. То есть термином может быть любое слово, которому дана четкая дефиниция, определяющая именуемое понятие и четко регламентирующая понятийную сферу, обеспечивая изоляцию от обывательских смыслов омонимичного слова общей лексики. Термином

может стать и искусственно созданное слово. Дефиниция термина дает общее представление об именуемом объекте (который может быть как конкретным и вещественным, так и абстрактным умственным конструктом), одновременно устраняя возможную неоднозначность, свойственную одноименному слову общего языка. Дефиниция должна быть соизмеримой с тем, что она определяет, она не должна содержать порочного круга, не должна быть негативной там, где возможно позитивное определение. В новых областях знания до подыскания удачного однословного термина вместо него может употребляться краткая дефиниция.

Оригинальное понимание сущности термина представляет В.М. Лейчик, рассматривающий термин как сложное трехслойное образование, включающее: а) «естественно-языковой субстрат – материальный (звуковой и/или графический) компонент структуры термина, а также идеальный (семантический) компонент этой структуры, определяемые принадлежностью термина к лексической системе того или иного естественного языка; б) логический суперстрат, то есть содержательные признаки, позволяющие термину обозначать общее – абстрактное или конкретное – понятие в системе понятий; в) терминологическую сущность, то есть содержательные и функциональные признаки, позволяющие термину выполнять функции элемента теории, описывающей определенную специальную сферу человеческих знаний или деятельности» [7, 26-27]. Исходя из концепции языкового субстрата, В.М. Лейчик делает вывод о том, что «термин – лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [там же: 48-49]. В оригинальной концепции языкового субстрата исследователь, как видим, сущность термина в значительной мере определяет через соотнесенность термина с «лексисом» и «логосом».

Определения свидетельствуют о признании терминологами соотнесенности термина как лексической единицы языка и как специфического понятия определенной области знания. О гармоничной связи двух ипостасей термина писал В.В. Виноградов: «… в создании и определении термина есть две стороны: структурно-языковая и понятийная, семантическая, обусловленная развитием системы понятий той или иной науки, того или иного производства, ремесла. Обе эти стороны взаимосвязаны и вместе с тем обусловлены историей, культурно-исторической традицией» [8, 7].

Развитие отечественной и зарубежной лингвистики свидетельствует о значимости выделения в термине двух его ипостасей не только для теории терминоведения и терминографии, но и для прикладного языкознания: «с одной стороны, термин, выступая в качестве лексической единицы, принадлежит лексико-семантической системе языка. Этот бесспорный факт означает, что термин подвержен влиянию тех же стихийных по преимуществу сил,

что и любое слово, не являющееся термином. С другой стороны, являясь обозначением определенного научного (или подобного научному) понятия, термин принадлежит метаязыку соответствующей науки, и, следовательно, на него распространяется имманентное науке стремление к устранению неопределенности, к интеллектуальной чистоте, эстетической, эмоциональной и модальной нейтральности, а также к упорядоченности и строгой системности» [2, 151-152].

Осмысление сущности термина закономерно связано с определением его существенных, определяющих свойств. В терминологических исследованиях наблюдаются значительные расхождения в определении свойств, являющихся отличительными признаками термина, что также напрямую связано с «двойным гражданством» термина. С одной стороны, терминологи отмечают, что термин как речевая номинативная единица научного стиля обладает всеми функциями, присущими слову и лексеме. «Термины это слова, и ничто языковое им не чуждо» [6, 72]. Такую точку зрения разделяют Р.Г. Пиотровский, Н.З. Котелова, В.М. Лейчик и другие. С.В. Гринев при выявлении сущности термина исходит из того, что как знаковая единица термин рассматривается в трех аспектах: синтаксическом – с точки зрения его формы, структуры; семантическом – с точки зрения его содержания (значения, семантики) и прагматическом – с учетом особенностей функционирования, употребления термина [1, 18-19]. С другой стороны, не вызывает сомнения тот факт, что термин имеет ряд существенных особенностей и обладает определенными свойствами: «Судьба слова-термина никак не связана с судьбой других слов», потому что «...в его истории нет проблем лексической сочетаемости, синонимии, антонимии» [9, 78], его отличают специализированность значения, точность семасиологических границ, строгая системность, внеконтекстность, конвенциальность, соответствие семантики термина понятию, сфера употребления.

Различия между общелитературным словом и термином В.В. Виноградов видел прежде всего в том, что в отличие от слова, называющего понятие, термину понятие приписывается, как бы накладывается на него. «Слово исполняет номинативную или дефинитивную функцию, т.е. или является средством четкого обозначения, и тогда оно – простой знак, или средством логического определения, тогда оно – научный термин» [8, 14].

Демонстрируя тесную связь с понятийной сферой определенной области знания, термин остается словом, отражающим все закономерности той языковой системы, в которой он был создан и в которой начал функционировать в конкретном терминологическом значении. Терминосистемы не являются недвижимым языковым конгломератом, они постоянно развиваются, подвергаются постоянному изменению, совершенствованию, постоянно совершенствуются и обогащаются за счёт новых открытий, достижений и нововведений, а новое научное или техническое понятие требует уточнения и

закрепления в виде термина, который представляет собой актуализированное слово, тесно связанное только одним специальным понятием в пределах одной системы понятий.

Проанализировав значительное количество определений терминов, позволим себе предложить свое: термин – это слово или словосочетание, соотнесенное с понятием определенной области знания, имеющее дефиницию и являющееся членом определенной терминосистемы. В рамках исследования дискурса специалиста определенной области знания термин осмысливается нами как выраженный средствами языка результат профессионального мышления, один из важнейших элементов профессиональной коммуникации. В пределах терминосистемы определенной области знания отношения между словами-терминами определяются прежде всего отношениями между соответствующими понятиями, т.е. внутренней организацией и упорядоченностью данной системы понятий. В связи с этим слово, используемое в качестве термина, выходит из лексико-семантической системы языка и нередко лишается свойств, приобретенных и свойственных ему только в парадигматической системе языка. Система специализированных понятий наделяет слово-термин определенными синтагматическими свойствами – однозначностью, точностью дефиниции и понятия, системностью, полнозначностью (отражение в значении термина минимального количества признаков, достаточных для идентификации обозначаемого им понятия) и др.

В современной научной литературе значительное количество многоаспектных исследований термина, однако многие вопросы терминоведения остаются дискуссионными, а порой и практически не решенными. В частности, дискуссионными остаются вопросы природы терминологичности словосочетаний номинативного типа, проблемы частеречной принадлежности термина, термина как репрезентанта научного знания, когнитивной природы терминологической единицы, пределы сознательного воздействия человека на терминологию, описание терминосистем с позиций антропоцентрической лингвистики и многие другие.

Литература

1. Гринев, С.В. Введение в терминоведение [Текст] / С.В. Гринев. – М.: Московский Лицей, 1993. – 309 с.
2. Морковкин, В.В. Термины и возможный способ их описания в словаре активного типа [Текст] / В.В. Морковкин // Проблемы разработки и упорядочения терминологии в АН Союзных Республик. – М.: Наука, 1983. – С.150-158.
3. Головин, Б.Н. Лингвистические термины и лингвистические идеи // Вопросы языкознания [Текст] / Б.Н. Головин. – 1976. – №3. – С.20-34.
4. Головин, Б.Н., Кобрин, Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах [Текст] / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – М.: Высшая школа, 1987. – 104 с.
5. Татаринов, В.А. История отечественного терминоведения: в 3-х томах. – Т.1: Теория термина: История и современное состояние [Текст] / В.А. Татаринов. – М.: Московский лицей, 1996.

6. Даниленко, В.П. О терминологическом словообразовании [Текст] / В.П. Даниленко // Вопросы языкознания. – 1973. – №4. – С.76-85.
7. Лейчик, В.М. Предмет, методы и структура терминоведения [Текст] : дисс. … дра филол. наук / В.М. Лейчик. – М., 1989. – Т.1. – 396 с. – Т.2. – 160 с.
8. Виноградов, В.В. Исследования по русской грамматике. Предисловие Н.Шведовой [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1976. – 559с.
9. Капанадзе, Л.А. О понятиях «термин» и «терминология» [Текст] / Л.А. Капанадзе // Развитие лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1965. – С.75-85.
© Сулейманова А.К., 2013

Сыртланова Р.Р.
г.Уфа, Россия

Использование различных видов деятельности в обучении лексике на занятиях по английскому языку

То, как материал и информация подаются и обрабатываются студентами, оказывает значительное влияние на их обучение. Например, при обучении лексике запоминаемость слова или словосочетания зависит от окружения, в котором они встречаются, каналов, в которых они обрабатываются, и вида интеллекта, в который они должны быть включены. В данной статье предлагаются к рассмотрению виды деятельности, которые позволяют студенту обрабатывать и использовать языковую информацию способами, соответствующими их предпочтениям в восприятии и познании. Они включают не только визуальную и слуховую деятельность, но и деятельность, включающую в себя пространство и движение, т.е. кинестетическую деятельность.

Деятельность 1. Слова по кругу.

Уровень: от начального до среднего.

Время: 10-15 минут.

Цель: практиковаться в произношении слов, используя полный голосовой диапазон.

Приготовления: выберите 10-12 полезных словосочетаний из учебника.

Порядок действий:

1. Попросите студентов стать в круг;
2. Присвойте им номера 1-8, далее 1-8 и т.д.;
3. На доске напишите:

- все студенты под номером 1 должны шептать;
- все студенты под номером 2 – произносить громко;
- все студенты под номером 3 – говорить медленно;
- все студенты под номером 4 – говорить быстро;

- все студенты под номером 5 – произносить беззвучно;
- все студенты под номером 6 – петь;
- все студенты под номером 7 – говорить пронзительным голосом;
- все студенты под номером 8 – говорить на родном языке.

4. Объясните, что вы возьмёте одно из выбранных словосочетаний в руки, а затем произнесёте его и передадите тому, кто стоит справа. Этот студент протягивает руки и берёт словосочетание, затем поворачивается к стоящему справа, отдаёт ему в руки и произносит, как было предложено выше, т.е. шепчет, поёт и т.д. Таким образом, словосочетание проходит по кругу как «объект» и как постоянно изменяющаяся последовательность звуков;

5. Сделайте это упражнение по кругу. Если кто-либо из студентов неправильно произнесёт словосочетание, подойдите к нему справа и верните словосочетание студенту, который находится слева от допустившего ошибку, и который вернёт ему это словосочетание. Это позволяет студенту, у которого возникли проблемы, услышать правильное произношение два раза, прежде чем повторно произнести словосочетание;

6. Любой студент, не уверенный в произношении словосочетания, может выйти из круга и отдать это словосочетание Вам. Вы возвращаете его и произносите для этого студента, который затем возвращается на своё место в круге, чтобы продолжить цепочку.

Примечание: эта деятельность является одновременно слуховой и кинестетической и оказалась очень полезной при обучении взрослых людей, не обладающих навыками языковой грамотности.

Деятельность 2. Заполнение пейзажа.

Уровень: от начального до продвинутого.

Время: 3 минуты на первом занятии, 10 минут на втором.

Цель: поощрить студентов в открытии для себя слов и в обучении этим словам других студентов.

Материал: фотокопии картины для каждого студента.

Приготовления: выберите картину с сильными контрастами, такую как снежный ландшафт. Сделайте одну копию на каждого студента.

На первом занятии:

Раздайте копии. Попросите студентов в качестве домашней работы написать на картине любые слова, которые приходят в голову при виде её. Это могут быть обозначения её особенностей или же слова, внушаемые чувством и настроением картины. Поощряйте студентов к использованию словарей для нахождения слов, которые им нужны. Скажите им, что они должны научить товарищей тем новым словам, которые они использовали.

На втором занятии:

Разделите студентов на группы по 4 человека, чтобы они могли сравнить слова, которые они нашли; затем последует взаимное обучение этим словам.

Вариант 1.

То же самое упражнение может быть выполнено студентами с использованием собственных картин, но это часто уменьшает аспект взаимного обучения: интереснее то, как кто-то другой видит одну и ту же картину, чем реакция на совершенно разные картины.

Вариант 2.

Вместо того, чтобы сосредоточить внимание студентов на том, что они видят на картине, предложите им подумать о том, что они не видят: предметы, которые могут скрываться за другими предметами, предметы, которые находятся за пределами рамки картины, предметы или люди, которые были там до того, как картина была написана или которые художник решил исключить из картины.

Примечание: взаимное обучение – это отличный способ выучить новые слова. Данная деятельность является в основном визуальной.

© Сыртланова Р.Р., 2013

Теплых Р.Р.
г. Уфа, Россия

Единицы и методы лингвокультурологического исследования

Чтобы провести лингвокультурологическое исследование необходимо остановиться на определенном терминологическом аппарате, который бы помог проведению квалифицированного научного исследования.

Главными приемами лингвокультурологического анализа языковых единиц являются сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический, этимологический, компонентный анализ, культурно-исторический комментарий. Совокупность лингвокультурологической информации может быть представлена в виде лингвокуьтурологических полей.

Главным отличием лингвокультурологического поля от семантических полей других типов служит то, что его единицы рассматриваются не только как носители языкового, лексического значения, но также, что более существенно, как источники экстралингвистической, культурной информации.

Для понимания принципа структурной организации лингвокультурологического поля необходимо четко разграничить понятия «языковая» и «неязыковая семантика». В силу обобщающего характера слова языковая семантика ограничивается самым общим представлением о реалии, теми

постоянными и существенными свойствами, которые присущи всем предметам данного класса. Внеязыковая семантика - это сфера специального знания и конкретных реалий. Именно она является главным источником культурных представлений. Отношения между языковой и внеязыковой семантикой тождественны отношениям между ближайшим и дальнейшим значением слова (понятия, введенные в лингвистическую науку А.А. Потебней). Ближайшее значение - это значение, которое является общим для всех представителей определенного языкового коллектива. Дальнейшее значение представляет собой область дополнительных знаний об объекте, обозначенном словом, область связанных с этим словом ассоциаций, которые не совпадают у разных носителей языка (у кого-то они более многочисленные и сложные, а дополнительные знания более глубокие, у кого-то – менее) [4, 20-22].

Задачей лингвокультурологического поля является отражение культурного содержания языковых единиц, которое выходит за рамки их словарной дефиниции. Поэтому основной единицей такого поля будет не просто слово, обладающее лексическим значением, но единица, содержащая языковую и экстралингвистическуго информацию. В.В. Воробьев предлагает называть такую единицу лингвокультуремой. Лингвокультурема – это комплексная единица, которая представляет собой диалектическое единство как лингвистического, так и экстралингвистического (культурного) содержания. В отличие от слова это единица более глубокая по своей сути,. Структура линтвокультуремы также оказывается более сложной, чем у собственно языковых единиц:

Знак ***Форма***

Языковое значение

Содержание

Культурный смысл

Культурно-понятийный компонент прибавляется к обычным для языковых единиц составляющим (знак, значение). Лингвокультурема охватывает собственно языковое представление и связанную с ним устойчивую сеть ассоциаций, т.н. культурный ореол. Незнание такого культурного ореола оставляет говорящего на том языковом уровне, который не позволяет проникнуть в глубокую сеть культурных представлений, т.е. в смысл высказывания [2, 39-45].

Структура лингвокультурологического поля выстраивается таким же образом, как и в случае обычного семантического поля. Лингвокультурема содержится в ядре поля и обозначает какое-то важное, характерное и существенное для данной культуры общее понятие. Вокруг этого ядра группируются единицы, которые показывают, какое именно содержание вкладывается в данное понятие носителями данной конкретной культуры. Эти единицы выражаются в языке с помощью слов различных частей речи, фразеологиче-

ских единиц (афоризмов, крылатых выражений, пословиц, поговорок). Лингвокультурологическое поле может быть представлено в виде кругов - основного и целого ряда дополнительных, каждый из которых заключает в себе обозначения тех же понятий, что и в основном круге, но с тем или другим дополнительным оттенком. Из любого такого поля через более или менее длинную цепочку можно попасть в любое другое поле.

В лингвокультурологии формируется специфический категориальный аппарат, т.е. совокупность важнейших понятий и терминов: лингвокультурема, язык культуры, лингвокультурологическое поле и т. д.

В.Н. Телия считает, что экспонентом культуры в языковом знаке является культурная коннотация.

Если языковая единице содержит культурную информацию, то должна быть и категория, которая соотносит две разные семиотические системы (язык и культуру) и позволяет описать их взаимодействие. Это культурная коннотация. Культурно-маркированная коннотация возникает как результат интерпретации ассоциативно-образного основания фразеологической единицы или метафоры на основе соотнесения его с культурно-национальными эталонами и стереотипами. Компоненты с символическим прочтением также во многом обусловливают содержание культурной коннотации. Например, кровь как символ жизненных сил в фразеологических единицах - suck blood (пить кровь), to the last drop of one's blood (до последней капли крови); кровь как символ родства - kindred blood (родная кровь), one’s flesh and blood (кровь от крови); кровь как символ жертвоприношения - shed one's blood for (пролить чью-то кровь); кровь как символ здоровья - as red as a cherry (кровь с молоком); как символ сильных эмоций - the blood rushed to one’s head (кровь бросилась в голову), bone chilling (кровь стынет).

Интерпретируя фразеологическую единицу посредством соотнесения их ассоциативно-образных восприятий со стереотипами, отражающими народный менталитет, мы тем самым раскрываем их культурно-национальный смысл и характер, которые и являются содержанием национально-культурной коннотации.

План содержания фразеологической единицы и метафоры, а также закрепленные за ними культурные коннотации сами становятся знанием, т.е. источником когнитивного освоения. Именно поэтому фразеологизмы и образно-мотивированные слова (метафоры) становятся экспонентами культурных знаков.

Культура проникает в эти знаки через ассоциативно-образные основания их семантики и интерпретируется через выявление связи образов со стереотипами, эталонами, символами, мифологемами, прототипическими ситуациями и другими знаками национальной культуры. Именно система образов, закрепленных в семантике национального языка, является зоной сосредоточения культурной информации в естественном языке.

Таким образом, соотнесение с тем или иным культурным кодом составляет содержание культурно-национальной коннотации. Именно культурная коннотация придает культурно-значимую маркированность не только значениям фразеологических единиц, символам или метафорам, но и смыслу всего текста, в котором они употребляются.

Механизм возникновения коннотаций связан с усилением отдельных аспектов значения (часто за счет яркой внутренней формы слова, на базе которой возникают наиболее стабильные ассоциации). Ассоциации при этом образуют мотивирующую основу для возникновения коннотаций, прямое значение слова выступает как внутренняя форма по отношению к переносному.

Обычно из денотата вычленяются отдельные признаки, образ которых предстает во внутренней форма коннотативного слова. Так, если говорят заяц (rabbit) (о трусливом человеке), то это не значит, что у него серая шуба, короткий хвост и длинные уши, а свидетельствует лишь о том, что такой человек, чутко уловив опасность, часто мнимую, вовремя успеет убежать. Закрепление ассоциативных признаков в значении слова, т.е. возникновение коннотаций - процесс культурно-национальный, он не подчиняется логике здравого смысла (почему, например, именно заяц труслив, а не лиса), поэтому у разных народов эталонами трусости могут быть другие животные и птицы.

Как правило, коннотации основаны на ассоциациях, идущих от слова, однако иногда они мотивированы свойствами реалий: ихтиозавр (об отсталом человеке), теленок (о тихом, ласковом человеке), базар (о шумном месте), винегрет (о всякой смеси), хлев (о грязной квартире), баня (о всяком жарком месте), талмуд (об утомительном чтении) и т.д.

Зачастую коннотации воспринимаются как оценочный ореол, при этом также ярко проявляется национальная специфика языка, создающая картину мира. Например, в картине мира русских сочетание старый дом коннотирует негативную оценку, у англичан же это сочетание имеет положительную коннотацию; голубые глаза для киргизов - самые некрасивые глаза, почти бранное выражение, зато коровьи глаза (о человеческих) - очень красивые, оценка здесь основана на денотате (корове). Коннотации, таким образом, представляют собой форму ценностного освоения мира, фактор внутренней детерминации поведения.

В коннотации реализуются потенциальные ресурсы номинативной системы языка, ибо коннотативное слово обладает способностью не только создавать, но и удерживать глубинный смысл, находящийся в сложных отношениях с семантикой слова, закреплять его в языке, создавая тем самым культурно-национальную языковую картину.

Однако, вслед за С.В. Ивановой, именно понятие «культурологическая компонента» должно быть поставлено во главу угла при проведении

лингвокультурологического исследования. Вопрос состоит в том, где искать и как определить наличие культурологической компоненты. Задача усложняется тем, что данная единица может локализовываться на разных ярусах языковой системы. Она находит параллели и отражение в прагмарефлексах "данной национально-культурной общности, в культуре как таковой". Яркое проявление находит культурологическая компонента в речи. Именно речь становится лакмусовой бумажкой, "проявляющим составом" для культурологического элемента. Культурологическая компонента существует и на уровне языка. Причем, на уровне речи имеет место взаимодействие культуроносных элементов разных уровней языковой системы и разной степени узуализации. Отмечается, что наличие культурологического маркера предполагает высокую степень узуализации. «Узуальный аспект относится к восприятию выражения в речи разных носителей языка» [1, 56]. В плане синхронии культурологичекий маркер предполагает устойчивость, т.е. высокую степень узуализации, предсказуемость культуроносного со-значения. Самым ярким следствием этого является наличие соответствующей пометы в словаре. Однако нередко такая помета отсутствует, несмотря на выраженную культурологическую маркированность. Необходимо отметить, что культурологическая компонента относится к ряду динамических характеристик. Она может быть инкорпорирована в значение слова и восприниматься всеми членами социума, а может оказаться забытой. Тем не менее, слово не освобождается от культурологической маркированности. Она продолжает характеризовать его, но при этом культурологическая характеристика теряет свою социальную способность, то есть способность обслуживать всех членов социума. Таким образом, подвижность, динамичность характеризует единицы лексического уровня. По-иному обстоит дело с единицами грамматического стратума. В силу большей алгоритмизованности, большей инертности, большей стабильности единицы грамматической системы прочно удерживают культурологическую компоненту. Возможность выражения этого национально-специфичного со-значения вырастает из семантичности грамматических форм. В силу того, что грамматика характеризуется своей собственной семантикой, естественным является вывод о том, что грамматическая форма также обладает национальной специфичностью, как и форма лексическая.

Как подчеркивает С.В. Иванова, предлагаемый термин - культурологическая компонента - позволяет оставаться в рамках лингвистического исследования, между тем как другие, лингвокультурема [2, 39], культурная коннотация [5, 68] акцентируют несколько иные ипостаси исследуемого явления, а именно приоритет культурологической составляющей. Это вполне согласуется с тем, что было заявлено выше: факт взаимосвязи языка и культуры можно изучать с различных точек зрения, выступающих в качестве доминирующих. Кроме того, удобство предлагаемого нами термина со-

стоит в том, что он предполагает вычленимость культуроносного элемента. Это последнее обстоятельство весьма важно при проведении практического лингвистического исследования [3, 34-50].

Литература

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Идиоматичность и идиомы // Вопросы языкознания, 1996. – №5. – с. 51-64.
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
3. Иванова С.В. Лингвокультурологический анализ прагматикона языковой личности: Учебное пособие. – Уфа: Изд-во РИО БашГУ, 2004. – 132 с.
4. Погорелко А.М. Культурология и лингвистика: синтез теории и методов: Уфа: Изд-во РИО БашГУ, 2006. – 81 с.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. – М.: Шк. «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.

© Теплых Р.Р., 2013

Тимошенко Л.О.
г. Уфа, Россия

Универсальные понятия языковой картины мира на примере национальной фразеологии

Цель статьи – раскрыть лингвистические особенности и психологические основы картины мира человека, основывающиеся на понятии универсальности в национально-культурном преломлении. Общие и различные черты национальных картин мира проиллюстрированы на примере отдельных пословиц русского, английского, французского и немецкого языков.

Каждый народ как языковая общность уникален. Уникальны звучание его языка, письменность, литература, культура. Особенно наглядно и доступно можно приобщиться к культуре другого народа через его язык. Как пишет В.фон Гумбольдт, *«язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык»* [1, 79].

Наша речь существует для выражения определенного смысла. Смысл рассматривается как часть картины мира, или так называемых концептуальных систем носителей языка в терминологии Р.И. Павилениса. Концептуальные системы присущи отдельным субъектам познания и представляют собой системы информации, включающие знания и мнения о действительном и возможном положении дел в мире [4, 3].

Сравнительное языкознание можно рассматривать как соотношение картин мира как индивидуальных носителей языка, так и народов. Семантическая проблематика языка погружается в проблематику анализа концептуальных систем и их взаимоотношений друг с другом и с объективной дейст-

вительностью. Представляет интерес соотношение индивидуальных картин мира отдельных людей между собой (можно сказать, что на этом построено общение) и соотношение индивидуальной и национальной картин мира, а также национальных картин мира между собой.

Выражение *«картина мира»* можно как нельзя лучше представить английским выражением *"to give smb. apiece of one's mind" – «высказаться»*, а дословно *«дать кусочек своего мировоззрения»*. Индивидуальные картины мира отдельных людей одной нации образуют национальную картину мира, отражающую, по В. фон Гумбольдту, дух народа, а конкретнее, его экономический, политический, культурный уклад, отношение к людям и, в частности, к незнакомым, типичное мышление (например, о русских говорят: *«задним умом крепок»* или: *«пока гром не грянет, русский мужик не перекрестится»* - то есть размышляет о чем-то впоследствии).

Особенно ярко дух народа, или его национальную картину мира, отражает фразеология. Среди паремий можно выделить (1) психологически универсальные с одинаковой структурой. Так, например, говоря о постепенности каждого дела, русские говорят: *«И Москва не сразу строилась»*, а англичане говорят: *"Rome was not built in a day" («И Рим не сразу строился»)*[3].

Или, например, в отношении способности общения русские говорят: *«Язык до Киева доведет»*, а французы говорят то же о Риме: *"Qui langue a, à Rome va"* (букв. *Кто имеет язык, идет в Рим*) [2]. Рим для Европы был таким же центром вселенной, как Киев для Руси, живущей отдельно от Европы. В этих пословицах подчеркивается искусство вести беседу, суметь узнать то, что интересует.

Или ср., например, англ.: *"A burnt child dreads the fire"* (букв. *Обжегшийся ребенок боится огня*). Этой пословице соответствует русская: *«Обжегшись на молоке, дуют на воду»*. Смысл этих пословиц один: живи осторожно, осмотрительно, учись на своих ошибках. Опасность в обеих пословицах связывается с огнем.

Можно также выделить (2) психологические универсалии с разной структурой фразы и построенные на разных реалиях. Ср. англ. *"A cat in gloves catches no mice"* (букв. *Кошка в перчатках не поймает мышей*). Этой пословице соответствует по смыслу русская пословица: *«Без труда не выловишь и рыбку из пруда»*. В обеих пословицах подчеркивается необходимость труда, сопряженного с определенным мастерством.

Семантические универсалии можно найти в области культуры и психологии народов как универсальные умозаключения, приложимые к любой культуре. В некоторых случаях культурная окраска реалий таких универсалий различается, хотя смысл в разных языках остается одним и тем же.

Иная психологическая универсалия имеется в виду в английской пословице *"A city that parleys is half gotten"* (букв. *Город, ведущий переговоры,*

наполовину взят) [3]. Смысл в том, что с противником не надо вступать в разговор. В русском языке этой пословице приблизительно соответствует другая: *«Осажденный город наполовину взят»*. В русской пословице акцент на другом – на недостатке сил защитников, держащихся только боевым духом, в то время как в английской пословице указывается на слабость боевого духа как на причину поражения. Такие пословицы можно отнести к (3) семантическим оттенкам универсалий.

Можно, наконец, выделить (4) полные эквиваленты паремий. Например, у русской пословицы *«Бодливой корове бог рог не дал»* есть полный английский эквивалент: *"A curst cow has no horns"* (букв. *«У проклятой коровы нет рогов»*) [3].*«Бодливый»*, как *«злой»*, и *«проклятый»* можно рассматривать как эквиваленты. Полным соответствием в немецком, английском и русском является пословица: *«Ночью все кошки серы»*. Ср. нем. *"Bei Nacht sind alle Katzen grau"*. Ср. англ. *"All cats are grey at night"*. Смысл пословицы в том, что когда обстановка не ясна, трудно отличить хорошего человека от плохого.

Именно методологическая, теоретическая и прикладная значимость проблематики смысла, связанная с уяснением сложных проблем коммуникации и познания, делает особенно актуальным изучение семантического аспекта естественного языка. Для концепта важен критерий передаваемости мысли. Как отмечает Г. Ф. Фреге, мысль и смысл могут быть по-разному выражены. Разница в выражении смысла идет как разная окраска. При всем многообразии языков человечество имеет общий запас мыслей. Об этом писали Лейбниц, А. Вежбицкая *(«алфавит человеческих мыслей»)*.

Говоря о концептуальной системе, Р. И. Павиленис включает в это понятие и возможные действия, и отношения, и мнения, намечая путь от мнения к знанию. Путь от мнения к знанию – необходимый процесс в жизни каждого человека. Он осуществляется в развитии личности человека через восприятие, мышление, эмоциональную обработку полученной информации, умозаключение, выливаясь в поведение, как языковое, так и неязыковое. Чем более духовно развит человек, тем интенсивнее у него этот процесс, с акцентом не на исходном мнении, а на конечном знании. Конечно, мнение задает направление восприятия. Человек обращает внимание на одни черты, оставляя без внимания другие. Как говорят, например, для одного человека стакан наполовину пуст, а для другого – наполовину полон.

Позитивное мышление – это когда человек не только в силу своих генетических особенностей, но, скорее, благодаря приобретенным самодисциплиной навыкам восприятия, создает положительную ауру вокруг себя, располагает к себе окружающих даже на невербальном уровне. Недаром, смотря на человека, мы говорим себе: *«приятное лицо, с этим человеком я хотел бы пообщаться»*.

Мы считаем, что потенциальность и имплицитность картины мира – ее неотъемлемое свойство. Картина мира формируется сначала внутри сознания человека. Становясь достоянием народа, картина мира отражает общий подход к жизни, к делам, к миру, к людям данной языковой общности. Дух народа неразложим. Он уникален. Его можно поставить в зависимость от географического положения нации, от экономического уклада, который сам вытекает из умственного развития людей данной общности. Дух народа во многом зависит от выживаемости народа, его приспособляемости к окружающей среде и соседним общностям. Дух народа зависит также и от сплоченности этого народа и его боевого духа, способности противостоять трудностям. Не все сразу выражается в языке. Имплицитное становится эксплицитным при наличии мотивации к тому, при определенной повторяемости явления, когда внутреннее переполняет и выражается вовне. Картина мира выражается в общении, выяснении отношений, причем потенциального при любом общении гораздо больше, чем эксплицитно выраженного. Здесь большую роль начинают приобретать невербальные средства выражения – интонация, тон, язык мимики и жестов. Без перехода имплицитного в эксплицитное нет общения, нет формирования понятий, нет развития. Именно в общении как деятельности, о чем пишут многие лингвисты-классики, человек познает мир, развивается, но это – не единственный способ познания, хотя именно общение помогает нам изменить свое мнение о ком-то или чем-то.

Литература

1. Гумбольдт В.фон. Язык и философия культуры. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
2. Иванченко А.И. Русские пословицы и их французские аналоги. СПб.: КАРО, 2004. 128 с.
3. Митина И.Е. Английские пословицы и поговорки и их русские аналоги. СПб.: КАРО, 2006. 336 с.
4. Павиленис Р.И. Проблема смысла. М.: Мысль, 1983. 285 с.

© Тимошенко Л.О., 2013

Титлова А.С.
г.Уфа, Россия

Проблема классификаций в топонимической системе США

По мнению ряда исследователей, создание единой универсальной классификации многопланового топонимического материала определенной территории представляется маловероятным или практически невозможным.

О сложностях проблемы классификации американских топонимов свидетельствует отсутствие до настоящего времени единообразного подхода к ее решению.

Используя наработки своих европейских коллег, а в частности, и английских топонимистов, американские ученые выдвинули свои схемы классификаций для исследования и систематизации топонимов собственно Соединенных Штатов.

Один из наиболее ранних вариантов топонимической классификации был предложен Г.Л. Менкеном. Он считает, что все географические названия можно разделить на 8 классов:

Класс 1 включает названия, по своему происхождению связанные с именами собственными: Washington, Lafayette и т. д. К этому же классу относятся и различные сложные названия, состоящие из комбинаций имени собственно с географическим термином или топонимообразующим суффиксом: Pittsburg, Knoxville, Bailey's Switch, Fort Riley и т. д.

Класс 2 объединяет названия – переносы из других государств и районов страны: New Albany, New York, New Windsor, Yorktown и т. д., иными словами, топонимы, образованные от других, ранее уже существовавших, путем добавления определений типа *new* (новый), *west* (западный), *north* (северный) и т. д., а также различных географических терминов или топонимообразующих суффиксов. К этому классу, по мнению Менкена, принадлежат и прямые переносы названий из других государств и штатов: Baltimore (название ледника на Аляске), Princeton (название пика в штате Колорадо), многочисленные названия типа Rome, Alexandria, Troy, Sparta, Bremen, Hamburg, Stockholm, Warsaw и т. д.

Класс 3 охватывает все индейские названия, встречающиеся на территории США.

Класс 4 группирует названия испанского, французского, голландского, немецкого и скандинавского происхождения, т. е. все неанглийские названия, кроме индейских.

Класс 5 охватывает названия, источником создания которых послужили библейские образы и понятия: Conception, Canaan, Jordan, Sharon, Adam, Eve, Aaron, Job и др.

Класс 6 включает описательные названия: Bald Knob, Sand Hook, Bull Run, French Lick, Eagle Pass и др.

Класс 7 включает названия, отражающие богатый животный и растительный мир страны, ее минеральные богатства: Buffalo, Alligator, Rat Lake, Crawfish, Oil Ciby, Bromide, Goldfield, Coal Run, Cement.

И наконец, в *классе 8* Менкен объединил всевозможные причудливые, экзотические названия типа Hell-for-Sartains, Undershirt Hills, Razzle-Dazzle, Cow Tail, Yellow Dog, Jump-Off, Poker City, Goose Hill, Skunktown, Pig Eye Lake, Hot Coffee, Burning Bear и т. д.

Представляется интересной классификация географических названий, выдвинутая Д.Р. Стюартом, в основу которой положен анализ самого механизма образования топонима. Возникновение топонима автор связывает с

различными психологическими процессами (motives), которые лежат в основе образования того или иного названия.

Отмечая, что «возникновение всех географических названий связано с одним психологическим процессом, а именно, с желанием определить данный объект для последующего отличия его от остальных объектов», Стюарт отмечает, что наиболее ценную информацию может дать исследование механизма отбора лексических средств для образования названий. В соответствии с этим Стюарт выделяет девять классов географических названий:

1. **Описательные названия**, в основе которых лежит «постоянная или изменяющаяся характеристика качеств определяемого объекта»: Black Butte, Long Island, crescent Lake, Granite Mountain, Roaring Run, Echo Rock, Stinking Spring, Bayport. Сюда относятся и локативные названия (compass-point names): North River, South Island и т. п.

2. **Притяжательные названия**. Под этим общим заголовком автор объединяет три подгруппы:

а) названия, в состав которых входят имена собственные: Culpi's Hill, Smith River;

б) названия, в состав которых входят этнические имена собственные: Mohawk River, Chinese Camp, American Fork;

в) так называемые мифологические названия, связанные с предметами религиозного культа индейцев. В качестве примера автор приводит встречающийся в географических названиях индейцев племени Сиу элемент *waean* – «дух-призрак».

3. **Названия, данные по какому-либо происшествию** (incident names): Hat Creek, Murder Creek, Earthquake Creek, Lightning Peak и др. Сюда же Стюарт относит большинство названий, связанных с именами животных (Wolf Creek, Antelope Creek), названия, генетически связанные с календарными праздниками (calendar names): Independence Rock, Point Conception.

4. **Коммеморативные названия**, охватывающие названия-переносы: Cambridge, Athens, Corinth, Hector, Ulysses, Apollo, San Francisco, San Diego и т. п.

5. **Эвфемистическ*ие* названия** (euphemistic names), которые давались объектам (в основном, вновь заложенным населенным пунктам) в надежде на то, что они помогут создать городам лучшее будущее. Так, название Athens (Афины) часто использовалось в американской топонимии как символ культуры и просвещения.

6. **Искусственно созданные названия** (manufactured names): Saybrook из имен Say и Brook, Alicel из Alice L.

В особую группу автором выделяются так называемые пограничные названия (boarder names) – названия населенных пунктов, образованных пу-

тем сращения соответствующих названий граничащих штатов: Texarkana = Texas + Arkansas.

7. Названия**,** в основе которых лежит одно и то же **исходное название**, перенесенное в последствии на ряд близлежащих объектов: так от White Mountain образовались названия White Lake, White River, Whiteville.

8. Названия, образованные в результате **ложного этимологизирования:** Cayo Hueso > Key West, Chemir Couvert > Smackover

9. К последнему классу относятся названия, возникшие случайно в результате разного рода **типографических ошибок** и **ошибок при переписывании,** которые в дальнейшем закреплялись: Tolo (штат Орегон) из Yolo; Darrington (штат Вашингтон) из Barrington, Plaski (штат Техас) из Pulaski.

Заслуживает внимания классификация географических названий по языковому происхождению, предложенная П. Кук. Ее можно рассматривать как более детально разработанные пункты 3 и 4 схемы, выдвинутой Г.Л. Менкеном.

Схемы Менкена и Стюарта далеки от совершенства и с точки зрения логики, и с точки зрения самих принципов классификации. Границы между классами названий, выделенных ими, расплывчаты, часто одно название может быть зафиксировано в нескольких классах. Так, «мифологические названия, связанные с религиозным культом индейцев», Стюарт относит к разряду притяжательных названий, но в то же время, много индейских названий может быть обнаружено и в классе коммеморативных названий-посвящений.

Слабой стороной классификаций Менкена и Стюарта является их явная ориентация только на описание происхождения подлежащих исследованию топонимов. Словообразовательный анализ рассматриваемых топонимов оставался, как правило, за пределами исследования.

В этом отношении на несколько ином принципе построена классификация американских географических названий, предложенная в 1934 году Р.Л. Рамсеем, которая в дальнейшем легла в основу многих работ по изучению топонимии штата Миссури [Ramsey]. Классификация по Рамсею состоит из нескольких частей. Первая из них носит четко выраженный семантический характер и образует следующие подгруппы:

1) **заимствованные названия,** куда входят названия, перенесенные из других стран (New Madrid, Mexico, Moscow) и местные переносы названий (от Cedar Creek образовались Cedar Prairie, Cedar Church и т. д.);

2) названия, связанные с **историей** как всего государства, так и отдельного штата. Сюда относятся:

а) названия, связанные с жизнью индейских племен (Missouri, Osage, Moniteau);

б) французские, испанские и прочие иноязычные названия, отражающие деятельность колонизаторов Америки (St. Louis, Marais de Cygnes);

в) названия, связанные с борьбой за независимость американских колоний (Bunker Hill, Fayette, McDonald и т. п.);

г) названия, связанные с мексиканской войной и захватом Калифорнии (Vera Cruz, California Prairie);

3) названия, происходящие от **имен собственных** (Black Hawk, Lafayette, Columbia, Fulton, Elizabeth, Clark и т. п.);

4) названия, связанные с **физико-географическими характеристиками** штата (Pineville, Polar Bluff, Panther Den, Bee Creek, Galena, Richland, Lakeview, Valley City, Muddy Creek, Lost Branch). К этой подруппе принадлежат и локативные названия (Centralia, South River, Westport);

5) **субъективные названия**, т. е. названия, по своему происхождению связанные с литературой, рекламой, различными лозунгами, эмблемами, религией и т. п. (Concord, Eureca, Sodom, Avalon, Enon, Silver Lake, Cure-All Springs). Р.Л. Рамсей считает, что лексико-семантический подход к классификации топонимов является основным и неоднократно подчеркивает важность именно этого раздела выдвигаемой им классификации. Эта ее часть, в основном совпадает с упомянутыми выше схемами.

Далее Р.Л. Рамсей выдвигает предположение о необходимости анализа самой структуры географических названий и во второй части классификации намечает возможные ее разделы. Они сводятся к выделению трех основных типов названий:

1) сложных слов и словосочетаний (Clark Level, Elkhorn, Devil's Backbone, Hell's Half Acre, Blackfoot и т. п.);

2) основы со свободным (detached) аффиксом (New Madrid, Little York, West Joplin, Hilton Hollow, Benton City);

3) основы со связанным (attached) аффиксом (Westport, Laddonia, Taberville, Columbia).

Таким образом, здесь необходимо отметить важный, с точки зрения топонимической классификации момент – разделение семантического и морфологического анализа, чем схема Р.Л. Рамсея выгодно отличается от большинства топонимических классификаций других американских исследователей.

Но в заключение следует заметить, что в целом, несмотря на немалое количество исследовательских работ по топонимике США, на множество предложенных классификационных схем, американская топонимическая система изучена далеко не полностью. И самым слабым звеном здесь является аборигенная топонимия. Недостаточное внимание к этому топонимическому пласту приводит к большим потерям, так как количество сохранившихся оригинальных индейских географических названий в США, по свидетельству самих американских исследователей, неуклонно уменьшается.

© Титлова А.С., 2013

Трошина Н.Н.
г.Москва, Россия

Востребованность немецкого языка в современном российском деловом мире

Под российским деловым миром понимается сфера делового общения как на собственно российских фирмах, так и на зарубежных фирмах и в международных корпорациях, имеющих свои филиалы в России. Вопрос о востребованности немецкого языка в этом мире очень актуален, поскольку немецкий язык является одним из основных языков мира и самым распространенным языком в Европейском Союзе. Немецкий язык - родной для 98 млн. человек, и еще для 20 млн. он – второй язык общения. Таким образом, немецкий язык занимает прочные позиции в современном мире, что в значительной степени обусловлено экономической ролью Германии. Это имеет особое значение для России, так как Германия является ее самым крупным деловым партнером.

Важную роль немецкий язык играет также и в Интернете, о чем свидетельствует его стабильное второе место в электронном словаре Wikipedia: на сегодняшний день существует 3 млн. статей на английском языке, более 1 млн. на немецком, на французском же и итальянском – около полумиллиона. 20% всей выходящей в мире литературы выходит на немецком языке.

Деловые контакты России и Германии имеют довольно давнюю традицию, которая началась совсем не в 18 веке (как часто думают), т.е. не с появлением здесь немецких колонистов, прибывших по приглашению Екатерины Второй для освоения земель в южных регионах России. Первые письменно зафиксированные свидетельства российско-германских экономических контактов относятся к началу 10 века, т.е. к эпохе Киевской Руси. Уже тогда был подписан т.н. «Раффельштеттенский таможенный устав» (Raffelstettener Zollordnung), названный по небольшому городку на Дунае недалеко от современного города Линца. «Устав», изданный между 904 и 906 гг. королем Людовиком IV, предоставлял «ругам» - купцам из Киевской Руси – некоторые привилегии для транспортировки грузов по Дунаю. Кроме того, «Устав» регулировал пошлины в т.н. Баварской восточной марке, т.е. в маркграфстве Австрии.

Начиная с 12 в. в России обосновываются немецкие ремесленники, купцы, знахари, а в 18 веке также и колонисты. Последние появились здесь в соответствии с екатерининскими Манифестами 1762 и 1763 гг., предоставлявшими колонистам пахотные земли, а также привилегии и сохранявшими привычный уклад жизни и вероисповедание. Если учесть также развитие контактов в области науки и образования, то становится понятна востребованность немецкого языка в России на протяжении столетий. Это детально

прослеживается в книге «Немецкий язык в России: История, современность, перспективы», вышедшей под редакцией У. Аммона и Д. Кемпера (Die deutsche Sprache in Russland 2011).

Однако, несмотря на такой благоприятный исторический контекст, сегодня в России с каждым годом снижается число людей, желающих изучать немецкий язык как первый иностранный. С первой позиции он вытеснен английским, что заметно как в школе, так и в вузах. В 2011 г. на эту тему С.С. Соловьевым и Н.В. Минаковой было проведено социологическое исследование, результаты которого изложены в книге «Состояние и основные тенденции рынка переводческих услуг в современной России: Социологический анализ» (Соловьев, Минакова 2012). Сообщается, что в 2011 г. немецким языком владели 48,9% выпускников языковых вузов, английским же – 96,8%! При этом немецкий язык прочно занимает второе место после английского. Интересно также другое явление, которое было отмечено авторами этого исследования и которое относится уже непосредственно к деловой сфере: количество документов на немецком языке продолжает расти, и «значительная часть переводов для немецких фирм с немецкого на русский язык и с русского на немецкий язык выполняется сегодня в России, благодаря чему рынок немецких переводов в Москве даже более благоприятный, чем рынок английских переводов» (Соловьев, Минакова 2012: 41). Складывается интересная ситуация: рынок переводов с немецкого языка и на немецкий растет, а специалистов с немецким языком становится меньше! Поэтому не стоит удивляться убеждению преподавателей немецкого языка, согласно которому «английским сегодня хуже или лучше владеет почти каждый, а немецкий знают куда меньше людей. А он нужен!»

Немецкий язык востребован сегодня, в первую очередь, как второй иностранный (после английского) или как важное дополнение к профессиональным знаниям в какой-либо другой сфере деятельности. Эта особенность применения немецкого языка сегодня была официально отмечена в «Резолюции о признании владения немецким языком как квалификационного признака в международном деловом общении», которая была принята на 10-м съезде Международного союза германистов в Вене в 2010 году (Akten des X. Internationalen Germanistenkongresse Wien 2000 2002: 167).

На тему востребованности знаний иностранных языков в различных сферах экономики было проведено немало исследований, в том числе и крупным российским рекрутинговым агентством «Headhunter» – за период «сентябрь-октябрь 2009 г.». Выяснилось, что чаще всего работодатели ждут от соискателей знания двух иностранных языков – английского И немецкого. При этом в 17% случаев ожидается равно свободное владение этими языками. Хотя деловая переписка ведется в основном на английском языке, 15% работодателей считают знание немецкого важным плюсом при выборе кандидата на объявленную позицию (для сравнения: знание французского

языка приветствуют только 2,84%, итальянского – 2, 11%, китайского – 1, 12 %; поэтому рано еще говорить о «буме» на китайский язык!).

Следующее важное уточнение касается ожидаемого уровня знания немецкого языка: в 56% случаев требуется безупречное владение этим языком (einwandfrei), в 8% - свободное (fließend), в 7% случаев подчеркивается необходимость владения нормами устной и письменной речи на немецком языке (in Wort und Schrift), в 6% - чтение специальной литературы со словарем.

Немецкий язык в различной степени востребован в автомобильной промышленности, в банковской сфере, в аудите, машиностроении, медицине и фармацевтике, логистике, рекламе и маркетинге, юриспруденции, т.е. практически везде.

Интересно отношение к немецкому языку российских бизнесменов, имеющих постоянные деловые контакты с немецкими партнерами. Если наших бизнесменов спросить, нужен ли им в их деловой практике немецкий язык, они, как правило, ответят «нет». Если же их спросить, хотят ли они понимать менталитет и культурные особенности немецких партнеров, они, как правило, ответят «да». Большинство из них со временем понимают, что без знания языка такое понимание невозможно.

Большие немецкоязычные фирмы (германские, австрийские, швейцарские – Audi, Siemens, Bosch, Lufthansa, Mercedes Benz, Nestle, Strabag, Messe Frankfurt) имеют филиалы в разных странах мира, так что сотрудники этих фирм находятся – в языковом плане – в середине трехкомпонентной коммуникативной цепочки «немецкий язык – язык страны пребывания – английский язык». В России эта цепочка выглядит, соответственно, как «немецкий – русский – английский язык», т.е. в повседневном общении российские сотрудники должны учитывать лингвокульурные нормы:

1) немецкого языка как родного языка работодателя; соответственно, владение немецким языком воспринимается в данной ситуации как свидетельство уважения к стране, которую представляет фирма;

2) русского языка как государственного языка страны пребывания; кроме того, сегодня позиции на среднем и высшем уровне менеджмента нередко занимают российские специалисты;

3) английского языка как языка глобализации (правда, здесь возникает вопрос: существуют ли лингвокультурные нормы у т.н. Globish, т.е. некоего усредненного варианта английского языка, принятого в современном деловом мире?).

К настоящему времени существуют отдельные исследования по лингвокультурному аспекту офисной жизни в международных корпорациях, (так, например, исследовался офисный сленг), но нет данных о языковых предпочтениях в различных коммуникативных ситуациях. Поэтому мною было проведено небольшое исследование, не претендующее на законче-

ность или всестороннее освещение данной проблемы: «Языковые предпочтения и смена вербального кода в корпоративном дискурсе».

Феномен корпоративной культуры часто упоминается в контексте исследований по проблемам глобализации, и при этом корпорация понимается как социальный институт, специфика которого имеет также и культурное измерение: «Если раньше деятельность и устройство корпораций описывалось через когнитивные метафоры ‘машина’, ‘организм’, - отмечает Д. Зайдлер в своей монографии «Культура фирмы, деловая коммуникация & корпоративный менеджмент» (Seidler 1997), то сегодня – через когнитивную метафору ‘культура’, за которой стоит понимание корпорации как сложной социальной системы с определенными ценностями и нормами, согласно которым осуществляется деятельность компании» (Seidler 1997: с.13; Трошина 2009).

Корпорацией, осуществляющей свою деятельность через свои филиалы в различных странах мира, является, например, „Messe Frankfurt RUS“ – немецкий концерн со стопроцентным государственным участием. Эта фирма проводит в России и в странах СНГ выставки и ярмарки от лица „Messe Frankfurt“ (т.е. те же самые, что и в Германии), а также представляет в России и в СНГ выставки и ярмарки, которые „Messe Frankfurt“ проводит в других странах мира, и организует для российских фирм и фирм СНГ возможность участия в этих мероприятиях.

Филиалы немецких фирм, задача которых состоит в освоении именно российского рынка, выбирают, в основном, двухкомпонентную модель вербальной коммуникации: «русский язык + немецкий язык». Такой фирмой является, например, фирма „Saacke“, производитель горелочных устройств и оборудования для котельных, которая успешно осваивает обширный российский рынок. Аналогичная языковая ситуация складывается и в собственно российских фирмах, имеющих постоянных партнеров в Германии (так, например, ЗАО «Консул», принадлежащая российскому предпринимателю и предлагающая пищевые добавки для мясной и рыбной промышленности, является представительством немецкой фирмы „Gewürzmühle Nesse“ в России и странах СНГ).

Хотя в крупных международных компаниях требуется знание прежде всего английского языка, владение немецким также очень приветствуется как признак уважения к культуре страны работодателя и как условие для карьерного роста. Кроме того, некоторые крупные компании (например, „Mercedes Benz“) положительно восприняли вышеупомянутую резолюцию Всемирного конгресса германистов: «Mercedes Benz» требует обязательного знания немецкого языка и даже оплачивает курсы для своих сотрудников (что имеет место далеко не на всех немецких фирмах).

Когда же реально происходит общение на английском языке, когда – на немецком, и когда происходит переключение языкового кода?

Поскольку сотрудники крупных международных компаний, как правило, свободно владеют английским языком, именно этот язык преимущественно используется во внешней коммуникации, т.е. на переговорах с немецкими партнерами, даже если российский сотрудник компании говорит по-немецки. Наиболее распространенное мнение относительно этой ситуации: «Во время переговоров с деловым партнером-немцем я предпочитаю говорить по-английски, так как этот язык является иностранным для нас обоих, что уравнивает наши коммуникативные шансы на успех». Таким образом, речь идет о «выборе английского языка как способе избежать преимуществ, создаваемых родным языком» („Englisch zur Vermeidung von Muttersprachlervorteilen“) (Martynova 2010: 8).

Немецкий язык используется, как правило: 1) на стадии подготовки к деловой встрече или переговорам (в переписке по электронной почте, беседах по телефону с целью уточнения организационных вопросов и программы); 2) при встрече приглашенных немецких партнеров и обмене первыми приветливыми фразами, создающими положительный настрой на переговорах, например: „Gut, dass wir uns an diesem Tisch versammelt haben; Für mich ist es ein kleines Wunder, dass sie so schnell zu den Verhandlungen herkommen konnten“ и т.п. Затем, как правило, происходит переключение на английский язык, особенно при согласовании позиций, выработке договоренностей и проработке деталей сделки. Вне официальных переговоров на немецкий язык переходят в том случае, если хотят подчеркнуть свое отличие от коллег: «Английский знают все, это – обычная ситуация, немецким же владеют гораздо меньше сотрудников, что увеличивает мои шансы в плане карьеры».

Шансы карьерного роста действительно нередко связываются со знанием немецкого языка, причем эти шансы видятся сотрудниками немецкоязычных фирм в двух аспектах:

1) в использовании немецкого языка в процессе работы на российской фирме – для повышения профессиональной квалификации, т.е. для прохождения стажировок на немецких фирмах-партнерах и для участия в тренингах и семинарах, которые проводят немецкие партнеры на российской фирме;

2) в использовании немецкого языка для поиска работы на немецкой фирме в России или в немецкоязычной стране.

Однако знания одного только немецкого языка оказывается все же недостаточно для получения работы в Германии или Австрии, как, впрочем, и знания одного английского: надо знать оба языка + иметь диплом по специальности в какой-либо неязыковой сфере. Понимание этой ситуации проявляется в том, что многие выпускники языковых вузов и факультетов иностранных языков университетов стремятся получить второе высшее образование – прежде всего в области экономики, права и PR. Таким образом, классического германистического образования сегодня часто бывает явно

недостаточно для того, чтобы соответствовать требованиям современного рынка труда в деловой сфере.

Литература

1. Соловьев, С.С., Минакова, Н.В. Состояние и основные тенденции рынка переводческих услуг в современной России: Социологический анализ / С.С. Соловьев, Н.В. Минакова. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012.
2. Трошина, Н.Н. Речевые аспекты корпоративной культуры / Н.Н. Трошина. – М.: РАН. ИНИОН, 2009.
3. Akten des X. Internationalen Germanistenkongresses Wien 2000 „Zeitwende – die Germanistik auf dem Wege vom 20. ins 21. Jahrhundert“. – Bd. 1. – Berlin etc.: Lang.
4. Die deutsche Sprache in Russland: Geschichte, Gegenwart, Zukunftsperspektiven. – München: Iudicium, 2011.
5. Martynova, O. Sprachwahl in der deutsch-russischen Unternehmenskommunikation / O. Martynova. – Frankfurt a.M.: Lang, 2010.
6. Seidler, D. Unternehmenskultur, Unternehmenskommunikation & Unternehmenskulturmanagement / D. Seidler. – Tostedt: Attikon-Verl., 1997.

© Трошина Н.Н., 2013

Убийко В.И.
г. Уфа, Россия

Прецедентное имя в структуре когнитивно-дискурсивного словаря и художественного текста

Имя собственное занимает нестабильное положение в рамках семиосферы. С одной стороны, оно, лишь указывая на единичный референт и никак его не характеризуя [3, 57], сближается с индексальными знаками, то есть со знаками указательными, дейктическими. С другой, «значение имени собственного потенциально открыто для указания, осложнённого характеризацией, содержит в себе своего рода пустоту, которая может принять множество семантических признаков» [1, 30]. Многие имена собственные становятся прецедентными и несут в себе информацию о целостных событиях, ситуациях, типах характеров. Их единичный референт как бы «растворяется» в ситуации или событии, формируя тем самым интенсионал имени. Констатируя конечный этап этого процесса, обычно говорят о переходе имени собственного в имя нарицательное: *Иуда* = предатель, *Плюшкин* = скряга, *Тартюф* = лицемер, *Хлестаков* = хвастун, *Отелло* = ревнивец и т.д.. Происходит формирование прагматического значения имени собственного. Имя собственное при этом, как и соответствующее имя нарицательное, становится знаком концепта, представляя, правда, структуру, более насыщенную концептуальными признаками. Так, степень негативного отношения (презрения), вызываемого лексемой *Иуда*, значительно возрастает по сравнению

с лексемой *предатель*. Это объясняется тем, что в собственном имени происходит компрессия смысла, объем всей ситуации оказывается «сжатым» в нём. См., например, толкование в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: Иуда – предатель, изменник (по имени апостола Иуды Искариота, предавшего, согласно евангельскому сказанию, Иисуса Христа первосвященникам). Благодаря наращиванию прагматического потенциала, прецедентное имя собственное включается в одну из линий концептуализации базового концепта, что находит отражение в когнитивно-дискурсивном словаре, где прецедентное имя Иуда включается в одну из линий репрезентации концепта ВЕРА: верить-доверять-доверие-оправдать доверие - не оправдать доверия: изменить-предать-предатель-изменник-христопрадавец-Иуда-Искариот-продажная шкура-вероотступник [4, 137]. Она соседствует со смежной концептуальной линией того же концепта: верить-обмануть доверие: вероломный, коварный, лицемерный, лицемерие. Имя собственное Иуда становится символом предателя, изменника, действующего под маской друга.

Рассматривая художественный текст как усложнённую форму коммуникации, когнитивный анализ помогает проследить возможные аспекты взаимодействия концептуальных систем автора и читателя и определить характер этого взаимодействия. На наш взгляд, наиболее сложными для такого рода анализа являются художественные тексты, в основе которых лежат мифологические сюжеты. Именно они, уходя в многомерную бесконечность интенсиональных миров подобно двум отражающим друг друга зеркалам, раскрывают глубинные связи всех сфер человеческого бытия. Одно и то же содержание мифа в художественных произведениях, написанных на его основе, оказывается возможным интерпретировать по-разному. Попытаемся проследить, какова роль имени собственного Иуда Искариот в формировании интерпретационного потенциала повести Л. Андреева «Иуда Искариот». Иуда Искариот- эмоционально маркированный концепт поведенческого характера. Это знак двоения, соотнесенный с концептами «*вера – неверие*», «*истина, правда – ложь*», «*добро – зло*».

Иуда у Л. Андреева – знак трагической раздвоенности прагматического сознания. Его двойственность методично и последовательно подчёркивается автором во всём: во внешности, голосе, поведении, в восприятии и оценке мира. Он постоянно балансирует между правдой, открытой Иисусу, и злом и ложью окружающего мира, пытаясь двигаться почти одновременно то в одном, то в другом направлении. Л. Андреев как бы специально завораживает читателя этими колебательными движениями главного героя в ту или иную сторону, создавая тем самым возможности разной интерпретации образа Иуды для читателя. Недаром Горький предсказывал, что «Иуда Искариот» Л. Андреева – «вещь, которая будет понята немногими». Техническим приёмом осуществления такой возможности является элиминирование

в сценарии предательства его мотива. Что побудило Иуду совершить предательство? Зависть к другим ученикам Иисуса? Стремление во что бы то ни было доказать свою правоту в оценке людей и мира (люди мерзки, а мир лежит во зле)? Подтолкнуть ход событий, чтобы проверить истинность учения и божественное могущество Иисуса? Испытать на верность людей, кричавших Иисусу «Осанна!» при его входе в Иерусалим? Получить деньги за предательство? Сознание читателя при этом тоже начинает колебаться в оценке Иуды между оценочно – характеризующими концептами: «предатель» - «обвинитель» - «экспериментатор» - «жертва».

Возможности той или иной интерпретации денотативного содержания объективно заложены в концептуальном каркасе произведения и его языковом воплощении, но зависят и от субъективной составляющей, а именно – от степени присвоения информации, определяемой языковой и культурологической компетенцией читателя, от социальных и нравственных веяний духа времени. При этом можно говорить об интерпретирующей функции языка и об интерпретирующей функции сознания [2, 78]. Расшатав безапелляционное чувство пренебрежения, осуждения, возникающее или уже имевшееся у читателя в связи со знаком «Иуда», Л. Андреев не стал противником канонической церковной интерпретации библейского сюжета. Он лишь сместил фокус оценки. Дисгармоничный образ Иуды Искариота отражает не только внимание автора к изменчивой картине представлений об истине, но и трагическую двойственность мира и всех людей: «Что такое *правда* в устах *предателей*? Разве не *ложью* становится она?». В рассказе повисает интонация вопроса.

Таким образом, вполне сопоставимыми оказываются статья когнитивно-дискурсивного словаря, развертывающая концепт ВЕРА, и текст, имеющий в качестве тематической доминанты имя собственное Иуда Искариот.

Литература

1. Лукин В.А. Художественный текст. Основы лингвистической теории и элементы анализа. – М, 1998
2. Магировская О.В. Интерпретативный потенциал языка и познания как теоретическая проблема когнитивной лингвистики // Когнитивные исследования языка. Выпуск XI. Международный конгресс по когнитивной лингвистике. – Москва-Тамбов, 2012.
3. Моррис Ч.У. Основы теории знаков. – М.,1983.
4. Убийко В.И. Концептосфера нутреннего мира человека. – Уфа,1998.

© Убийко В.И., 2013

Фазлетдинова Р.Ф.
г. Уфа, Россия

О некоторых аспектах формирования навыков говорения

Полагают, что эффективное изучение языка характеризуется минимумом теории и максимумом действий. Однако в процессе обучения говорению теория и запоминание неизбежны. Рассмотрение коммуникативной функции языка в качестве исходной привело к необходимости обратиться к анализу той стороны языка, которая обеспечивает общение. Фонетические, грамматические и лексические языковые явления должны изучаться в определенной последовательности, закрепляясь в практическом его применении. Последовательность в изучении языка должна иметь свою логику и идти от простого к сложному.

Говорение является одним из приоритетных коммуникативных умений при обучении иностранному языку. Обучение говорению - очень сложный процесс, при котором подача материала должна быть живой, интересной и естественной.

Умение общаться на иностранном языке требует также определенных знаний норм речевого поведения: где, когда, кому и как (и что) можно сказать. Не последнее место в обучении студентов занимает снятие психологического барьера. И весь процесс по обучению говорению прямо или косвенно направлен на это.

На неязыковых факультетах возможности обучения говорению ограничены. Но по мере изучения нового грамматического материала и пополнения лексического запаса необходимо помочь студентам реализовать свои коммуникативные возможности, в том числе и в работе с текстами на иностранном языке по основной специальности студента.

В аудитории легче создать условия для спокойного, «бесстрессового» общения на английском языке. Свои коммуникативные возможности студенты могут реализовывать как в монологической, так и в диалогической речи: делать сообщения и доклады по заданной теме, реферировать, пересказывать и комментировать прочитанный текст, описывать события, аргументировать свою точку зрения, вести диалог или обмениваться мнениями.

© Фазлетдинова Р.Ф., 2013

Фаткуллина Ф.Г.
г.Уфа, Россия

Основные функциональные признаки медиатекста

Исследования в области языка СМИ имеют давние традиции. И во многом характер современных исследований языка средств массовой информации обусловлен тенденциями развития мировой лингвистики. Язык изучается не как замкнутая система, а в его многочисленных связях и функциях (язык и общество, язык и мышление, язык и культура и т. д.). Это доказывает широкий спектр междисциплинарных областей научных исследований - социолингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика, этнопсихолингвистика, юрислингвистика, компьютерная лингвистика и др. «При этом движение языка в смежные области, кажущееся удалением от предмета исследования, – отмечает Г.Я. Солганик, – парадоксальным образом приближает к языку, позволяя охарактеризовать его с разных сторон, выявить новые его качества» [10, 16].

Впервые исследования, посвященные вопросам функционирования языка в сферах массовой коммуникации, появляются в 70-х годов XX века. В них тексты массовой информации рассматриваются с различных точек зрения: грамматики, стилистики, социолингвистики, теории дискурса, контент-анализа, когнитивной лингвистики, риторической критики.

Среди отечественных ученых, внесших значительный вклад в развитие исследований языка средств массовой информации - С.И. Бернштейн, А.Н. Васильева, Б.А. Зильберт, В.Г. Костомаров, Б.В. Кривенко, И.П. Лысакова, Ю.В. Рождественский, Г.Я. Солганик, С.И. Трескова, Д.Н. Шмелев и др.

Западную традицию изучения языка СМИ представляют Т. ван Дейк, М. Монтгомери, А. Белл, Н. Фейерклаф, Р. Фаулер и др.

Этими исследователями была сформирована наука о языке СМИ – медиалингвистика. Впервые этот термин предложила Т.Г. Добросклонская [4], очень точно отразив в нем те тенденции, которые происходят в разносторонних исследованиях и позволяют очертить круг проблем, связанных с этой областью языка.

Предметом этой новой дисциплины является изучение функционирования языка в сфере массовой коммуникации. А ключевыми понятиями медиалингвистики стали, соответственно, *медиатекст и медиадискурс*.

В современную эпоху информация стала решающим фактором во всех сферах жизни человека. Существует мнение, что тот, кто владеет информацией, владеет миром. «В повседневном употреблении информация имеет отношение к значению или значимости и понимается как сообщение о фактах, событиях, процессах, обычно оформленное и переданное языковыми средствами» [13, 35]. Большой интерес для исследования представляют

печатные издания (газеты и журналы), так как они не только отражают явления окружающей действительности, но и интерпретируют их в свете той или иной идеологии или прагматической цели: в печать отбираются такие материалы, которые способны повлиять на читателя, привлечь его внимание к обсуждаемому вопросу и даже изменить его ценностные установки.

Выделение самостоятельной лингвистической дисциплины для изучения функционирования языка в СМИ обусловлено огромной ролью, которую играют средства массовой информации в жизни современного общества в целом и в развитии языка в частности. Ключевое для традиционной лингвистики определение текста как «сложной, иерархически организованной многоплановой структуры, представляющей собой речевое произведение, характеризующееся целостностью, связностью и завершенностью» [10, 15], при переносе в сферу масс-медиа значительно расширяет свои границы. Здесь оно выходит за пределы знаковой системы вербального уровня, приближаясь к семиотическому толкованию понятия «текст», которое подразумевает последовательность любых (не только вербальных) знаков. Большинство исследователей сходятся в том, что в средствах массовой коммуникации понятие «текст» приобретает новые смысловые оттенки, и в современной лингвистической литературе вводится термин «медиатекст». Ученые по-разному, в пределах своей области исследований, определяют специфические черты медиатекста.

Так, например, Я. Н. Засурский рассматривает медиатекст в контексте многообразия и разноплановости современных процессов массовой коммуникации и определяет его как «новый коммуникационный продукт» [6, 11].

Г.Я. Солганик, рассматривая текст современных массовых коммуникаций в терминах традиционной лингвистики, сопоставляет понятия текст и медиатекст и выделяет следующие особенности медиатекста:

1) особый тип автора (принципиальное совпадение производителя речи и ее субъекта), следствием чего являются такие качества, как подлинность, документальность, эмоциональность и страстность медиаречи;

2) специфическая текстовая модальность (субъективно-объективное отношение к действительности, для которого характерно открытое и непосредственное выражение авторских мыслей, чувств, оценок, отношения к реальности);

3) ориентация на массовую аудиторию;

4) создание своеобразного публицистического пространства как широкой области бытования и столкновения идей, мыслей, положений социального, политического, идеологического, мировоззренческого и т. п. характера [10, 7–15].

И.В. Рогозина подчеркивает значимость социальных, когнитивных и коммуникативных процессов, которые реализуются при взаимодействии с текстами СМИ. Рассматривая медиатекст как элемент структуры медиа кар-

тины мира, она предлагает определять медиатекст как «достаточно подвижное, регулируемое социально-речевое образование, обеспечивающее решение как коммуникативных, так и иных задач» [9, 164].

«Будучи целостным образованием, целенаправленно репрезентирующим реальность, медиатекст может рассматриваться как система, складывающаяся из вербальных и невербальных компонентов. То есть медиатекст функционирует как полифункциональная система и характеризуется сложными отношениями подобно многим объектам реальности. Изучение этих отношений позволит наиболее адекватно раскрыть социально-регулятивную и когнитивную природу медиатекста» [9, 154].

Наиболее полно концепция медиатекста раскрыта в работах Т. Г. Добросклонской, которая выделяет такие характеристики:

1) способ производства текста (авторский – коллегиальный);
2) форма создания (устная – письменная);
3) форма воспроизведения (устная – письменная);
4) канал распространения (средство массовой информации – носитель: печать, радио, телевидение, Интернет);
5) функционально-жанровый тип текста (новости, комментарий, публицистика, реклама);
6) тематическая доминанта или принадлежность к тому или иному устойчивому медиатопику [4, 58].

Для более точного определения медиатекстов ключевое значение имеет канал распространения – то средство массовой информации, в рамках которого данный текст создан и функционирует. Каждое средство массовой информации (печать, радио, телевидение или Интернет) характеризуется особым набором медийных признаков, которые оказывают существенное влияние на лингвоформатные свойства текста. Так, в газете или журнале словесная часть текста может быть усилена графическим оформлением и иллюстрациями, на радио – голосовыми возможностями и звуковым сопровождением, на телевидении – видеорядом. [4, 58]

Медиатексты печатной прессы, очевидно, имеют равнозначные вербальные и невербальные компоненты, когда текст и иллюстрация дополняют друг друга, одинаково важны для понимания даваемой информации.

Понятие коммуникативного фона тесно связано с важным для изучения текстов СМИ понятием дискурса. Голландский ученый Теун ван Дейк предложил определять дискурс как «сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщения» [3, 113]. Также ученый отмечает, что для понимания дискурса «необходимо и знание о мире и, следовательно, необходим когнитивный и социальный анализ знаний носителей языка в рамках определенной культуры, анализ того, как они используют эти знания

в процессе интерпретации дискурса вообще и в установлении связности текста в частности» [3, 127–128].

Дискурс представляет собой «связный текст в совокупности с экстралингвистическими - прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами. Это речь, «погруженная в жизнь» [2, 136–137]. Его можно определить как «текст, взятый во взаимосвязи с живой жизнью, с социальными и психологическими характеристиками говорящих, с событийным контекстом. В термине «дискурс» подчеркивается процессуальность речевых действий. При этом текст является только результатом, частью данного процесса» [10, 8].

В.Е. Чернявская пишет, что «под дискурсом следует понимать текст(ы) в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и другими факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обусловливающим особую упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте. Дискурс характеризует коммуникативный процесс, приводящий к образованию определенной формальной структуры – текста» [12, 147].

О.В. Александрова убеждена, что тексты СМИ представляют собой не что иное, как дискурс, так как они динамичны, современны и воспринимаются участниками коммуникации в контексте происходящих событий [1, 48–49].

Понимание дискурса «в современных условиях тесно связано с когнитивными исследованиями, что предполагает наличие своеобразной триады: адресант информации, адресат и текст, при помощи которого эта информация передается. В случае медиадискурса такой подход становится особенно актуальным, ибо позволяет говорить о параметрах выделения медиадискурса в соответствии с когнитивными установками адресанта (то есть идеологической направленностью того или иного текста, теми идеями и отношением, которые в нем заложены), характеристиками целевой аудитории, на которую этот текст направлен, и, наконец, лингвистическими и экстралингвистическими стратегиями подачи информации, представленными непосредственно в тексте» [7, 54].

Дискурс СМИ – это совокупность коммуникативных актов, адресантом которых является профессиональный журналист, адресатом – читатель, а текст выполняет функцию насаждения взглядов, будь то любовь к животным, приверженность к вегетарианству или следование моде. По мнению М.Р. Желтухиной, дискурс масс-медиа – это «связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте,

представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [5, 132].

В итоге, сходство и различие между понятиями «текст», «медиатекст» и «медиадискурс» можно продемонстрировать с помощью коммуникационной модели, которая позволяет представить сложный и многогранный процесс человеческого общения в структурированном виде. Первые попытки моделирования коммуникации относятся к началу 1950-х гг. и обычно ассоциируются с именами американских ученых-кибернетиков К. Шеннона и Н. Винера, которые выделили такие базовые компоненты модели, как отправитель сообщения, его получатель, канал, передающее устройство, обратная связь и сопровождающие шумы.

В последующие годы вопросы структурирования коммуникативного пространства продолжали Р.О. Якобсон, М. М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Ж. Бодрийяр и другие. [8, 14–16].

Постепенное осмысление накопленного опыта привело к тому, что к концу XX века сложился своего рода «универсальный вариант» коммуникационной модели, учитывающий все базовые компоненты коммуникации: отправителя сообщения (1), его получателя (2), канал (4), обратную связь (5), само сообщение (3), процессы его кодирования и декодирования (6, 7) и ситуацию общения или контекст (8) [4, 199].

Определяя текст, медиатекст и медиадискурс понятиями данной модели, можно сказать, что текст – это сообщение (1), медиатекст – это сообщение плюс канал (1 и 4), а медиадискурс – это сообщение в совокупности со всеми прочими компонентами коммуникации – его получателем, каналом передачи, обратной связью, самим сообщением, процессами его кодирования и декодирования и контекстом (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8).

Как полагает американский исследователь и журналист Алан Белл, изучение медиадискурса представляет легкодоступный материал для исследований и преподавания; язык СМИ отражает и влияет на использование языка людьми в языковом сообществе, а также отражает и влияет на отношение людей к использованию языка; исследование дискурса СМИ позволяет выявить социальные значения и стереотипы, отраженные в языке и коммуникации; и, что не маловажно, СМИ отражают и влияют на формирование и выражение культуры, политики и общественной жизни [13, 23].

Специфика медиадискурса обусловлена во многом и его функциями, главнейшие из которых – информационная и воздействующая – сочетаются с рядом других, например, функцией социальной связи – то есть комментирование и интерпретация происходящего, поддержка существующих норм и властных отношений, социализация, формирование общественного согласия; функцией обеспечения преемственности – выражение образцов доминирующей культуры, поддержание общности социальных ценностей; функ-

цией мобилизации – организация кампаний в связи с актуальными целями в политике, экономике, социальной сфере.

Анализируя печатные издания, Е.О. Менджерицкая отмечает возможность говорить о следующих типах медийного дискурса:

– дискурс качественной прессы;

– дискурс популярной прессы;

– дискурс специализированных изданий, таких, как научные и научно-популярные журналы [7, 54]. Отдельному рассмотрению, по мнению исследователя, подлежат дискурс «желтой» прессы и дискурс глянцевых журналов.

Изучение медиатекста позволяет увидеть новые речевые возможности журналистики XXI века и в то же время способствовать развитию новой информационно-коммуникационной среды, включающей в себя новейшие достижения цифровой технологии и существенно расширяющей сферу и эффективность своего воздействия [12].

Литература

1. Александрова О. В. Когнитивно-прагматические особенности построения дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Тезисы докладов Междунар. науч. конф. / Под общ. ред. М. Н. Володиной, М. Л. Ремневой. - М.: Изд-во МГУ, 2001. - С. 48-49.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. - М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. - С. 136-137.
3. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация- М.: Прогресс, 1989. -312 с.
4. Добросклонская Т. Г. Теория и методы медиалингвистики (на материале английского языка): Дис. д-ра филол. наук. - М.: МГУ, 2000. - 368 с.
5. Желтухина М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: Дис. д-ра филол. наук. - М., 2004. - 358 с.
6. Засурский Я. Н. Медиатекст в контексте конвергенции // Язык современной публицистики: Сб. ст. / Сост. Г. Я. Солганик. - М.: Флинта: Наука, 2005. - С. 7-12.
7. Менджерицкая Е. О. Термин «дискурс» и типология медиадискурса // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. - 2006. - № 2. - С. 50-55.
8. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. - М.: Рефлбук, Киев: Ваклер, 2003. - 656 с.
9. Рогозина И. В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: Дис. д-ра филол. наук. - Барнаул: АлтГУ, 2003. - 430 с.
10. Солганик Г. Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики: Сб. ст. / Сост. Г. Я. Солганик. - М.: Флинта: Наука, 2005. - С. 13-20. (Солганик -2)
11. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: Учеб. пособие. - М.: Книжный дом «Либроком», 2009. - 248 с.
12. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. – М., 1996. – 248 с.
13. Bell A. Language and the Media // Annual Review of Applied Linguistics. - 1995. - Vol. 15. - P. 23-31.

© Фаткуллина Ф.Г., 2013

Филотенкова Е.А.
г. Уфа, Россия

Гамлетовский сюжет в романах А. Мердок «Черный принц» и Д. Апдайк «Гертруда и Клавдий»

Вечные образы – термин литературоведения, искусствознания, истории культуры, подразумевающий переходящие из художественного произведения в произведение образы, символы, ставшие культурными универсалиями [2].

Приведем цитату из «Литературной энциклопедии» И.М. Нусинова: «Вечные образы – образы искусства, которые в восприятии последующего читателя или зрителя утратили первоначально присущее им бытовое или историческое значение и из социальных категорий превратились в психологические категории» [4].

Писатели всех эпох обращались к традиционным шекспировским образам, среди которых наиболее популярным является Гамлет, принц Датский.

В произведении Шекспира Гамлет – пламенный выразитель новых взглядов, принесенных эпохой Возрождения, ощущающий разрыв «связи времен», умный, благородный и честный гуманист, который не может смириться с нравами современного ему общества. Гертруда преподносится Шекспиром через восприятие Гамлета. И образ ее неоднозначен, ведь чувства Гамлета к матери противоречивы. Это и жалость, и любовь, и ненависть – эмоции то и дело сменяют друг друга в сердце Гамлета, причиняя ему боль и страдания, заставляя идти по выбранному им пути. Клавдий Шекспира – фигура, воспринимаемая более четко и однозначно, это жаждущий власти, завистливый и расчетливый братоубийца.

Впервые Гамлет появляется в «Деяниях данов» датского историка-хрониста Саксона Грамматика (1140 – около 1208). В 1576 в 5 томе «Трагических историй» легенду пересказал Франсуа Бельфоре. А в 1601 году сказание о Гамлете трансформирует У. Шекспир в одноименной трагедии «Гамлет, принц Датский».

Настоящая статья посвящена трансформациям гамлетовского сюжета Шекспира в двух романах последней четверти 20 века – «Черном принце» (1973) английской писательницы Айрис Мердок и «Гертруде и Клавдие» (2000) американского писателя Джона Апдайка.

«Черный принц» А. Мердок – это роман в романе. Существует автор произведения – сама А. Мердок, которая создает Брэдли Пирсона – художника, написавшего книгу об одной «истории своей жизни». Но события Пирсон преподносит читателю через призму шекспировской трагедии.

А. Мердок создает такую же схему в рамках семьи Баффинов, что и Шекспир в королевской семье. Но в своей трактовке Айрис Мердок переносит акценты с одних действующих лиц на другие. И в центре трагедии уже не Гамлет, а Клавдий, т.е. Брэдли Пирсон.

Развязка романа неоднозначна: убийство друга и соперника Брэдли – Арнольда Баффина – могло быть осуществлено как самим Брэдли, так и женой Арнольда, Рейчел.

Таким образом, роман А. Мердок «Черный принц» – предыстория сюжета Шекспира о принце Датском. А. Мердок рисует трагедию не Гамлета, а трагедию Клавдия, породившую, по нашему мнению, трагедию Гамлета.

В романе мотивы современного Клавдия-Брэдли аналогичны мотивам соперничества и ревности у Шекспира. Арнольд Баффин – alter ego Пирсона, Брэдли считает его «эманацией собственной личности» [3, 285], «самым важным для себя человеком» [3, 285]. Но вместе с этим Брэдли завидует Арнольду, ревностно следит за изданием его книг, за его успехом.

Дочь Арнольда и Рейчел, Джулиан, является реминисценцией шекспировского Гамлета, посредством которого раскрывается образ Клавдия-Брэдли. Будучи 16-летней школьницей, Джулиан играла роль Гамлета, а однажды для Брэдли она облачается в костюм Гамлета, ее образ довершает овечий череп, найденный на берегу. Девушка часто цитирует Шекспира, что еще раз показывает силу его влияния на ее образ.

Дискуссия, которая возникает между Джулиан и Брэдли на тему «Гамлета», заканчивается небольшой лекцией Пирсона. Интерпретируя «Гамлета», Брэдли говорит: «Он остроумен, как Иисус Христос, но Христос говорит, а Гамлет – сама речь» [3, 306]. И затем в послесловии, когда Брэдли дописывает свою книгу, он так интерпретирует саму Джулиан: «Джулиан должна была существовать ради книги. Не потому <…> что книга была схемой, которой Джулиан должна была дать жизнь, и не потому, что схемой была Джулиан, которую наполнить жизнью должна была книга. Просто Джулиан была – и есть – сама эта книга <…>» [3, 580]. Так, в сознании Брэдли Пирсона Джулиан и Гамлет сливаются в единый образ.

После убийства Арнольда Баффина Брэдли Пирсон был признан в обществе сумасшедшим. Таким образом, к завершению романа он сам превращается в Гамлета. Им обоим было трудно смириться с тем обществом, в котором они жили. Их духу слишком тесно было в этом мире. «Весь мир тюрьма» [5, 177], – говорит Шекспир, и Айрис Мердок вторит ему своей историей о Брэдли Пирсоне. Отсюда образ тюрьмы, который стал для Пирсона образом новой, неизведанной жизни.

Важно отметить, что трагедии Шекспира – это прежде всего истории человеческих страданий. Именно здесь возникает понятие «катарсис». «Мир юдоль страданий» [3, 519], – печально замечает Брэдли. Эта фраза может

поистине считаться лейтмотивом всех трагедий Шекспира. Брэдли Пирсон рассуждает о счастливой и несчастной любви. Последняя, по мысли Пирсона, может приобщить человека к чистому страданию.

«Гертруда и Клавдий» Д. Апдайка – это история не Гамлета, но история его матери, Гертруды, и ее отношений с 4 главными мужчинами ее жизни: отцом, мужем, любовником и сыном.

Роман имеет 3 части, предисловие и послесловие. В каждой из 3 частей писатель дает своим героям новые имена. Имя персонажа отражает его характер. Изменение имени – перемена характера.

Если обратиться к герою, известному под именем Клавдий, то в романе Апдайка в первой части, согласно «Истории датчан» Саксона Грамматика 12 века, это – Фенг. Он – младший брат Горвендила, будущего короля Дании и отца Гамлета. В тексте романа встречаются характеристики героя, из которых следует вывод: Фенг – яркая, самодостаточная личность, храбрый человек, люди не боятся идти с ним в бой.

Во второй части романа имя Фенг Апдайк заменяет именем Фенгон, которое «взято из пятого тома "Трагических историй" Франсуа Бельфоре, вольного переложения рассказа Саксона» [1]. За трансформацией имени следует трансформация личности. Так, Фенгон – действительная тень короля, и первого, и второго. Фенгон, полный желания безраздельно владеть и короной, и королевой, убивает короля.

И в третьей части это уже Клавдий – братоубийца и новый король Дании.

Три части – три короля. Первый король Дании словно не умер в первой части романа, а продолжил жить сначала в Горвендиле, а потом – в Клавдие.

Своеобразие образа Гамлета в романе «Гертуда и Клавдий» состоит в том, что автор не представляет его собственной персоной. Принц Амлет дан сквозь призму героев Апдайка, каждый персонаж в системе героев романа интерпретирует Амлета словно многогранное произведение искусства. По нашему мнению, в романе существуют 4 Гамлета: Гамлет Гертруды, Гамлет Клавдия, Гамлет Полония, Гамлет Офелии. Не все Гамлеты противоречат друг другу, но все отражают стороны характера героя, сложность, противоречивость, надломленность личности принца.

Ключевой характеристикой Амлета становятся слова Полония. «Шутливость» [1], «актерство» [1] мальчика, о которых говорит камерарий, становится для него единственным способом преодолеть «разрыв связи времен».

Гертруда – один из центральных женских образов в трагедии Шекспира «Гамлет». Именно Гертруда становится истоком трагических событий в пьесе. Роман Апдайка строится вокруг образа Гертруды, с ней одной связана и завязка, и кульминация, и развязка. «Гертуда и Клавдий» – по нашему

мнению, апология Гертруды. Сюжетно роман представляет собой часть жизни Гертруды от ее девичества и до коронации Клавдия.

В романе 3 основные части, в каждой Гертруда имеет определенное имя: Герута, Геруте и – Гертруда.

Таким образом, Апдайк сделал следующее: он рассказал предысторию убийства короля Дании, или трагическую историю любви королевы. Это попытка Джона Апдайка объяснить Гертруду через ее жизнь, через ее любовь, любовь – к отцу, к Горвендилу, к Клавдию, к Гамлету.

Джон Апдайк, несомненно, отталкивался от шекспировского сюжета, но его трансформация вышла за временные и пространственные рамки трагедии Великого Барда. Если рассматривать роман «Гертруда и Клавдий» и трагедию Шекспира «Гамлет» как 2 части одной книги, то композиция будет следующей: встреча Геруты и Фенга – завязка, убийство короля и мучительные сомнения Гамлета – кульминация, месть Гамлета – развязка.

Мы рассмотрели 2 романа, авторы которых переосмыслили и трансформировали традиционный гамлетовский сюжет Великого Барда. Выделим общие черты романов-интерпретаций:

- и Айрис Мердок, и Джон Апдайк показали в своих романах предысторию убийства короля (Арнольда Баффина и Горвендила);
- оба романиста вели повествования от имени действующего лица (не от автора), что сделало видение субъективным, а значит, полемичным;
- писатели не дают авторскую точку зрения в своих романах, но предпочтение отдано персонажу-повествователю;
- Гамлет в обеих трансформациях не главный и не положительный герой, он не является авторским моральным идеалом.

Выделим черты, разнящие английский и американский романы с одним исходным сюжетом:

- Роман Мердок насквозь метафоричен, шекспировский сюжет «спрятан» в подтексте.
- Джон Апдайк довел свое действие вплоть до точки, с которой начинается трагедия Шекспира.
- Главным героем и повествователем у А. Мердок является Клавдий (Брэдли Пирсон), именно этот образ оправдан в глазах читателя писательницей.
- Роман Д. Апдайка является апологией Гертруды (Геруте).

Таким образом, английская трансформация Айрис Мердок и американская версия Джона Апдайка шекспировской трагедии – очевидная полемика с великим драматургом, ведь авторы апологии каждого из двух убийц и предъявляют своеобразное обвинение Гамлету. Произведения содержат глубокий подтекст, потому апологии Клавдия и Гертруды небезосновательны, позволяют иначе прочитать шекспировского «Гамлета», глубже проникнуть в сердце трагедии.

Литература
1. Апдайк Д. Гертруда и Клавдий [Электронный ресурс]. М., 2001. – Режим доступа: http://lib.ru/INPROZ/APDAJK/updike_gertruda.txt.
2. Гайдин Б.Н. Вечные образы как критерий «значимости» литературных произведений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=623.
3. Мердок А. Черный принц. М., 2009.
4. Нусинов И.М. Вековые образы // Литературная энциклопедия. Т. 2 [Электронный ресурс]. 1929. – Режим доступа: http://feb-web.ru/FEB/LITENC/ENCYCLOP/le2/le2-1281.htm.
5. Шекспир У. Гамлет, принц датский // Шекспир У. Трагедии. М., 1983.
© Филотенкова Е.А., 2013

Хабиров Р.Р.
г.Уфа, Россия

Специфические признаки спортивной прессы как вида массовой коммуникации

Главная особенность спортивной прессы заключается в том, что спортивный журналист знает заранее, когда и где произойдет конкретное спортивное событие. Он точно знает, о чём напишет через несколько месяцев или даже через несколько лет. Эта уникальная черта спортивной прессы связана с тем, что все турниры проходят по определенному спортивному календарю, в котором зафиксированы начало и конец спортивных мероприятий. К примеру, сезон Континентальной хоккейной лиги начинается в России в сентябре, а в феврале проходят игры плей-офф. Соответственно, уже перед началом игрового сезона известно, что региональные журналисты до конца февраля будут освещать по несколько игр местной хоккейной команды в неделю. Если же их команда будет выступать в турнире и дальше, как следствие, и они будут все это время освещать ее игры.

Одна из ключевых функций спортивной журналистики – информационная. Сегодня читатели и зрители хотят узнавать как можно больше информации о своих любимых клубах и спортсменах. Тем самым спортивная пресса подстраивается под них, и сразу же после игр и состязаний мгновенно передает информацию потребителям спортивных материалов. Она оперативна, даже по сравнению с общественно-политическими изданиями. К примеру, если несколько лет назад, о хоккейном матче, который прошел в выходные, люди узнавали в лучшем случае на следующий день из теленовостей, то сегодня благодаря современным технологиям, всю необходимую информацию о прошедшей игре можно узнать в этот же вечер. Однако, в этих материалах, зачастую, факт превалирует над комментарием. Объясня-

ется это, прежде всего тем, что у журналиста не остается достаточного количества времени для полного анализа спортивного события.

Исходя из вышесказанного, следует, что для спортивной прессы характерно преобладание информационных жанров. Как следствие, ведущие жанры в спортивной прессе – информационная заметка и репортаж. Заметка, безусловно, самый оперативный материал в журналистике, а репортаж – единственный жанр, который способен передать эмоциональный накал и динамику спортивного события. Обращение к этим жанрам зависит лишь от того, присутствует журналист на месте события или нет. Еще один, часто используемый в материалах, как метод сбора информации, так, и как самостоятельный жанр – это интервью. Конечно, невозможно предположить заранее, кто именно согласится на интервью, однако, как показывает практика, спортсмены редко отказывают журналистам в общении.

Как это ни парадоксально, но даже в спортивной журналистике в последние годы наметилась тенденция к предпочтению в СМИ освещения отдельных видов спорта. Сегодня в федеральных СМИ есть журналисты, которые пишут только о хоккее, футболе или биатлоне. А вот региональных журналистов эта тенденция обошла стороной. Они универсальны и продолжают писать о футболе и хоккее, о боксе и баскетболе. Однако их в основном интересуют выступления спортсменов только своего региона, как на российских, так и на международных соревнованиях.

Следующая, не менее важная особенность спортивной прессы – многочисленные статистические данные. Любой материал спортивного репортера состоит из множества цифр: результативность команд, статистика игроков, количество забитых и пропущенных мячей. Это объясняется желанием потребителей спортивной информации знать не только итоговый результат, но и личную статистику игрока, а также позицию любимой команды или спортсмена по отношению к другим участникам соревнований. Кроме того, статистика важна и в спорных моментах, когда нужно подтвердить свои мысли фактами.

Стоит добавить, что материал журналиста должен состоять не только из статистических данных, но и нести в себе информацию об игроках, интересные факты из их личной жизни. Все это нужно для того, чтобы материал журналиста оказался интересным для публики, ведь спортивная пресса не может и, главное, не должна ограничиваться незаинтересованным и кратким пересказом увиденного. Отсюда следует вывод, что спортивный журналист сам как минимум должен заниматься любительским спортом, чтобы понимать все тонкости спортивной деятельности.

Литература

1. Воронков, П. Спортивная пресса как тип. М.: Самиздат, 2006. // zhurnal.lib.ru/w/woronkow_p/sport_press.shtml.
2. Федотова Л. Н. Социология массовой коммуникации: теория и практика. - М., 1993.

Хабиров Р.Р.
г.Уфа, Россия

Функции спортивной журналистики

«О спорт! Ты - мир!» - сказал когда-то барон Пьер де Кубертен. Действительно, во время Олимпийских игр в Древней Греции, к примеру, на время прекращались все военные действия между воюющими царствами. Кроме того, зачастую именно благодаря спорту сегодня устанавливаются доверительные отношения между людьми разных национальностей и конфессий. В настоящее время спортивная индустрия воздействует и на политические процессы. Спортивные события, освещаемые журналистами, отражают не только содержание тех или иных соревнований, но и становятся показателем развития страны: ее социальной и экономической развитости на международной арене. Отражением всех сторон этой спортивной жизни занимается спортивная журналистика. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что главная задача спортивной журналистики заключается в содействии установлению мира на земле через демонстрацию разрешения конфликтов с помощью спортивных состязаний.

Понятие спортивной журналистики гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Вот как ее обозначил создатель советской, а затем и российской теории журналистики Е. Прохоров в большой советской энциклопедии: спортивная журналистика – это социально-значимая деятельность по сбору, обработке и распространению актуальной спортивной информации через каналы массовой коммуникации (пресса, радио, телевидение, Интернет), опирающаяся на специальный предмет рассмотрения, описания, анализа и аудиторию. Спортивная журналистика, рассматривается теоретиками журналистики прежде всего как информационная, мгновенная. Ежедневно в мире происходит множество спортивных событий, и только благодаря оперативной работе спортивных журналистов у жителей многих стран есть возможность узнать, как закончились те или иные спортивные события в Северной Америке, Европе или Азии. Благодаря новейшим коммуникационным технологиям, сегодня это можно сделать сразу же после окончания спортивных соревнований. Типологически спортивные издания могут быть серьезными или же массовыми. Если в первом случае журналистов интересует непосредственно само спортивное событие, то во втором случае интерес прикован к личной жизни спортсменов. Стоит отметить, что спортивная пресса является самой рейтинговой по сравнению с другими типами журналистики, будь то политическая, экономическая или же научная журналистика. К примеру, спортивные газеты зачастую, вне зависимости от социального слоя, возраста и профессии людей, являются единственным систематическим чтением для жителей многих стран. Особенно это касается

детей и подростков, для которых футбол или хоккей, гораздо интереснее, нежели политика и экономика.

Спортивная пресса является составным элементом журналистики, поэтому функции, ей присущие, неотделимы от функций журналистики в целом. Однако некоторые авторы, такие как, Л.Н. Федотова, И.Д. Фомичева, предпочитают говорить не о функциях журналистики, а о функциях средств массовой информации (коммуникации). Например, Л.Н. Федотова выделяет такие функции СМИ, как информирования, воспитания, организации поведения, снятия напряжения, коммуникации [2, 56]. Тем не менее, в истории российской журналистики постепенно появляются положительные работы по исследованию функций, присущих именно спортивной журналистике. К примеру, известный российский теоретик журналистики П. Воронков в своей работе «Спортивная пресса как тип» выделяет пять функций спортивной журналистики: эскейпизм, функция эмоциональной мены, информационная, аналитическая и воспитательная. К общим функциям журналистики Воронков относит информационную, аналитическую и воспитательную. Информационная функция действительно одна из ключевых функций спортивной журналистики. Спортивная пресса оперативно предоставляет общественности всеобъемлющую информацию, касающуюся спортивной жизни. Буквально сразу же после спортивных мероприятий, благодаря спортивным телепередачам и новостям, болельщики и любители спорта имеют возможность узнать, с каким счетом закончился матч испанской «Барселоны» или итальянского «Наполи». В оперативном смысле телевидение, конечно же, опережает газеты, которые публикуют материалы только на следующий день. Однако самым оперативным способом передачи информации сегодня является Интернет. Например, благодаря онлайн-трансляциям болельщики могут в онлайн-режиме отслеживать игру любимой команды: какой счет в матче, какая команда владеет игровым преимуществом.

Трудно переоценить и аналитическую функцию спортивной журналистики. Она выражается в поэтапном рассмотрении причинно-следственных связей, которые и привели команду к итоговому результату. Например, после каждого поражения сборной России по футболу спортивная общественность поднимает вопрос о непрофессионализме российских игроков или же о невезении. Также аналитическая функция заключается в прогнозировании результатов будущих событий, определении фаворитов и аутсайдеров. Перед чемпионатом мира по хоккею 2013 года в Швеции и Финляндии спортивные журналисты, к примеру, вспоминая триумфальную победу российских хоккеистов на чемпионате мира 2012 года, предрекали ей очередной успех. В итоге Россия не вошла даже в тройку призеров.

Установка на эскейпизм и функция эмоциональной мены, присущие, по мнению П. Воронкова, только спортивной прессе, представляют собой единую развлекательную функцию. На это указывают и статистические

данные многих иностранных социологических исследований. Они наглядно демонстрируют, что спорт сегодня стал одним из главных факторов роста телевидения. Именно телевидение способствует тому, что спортивная аудитория сегодня увеличилась во много раз по сравнению с предыдущими годами. Тем самым спорт достаточно активно влияет на эмоциональный мир человека. В большинстве развитых стран, к примеру, на спортивные передачи отводится более 10% от общего объема телевизионных программ.

Функция эмоциональной мены для спортивной журналистики является одной из важнейших. Прочтение спортивных газет и журналов, просмотр спортивных телепередач и новостей приносят эмоциональную разрядку, тем самым избавляя от отрицательных эмоций. Однако эмоциональную разрядку и положительные эмоции от спортивной журналистики получают только пассивные болельщики. Они не являются каждодневными потребителями спортивной информации. Для них не так значима победа или поражение российских спортсменов на международной арене. Если российская сборная по футболу или хоккею побеждают очередного соперника, они, конечно, из чувства патриотизма, обрадуются этой победе. Однако если команда проиграет, они и не особо этому расстроятся. Без сомнения, информация о проигрыше команды тут же забывается. Если же появляются положительные факты, такие как победа наших спортсменов на Олимпиаде или Универсиаде, то внимание на этой информации задерживается, а личные переживания из-за бытовых проблем на время забываются.

В отличие от пассивных, активные болельщики не мыслят себя без материалов спортивных журналистов. Их самочувствие и жизненное настроение полностью зависят от результата, который показала их любимая команда или спортсмен. Они наиболее подвержены материалам спортивного журналиста. Отрицательные эмоции у таких болельщиков проявляются после поражения любимой команды, особенно у футбольных фанатов. Как ни парадоксально, но к общественным беспорядкам приводят и положительные эмоции после побед. В этой связи, можно привести в пример Англию или Италию, где футбольные болельщики после побед своей команды устраивают погромы на стадионах. Таким образом, эта группа болельщиков ощущает на себе проявление и информационной, и аналитической, и воспитательной, и пропагандистской функций спортивной журналистики, тогда как пассивные болельщики ограничиваются лишь информационной и развлекательной функциями.

К тому же у спортивной журналистики есть и своя специфическая аудитория, состоящая из специалистов спортивной индустрии - это спортсмены, тренеры, менеджеры, журналисты, работники спортивных объектов и спортивные врачи. Их реакция на информацию зависит от положительной или отрицательной оценки прессой выступления их подопечных. Сами журналисты воспринимают репортажи своих коллег с точки зрения конкурен-

ции. Помимо того, спортивная пресса подает положительный пример потребителям спортивной информации посредством освещения спортивных событий, тем самым формируя систему норм и ценностей, в частности у молодого поколения. Здесь в полной мере проявляется функция воспитания.

Следует заметить, что спортивная журналистика выполняет и функцию стресса. Он выражается во внутренних и внешних эмоциональных проявлениях человека. Не секрет, что внутренние эмоции влияют на настроение индивида. Например, если та команда, за которую переживает человек, побеждает, то у него повышается жизненный оптимизм. Однако при поражении любимого клуба или спортсмена в его душе возникают отрицательные эмоции. Например, у активных болельщиков они проявляются в демонстрациях и общественных беспорядках. В спортивной прессе, как в политической и экономической, функция стресса реализуется ежедневно, поскольку спортивные мероприятия почти никогда не заканчиваются.

Помимо информационной, аналитической, воспитательной, развлекательной и стрессовой функций спортивной журналистике присущи мировоззренческая и пропагандистская функции. Что касается мировоззренческой функции, то именно спортивная журналистика даёт ярчайшее представление о мире. Благодаря познавательным и прежде всего аналитическим материалам спортивных корреспондентов, у зрителей и читателей есть возможность изучать страны, в которых проходят соревнования, их культуру и, конечно же, быт. Журналисты на время переносят людей в разные уголки земли. К примеру, сегодня это может быть солнечная Африка, где проходит чемпионата Мира по футболу, а завтра - респектабельное Монако, где проходят королевские гонки.

Несмотря на положительные свойства функций спортивной журналистики, стоит отметить, что в современных условиях спортивные материалы испытывают процесс аберрации (отклонения от нормы). На процесс изменения функций журналистики указывает и исследователь теории журналистики С.Г. Корконосенко, считая, что «каждая функция может проявляться с «обратным знаком», то есть давать эффект, противоположный ожиданиям. Тогда ее правильнее именовать дисфункцией». К сожалению, сегодня внимание потребителей спортивной прессы заостряется не только на спортивной составляющей, но и на скандалах и происшествиях из жизни спортсменов. Негативная информация становится во много раз актуальнее, нежели позитивная и, как следствие, превышает ее в количественном объеме. Это объясняется, прежде всего, интересом публики. В свою очередь, высокий рейтинг публикаций и телепередач является определяющим условием существования СМИ, функционирующих в жесткой рыночной среде. И как не печально, в погоне за прибылью журналисты, не осознавая того, внедряют в сознание людей новые стандарты, наносящие вред духовному и эстетическому развитию, и прежде всего детей и молодежи.

Литература
1. Воронков, П. Спортивная пресса как тип. М.: Самиздат, 2006. // zhurnal.lib.ru/w/woronkow_p/sport_press.shtml.
2. Федотова Л. Н. Социология массовой коммуникации: теория и практика. - М., 1993.

© Хабиров Р.Р., 2013г.

Хабутдинова Л.Х.
г.Уфа, Россия

Некоторые грамматические трудности английского языка

Чтение на иностранном языке выполняет ту же функцию, что и чтение на родном языке. Оно расширяет кругозор студентов и является источником новой информации. Чтение текста по специальности – это сложный и разносторонний процесс, который является важным этапом в практическом овладении иностранным языком. Какие трудности возникают для студентов в процессе чтения и понимания иностранного научно-технического текста, какие ошибки наиболее типичны при понимании содержания читаемых текстов и каковы методические приемы и пути преодоления отмеченных трудностей понимания иностранного текста?

Язык специальной научной литературы отличается от литературного языка наличием большого количества предложений с однородными членами, которые иногда значительно отдалены от того слова, к которому они относятся.

Неправильное понимание в процессе чтения иностранного научно-технического текста возникает по причине того, что для начинающего читать иностранный текст единицами восприятия служат отдельные слова; самостоятельный переход от стадии изолированных слов к осознанию грамматических связей довольно сложен. Для того, чтобы такой переход произошел, необходимо специальное обучение. На начальном этапе обучения чтению применяется анализ предложения на известном лексическом и грамматическом материале, который обязательно включает определение функции данной глагольной формы в предложении. Грамматический анализ является необходимым условием и предпосылкой к беспереводному чтению через понимание и усвоение грамматической структуры языка.

Язык английской научной литературы отличается сложностью грамматических форм, их громоздкостью и, следовательно, вызывает трудности в понимании и переводе.

Язык каждого автора отличается своеобразием в использовании грамматических форм. Поэтому отбор материала в соответствии с принципом частотного использования был бы неверным, так как некоторые явле-

ния, несмотря на относительно редкое использование, все же встречаются в научных текстах и вызывают у студентов трудности в их понимании или в переводе на родной язык.

Трудными для понимания и для перевода могут быть следующие явления: 1) использование нескольких существительных в качестве определения к существительному - определяемому; 2) отдаленное положение сказуемого в отношении подлежащего или дополнения в отношении глагола-сказуемого в результате использования распространенных определений или придаточных предложений; 3) распространенные вводные предложения; 4) инверсия грамматическая или эмфатическая; 5) придаточные предложения - подлежащие, вводимые союзами; 6) эмфатические конструкции; 7) отдаленность придаточного, которое является одним из однородных придаточных по отношению к главному; 8) явное преобладание временных форм страдательного залога, субъектного инфинитивного оборота, герундия в функции обстоятельства, причастных оборотов и т.д.

В научном тексте богато используются как в качественном, так и в количественном отношении такие грамматические явления, как конструкции с неличными формами, сослагательное наклонение и сочетания модальных глаголов с простым, пассивным и перфектным инфинитивом, нередко используется несколько неличных форм, порой осложненных залогом и видом, в одном предложении.

Литература на иностранном языке по конкретной специальности характеризуется своеобразием использования грамматических форм и явлений, поэтому особое внимание должно уделяться созданию учебных профильных пособий.

© Хабутдинова Л.Х., 2013

Хайбулина Г.Н.
г. Учалы, Россия

Некоторые особенности медиалингвистики

В России термин «медиалингвистика» впервые был употреблён Т.Г. Добросклонской в её докторской диссертации [2]. Несколько ранее возник его англоязычный вариант "media linguistics", который можно встретить в работах британских исследователей языка средств массовой информации, например, в статье Джона Корнера “The Scope of Media Linguistics" [3].

Медиалингвистика (лат. «medium» - среда, посредник) – это наука о языке средств массовой информации, предметом которой является изучение функционирования языка в сфере массовой коммуникации и изучение теории медиатекста (ключевое понятие текста расширяет своё определение в сфере массмедиа). В лингвистике под текстом понимают «объединённую

смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой является связность и целостность» [3].

Медиалингвистика предусматривает наличие определенного инструментария для описания медиатекстов, например, способ производства текста (авторский - коллегиальный), форму создания и форму воспроизведения (устная - письменная) и канал распространения (печать, радио, Интернет, телевидение) [2, 13]. Концепция медиатекста выходит за пределы знаковой системы вербального уровня и по своему толкованию схожа с понятием «текст» в семиотике, где под «текстом» понимается «осмысленная последовательность любых знаков, любая форма коммуникации, в том числе обряд, танец, ритуал» [3].

Именно такая новая отрасль языкознания, как медиалингвистика позволяет осуществить подготовку компетентного специалиста современного уровня. Если для традиционной лингвистики ключевым понятием был словесный текст, обладающий целостностью и связностью, то медиатекст шире словесного текста по языковым формам и использует вербальный уровень и любые другие знаки. Нужно заметить, что дискурс массмедиа объединяет в одно целое вербальный и невербальный (экстралингвистический) компонент.

Голландский учёный Теун Ван Дейк говорит об объеме понятия дискурса:

- о социальном контексте, дающем представление об участниках коммуникации и их характеристиках;

- об особенностях производства, распространения и восприятия информации, культурно-идеологическом фоне и т. п. [1]

На человека постоянно воздействуют массмедиа, язык СМИ. И прежняя более или менее целостная система знаний и ценностей, составляющая мировоззрение и структуру личности, заменяется набором переменчивых установок, изменяя его мировоззрение в целом. Медиалингвистика позволяет изучить, каков механизм медийной интерпретации событий, какие лингвистические технологии используются для создания медиаобразов.

Медиалингвистика изучает роль СМИ в динамике языковых процессов и функционально-стилистический статус медиаречи, анализирует лингво-форматные признаки новостных, информационно-аналитических, публицистических, рекламных текстов, рассматривает основные типы медиатекстов, их структуру и динамику, а также исследуются медиатексты в рамках межкультурной коммуникации.

Медиалингвистика позволяет целостно рассматривать и оценивать общую языковую ситуацию в СМИ, благодаря концепции единого информационного пространства, виртуальных территорий, видеть целостную информационную картину мира в динамике, используя такие термины, как

информационная среда, информационное поле, инфосфера, медиасфера, медиадискурс.

Эти сложные и многогранные процессы требуют разработки новых парадигм исследования языка СМИ. Новая виртуальная среда текстового общения создает множество своих медиапотоков, которые активно влияют на языковые процессы.

Таким образом, нельзя не согласиться с мнением Т.Г. Добросклонской: «Наряду с вербальным и медийным уровнем важнейшей составляющей языка СМИ является уровень концептуальный, или когнитивно-идеологический" [2, 31].

Действительно, именно язык СМИ является тем кодом, той универсальной знаковой системой, с помощью которой в индивидуальном и массовом сознании формируется картина окружающего мира. Специалисты по медиапсихологии признают, что сегодня восприятие человеком окружающего мира в очень большой степени зависит от того, каким представляют этот мир средства массовой информации. Не располагая возможностью оценить огромное количество происходящих в мире событий на основе собственного опыта, мы вынуждены строить своё знание об окружающей действительности на медиареконструкциях и интерпретациях, которые в силу самой своей природы идеологичны и культуроспецифичны [3, 10].

Таким образом, медиалингвистика расширяет наши представления о возможностях использования языка и становится новой парадигмой в его изучении, которая позволит выявить как роль, так и средства языка СМИ, активно влияющие на формирование общественного сознания.

Литература

1. Дейк Теун ван. Язык. Познание. Коммуникация.–М.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь – М.: Флинта: Наука, 2008.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.И. Ярцевой, – М.: УРСС, 2002.
4. Язык современной публицистики // Сб.статей / По ред. Г.Я.Солганика. - М., Флинта: Наука, 2005
5. John Corner “The Scope of Media Linguistics”, BAAL Newsletter, 1998.

© Хайбулина Г.Н., 2013

Харина Р.С.
г. Уфа, Россия

Коммуникативная функция юридических текстов в социуме

Текст является основной единицей коммуникации. Порождение текста, а также его функционирование прагматически ориентированы, посколь-

ку любой текст, в том числе и юридический, создается при возникновении определенной целевой установки и функционирует в определенных коммуникативных условиях [4, 1551].

Юридические тексты относятся к т.н. документным текстам, которые являются предметом рассмотрения и анализа в рамках документной лингвистики. Документная лингвистика связана с текстами, которые представлены в рамках двух функциональных стилей, а именно: официально-делового и научного стилей. Официально-деловой стиль называют также административным стилем или деловой речью [1, 346]. В частности, О.А. Крылова [2, 70] к официальным документам относит различные объяснительные записки, инструкции и справки.

Исследование проблем, связанных с прагматической направленностью текста, предполагает выявление текстовых функций. Функция текста является социальной величиной (ср. Duden 1998: 840). В настоящей работе под функцией текста "понимается заключенное в нем намерение адресанта, т.е. коммуникативная задача, которая выполняется используемыми в тексте языковыми и неязыковыми средствами" [5, 16].

Документные тексты характеризуются определенными свойствами, которые и позволяют им выполнять соответствующую коммуникативную функцию в социуме. Само слово "текст" (лат. textus) означает «ткань, сплетение, соединение». Поэтому важно установить и то, что соединяется, и то, как и зачем соединяется.

Юридические тексты, в частности законы, имеют строго организованную структуру. В начале юридических текстов указаны общие положения (преамбула), которые устанавливают цели и задачи последующего текста документа, а также его обоснование. Рассмотрим, например, конституцию Германии, т.е. её основной закон (Grundgesetz). В преамбуле обращается внимание на то, что данный закон действует вплоть до объединения страны, после чего будет разработана конституция объединенной Германии: «Im Bewusstsein seiner Verantwortung vor Gott und den Menschen, von dem Willen beseelt, als gleichberichtiges Glied in einem vereinten Europa dem Frieden der Welt zu dienen, hat sich das Deutsche Volk kraft seiner verfassungsgebenden Gewalt dieses Grundgesetz gegeben» (Сознавая свою ответственность перед Богом и людьми, воодушевленный стремлением в качестве равноправного члена идущей по пути объединения Европы служить всеобщему миру немецкий народ, исходя из своей конституирующей власти, принял настоящий основной закон).

Рассматривая текст как форму коммуникации, важно подчеркнуть, что он всегда является продуктом первичной коммуникативной деятельности автора (говорящего, пишущего) и объектом вторичной коммуникативной деятельности адресата (читателя или слушателя). Для того, чтобы состоялось общение автора и адресата посредством текста, необходимо знание

языка (кода), коммуникативной действительности, а также наличие контакта (канала связи). Можно согласиться с тем, что текст – это «одновременно и форма существования коммуникации и ее результат» [3, 30].

Любой текст рассчитан на чье-либо восприятие. Отсюда и двунаправленность текста: на автора-создателя (может быть, и коллективного) и на воспринимающего читателя, реципиента. Такая двунаправленность порождает множество проблем при попытке охарактеризовать текст всесторонне.

Современные тексты выполняют различные коммуникативные функции, среди которых могут быть выделены ведущие (основные) и факультативные (второстепенные) функции. Что касается юридических текстов, то в них доминирует социально регулирующая функция. Данную функцию выполняют также объявления, деловые письма и официальные автобиографии.

Отдельные тексты – при наличии доминирующей функции – могут выполнять и несколько факультативных коммуникативно-прагматических функций. Так, например, деловое письмо, помимо основной функции – социально-регулирующей, может также о чем-то информировать, убеждать, побуждать к действию, носить поучительный характер и устанавливать деловые контакты.

На выполнение той или иной коммуникативной функции текста в определенной коммуникативной ситуации направлены как языковые, так и неязыковые средства, задействованные в его организации. В целом, для организации текста определяющими оказываются внешние факторы. Именно стимулы извне, как зависимость от прагматических установок определенной культурной общности, задают тексту некоторые свойства и функции [5, 16]. При этом существование различных классов, видов и подвидов текстов является результатом целенаправленной деятельности адресанта в ответ на эти стимулы. Так, например, закон (лат. lex) представляет собой постановление государственной власти, нормативный акт, принятый высшим органом государственной власти в установленном конституцией порядке. Закон входит в группу административно-правовых текстов и является их основным видом, поскольку обладает высшей нормативной силой по отношению к другим нормативным актам (указам, постановлениям, инструкциям, предписаниям и др.).

В энциклопедической литературе подчеркивается, что "закон выражает определенный порядок причинной, необходимой и устойчивой связи между явлениями или свойствами материальных объектов" (Философский словарь 1972: 133). Кроме того, обращается внимание на то, что закон – это "необходимая, внутренне присущая природе явлений реального мира тенденция изменения, движения, развития, определяющая общие этапы и формы процесса становления и самоорганизации конкретных развивающихся систем явлений природы, общества и духовной культуры человечества" (Философский словарь 2013: 119).

Выполнение законами их коммуникативной функции зависит как от языковых, так и неязыковых средств. Для текстов законов характерна весьма жесткая структура, которая обеспечивается, в том числе, и четким параграфированием. Помимо этого композиционная четкость законов достигается также при помощи подразделения параграфа на отдельные пункты (подпункты).

Наиболее сильную позицию в этом виде текста представляет собой заголовок, который всегда используется при формулировке как всего текста в целом, так и его отдельных положений. Таким образом, заголовок может быть не только основным и располагаться до текста, но и выполнять функцию подзаголовка. В этом случае он стоит (ср. текст закона о суде) внутри самого текста:

Gesetz über das Bundesverfassungsgericht

1. Stellung und Sitz des Gerichtes

(1) Das Bundesverfassungsgericht ist ein allen übrigen Verfassungsorganen gegenüber selbständiger und unabhängiger Gerichtshof des Bundes. (2) Der Sitz des Bundesverfassungsgerichtes ist Karlsruhe.

2. Senate, Wahl der Richter

(1) Das Bundesverfassungsgericht besteht aus zwei Senaten. (2) In jedem Senat werden acht Richter gewählt. (3) Die Richter jedes Senats werden aus der Zahl der Richter an den obersten Gerichtshöfen des Bundes gewählt. Gewählt werden sollen nur Richter, die wenigstens 3 Jahre an einem obersten Gerichtshof des Bundes tätig gewesen sind. (GBVG).

Для выделения заголовков и подзаголовков в отдельных законодательных положениях используются и некоторые внелингвистические средства, а именно: шрифт, его цвет, цифровая нумерация, расположение текста, а также параграфирование.

Литература

1. Голуб И. Б. Риторика: учитесь говорить правильно и красиво. – М.: Омега-Л, 2012. – 405 с.

2. Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. Кн.2 Практикум. – М.: Высшая школа, 2008. – 120 с.

3. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике. – М.: Академия, 2008. – 272 с.

4. Таюпова О.И. Языковой код в научно-популярном тексте // Вестник Башкирского государственного университета. – 2012. – № 4. С. 1550-1553.

5. Таюпова О.И. Коммуникативно-прагматическое варьирование в малоформатных прозаических текстах современного немецкого языка: Автореф. дис. …д-ра филол. наук. – М.: Институт языкознания РАН, 2005. –54 с.

6. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion / Bearb. von P. Eisenberg. – 6., neu bearb. Aufl. – Bd.4. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1998. – 912 S.

Энциклопедические издания
1. Философский словарь/ Под ред. М.М. Розенталя. – М.: Политическая литература, 1972. – 496 с.
2. Философский словарь. – 2- изд. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2013. – 564 с.
© Харина Р.С., 2013

Хизбуллина Д.И.
г.Уфа, Россия

Универсальный культ *Огня* о природе человека

История культуры как история человеческого мышления отражает поиски мыслителей в решении одних и тех же проблем человеческого бытия в реальном мире. За нами, как за прибрежной волной, чувствуется напор целого океана всемирной истории (А.И. Герцен). Во многих философских системах рассуждения начинались с анализа того, что окружает человека, что лежит в основании мироздания, что являет собой бесконечное многообразие бытия. Вся история есть постепенное углубление, возвышение, расширение двусторонней личностно-общественной жизни человека (В.С. Соловьев). Какими бы ни представлялись люди в каждой данной культуре, они всегда есть яркое выражение человеческого естества, но такое выражение, спецификой которого является зависимость человека от социальных законов данного общества (Э. Фромм).

Человеком движет желание быть «творцом» - создавать жизнь и разрушать ее. Жажда разрушения, которую мы находим в человеческой истории, коренится в природе человека точно так же, как и стремление к созиданию [1, 51]. И то, и другое является ответом на одну и ту же потребность человека преодолеть ограниченность своего существования. Несмотря на множество проявлений человеческой природы у разных индивидов и в разных культурах, имеется основа, общая для всего человеческого рода – общие законы, имманентные человеческой природе и общие неотъемлемые цели ее развития. З. Фрейд полагал, что культура и цивилизация по мере своего развития все больше противоречат нуждам человекам. Существует связь между чувствами человека и его физическим состоянием, и эта связь воспринимается всеми людьми одинаково. По сути, это «специфический человеческий пласт духовной жизни, общий для всего человечества, как по содержанию, так и по форме» [2, 19]. Это общий универсальный язык символов, созданный человечеством (Э. Фромм), в основе которого содержатся генетические свойства нашего организма, ощущений и разума, характерные для каждого человека и не ограниченные одним индивидом или группой людей. Во многих культурах на этом языке созданы мифы и мифологические системы.

Мифический символ есть история, поскольку отражает эмпирическое становление человечества (А.Ф. Лосев). Символ становится знаком – сокращенно-обобщенным обозначением определенной совокупности знаний. Каждый знак может быть соотнесен с множеством смыслов и с множеством денотатов (Г. Фреге). Смысл знака является общим достоянием, а не просто частью опыта одного человека. «Именно благодаря смыслам знаков человечество сумело накопить общий багаж знаний и может передавать его от поколения к поколению» [3, 28].

В мифологии **огонь** имеет созидательную и разрушительную функции. Это небесный и адский огонь, жертвенный и погребальный костер. Ср. башк. *ут йөтоу* ‘сильно переживать’ (букв. огонь глотать), *утка һалыу* ‘обрекать на страдания’ (букв. положить в огонь). В тоже время огонь выступает символом света, жизни, плодородия, домашнего очага, это сакральный центр дома, покровитель семьи. Ср. англ. *fire light / place*. В зороастризме огонь – принцип божественной справедливости, символ любви, просвещения, энергии. Это и символ божественной силы, которая вдохновляет человека. Ср. башк. *мөхәббәт уты* – русск. *пламя любви*, *янып барыу* – русск. *гореть (мечтой)*, англ. *to catch / take fire* – русск. *зажечься чем-либо*, башк. *ауззан ут сәсеү* – русск. *говорить горячо*. Крещение огнем означало восстановление изначальной чистоты. Ср. русск. *пройти огонь, воду и медные трубы* – башк. *ут-һыу кисеү*, англ. *to stand fire*. В христианстве огонь – символ кары за грехи. Последнее крещение – крещение огнем. Прохождение через огонь символизирует выход за пределы человеческих возможностей. Волшебная птица Феникс сжигает себя и вновь возрождается из пепла. Огонь, на котором сгорают жертвоприношения, очищает и исполняет желания. В универсальном космогоническом мифе о Громовержце по мотивам древних индоевропейских традиций огонь как оружие используется богом для наказания или испытания. На Балканах этот мифологический мотив можно реконструировать в живом обряде – *нестинарстве*, огненных игрищах. Цель этого обряда – обеспечение урожая, благополучия (*берекет*), здоровья. Чем больше людей пляшет в огне на *мегдане* (площади села), тем больший берекет даст св. Константин [4, 197-215]. Ср. башк. *бәрәкәт* ‘изобилие, обилие, благополучие’, *майзан* ‘площадь’. Прохождение через огонь воспринимается как обновление и достижение более высокого духовного статуса. Ср. русских старообрядцев - самосожженцев, для которых коллективное самосожжение – это очищение и достижение безгреховного состояния. Универсальный культ огня связан здесь с такими глубокими философскими и этическими идеями как изживание зла не только в мире, но и в самом себе, преодоление имманентной вины и двуприродности человека.

Человеку необходима интеллектуальная, адекватная, понятная и определенная система ориентации в реальном мире. Мифы и религии, философские учения отражают многовековые поиски человеческого разума. Ка-

кими бы иллюзорными и субъективными, примитивными или сложными они ни были, человеческая природа, породившая их, остается единой в своих потребностях и стремлениях к счастью, свету, гармонии.

Литература

1. Фромм Э. Здоровое общество – М.: АСТ, 2009. 539 с.
2. Фромм Э. Забытый язык – М.: АСТ, 2010. 315 с.
3. Фреге Г. Смысл и денотат // Зинченко В.Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме. – М.: Флинта: Наука, 2008. 224 с. – С.26-31.
4. Цивьян Т.В. Балканские дополнения к последним исследованиям индоевропейского мифа о Громовержце // Цивьян Т.В. Язык: тема и вариации: избранное: в 2 кн. – М.: Наука, 2008. – Кн. 1: Балканистика. 314 с. – С.197-215.
5. Хизбуллина Д.И. Символ / знак / концепт *Луны* в культуре Запада и Востока // Актуальные проблемы контрастивной лингвистики, типологии языков и лингвокультурологии в полиэтническом пространстве: материалы научной конференции. – Уфа: БашГУ, 2011. 292 с. – С.267-273.
6. Хизбуллина Д.И. *Земля* в истории культуры и языке // Человеческий фактор в языке и культуре: Сборник научных статей. – Уфа: БашГУ, 2011. 258 с. – С.247-251.
7. Хизбуллина Д.И. Евразийское взаимодействие: Язык. Миф. Культура. Монография. – LAP Lambert Academic Publishing, 2011.

© Хизбуллина Д.И., 2013

Хильшер Г.Н.
г.Уфа, Россия

Федеральное Интернет-тестирование и обучение страноведению

В рамках подготовки к аккредитации, состоявшейся в сентябре 2013 года, Уфимским государственным нефтяным техническим университетом была проведена огромная организационная работа. Одной из составляющих этой работы было составление статистических данных о количестве и качестве результатов федерального Интернет-тестирования, проведенного со студентами. Вузом были закуплены Интернет-тренажеры, отделом качества были созданы и доведены до сведения каждого преподавателя логины и пароли доступа к личному кабинету преподавателя. Преподаватели и студенты получили ключ доступа к тренажерам на Едином портале Интернет-тестирования в сфере образования i-exam.ru, открытом 1 октября 2012 года. Цель портала – предоставление пользователям входа в систему тестирования и ознакомление преподавателей и студентов с типами заданий по разным предметам, ожидающих студентов в ходе тестирования, а также критериями оценки результатов. Проект «Интернет-тренажеры в сфере образовании» реализует два подхода - компетентностный (ФГОС) и традиционный (ГОС-2).

Кафедрой иностранных языков был разработан семестровый график прохождения студентами тестирования из дома в режимах «Обучение» и «Самоконтроль», и назначена дата контрольного тестирования в стенах университета, утвержденная отделом качества и согласованная с диспетчерской. Каждый преподаватель в своем личном кабинете должен был сгенерировать логины и пароли для студентов в своих группах и назначить дни прохождения тестирования для каждой группы. По завершении тестирования в личный кабинет преподавателя приходят результаты, позволяющие увидеть, кто из студентов прошел тестирование, сколько минут ему потребовалось на выполнение всех заданий, и процент правильно выполненных каждым студентом заданий. Открыв протокол ответов, преподаватель может проанализировать тип ошибок по каждому студенту и группе в целом.

По дисциплине «Английский язык» тест предусматривает 32 задания, время выполнения которых составляет 60 минут. Задания 1-5 проверяют владение лексикой по специальности; с 6 по 14 задания посвящены грамматике (местоимения, степени сравнение прилагательных и наречий, артикли, предлоги, союзы, времена глагола, неличные формы глагола, фразеологизмы и модальные глаголы); с 15 по 18 - проверяют владение речевым этикетом, задания 19-22 проверяют владение информацией по страноведению, задания 23-28 проверяют понимание содержания текста по специальности, задания 29-32 проверяют умение правильно оформить конверт и деловое письмо, а также владение различными видами деловой корреспонденции.

Задания по лексике, чтению и грамматике обычно не представляют сложности для студентов, так как в течение курса обучения эти аспекты изучаются и закрепляются систематически. Однако задания по страноведению, ввиду недостаточного рассмотрения на занятиях из-за нехватки времени, обычно вызывают трудности. Нужно отменить, что задания по страноведению за последние годы были упрощены и приближены к материалу, изучаемому в учебниках по английскому языку. К счастью, исчезли вопросы типа «Какое экологическое бедствие постигло западное побережье Канады в 1961 году?», «Какова была девичья фамилия принцессы Дианы?» или «Кем была по образованию Маргарет Тетчер?», так как, к сожалению, в силу своего возраста, современные студенты имеют слабое представление и том, кто такая сама Маргарет Тетчер.

Вопросы по страноведению проверяют знание географии, истории и культуры трех англоязычных стран – Великобритании, США и Канады. Для того, чтобы охватить все три страны было решено отвести один семестр на каждую страну. Начинается работа с прохождения соответствующей устной темы, изучаемой подробно в ходе аудиторных занятий. Тема рассказывает о географическом положении страны, столице, административном делении государства, ведущих отраслях экономики, политической системе и правя-

щих партиях, а также упоминает государственные символы. Таким образом, в начале семестра студенты получают общее представление о стране.

Дальнейшая работа по изучению отдельных регионов, городов, достопримечательностей, культуры и традиций, а также ознакомление с информацией о знаменитых людях проходит в виде самостоятельной работы студентов. На этом этапе студент имеет право выбрать тему, которая его интересует больше всего. То есть в течение семестра первая СРС посвящена изучению каждым студентом того штата, исторического события или достопримечательности, который представляет для студента особый интерес. На англоязычных сайтах они должны были найти соответствующий материал и на первом этапе подготовить хорошее чтение и перевод этого аутентичного материала.

После проработки и сдачи преподавателю материала, в качестве второй СРС студентам предлагалось сделать по проработанной теме доклад с презентацией на 7-10 минут. Нужно отметить, что такие задания воспринимаются студентами с особым энтузиазмом, и даже студенты с не очень хорошей языковой подготовкой с желанием работают над докладом. На консультации преподаватель проверяет подготовленные доклады, вносит коррективы, дает советы по изменениям и упрощению текста, с тем, чтобы облегчить понимание содержания другими студентами.

На следующем этапе проводится групповая конференция, во время которой каждый студент представляет доклад по проработанной теме. Нужно отметить, что многие студенты проявляют творческий подход и к теме доклада, и к форме его презентации. Конечно, темы докладов в разных группах могут повторяться, но форма подачи материала всегда разная. Замечательные доклады были подготовлены по темам “Washington, D.C.”, “New York City”, “The Ivy League”, “The White House and its history”, “The biggest cities of Canada”, “Summer and Winter Sports in Canada”, “The Founding Fathers of the USA”, а также отдельным штатам и округам США, Великобритании и Канады. Лучшие из докладов после доработки преподаватель может использовать в качестве пособия при прохождении этих тем в группах на следующий учебный год. Это помогает сэкономить учебное время и расширить объем изучаемого материала. Понятно, что при такой подаче материала многие факты запоминаются лучше, чем просто при чтении и переводе.

Заключительный этап предусматривает конспектирование студентами вопросов и правильных ответов на все вопросы, встречающиеся в заданиях Интернет-тестирования, с последующим пополнением этого списка вопросов и ответов, и обсуждением их на занятиях. Такой подход к изучению вопросов страноведения помогает разнообразить занятия по английскому языку, позволяет студентам развить их творческие способность, пробудить интерес к занятиям, и эффективен в лучшем усвоении изучаемого материала.

Если говорить о таком аспекте, как «Деловая переписка», то он тоже не рассматривается в учебниках английского языка для технических вузов. Поэтому преподавателем кафедры Швайко И.В. было составлено электронное пособие-презентация, которое сначала доступно представляет правильный вариант оформления делового письма или конверта, а также другие виды корреспонденции, а затем дает практические задания на проверку усвоения материала. Необходимо всего одно занятие на прохождение этого пособия, в течение которого студенты составляют конспект по его содержанию, а также записывают ключевые слова и фразы, которые помогают безошибочно определить тип корреспонденции, даже если в документе есть большое количество незнакомых слов.

Такая подготовка позволила кафедре иностранных языков неоднократно успешно пройти Интернет-тестирование со студентами 1 и 2 курса и, одновременно, расширить имеющийся учебно-методический материал, позволяющий разнообразить аудиторную работу, развить творческий потенциал студентов, расширить их кругозор и, конечно, пробудить интерес к предмету.

© Хильшер Г.Н., 2013

Хисамова Г.Г.
г. Уфа, Россия

Коммуникативные неудачи в русской речи нерусских

Успешность коммуникации может быть определена как достижение говорящим стратегической цели в условиях бесконфликтного взаимодействия. Неуспешность, неэффективность речевого общения приводит к явлениям, получившим название «коммуникативной неудачи».

Коммуникативной неудачей называется «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, то есть неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» [2, 31]. В лингвистике появилось большое количество работ, посвященных данному явлению [5, 186-190]. Несмотря на различия подходов разных авторов к анализу коммуникативных неудач, их исследования имеют много общего: в работах описываются теуниверсальные неудачи, которые характерны для разных типов общения и форм коммуникации.

О.Н. Ермакова и Е.А. Земская рассматривают коммуникативные неудачи в монокультурной коммуникации и выделяют причины, которые их вызывают:

1) коммуникативные неудачи, порождаемые устройством языка;

2) коммуникативные неудачи, порождаемые индивидуальными особенностями говорящих;

3) коммуникативные неудачи, порождаемые прагматическими факторами [2, 33].

Статья посвящена описанию коммуникативных неудач в межкультурной коммуникации.

Оригинальная типология коммуникативных неудач при общении представителей различных лингвокультурных сообществ представлена Д.Б. Гудковым. Он, трансформируя предложенную О.Н. Ермаковой и Е.А. Земской классификацию, предлагает говорить: 1) о неудачах, вызванных недостаточным владением инофоном русским языком; 2) о неудачах, вызванных национальными различиями коммуникантов; 3) о неудачах, вызванных прагматическими факторами [1, 58].

Основным источником коммуникативных неудач в русской речи нерусских является непонимание одним из коммуникантов речеповеденческого акта другого. Наиболее частый случай – это незнание говорящим того или иного русского слова, фразеологизма, жеста. Это «системные» ошибки, вызванные слабым владением системой языковых значений различного уровня и способов их выражения. Так, например, лексические ошибки вызваны слабым владением системой лексических значений русского языка. Непонимание различий в семантике прилагательных «старый» и «старший», глаголов «слушать» и «слышать» привело к появлению следующих высказываний: Старый офицер подошел к машине вместо Старший офицер подошел к машине; Ты говоришь очень тихо, я тебя не слушаю (вместо Ты говоришь очень тихо, я тебя не слышу).

Однако существуют «системные» ошибки, вызванные интерференцией, влиянием одного языка на другой. Они встречаются только в речи билингва. Поскольку в речи билингва наиболее устойчивыми являются умения и навыки речи на родном языке, то родной язык оказывает влияние на неродной [3, 99-104]. Так, тюркоязычные студенты путают употребление глаголов *«варить» и «печь», «жарить» и «тушить»,* так как в тюркоязычных языках, в частности в башкирском языке, только два их эквивалента *бешереү («варить, печь, тушить»)* и *ҡыҙҙырыу («жарить»),* что в определенной мере отражает специфику национальной башкирской кухни. Отсюда ошибка ─ *«варить пироги».*

Лексико-семантические ошибки интерферентного характера возникают в результате перенесения значения слов родного языка в русскую речь. Ориентация на родной язык при построении русской речи приводит к ошибкам, поскольку значения слов и нормы их сочетаемости не совпадают в русском и родном языках. Ошибки типа *«голос кончился» (*вместо *«голос пропал»), «ветер вышел» (*вместо *«поднялся ветер»), «плывет река» (*вместо *«течет река»), «пустое время» (*вместо *«свободное время»)* и другие явля-

ются результатом «буквального» перевода башкирских слов на русский язык.

В межкультурной коммуникации преобладают неудачи, вызванные не столько индивидуальными различиями говорящих (такие неудачи характерны для всех видов коммуникации и являются универсальными) сколько их национальными различиями, которые детерминированы разными национальными культурами. Коммуникативные неудачи, вызванные незнанием правил речевого этикета, социально-ролевых аспектов коммуникации, принятых в русском лингвокультурном сообществе, обуславливаются перенесением этикетных норм и правил коммуникативного взаимодействия из своей культуры в русскую культуру.

Так, обязательность приветствия не является одинаковой для носителей русского и тюркских языков. Для представителя русской культуры не является обязательным произнесенное вслух приветствие, контакт возможен с помощью мимики и жестов (движение руки, прикосновения, полупоклон, улыбка). Однако для тюркских (татарских и башкирских) народов словесное приветствие обязательно. Его отсутствие будет воспринято как неуважение к человеку. Приветствие у татар и башкир сопровождается пожатием протянутой руки сразу обеими ладонями, если онообращено к людям, старшим по возрасту и социальному положению. Подавать только одну руку пожилым людям считается неуважением. Часто можно наблюдать, как на уроках русского языка тюркоязычные дети, в силу сложившейся привычки, обусловленной этикетными нормами родного языка, обращаются к учителю не по имени - отчеству, а используя традиционные, исконно башкирские вокативы: *«абый»* (к учителю мужчине), *«апа»* (к учителю женщине). Различия в социально-ролевых аспектах позиций «преподаватель» и «студент» в русском и американском лингвокультурном сообществе приводит к весьма вольному, по мнению русских, обращению американских студентов с русскими преподавателями: обращения только по имени ─ *Петя, Саша, Катя,* обращение на «*ты*» и т.д. все это может расцениваться русским как непозволительная фамильярность и приводить к срыву коммуникативного взаимодействия.

Если китаец отвечает отказом на предложение выпить чаю, то это не значит, что он не хочет пить чай: по правилам китайской вежливости предложение должно быть повторено несколько раз. Если русский не возобновляет своих просьб после первого отказа, это может быть воспринято китайцем как невежливость, может обидеть его, что не способствует успешности коммуникации. Даже сама форма отказа может быть разной: если русские хотят сказать «*нет*», мотают головой влево и вправо; у болгар, наоборот, - кивок головы.

В Германии не принято разговаривать с попутчиками в поезде, автобусе, поэтому не следует воспринимать как оскорбление поведение немца,

отвечающего на вопрос односложно *(«да», «нет»).* У араба нельзя спросить о здоровье жены, так как это будет воспринято как оскорбление. Японец не поймет вопрос русского: *«Вы выходите на следующей остановке?»* Он может ответить: *«Какое ваше дело?».* Он не понимает, что у русских эта просьба – дать возможность выйти. Русского не поймут в Западной Европе, если он спросит нового знакомого: *«Какая у вас зарплата?», «За кого вы голосовали?»* – эти вопросы там не принято задавать, они считаются сугубо личными, не подлежащими оглашению, а само речевое поведение говорящего рассматривается как форма вторжения в интимную среду.

Таким образом, одной из главных причин неудач в межкультурной коммуникации является слабое владение одним из коммуникантов знаниями о культуре своего собеседника. Овладение основами культуры того лингвокультурного сообщества, на языке которого ведется общение, является необходимым и обязательным условием успешности этого общения: «Современный человек должен знать межкультурные различия в национальных характерах, что дает возможность установить адекватную коммуникацию с представителями других этнокультурных общностей, проявить уважение к чужой культуре и принять её» [4, 87].

Учет этнокультурных особенностей речевого поведения разных народов может помочь избежать коммуникативных неудач при межкультурных контактах.

Литература

1. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. ─ М.: «Гнозис», 2003. ─ 288 с.
2. Ермакова О.Н. Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. ─ М.: Наука, 1893. ─ С. 31.
3. Закирьянов К.З. Формирование активного башкирско-русского двуязычия: методический аспект. Монография. ─ Уфа, Изд-во БИРО, 2010 ─ 154 с.
4. Хайруллина Р.Х. Лингвистика межкультурных коммуникаций: курс лекций. ─ Уфа: Изд-во БГПУ, 2005. ─ 138 с.
5. Хисамова Г.Г. Исследование коммуникативных неудач в аспекте прагмалингвистики// Лингвистический семинар ─ 2008. Материалы Международной Интернет-конференции ─ Уфа: Изд-во УГНТУ, 2008. ─ С. 186-190.

© Хисамова Г.Г., 2013

Хисамова Г.Г., Латыпова Л.М.
г. Уфа, Россия

Национально-культурная специфика речевого этикета

Национально-культурная специфика речевого поведения складывается из системы факторов, обуславливающих отличия в организации, функци-

ях и способе опосредования процессов общения, характерного для той или иной национально-культурной общности. Среди этих факторов основными являются: 1) факторы, связанные с культурой и менталитетом народа, то есть его массовым сознанием, традициями и обычаями; 2) факторы, определяемые спецификой языка данной общности; 3) факторы, связанные с социальной ситуацией и социальными функциями.

Наиболее ярко национально-культурная специфика речевого поведения проявляется в области речевого этикета.

Речевой этикет - важный элемент всякой национальной культуры. В языке, речевом поведении, устойчивых формулах общения отложился богатый народный опыт, неповторимость обычаев, образа жизни, условий быта каждого народа.

Речевой этикет входит в культуру и как элемент культуры речевого поведения, и как элемент языка, который является порождением и продуктом культуры, ее инструментом и ее хранителем.

Национальная специфика речевого этикета в свою очередь наиболее ярко проявляется в приветствиях, которыми обмениваются люди при встрече.

Русские приветствуют друг друга этикетными формулами: Здравствуйте! Добрый день (вечер, утро)! Здорово! Привет! Помимо указанных, можно насчитать еще около сорока фраз, используемых в зависимости от обстоятельств, места, времени встречи. Входящего встречают словами «Добро пожаловать!», «Милости просим!», «Будьте как дома!». Если он пришел из бани, то «С легким паром!». Если вернулся из дальней поездки - «С приездом!». Долгожданная встреча с человеком, которого не видели много лет, сопровождается приветствием «Сколько лет, сколько зим!». Представляют нового знакомого словами «Прошу любить и жаловать!»

Специфика приветствий и всякого рода осведомлений при встрече очень интересна и у других народов. У японцев существует целая система приветствий, которые различаются не только от времени суток, но и от времени года и месяца. Такая детализированная система речевого этикета соответствует своеобразным, идущим из глубокой древности эпическим традициям. При этом специфично и речежестовое поведение японцев. Некоторые японцы и японки, особенно старшего поколения, делают многократные поклоны при встрече друзей и гостей. При этом сами поклоны подразделяются на 3 вида: самый почтительный (сакэйрэй), ординарный и простой. Они рассматриваются как проявление вежливости и такта.

Национальные особенности речевого этикета проявляются в выборе форм обращения.

Особенностью русского языка является наличие в нем двух местоимений – «ты» и «вы», замещающих называние лица. Выбор той или иной

формы зависит от социального положения собеседников, характера их отношений, официальной–неофициальной обстановки общения.

В английском языке, в отличие от русского, нет формального разграничения между формами, «ты» и «Вы». Весь спектр значений этих форм заключен в местоимение you.

В Венгрии обращение на «**ты**»широко распространено в среде интеллигенции, крестьяне обращаются друг к другу на «**вы**» (даже если это муж и жена). Обращение по имени в соответствии с русскими обычаями возможно лишь к близкому или хорошо знакомому человеку (Саша, Лена). У американцев принято было свободное употребление личного имени. Например, коллеги по работе могут называть друг друга Кэт, Джон. При подобных отношениях русские используют имя и отчество (Иван Алексеевич, Мария Ивановна), однако в коллективах молодые люди или люди среднего возраста чаще употребляют одно полное имя без имени и отчества - Александр, Елена.

Башкирский речевой этикет испытывает значительное влияние русского речевого этикета. Под этим влиянием башкирский речевой этикет усваивает традиционно несвойственные ему формы, например, форма обращения на «вы» (традиционно башкиры обращались друг к другу на «ты»). Наряду с этим башкирский речевой этикет сохранил свои национально-специфические черты. В первую очередь, это строгая возрастная дифференциация коммуникантов (что присуще всем тюркским народам) и обширная система обращений башкирского языка, которая основывается прежде всего на терминологии родства даже при отсутствии между коммуникантами фактического родства. Например, при обращении к незнакомому мужчине, старшему по возрасту, употребляются терминаға́й, олатай, ҡартатай, бабай; к незнакомой женщине старше по возрасту –апай, өләсәй, ҡәртәсәй, әбей.

У башкир сложились определенные речевые формулы приветствий.

Безэквивалентным по отношению к русскому языку является старинное приветствие Әссәләмәғәләйкүм, распространенное среди мусульманских народов. Данное приветствие используется преимущественно людьми старшего поколения (мужчинами). В ответ на это приветствие употребляется формула Вәғәләйкүмәссәләм.

В деревнях, в отличие от городов, где здороваются только со знакомыми, принято приветствовать всех – знакомых и незнакомых. Это объясняется гостеприимным характером башкир, ибо в прошлом они не только приветствовали, но и приглашали «юлаусыны» (путника) к себе, угощали и предоставляли ночлег. Младшие по возрасту первыми обращаются со словами приветствия, что является показателем воспитанности и доброжелательности.

Наиболее ярко специфика башкирского речевого этикета проявилась в употреблении благопожеланий. Благопожелания – небольшие по объему

речевые формулы, используемые в повседневном общении по тому или иному поводу: рождение ребенка, оказание услуг, покупка, постройка дома, женитьба и т.д. Так, тем у кого родился ребенок, адресуют следующие пожелания: тәйфиҡле булһын (пусть будет благонравным, дисциплинированным); оҙон ғүмерле булһын (пусть живет долго). При виде работающих говорят: алла ярҙам бирһен (бог в помощь), алла ҡеүәт бирһен (пусть аллах даст силы). Человеку, купившему новую вещь, желают: йылы тәнендә туҙһын (пусть износится на теплом теле), ҡотло булһын (пусть будет с душой).

Национальную специфику имеют и жесты.

Русские, англичане, американцы в качестве приветственного жеста пользуются рукопожатием. Китайцы, здороваясь, пожимают руки самим себе. Эскимосы, приветствуя, стучат легонько друг друга кулаком по голове и плечам. Жест египтян напоминает отдачу чести: ладонь прикладывается ко лбу.

Важным элементом российского этикета является рукопожатие, которое часто используют мужчины. Друзья-мужчины при встрече могут похлопать друг друга по спине. Женские рукопожатия не распространены, но россиянки часто целуются при встрече. Поцелуи бывают не только реальными, но и виртуальными. Виртуальные поцелуи обозначаются словами «чмок» или «чмоки». Эти слова популярны на женских форумах.

Перенесение этикетных норм и правил коммуникативного взаимодействия из своей культуры в культуру другого может привести к коммуникативным неудачам. Овладение основами этикетного речевого поведения того лингвокультурного сообщества, на языке которого ведется общение, является необходимым и обязательным условием успешности этого общения.

© Хисамова Г.Г., Латыпова Л.М., 2013

Хисматуллина Г.Г.
г.Уфа, Россия

Типы экономических текстов на стыке практики, образования и науки

При лингвистическом исследовании типов экономических текстов сферы науки и практики особенно тесно связаны друг с другом. Может ли экономический текст корректно быть составлен не экономистом или заниматься этим должны только люди из экономической среды? Каким аналитическим «инструментом» и каким экономическим контекстом должен владеть человек, чтобы квалифицированно создавать экономические тексты? Как можно при изучении типов экономических текстов свести воедино три

перспективы – лингвистическое исследование, производственно-экономическую практику и высшее образование?

Когда мы рассматриваем экономический текст с точки зрения лингвистики текста, возникает вопрос: достаточно ли для его описания учитывать исключительно языковые аспекты или нужно обязательно рассматривать текст с учетом условий его существования на практике? Если смотреть с точки зрения экономики, то как можно описать общие экономические условия и действия, которые в дальнейшем определяют создание (производство) и восприятие экономических текстов? Как сделать доступными часто скрытые образцы экономических текстов для эмпирического исследования? Если подходить к проблеме с точки зрения обучения, то необходимо выяснить, как много знаний об экономической практике, а также сколько и каких знаний методов лингвистического анализа текста необходимо специалисту и где брать образцы текстов? У практиков, которые передают свои знания о тексте из своей повседневной практики, или все же из лингвистических исследований этих текстов?

Все эти вопросы сходятся в одном: необходимо разработать основы передачи разных типов экономических текстов, которые будут научно обоснованны и в то же время прочно зафиксированы в экономической практике.

Ни для кого не секрет, что тема профессиональной переписки в настоящее время заслуживает особого внимания, т. к. едва ли существуют еще профессии, в которых не приходится сталкиваться с многочисленными письменными задачами. Коммуникативные требования в профессиональной практике возрастают во всех сферах. Эти требования диктуют и растущая конкуренция, и слияния, глобализация, а также постоянно изменяющиеся информационно-технические возможности коммуникации. Не стоит забывать и о профессиональной коммуникации в таких сетях, как Facebook, Twitter и пр. Письменная компетенция в сфере экономических текстов охватывает сегодня, наряду с давно известными орфографией, лексикой и синтаксисом, еще и умение обращаться с информационно-коммуникативными технологиями, а также знания о том, как нужно составлять тексты для различных СМИ.

Новички в профессии, как правило, слабо подготовлены к письменным задачам, которые ждут их на практике. Коммуникативная компетенция, знание языка и владение информационно-коммуникативными технологиями должны играть б**о**льшую роль в подготовке кадров. К сожалению, при обучении профессиональной письменной коммуникации мало обращаются к практике. А здесь просто необходимо использование аутентичных текстов и более реалистичные поводы для письма. Как раз для экономических текстов важно детально останавливаться на юридических условиях, которые крайне важны для производства текста. Так, не только существуют предписания, какие предприятия, в какое время, какие факты и цифры о себе должны

опубликовать, но часто предприятия могут нести правовую ответственность за формулировки в своих текстах.

При работе в различных сферах экономики нужны различные компетенции для работы с текстами. И хорошо было бы развивать эти компетенции уже в ВУЗе. Например, тот, кто будет заниматься отчетом о деятельности фирмы, должен чётко понимать, к кому он обращается: к акционерам, к финансовому директору, к проверяющему или к обществу. Его цель – управлять ожиданиями акционеров и создавать положительный имидж фирме. Ни один отчет о деятельности не обходится без письма акционерам, которое иногда можно сравнить с любовным письмом. В нем нужно уметь сочетать обязательную функцию отчётности и факультативную функцию рекламы предприятия. Важно найти золотую середину между этими двумя задачами, чтобы отчет не казался сухим, безличным и оттого малоправдоподобным или слишком рекламным, что тоже вызывает мало доверия у читающего. На практике чаще приходится сталкиваться с восприятием текстов, чем с их производством, поэтому очень важно научиться анализировать конкретные экономические тексты и потом уже определять образцы и нормы данного типа текстов.

Литература

1. Demarmels S., Kesselheim W. Textsorten in der Wirtschaft// Wiesbaden, VS Verlag, 2011, 196 стр.

© Хисматуллина Г.Г., 2013

Хусаинова Р.М.
г. Уфа, Россия

Особенности семантической структуры пословиц как единиц фразеологических систем русского и английского языка

Ученые давно обратили внимание на чрезвычайную емкость и внутреннюю сложность пословичных изречений. И действительно, при всей видимой простоте пословицы представляют собой весьма непростые образования. С одной стороны, это явления языка, сходные с обычными фразеологизмами; с другой – логические единицы (суждения или умозаключения): с третьей – художественные миниатюры, в яркой, отточенной форме отражающие факты действительности. Именно по этой причине пословичные изречения привлекают к себе внимание языковедов, фольклористов, философов-логиков, которые изучают эти единицы с различных точек зрения.

Что касается самого определения понятия «пословица», или «паремия», следует отметить отсутствие в современной лингвистике единого взгляда на природу и толкование данных единиц. Это, по-видимому, объясняется различием исходных позиций авторов отдельных паремиологических

исследований или применяемых ими методов, многогранной природой самих пословиц, позволяющей рассматривать их с разных точек зрения, а также своеобразием пословичного материала, предоставляемого обширным фондом языков мира. Алан Дандис приводит по этому поводу слова А. Тейлора, автора книги о пословице «The Proverb»,: «Определение пословицы слишком трудно, чтобы браться за такую задачу…О том, является ли данное предложение пословицей или нет, говорят нам какие-то неуловимые признаки. Поэтому никакое определение не поможет нам с уверенностью установить, имеем ли мы в данном случае дело с пословицей». «Предложить краткое, - вторит А.Тейлору Б.Дж.Уайтинг, - и в то же время приемлемое для работы определение пословицы, особенно такое, которое охватывало бы все пословичные фразы, почти невозможно» [Дандис 1978: 14-34]. И тем не менее, формальные определения пословицы существуют. Чаще всего они построены на перечислении ее отдельных признаков.

Так, в «Учебном словаре современного английского языка» А.С. Хорнби указывается на то, что пословица – это популярное краткое изречение со словами совета или предупреждения [Hornby 1982: 506].

В Большой Советской Энциклопедии в качестве словарной статьи представлено определение, данное Г.Л. Пермяковым: «Пословица - краткое, ритмически организованное, устойчивое в речи, образное изречение народа, обладает способностью к многозначному употреблению по принципу аналогии. Предмет высказывания рассматривается в свете общепризнанной истины, выраженной пословицей. Отсюда ее идейно-эмоциональная характерность. Композиционное членение суждения в пословице, часто подкрепляемое ритмом, рифмой, ассонансом, аллитерацией, совпадает с синтаксическим.» [Пермяков 1975: 412].

По мнению В.П. Жукова, под пословицами в широком смысле мы понимаем краткие народные изречения, имеющие одновременно буквальный и переносный (образный) план или только переносный план и составляющие в грамматическом отношении законченное предложение [Жуков 1966: 10].

М.А. Черкасский, уделяя внимание приоритетности изучения смысловой стороны пословиц, определяет паремию как минимальную единицу надъязыкового семиотического яруса, обладающую свойством клишированности, афористичности и сентенциозности. Под клишированностью Черкасский понимает свойство того или иного текста восприниматься глобально, как существующее в готовом виде конструктивное и семантическое целое, воспроизводимое без существенных изменений в соответствующих ситуациях.

Свойство афористичности подразумевает способность высказывания восприниматься как имплицитно содержащее более широкую информацию, чем та, которая эксплицитно выражена непосредственно в его языке. Эта способность опирается на сеть сложных ассоциативных отношений, выхо-

дящих за пределы лингвистического контекста. Свойство сентенциозности (нравоучительности) состоит в том, что всякая паремия содержит, кроме «фактической», также оценочно-этическую информацию [Черкасский 1978].

По мнению И.Р Гальперина, пословицы невозможно подвести под определенную модель, хотя у них и есть некоторые типичные, на первый взгляд черты, позволяющие определить, имеем ли мы дело с пословицей или нет. Этими чертами являются ритм, иногда рифма и/или аллитерация [Гальперин 1981]. И все же не формальное лингвистическое выражение, а содержательная сторона высказывания составляет важнейшую характерную черту пословицы.

Как отмечают многие ученые, особенностью большинства пословиц является то, что они сохраняют два плана содержания - буквальный и переносный. Так, например, пословица утверждает, что "*В тихом омуте черти водятся*", и это, несомненно, верно, так как глубокие неисследованные водоемы хранят в своих недрах много опасного. Но пословица употребляется в речи не ради этого буквального, прямого смысла, а ради переносного: "Тихий, скрытный человек способен на поступки, которых от него, казалось бы, нельзя было ожидать". Иными словами, буквальное значение подавляется переносным; одно значение (буквальное) является своего рода формой для другого (переносного), содержащего основную мысль.

Такая двойная денотативность ФЕ названа В.Г.Гаком «совмещенным видением двух картин» [Гак 1977: 48].

Подчеркивая двуплановость значения пословицы, М.А.Черкасский указывает на то, что «информация, непосредственно выраженная в словесном тексте паремии и образующая ее семиотический фокус, имплицитно содержит в «свернутом» виде некоторую более обобщенную информацию, составляющую семиотический фон паремии» [Черкасский 1978: 47]. Пословичное высказывание, рассматриваемое в плоскости языкового яруса и в плоскости яруса паремиологического, оказывается носителем совершенно разных функциональных нагрузок. В первом случае оно представляет знак некоторой индивидуальной ситуации, во втором – функционирует как знак класса ситуаций, с которыми данная частная ситуация связана лишь по ассоциации.

Переосмысленное или переносное значение – результат взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов [Верещагин, Костомаров1982; Кунин 1996; Кириллова 1986; Райхштейн 1980]. Переосмысление - один из способов познания действительности в сознании человека - связано с воспроизведением реальных или воображаемых особенностей объектов на основе установления связи между ними.

Техника переосмысления заключается в том, что старая форма используется для вторичного или третичного наименования путем переноса названий и семантической информации с денотатов прототипов ФЕ или

фразеосемантических вариантов. При этом важнейшими типами переосмысления являются сравнение, метафора, метонимия, эвфемизм.

Но следует отметить, что во фразеологический образ переносится из прототипа ФЕ лишь часть былой семантики, лишь общая идея сравнения, сопоставления. Язык, таким образом, производит операцию выбора. Этот процесс (выбор тех или иных логико-семантических аспектов) определятся, по утверждению Н.Н. Кирилловой, не только смыслом ситуации, но и другими факторами, которые находятся в когнитивной сфере образования значения ФЕ, то есть связаны с процессом познания как высшей формой отражения объективной действительности [Кириллова 1986: 36-37].

Большинство исследователей пословиц отмечает при этом, что фразеологическое значение данных единиц формируется не на традиционной (лингвистической) основе, а в результате действия логико-синтаксических факторов (логико-синтаксический тип фразеологизации), когда определенные «логические фигуры» реализуются в языковой форме, т.е. в форме конкретных синтаксических построений.

«Подлинной темой какой-либо пословицы или поговорки, подчеркивает, Г.Л.Пермяков, - является не то или иное слово, не та или иная мысль и даже не та или иная область человеческой деятельности, а некая инвариантная пара противопоставленных сущностей, к которой сводится смысл употребляемых в данной пословице образов» [Пермяков 1978: 105]. К числу таких инвариантных тематических пар автор относит: «Большое - Малое», «Близкое - Далекое», «Хорошее - Плохое», «Старое - Молодое» и многие другие. Здесь же он отмечает, что смысловое содержание пословичных изречений отнюдь не исчерпывается одной лишь логической формой: неотъемлемую его часть представляет предметно-образный состав пословиц.

Языковое оформление логических фигур осуществляется преимущественно посредством семантической трансформации, в частности, с помощью метафоризации, гротеска, гиперболы, антитезы и т.п. Это позволяет сделать вывод о том, что конститутивным признаком семантической микроструктуры пословицы является коннотативный компонент, вследствие чего пословицу можно рассматривать как единицу языка, служащую средством экспрессивной номинации.

В зависимости от объема переосмысления можно выделить три группы пословиц:

1) полностью образные, или с полностью переосмысленным значением, например: англ. *«The devil lurks behind the cross» (букв. Дьявол таится за распятием); рус. «Седина в бороду, а бес в ребро».*

2) частично образные, или с частично переосмысленным значением, например: англ. *«Needs must when the devil drives» (букв. Вынужден, когда черт гонит); рус. «Богатому черти деньги куют».*

3) необразные, или с буквальным значением, например: англ. *«The devil knows many things because he is old» (букв. Дьявол знает много вещей, потому что он стар); рус. «Бог дал родню, а черт – вражду».*

А.В Кунин относит третий тип пословиц к устойчивым образованиям фразео-семантического характера, находящимся на периферии фразеологического фонда языка. У пословиц данного типа, по мнению А.В. Кунина, обобщающее значение, свойственное всему классу рассматриваемых ФЕ, выражается чаще всего бинарной структурой, основанной на отождествлении или противопоставлении значений компонентов. В этом проявляется осложненность семантической структуры как показателя фразеологической устойчивости пословиц данного типа [Кунин 1996: 50].

С точки зрения синтаксической структуры пословицы всегда являются предложениями (повествовательными, побудительными, вопросительными), представленными практически всеми структурными типами предложений с различными видами синтаксической связи.

При этом следует иметь в виду, что пословицы обладают определенными, чисто лингвистическими особенностями, которые помогают отличать их от обычных предложений.

Пословицы являются краткими утверждениями, отображающими в сжатой форме накопленный жизненный опыт общества и служащими как общепринятые практические символы для выражения абстрактных идей. Они обычно поучительны и образны. Многие из них благодаря частоте употребления отшлифовались и приняли рифмованную форму, например: англ. *«Pull devil by the tail» (букв. «Тянуть дьявола за хвост») рус. «Муж да жена – одна сатана». «Ангел помогает, а бес подстрекает».*

Краткость в пословицах может выражаться также в отсутствии глаголов, опущении союзов, например: *«Бог путь, а черт крюк».*

Вместе с тем необходимо отметить, что пословицы могут употребляться не только в своей традиционной, застывшей форме, но и с различными модификациями. Но эти модификации не отличаются от инвариантов до такой степени, чтобы связь между ними не осознавалась адресатом.

Следует отметить возможность синонимии пословиц как внутри одного языка, так и в плане межъязыкового сравнения, что объясняется сходством или эквивалентностью ситуаций, описываемых данными единицами. При этом сходные по смыслу пословицы могут отличаться образным содержанием, стилистической окраской или степенью экспрессивности.

Литература

1. Дандис А. О структуре пословицы // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка. - М., 1978. - С. 13-34.

2. Пермяков Г.Л. О смысловой структуре пословичных изречений // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка. - М.:1978. – С. 105-135.

3. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. - М.: Просвещение, 1978.- 116с.

4. Черкасский М.А Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (Пословицы и афоризмы) // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка. - М., 1978. - С.35-52.
5. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. - М.: Высшая шк.,1981.-334с.
6. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. - Л.: Просвещение, 1977. -298с.
7. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. - М.: Рус.яз., 1982.-С 89-98.
8. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. - М.: Высш. шк., 1996. -381с.
9. Кириллова Н.Н. Сопоставительная фразеология романских языков. - М., 1986. - 264с.
10. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. - М.: Высш. шк., 1980. - 143с.
11. Кузьмин С.С. Русско-английский фразеологический словарь переводчика. – М.: Высшая шк., 2008.-204с.
12. Толковый словарь фразеологических синонимов русского языка. Под. ред. В.Н. Жукова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2005.-443[5]с.

© Хусаинова Р.М., 2013

Черникова М. П.
г. Самара, Россия

Мифотопонимы в творчестве Т.Толстой

Мифологическое мировоззрение является наиболее древним способом познания мира, попыткой осмыслить природу, определить свое место в окружающей действительности. Мифологическое восприятие символично и прямолинейно. Мифы пронизывают практически все стороны человеческой жизни, нет ничего, что осталось бы за рамками мифологии. Мифологические сюжеты, герои, истории оказывают сильное воздействие на читателя. Не стоит считать, что мифы остались в прошлом и в мире высоких технологий они перестали быть актуальными. Глубина мифологического образа огромна, внешние связи его неисчерпаемы; миф многомерен, а его развернутость в будущее не меньше, чем в прошлое [3, 13].

Темой данной статьи являются коннотативные мифотопонимы (КМТ), используемые в произведениях Т. Толстой. Цель исследования - дать характеристику семантических свойств выявленных в тексте коннотативных мифотопонимов. Задачи исследования: 1) показать КМТ в семантическом аспекте; 2) осуществить сравнение коннотаций одинаковых мифотопонимов в различных контекстах; 3) выявить особенности функционирования КМТ в художественном тексте. Материалом исследования послужили более ста рассказов Т. Толстой.

Под коннотативными онимами современные ученые понимают имена собственные, обладающие вторично развившимися созначениями [6, 11]. Коннотации «накапливаются» в онимах, благодаря регулярной востребованности в разных речевых ситуациях какой-то части их энциклопедической информации о денотатах и благодаря их многократному употреблению в разных видах речи. Так возникло значительное количество семантически обогащенных собственных имен: в основе их созначений лежат фрагменты связанной с ними энциклопедической информации. Это сближает их с именами нарицательными, и они приобретают способность при определенных условиях пережить полную потерю качества онимов и стать апеллятивами [7].

Одно и то же имя собственное в разные периоды своего употребления в речи нередко развивает не одно, а целый пучок созначений. Смысловые коннотемы могут находиться в синхронных отношениях друг с другом, но нередко выступают и как разновременные (диахронные) элементы его смысловой структуры [6, 15].

На примере творчества Т. Толстой можно увидеть то, что одно и то же слово может быть употреблено автором в разных значениях.

Вот она, кровать на стеклянных ногах! Полупрозрачные в сумерках, невидимые и могущественные, высоко к потолку возносят они путаницу кружев, ***вавилоны*** *подушек, лунный, сиреневый аромат божественной музыки.* (На златом крыльце сидели) [8]. Значение данного КМТ развилось с опорой на миф о *Вавилонском столпотворении* и является продуктом стяжения со значениями такого плана, как: ‘крупное сооружение’, ‘нагромождение чего-либо’, как в данном примере, ‘грандиозный честолюбивый замысел’.

«Повержен будет ***Вавилон****, великий город, и уже не будет его; и голоса играющих на гуслях и поющих, и играющих на свирелях и трубящих трубами в тебе уже не слышно будет; не будет уже в тебе никакого художника, никакого художества…». Повержен будет* ***Вавилон****, говорит Апокалипсис. А апостол Павел обещает «имущество лучшее и непреходящее»* (Изюм) [9]. В данном примере имеет место не коннотативное, а денотативное употребление мифотопонима *Вавилон.* Но в расширенном контексте рассказа окказионально противопоставляются материальные ценности и духовность, что является предпосылкой метафорического употребления мифотопонима *Вавилон*.

Еще один пример употребления этого мифотопонима выявлен в передаче «Разбор полетов» на радио Эхо Москвы, где Т. Толстая выступала в качестве гостя: «*Страна вляпалась в иракскую войну, не разобравшись, не глянувши в святцы, бух в колокола, уничтожив культуру, которая, слава тебе, Господи, вот уж пять тысяч лет существовала там,* ***Вавилон*** *вообще уничтожить, то есть первое, что сделали эти самые перепуганные*

*американские воины, которые воевать-то ведь не любят, они издалека стреляют, у них хорошо с техникой и очень плохо с боевым духом, они разрушили музеи и все вокруг, это чудовищно» (*Интервью для радио «Эхо Москвы»*)* [11].

Т. Толстая использует КМТ *Вавилон* в значении «исчезнувший город, погибшая цивилизация» - такое значение не содержится в Словаре коннотативных собственных имен Е.С. Отина, в котором представлены такие значения КМТ как: ‘порок’; ‘средоточие, скопище пороков; греховное место, где господствует «суета жизни»’; ‘место с многоязычным, разноплеменным населением’, ‘скопление или объединение людей разных национальностей’, ‘многолюдное бойкое место; место, отличающееся социальной пестротой, контрастами’, ‘огромный город; значительное поселение’ Следует отметить, что данные коннотемы находятся на разных хронологических уровнях [6].

Автором создается еще одно значение мифотопонима *Вавилон* с помощью метафоризации. Метафора – есть способ отождествления двух понятий благодаря иногда случайным, отдельным признакам, которые представляются сходными – пишет И.Р. Гальперин [1, 127]. Контекст, в котором реализуется метафорическое значение, может быть различным, в данном случае – это микроконтекст, и здесь представлена замкнутая метафора.

В синонимичном значении «уходящий или уже исчезнувший мир» употребляется метафорический КМТ античного происхождения *Атлантида.*

Перед Петей поставили огромную тарелку с рисовой кашей; танцующий остров масла плавает в липком Саргассовом море. Уходи под воду, масляная ***Атлантида*** (Свидание с птицей)*;* [10]

Это правда, ей семь тысяч лет, но пусть живет, пусть не снимает кольца. Сколько же она всего видела! Она и гибель ***Атлантиды*** *видела - пролетала над гибнущим миром в бусах из лимонных косточек* (Свидание с птицей) [10]. В данном примере наблюдается денотативное употребление мифотопонима *Атлантида*, которое в расширенном контексте выступает в качестве символа древности, античности, вечности.

В «Словаре коннотативных собственных имен» Е.С. Отина выделяется четыре возможных созначения мифотопонима Атлантида: ‘новый, ранее неизвестный, вновь открывшийся образ жизни’, ‘процветающая культура, цивилизация’, ‘уходящий или уже исчезнувший мир’, ‘желанная страна; место, которое притягивает к себе человека, о котором он мечтает’ [6].

В некоторых случаях коннотации узуальных интралингвальных мифотопонимов *Вавилон* и *Атлантида,* совпадают, оба мифотопонима имеют семантику: ‘процветающая культура, цивилизация’, ‘уходящий или уже исчезнувший мир’, поскольку представляют из себя некую прецедентную ситуацию. Прецедентной ситуацией называют некую реальную единичную ситуацию, минимизированный инвариант которой, включающий

представление о самом действии, о его участниках, основные коннотации и оценку, входит в когнитивную базу лигвокультурного сообщества и знаком практически всем социализированным представителям этого сообщества [2, 41]. Как известно, цивилизации *Атлантида* и *Вавилон* исчезли с лица земли. Данные КМТ связывают синонимичные отношения.

Осуществленный лингвистический анализ показал, что наиболее частотной группой КМТ в творчестве Т. Толстой являются библеизмы. Отчасти, эту тенденцию можно объяснить «вторичной христианизацией» русского общества и русского языка. «Теперь, когда главы нашего государства считают своим долгом творить молитвы и участвовать в богослужениях, знание Священного Писания становится общим и употребление библейских цитат, выражений и имен весьма активизировалось» - пишет В. М. Мокиенко [6, 9].

Но и русский бог тоже печальный, раздраженный, бессильный, безответный, словно и у него тяжело на сердце, словно он и не воскресал, словно ***Голгофа*** *– завтра, с утра, и послезавтра, и каждый день, - ведь он тоже пребывает в вечности, где время и не движется никуда.* (Русский мир)[8]. *Голгофа* – место казни в древней Иудее, где, по преданию, был распят Иисус Христос; здесь оним имеет коннотацию «тяжкие испытания, страдания, муки». Словарь Е.С. Отина выявляет еще два дополнительных созначения слова: ‘место страданий, мучений, казней’, ‘казнь, мученическая смерть’. Слово *Голгофа* обладает словообразовательным потенциалом, следующий пример иллюстрирует образованный от него дериват *«голгофский»* со значением «мученический».

Русские почему-то полагают, что они – богоносный народ, что Бог возлюбил их и отметил, а свою постоянную несчастность одни объясняют ниспосланными испытаниями, избранностью, ***Голгофскими*** *муками, другие же ропщут и вопрошают Бога, чем они его прогневили и в чем согрешили.* (Русский мир) [8].

Библионим *Эдем,* в библейской мифологии – «сад Божий», где жили Адам и Ева, рай на Земле. имеет значение ‘цветущий сад’. Это узуальный интралингвальный коннотативный мифотопоним, который свойственен не только русской языковой картине мира.

В 1980 году, в припадке разведения клубники, мы перекопали бурьян в том углу сада, где, по смутным воспоминаниям старожилов, некогда цвел и плодоносил аптекарский ***эдем*** (Белые стены) [8];

Прошли века, мой отец приехал в Равенну, поднял голову, увидел изображение ***Эдема****, купил дешевенькое изображение его изображения, с любовью послал мне его, подкрепив для верности восклицательными знаками,— каждый выбирает свой язык* (Смотри на обороте) [8]. В данном примере КМТ *Эдем* использован в значении ‘рай на Земле’, который увидел отец рассказчицы в итальянском городе Равенна.

В «Словаре коннотативных собственных имен» отражены оба значения КМТ *Эдем*.

Близким ему по значению является коннотативный мифотопоним *Эмпирей*. *Эмпирей* – слово греческого происхождения, в античной натурфилософии имеет значение ‘одна из верхних частей неба, наполненная огнем’. В «Божественной комедии» Данте, Эмпирей - бесконечная область, населённая душами блаженных, созерцающих Бога. У Дж. Мильтона *Эмпирей* – это небеса: *«С пречистой, **эмпирейской** высоты, с Престола наивысшего, Отец Всемощный, глядя вниз, обозревал Свое творенье и дела Своих Созданий», «<…> есть ли в небесах столь всеобъемлющее состраданье? – Он вопросил, но **Эмпирей** молчал»* [5]. В «Словаре коннотативных собственных имен» Е. С. Отина данный КМТ не зафиксирован.

*« <…> где-то в незримых финансовых **эмпиреях** беззвучной волной взымалась цена на немецкое, турецкое, французское, испанское – как в малярийном бреду»* (Ползет!) [8]. Здесь мифотопоним *Эмпирей* становится апеллятивом, на что указывают множественное число и строчная буква, и имеет значение: ‘в высших слоях’, в контексте присутствует дополнительный иронический оттенок.

КМТ, представленные выше, имеют декоративную функцию, характерную публицистике и художественным текстам, в частности произведениям Т. Толстой; это высокочастотная функция коннотонимов.

Кроме КМТ, которые можно отнести к группе библеизмов или группе античных КМТ, в литературном творчестве Т. Толстой были выявлены мифотопонимы, истоком которых стали художественные произведения, напр.: *Публика, рванувшая со всей страны на Поле Чудес в **Стране дураков** – а именно там это поле, как известно, и находится – тоже без стеснения торгует детьми* (Человек! Выведи меня отсюда!) [8]. Речь идет о популярной в России телепрограмме «Поле чудес», с помощью яркой аллюзии к детской сказке «Буратино» автор показывает негативное отношение к телепередачам подобного рода. В отличие от вышеприведенных примеров КМТ *Страна дураков* выполняет пейоративную оценочную функцию. Этот узуальный КМТ не фиксируется словарем Е.С. Отина, однако достаточно частотно представлен в современном русском дискурсе, что можно обнаружить при обращении к Национальному корпусу русского языка, например: *Дурак дурака погоняет и едет в **страну дураков***! (Роман Солнцев. Демон // «Огонек». № 7, 1991, 1991) [12]. *Признание, что мы действительно **«страна дураков»** и не можем сами у себя навести порядок?* («Futurum», или О разделении России на «мы» и «они» (2004) // «Жизнь национальностей», 2004.06.16) [12].

Заметим, что коннотативные мифотопонимы являются яркой стилистической чертой, характерной для языка художественных произведений Т. Толстой. КМТ придают тексту большую художественную выразительность,

увеличивают эмотивное воздействие на читателя. Как отмечает О.В. Лисоченко: «Чем богаче речь прецедентными текстами, тем она остроумнее, привлекательнее и выразительнее. Узнавание прецедентного текста в речи доставляет читателю радость открытия, сопровождается догадкой, установлением ассоциативных связей» [4]. Большая часть КМТ выполняет декоративную функцию, реже встречаются мифотопонимы, несущую авторскую оценку событий.

Следует отметить, что КМТ могут связывать синонимичные отношения. Один и тот же коннотоним способен иметь разные созначения, приобретаемые в разные периоды времени.

Большинство представленных мифотопонимов имеет узуальный характер, интралингвальный характер и фиксируется «Словарем собственных имен» Е.С. Отина. Сравнительно с коннотативными мифоантропонимами в произведениях Т. Толстой КМТ менее частотны, всё же остаются одной из характерных особенностей художественного языка писательницы.

В целом, исследование коннотативных онимов, функционирующих в художественных текстах, позволит охарактеризовать важную сферу их бытования в современном русском дискурсе, а в дальнейшем будет полезным в лексикографической практике для пополнения словаря коннотативных собственных имен русского языка.

Литература

1. *Гальперин И. Р.* Очерки по стилистике английского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. – 460 с.
2. *Гудков Д.*Б. Прецедентная ситуация и способы ее актуализации//Язык, сознание, коммуникация: Сб.ст/ред. В.В. Красных, А. И. Зотов. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – вып. 11. – 140с.
3. *Иванов Н.Н.* 300 вопросов и ответов о мифологии. – Ярославль: «Академия развития», 1997. – 192 с.
4. *Лисоченко О.В*. Риторика для журналистов: прецедентность в языке и в речи. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2007. – 318 с.
5. *Мильтон Д.* Потерянный рай. Возвращенный рай: Поэмы / Джон Мильтон; [пер. С англ. А.А. Штейнберга, Н.А. Брянского;]. – М.: «ЭКСМО», 2007. – 608 с.
6. *Отин Е.С.* Словарь коннотативных собственных имен.– М.: ООО «А Темп», 2006. – 440 с.
7. *Суперанская А.В*. Личные имена в официальном и неофициальном употреблении / А. В. Суперанская // Антропонимика. – М.: «Наука», 1970. – С. 180-188. – 360 с.
8. *Толстая Т.Н.* День: Личное. – М.: «Подкова», 2002. – 415 с.
9. *Толстая Т.Н.* Изюм: Отборное. – М.: «ЭКСМО», 2008. – 478 с.
10. *Толстая Т.Н.* Ночь: Рассказы. – М.: «ЭКСМО», 2007. – 415 с.
11. http://echo.msk.ru/programs/analysis/43263/ Эхо Москвы, передача «Разбор полетов: расстрел митинга в Дагестане, власть и «свободная пресса» в России, «вернуться к демократии» или «стать врагом» - ультиматум Вашингтона». 05.05.2006. 20:08
12. http://www.ruscorpora.ru/ - Национальный корпус русского языка

© Черникова М.П., 2013

Шайнурова Н.В.
г.Уфа, Россия

Роль метафоры в теории и практике обучения иноязычной профессиональной коммуникации

Лексическая стилистика, одним из компонентов которой является метафора, играет существенную роль в теории и практике обучения иноязычной профессиональной коммуникации. Лексическая стилистика изучает различные составляющие контекстуальных значений слов и в особенности их экспрессивный, эмоциональный и оценочный потенциал, а также их отнесенность к разным функционально-стилистическим пластам [Арнольд 2009:14].

Рассматриваемая нами метафора относится к так называемым стилистическим фигурам (тропам). Тропами или лексическими стилистическими приемами называются лексические изобразительно-выразительные средства, в которых слово или словосочетание употребляются в преобразовательном значении. Как изобразительно-выразительные средства языка тропы привлекали внимание еще со времен классической древности и были детально описаны в риторике, поэтике и других гуманитарных науках [Арнольд 2009: 82-83].

Суть тропов состоит в сопоставлении понятия, представленного в традиционном употреблении лексической единицы, и понятия, передаваемого этой же единицей в художественной речи при выполнении специальной стилистической функции. Тропы играют важную, хотя и вспомогательную роль в толковании и интерпретации текста, а также в теории и практике обучения иноязычной профессиональной коммуникации.

Все стилистические фигуры подразделяются, как правило, на 4 группы (ср. W.Fleischer, G.Michel), в зависимости от выполняемой ими функции в высказывании:

1. фигуры замещения (Figuren des Ersatzes, Substitutionsfiguren);
2. Figuren der Hinzufügung – фигуры добавления (Additionsfiguren);
3. Figuren der Auslassung – фигуры неупоминания;
4. Figuren der Anordnung/des Platzwechsels – фигуры места.

Речь современного человека изобилует различными средствами выразительности, в том числе и метафорами. Метафоры, как и другие стилистические маркеры, придают речи эмоциональную окраску и восполняют недостаток слов для достижения цели производимой речи, напр.: *die graue Sanftmut des Todes zeigen* (Сальваторе «Темный эльф стр.6»). Безусловно, метафоры выполняют множество функций в языке, и их изучение имеет немаловажное значение для языкознания в целом.

Проведенный нами анализ лингвистической литературы показывает, что существую различные определения метафоры.

Само слово метафора, от греческого «metaphora» буквально переводится как «перенесение». Так, например, метафора определяется как троп или фигура речи, состоящая в употреблении слова, обозначающего некоторый класс объектов (предметов, лиц, явлений, действий или признаков), для обозначения другого, сходного с данным, класса объектов или единичного объекта. В расширительном смысле термин «метафора» относят также к другим видам переносного значения слова [Поспелов 1978: 325]. Отношение предметно-логического значения и значения контекстуального, основанное на сходстве признаков двух понятий, называется метафорой [Гальперин 1958: 125].

Другие авторы полагают, что метафора – это троп, в котором одно явление представлено полностью уподобленным другому, чем-либо сходному с ним [Щепилова 1968: 173].

Самые первые работы по изучению функций метафоры принадлежат Аристотелю, который формулирует следующее определение метафор, а именно: «Метафора – перенесение слова с изменением значения из рода в вид, из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии».

В современных работах, посвященных данной проблематике, под метафорой понимается «языковой знак вторичной косвенной номинации, основанный на переносе форматива (формы) с фиктивного (воображаемого) денотата на реальный, между которыми обнаруживается общая константа сравнения» [Калугина 2013: 10].

«Обзор теоретических работ, связанных с осмыслением феномена метафоры в рамках различных теоретических направлений, показал, что определение метафоры имеет свою специфику, учитывающую акценты каждого из этих направлений» [Калугина 2013: 10].

Таким образом, метафора – это новое использование уже существовавшего ранее в языке слова или словосочетания для обозначения какого-либо понятия с целью наделения его частью предыдущего смысла.

В основу метафоризации может быть положено сходство самых различных признаков предметов: цвета, формы, объема, назначения, положения в пространстве и времени. Еще Аристотель заметил, что слагать хорошие метафоры – значит подмечать сходство. Наблюдательный глаз художника находит общие черты почти во всем. Неожиданность таких сопоставлений придает метафоре особую выразительность – *ein gelber Schein loderte hinter dunklen Schranken* (Толкиен «Властелин колец» стр.755) [Голуб 2010: 134].

В стилистике необходимо разграничивать *индивидуально-авторские* метафоры, которые создаются художниками слова для конкретной речевой ситуации (*Я хочу под синим взглядом слушать чувственную вьюгу. - Ес*), и

анонимные метафоры, ставшие достоянием языка (*искра чувств, буря страстей* и т.п.).

Метафора также подразделяется на подвиды. Это:

- Персонификация – представление явлений действительности в образе людей (*die Sonne lacht*);

- Синестезия – взаимодействие ощущений (*Grählende Farben*).

Нужно отметить, что метафоры не всегда бывают образными. Иногда они становятся стертыми.

Однако главная функция метафоры, по крайней мере в новой литературе, заключается в приписывании предмету (понятию, явлению) некоторого признака или комплекса признаков, который иначе приписать ему нельзя. Метафора позволяет сделать образ наиболее выразительным, резко индивидуализированным.

Метафоры играют большую роль в искусстве, в научной и художественной публицистике, а также в теории и практике обучения иноязычной профессиональной коммуникации.

Литература

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. – 9-изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 384 с.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Изд-во. литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
3. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Айрис-пресс, 2010, с.134 - 135. 448 с.
4. Калугина Ю.В. Когнитивная метафора английского публицистического медиатекста online формата (на материале публицистики экономического кризиса 2008 – 2012гг.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа: 2013, – 19 с.
5. Поспелов Г.Н. Эстетическое и художественное. – М.: Высшая школа, 1968.– 360 с.
6. Щепилова Л.В. Введение в литературоведение. – М.: Высшая школа, 1968. – 371 с.

Список источников примеров

1. Роберт Энтони Сальваторе «Темный эльф», 1992, 211 с.
2. Джон Роналд Руэл Толкиен «Властелин Колец», 1955, 1179 с.

© Шайнурова Н.В., 2013

Шайхутдинова Г.Ю., Вагазова И.М.
г.Уфа, Россия

К вопросу о медицинской этике в «Клятве Гиппократа»

Происхождение понятия «культура» многократно описано. Известно, что слова *cultio* и *culte* латинского происхождения и в документах Древнего Рима означали возделывание и использовались применительно к сельскому хозяйству. Этимологически в латыни более древним словом считается глагол *colere*, первоначальное значение которого - «возделывать», «обрабаты-

вать землю» позже дополняется смыслом - «почитать», «поклоняться». Уже у римских государственных деятелей культура расширяется, обогащаясь новыми смыслами. В последующие века речь идет уже не только о возделывании почвы, но о развитии ума, углублении образования и веры. Языческие культуры заменяются в великих религиях мыслью о возможности человека воспитать душу и способности в любви к Богу. Философия и теология входят в культуру, поглощают ее и поглощаются ею. К понятию культура позже добавляется понятие цивилизация от латинского термина *civilis* - гражданский, государственный.

Изучение латинского языка невозможно без глубокого и разностороннего знания культуры Древней Греции и Рима, их религии, ценностей, нравственных установок. Уже с первого курса на наших занятиях студенты изучают моральные нормы поведения врача, которые положены в основу «Клятвы Гиппократа». «Клятва» содержит 9 этических принципов или обязательств: обязательства перед учителями, коллегами и учениками; принцип непричинения вреда; обязательства оказания помощи больному (принцип милосердия); принцип заботы о пользе больного и доминанты интересов больного; принцип уважения к жизни и отрицательного отношения к эвтаназии; принцип уважения к жизни и отрицательного отношения к абортам; обязательство об отказе от интимных связей с пациентами; обязательство личного совершенствования; принцип конфиденциальности (врачебная тайна). Упоминаемый здесь бог Аполлон – покровитель врачей в Древней Греции и Риме (и бог музыки, поэзии, прорицаний и основания городов). Асклепий, сын Аполлона, считался особым богом – покровителем врачей. Гигиея (Гигиена) – богиня здоровья, Панакея (Панацея) – богиня-целительница всех болезней – дочери Асклепия. Если отбросить непременных изначальных свидетелей царствующих мифов того времени, эта клятва и поныне современна. Она появилась, когда еще не были известны десять заповедей Моисея, не было Нагорной проповеди Христа, но уровень нравственности Гиппократа ничуть не уступает уровню нравственности сегодняшних праведников. Клятва, предложенная Гиппократом, в основе своей сохранилась до наших дней. С небольшими изменениями она и сегодня произносится вступающими на это поприще. В 1948 Генеральная Ассамблея Международной медицинской ассоциации приняла декларацию (называемую Женевской), которая, по существу, есть не что иное, как современная редакция клятвы Гиппократа. В 1949 Генеральная Ассамблея приняла Международный кодекс медицинской этики, включающий в себя и Женевскую декларацию. Тем не менее, во многих странах есть и свои «Клятвы Гиппократа». В России до революции врачи принимали так называемое *Факультетское обещание*, текст которого прилагался к свидетельству об окончании медфака. В наше время «присягу врача Советского Союза», утвержденную в 1971, сменила «Клятва российского врача», а в 1999 Госдумой был принят новый

текст «*Клятвы врача»*, которую медики дают в торжественной обстановке при получении диплома. С течением времени меняется форма и язык присяги, но основа медицинской этики следует главным положениям клятвы Гиппократа.

В подавляющем большинстве случаев клятва Гиппократа ассоциируется с беззаветным служением врача людям и его преданностью идеалам гуманизма. Клятва Гиппократа - нарицательное наименование клятвы, приносимой каждым, кто собирается вступать во врачебный цех, то есть стать медиком. С именем Гиппократа связано представление о высоком моральном облике и этике поведения врача. Гиппократ создал свод законов для многих поколений врачей, и они достойно несут сквозь века факел истинного гуманизма, зажженный великим мыслителем.

© Шайхутдинова Г.Ю., Вагазова И.М.,2013

Шалангов А.О.
г.Уфа, Россия

Прагматический и когнитивный подходы к описанию дискурса

Для зарубежной лингвистики 80-х годов характерен перенос центра внимания с формально-синтаксического и генеративно-семантического аспектов на прагматический аспект высказывания и дискурса (Арутюнова, Падучева, 1985). Отметим, что теории с крайней прагматической направленностью, как, например, теория речевых актов в ее классическом варианте (Austin, 1962; Searl, 1979), довольно безразличны к внутренней организации дискурса. Неизбежный прагматический редукционизм при взгляде на язык только как на средство воздействия допускает приравнивание, например, поэтического произведения к тривиальной реплике бытового общения, если они сходным образом «влияют на поведение». Не меняют сути дела и попытки усовершенствования классической теории речевых актов путем добавления к фигурирующим в ней моментам интерлокутивного воздействия дополнительных аксиом. Так, С. Зегер к актам локутивному (произнесение), пропозициональному (приписывание значения), иллокутивному (коммуникативное намерение) и перлокутивному (прагматический эффект) присоединил также акты коллокутивный, состоящий в фиксации момента установления контакта, и коннексивный, отражающий моменты взаимодействия говорящих (Sager, 1980: 301).

Важность установления прагматических параметров ситуативно связанного дискурса несомненна, хотя смыслы, определяемые при этом, могут быть полностью ситуативно обусловленными и их прямое выражение в лингвистической форме самого дискурса не будет строго обязательным; с дру-

гой стороны, дискурс может быть лишен явных прагматических форм (таких, как императив, вопрос, восклицание). Но ведь даже объявленное коммуникативное намерение может оказаться не соответствующим действительному намерению говорящего, не говоря уже о «приписывании значения» и т.д. Исследования, проводимые под девизом так называемой прагмалингвистики (Киселева, 1979) сводятся на практике лишь к констатации в тексте элементов, обладающих «прагматической силой», т.е. побуждений, эмоциональных оценок, контактивов и пр., но не объясняют их действительных системных функций, как и случаев полного отсутствия подобных элементов в дискурсе.

При обращении к собственным смыслам комплексных структур наблюдается другая крайность когнитивистского характера, которая происходит из допущения буквального отражения предметной (денотативной) ситуации в семантике высказывания (Новиков, 1983). Вероятно, наиболее углубленные разработки когнитивно-семантического подхода связаны с теорией фреймов, основоположник которой Марвин Минский определяет фрейм как структуру данных, предназначенную для представления некоторой типовой ситуации. С каждым фреймом ассоциированы несколько видов информации, например, как пользоваться данным фреймом, чего ожидать в следующий момент, что сделать, если эти ожидания не подтвердятся (Минский, 1978: 250). Фрейм – это своего рода собирательное множество, представляющее собой разбиение той или иной области человеческой деятельности на подобласти и входящие в них объекты, а объектов на элементы с нужной степенью детализации. Могут быть заданы фреймы бытовых ситуаций, математические, физические, ментальные, грамматические, фреймы фреймов, фреймы сценариев и т.д. Ценность фреймового описания является чисто прикладной, это один из способов задания гибкого тезауруса, предназначенного для работы с вычислительной машиной.

В работе Т. Балмера (1980) предлагается описание контекстных структур путем их расслоения на лингвистические фреймы (морфосинтаксические, семантико-прагматические, метатеоретические); такой концептуальный аппарат позволяет внести определенный порядок в процесс выяснения того, какие моменты реальности отображаются в исследуемом тексте, но не дает ничего принципиально нового в осмыслении механизма этого отображения.

Характерная черта когнитивистов – это явное пренебрежение особенностями отражения мира в языковом сознании человека. В.З. Панфилов вполне справедливо писал в этой связи, что то направление, «представители которого пытаются прямолинейно свести структуру предложения к структуре ситуации, по поводу которой оно высказывается, в конечном счете, базируется на понимании познавательного процесса как зеркального, мертвого отражения, а в его крайних формах – по существу на бихевиористском по-

нимании языка и речевой деятельности по схеме стимул–реакция, не оставляющей места для мысли и языкового значения как чего-то относительно самостоятельного по отношению к действительности и материальным языковым формам» (Панфилов, 1982: 131).

В отечественных работах периода «лингвистики текста» внимание уделяется не только ситуативно-денотативному аспекту содержания, но и многим моментам, связанным с речевой деятельностью, среди которых интеллектуально-логические, эмоционально-оценочные, индивидуально-личностные, социально-психологические моменты и др. При этом, как правило, подчеркивается коммуникативность текста. Текст как продукт речевой деятельности образует единый коммуникативно ориентированный блок, внутри которого могут быть выявлены относительно законченные по смыслу части, которые в стилистических работах приравниваются к абзацам. «Являясь составной частью стилистики речи, стилистика текста рассматривает сложные (объединяющие несколько абзацев) словесно-стилистические структуры, используемые в процессе коммуникации для выражения определенного содержания» (Одинцов, 1980: 34).

В психолингвистических работах, которые отличает наиболее выраженный коммуникативный подход, задача состоит в описании не единиц сверхфразового уровня в тексте, а самой текстовой деятельности в общественной практике. «Обслуживая другие виды человеческой деятельности, т.е. способствуя реализации целей как бы высших по отношению к ней (выступая в этом смысле как основа для общения сознаний), текстовая деятельность все более кристаллизуется в самостоятельный вид деятельности с внутренними, реализуемыми в рамках общения целями коммуникативно-познавательного и эмоционального свойства. При таком подходе текст уже не может рассматриваться как единица в одном ряду с такими категориями, как предложение и/или сверхфразовое единство. Текст (сообщение) рассматривается здесь как единица общения, иерархически соотносимая с категориями высказывания и семантико-смыслового (коммуникативного) блока, или предикации» (Дридзе, 1980: 20).

Если последовательно придерживаться понимания текста как сообщения, то, в силу того, что целое сообщение принадлежит всегда одному коммуниканту (отправителю), диалогическое общение автоматически оказывается за рамками исследования; т.е. диалог состоит из текстов (единиц общения, реплик), но сам текстом не является. Такая установка реализована в работе Н.Д. Бурвиковой-Зарубиной (1981: 7), которая считает текстом только «письменное по форме речевое произведение, принадлежащее одному участнику коммуникации, законченное и правильно оформленное», отказывая таким образом в статусе текста речевому произведению, принадлежащему двум или более участникам коммуникации – диалога.

Вместе с тем диалогическое речевое общение вполне допустимо представить как дискурс, порождаемый коллективным говорящим субъектом, и тогда проблема дискурсивного статуса диалога, вызывающая большие сомнения в лингвистике текста, оказывается разрешимой.

Однако Т.А. Ван Дейк, например, не решается приписать диалогу статус дискурса, сомневаясь в возможности определить типовой глубинный конструкт для любого диалога: «невозможно рассмотрение дискурса-диалога, т.е. последовательности высказываний, порожденной различными говорящими, хотя можно предположить, что такая последовательность также может иметь текстуальную структуру, подобную структуре дискурса (монолога)» (Dijk, 1977: 3).

Ван Дейк стремится создать строгую теоретическую основу для преодоления односторонности как денотатно-референтного, так и коммуникативно-прагматического подходов, предлагая использовать конструкт, называемый макроструктурой дискурса. Макроструктура может быть семантической, обобщающей в себе основную тему текста, представленную в виде иерархии семантических пропозиций, и прагматической, задающей прагматическую направленность речи (макроутверждение, макропросьба, макроосуждение и т.п.), и тем самым объединяющей дискурс как последовательность речевых актов в единое целое (Dijk, 1981: 246).

Опыт объединения речевых форм всех уровней в едином концептуальном аппарате принадлежит К. Пайку (1967). Сопоставив акты высказывания с актами социального взаимодействия индивидов, К. Пайк обобщил вербальное и невербальное поведение человека в категории бихевиоремы – единицы поведения, частным случаем которой является высказывание. Он сконструировал дистрибутивно-таксономическую модель речевого поведения, в которой каждая единица заполняет определенную ячейку в контексте единицы вышележащего уровня. Эта модель иерархически включает в себя единицы, начиная с фонем и кончая комплексными речевыми структурами, превышающими предложение, в том числе вопросно-ответные единства, монолог и «разговор» (Pike, 1967: 517). Достоинством этой метаязыковой модели является ее всеохватность, хотя в ней наиболее подробной оказывается таксономия единиц морфо-синтаксического уровня при слабой содержательной спецификации компонентов уровня речевого взаимодействия. Теория К. Пайка, представляющая собой попытку строгой систематической формализации речевого поведения с позиций американского дескриптивизма, обнаружила недостаточную глубину наших знаний о принципах речевой деятельности и о языке как орудии создания дискурса.

Как денотативно-референтное описание, так и прагматическая модель речевого акта не дают адекватного представления о собственной структуре речевого действия, дискурса, освещая факты внешние по отношению к языку – предметную действительность и социальное взаимодействие. И в том, и

в другом случае собственная форма высказывания оказывается несущественной в силу абсолютизации исходного тезиса о произвольности языкового знака. Отсюда повышенное внимание к функции единицы – денотативно-семантической или регулятивно-прагматической – при забвении той формы, которая является носителем данной функции.

Можно предположить, что, владея языком, человек владеет одновременно и особым – дискурсивным – способом формирования своих взаимоотношений с действительностью. Те принципы, которые обеспечивают такую способность, и должны стать объектом самого пристального внимания лингвистов, хотя они и скрыты от непосредственного наблюдения. Вероятнее всего, что область их наиболее отчетливого проявления – это синтаксис дискурса, связывающий языковую семантику (отражение действительности) с языковой прагматикой (регуляцией отношений человека со средой).

© Шалангов А.О., 2013

Шерсткова И.А.
г.Уфа, Россия

«Скажи, что тебе снилось?..» (об одном значении глагола *dream* в английском языке)

Результаты проведенного исследования показали, что у глагола *dream* в английском языке в зависимости от характера мыслительного процесса можно различать два варианта значения. В данной статье рассматривается тот вариант значения, который используется для номинации ситуаций «сновидения».

Анализ примеров показал, что в данном значении глагола *dream* заложена информация о том, что у субъекта в состоянии сна без участия его сознания, воли, спонтанно возникают образы объектов.

Рассмотрим следующие примеры, иллюстрирующие употребление глагола *dream* в анализируемом значении:

*(1) I **dreamt** that I went down those signless roads to the assembly of Leprechauns by a river of stars, and we embarked in an armada of fairy boats, and sailed till the dawn to an unimaginable sea. - A.Falconar.*

*(2) He was soon fast asleep forgetting all his worries till the morning. As matter of fact he **was dreaming** of eggs and bacon. - J.R.R.Tolkien.*

В примере (1) и (2) у субъектов *I* и *he* в состоянии сна возникает зрительный ряд образов ситуации *I went down…* и объекта *eggs and bacon.*

Информация о том, что субъект воображения не бодрствует, часто получает эксплицитное выражение. Так в примере (2) этой цели служат фразы *He was soon fast asleep* и *till the morning*.

В нижеследующем предложении (3) в значении фраз *all night* и *in his sleep* также заложена информация о том, что субъект *he* «отдыхает»:

*(3) But all night he **dreamed** of his own house and wandered in his sleep into all his different rooms looking for something that he could not find nor remember what it looked like. - J.R.R.Tolkien.*

Процесс воображения, обозначаемый глаголом *dream* в рассматриваемом значении, является неконтролируемым: субъект не прикладывает волевых усилий по инициации, продолжению или прекращению работы креативной силы (о «силе» и ее видах как метапонятии для семантической интерпретации значения английских глаголов-синонимов группы воображения см.[6]). В данном случае субъект функционирует как биологическая машина, находящаяся под контролем подсознания и работающая по законам высшей психической деятельности. Именно она определяет и активизирует работу биологической силы субъекта в совокупности с креативной. На лексическом уровне это находит отражение в ненормативности употребления глагола *dream* в рассматриваемом значении с выражениями *stop / begin doing smth*. Однако исследование показало, что анализируемый глагол может довольно свободно употребляться в конструкциях повелительного наклонения положительной и отрицательной формы, с выражениями типа *I want…*, которые традиционно используются для проверки на наличие признака «волеизъявление» (о «волеизъявлении» и других семантических признаках, входящих в семантическую структуру левостороннего актанта английских глаголов воображения, см.[6]):

*I want **to dream** about you in my sleep.*

*I made up my mind **to dream** of squirrels and rabbits in my sleep.*

***Dream** about me in your sleep.*

*Don't **dream** about me in your sleep.*

Все вышеприведенные тестовые предложения были оценены информантами как нормативные. Однако считаем, что нормативность употребления глагола *dream* (в рассматриваемом значении) в этих конструкциях не свидетельствует о наличии в структуре левостороннего актанта глагола признака «волеизъявление», т.е. контролируемости субъектом всех фаз денотата предиката, в силу того, что процесс сновидения, как отмечалось выше, является неконтролируемым. В языке, как известно, нет ничего такого, чего бы не было в мире реальном или нереальном. Нормативность же приведенных предложений сообщает о том, что субъект или говорящий выражают свои желания по поводу желаемого положения дел в мире. Однако субъект воображения не может по собственной воле начать или прекратить процесс сна, отсюда и ненормативность следующих предложений:

** Now start **dreaming** about me in your sleep.*

** Now stop **dreaming** about me in your sleep.*

** At 4 a.m. I started **dreaming** about you in my sleep.*

** At 4.30 a.m. I stopped **dreaming** about you in my sleep.*

Для работы процесса воображения, обозначаемого исследуемым глаголом, субъект также не прикладывает никаких усилий, что на языковом уровне отражается в ненормативности этой глагольной единицы с выражениями типа *it's hard/difficult; try to do smth.*. Так нижеследующие предложения единодушно всеми информантами были оценены низко (1 балл из 5):

** It was hard **to dream** about you last night.*

** I try **to dream** about you in my sleep.*

Процесс, вербализируемый глаголом *dream* (в рассматриваемом значении), является неосознаваемым. Отсюда ненормативность следующего предложения: ** I realize that I'm dreaming about you in my sleep now.* Однако нижеследующие тестовые предложения на выявление наличия признака «осознаваемость» [6] оценивались респондентами как нормативные (5 баллов из 5):

She realized that at night she dreamed about the pizza she had been wanting for the last 3 days.

Why did you dream about me last night?

Факт нормативности приведенных предложений объясняется тем, что признак «осознаваемость» наличия работы по созданию объекта действительно присутствует в структуре правостороннено актанта. Однако осмыслению подвергается не процесс создания денотата предиката, а *coda*, т.е. стадия, следующая за ядром предиката: только после пробуждения ото сна, находясь в состоянии бодрствования и ясности рассудка, субъект может констатировать, что он «видел» образы объекта.

Формируемые в коре головного мозга субъекта образы объектов носят конструируемый характер (о «конструируемости» см.[5]): образы могут возникать на основе материала первичной денотации реальной действительности, но в результате их трансформации, комбинирования и т.п. создаются объекты вторичной денотации, не имеющие ничего общего с объектами реального мира (о механизме сновидений см. [1], [2], [3] и др.); (о первичной и вторичной денотации см. [4]). Исключения представляют только ситуации, в которых у субъекта возникает однотипное, навязчивое, повторяющееся сновидение. В этом случае возникшие образы имеют проецируемый характер (о «проецируемости» см.[5]), т.к. являются точной копией объекта реальности или проекцией когда-то сконструированного во сне образа. Например:

*(4) When he had been younger, Harry **had dreamed** and **dreamed** of some unknown relation coming to take him away, but it had never happened; the Dursleys were his only family. - J.K.Rowling.*

*(5) He started having nightmares. Over and over again he **dreamed** about his parents disappearing in a flash of green light, while a high voice cackled with laughter. - J.K.Rowling*

В примерах (4) и (5) информация о повторяемости образов объектов *some unknown relation coming to take him away* и *his parents disappearing in a flash of green light*, а, следовательно, и об их проецируемости просматривается в повторном употреблении предиката *dreamed* и выражении *Over and over again*.

(6) I don't know. But that's almost beside the point now. I just have to see her. Something's been telling me Lara wants to see me. I keep ***dreaming*** *about her. - S.Sheldon.*

(7) It reminds me of Númenor,' said Faramir, and wondered to hear himself speak. 'Of Númenor?' said Éowyn. 'Yes,' said Faramir, 'of the land of Westernesse that foundered and of the great dark wave climbing over the green lands and above the hills, and coming on, darkness unescapable. I often ***dream*** *of it.' - J.R.R.Tolkien.*

В примерах (6) и (7) возникающий во сне образ является точной копией объектов реальности *Kiki* и *the land of Westernesse*. Выражение *keep doing smth.* и наречие *often* сообщают о проецируемости объекта вторичной денотации.

(8) I was one of the first on the scene after Black murdered all those people. I—I will never forget it. I still ***dream*** *about it sometimes. - J.K.Rowling.*

В примере (8) субъекта преследует депрессивный образ ситуации реальности, свидетелем которой он стал. Во сне мозг проецирует увиденную когда-то картину. Копирующий характер отображения эксплицируется подчеркнутыми лексическими средствами.

Итак, анализируемое значение глагола *dream* может быть сформулировано следующим образом: у субъекта, находящегося в состоянии сна, возникает ряд образов объектов, которые могут быть или не быть отражением объектов реального мира. Происходящий процесс является неконтролируемым, но его результат (возникшие образы объектов) может осознаваться субъектом в состоянии бодрствования.

Литература

1. Немов, Р.С. Психология: учеб. для студентов высш. пед. учеб. заведений: в 3 кн. Кн.1. Общие основы психологии / Р. С. Немов. - М.: ВЛАДОС, 1997. – 688с.

2. Петровский, А. В. Общая психология: учеб. для студентов пед. институтов / под ред. А. В. Петровского. - М.: Просвещение, 1986. – 464с.

3. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 720 с.

4. Шерсткова, И.А. К вопросу о статусе английских глаголов воображения как предикатов пропозициональной установки // Лингвометодические и культурологические проблемы обучения языковой коммуникации: материалы Всероссийской научно-методической конференции 20-21 апреля 2011г., г.Уфа. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. – С. 345-350.

5. Шерсткова, И.А. Метаязык описания актантной рамки английских глаголов воображения // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – Пятигорск, 2009, №1. – С.148-151.

6. Шерсткова, И.А. Семантическая структура левостороннего актанта английских глаголов воображения // Вестник Челябинского государственного университета. – № 17 (155). Филология. Искусствоведение. Вып. 32. – Челябинск, 2009. – С. 112-114.
© Шерсткова И.А., 2013

Шпар Е.В.
г. Уфа, Россия

Проблема перевода комического на основе стиля в телевизионном развлекательном медиадискурсе (на материале американского комедийно-драматического сериала “Scrubs”)

Проблема перевода комического уже достаточно длительное время обсуждается в работах многих теоретиков и практиков перевода. Неизменная актуальность данной проблемы объясняется как появлением всё новых и новых областей перевода, для которых её решение имеет особую значимость (данная статья посвящена исследованию телевизионного развлекательного дискурса), так и собственно множественностью и разноплановостью трудностей лингвистического и экстралингвистического характера, с которыми сталкивается переводчик.

Целью данной статьи является исследование специфики трудностей, возникающих при переводе комического на основе стиля, т.е. комического, в создании которого ключевую роль играют лингвостилистические средства. В качестве материала для исследования был использован американский комедийно-драматический сериал “Scrubs” («Клиника»). Данный сериал не только является одним из наиболее качественных образцов собственно комедийного жанра (награда «Эмми» за подбор актёров, режиссёрскую работу и сценарий), но и отмечен за более серьезные достижения (награда «Пибоди Джорджа Фостера» – ежегодная международная премия за выдающийся вклад в развитие радио и телевидения, отмечает достижения в области вещательной журналистики, создания документальных фильмов, образовательных, развлекательных и детских программ и награда «Humanitas Prize» – вручается сценаристам телепроектов, чьи работы исследуют индивидуальность, духовный рост и развитие человека (за эпизод “My Old Lady”)). Выбор материала во многом обусловлен и самой природой категории комического – «прекрасной сестры смешного, порождающей высокое» [1, 28]. Так, определяющей чертой комического, обладающего всеми признаками смешного, но при этом отличного от него, А.Н. Лук называет признак общественной значимости: «*Комическое* – это общественно значимое *смешное*» [5, 63]. Таким образом, именно комедийно-*драматический* характер исследуемого материала позволяет исследовать категорию комического, а не смешного.

Комическое рассматривается в рамках данной работы как особая оценочная эстетическая категория, выявляющая противоречия между идеальным и реальным в жизни в форме осмеяния этого реального [3]. Основные виды комического, обособляющиеся затем в ходе развития культуры, это, прежде всего, юмор, ирония и сатира, различающиеся по «правилам игры» и по функциональной нагрузке [4, 31-33].

Термин "дискурс" используется нами для обозначения интегративной совокупности текстов, связанных семантическими, содержательно-тематическими отношениями и объединенных в коммуникативном и функционально-целевом отношении [8, 22]. Дискурсообразующими характеристиками при таком понимании выступают сферы человеческой коммуникации и практики, в результате чего выделяются научный дискурс, педагогический дискурс, политический, спортивный, массмедийный дискурс или медиадискурс. Жанры, через которые массмедийный дискурс реализуется и структурируется, формируются его основными функциями (коммуникативными задачами): информирующей, интерпретирующей, мобилизующей/побуждающей, просвещающей и развлекающей [8, 23].

Рассматриваемый в данной статье тип медиадискурса *(телевизионный)* выделяется по каналу его реализации [7, 253], а данный жанр *(развлекательный)* на основе его функциональной нагрузки – гедонистической в системе «адресат» [2, 203-204]. Согласно результатам множества социологических опросов, именно комедийный теледискурс наиболее востребован аудиторией, особенно молодой. Однако при этом телевизионные каналы зачастую оказываются неспособными создавать качественный продукт для своей растущей аудитории, и речь идет не только о слабых русскоязычных ситкомах, но и о плохом дублировании, ослабляющем или полностью разрушающем юмор англоязычных комедийных сериалов. В этой связи, подробное описание и анализ трудностей, возникающих при переводе комического в рамках комедийного теледискурса приобретает особую значимость.

Первым этапом данного исследования было выявление специфики выражения комического на основе стиля посредством описания репертуара используемых лингвостилистических средств создания комического и выявления наиболее частотных из них. Отправной точкой, безусловно, послужили результаты исследований категории комического отечественными и зарубежными исследователями.

Следует отметить, что первые попытки классифицировать приемы и средства создания комического восходят к античной древности (они были предприняты Цицероном и Квинтилианом), однако до сих пор не существует стройной всеобъемлющей классификации. Многие исследователи включают в одно и то же множество средства и приемы комического, средства комического растворяют в его приемах и лишь иногда эти понятия рассматриваются как равноправные и пересекающиеся.

Классификация, наилучшим образом соответствующая целям данного исследования, была предложена А.Н. Луком и включает следующие приёмы создания комического: 1. Ложное противопоставление; 2. Ложное усиление; 3. Доведение до абсурда: а) преувеличение (гипербола); б) преуменьшение или смягчение (литота или эвфемизм); 4. Остроумие нелепости: а) соединение двух логически несовместимых высказываний; б) паралогический вывод; 5. Смешение стилей, или "совмещение планов": а) смешение речевых стилей; б) перенос терминологии; в) несоответствие стиля и содержания; г) несоответствие стиля речи и обстановки, где она произносится; д) псевдоглубокомыслие; 6. Намёк, или точно наведенная цепь ассоциаций; 7. Двойное истолкование: а) игра слов; б) двусмысленность; 8. Ирония; 9. Обратное сравнение: а) "чистое" обратное сравнение; б) буквализация метафоры; 10. Сравнение по случайному или второстепенному признаку, перечисление разнородных предметов и явлений в "едином списке"; 11. Повторение: а) "чистое" повторение; б) повторение с изменением грамматической конструкции; в) повторение с изменением смысла; 12. Парадокс [5, 107]. Данная классификация, на наш взгляд, является достаточно стройной системой приёмов создания комического (с позиций логики, риторики и когнитивистики), а также имеет четкие параллели непосредственно с лингвостилистическими средствами создания комического на основе данных приёмов.

Обобщив результаты исследований лингвостилистических средств создания комического в рамках исследуемого дискурса комедийно-драматического сериала «Клиника», мы можем выделить следующие наиболее часто используемые виды и типы:

стилистические приёмы – вербальная ирония, гипербола, комические метафоры и образные сравнения, антономазия (говорящие имена), аллюзии, эвфемизмы (и другие виды перифраза), повтор (как лексический, так и морфологический), антитеза, каламбуры, окказиональные слова;

экспрессивные средства – смешение функциональных стилей речи, несоответствие стиля/тона содержанию, неожиданная смена стиля (переход от возвышенного к обыденному), пародии стиля прецедентных текстов.

Попробуем наметить, с какими из перечисленных выше лингвостилистических средств могут быть связаны определённые трудности перевода, и проанализировать их.

В ходе исследования было выявлено, что большинство примеров комического на основе стиля переводимы, редко возникают трудности при переводе комического на основе вербальной иронии, антономазии, эвфемизмов (и другие видов перифраза), повтора (как лексический, так и морфологический), антитезы.

Так, например, почти дословно и без потерь были переведены следующие комические эпизоды:

J.D.: I can't believe we're going to a strip club for lunch.

Turk: Oh, don't even think about it that way. This is just a nice place to buy a burger that's a short, convenient two-and-a-half-mile walk away from the hospital. {Season 1, Episode 8} – вербальная ирония (высмеивание интернами собственных слабостей);

Dr. Cox: My GOD, Barbie, how do you put your bra and panties on in the morning?! All by yourself!? It's...remarkable! *{Season 1, Episode 12} – антономазия + ирония, используемые доктором Коксом в попытке заставить интерна Эллиот стать более вдумчивой и самостоятельной.*

Они переводимы даже в случаях, когда комическое создаётся сочетанием нескольких стилистических приёмов, например, сочетанием антономазии и вербальной иронии:

Elliot: I'm probably "Miss Hyper Competitive". I mean, it used to be a big problem for me. "Used to" – past tense. [Suddenly she turns again and runs up the stairs.]

J.D.: Hey, are we, like, racing?

Elliot: Yes! {Season 1, Episode 1}.

Эллиот: Наверное, я Мисс Гиперконкурентность. Да, раньше для меня это было проблемой. Я сказала: «Раньше», то есть в прошлом. [Вдруг она разворачивается и бежит вверх по лестнице].

Джей Ди: Эй, мы что, бежим наперегонки?

Эллиот: Да!

Следует, однако, отметить, что речь идёт не о переводе определённого стилистического приёма как такового идентичным приёмом, а о переводе собственно комического (юмора или иронии), т.е. идентичном эффекте.

Например, юмор на основе *антитезы* в оригинале сериала: *Dr. Kelso: (about his wife) Fat camp. Six years she's been going there, and the only thing getting any thinner is my wallet! {Season 2, Episode 3}* переведён при помощи стилистического приёма *повтора* с элементом *игры значений слова* в языке перевода, а комический эффект при этом сохранён: *Д-р Келсо (о жене): Лагерь для похудания! Она ездит туда уже шесть лет, а худеет только мой кошелёк!*

Определённые сложности возникают при переводе комических метафор и комических образных сравнений, особенно развернутых:

Dr. Cox: Tell me, Laverne, are you in fact part golden retriever?

Nurse Roberts: Keep it holy, now.

Dr. Cox: I only ask because, every time I toss this guy, you bring him right back to me. {Season 1, Episode 14}

В двух вариантах перевода сериала прозвучало следующее:

1) Д-р Кокс: Лаверн, скажи мне, у тебя не было в роду золотистых ретриверов.

Медсестра Робертс: Держите себя в руках.

Д-р Кокс: Нет мне просто интересно, потому что каждый раз, когда я скидываю этого парня, ты тащишь его обратно.

2) Д-р Кокс: Скажи, Лаверн, тебя воспитывали как пса-медалиста.

Медсестра Робертс: Вам меня не обидеть.

Д-р Кокс: Я спросил, потому что каждый раз, когда я выпроваживаю этого парня, ты его возвращаешь.

И в том и в другом случае, ослабляется не только образность, но и комический эффект метафоры.

Вполне очевидно, что проблемы лингвистического характера могут возникать при переводе ряда каламбуров и окказиональных слов.

Само название сериала (английское слово «Scrubs») имеет несколько значений, и два обыгрываемых в данном случае это «одежда медиков для проведения хирургической операции» и «ничтожные люди». В комментариях к DVD изданию первого сезона создатель сериала Билл Лоуренс указывает, что название «Scrubs» было выбрано не только потому, что означает предмет гардероба врача, но и потому, что главные герои – новички, которых в медицине называют именно «Scrubs». Название сериала также упоминается в его первой серии, когда Боб Келсо говорит Джону Дориану (интерну Джей Ди) «Неужели вы не понимаете, что вы для меня не более чем пустое место в форме?» (англ. Do you not realize that you're nothing more than a large pair of scrubs to me?). Комический аспект данного эпизода полностью теряется в переводе, и причина – лингвистическая.

Окказиональные слова представляют для переводчика ещё более сложную проблему, как, например, в следующем эпизоде, когда Карла вежливо, но настойчиво даёт отпор грубоватому мужчине в очереди за кофе, а доктор Келсо восхищается тем, как она это сделала:

Carla: Yes, I'll have an espresso, please; and...what kind of scones do you have today? [A man behind her loudly clears his throat. She stops.]

Rude Man: Son of a bitch. Do you mind, lady? I am in a rush.

Carla: Oh, my goodness! I'm so sorry. What am I doing thinking I can take an extra six seconds to pick my breakfast? I'm gonna have to call my mom and tell her she did a lousy job raising me. Thank you, so much.

Dr. Kelso: I, uh, I think what she means is, she doesn't give a crappuccino! [He laughs, and the vendor joins in.]

Dr. Kelso: Allen, this is on me. God help me, I love spunk!

В данном случае комизм ситуации и высказывания Келсо, ставшего остроумным именно благодаря окказионализму на основе обыгрываемой табуированной идиомы “not to give a crap”, теряется в русском переводе: *«Мне кажется, она хотела сказать, что ей глубоко наплевать! Алан, запиши на мой счёт – люблю нахальных дамочек!».* Таким образом, русскоязычный зритель причину смеха в данной ситуации понимает по своему, объясняя его чувством солидарности присутствующих с Карлой и восхищением

её дерзостью. Качество комического меняется, и потому нельзя говорить о полной эквивалентности перевода.

Комическое на основе аллюзии достаточно часто представляет трудность для переводчика, т.к. именно в связи с аллюзиями проблема перевода юмора становится проблемой транслируемости культур. Совершенно очевидно, что передача комического на основе аллюзий и его адекватное восприятие возможно лишь при условии наличия у реципиента фоновых знаний о культуре языка оригинала. Однако и этого может оказаться недостаточно. По мнению Н.М. Нестеровой и Н.В. Корюкиной, решающим условием понимания комического является «причастность» к описываемой ситуации, т.е. не просто наличие знаний и представлений о чем идет речь, но и некоторое личное переживание, связанное с этим, на основе собственного опыта [6, 9].

В связи с этим определённые переводческие трансформации в процессе перевода комического на основе аллюзий становятся более чем оправданными. Рассмотрим, следующий пример, интерн Джей Ди планирует «свидание вслепую» с пациенткой, уже понравившейся ему в результате общения во время поломки аппарата МРТ, но он так и не увидел лица девушки. В результате в его видениях-мечтаниях она предстаёт ему в виде Джимми Уокера, американского комедийного актера, отнюдь не красавца. При этом русскоязычный зритель его вряд ли узнал, поэтому, когда Джимми Уокера упоминают в этой серии вторично, переводчик решает заменить аллюзию на описание его внешности, чтобы зритель мог сопоставить ранее использованный визуальный образ и его вербальное упоминание в следующем эпизоде:

Carla: You want to know what she looks like...did she ask what you look like?

J.D.: No, she can tell I'm handsome – I have a husky voice!

Carla: Well, why don't you look into your heart and see how it feels?

J.D.: My heart hates uggos.

Carla: You know what, that's exactly what's wrong with you men. You're all so superficial, so afraid of what you really feel. I'm so sick of it!

J.D.: So, do you know what she looks like?

Carla: Yeah, I do. But I ain't telling you.

*J.D.: Ohh.... Come on, just tell me, does she look anything like **Jimmie Walker**? {Season 1, Episode 12}*

Джей Ди: Ну ладно тебе, скажи, она не похожа на **лысого негра?*

Сходна и ситуация с другой аллюзией, когда переводчик решил сосредоточиться именно на сохранении «причастности»:

Dr. Cox: Well, geez, Agnes, does the field hockey team know that you're missing? {Season 1, Episode 6}

В данном случае речь идёт об одной из частных школ для девочек (St. Agnes Academy или Agnes Irwin School), уделяющих много внимания спорту и имеющих свои достаточно успешные команды по хоккею на траве. Комизм аллюзии заключается в подтрунивании доктора Кокса над своим отнюдь не самостоятельным интерном, причём в данном случае это почти ритуально, т.к. после этой фразы наставник впервые похвалил своего ученика за проявленную инициативу. Аллюзия в оригинальном эпизоде получает выражение и в антономазии, в данном случае намеренно оскорбляющем использовании девчачьих имен при обращении к юноше интерну. Однако переводчик отказывается и от аллюзии, и от антономазии, описывая ситуацию более знакомую русскоязычному зрителю, но не противоречащую при этом оригиналу:

Д-р Кокс: Господи, красавица, а твой кружок по вышиванию не заметит твоего отсутствия?

Комическое на основе экспрессивных средств (смешения функциональных стилей речи, несоответствие стиля/тона содержанию, неожиданная смена стиля (переход от возвышенного к обыденному)) в большинстве случаев переводимы и переводятся без потерь. Отдельные трудности могут возникать из-за различий самих функциональных стилей, например, официально-деловой стиль русского языка содержит больше абстрактной лексики, различия между устной и письменной формами коммуникации более выражены, в связи с чем переведённое смешение стилей может оказаться в русском языке утрированным. Особую проблему представляет перевод пародий стиля прецедентных текстов, и далеко не всегда в эпизодах такого рода удается достичь комического эффекта в полном объеме. Так, шестая серия шестого сезона “My Musical” представляет собой мюзикл, состоящий целиком из произведений, написанных специально для сериала. На протяжении почти всей серии поют все герои, потому что в виде музыкальных произведений их реплики слышит одна из пациенток с опухолью в головном мозге, а их партии являются и пародиями на известные мюзиклы и просто стилизацией данного жанра. Даже в хорошем переводе комическое в рамках данной серии воспринимается представителями другой культуры в его значительно ослабленном варианте, т.к. во-первых, в ряде случаев теряется связь с реальными прецедентными текстами, а во-вторых, причастность, личный опыт в отношении мюзиклов у русскоязычной аудитории несколько иные.

В результате проведённого исследования наиболее перспективным представляется дальнейшее более детальное изучение и описание способов решения проблем перевода комического на основе метафор и образных сравнений, аллюзий, а также пародий и стилизации.

Литература

1. Борев Ю.Б. О комическом. – М.: Искусство, 1957. – 232 с.

2. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография. – Москва: ИЯ РАН; Волгоград: ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
3. Кройчик Л.Е. Поэтика комического в произведениях А.П. Чехова. – Воронеж: ВГУ, 1986. – 136 с.
4. Кулинич М.А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка): Монография. – Самара: СГПУ, 2004. –264 с.
5. Лук А.Н. О чувстве юмора и остроумии. – М.: Искусство, 1968. – 192 с.
6. Нестерова М.Н., Корюкина Н.В. О проблеме межкультурной транслируемости комического (на примере повести Сергея Довлатова «Компромисс») // Вестник Южно-Уральского государственного университета, № 1, 2007. – с. 9-12.
7. Оломская Н.Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса // Научный диалог, № 5, 2013. – С. 250–259.
8. Тарыгина В.А. Лингвистическое жанроведение: становление интегративной дисциплины // Вопросы филологии, № 1, 2011. – С. 20-24.

© Шпар Е.В., 2013

Юзликбаева Д. Ш.
г. Уфа, Россия

О значении обучения студентов неязыковых факультетов основам научного и технического перевода

Обучению переводу специальной литературы с иностранного языка на русский является одной из задач профессионально-ориентированного преподавания иностранных языков в неязыковом вузе. Будущие специалисты должны уметь извлекать и использовать полезную информацию в своей практической или научной деятельности. С каждым годом объем литературы во всех областях науки и техники возрастает, что требует от студентов улучшения навыков в области перевода, так как зачастую точная передача текста оригинала, а также ясность изложения мысли при максимально сжатой и лаконичной форме очень важны.

Следует отметить, что языку научно-технических текстов свойствен определенный стиль, а также ряд особенностей как в области лексики, так и в области грамматики, например, наличие большого количества терминов, распространенность различных видов сокращений, употребление разнообразных синтаксических оборотов и т.д. Так, например, для английских научно-технических текстов характерно использование сложных грамматических конструкций (субъектный инфинитивный оборот, независимый причастный оборот и др.), а также широкое употребление страдательного залога. Кроме того, английские научные тексты отличаются комплексными по структуре длинными предложениями с обилием сложных инфинитивных, причастных и герундиальных форм.

С учетом всего этого при переводе научно-технической литературы рекомендуется следующая последовательность работы. Сначала необходимо прочесть весь текст или абзац (если текст большой) и понять его общее содержание. Далее сложные по структуре предложения, в которых не сразу можно определить составляющие их элементы, нужно разбить на отдельные предложения, в каждом из которых найти группу подлежащего и группу сказуемого. В английском повествовательном предложении существует твердый порядок слов, поэтому одним из основных средств определения синтаксической функции слова является его место в предложении.

Одним их этапов перевода научно-технического текста является выявление трудных лексических оборотов и грамматических конструкций, а также сложных для перевода терминов. Следует отметить, что составление собственного терминологического словаря по узкой специальности может значительно помочь при чтении спецтекстов в будущем. При работе с лексикой и поиске незнакомых слов в словаре необходимо понять, какая это часть речи. При этом не брать первое значение слова, а выбрать наиболее подходящее по содержанию переводимого текста.

При переводе научно-технической литературы обычно используются следующие основные способы перевода специальной лексики:

1. Перевод путем использования имеющихся в русском языке эквивалентов, не зависящих от контекста.

2. Перевод с помощью слов синонимического ряда, из которого надо выбрать вариант, наиболее подходящий по контексту.

3. Калькирование или дословный перевод.

4. Описательный перевод, т.е. передача значения английского слова при помощи более или менее распространенного объяснения.

5. Транслитерация – передача буквами русского письма букв английского письма, независимо от произношения.

6.Транскрибирование – передача произношения английского слова русскими буквами.

© Юзликбаева Д.Ш., 2013

Янмурзина Р.Р.
г.Уфа, Россия

Связь кросскультурной лингвистики с лингвокультурологией и межкультурной коммуникацией

Современный мир характеризуется тенденцией к расширению и углублению международных контактов в различных сферах экономической, общественно-политической, социальной и культурной жизни. Это определя-

ет необходимость обращения к проблемам межкультурной коммуникации. Однако при наличии взаимного интереса представителей разных культур друг к другу коммуниканты нередко недостаточно знакомы с представителями другой культуры, с особенностями коммуникативного поведения представителей иной лингвокультурной общности.

Кросскультурный подход является наиболее актуальным, на наш взгляд, в освещении проблем лингвистики на современном этапе как общая методологическая предпосылка антропологической системы знания. Он предполагает толерантность всех этнических менталитетов и их языковых систем. Именно поэтому как никогда толерантность языковых парадигм является наиболее актуальной в антропоцентрической научной картине мира. И только кросскультурность, понимаемая как взаимопроникновение языковых миров и культур, совмещение общего и различного, является единственно верным подходом в обучении языкам.

Чрезвычайно актуально данное понимание важности кросскультурного взаимодействия в условиях сегодняшней российской действительности, когда людям, живущим в многонациональном, мультикультурном обществе, необходимо не просто осознавать ценность культуры разных народов страны, но и строить свое взаимодействие, руководствуясь кросскультурными плюралистическими предпосылками, а также, что представляется первоочередным в аспекте данной работы, учиться пониманию «чужих» ценностей и передавать эти знания и этот ценный опыт общения с иными культурами из поколения в поколение, способствуя единству поликультурного пространства России.

Современная философия считает кросскультурность методологической предпосылкой для развития гуманитарных наук в современном поликультурном мире как гарант толерантности и развития человеческой цивилизации, как основу антропологической системы познания. Именно поэтому в России появляются кросскультурная философия, педагогика, психология. Кросскультурный диалог как интеграция и взаимодействие культур призван с точки зрения современной философии служить основой понимания различных культур и традиций, в конечном итоге – основой миропонимания.

Мы также считаем целесообразным введение данного понятия в лингвистику и лингводидактику как методологическую основу данных наук.

Следует отличать понятие кросскультурности от понятий лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

Одним из выражений антропоцентрической парадигмы в лингвистике является возникновение нового направления – лингвокультурологии, предметом которого являются язык и культура, находящиеся в диалоге, взаимодействии между собой (Телия 1996; Степанов 2004; Арутюнова 1998; Маслова 2004). Сложный и многоаспектный характер соотношения языка и культуры, их взаимоотношений, взаимосвязи, взаимовлияния и взаимодей-

ствия в процессе общения людей обусловил появление новой комплексной научной дисциплины синтезирующего типа, непосредственно связанной с исследованием культуры – лингвокультурологии, которая «изучает определенным образом отобранную и организованную совокупность культурных ценностей, исследует живые коммуникативные процессы порождения и восприятия речи, опыт языковой личности и национальный менталитет, дает системное описание языковой «картины мира» и обеспечивает выполнение образовательных, воспитательных и интеллектуальных задач.

Таким образом, лингвокультурология, в наиболее широком понимании, исследует «проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [5, 9].

Лингвокультурология – это наука, которая занимается проблемами взаимосвязи языка и культуры, становлением языковой картины мира. Однако она не занимается вопросами взаимовлияния и взаимопроникновения *различных* языков и культур.

В то же время, этнопсихология использует лингвокультурологические методы исследования, обращаясь к важному для нас понятию кросскультурности при изучении национальной специфики дискурсов в их уникальности и взаимодействии. Так, В.В. Красных обращает внимание на то, что «стратегии построения мира и дискурса обусловливаются в том числе и когнитивной картиной мира, и проблемы в межкультурном общении могут возникнуть тогда, когда формальное «совпадение», эквивалентность вербальных единиц оборачивается квазиэквивалентностью на содержательном уровне» [3, 319]. Межкультурная коммуникация, обогащающая национальные культуры, явление неоднозначное. Она может содействовать созданию вторичной языковой личности. Она содействует снятию противоречия «свой-чужой», но она может быть и орудием культурной экспансии, утесняя чужую культуру, поэтому любая коммуникация между представителями разных народов и культур требует специальных знаний и умений.

Кросслингвистические исследования посвящены углублению культурного обмена между различными нациями, находящему свое выражение во взаимном влиянии языков и культур. Обусловленность языковых явлений и языковых единиц социальными факторами: условиями коммуникации (временем, местом, участниками, целями и т. п.), обычаями, традициями, особенностями общественной и культурной жизни говорящего коллектива, являются предметом социолингвистических исследований [4].

Процессу межэтнической коммуникации и факторам, его определяющим, а также феномену этнической идентичности посвящены этнопсихологические, этнолингвистические и этнопсихолингвистические исследования, отчасти сближающиеся с лингвокультурологическими, однако противостоящие им, поскольку в центре современной этнолингвистики находятся

лишь те элементы системы языка, которые соотносимы с определенными материальными или культурно-историческими комплексами [8].

Очевидная потребность внимательного рассмотрения проблемы общения и взаимопонимания различных народов и культур привела к появлению еще одной новой области научного знания – теории межкультурной коммуникации, само первоначальное название которой (cross-cultural communication – англ.) показывает ее неразрывную связь с понятием кросскультурности. В соответствии с направленностью данной работы, для нас теория межкультурной коммуникации представляет интерес прежде всего в той мере, в которой ее проблематика является пограничной с лингвокультурологией, поскольку именно кросскультурные особенности языкового и речевого общения и, в частности, эффективного обучения языку, находятся в центре внимания настоящего исследования.

Вопрос, лежащий в основе как лингвокультурологии, так и теории межкультурной коммуникации, можно сформулировать следующим образом: «Зачем познавать культуру через язык?» Ответом на этот вопрос, на наш взгляд, является необходимость для одной культуры познания другой культуры, необходимость взаимопроникновения, прежде всего с целью понять другой, отличный от своего мир, формируемый пространством иной культуры. Поэтому можно, на наш взгляд, сделать вывод, что кросскультурные связи пронизывают собой все сферы жизни современного общества, что отчетливо проявляется и в жизни нашего государства, а следовательно, должно находить свое отражение также и в системе образования как кросскультурный аспект формирования парадигмы личности обучаемого.

Межкультурная коммуникация – это наука, определяющая процессы взаимодействия разных культур и этносов в условиях поликультурного мира. Однако она не занимается вопросами их *взаимовлияния и взаимопроникновения*.

Следовательно, кросскультурность основана на синтезе двух наук – лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, с другой стороны, лингвокультурология и теория межкультурной коммуникации на современном этапе развития служат воплощению идей кросскультурности.

Как понятие «кросскультурность» шире, чем «лингвокультурология» и «межкультурная коммуникация» – она не только призывает к пониманию и изучению своей родной языковой культуры, не только помогает общаться с носителями других языков, но и через общее и различное обогащает языковую культуру носителя всем этническим спектром отражения мира в языке. Отход от этноцентризма в изучении языка – самый важный шаг на современном этапе развития лингводидактики, и в этом направлении наиболее интересным является применение опыта преподавания русского языка как иностранного в условиях полиэтнического и поликультурного сообщества.

Таким образом, рассмотрев проявления кросскультурности как определяющего элемента современного миропонимания, можно сделать вывод о том, что кросскультурность представляет собой некую лингвофилософскую парадигму. Одним из методологических оснований кросскультурности мы можем считать лингвокультурологию, выступающую в качестве комплексного синтезирующего подхода к взаимосвязи и взаимодействию языка и культуры в их функционировании с ориентацией на систему общечеловеческих гуманистических ценностей. Другим методологическим основанием кросскультурности предстает, на наш взгляд, теория межкультурной коммуникации.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека.– М.: Языки русской культуры, 1998.– 895 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 261 с.
3. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М: Гнозис, 2003. – 375 с.
4. Крысин Л.П. Речевое общение и социальные роли говорящих.//Социально-лингвистические исследования. - М.: Наука, 1976. - С. 42-52.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М: Академия, 2004. – 208 с.
6. Степанов Ю. С. Константы: Словарь Русской Культуры. – М.: Академический проект, 2004. – 991 с.
7. Телия В.Н. Русская фразеология. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 284 с.
8. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 509 с.

© Янмурзина Р.Р., 2013

Яхиббаева Л.М.
г.Уфа, Россия

К вопросу об основных категориях текста

Текст имеет наборы постоянных и переменных признаков. Постоянные признаки носят характер категорий. Текстовые категории – это признаки, которые свойственны всем текстам, без которых не может существовать ни один текст, то есть это типологические признаки текста. Рассмотрим некоторые наиболее важные текстовые категории.

С*вязность и цельность (целостность)* являются непременными качествами текста и проявляются в целесообразно построенном тексте. Иногда термины «цельность (когерентность)» и «связность (когезия)» употребляются как синонимы. Но все же, по мнению большинства исследователей текста, эти понятия разграничиваются. А.А. Леонтьев считает, что «связность обычно является условием цельности, но цельность не может полностью определяться через связность. С другой стороны, связный текст не всегда обладает характеристикой цельности» [4, 63]. Л.В. Бабенко, также разграни-

чивая эти два понятия, отмечает, что «цельность ориентирована на план содержания, а связность – на план выражения» [1, 125].

По мнению А.И. Новикова, «цельность есть характеристика текста как смыслового единства, как единой структуры и проявляется во всем тексте» [6, 112]. «Отсутствие целостности, – пишет Н.П. Пешкова, – связано с невозможностью установить смысловые связи текста, т.е. отношения между фрагментами информации, представленной в сообщении. При этом в сознании воспринимающего отображается не целостная структура содержания иерархического характера, а лишь отдельные ее фрагменты, которые не соотносятся между собой и не вписываются в какие-либо структуры «старых» знаний, имеющихся в сознании реципиента» [7, 107]. Это тот случай, когда возникающие «смысловые скважины» [3, 81] не удается заполнить по причине отсутствия у адресата необходимых знаний и опыта, а возможно, и из-за плохой организации содержания текста.

Целостность текста тесно связана с его *информативностью*. В процессе понимания совершается переход от внешней формы текста к его содержанию, несущему определенную информацию об окружающей нас действительности. Этот переход является обязательным, а потому представляет собой одно из фундаментальных внутренних свойств текста, которое и называется его информативностью.

Еще одним критерием целостности текста можно считать его *компрессивность*. Компрессия подразумевает не механическое уменьшение объема текста, т.е. не просто количественные изменения, а процесс, при котором все второстепенное убирается и передается лишь основное содержание. «Только тот текст по-настоящему осмыслен, основное содержание которого можно выразить в сколь угодно сжатой форме» [5, 12].

Связующим элементом текста на уровне содержания является авторская оценка, осмысление отображенных предметов, связь авторского замысла и композиции, авторская позиция. Мы называем это терминами «*образ автора*» или «*авторская модальность*». Нет этого – нет и смыслового единства текста, его цельности. В этой связи Н.С. Валгина пишет: «Организация речевых средств для передачи содержания под углом зрения, отражающим авторскую позицию, и определяет целостность текста» [2, 48].

Еще одним непременным признаком текста, как отмечалось, является *связность*. «Связность текста обнаруживается на уровне тема-рематических последовательностей в рамках межфразовых единств, когда четко фиксируются структурные показатели связи – эксплицитные и имплицитные, контактные и дистантные» [2, 251]. Касаясь вопроса связи предложений внутри текста, следует упомянуть высказывание Н.И. Жинкина о том, что «… на стыке двух предложений лежит то зерно, из которого развивается текст. Если мысль переходит в соседнее предложение, между этими предложениями

должна быть связь, иначе со второго предложения начинается текст» [3, 109].

Ситуативность, соотнесенность с ситуацией – конкретной или абстрактной, реальной или воображаемой – непременное условие цельности текста. Мы только тогда овладеваем языком, а не отдельными его компонентами, когда за текстом начинаем видеть ситуацию. Ситуативность отличает текст от любой другой значимой единицы языка.

Логичность текста предполагает такие его качества, как последовательность в изложении материала, непротиворечивость мысли, четкость и достаточность аргументации, соотношение общего и частного. Наиболее прямо логичность мысли эксплицируется в текстах учебных, научных, официально-деловых, аналитических, газетно-публицистических.

К информационным качествам текста относится и *точность*, которая может быть в самом отражении фактов действительности мыслью и в отражении мысли в слове. Элементарно это совпадение называния автором и восприятия читателем понятий и представлений. Бесспорно, что точность употребления слова (в полном соответствии с его значением) – достоинство текста и необходимое условие для адекватности его восприятия.

Критерий понятности и доступности (доходчивости) целиком ориентирован на адресата. *Понятность* текста – это возможность определить смысл, *доступность (доходчивость)* – возможность преодолеть «препятствия», возникающие при передаче информации. Восприятие может быть затруднено по ряду причин, например, из-за сложности самой мысли для данного адресата, неожиданности этой мысли, ее необычности; из-за запутанности ее изложения, выражения мысли; при отклонении мысли в сторону и т.д.

Пресуппозиция – одна из важнейших категорий текста, компонент смысла текста, который не выражен словесно; это предварительное знание, дающее возможность адекватно воспринять текст. Такое предварительное знание принято называть *фоновыми знаниями*. Пресуппозиция может возникнуть при чтении предшествующего текста или оказаться вовсе за пределами текста как результат знания и опыта составителя текста.

Представленный перечень категорий текста не является исчерпывающим. В литературе отмечаются и другие категории текста – такие как воспринимаемость, намеренность, грамматическая корректность, эмотивность и другие.

На основании вышеизложенного текст можно трактовать как определенным образом организованную совокупность более мелких единиц с единой коммуникативной задачей, законченной последовательностью этих единиц, которые связаны друг с другом по смыслу в рамках общего замысла автора.

Литература

1. Бабенко, Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа [Текст] / Л.Г. Бабенко. – М.: Академический проект, 2004. – 464 с.
2. Валгина, Н.С. Теория текста: учебное пособие [Текст] / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2004. – 280 с.
3. Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации [Текст] / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 159 с.
4. Леонтьев, А.А. Признаки связности и цельности текста [Текст] / А.А. Леонтьев // Лингвистика текста. – М., 1976. Вып. 103. – С. 60-79.
5. Леонтьев, А.А. Понятие текста в современной лингвистике и психологии [Текст] / А.А. Леонтьев // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. – Киев: Вища школа, 1979. – С. 7-18.
6. Новиков, А.И. Текст и его смысловые доминанты [Текст] / А.И. Новиков / Под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. – М: Институт языкознания РАН, 2007. – 224 с.
7. Пешкова, Н.П. Цельность / целостность как одна из основных категорий психолингвистики текста [Текст] / Н.П. Пешкова // Когнитивные и семантические аспекты единиц языка и речи. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. – С. 102-108.

© Яхиббаева Л.М., 2013

О НАШИХ АВТОРАХ

Yousef M. Deikna English Department, University of Tripoli, Faculty of Education, Janzour, Libya
Angelika Schadek Представитель ДААД, кафедра иностранных языков и перевода, Институт фундаментального образования, Уральский федеральный университет – УрФУ, Россия
Авагян Татьяна Ивановна Кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы и художественной культуры филологического факультета БашГУ, г.Уфа, Россия
Азнабаева Лариса Алексеевна Доктор филологических наук, профессор кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Аитов Валерий Факильевич Доктор педагогических наук, профессор, зав.кафедрой иностранных языков Бирского филиала Башкирского государственного университета, г.Бирск, Россия
Аитова Вера Михайловна Старший преподаватель кафедры иностранных языков Бирского филиала Башкирского государственного университета, г.Бирск, Россия
Алексеева Лариса Александровна Кандидат педагогических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянской филологии, Институт филологии и социальных коммуникаций, Бердянский государственный педагогический университет, г.Бердянск, Украина
Арендарь Ольга Анатольевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса БашГУ, г.Уфа
Афанасьева Галина Андреевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Ахмедова Галина Хаджиевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия
Ахметова Гузель Азатовна Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и издательского дела Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия
Аюпов Салават Мидхатович Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной филологии СГПИ, г. Соликамск, Россия

Аюпова Светлана Будимировна
Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы, г. Уфа, Россия

Баишева Зиля Вагизовна
Доктор филологических наук, профессор кафедры прав человека и политико-правовых учений Института права Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Барановская Марина Евгеньевна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия

Басырова Фарида Амировна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа

Батталова Айгуль Римнуровна
Аспирант филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Бахтиярова Альфира Нурисламовна
Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Белова Юлия Анатольевна
Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры зарубежной литературы и художественной культуры Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Белоусов Константин Игоревич
Доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета, Россия

Болотова Елена Валерьевна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков Стерлитамакского филиала БашГУ, г.Стерлитамак, Россия

Бутакова Лариса Олеговна
Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, славянского и классического языкознания Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г.Омск, Россия

Вавилова Наталия Тихоновна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия

Вагазова Ирида Масгутовна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков с курсом латинского языка ГБОУ ВПО «БГМУ Минздравсоцразвития РФ», г.Уфа, Россия

Виноградова Рената Ивановна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Воробьева Галина Ивановна Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Бирского филиала Башкирского государственного университета, г.Бирск, Россия
Газизов Рафаэль Аркадьевич Доктор филологических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой методики иноязычного образования и второго иностранного языка ФРГФ БашГУ, г.Уфа
Гайсина Рейда Миргалеевна Доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Галич Галина Георгиевна Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой филологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г.Омск, Россия
Гарифуллина Альбина Маратовна Кандидат филол. наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса БашГУ, г.Уфа, Россия
Глотова Татьяна Александровна Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка факультета русской филологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, г.Владикавказ, Россия
Голикова Татьяна Александровна Доктор филологических наук, профессор Российского нового университета, г. Москва, Россия
Гордеева Ольга Николаевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка ГБОУ ВПО «БГМУ Минздравсоцразвития РФ», г.Уфа, Россия
Гумерова Нина Рашидовна Магистрант филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Далаева Тенлик Токтарбековна Кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории Казахстана им.акад.Т.С.Садыкова Казахского национального педагогического университета имени Абая, г.Алматы, Казахстан
Даутова Гузяль Хайриваровна Кандидат филологических наук, доцент кафедры ГиСЭД ИФ УГАТУ, г. Ишимбай, Россия

Дуброва Юлия Юрьевна Аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ, г.Москва, Россия
Дузмагамбетов Ерболат Аблазиевич Преподаватель кафедры русской филологии Актюбинского регионального государственного университета им.К.Жубанова, Республика Казахстан
Жданова Яна Андреевна Ассистент кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Закирьянов Кабир Закирьянович Доктор педагогических наук, профессор кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Зарипова Ильмира Фаргатовна Кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской филологии и культуры Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Зарипова Эмма Фанзировна Старший преподаватель Октябрьского филиала УГУЭС, г.Уфа, Россия
Зелянская Наталья Львовна Кандидат филологических наук, вед. научн. сотрудник кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета, Россия
Зиганшина Гульнара Хамзиевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Зиятдинова Евгения Вячеславовна Кандидат педагогических наук, учитель высшей категории, Отличник образования Республики Башкортостан, победитель национального проекта «Образование», лицей №83, г.Уфа, Россия
Ибрагимова Венера Латыповна Доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Ичкинеева Дилара Ахметовна Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Ишимбаева Галина Григорьевна Доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы и художественной культуры филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Ишмуратова Людмила Мингазовна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Ишмуратова Сулпан Рамилевна
Аспирант кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Каипкулова Алия Айратовна
Аспирант Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Капитонова Ирина Владимировна
Лаборант кафедры французского и сопоставительного языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Каримова Роза Ахметовна
Доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Каримова Римма Хатиповна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г.Стерлитамак, Россия

Кенесов Есим Кабденович
Старший преподаватель кафедры теории казахского языка и технология обучения Актюбинского регионального государственного университета им.К.Жубанова, Республика Казахстан, аспирант Башкирского государственного университета

Кирсанова Инна Вячеславовна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета, г.Уфа, Россия

Клинкова Елена Валерьевна
Магистрант кафедры русского языка факультета русской филологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, г.Владикавказ, Россия

Кожевникова Антонина Ивановна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия

Кортунова Екатерина Владимировна
Преподаватель Российского центра науки и культуры при посольстве РФ во Вьетнаме, г.Ханой, Вьетнам

Кулыева Айгуль Альбертовна
Кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Кульсарина Ирена Галинуровна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Курочкина Татьяна Авраамовна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия

Латыпова Алсу Раифовна
Магистрант Института филологического образования и межкультурной коммуникации Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы, г. Уфа, Россия

Латыпова Лена Мунировна
Соискатель кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Лопатина Елена Валентиновна
Кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия

Майоров Анатолий Петрович
Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков с курсом латинского языка ГБОУ ВПО «БГМУ Минздравсоцразвития РФ», г.Уфа, Россия

Майорова Ольга Анатольевна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка ГБОУ ВПО «БГМУ Минздравсоцразвития РФ», г.Уфа, Россия

Максютова Флюра Маратовна
Преподаватель ИНК. г. Ишимбай, Россия

Матвеева Наталья Васильевна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры германских языков Стерлитамакского филиала БашГУ, Стерлитамак, Россия

Махмутова Альфия Сабировна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Мигранова Ирина Хамзиевна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Минеева Мария Аркадьевна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Михайленко Елена Николаевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы и художественной культуры филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Михайлова Анна Геннадьевна Преподаватель кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД РФ, аспирант кафедры современного русского языкознания БашГУ, г.Уфа, Россия
Мишенева Валентина Алексеевна Ассистент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Моисеева Ангелина Валерьевна Ассистент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Морозкина Евгения Александровна Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Мотина Ольга Павловна Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Мурсалиева Людмила Ивановна Кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы и художественной культуры филологического факультета Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Мусин Исмагил Хасанович Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка ГБОУ ВПО «БГМУ Минздравсоцразвития РФ», г.Уфа, Россия
Мусина Резеда Гусмановна Доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка ГБОУ ВПО «БГМУ Минздравсоцразвития РФ», г.Уфа, Россия
Мустафина Миннигуль Фаритовна Аспирант Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Мухаметдинова Айгуль Раисовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Мухтарова Динара Равиловна Старший преподаватель кафедры языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета, г. Уфа, Россия

Насанбаева Эльвира Рустемовна Старший преподаватель кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Нафиков Шамил Валиевич Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, г.Уфа, Россия
Нехорошкова Тамара Павловна Доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков Гуманитарного факультета Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия
Нечаева Ольга Серафимовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Нуруллина Айгуль Гумеровна Преподаватель Набережночелнинского филиала Казанского (Приволжского) Федерального Университета, г.Набережные Челны, Россия
Окулич-Казарина Анна Валерьевна Преподаватель факультета русской и славянской филологии Кыргызского национального университета им. Жусупа Былысагына, г.Бишкек, Кыргызстан
Петрова Елена Александровна Доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков УЮИ МВД России, г.Уфа, Россия
Петросян Мерри Мгеровна Магистрант Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Пешкова Наталья Петровна Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Попова Валентина Николаевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Рахматуллина Загида Аюповна Кандидат филологических наук, ГАОУ ДПО Институт развития образования Республики Башкортостан, г. Уфа, Россия
Рашитова Розалия Сабитовна Кандидат исторических наук, доцент кафедры методики преподавания иностранных языков и 2-го иностранного языка БГПУ им. М.Акмуллы, г.Уфа
Романюк Марина Юрьевна Кандидат педагогических наук, доцент Оренбургского государственного университета, Россия

Рыбка Ирина Николаевна Кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета, г.Уфа, Россия
Сабирова Ляйсан Давытовна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Сабитова Наиля Гильмановна Доцент кафедры русского языка и литературы Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия
Садриева Гузель Салаватовна Магистрант Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы, г. Уфа, Россия
Саитбатталов Искандер Расулевич Аспирант кафедры русской и сопоставительной филологии, ассистент кафедры журналистики ФББФиЖ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Сайфуллина Мария Дмитриевна Начальник Управления международных и межрегиональных связей БашГУ, ассистент кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Сакаева Лилия Радиковна Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Набережночелнинского филиала Казанского (Приволжского) Федерального Университета, г.Набережные Челны, Россия
Салахов Рамиль Асбахович Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Саяхова Лена Галеевна Доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Башкирского государственного университета, г.Уфа
Седова Наталья Александровна Кандидат филологических наук, доцент кафедры туризма ФГБОУ ВПО «Омский государственный институт сервиса», г.Омск, Россия
Сейлхан Айгуль Кауатайкызы Кандидат филол. наук, зав. кафедрой управления и качества образования филиала АО «НЦПК «Өрлеу» института повышения квалификации педагогических работников по Восточно Казахстанской области, г.Усть-Каменогорск, Казахстан
Семенова Анна Николаевна Старший преподаватель МГТУ им.Н.Э.Баумана, г.Москва, Россия

Сергеева Лариса Александровна
Доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Сулейманова Альмира Камиловна
Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия

Сыртланова Розалия Рашитовна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия

Теплых Регина Римовна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия

Тимошенко Людмила Олеговна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Титлова Анастасия Станиславовна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Тихонова Диана Анатольевна
Выпускница кафедры русского языка факультета филологии и медиакоммуникаций ОГУ им. Ф.М. Достоевского, г.Омск, Россия

Тохтиева Залина Руслановна
Магистрант кафедры русского языка факультета русской филологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, г.Владикавказ, Россия

Трошина Наталья Николаевна
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания ИНИОН РАН, г. Москва

Убийко Вера Ивановна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языкознания Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Фазлетдинова Разина Фазыльяновна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса БашГУ, г.Уфа

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна
Доктор филол. наук, академик Российской Академии Естественных наук, профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Филиппова Юлия Артуровна Ассистент, аспирант кафедры лингводидактики и переводоведения ФРГФ Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Филотенкова Екатерина Александровна Магистрант Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Хабиров Рустам Раилович Аспирант факультета башкирской филологии и журналистики Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Хабутдинова Луиза Хатмулловна Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Хайбулина Гайша Нильевна Кандидат филологических наук, старший преподаватель, зам. директора Учалинского представительства БашГУ
Харина Регина Сулеймановна Аспирант факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Хизбуллина Диля Ишбуловна Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Хильшер Галина Николаевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия
Хисамова Галия Гильмулловна Доктор филологических наук, профессор кафедры русской и сопоставительной филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Хисматуллина Галия Галеевна Старший преподаватель кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Хусаинова Римма Мугалимовна Аспирант БашГУ, преподаватель английского языка Уфимского топливно-энергетического колледжа, г.Уфа, Россия
Черникова Марина Павловна Аспирант Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, г. Самара, Россия
Шайнурова Наталья Вениаминовна Магистрант факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия
Шайхутдинова Гузель Юнусовна Доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка ГБОУ ВПО «БГМУ Минздравсоцразвития РФ», г.Уфа, Россия

Шалангов Александр Олегович
Старший преподаватель кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Шерсткова Ирина Александровна
Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия

Шпар Елена Валерьевна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Юзликбаева Диляра Шамильевна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Янмурзина Рамиля Рамилевна
Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры башкирского языкознания и этнокультурного образования Башкирского государственного университета, г.Уфа, Россия

Яхиббаева Лариса Мухамедовна
Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г.Уфа, Россия

С О Д Е Р Ж А Н И Е

1.	**Yousef M. Deikna** A Micro Analysis of Oral Short Narratives in Libya: Comical and Satirical	**3**
2.	**Schadek. A.** Interkulturelles Lernen – integrativer Bestandteil des DaF-Unterrichts an einer russischen Universität	**16**
3.	**Авагян Т.И.** Сказка и миф в романе Л.Я. Тика «Зигфрид»	**19**
4.	**Азнабаева Л.А., Сайфуллина М.Д.** Телевизионная реклама как диалог	**23**
5.	**Аитов В.Ф., Семенова А.Н.** Некоторые аспекты профессиональной подготовки специалистов на неязыковых факультетах в свете требований ФГОС	**26**
6.	**Алексеева Л.А.** Речевая деятельность как системообразующая основа обучения языку и литературе	**31**
7.	**Арендарь О.А.** Принципы формирования категориальных структур	**35**
8.	**Афанасьева Г.А.** Подготовка иноязычного текста для аудирования	**36**
9.	**Ахмедова Г.Х.** Работа над учебным материалом научных текстов в группах математиков, изучающих немецкий язык	**38**
10.	**Ахметова Г. А.** Женский портрет в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» сквозь призму иконописи	**40**
11.	**Аюпова С.Б., Аюпов С.М.** Роль однородных членов предложения в формировании категории пространства в языковой художественной картине мира М.А. Булгакова (на материале романа «Мастер и Маргарита»)	**46**
12.	**Баишева З.В.** Тактика «перевоплощение» в судебной речи	**51**
13.	**Барановская М.Е., Курочкина Т.А.** Роль преподавателя в обучении лексике на занятиях по английскому языку	**55**
14.	**Басырова Ф.А.** Некоторые новшества в английском словообразовании	**57**

15.	**Батталова А.Р.** Лингвокультурный типаж «святой» (на примере функционально-смысловой сферы «любовь»)	**60**
16.	**Бахтиярова А.Н.** Арабизмы в башкирском языке	**63**
17.	**Белова Ю.А.** Категория смысла в парадигме культуры	**65**
18.	**Белоусов К.И., Зелянская Н.Л.** Категоризация текстовой семантики в процессе экспертного анализа текстов одной предметной области	**68**
19.	**Болотова Е.В.** Семантические репрезентации в структуре отглагольных номинализаций	**72**
20.	**Бутакова Л.О., Тихонова Д.А.** Стереотипные представления носителей чешского языка о России и русском национальном характере (по результатам свободного ассоциативного эксперимента)	**75**
21.	**Вавилова Н.Т.** Основное отличие английского предложения от русского	**87**
22.	**Вагазова И. М., Шайхутдинова Г. Ю.** Модальные частицы в немецком языке	**89**
23.	**Виноградова Р.И.** Анализ некоторых типов глагольных лексико-словообразовательных синонимов в современном немецком языке	**90**
24.	**Воробьева Г.И., Аитова В.М.** Использование речевых ситуаций для формирования коммуникативной компетенции на неязыковом факультете	**93**
25.	**Газизов Р.А.** Речевая ситуация в структуре коммуникативного процесса: к определению понятия	**96**
26.	**Гайсина Р.М.** **А. А. Потебня о взаимодействии имени и глагола**	**100**
27.	**Галич Г.Г.** Две стороны когнитивной семантики: категории «что?» и категории «как?»	**104**
28.	**Гарифуллина А.М.** Аллюзии vs. Цитаты	**110**
29.	**Глотова Т.А., Тохтиева З. Р.** Специфика вербализации концепта «пирог» в русском языке (на материале паремий)	**112**

30.	**Голикова Т.А.** Обучение русскому языку как неродному: лингвистические и психолингвистические подходы	**117**
31.	**Гордеева О.Н.** Коммуникативный потенциал системы упражнений как основа обучения устной речи на иностранном языке	**125**
32.	**Гумерова Н. Р.** Мотив поиска счастья в литературе Викторианской Англии (поэмы Э. Лира «В страну Джамблей» и Л. Кэрролла «Охота на Снарка»)	**127**
33.	**Далаева Т.Т.** Контент и методическое обеспечение учебных пособий по истории Казахстана на английском языке	**130**
34.	**Даутова Г.Х., Максютова Ф.М.** К вопросу исследования когнитивной модели ситуации	**135**
35.	**Дуброва Ю.Ю.** Структурно-семантические особенности многокомпонентных терминов в военном дискурсе	**138**
36.	**Дузмагамбетов Е.А.** Мифологическая основа названия «Терек»	**142**
37.	**Жданова Я.А.** Исследование синонимии в английском языке	**145**
38.	**Закирьянов К.З.** Об адекватности перевода	**147**
39.	**Зарипова И.Ф.** Пояснение как функционально-синтаксический способ в системе средств расширения структурной схемы предложения	**152**
40.	**Зарипова Э.Ф.** О коммуникативной направленности обучения по курсу “иностранный язык”	**155**
41.	**Зиганшина Г.Х.** О приемах обучения лексике (на материале адъективной лексики, вербализующей концепт «характер человека»)	**156**
42.	**Зиятдинова Е.В., Сулейманова А.К.** Проектная деятельность в формировании коммуникативных компетенций	**163**
43.	**Ибрагимова В.Л.** Защитим ли Человечность в человеке? (О гуманистической миссии языка)	**165**
44.	**Ичкинеева Д.А.** Семантическое картирование текста как инструмент исследования механизмов компрессии информации	**170**

45.	**Ишимбаева Г.Г.** Данте как объект художественной рецепции в романе Д. Брауна «Инферно»	**173**
46.	**Ишмуратова Л.М.** Формирование навыков устной речи в условиях учебного общения	**176**
47.	**Ишмуратова С.Р.** Исследование речевого поведения в социолингвистике	**178**
48.	**Каипкулова А.А.** Писательский дневник как разновидность дневникового жанра	**180**
49.	**Капитонова И.В.** Прескриптивы в свете речевого воздействия в диалоге	**183**
50.	**Каримова Р.А.** Категория оценки/ мнения и тип дискурса	**188**
51.	**Каримова Р.Х.** Образный компонент в содержании концепта» труд» (на материале английского языка)	**191**
52.	**Кенесов Е.К.** Фразеологизмы с компонентом - названием растений в русском и казахском языках	**196**
53.	**Кирсанова И.В.** К вопросу об использовании современных психотехнологий в процессах обучения	**200**
54.	**Клинкова Е.В.** Стилистика цитатного заголовочного текста	**203**
55.	**Кожевникова А.И.** Место перевода текстов СМИ в общей классификации видов перевода	**205**
56.	**Кортунова Е.В.** К вопросу о значении имени собственного и его ассоциативном фоне	**208**
57.	**Кулыева А.А.** Использование он-лайн технологий в обучении иностранному языку	**211**
58.	**Кульсарина И.Г.** Русско-башкирский литературный дискурс в контексте диалога культур	**213**
59.	**Латыпова А. Р.** Практические аспекты проблемы перевода топонимической лексики с русского на английский язык (на примере годонимов и агоронимов города Уфа)	**218**
60.	**Лопатина Е.В.** Развитие креативности студентов в иноязычном общении	**223**

61.	**Майоров А. П.** Билингвизм: социальные аспекты	**227**
62.	**Майорова О. А.** Аспекты концепта в свете трансдисциплинарности	**232**
63.	**Матвеева Н.В.** Понимание как результат формирования проекции текста	**237**
64.	**Махмутова А.С.** Особенности функционирования тюркизмов в деловых памятниках древнерусской письменности XIII-XVI вв.	**240**
65.	**Мигранова И.Х.** Теоретические основы исследования гендерных стереотипов в лингвистике	**242**
66.	**Минеева М.А.** Развитие межкультурной компетенции в курсе делового иностранного языка	**245**
67.	**Михайленко Е.Н.** Прометеевская тема как основа авторского мифа в литературе английского романтизма	**249**
68.	**Михайлова А.Г.** Организация ключевой лексики в этическом пространстве художественного текста (на примере военных эпизодов романа П.Храмова «Инок»)	**252**
69.	**Мишенева В.А.** Прецедентные феномены и смежные с данными явлениями понятия	**256**
70.	**Моисеева А.В.** Характеристика текста гламурного журнала как поликодового текста	**260**
71.	**Морозкина Е.А., Насанбаева Э.Р.** Интерпретативная роль переводчика художественного произведения	**264**
72.	**Морозкина Е.А., Филиппова Ю.А.** Языковое выражение евангелистских мотивов в новелле Теодора Драйзера “A Doer of the Word”	**269**
73.	**Мотина О.П.** Смысловая сущность паронимии	**274**
74.	**Мурсалиева Л.И.** Своеобразие комедийного мастерства Ж.-Ф. Реньяра в комедии «Развод»	**278**

75.	**Мусин И.Х., Мусина Р.Г.** Интерференция в родственных и неродственных языках, влияющая на речевое поведение билингва	**281**
76.	**Мустафина М.Ф.** Вопросительные предложения как средство организации текста в башкирской поэзии	**283**
77.	**Мухаметдинова А.Р.** Проблемы понимания текста детьми старшего дошкольного возраста	**285**
78.	**МухтароваД.Р.** О социальной стратификации языка	**287**
79.	**Нафиков Ш.В.** Межъязыковые сравнения по лексеме ‘язык’	**289**
80.	**Нехорошкова Т.П.** Иерархический принцип организации лексики и роль диахронических методов в ее исследовании	**291**
81.	**Нечаева О.С** Проблемы стиля высказывания	**296**
82.	**Окулич-Казарина А.В.** Концепт ДОМ как один из основных в художественной картине мира М. Булгакова	**297**
83.	**Петрова Е.А.** Истоки и векторы развития логико-когнитивного направления в исследовании языка	**303**
84.	**Петросян М.М.** Проблемы коммуникации в рассказе Альбера Камю «Молчание»	**308**
85.	**Пешкова Н.П.** Понимание как условие речевого воздействия и препятствие вербальной манипуляции	**311**
86.	**Попова В.Н.** Билингвизм в современном обществе: возможности и вопросы	**315**
87.	**Рахматуллина З.А.** Организация проектной деятельности обучающихся на уроках башкирского языка и литературы	**320**
88.	**Рашитова Р.С.** Особенности организации курса «Деловой иностранный язык» в рамках реализации магистерских программ	**322**
89.	**Романюк М.Ю.** Религия, менталитет, культура России в англоязычных СМИ (лингвистические средства создания негативного образа)	**326**

90.	**Рыбка И.Н.** Повышение мотивации студентов в обучении иностранному языку	**330**
91.	**Сабирова Л.Д.** Усвоение программы вуза против клипового мышления	**332**
92.	**Сабитова Н.Г., Сулейманова А.К.** Аутентичный публицистический текст в обучении межкультурной и интракультурной коммуникации	**334**
93.	**Садриева Г.С.** Юмор в зарубежной литературе и науке	**338**
94.	**Саитбатталов И.Р.** Проблема соотношения оригинального и переводного в произведении «Башкирская русалка» В.И. Даля: лингвостилистический аспект	**342**
95.	**Сакаева Л.Р., Нуруллина А.Г.** Специфика исследования фразеологических единиц с компонентом «злой дух» в английском и русском языках	**350**
96.	**Салахов Р.А.** Имена собственные (личные) в аспекте межкультурной коммуникации	**355**
97.	**Саяхова Л.Г.** Проблемы лингвокультурологии и межкультурной коммуникации во времени и пространстве	**358**
98.	**Седова Н.А.** Репрезентация партитивных отношений в рекламных текстах: семантико-синтаксический аспект	**369**
99.	**Сейлхан А.К.** О лингвокультурном концепте «красота» в мировидении казахов	**373**
100.	**Сергеева Л.А.** Билингвизм в свете теории языковой личности	**379**
101.	**Сулейманова А.К.** Термин и слово: особенности значения	**384**
102.	**Сыртланова Р.Р.** Использование различных видов деятельности в обучении лексике на занятиях по английскому языку	**390**
103.	**Теплых Р.Р.** Единицы и методы лингвокультурологического исследования	**392**
104.	**Тимошенко Л.О.** Универсальные понятия языковой картины мира на примере национальной фразеологии	**397**
105.	**Титлова А.С.** Проблема классификаций в топонимической системе США	**400**

106.	**Трошина Н.Н.** Востребованность немецкого языка в современном российском деловом мире	**405**
107.	**Убийко В.И.** Прецедентное имя в структуре когнитивно-дискурсивного словаря и художественного текста	**410**
108.	**Фазлетдинова Р.Ф.** О некоторых аспектах формирования навыков говорения	**413**
109.	**Фаткуллина Ф.Г.** Основные функциональные признаки медиатекста	**414**
110.	**Филотенкова Е.А.** Гамлетовский сюжет в романах А. Мердок «Черный принц» и Д. Апдайк «Гертруда и Клавдий»	**420**
111.	**Хабиров Р.Р.** Специфические признаки спортивной прессы как вида массовой коммуникации	**424**
112.	**Хабиров Р.Р.** Функции спортивной журналистики	**426**
113.	**Хабутдинова Л.Х.** Некоторые грамматические трудности английского языка	**430**
114.	**Хайбулина Г.Н.** Некоторые особенности медиалингвистики	**431**
115.	**Харина Р.С.** Коммуникативная функция юридических текстов в социуме	**433**
116.	**Хизбуллина Д.И.** Универсальный культ *Огня* о природе человека	**437**
117.	**Хильшер Г.Н.** Федеральное Интернет-тестирование и обучение страноведению	**439**
118.	**Хисамова Г.Г.** Коммуникативные неудачи в русской речи нерусских	**442**
119.	**Хисамова Г.Г., Латыпова Л.М.** Национально-культурная специфика речевого этикета	**445**
120.	**Хисматуллина Г.Г.** Типы экономических текстов на стыке практики	**448**
121.	**Хусаинова Р.М.** Особенности семантической структуры пословиц как единиц фразеологических систем русского и английского языка	**450**
122.	**Черникова М. П.** Мифотопонимы в творчестве Т.Толстой	**455**
123.	**Шайнурова Н.В.** Роль метафоры в теории и практике обучения иноязычной профессиональной коммуникации	**461**

124.	**Шайхутдинова Г.Ю., Вагазова И.М.** К вопросу о медицинской этике в «Клятве Гиппократа»	**463**
125.	**Шалангов А.О.** Прагматический и когнитивный подходы к описанию дискурса	**465**
126.	**Шерсткова И.А.** «Скажи, что тебе снилось?..» (об одном значении глагола *dream* в английском языке)	**469**
127.	**Шпар Е.В.** Проблема перевода комического на основе стиля в телевизионном развлекательном медиадискурсе (на материале американского комедийно-драматического сериала “Scrubs”)	**473**
128.	**Юзликбаева Д. Ш.** О значении обучения основам научного и технического перевода студентов неязыковых факультетов	**480**
129.	**Янмурзина Р.Р.** Связь кросскультурной лингвистики с лингвокультурологией и межкультурной коммуникацией	**481**
130.	**Яхиббаева Л.М.** К вопросу об основных категориях текста	**485**